

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLVIII

1932
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Ф. И. Шаляпинъ. — ИЗЪ КНИГИ ВОСПОМИНАНИИ.	5
2. М. Осоргинъ. — ПОБѢГЪ (Отр. романа «Свидѣтель Исторiи.	24
3. В. Сиринъ. — ПОДВИГЪ (Романъ).	78
4. Д. Скобцовъ-Кондратьевъ. — ГРЕМУЧИИ РОДНИКЪ.	132
5. Георгiй Песковъ. — ЗЛАЯ ВѢЧНОСТЬ.	172
6. Георгiй Ивановъ. — ИЗЪ КНИГИ «НОЧНОЙ СМОТРЪ».	207
7. Довидъ Кнугъ. — СНѢГЪ (Стихотворенiе).	210
8. Ноэми Ландау. — СБОРЪ (Стихотворенiе).	211
9. Алла Головина. — БРЮГЕ (Стихотворенiе).	212
10. Илья Голенщевъ-Кутузовъ. — ПРЕСУЩЕСТВЛЕНЬЕ. (Стих.)	213
11. Юрiй Мандельштамъ. — ДВА СТИХОТВОРЕНIЯ.	214
12. Влад. Смоленскiй. — СТИХОТВОРЕНIЕ.	215
13. Юрiй Софiевъ. — СТИХОТВОРЕНIЕ.	215
14. Е. Тауберъ. — СТИХОТВОРЕНIЕ.	216
15. Александра Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНИИ.	217
16. М. Цетлякъ. — НАКАНУНЪ.	247
17. Д. Мережковскiй. — НАЗАРЕТСКIЯ БУДНИ.	274
18. Георгiй Адамовичъ. — О ПОЛОЖЕНIИ СОВѢТ. ЛИТЕРАТУРЫ.	295
19. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССИИ.	304
20. П. Бицилли. — ПАРАЛЛЕЛИ.	334
21. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	346
22. М. Вишнякъ. — ИЗЪ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ.	378
23. А. Кулишеръ. — РЕВАНШЪ ПОТРЕБИТЕЛЯ.	409
КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.	
24. Б. Бруцкскъ. — СУДЬБЫ «ПЯТИЛѢТКИ».	437
25. Н. Долинскiй. — МИРОВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО У ПО- ВОРОТА.	448
26. Н. Мельникова-Папоушкова. — ПРАГА ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦI- ЕЙ 1848 ГОДА.	461

27. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Вейде. — М. Алдановъ: Бѣгство.	472
П. Бицилли. — Бор. Зайцевъ: Жизнь Тургенева.	475
М. Алдановъ. — М. Hofmann: Pouchkine.	478
К. Мочульский. — Алексѣй Ремизовъ: Образъ Николая Чудо-творца. Алатырь-камень русской вѣры. — Московскія любимыя легенды. Три серпа. — По карнизамъ.	479
М. Цетлинъ. — Н. А. Тэффи: Воспоминанія.	481
М. Цетлинъ. — К. Д. Бальмонтъ: Сѣверное сіяніе.	483
А. Бемъ. — Ф. Панферовъ. Бруски.	485
А. Бемъ. — Ю. Олеша: Вишневая косточка.	487
Н. Лосскій. — Д. Чижевскій: Нариси з історіі філософіі на Україні.	488
Ив. Херасковъ. — The Excavations at Dura-Europos.	490
П. Бицилли. — Г. П. Федотовъ: Святые древней Руси.	492
А. Кизеветтеръ. — Проф. Е. Шмурло: Курсъ русской исторіи.	493
А. Кизеветтеръ. — А. Н. Фатѣевъ: Академическая и государственная дѣятельность М. А. Балузьянскаго въ Россіи.	495
Г. Федотовъ. — А. Кизеветтеръ: Историческіе силуэты.	496
М. Вишнякъ. — В. Mirkine-Guetzévitch: Les Nouvelles Tendances du droit constitutionnel.	497
П. Бруцкусъ. — А. Юговъ: Пятилѣтка. Съ послѣд. Ф. Дана.	500
П. Бруцкусъ. — Iwan Iljine Welt vor dem Abgrund.	501
В. Зензиновъ. — Ст. Ивановичъ: Красная армія.	502
В. Рудневъ. — Новый Градъ. Кн. 1-ая.	504

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».

Объявленія.

Изъ книги воспоминаній

Я иногда спрашиваю себя, почему театр не только приковалъ къ себѣ мое вниманіе, но заполонилъ цѣликомъ все мое существо? Объясненіе этому простое. Дѣйствительность, меня окружавшая, заключала въ себѣ очень мало положительнаго, она была негативна. Въ реальности моей жизни я видѣлъ грубые поступки, слышалъ грубые слова. Все это натурально смѣшано съ жизнью всякаго человѣка, но среда казанской Суконной Слободы, въ которой судьбѣ было угодно помѣстить меня, была особенно грубой. Я, можетъ быть, и не понималъ этого умомъ, не отдавалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, но несомнѣнно какъ-то это чувствовалъ всѣмъ сердцемъ. Глубоко въ моей душѣ, что-то необъяснимое говорило мнѣ, что та жизнь, которую я вижу кругомъ, чего-то лишена. Мое первое посѣщеніе театра ударило по всему моему существу именно потому, что очевиднымъ образомъ подтвердило мое смутное предчувствіе, что жизнь можетъ быть иною — болѣе прекрасной, болѣе благородной.

Я не зналъ, кто были эти люди, которые разыгрывали на сценѣ «Медею» или «Русскую Свадьбу», но это были для меня существа высшаго порядка. Они были такъ прекрасно одѣты! (Одѣты они были, вѣроятно, очень плохо). Въ какихъ то замѣчательныхъ кафтанахъ старинныхъ русскихъ бояръ, въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, въ атласныхъ изумруднаго цвѣта сарафанахъ. Но въ особенности прельстили меня слова, которыя они произносили. И не самыя слова — въ отдѣльности я всѣ ихъ зналъ, это были тѣ обыкновенныя слова, которыя я слышалъ въ жизни; прельщали меня волнующія, необыкновен-

ныя фразы, которыя эти люди изъ словъ слагали. Во фразахъ отражалась какая-то человѣческая мысль, удивительныя въ нихъ звучали ноты новыхъ человѣческихъ чувствъ. То, главнымъ образомъ, было чудесно, что знакомыя слова издавали незнакомый ароматъ.

Я съ нѣкоторой настойчивостью отмѣчаю эту черту моего ранняго очарованія театромъ потому, что моя позднѣйшія услады искусствомъ и жизнью ничѣмъ въ сущности не отличались отъ этого перваго моего и неопытнаго восторга. Мѣнялись годы, города, страны, климаты, условія и формы — сущность оставалась та же. Всегда это было умилениемъ передъ той волшебной новизной, которую искусство придаетъ самымъ простымъ словамъ, самымъ будничнымъ вещамъ, самымъ привычнымъ чувствамъ.

Помню, какъ я былъ глубоко взволнованъ, когда однажды, уже будучи артистомъ Марининскаго театра, услышалъ это самое сужденіе, въ простой, но яркой формѣ выраженное одной необразованной женщиной. Мнѣ приходитъ на память одинъ изъ прекрасныхъ грѣховъ моей молодости. Красивая, великолѣпная Елизавета! Жизнь ея была скучна и сѣра, какъ только можетъ быть сѣра и скучна жизнь въ домѣ какого нибудь младшаго помощника старшаго начальника запасной станціи желѣзной дороги въ русской провинціи. Она была прекрасна, какъ Венера, и какъ Венера же безграмотна. Но главнымъ достоинствомъ Елизаветы было то, что это была добрая, простая и хорошая русская женщина. Полевой цвѣтокъ.

Когда я, въ часы нашихъ свиданій, при керосиновой лампѣ, вмѣсто абажура закрытой оберткомъ газеты, читалъ ей:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана, —

то она слушала меня съ расширенными зрачками и, горя восторгомъ, говорила:

— Какіе вы удивительные люди, вы — ученые, актеры, циркачи! Вы говорите слова, которыя я каждый день могу услышать, но никто ихъ мнѣ такъ никогда не составлялъ. Тучка — утесъ — грудь — великанъ, а что, кажется, проще, чѣмъ «ночевала», а вотъ — какъ это вмѣстѣ красиво! Просто плакать хочется. Какъ вы хорошо выдуываете!..

Это были мои собственные мысли въ устахъ Елизаветы. Такъ именно я чувствовалъ и думать маленькимъ мальчикомъ. Живу я въ моей Суконной Слободѣ, слышу слова, сказанныя такъ или иначе, но никакъ на нихъ не откликается душа. А въ театрѣ, кѣмъ-то собранныя, они пріобрѣтаютъ величественность, красоту и смыслъ...

А тутъ еще свѣтъ, декорации, таинственный занавѣсъ и священная ограда, отдѣляющая насъ, суконныхъ слобожанъ, отъ «нихъ», героевъ въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ... Это превосходило все, что можно было мнѣ вообразить. Это не только удивляло. Откровенно скажу — это подавляло.

Я не зналъ, не могъ опредѣлить, дѣйствительность ли это или обманъ. Я, вѣроятно, и не задавался этимъ вопросомъ, но если бы это былъ самый злокачественный обманъ, душа моя все равно повѣрила обману свято. Не могла бы не повѣрить, потому что на занавѣсѣ было нарисовано:

У лукоморья дубъ зеленый,

Златая цѣпь на дубѣ томъ...

Вотъ съ этого момента, хотя я былъ еще очень молодъ, я въ глубинѣ души, безъ словъ и рѣшеній, рѣшилъ разъ навсегда — принять именно это причастіе...

И часто мнѣ съ тѣхъ поръ казалось, что не только слова обыденныя могутъ быть преображены въ поэзію, но и поступки наши, необходимые, повседневные, реальные поступки нашей Суконной Слободы, могутъ быть претворе-

ны въ прекрасныя дѣйствія многозначительной поэмы. Но для этого въ жизни, какъ въ искусствѣ, нужны творческая фантазія и художественная воля. Надо умѣть видѣть сны.

И снится ей все, что въ пустынь далекой,
 Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
 Одна и грустна на утесъ горячемъ
 Прекрасная пальма растетъ...

«Медея» и «Русская Свадьба», впрочемъ, не самое первое мое театральное впечатлѣніе. Можетъ быть, и не самое рѣшающее въ моей судьбѣ. Первые театральные ожоги я получилъ въ крѣпкіе рождественскіе морозы, когда мнѣ было лѣтъ восемь. Въ рождественскомъ балаганѣ и въ первый разъ увидѣлъ тогда ярмарочнаго актера Якова Ивановича Мамонова — извѣстнаго въ то время на Волгѣ подъ именемъ Яшки, какъ ярмарочный куплетистъ и клоунъ.

Яшка имѣлъ замѣчательную внѣшность, идеально гармонировавшую съ его амплуа. Онъ былъ хотя и не старъ, но нѣсколько толстоватый — это ему и придавало внушительность. Густые черные усы, жесткіе какъ стальная дратва, и до смѣшного сердитые глаза дополняли образъ, созданный для того, чтобы внушать малышамъ суевѣрную жуть. Но страхъ передъ Яшкой былъ особенный — сладкій. Яшка пугалъ, но и привлекалъ къ себѣ неотразимо. Все въ немъ было чудно: громоподобный грубый хриплый голосъ, лихой жестъ и веселая развязность его насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ разинувшей рта публикой.

— Эй, вы, сестрички, собирайте тряпички, и вы, пустига головы, пожалте сюды! — кричалъ онъ толпѣ съ досчатаго балкона его тоже досчатаго и крытаго холстомъ балагана.

Публикѣ очень приходились по вкусу эти его клоуна-

ды, дурачества и тяжелыя шутки. Каждый выпадъ Яшки вызывалъ громкій, раскатистый смѣхъ. Казались Яшкины экспромты и смѣлыми.

Подталкивая впередъ къ публикѣ, на показъ, своихъ актеровъ — жену, сына и товарищей — Яшка подымалъ въ воздухъ смѣшное чучело и оралъ:

— Эй, сторонись, назѣмъ —

Губернатора веземъ...

Цѣлыми часами безъ усталы, на морозѣ, Яшка смѣшилъ нетребовательную толпу и оживлялъ площадь взрывами хохота. Я, какъ замороженный, слѣдилъ за Яшкинымъ лицедѣйствомъ. Часами простаивалъ я передъ балаганомъ, до костей продрогалъ отъ холода, но не могъ оторваться отъ упительнаго зрѣлища. На морозѣ отъ Яшки порою валилъ паръ, и тогда онъ казался мнѣ существомъ совсѣмъ уже чудеснымъ, кудесникомъ и колдуномъ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ и жаждой ждалъ я каждое утро открытія балагана! Съ какимъ обожаніемъ смотрѣлъ я на моего кумира. Но какъ же я и удивлялся, когда послѣ всѣхъ его затѣйливыхъ выходовъ, я видалъ его въ трактирѣ «Палермо» серьезнымъ, очень серьезнымъ и даже грустнымъ за парю пива и за солеными сухарями изъ чернаго хлѣба. Странно было видѣть печальнымъ этого неистощимаго весельчака и балагура. Не зналъ я еще тогда, что скрывается иногда за сценическимъ весельемъ...

Яшка первый въ моей жизни поразилъ меня удивительнымъ присутвіемъ духа. Онъ не стѣснялся кривляться передъ толпой, ломать дурака, наряжаясь въ колпакъ.

Я думалъ:

— Какъ это можно безъ всякаго затрудненія, не запинаясь, говорить такъ складно, какъ будто стихами?

Я былъ увѣренъ къ тому же, что Яшку всѣ очень боят-

ся — даже полицейскіе! Въдь, вотъ, самого губернатора продергиваетъ.

И я вмѣстѣ съ нимъ мерзъ на площади и мнѣ становилось грустно, когда день клонился къ концу и представленіе кончалось.

Уходя домой, я думалъ:

— Вотъ это человѣкъ!. Вотъ бы мнѣ этакъ-то.

Но сейчасъ же у меня замирало сердце:

— Куда это мнѣ? Запнусь на первомъ словѣ. И выкинуть меня къ чертямъ.

И все же я мечталъ быть такимъ, какъ Яшка. И все же я съ моими сверстниками, мальчишками нашей улицы, на дворѣ или палисадникѣ самъ старался устроить балаганъ или нѣчто въ этомъ родѣ. Мнѣ казалось, что выходило болѣе или менѣе хорошо. Но какъ только къ нашему палисаднику подходилъ сурьезный человѣкъ съ улицы или какая нибудь баба посторонняя и начинали интересоваться представленіемъ, то при видѣ этихъ виѣабонементныхъ зрителей я быстро начиналъ теряться и вдохновеніе покидало меня моментально. Я сразу проваливался, къ удивленію моихъ товарищей.

Подъ вліяніемъ Яшки въ меня настойчиво вселилась мысль: хорошо вдругъ на нѣкоторое время не быть самимъ собою!. И вотъ, въ школѣ, когда учитель спрашиваетъ, а я не знаю — я дѣлаю идиотскую рожу. Дома является у меня желаніе стащить у матери юбку, натянуть ее на себя, устроить изъ этого какъ будто костюмъ клоуна, сдѣлать бумажный колпакъ и немного разрисовать рожу свою жженой пробкой и сажей. Либретто всегда бывало мною заимствовано изъ разныхъ видѣнных мною представлений — отъ Яшки, и казалось мнѣ, что это уже все, что можетъ быть достигнуто человѣческимъ геніемъ. Ничего другого уже существовать не можетъ. Я игралъ Яшку и чувствовалъ на минуту, что я — не я. И это было сладко.

Яшкино искусство мнѣ казалось предѣломъ. Теперь,

черезъ полвѣка, я уже думаю нѣсколько иначе. Самое понятіе о предѣлѣ въ искусствѣ мнѣ кажется абсурднымъ. Въ минуты величайшаго торжества въ такой даже роли, какъ «Борисъ Годуновъ», я чувствую себя только на порогѣ какихъ то таинственныхъ и недостижимыхъ покоевъ. Какой длинный, какой долгій путь! Этапы этого пройденнаго пути я хочу теперь намѣтить. Можетъ быть, мой рассказъ о нихъ окажется для кого нибудь поучительнымъ и полезнымъ.

Я считаю знаменательнымъ и для русской жизни въ высокой степени типичнымъ, что къ пѣнію меня поощряли простые мастеровые русскіе люди, и что первое мое приобщеніе къ пѣснѣ произошло въ русской церкви, въ церковномъ хорѣ. Между этими двумя фактами есть глубокая внутренняя связь. Вѣдь, вотъ, русскіе люди поютъ пѣсню съ самаго рожденія. Отъ колыбели, отъ пеленокъ. Поютъ всегда. По крайней мѣрѣ, такъ это было въ дни моего отрочества. Народъ, который страдалъ въ темныхъ глубинахъ жизни, пѣлъ страдальческія и до отчаянія веселыя пѣсни. Что случилось съ нимъ, что онъ пѣсни эти забылъ и запѣлъ частушку, эту удручающую, эту невыносимую и бездарную пошлость? Стало ли ему лучше жить на бѣломъ свѣтѣ или же, наоборотъ, онъ потерялъ всякую надежду на лучшее, и застрялъ въ промежуткѣ между надеждой и отчаяніемъ на этомъ проклятомъ чортовомъ мосту? Ужъ не фабрика ли тутъ виновата, не резиновые ли блестящія калоши, не шерстяной ли шарфъ, ни съ того ни съ сего окутывающій шею, въ яркій лѣтній день, когда такъ хорошо поютъ птицы? Не корсетъ ли, надѣваемый поверхъ платья сельскими модницами? Или это проклятая нѣмецкая гармоника, которую съ такою любовью держать подмышкой человѣкъ какого нибудь цеха въ его воскресный день отдыха? Этого объяснить не берусь. Знаю только, что эта частушка даже не натуральная, а выкрашен-

ная анилиновыми красками сорока, что скачетъ и трещить на могилахъ стараго запущеннаго кладбища.. А какъ хорошо пѣли! Пѣли въ полѣ, пѣли на сѣновалахъ, на рѣчкахъ, у ручьевъ, въ лѣсахъ и за лучиной. Одержимъ былъ пѣсней русскій народъ и великая въ немъ бродила пѣсенная хмѣль...

Сидятъ саложнички какіе нибудь и дуютъ водку. Сквернословятъ, лаются. И вдругъ вотъ заходятъ, заходятъ саложнички мои, забудутъ брань и драку, забудутъ тяжесть лютой жизни, къ которой они пришиты какъ драгвой.. Перекидывая съ плеча на плечо фуляровый платокъ, заходятъ и поютъ:

Со вьюномъ я хожу,
 Съ золотымъ я хожу,
 Положу я вьюнъ на правое плечо,
 А со праваго на лѣвое плечо.
 Черезъ вьюнъ взгляну зазубушкѣ въ лицо.
 Приходи-ка ты, зазноба, на крыльцо,
 На крылечушко тесовенькое,
 Для тебя строено новенькое...

И поется это съ такимъ сердцемъ и душой, что и не замѣчается, что зазубушка-то нечаянно — горбатенькая.. Горбатаго могила исправить; а я скажу — и пѣсня..

— У тебя что портянки мокрыя?!

— Такъ что, Ваше Превосходительство, во хронту обмочился.

И хоть получить онъ здоровенный нагоняй за злосчастныя портянки, а подчасъ и зуботычину получить, а все же, возвращаясь со смотра въ казарму, солдатъ, закативъ глаза, дереть во всю глотку:

Гремитъ слава трубой..

А кто не помнитъ, какъ въ простой народной школѣ мы всѣ, мальчишки, незатѣйливо затыгивали хоромъ, какимъ

нибудь учителемъ на пѣсню переведенныя, чудесныя слова Пушкина:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она...

Безмолвными кажутся наши дорогія печальныя поляны, особенно въ зимнюю пору, но неслышно поютъ эти поляны и подпѣваетъ имъ печальная луна. Чѣмъ же согрѣться человѣку въ волнистыхъ туманахъ печальныхъ полянъ въ зимнюю пору? Вотъ тутъ, кажется мнѣ, и родилась народная пѣсня, которая согрѣвала и сердце и душу. А развѣ тусклая даль этихъ равнинъ не будила воображенія, безъ котораго никакая пѣсня и не родится, не плела легендъ и не обвивала ими русскую пѣсню?

На ельничкѣ да на березничкѣ
Да на частомъ горькомъ осинничкѣ
Ходитъ воронъ-конь,
Три дня не поенный,
А какъ на травушкѣ да на муравушкѣ
Лежитъ молодецъ сквозь прострѣленный...

Вотъ откуда пошла грустная русская пѣсня. Но не все грустно на безконечныхъ російскихъ полянахъ. Много тамъ и птицъ прилетаетъ и ярче, кажется мнѣ, свѣтитъ солнышко весною, когда растаяли снѣга, и сильнѣе чувствуется радость весны, чѣмъ въ самыхъ теплыхъ странахъ. А если это такъ, то какъ же не зарядиться на тройкѣ и не запѣть:

Эхъ, вдоль по Питерской!...

И какъ же не улыбнуться до ушей надъ кумомъ, который кумъ своей отъ сердца притащитъ судака:

Чтобы юшка была,
 А чтобъ съ юшечкой
 И петрушечка,
 А съ петрушечкой,
 Цѣловала чтобъ покрѣпче,
 Мила душечка.

Отъ природы, отъ быта русская пѣсня и отъ любви.
 Вѣдь, любовь — пѣсня.

У Пушкина:

...Изъ наслажденій жизни
 Одной любви музыка уступаетъ,
 Но и любовь — мелодія.

Русская любовь поетъ и на зарѣ, и въ темныя пасмурныя ночи. И въ эти пасмурныя ночи, вечера и дни, когда стоитъ туманъ, и окна, крыши, тумбочки и деревья покрыты инеемъ, вдругъ огромнымъ, нескладнымъ голосомъ рывкнетъ въ отвѣтъ пѣснѣ большой колоколъ. Дрогнетъ сумракъ, и прольется къ сердцу дѣйствительно какой-то благовѣсть.

Конечно, многіе люди, вѣроятно, несмѣтно умные, говорятъ, что религія — опиумъ для народа и что церковь развращаетъ человѣка. Судить объ этомъ я не хочу и не берусь, потому, что на это я смотрю не какъ политикъ или философъ, а какъ актеръ. Кажется мнѣ, что если и есть въ церкви опиумъ, то это именно — пѣсня. Священная пѣсня, а можетъ быть и не священная, потому что она, церковная пѣсня, живетъ неразрывно и нераздѣльно съ той простой равнинной пѣсней, которая, подобно колоколу, также содрогаетъ сумракъ жизни, но лично я, хотя и не вѣрю въ то, что я человѣкъ религіозный въ томъ смыслѣ, какъ принято это понимать, всегда, приходя въ церковь, и слыша «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ», чувствую, какъ я вознесенъ. Я хочу сказать, что короткое время я не чувствую земли, стою какъ бы въ воздухѣ...

А единственная въ мірѣ русская панихида съ ея возвышенной, одухотворенной скорбью?

«Благословенъ еси Господи»...

А это удивительное «Со духи праведныхъ скончавшихся...»

А «Вѣчная память!»

Я не знаю и не интересовался никогда, чѣмъ занимаются архіереи въ синодахъ, о какихъ уставахъ они спорятъ. Не знаю, гдѣ и кто рѣшаетъ, у кого Христось красивѣе и лучше — у православныхъ, у католиковъ или у протестантовъ. Не знаю я также, насколько эти споры необходимы. Все это, можетъ быть, и нужно. Знаю только, что «Надгробное рыданіе» выплакало и выстрадало чело-вѣчество двадцати столѣтій. Такъ это это «Надгробное рыданіе», а то «Надгробное рыданіе», что подготовило наше — не десятки ли тысячъ лѣтъ выстрадало и выплакало его чело-вѣчество?.. Какіе причудливые сталоктити могли бы быть представлены, какъ говорятъ нынче — въ планетарномъ масштабѣ, если бы были собраны всѣ слезы горестей и слезы радости, пролитыя въ церкви! Не хватаетъ чело-вѣческихъ словъ, чтобы выразить, какъ таинственно соединены въ русскомъ церковномъ пѣніи эти два полюса радости и печали, и гдѣ между ними черта, и какъ одно переходитъ въ другое, неуловимо. Много горькаго и свѣтлаго въ жизни чело-вѣка, но искреннее воскресеніе — пѣсня, истинное вознесеніе — пѣснопѣніе. Вотъ почему я такъ гордъ за мой пѣвческій, можетъ быть, и несур-разный, но пѣвческій русскій народъ...

Такъ вотъ, къ пѣснѣ поощрялъ меня и молодой кузнецъ, жившій рядомъ съ нами на татарскомъ дворѣ, говорившій мнѣ:

— Пой, Федя, пой! Будешь веселѣе отъ пѣсни. Пѣсня, какъ птица — выпусти ее, она и улетитъ.

Поощрялъ къ пѣснѣ и каретный мастеръ-сосѣдъ, въ

бричкахъ и коляскахъ котораго, такъ сладко пахнувшихъ кожей и скипидаромъ, я не разъ проводилъ лѣтнія ночи, засылая съ пѣсней.

Поощрялъ меня къ пѣснѣ и другой сосѣдь — скорнякъ, вознаграждая меня пятакомъ за усердную мою работу съ его ласковыми и мягкими такими шкурками:

— Пой, Федя, пой!

Да меня, правду сказать, и просить то особенно не надо было. Пѣлось какъ-то само собою. Пѣвалъ я часто съ матушкой моей, она была очень милой домашней пѣсельницей. Голосъ былъ простой, деревенскій, но пріятный. И мы часто голосили съ ней разныя русскія пѣсни, подлаживая голоса. Пѣлось мнѣ, говорю, само собою и все, что пѣло, меня привлекало и радовало.

Катался я какъ-то зимой на деревянномъ конькѣ на площади въ Казани. Стояла тамъ великолѣпная старинная церковь св. Варлаама. Смерзъ. Хотѣлось согрѣться, и съ этимъ мірскимъ намѣреніемъ я вошелъ въ церковь. Шла вечерняя или всенощная. И тутъ услышалъ я, какъ поеть хоръ. Въ первый разъ въ жизни я услышалъ стройный напѣвъ, составленный изъ разныхъ голосовъ. И пѣли они не просто въ унисонъ, или въ терцію, какъ я пѣлъ съ моей матерью, а звуки были скомбинированы въ отличномъ гармоническомъ порядкѣ. (Я бы, конечно, не могъ тогда такъ это понять и объяснить словами, но такое у меня получилось безсловесное впечатлѣніе). Это было для меня изумительно и чудесно. Когда я подошелъ поближе къ клиросу, то я, къ моему удивленію, увидѣлъ впереди стоящихъ мальчиковъ такого же приблизительно возраста, какъ я самъ. Мальчики эти держали передъ собою какую-то загадочно разграфленную бумагу и, заглядывая въ нее, выводили голосами пріятнѣйшіе звуки. Я разинулъ отъ удивленія ротъ. Послушалъ, послушалъ и задумчивый пошелъ домой.

Поютъ ровесники, такіе же малыши, какъ я. Почему бы и мнѣ не пѣть въ хору? Можетъ быть, и я бы могъ голо-

сомъ выводить стройные звуки. Надоѣлъ я дома этими моими звуками до смерти всѣмъ, а главнымъ образомъ, матери. У меня былъ дискантъ!

Скоро случай, дѣйствительно, помогъ мнѣ вступить въ духовный хоръ. Какое было острое наслажденіе узнать, что есть на свѣтѣ ноты и что эти ноты пишутся особыми, до тѣхъ поръ мнѣ невѣдомыми знаками. И я ихъ одолѣлъ! И я могъ, заглядывая въ чудно разграфленную бумагу, выводить пріятные звуки! Не разъ, милый Яшка, въ эти минуты измѣнялъ я душою и тебѣ, и твоему волшебному балагану, такъ соблазнительно разрисованному далекими пристанями и замысловатыми звѣрями... Можетъ быть, я бы долго еще наслаждался радостями хорового пѣнія, но на бѣду мою я въ хорѣ узналъ, что не всегда мальчики поютъ вмѣстѣ, что бываетъ иногда въ серединѣ пѣсни одинъ какой-нибудь голосъ поетъ соло. И я сталъ стремиться къ тому, чтобы получить это соло — какъ-нибудь, въ какой-нибудь пѣсѣ, будь то херувимская или какое нибудь пѣснопѣніе Бортнянскаго — лишь бы спѣть одному, когда всѣ молчатъ. Но овладѣть этимъ пріятнымъ мастерствомъ мнѣ никакъ не удавалось. Соло-то я получилъ, но каждый разъ, когда наступалъ моментъ пѣть, сердце какъ-то обрывалось и опускалось ниже своего мѣста отъ неодолимаго страха. Страхъ отнималъ у меня голосъ и заставлялъ меня иногда дѣлать ошибки, хотя у меня былъ слухъ и музыку я постигалъ быстро. Въ такія минуты я съ ужасомъ замѣчалъ оскаленные на меня зубы регента и въ слѣдующій разъ у меня соло отнимали...

— Осрамился опять! — думалъ я. И отъ этого посрамленія я все больше и больше пріобрѣталъ страхъ, долго меня не покидавшій. Уже будучи 14-ти или 15-ти лѣтнимъ юношей, когда я всѣми правдами и неправдами пролѣзаль за кулисы городского театра, я какъ то получилъ чрезвычайно отвѣтственную роль въ одно слово: на вопросъ, что у тебя въ рукахъ? — я долженъ былъ отвѣтить: «веревочка». Веревочку я говорилъ, но такимъ ти-

шайшимъ отъ страха голосомъ, что не только публика, но и актеръ, интересовавшійся тѣмъ, что у меня въ рукахъ. услышать меня никакъ не могъ. Дирекція моя рѣшила, что способностямъ моимъ есть досадный лимитъ. Въ этомъ она убѣдилась окончательно весьма скоро. Мнѣ поручили другую роль — роль жандарма въ какой-то французской детективной веселой комедіи съ жуликомъ. Отъ моего страха я такъ растерялся, что будучи вытолкнуть на сцену, я не произнесъ ни одного слова. На меня нашель столбнякъ. Помню только, что если на сцену меня вытолкнули сравнительно деликатно, то со сцены меня вытолкнули уже безъ всякой деликатности. Все это, однако, не охлаждало моего театральнаго пыла. Моихъ завѣтныхъ мечтаній не убивало. Не отрезвляло моего безумія. Въ глубинѣ души, я все-таки на что-то еще надѣялся, хотя самъ видѣлъ, что человѣкъ я къ этому дѣлу неспособный.

Скоро я сдѣлалъ новое театральное открытіе. Узналъ новый жанръ искусства, который долго держалъ меня въ плѣну. Это была оперетка.

Въ закрытомъ театрѣ гремѣла музыка, пѣли хоры и въ перемежку актеры то пѣли какія-то мелодіи и вальсы, то говорили между собою прозу. Тутъ уже я окончательно дался диву. Вотъ это, думалъ я, вещь! И поютъ, черти проклятые, и говорятъ, и не боятся, и не запинаются, и не врутъ, хотя поютъ въ одиночку, и вдвоемъ, и даже сразу нѣсколько человѣкъ, и каждый разные слова. Какіе ловкачи! Куда лучше, чѣмъ Яшка. Были новы для меня и особеннымъ блескомъ поражали костюмы. Не просто кафтаны и щегольскіе сапоги, а богатство сказочное: зеленые и малиновые камзолы, серебряныя чешуи, золотыя блестящія, шпаги, ослѣпительныя перья. Вообще, это было въ высшей степени благородно. Надо ли говорить о томъ, какъ радовался я этому новому постиженію сценической красоты. Однако, въ ближайшее время меня ждалъ еще болѣе

оглушительный сюрпризъ. Въ томъ же самомъ казанскомъ театрѣ, гдѣ у меня такъ удачно не выходило слово «веревочка», водворилась опера, привезенная знаменитымъ Петромъ Михайловичемъ Медвѣдевымъ, великолѣпнымъ російскимъ драматическимъ актеромъ, режиссеромъ и антрепренеромъ. Была объявлена опера Мейербера «Пророкъ», при чемъ на афишѣ было напечатано, что на сценѣ будетъ настоящий катокъ. Разумѣется, это была сенсационная приманка для казанской публики, и въ томъ числѣ для меня. Дѣйствительность вполнѣ оправдала обѣщанія афиши. Представьте себѣ необыкновенность контраста между африканской температурой зрительнаго зала и рождественскимъ каткомъ на сценѣ. Я на моей галлеркѣ обливаюсь отъ жары потомъ, а на подмосткахъ — какія-то персонажи скользятъ по ледяному кругу (вѣроятно, просто катались на роликахъ). Но долженъ признаться, что первый оперный спектакль, мною услышанный, потрясъ меня не музыкальнымъ великолѣпьемъ, не величьемъ темы, не даже сенсационнымъ каткомъ, — вообще, не качествами, обращенными къ моему художественному безкорыстію, а однимъ побочнымъ обстоятельствомъ весьма низменнаго эгоистическаго свойства. На представленіи «Пророка» я сдѣлалъ открытіе, ошеломившее меня своей неожиданностью. На сценѣ я увидалъ моихъ товарищей по церковному хору! Ихъ было одиннадцать мальчиковъ съ избранными голосами. Такъ же, какъ старшіе пѣвцы, они вдругъ становились въ рядъ на авансценѣ и вмѣстѣ съ оркестромъ, сопровождаемые палочкой дирижера, которую онъ держалъ въ рукѣ, облаченной въ бѣлую перчатку — пѣли:

— Вотъ идетъ пророкъ вѣнчанный...

Насилу дождался я конца спектакля, чтобы выяснитъ эту поразительную исторію.

— Когда это вы успѣли? — спросилъ я товарищей. — Какъ ловко вы научились пѣть въ театрѣ. Отчего же вы это мнѣ не сказали и не взяли съ собою?

— Ты опять будешь врать, — отвѣтилъ мнѣ невозму-

тимо старшій изъ пріятелей. — Ну, а если хочешь, мы возьмемъ и тебя. Учи.

Онъ далъ мнѣ ноты. Пѣнія было всего нѣсколько тактовъ. Я, какъ могъ, постарался выучить. Пріятель провель меня вскорѣ за кулисы, готовый посвятить меня въ хористы, но, къ глубокому моему огорченію, для меня не оказалось лишняго костюма. Такъ я и остался за кулисами, а все-таки подтягивалъ хору изъза кулисъ, чтобы по крайней мѣрѣ запомнить какъ можно лучше эту несложную мелодію. Не хорошо радоваться чужой бѣдѣ, но не скрою, что когда въ одно изъ представленій мнѣ сказали, что одинъ изъ хористовъ заболѣлъ и что я могу облачиться въ его костюмъ и выйти вмѣстѣ съ хоромъ на сцену, я соболѣзновалъ болящему весьма умѣренно.

Я подумалъ: услышалъ Господь мою молитву!

Подумалъ я это потому, что, работая въ церковномъ хорѣ, я не разъ, глядя на ликъ Христа или какого нибудь святого, шепталъ:

— Господи, помоги мнѣ когда нибудь пѣть въ театрѣ.

Я былъ счастливъ всякій разъ, когда мнѣ удавалось увидѣть какой нибудь новый жанръ сценическаго представленія. Послѣ оперы я однажды узналъ, что такое симфоническій концертъ. Я немало удивился зрѣлищу, не похожему ни на драму, ни оперетку, ни на оперу. Человѣкъ сорокъ музыкантовъ, одѣтые въ бѣлыя сорочки съ черными галстухами сидѣли на сценѣ и играли. Вѣроятно, Бетховена, Генделя, Гайдна. Но, слушая ихъ съ волненіемъ любопытства, я все же думалъ: можетъ быть, это и хорошо, а оперетка лучше... Лучше не только симфоническаго оркестра, но даже оперы. Все это было мнѣ еще недоступно, и поэтому казалось скучнымъ. Въ опереткѣ все было весело. Актеры показывали смѣшныя положенія. Музыка была пріятная и понятная. Было забавно и то, что актеры поютъ, поютъ, и вдругъ заговаряютъ. А въ оперѣ было досадно, что поютъ такіе хорошіе пѣвцы, а оркестръ мѣшает мнѣ ихъ слушать...

Первая опера, одержавшая побѣду надъ моимъ вкусомъ, была «Фаустъ» Гуно. Въ ней была благороднѣйшая любовь Фауста, была наивная и чистая любовь Зибела. Эта любовь, конечно, разнилась отъ той любви, которую я видѣлъ въ Суконной Слободѣ, но несмотря на все благородство этихъ чувствъ, не они меня поразили и подкупили. Въ «Фаустѣ» происходило что-то сверхъ-естественное — и вотъ это меня захватило. Вдругъ, можете себѣ представить, изъ-подъ полу начали вырываться клубы огня.

— Батюшки, пожаръ! — подумалъ я, и ужъ приготовился бѣжать, какъ въ эту минуту въ испугавшемъ меня клубкѣ огня отчетливо выросла красная фигура. Обозначился кто-то страшный, похожій на человѣка, съ двумя перьями на шляпѣ, съ остроконечной бородкой, съ поднятыми кверху усами и со страшными бровями, которыми концами своими подымались кверху выше ушей!

Я оцѣпенѣлъ и отъ страха не могъ сдвинуться съ мѣста. Но я совершенно былъ уничтоженъ, когда изъ-подъ этихъ бровей мелькнулъ красный огонь. Всякій разъ, когда этотъ человѣкъ мигалъ, изъ глазъ его сыпались огненные искры.

— Господи Исусе Христе, — чортъ! — подумалъ я и въ душѣ перекрестился. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ потрясающій эффектъ достигается тѣмъ, что на верхнѣя вѣки наклеивается кусокъ фольги. Но въ то время тайна фольги была мнѣ недоступна, и во мнѣ зародилась особая театральная мистика.

— Вотъ этого, — думалъ я съ огорченіемъ, — мнѣ уже не достигнуть никогда. Надо родиться такимъ специальнымъ существомъ.

Явленіе это меня чрезвычайно волновало, и въ театральномъ буфетѣ, видя этого самого человѣка выпивающимъ рюмку водки и закусывающимъ брусникой, я заглядывалъ ему въ глаза и все старался обнаружить въ нихъ

залежи огненныхъ искръ. Но какъ ни протиралъ я себѣ глаза, эти искры замѣтить я не могъ.

— И то сказать, — разсуждалъ я, — онъ же въ буфетѣ, въ темномъ пиджакѣ, даже галстукъ у него не красивый. Вѣроятно, онъ какъ-то особенно заряжаетъ себя искрами, когда выходитъ на сцену...

Мнѣ уже было тогда лѣтъ 15, отъ природы я былъ не очень глупъ, и я, вѣроятно, могъ бы уже и тогда понять въ чемъ дѣло. Но я былъ застѣнчивъ: приблизиться къ этимъ богамъ, творящимъ на сценѣ чудеса, мнѣ было жутковато, и никакъ не могъ я рискнуть зайти въ уборную какого нибудь перваго актера взглянуть, какъ онъ гримируется. Это было страшно. А просто спросить парикмахера, который объяснилъ бы мнѣ, какъ это дѣлается, я не догадался. Да и не хотѣлось мнѣ, откровенно говоря, слишкомъ вдумываться: я былъ очарованъ — чего же больше? Удивительный трюкъ поглотилъ весь мой энтузіазмъ. Я уже не вникалъ въ то, хорошая ли это музыка, хорошій ли это актеръ, и даже сюжетъ «Фауста» менѣе меня интересовалъ, а вотъ искры въ глазахъ казались мнѣ самымъ великимъ, что можетъ быть въ искусствѣ.

Въ это приблизительно время я впервые поставилъ себѣ вопросъ о томъ, что такое театръ, и долженъ признаться, что мысль о томъ, что театръ нѣчто серьезное, нѣчто высокое въ духовномъ смыслѣ, мнѣ не приходила въ голову. Я обобщилъ всѣ мои театральныя впечатлѣнія въ одинъ неоспоримый для меня выводъ. Театръ — развлечение — болѣе сложная забава, чѣмъ Яшкинъ балаганъ, но все же только забава. И опера? И опера. И симфоническій концертъ? И симфоническій концертъ. Какая же между ними разница? А та, что оперетка развлечение болѣе легкое и болѣе пріятное.

Съ этимъ чувствомъ я лѣтъ 17-ти отъ роду впервые поступилъ профессиональнымъ хористомъ, по контракту и съ жалованьемъ, въ уфимскую оперетку. Жилъ я у прачки, въ маленькой и грязной подвальной комнаткѣ, окно

которой выходило прямо на тротуаръ. На моемъ горизонтѣ мелькали ноги прохожихъ и разгуливали озабоченныя куры. Кровать мнѣ замѣняли деревянныя козлы, на которыхъ былъ постланъ старый жидкій матрацъ, набитый не то соломой, не то сѣномъ. Бѣлья постельнаго что-то не припомню, но одѣяло, изъ пѣстрыхъ лоскутковъ сшитое, точно — было. Въ углу комнаты на стѣнкѣ висѣло кривое зеркальце, и все оно было засижено мухами. На мои 20 рублей жалованья въ мѣсяцъ, это была жизнь достаточно роскошная. И хотя я думалъ, что театръ только развлеченіе, было у меня гордое и радостное чувство какого-то благороднаго служенія — служенія искусству. Я очень всерьезъ принималъ мою сценическую работу, поочередно одѣваясь и гримируясь то подъ испанца, то подъ пейзажа. Эти двѣ разновидности человѣческаго рода исчерпывали въ то время всю гамму моего репертуара.

Съ такими представленіями объ искусствѣ вполне гармонировало преклоненіе передъ фольгой. И такъ какъ многіе изъ моихъ товарищей по сценѣ до сихъ поръ придаютъ большое значеніе фольгѣ — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ — я въ утѣшеніе имъ скажу, что этимъ недугомъ я самъ былъ боленъ довольно долго еще. Уже прошедши извѣстную степень артистическаго воспитанія, уже признанный оперный пѣвецъ съ зачатками серьезныхъ надеждъ на хорошую театральную карьеру, — главное, на что я обращалъ вниманіе — была фольга, тайна которой была уже открыта. Мой первый Мефистофель въ Тифлисѣ металъ еще изъ глазъ огненные искры...

Федоръ Шалапинъ.

Побѣгъ

Отрывокъ романа «Свидѣтель Исторіи» *)

ДВѢНАДЦАТЬ

Камера номеръ восемь московской женской каторжной тюрьмы отведена осужденнымъ по дѣламъ политическимъ; это — тюремная аристократія: двѣнадцать дѣвушекъ и женщинъ, изъ нихъ старшей нѣтъ тридцати лѣтъ. Съ ними вмѣстѣ посажена только одна уголовная арестантка, такъ какъ при ней двое дѣтей.

Двѣнадцать молодыхъ женщинъ безмѣрно опасны для государства, въ которомъ сто семьдесятъ милліоновъ жителей. Всѣ онѣ не только мечтали объ измѣненіи въ этомъ государствѣ политическаго строя, но и пытались добиться этого личнымъ участіемъ въ переворотѣ. Если нѣкоторыхъ изъ нихъ продержатъ въ каторжной тюрьмѣ до старости, а другихъ — всю жизнь, то государство можетъ спастись и его политическій строй остаться неизмѣннымъ.

Конечно, было бы еще проще ихъ убить, какъ и было поступлено со многими другими. Но правосудіе великаго и просвѣщеннаго государства полно тонкихъ оттѣнковъ. Сотни ученыхъ юристовъ и чиновныхъ мудрецовъ разработали и примѣнили къ жизни лѣстницу преступлений и наказаній. Такъ, напримѣръ, дѣвушка Надя Протасьева, которая неудачно стрѣляла въ полковника, удачно разстрѣлявавшего сотню бунтовавшихъ крестьянъ, можетъ быть

*) Этотъ отрывокъ — вторая часть первой книги романа въ очень большомъ сокращеніи. Онъ является продолженіемъ отрывка «Олень», напечатаннаго въ предыдущей книгѣ «Совр. Записокъ».

обезврежена и исправлена въ десять лѣтъ. Ея подруга, Вѣрочка Уланова, худая и некрасивая, осужденная за храненіе взрывчатыхъ веществъ въ квартирѣ родителей (а эти вещества полагается хранить въ особыхъ казенныхъ складахъ), одумается въ какія нибудь восемь лѣтъ. На исправленіе двадцатилѣтней Наташи Калымовой (теперь ей уже двадцать три), участницы взрыва министерскаго особняка, нѣтъ никакихъ надеждъ; если она проживесть еще полвѣка и семидесятилѣтней старухой появится на волю, — государство можетъ въ тотъ же мигъ взлетѣть на воздухъ; поэтому ея заключеніе безсрочно. Иное — дѣвица Елена, молодая восторженность и жертвенность которой потухнетъ ровно черезъ пятнадцать зимъ. И мудрое правосудіе подѣлило между ними эти сроки.

Во внутреннемъ помѣщеніи тюрьмы начальница появлялась не часто, но почти всегда внезапно, охотиѣе всего по ночамъ.

Именно для такого ночного обхода она явилась и сегодня. Отворивъ дверь изъ конторы въ тюрьму ключемъ, который сдавался ей каждый разъ послѣ вечерней повѣрки, она сдѣлала знакъ дежурной при входѣ и въ ея сопровожденіи прошла нижній корридоръ и поднялась по лѣстницѣ.

Шаги заглушались войлочными туфлями. Около нѣкоторыхъ камеръ она останавливалась, пріоткрывала заслонку глазка и всматривалась въ полумракъ камеры; въ тускломъ кругѣ свѣта отъ лампы, висѣвшей въ клѣткѣ подъ потолкомъ, сѣрыми пятнами лежали на койкахъ женщины; однѣ — закрывъ лицо одѣяломъ, другія — раскинувшись въ безпокойномъ снѣ. Случалось, что какаенибудь изъ заключенныхъ не спала и, сидя на койкѣ, тупо смотрѣла на свѣтъ или искала насѣкомыхъ. Въ такихъ случаяхъ начальница слегка ударяла по стеклу глазка согнутымъ пальцемъ и вполголоса говорила: «спать!».

Два верхнихъ корридора сходились подъ угломъ. Обогнувъ уголъ, начальница чуть не споткнулась о лежавшее у первой двери тѣло. Отступивъ на шагъ, она ногой толкнула тѣло въ бокъ. Тѣло зашевелилось и быстро вскочило, протирая глаза.

— Спишь на посту?

Дежурная по корридору испуганно молчала.

— Мало спать днемъ, нужно и на службѣ?

— Виновата, ваше сіятельство!

— Утромъ послѣ смѣны дождись меня въ конторѣ.

Это означало — расчетъ. Начальница была неумолима, всё это знали. Задремать на табуретѣ — дежурство не въ очередь и лишеніе свободнаго дня; уснуть на посту — потеря мѣста. Оправдываться бесполезно.

Весь краткій разговоръ вполголоса; срокъ его — полминуты. Не обернувшись, начальница идетъ дальше, за ней, какъ тѣнь, старшая дежурная. У камеры номеръ восемь — новая остановка. Въ глазокъ видно, что спятъ всѣ, кромѣ одной каторжанки, которая, лежа на койкѣ, пишетъ, подложивъ книгу подъ узкій и длинный листокъ бумаги.

Это, конечно, непорядокъ; но начальница не любитъ раздражать политическихъ выговорами. Она знаетъ ихъ всѣхъ, не только по фамиліямъ, но и по именамъ. Та, что пишетъ, безсрочная и уже третій годъ отбываетъ наказаніе. Въ камерѣ она за старосту, хотя ей только двадцать три года; но онѣ всѣ безобразно молоды. У нея прекрасные волосы и ясные глаза, которыхъ она никогда не опускаетъ передъ тюремнымъ начальствомъ. Вотъ она подняла ихъ и смотритъ на дверь: замѣтила, что глазокъ открытъ; смотритъ, не дѣлая попытки спрятать записку или притвориться спящей. Если ее окликнуть, она точно такъ же не перемѣнитъ позы и не опуститъ глазъ. Къ такимъ, какъ она, начальница чувствуетъ невольное уваженіе и, пожалуй, нѣкоторый страхъ. Онѣ непонятны и не постижимы. Молодая и красивая дѣвушка, избравшая своимъ

удѣломъ вѣчную каторгу и не поддавшаяся отчаянію, и не утратившая силы и увѣренности! Она что-то знаетъ, что невѣдомо другимъ. Она не вѣрить, что эти стѣны — ея могила. Можетъ быть она права!

Опустивъ заслонку, начальница идетъ обратно, не взглянувъ на провинившуюся дежурную по корридору. Вернувшись въ контору, она сама запираетъ за собою дверь внутренней тюрьмы, вынимаетъ ключъ и уноситъ съ собою. Въ конторѣ — другая дежурная, которая всю ночь должна сидѣть у стола передъ телефономъ. Въ боковой комнатѣ спитъ привратникъ; ему спать разрѣшается, и ночью ключъ отъ выхода изъ конторы на улицу остается у дежурной по конторѣ или просто въ дверяхъ. Безъ вѣдома начальницы ночью нѣтъ сообщенія между тюрьмой и конторой; если что-нибудь случилось, — начальницу вызываютъ по телефону или посылаютъ за ней привратника. Она живетъ рядомъ, въ большомъ домѣ, примыкающемъ къ тюрьмѣ.

Кивнувъ дежурной, она выходитъ на слабо освѣщенную фонарями улицу.

СИРОТА

Прямо съ вокзала отецъ Яковъ пошелъ на Первую Мѣшанскую, въ надеждѣ остановиться и провести два-три дня, а не будетъ неловкостью — и недѣлю, у стараго знакомаго, букиниста и мелкаго издателя Петра Хвастунова, владѣльца лавочки лубочныхъ изданій у Ильинскихъ Воротъ.

Петра Петровича Хвастунова отецъ Яковъ зналъ давно, еще когда тотъ былъ офеней и бродилъ по Руси съ коробомъ листовокъ и цвѣтныхъ лубочныхъ картинъ московскаго изготовленія. Позже офеня сталъ осѣдлымъ мелкимъ книготорговцемъ, открылъ въ Москвѣ ларекъ, затѣмъ маленькую лавочку, и могъ бы выйти въ люди,

если бы въ жизни былъ удачливѣе. Но ему не везло, и время отъ времени его начавшееся благополучіе рушилось: то несъ немалый убытокъ изъ-за излишней довѣрчивости, то терпѣлъ отъ собственнаго риска, — издавалъ книжечку съ неудачнымъ титуломъ, и она не шла ни оптомъ, ни въ розницу. Не повезло ему и въ семейной жизни: едва женившись — овдовѣлъ, и осталась на рукахъ дочка. Больше не женился и двадцать лѣтъ провозился со своей крохотной лавочкой, покупая и продавая книжки, а изрѣдка пытаюсь выйти въ издатели.

Его дружба съ отцемъ Яковомъ укрѣпилась въ дни японской войны, когда Петръ Хвастуновъ сдѣлалъ ладное дѣло, издавъ, по совѣту отца Якова и при дѣятельной его помощи, нѣсколько ходовыхъ листовокъ — о Японіи, о Корей, о русскихъ военачальникахъ на Дальнемъ Востока, а особенно ходко пошелъ яркій лубокъ, изображавшій «Макарова подъ водой»: лежать на днѣ морскомъ адмиралъ, офицеры, матросы, пушки, а надъ поверхностью бушующаго моря летаютъ бѣлые ангелы въ простыняхъ и съ цвѣтками лиліи. Картина очень понравилась, оптовики брали ее нарасхватъ и прозвали «хвастуновской». Разошлась во многихъ тысячахъ, и никто, конечно, не зналъ, что текстъ къ картинѣ, въ отчаянныхъ стихахъ, писалъ запрещенный поэтъ Яковъ Кампинскій.

Къ этому старому книжнику и другу и направился отецъ Яковъ послѣ годичнаго отсутствія изъ Москвы. А придя къ нему лѣшкомъ съ недавно отстроеннаго Рязанскаго вокзала, узналъ новость: Петръ Петровичъ Хвастуновъ ранней весной приказалъ долго жить, оставивъ дочку, пятьдесятъ рублей наличными, немного дешеваго книжнаго товара и добрую о себѣ память у сосѣдей на Первой Мѣщанской. Что было — ушло на похороны, но зато не осталось и долговъ.

Эту печальную новость сообщила отцу Якову сосѣдка Катерина Тимофеевна, пріютившая дочь Хвастунова Анюту, дѣвушку простую, трудолюбивую, но непристроен-

ную. Конечно — лучшимъ исходомъ было бы ей выйти замужъ; но она не только была безприданницей, а и не блистала красотой: такъ себѣ, дѣвушка какъ дѣвушка, немного восторженная, такъ какъ прочитала цѣлую кучу книжекъ изъ отцовскаго товара, тоненькихъ повѣстей и романовъ о благородныхъ разбойникахъ и о маркизахъ, говорящихъ пышными словами о высокихъ чувствахъ. Катерина Тимофеевна временно устроила Анюту у себя, не то пріемной дочкой, не то прислугой, и хоть не очень тяготилась ею, а, по душевной простотѣ, хотѣла для нея лучшей участи. Сама живя на маленькую пенсію, хорошо содержать дѣвушку не могла.

Обо всемъ этомъ, послѣ первыхъ аховъ и вздоховъ, было подробно доложено старому другу покойнаго и почетному гостю. Отецъ Яковъ былъ вдвойнѣ огорченъ новостью: и жаль пріятеля, и не оправдался расчетъ на отдыхъ послѣ долгаго пути. Поэтому, посидѣвъ часокъ, обѣщаль зайти завтра же, а пока побрель устраивать себѣ на день-два иной ласковый пріютъ.

Назавтра, дѣйствительно, явился, и тогда, позвавъ еще двухъ сосѣдокъ, устроили родъ семейнаго совѣта: какъ быть дальше съ Анютой? Пока нѣтъ въ виду хорошаго жениха — найти ей постоянное мѣсто, либо къ дѣтямъ, либо вродѣ скромной службы. Отецъ Яковъ обѣщаль постараться и поспросить добрыхъ знакомыхъ. Хорошо, что Анюта и читаетъ и пишетъ, была въ двухъ-класснымъ и способна къ руководѣлю: что нибудь да наладится. И первымъ дѣломъ отецъ Яковъ попробуетъ замолвить словечко одной изъ своихъ московскихъ покровительницъ по пріютскимъ дѣламъ. Его угостили чаемъ съ ватрушками и проводили надеждами и благословеніями. Онъ и самъ растрогался:

— Покойника, Петра Петровича, я знавалъ съ молодю. Прекрасный былъ человекъ и справедливый. Полагалъ его за лучшаго друга и неоднократно пользовался его го-

степриимствомъ. Такъ что ужь это какъ бы мой долгъ передъ его памятью, — а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Похлопочемъ, похлопочемъ.

Отцу Якову повезло и всему причиной оказалась баночка вишневаго варенья, которую онъ занесъ въ контору тюрьмы. Перешагивая порогъ конторы, онъ подобралъ рясу, какъ бы во свидѣтельство того, что онъ тутъ, собственно, не при чемъ и даже прикасаться ко стѣнамъ тюрьмы не хотѣлъ бы, но по сану своему вынужденъ бывать вездѣ. У привратника спросилъ:

— А что, нынѣшній день посылочку заключенной передать можно?

Привратникъ поклонился ему очень вѣжливо, но твердо сказалъ:

— Нынче, батюшка, день не пріемный, надо бы вамъ прійти въ четвергъ, либо въ воскресенье.

— Такъ. Дѣло плохое, въ воскресенье день мнѣ менѣе доступный. Имѣю порученіе отъ страждущаго отца передать его дочери малую баночку варенья. И въ четвергъ не знаю, удосужусь ли, какъ лицо занятое.

— Какъ изволите. Можетъ попросите саму начальницу, она здѣсь, въ конторѣ.

Достоинно погладивши бороду, отецъ Яковъ сказалъ:

— Ея сіятельство имѣю честь знать лично, но можно ли обезпокоить?

— Конечно, онѣ заняты, а все же пройти можно. И духовное лицо, и ежели еще лично извѣстны.

Отца Якова провели къ начальницѣ. Она сидѣла за столомъ передъ конторскими книгами, счетами и бумажками. Рядомъ стояла дежурная по конторѣ надзирательница, а другая, заплаканная, столкнулась съ отцемъ Яковымъ при выходѣ. Отвѣсивъ приличествующій поклонъ, отецъ Яковъ скромно и степенно приблизился:

— Осмѣлился побезпокоить малымъ дѣломъ по по-

рученію страждущаго родителя. Если изволите припомнить, имѣлъ честь встрѣтиться у ея свѣтлости достойнѣйшей тюремной патронессы.

Начальница приняла довольно привѣтливо и даже узнала.

— А какое же у васъ дѣло, батюшка?

— Дѣло малое. Будучи въ Рязани, навѣстилъ тамошняго почтеннаго и уважаемаго старожила и врача Калымова, Сергѣя Павловича, сраженнаго горемъ по случаю дочери. А дочь его заключена въ семь мѣстѣ. Ну, и принялъ порученіе передать баночку варенья. Не зналъ, что полагается въ четвергъ, либо въ воскресенѣ, и занесъ въ день неурочный.

Къ удовольствію отца Якова, посылочку приняли. Начальница пошутила:

— Тутъ, батюшка, въ вареньѣ никакихъ записокъ нѣтъ?

— Знать того не могу, бралъ безъ ручательства, однако мысли не допускаю. Отецъ о дитяти истинно страдаетъ, какъ то и естественно при возрастѣ и положеніи. А ужъ провѣрить извольте сами.

Начальница пожаловалась на непріятности. И за преступниками смотри, и хозяйство большое, и хлопоты съ тюремнымъ персоналомъ. Вотъ сейчасъ должна была разсчитать надзирательницу за крайнюю небрежность. Какой народъ пошелъ! Ни на кого нельзя положиться.

Отецъ Яковъ поддакнулъ:

— Хлопотно, хлопотно. Нынче нравы не на высотѣ.

— Эта на дежурствѣ заснула, а наймешь другую — опять что-нибудь. Пожилыя устаютъ, а на молодыхъ нельзя надѣяться. Работа трудная, и на небольшое жалованье идутъ неохотно. Гдѣ взять?

Отецъ Яковъ вспомнилъ, что обѣщаль найти мѣсто для Анюты, дочери покойнаго друга-книжника. Не выпаль ли случай?

— Скромную особу, однако весьма молодую, могъ бы

прирекомендовать. При томъ — круглая сирота и въ большой нуждѣ.

— Приютская? Боюсь я этихъ приютскихъ.

— Нѣтъ, дочь честнаго торговца, а самъ недавно скончался, и жизни былъ безпорочной, хорошей былъ человѣкъ.

— А что же, батюшка, пришлите ее, можетъ быть подойдетъ. Вы хорошо ее знаете?

— Зналъ дитятею; нынѣ ей двадцать лѣтъ, грамотна и работяща, а по полной бѣдности живетъ изъ милости у сосѣдки.

Вышло случайно и хорошо. Отецъ Яковъ покинулъ тюрьму въ прекрасномъ настроеніи духа и въ тотъ же день побывалъ на Первой Мѣщанской. Тамъ поохали, хорошо ли молодой дѣвушкѣ поступать въ тюремщицы, но отецъ Яковъ завѣрилъ, что всякій честный трудъ почтененъ, и все зависитъ отъ усердія въ работѣ. Сама Аня даже обрадовалась: въ тюрьмахъ сидятъ люди особенные, убійцы, разбойники, несчастные! У каждого въ жизни столько удивительныхъ исторій! И жутко и интересно. И ужъ конечно, лучше, чѣмъ стирать бѣлье или стряпать въ чужомъ домѣ.

Было рѣшено, что завтра же Катерина Тимофеевна лично сведетъ Анюту въ контору тюрьмы къ начальницѣ. Отецъ Яковъ далъ записочку и на конвертѣ особо-крупно вывелъ слова: «Ея Сіятельству». Приятно оказать помощь хорошимъ людямъ — и приятно, когда цѣнять и услугу и оказавшаго ее человѣка.

.....

И вотъ Аня въ первый разъ на дежурствѣ. Она въ сѣромъ форменномъ платьѣ и въ бѣлой головной косынкѣ, — сразу стала старше и почтеннѣе. Всѣ серьезны, и она серьезна. Въ старшей надзирательницѣ она чувствуетъ власть, а въ присутствіи высокой, сухой, надменной

начальницы сердце Анюты замираетъ. Съ перваго дня попала въ ночныя; придется такъ поработать недѣлю, потомъ недѣля дневного дежурства, потомъ опять по ночамъ. Работа простая и не очень трудная, но нужно помнить и строго исполнять тюремныя правила: съ заключенными никакихъ лишнихъ разговоровъ, никакихъ записокъ не принимать и не передавать, ничего въ тюрьму и изъ тюрьмы не переносить, не позволять подходить къ окнамъ, и о всякомъ не порядкѣ или непослушаніи докладывать старшей, а та — начальницѣ. При смѣнѣ дежурныхъ иногда бываетъ легкій обыскъ; старшая проводитъ ладонями по платью, не спрятано ли что-нибудь запрещенное; это только для формы, а настоящей обыскъ дѣлають при начальницѣ, всегда неожиданно, — и тогда дежурныхъ раздѣвають до рубашки. Все это не столько обидно, сколько таинственно и необыкновенно.

Въ первую смѣну старшая пробыла съ Анютой цѣлый часъ на дежурствѣ, показала, какъ глядѣть въ глазокъ и какъ открывать дверную форточку. Дверь камеры безъ особой надобности не отпирать, ключъ держать на поясѣ. Разсказала, что дѣлать при случаѣ тревоги, и объяснила, что вотъ это все — камеры уголовныхъ, а въ восьмомъ номерѣ — политическія, — хоть и неясно было Анютѣ, въ чемъ различіе.

— Ихъ особо держать?

— Особо, въ своихъ платьяхъ.

Но на вопросъ «за что сидятъ?» старшая отвѣтила уклончиво:

— Кто ихъ знаетъ! Кто говоритъ, что шли противъ царя, а кто, что сидятъ за правду.

— Какъ же это — за правду?

— А такъ, что не наше дѣло. Заперли ихъ, значить было за что. Ты съ ними не разговаривай: узнають — прогонять.

Затѣмъ старшая ушла внизъ, а Анюта осталась. Прошла по корридору, тихонько и еще неумѣло отодвигая

заслонки дверного стеклышка. Всѣ спятъ. Странно подсматривать, какъ спать чужой человѣкъ! Есть одиночки, другія по нѣскольку въ камерѣ, на койкахъ, придѣланныхъ къ стѣнѣ, и на нарахъ. Худые соломенные туфяки, тошія сѣрыя подушки, а закрыты кто одѣяломъ, кто арестантскимъ халатомъ. Съ особымъ любопытствомъ заглянула въ камеру номеръ восемь. Тамъ было больше порядка, бѣлье почище, а на столѣ книжки. Но тѣ же, какъ и у всѣхъ спящихъ, сѣрыя и невыразительныя лица.

Не страшно въ тюрьмѣ. А что дѣлать цѣлую ночь? Нужно будетъ спросить, можно ли брать на дежурство книжку и читать подъ корридорной лампочкой. Работѣ здѣсь, какъ всякая другая, вродѣ какъ больничной сидѣлкой, только вѣрно очень скучная.

Тяжелѣе всего были послѣдніе часы дежурства. А когда, послѣ смѣны, Анята шла домой, — Москва только что просыпалась. Дома и рассказать ничего не могла, — заснула, какъ мертвая, и спала до полудня.

ПОДРУГИ

Новая надзирательница — событіе не малое!

Это только кажется, что быть тюрьмы однообразенъ и не зависитъ отъ того, кто дежуритъ за дверью камеры, кто слѣдитъ, какъ прислуживающая уголовная арестантка разноситъ обѣдъ и кипятокъ, и кто смотритъ въ дверной глазокъ. Здѣсь дорого каждое слово и оцѣнивается каждый жестъ. Невидимыми нитями тюрьма связана съ волей, и эта связь налаживается годами, а разрушается въ одинъ день. Чѣмъ устойчивѣе быть, тѣмъ лучше прорастаютъ въ немъ зерна скрытыхъ, съ виду невинныхъ отношеній, тѣмъ меньше оглядки, тѣмъ проще обходы разныхъ утомительныхъ и связывающихъ правилъ, тѣмъ полнѣе и любопытнѣе внутренняя жизнь тюрьмы.

— Вамъ придется заняться новенькой, Наташа!

— Я займусь. Кажется она — ничего. Совсѣмъ молоденькая, только еще очень пуглива. Вчера я ее спросила, зачѣмъ она пошла служить тюремщицей, — и она смутилась, что-то пробормотала и захлопнула форточку. Кажется — хорошая дѣвушка.

Послѣ обѣда разносятъ по камерамъ книги изъ маленькой тюремной библіотеки. Большинство уголовныхъ неграмотны или непривычны къ чтенію. Главный потребитель книгъ — камера номеръ восемь. Впрочемъ библіотека такъ скудна и ничтожна, что все давно перечитано и читается теперь по второму разу. Книги надзирательница подаетъ черезъ дверное оконце.

— Спасибо! А вы сами читаете?

Посторонніе разговоры воспрещены, но Анюта отвѣчаетъ:

— Читаю:

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня? Анной.

— А ваша мать какъ васъ зоветъ?

Дѣвушка наклоняетъ лицо къ оконцу, встрѣчаетъ голубые глаза арестантки и отвѣчаетъ:

— У меня матери нѣту.

— А отецъ?

— Отецъ померъ недавно.

— Значитъ вы сирота, Анюта? Вѣрно трудно вамъ жить, что пошли сюда?

Посторонніе разговоры воспрещены, но какъ не отвѣтить на простой и ласковый вопросъ?

Послѣобѣденный часъ тихій; арестантки спятъ, обходовъ не бываетъ. Разговаривать черезъ оконце неудобно, приходится низко наклоняться. Голубоглазая арестантка садится на корточки; надзирательница, оглядѣвшись, устраивается за дверью такъ же. Она могла бы открыть дверь и войти, но это разрѣшается только въ часъ убор-

ки камеры и по рѣдкой надобности. Ей самой очень хочется поговорить и распросить, за что сидятъ въ тюрьмѣ такія молодыя, учтивыя и, вѣроятно, образованныя барышни.

— А вы, барышня, давно сидите?

— Третій годъ.

— Вонъ какъ давно! И еще долго осталось?

— Меня, Анюта, присудили къ вѣчной каторгѣ.

— Да что вы! По политикѣ?

— Да.

— Поди по дому скучаете?

— Я по деревнѣ скучаю, особенно вотъ сейчасъ, весной.

Наташа рассказываетъ о деревнѣ Федоровкѣ, о катаньѣ на лодкѣ, о томъ, какъ тамъ, въ деревнѣ, чудесно весной и раннимъ лѣтомъ, да и осенью, — тамъ всегда хорошо, не то что въ городахъ. Воздухъ легкій и все цвѣтетъ! А тутъ, въ тюрьмѣ, даже нѣтъ и окна раскрытаго — рѣшетка! И вотъ такъ придется, можетъ быть, просидѣть до старости и смерти.

— Вамъ тоже, Анюта, не хорошо тутъ быть! Вамъ бы выйти замужъ и бросить службу.

Долго шептаться нельзя — могутъ замѣтить. Заслышавъ шаги, Анюта тихо прикрываетъ дверцу и подымается. Хорошо, что поговорила — очень ужъ сиротливо въ полутемномъ корридорѣ между рядами молчаливыхъ дверей. Съ уголовными не поговоришь, онѣ грубы, да и не о чемъ. А эти такія ласковыя.

Миновала недѣля — и опять ночныя дежурства. Служба не такъ страшна, какъ раньше казалось. Понемногу стали привычными всѣ порядки и всѣ шорохи тюрьмы. Ея законы слишкомъ строги, чтобы быть исполнимыми. Они нарушаются сегодня въ мелочахъ, завтра въ болѣе серьезномъ, — и нарушаются всѣми служащими, даже самыми аккуратными и осторожными; да и не могутъ не нарушаться. Время отъ времени тюрьма подтягивается,

затѣмъ снова возвращается быть, въ которомъ и арестантъ и надзиратель — подѣ однимъ замкомъ и въ одной неволѣ.

На ночномъ дежурствѣ, долгомъ и томительномъ, хорошо отводить душу тихимъ разговоромъ. Это только тѣмъ, которыя дремлютъ, страшень внезапный обходъ начальницы; ухо бодрствующихъ ловить каждый приближающійся шорохъ. А какъ много занятаго могутъ разсказать молодыя арестантки изъ восьмого номера! Онѣ все видѣли, все читали и все знаютъ. И сидятъ онѣ не за злодѣйства, какъ другія, а за то, что хотятъ, чтобы въ мірѣ была правда и всѣмъ одинаково хорошо жилось. За это онѣ шли на смерть и за это осуждены загубить свою молодость въ каменныхъ стѣнахъ. Такъ онѣ сами говорятъ, и не повѣрить имъ невозможно.

Теперь служба уже не была тягостью для Анюты. Были полны интереса часы бесѣдъ, она знала по именамъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ восьмомъ номерѣ, а ближе всѣхъ сошлась съ Наташей. Сначала звала ее барышней, потомъ узнала имя: Наталья Сергѣевна; но та сама попросила: «Зовите меня просто Наташей». И Анюта повѣряла ей свои думы и заботы, разсказала свою жизнь, совѣтовалась съ ней по своимъ дѣвичьимъ дѣламъ, а больше всего старалась выспросить у нея все, чего отъ другихъ не услышишь: для чего люди живутъ на свѣтѣ, почему однимъ хорошо, и другимъ плохо, какъ устроить, чтобы всѣмъ было хорошо? Отъ нея узнала, что есть такіе люди, которые бросаютъ свою семью, отказываются отъ легкой и обеспеченной жизни и идутъ бороться за правду и за лучшее будущее рабочаго народа. Ихъ, конечно, хватаютъ, сажаютъ въ тюрьмы, казнятъ, но на смѣну имъ приходятъ другіе, продолжаютъ ихъ дѣло, учатъ народъ защищать свои права, дѣйствовать сообща, — и такъ будетъ, пока эти люди не побѣдятъ и не устроятъ жизнь по новому, для всѣхъ счастливо и справедливо.

Все это не очень понятно, но очень таинственно и кра-

сиво. Другому-кому Анята, пожалуй, и не повѣрила бы, но тутъ передъ ней сами страдальцы за правду, молодыя, вѣжливыя, привѣтливыя, даже веселыя, несмотря на всѣ лишеныя. Ихъ заперли подъ замокъ, а онѣ по-прежнему вѣрятъ, что долго такое положеніе не продержится и что скоро придетъ революція и народъ ихъ освободитъ, какъ было въ Москвѣ въ девятьсотъ пятомъ году. Только на этотъ разъ будетъ побѣда полная, и народъ своей побѣды назадъ не отдастъ.

Слова новыя, незнакомыя и раньше несслыханныя. Было что то такое же въ читанныхъ Анятой романахъ про благородныхъ разбойниковъ, — но тамъ была явная выдумка, а тутъ сама жизнь. И таинственнаго и загадочнаго тутъ, пожалуй, не меньше. И если бы дѣвушки изъ восьмого номера не сидѣли за рѣшеткой, а были на волѣ, — онѣ показали бы Анятѣ, какъ живутъ и дѣйствуютъ борцы за свободу, и сама Анята могла бы дѣлать съ ними жизнь, какъ равная и какъ ихъ подруга, — а не несчастная тюремщица, обязанная держать ихъ подъ замкомъ и доносить на нихъ старшей и начальницѣ. Только ужъ она доносить, конечно, не станетъ!

Какъ то, разговаривая съ Наташей, Анята сказала:

— Ужъ такъ мнѣ васъ всѣхъ жалко, такъ жалко, что я бы для васъ все сдѣлала! Хотите — буду передавать записки и принесу вамъ съ воли все, что попросите?

-- Спасибо, Анята. Потомъ, можетъ быть, а сейчасъ я васъ объ одномъ попрошу: будьте осторожны, ни съ кѣмъ про насъ не говорите, а себя ведите такъ, какъ будто вы съ нами — строже всѣхъ. А вотъ когда совсѣмъ въ гурьмѣ обживетесь, вы намъ многое можете сдѣлать. Нужно только, чтобы вы у начальства были на самомъ хорошемъ счету и чтобы вамъ довѣряли.

— Мнѣ и сейчасъ довѣряютъ. Я со всѣми служащими хороша, ни съ какой не ссорилась. Онѣ другъ дружку подозрѣваютъ, а мнѣ всѣ вѣрятъ, потому что я ни на кого не наговариваю и не жалуясь.

— Вотъ и хорошо.

— И начальница довольна. Я ей относила вечеромъ ключъ, и она мнѣ сказала: «будешь служить аккуратно, выйдешь въ старшія, даромъ, что молода».

— Вы ей носите ключъ?

— Послѣ смѣны, когда моя очередь.

— Ну вотъ и отлично, Анюта. А придетъ время — я васъ сама о чемъ-нибудь попрошу.

— Я все сдѣлаю, я не боюсь.

Совсѣмъ шопотомъ прибавила:

— Я все думаю: вотъ возьму, да и выпущу васъ всѣхъ изъ тюрьмы, ей Богу! И сама уйду съ вами!

Такъ же шопотомъ Наташа ей отвѣтила:

— Это просто не дѣлается, Анюта! И о такихъ вещахъ нужно много думать, а говорить сейчасъ не нужно.

— Я только вамъ.

Онѣ разговаривали, по обыкновенію, сидя на корточкахъ передъ двернымъ оконцемъ, чтобы не устать и чтобы лица были ближе. Просунувъ голову въ оконце, Наташа шепнула:

— Дайте я поцѣлую васъ, Анюта. Спасибо вамъ! Потомъ мы съ вами еще много поговоримъ. Вѣдь мы подружки, правда?

Анюта просіяла радостью:

— Правда! Вы мнѣ все равно, что родная сестра.

— Ну вотъ. Я тоже васъ сразу полюбила, и всѣ наши васъ любятъ. Вотъ увидите, Анюта, что мы что-нибудь съ вами да придумаемъ. А пока — будьте очень осторожны! Чтобы ни-ни! Будто бы вы — нашъ врагъ! Понимаете, Анюта?

ГОТОВЯТСЯ

Анютѣ не терпится: ну что можетъ быть проще! Поддѣлавъ ключъ изъ тюрьмы въ контору, подпоивъ привратника, — она выведетъ на волю всѣхъ своихъ новыхъ по-

дружекъ, и онѣ разбѣгутся. А съ бабами, съ надзирательницами, будетъ справиться не трудно. Сама она тоже уйдетъ. Если ее поймають и будутъ судить — ну что же! Вотъ и она пострадаетъ за правду, даромъ что она простая, не ученая, столькихъ книжекъ не прочитала и ни въ какихъ партіяхъ не записана. Только бы поскорѣе, пока не пронюхала начальница или кто-нибудь не донесетъ про ея дружбу съ восьмымъ номеромъ.

Ея жертвенный порывъ сдерживаетъ Наташа.

— Такъ нельзя, Анята! Нужно все хорошо подготовить, чтобы не было неудачи. Ну, выйдемъ мы — а дальше? Ни денегъ, ни ночлега, ни одежды. Всѣхъ переловятъ, и васъ заберутъ, и ужъ второго случая никогда не дожидаться.

О планѣ побѣга извѣщены на волѣ вѣрные люди. Уже цѣлый мѣсяць идетъ подготовка дѣла. Въ тѣ дни, когда Анята дежуритъ въ ихъ корридорѣ, сношенія съ волеи быстры и правильны. Но иногда приходится выжидать по недѣлямъ. Сдѣлано не мало: переданъ на волю слѣпокъ ключа, получены адреса, по которымъ должны разбѣжаться каторжанки. Денегъ достаточно, и еще добудутъ. Главное, чтобы весь планъ былъ выполненъ точно.

А планъ такой. Анята уже рассказала надзирательницамъ, что скоро она выходитъ замужъ. Передъ свадьбой она угоститъ всѣхъ въ свободные часы передъ дежурствомъ. Будетъ наливка, водка, закуски и сладости. Какъ разъ передъ этимъ днемъ получка жалованья. И чтобы непременно пришелъ и Федоръ Ивановичъ, привратникъ: все-таки мужчина, веселѣе. А денегъ ей не жалко: все равно, когда выйдетъ замужъ, въ тюрьмѣ не останется. Кто женихъ? А тотъ самый черноусый, съ которымъ ее однажды видѣли на улицѣ. Онъ на пирушкѣ не будетъ, ему неудобно. Это будетъ дѣвичникъ, только съ Федоромъ Ивановичемъ, — съ нимъ смѣшнѣе. А въ другой день она угоститъ и остальныхъ, кто въ этотъ день не можетъ.

Ночью, послѣ повѣрки, когда тюрьма заснетъ, Анята

откроетъ восьмую камеру. Сначала выйдутъ трое, тихо, въ однихъ чулкахъ, и свяжутъ дежурныхъ въ сосѣднемъ корридорѣ и нижнемъ этажѣ; считая со старшей, ихъ всего три. Потомъ выведутъ всѣхъ, спустятся къ двери конторы, и эту дверь быстро поддѣланнымъ ключемъ отворятъ Анята и Наташа. Только бы дежурная по конторѣ не успѣла поднять тревогу; главное — она пить не любитъ, и справиться съ ней не легко. Какъ дверь откроютъ, первой выйдетъ Наташа въ черномъ платьѣ, будто бы начальница, хотя и неоткуда взяться начальницѣ; все-таки та испугается, и тогда можно на нее накинуться. Сторожъ будетъ, какъ всегда, спать въ своей комнатѣ, и онъ, конечно, будетъ пьянъ, объ этомъ ужъ позаботится Анята. Если выходной ключъ у него, тогда придется и его связать; но онъ, вѣрно, и не проснется.

Сдѣлано и самое трудное: Анята пронесла въ тюрьму по частямъ нужная одежды: черное платье для Наташи и два мужскихъ костюма для стриженныхъ; больше пронести не удалось, и это — съ трудомъ, подъ платьемъ, рискуя нечаяннымъ обыскомъ. Близъ тюрьмы будутъ ждать товарищи, и дальше — вопросъ удачи и счастья.

А сама Анята? Ей все равно, на первую ночь ее пріютятъ, а дальше ей укажутъ, куда скрыться изъ Москвы. Ей очень хотѣлось бы убѣжать съ Наташей, но это нельзя, опасно. Во всякомъ случаѣ онѣ встрѣтятся послѣ, въ другомъ городѣ или заграницей. Черезъ Наташу она полюбила другихъ, и ей она готова довѣрить всю свою жизнь.

— Только не спѣшите, Анята! Нужно, чтобы на волю все было готово. А пока старайтесь больше дружить съ надзирательницами, рассказывайте имъ про жениха, про его подарки.

— Я имъ много насакала! Онѣ меня любятъ, я веселая.

— Васъ нельзя не любить, Анята!

Для Аняты такія слова — лучшая награда!

Готовятся и на волю, гдѣ планъ побѣга двѣнадцати ка-

торжанокъ встрѣченъ съ радостью. Уже нѣтъ прежнихъ прочныхъ и дѣятельныхъ революціонныхъ организацій; силы ослаблены арестами и подточены предательствомъ. Одни въ тюрьмѣ, другіе за границей, притокъ новыхъ силъ ослабѣлъ. Остатки старовѣровъ безсильны продолжать дѣло; для нихъ наступило время воспоминаній и легендъ, да надежды на заграницу, гдѣ будто бы строятся новыя міросозерцанія и вырабатываются новыя программы. Невозможно увлечь кого-нибудь планомъ новаго дерзкаго нападенія на власть. Иное дѣло — устройство побѣга: здѣсь двухъ мнѣній не можетъ 'быть'! На этомъ, и только на этомъ легко сговориться разнымъ партіямъ и группамъ, и легко найти средства даже въ самыхъ умѣренныхъ кругахъ. Ненависть къ тюрьмѣ объединяетъ всѣхъ, и любой побѣгъ — радость для общественной совѣсти.

Бѣглянкамъ нужно заготовить безопасныя убѣжища, какъ можно больше, чтобы провалъ однѣхъ не повлекъ за собой ареста многихъ. Нужно замести слѣды, однѣхъ укрыть въ Россіи, другихъ сплавить за границу, всѣмъ достать паспорта и денегъ. Малѣйшая нечеткость плана — и все можетъ погибнуть. Нужно спѣшить, потому что уже слишкомъ многіе знаютъ о готовящемся побѣгѣ; но и излишняя торопливость можетъ привести къ катастрофѣ.

Шифрованныя записки летаютъ изъ тюрьмы на волю и обратно. Свиданья въ разныхъ мѣстахъ измучили неопытную въ этихъ дѣлахъ Аниюту. Сроки смѣняются сроками, дольше откладывать нельзя.

Стоитъ июль, время удобное тѣмъ, что бдительность притуплена жаркими днями, Москва на дачахъ, скрыться легче. Два мѣсяца ушли на подготовку — пора!

Молодой человѣкъ франтоватаго вида, но въ стоптанныхъ башмакахъ, скользнулъ въ подъѣздъ, поднялся во второй этажъ и позвонилъ. Ему отворилъ широкогру-

дый высокій господинъ съ усами и бритымъ подбородкомъ. Молча впустивъ, заперъ дверь.

— Вы что же опаздываете?

— Я задержался на собраніи.

— На какомъ собраніи?

— Не то что собраніе, а кое-что обсуждали.

— Ну?

— Да опять ничего особеннаго, сейчасъ никакихъ дѣлъ нѣтъ.

— О побѣгѣ больше не говорили?

— Прямо о побѣгѣ не говорили, а насчетъ заготовки паспортовъ вскользь разговоръ былъ. Будто бы на всякій случай, что у насъ ихъ мало, а могутъ понадобится.

— Женскіе паспорта?

— И женскіе и всякіе.

— Ничего вы, Петровскій, не знаете! А вы бы разпросили кого-нибудь изъ товарищей, кто освѣдомленнѣе.

— Это не очень удобно. Да и не знаетъ никто, кромѣ тройки. Станешь спрашивать — еще заподозрять.

— Это, конечно, вѣрно. Да правду ли вы тогда слышали про тюрьму? Можетъ быть одна болтовня, предположенія?

— Нѣтъ, будто бы готовятъ.

— Кто же готовится? И какъ? Съ воли готовятъ, или тамошніе? Кто долженъ бѣжать? Тамъ сидитъ нѣсколько политическихъ.

— Я постараюсь узнать.

— Отвратительно вы работаете, Петровскій! Всѣ эти теоретическіе разговоры мнѣ не нужны, знаю лучше васъ. А вы бы дѣло дѣлали, добывали факты. Услыхали что-нибудь — и провѣрьте, постарайтесь разузнать подробности. Конечно — съ должной осторожностью, если ужъ вамъ не очень довѣряютъ.

— Я доношу, что знаю, не выдумывать же мнѣ...

— Эхъ, ужъ лучше бы вы выдумывали! Горе съ вами! Прямо вамъ говорю — такъ у насъ ничего не выйдетъ.

Я докладывалъ полковнику, онъ вами недоволенъ. А вы еще о прибавкѣ.

— Мнѣ прибавка нужна на расходы.

— Бросьте это! Что вы меня морочите! Расходы, если дѣйствительно нужны, мы всегда оплатимъ; хоть тысячи; а зря и копѣйки не желаемъ вамъ давать. Платятъ за работу, а не за прекрасные глаза. Я вамъ вотъ что скажу, Петровскій. Хотя я и не очень вѣрю въ этотъ побѣгъ, а все-таки нужно узнать точно. Мы тюрьму, конечно, не извѣщаемъ, чтобы тамъ не напутали и напрасно не распутили. Да и вообще — это дѣло должно быть нашимъ, понимаете? Если мы съ вами это раскроемъ, да такъ, чтобы поймать на мѣстѣ, когда ни полиція, ни тюремное начальство ничего не знаютъ, — вотъ это — настоящее дѣло, Петровскій! И вы мнѣ извольте къ слѣдующему свиданью точно узнать, насколько все это серьезно, а не брехня. Значитъ — о комъ изъ заключенныхъ идетъ рѣчь, черезъ кого съ тюрьмой сносятся и на какой приблизительно день намѣчаютъ. Вотъ. Узнаете — ваше счастье, тогда выйдете въ люди. А если проморгаете — плохо вамъ будетъ. Но только факты, а не выдумки.

— Я никогда не выдумываю.

— Ладно. Ну, а теперь относительно рабочаго кружка. Были тамъ?

Они говорили еще съ полчаса. Провожая посѣтителя, господинъ съ бритымъ подбородкомъ подаль ему руку.

— Ну, Петровскій, будьте молодцемъ. Главное — войдите въ довѣріе. Предложите, на примѣръ, достать паспортъ — а ужъ я вамъ помогу, будетъ настоящій, хорошій. И еще тамъ что-нибудь, чтобы васъ считали своимъ, дѣятельнымъ, а не сбоку-припекой. Ну, до вторника!

Оставшись одинъ, онъ посмотрѣлъ записи и покачалъ головой.

— Всему три копѣйки цѣна! Коли не вретъ — любопытно. А вѣрнѣе — одна брехня, какъ часто бываетъ. Разъ дѣло идетъ о бабахъ — языкъ не удержать. Ну, увидимъ.

У НАСЪ ВСЕ ВЪ ПОРЯДКЪ

Хлопнула послѣдняя дверь. — начальница окончила вечерній обходъ. Сегодня она въ дурномъ настроеніи: охранка дала ей знать, что, по свѣдѣніямъ агентуры, политическія каторжанки усиленно переписываются съ волей; значитъ — слабъ надзоръ.

Нужно принять мѣры. А какія мѣры? Прогнать половину служащихъ и нанять новыхъ? Она и безъ того часто мѣняетъ надзирательницъ.

Уходя, она говоритъ старшей:

— Уголовнымъ носить водку, я знаю. Если еще услышу — всѣхъ выгоню. А въ восьмой номеръ таскаютъ записки. Поймаю — и всѣхъ подъ судъ! Скажите тамъ.

Старшая молчитъ въ страхъ. Въ своемъ раздраженіи начальница не видитъ, что и старшая и три корридорныя бродятъ сегодня, какъ тѣни, а привратникъ еле держится на ногахъ. Одно хорошо, что начальница лично дѣлала вечерній обходъ; значитъ хоть ночью не явится, старая вѣдьма!

Она уноситъ съ собой ключъ, и тюрьма отрѣзана отъ конторы. Привратникъ, стараясь держаться крѣпче на ногахъ, распахиваетъ передъ ней выходную дверь на улицу. Когда она выходитъ, онъ пьяно подмигиваетъ дежурной:

— Г-гроза нынче!

Дежурная до конторъ, единственная, не бывшая на попойкѣ, устроенной Анютой, говоритъ съ укоромъ:

— Ужь ступайте спать, Федоръ Иванычъ! Едва на ногахъ стоите. Замѣтила бы — всѣмъ бы за васъ досталось!

— А что я? Я — ничего!

— Ужь идите, я сама запру!

Она садится у стола передъ телефономъ, съ тоской ду-

мая, что смѣна будетъ только въ шесть утра, а сейчасъ десять. За день выспалась, — но въ тишинѣ снова дремлется. Въ конторѣ нѣтъ лавки и негдѣ прилечь. Дремать можно только сидя на стулѣ и опершись локтями о столъ. Съ потолка раздражающе свѣтитъ лампочка, изъ незапертой комнатки привратника доносится пьяный храпъ.

Она — пожилая женщина, простая, и хотя грамотная, но не обученная коротать ночи за чтеньемъ книгъ. На службѣ она четвертый годъ, а передъ тѣмъ была больничной сидѣлкой. Привыкла къ чуткой дремѣ — лежа, сидя, даже стоя. Во снѣ думается, а въ думахъ спится. И тогда время ползетъ съ привычной размѣренностью, пока не забѣлѣютъ окна и не потускнѣетъ свѣтъ лампочки.

Въ полуснѣ она, не видя, знаетъ часы. Вотъ миновала полночь, а вотъ уже часъ. Обычные ночные шорохи. Скребется — словно бы крыса; крысь въ тюрьмѣ много, не могутъ вывести. Не то крыса, не то ключъ: гдѣ то дверь отворяютъ. Ключъ долго цѣпляется въ замкѣ и совсѣмъ близко слышенъ нетерпѣливый шопотъ. Нужно проснуться — и она дѣйствительно просыпается; но не сразу понимаетъ, гдѣ же это? И только, когда за ея спиной скрипнуть дверь, она вскакиваетъ со стула и вглядывается сонными глазами. Передъ ней высокая дама въ черномъ платьѣ — какъ будто начальница. Да какъ же она могла войти? Рядомъ съ начальницей одна изъ дежурныхъ по корридору, Анна Хвастунова, а за ними еще двое или трое.

Совсѣмъ проснувшись, она смотритъ съ удивленіемъ, потомъ догадывается, что это не начальница, а кто то переодѣтый, — и въ это время рѣзко звонитъ телефонъ. Не зная, что дѣлать, она повертывается къ телефону, но ее хватаютъ, затыкаютъ ей ротъ платкомъ, скручиваютъ руки и вяжутъ ноги. Поваленная на полъ, она слышитъ, какъ ровный и спокойный голосъ говорить:

— Да, я слушаю. Это откуда? Говоритъ дежурная по конторѣ. Это изъ новинской части? Слушаю. Нѣтъ, у насъ все спокойно, а что? Нѣтъ, этого у насъ не можетъ быть.

Слушаю, я вызову начальницу, а только у насъ все въ порядкѣ, какъ всегда. Сейчасъ я пошлю за ней.

Наташа кладетъ дубку и шепчетъ:

— Скорѣе! Тамъ что-то провѣдали и могутъ явиться! Будто бы приказъ изъ охранки усилить надзоръ!

Въ конторѣ теперь собрались всѣ: двѣнадцать бѣглинокъ и Анюта. Изъ помѣщенія тюрьмы ни звука, — планъ выполненъ блестяще, надзирательницы связаны и путь открытъ. Анюта машетъ рукой:

— Не нужно его! Онъ спитъ, какъ убитый, совсѣмъ пьянъ. Вонъ храпитъ! Теперь скорѣе!

Имъ изумительно везетъ: даже ключъ отъ выходной двери лежитъ на столѣ около телефона. Только безъ напрасной суеты! Выходить по-двое и по-трое, какъ условлено. За командира Наташа — и она уйдетъ послѣдней, какъ капитанъ корабля. Съ нею Анюта. Но только не бѣгите, выходите спокойно и идите по улицѣ, какъ будто гуляете!

Послѣ каждой пары или тройки дверь притворяется, и ждутъ двѣ-три минуты. Всѣ молчатъ, и сердца бьются согласнымъ оркестромъ, а ухо ловитъ каждый звукъ. Наклонившись къ связанной надзирательницѣ, Анюта тихо говоритъ ей на ухо:

— Ты такъ и лежи, не развязывайся! Тебѣ же лучше, что связана, не будешь въ отвѣтъ! Потерпи!

Та смотритъ испуганными глазами и тяжело дышитъ.

— Слѣдующія — ты и вы двѣ, скорѣе! Выходите спокойно!

Опять минуты выжиданья. На улицѣ никакого шума, въ коморкѣ бормочетъ во снѣ привратникъ. Анюта съ торжествомъ шепчетъ:

— Вотъ напился то! Я ему подливала, не пожалѣла.

Ее слушаютъ, нервно улыбаясь, но врядъ ли понимаютъ. Трое ждутъ въ очереди у двери, точно передъ выходомъ на сцену. Анюта подбѣгаетъ къ тюремной двери: нѣтъ, тамъ все благополучно, ни шума, ни голосовъ!

Уходятъ послѣднія, и дверь за ними тихо притворяется. По улицѣ проѣхалъ извозчикъ — нужно выждать. Стукъ колесъ замираетъ. Теперь — мы!

Наташа крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ Анюту:

— Анюта, спасибо тебѣ! Мы еще увидимся.

Анюта со слезами шепчетъ:

— Ну, дай Богъ благополучно!

Онѣ вмѣстѣ выходятъ въ ночь, плотно притворивъ дверь. Наташа машетъ рукой, и онѣ расходятся направо и налево.

На улицѣ полная пустыня и слабый свѣтъ газоваго фонаря. Наташѣ нужно пройти эту улицу и еще переулокъ — до бульвара; тамъ на углу должна ждать лошадь. Сотня шаговъ — какъ сотни верстъ. Въ черномъ платьѣ и черной шляпѣ она слилась съ темнотою, но ноги дрожать и спѣшать — нужно себя сдерживать.

На углу бульвара свѣтъ фонаря падаетъ на кивающую голову лошади. Человѣкъ на козлахъ вглядывается въ темь. Наташа несмѣло окликаетъ:

— Товарищъ Андрей?

— Я, садитесь скорѣе!

Лошадь разомъ рвется, и копыта стучатъ въ июльской ночи.

МАЛОДУШНЕ СВИДѢТЕЛЯ ИСТОРИИ

Лѣтнимъ утромъ Москва проснулась, зѣвнула и протянула руки къ газетамъ: нѣтъ ли повода для гражданскаго возмущенія или для тихой радости?

Поводовъ для лѣниваго раздраженія всегда достаточно. Старательно, ядовитыми словами Эзопа, либеральныя газеты поддерживаютъ коптящій огонекъ гражданскаго недовольства; яркаго пламени давно нѣтъ и въ поминѣ, — костры потухли; но изъ-подъ житейскаго мусора все же пробивается дымокъ отъ искры, тлѣющей по старой

привычекъ. И читатель, заспаннымъ глазомъ проглядывая политическую и общественную хронику, по чувству долга вздыхаетъ:

— Возмутительно!

И вдругъ — оба глаза открыты: есть поводъ для тихой радости! Побѣгъ двѣнадцати каторжанокъ!

Ихъ имена незнакомы или давно забыты; ихъ судьба занимала только ихъ близкихъ. Но не въ томъ дѣло! Среди лѣнливыхъ ощущеній русскаго обывателя есть одно истиннѣ святое: искренняя радость всякой полицейской неудачѣ, полное сочувствіе каждому, кто сумѣлъ перешагнуть законъ, правосудіе и исполнительную власть. Европейскій гражданинъ помогаетъ агентамъ полиціи ловить карманника, — русскій радуется, если агентъ споткнулся и разбилъ себѣ носъ. И если онъ узналъ, что нѣкто дерзкій, кого держали въ каменномъ мѣшкѣ за семью замками, сумѣлъ пробуравить стѣны, сломать замки и уйти невредимо, — то безразлично, преступникъ онъ или несчастная жертва — нѣтъ большей радости для русскаго челоука! Радости тихой, чистой и безкорыстной! Прекраснаго сознанья, что вотъ, если не я самъ, то кто то другой. — большой молодецъ!

И какой побѣгъ! Въ центрѣ Москвы, въ лѣтнюю ночь, безъ выстрѣловъ, безъ насилія и безъ слѣда! Канули, какъ въ воду! Просто и красиво до геніальности! Двѣнадцать женщинъ опрокинули и оскандалили цѣлую полицейскую систему, — а ужъ она ли не славна въ полицейскомъ государствѣ!

Тихая радость обывателей выросла въ бурную, когда обнаружилось, что о предстоящемъ побѣгѣ полиція была предупреждена. Былъ доносъ, и былъ указанъ день побѣга, и только часъ оказался неточнымъ: думали — убѣгутъ подь утро, а убѣжали раньше. Помогла дѣлу конкуренція вѣдомствъ: охранному отдѣленію хотѣлось доказать свое всезнайство внезапнымъ набѣгомъ, безъ предупрежденія тюрьмы, чтобы не распугать заговорщиковъ

и напасть врасплохъ. Все было расчитано точно — и упущено только одно: что въ день святого Владиміра приставъ части праздновалъ свои именины. Былъ нетрезвъ телефонъ, и были медлительны участковые служащіе. Зачѣмъ то посылать нарядъ къ тюрьмѣ, гдѣ никакой опасности нѣтъ, гдѣ всегда былъ порядокъ, да и сидятъ только бабы, — чего не выдумаютъ эти безпокойные жандармы, любители таинственности! Испорчены именины, обижены гости. Въ чемъ дѣло? Не проще ли запросить тюрму!

Оттуда отвѣтили: «у насъ все въ порядкѣ». Даже обидѣлись: «у насъ этого не можетъ случиться!» Но служба-службой, и только полчаса промедлилъ именинникъ, тезка равноапостольнаго князя, крестителя Руси.

Возможно, и даже несомнѣнно, что тихую радость тюрьмы отмѣтилъ бы въ своихъ скрижаляхъ и наблюдательный свидѣтель исторіи. Но на этотъ разъ отцу Якову было не до записей достопамятныхъ событій.

При чтеніи утренней газеты, онъ какъ и другіе, расплылся улыбкой въ широкую бороду: «лю-бо-пытно, лю-бо-пытно!» Пріятно было прочесть, что въ числѣ бѣжавшихъ была и дочка рязанскаго знакома, та самая, которой онъ передалъ отъ отца баночку вишневаго варенья. Немножко обидно, что отъ этого должна пострадать почтенная и титулованная начальница тюрьмы, особа весьма любезная, — но съ этимъ приходится мириться. Изъ ничтожества люди подымаются по высокимъ ступенямъ къ власти и значенію, — но судьба человѣческая капризна, и рушатся не только графскіе, но и королевскіе троны!

Когда же, на другое утро, появились нѣкоторыя подробности побѣга и было названо имя Анны Хвастуновой, молодой надзирательницы, скрывшейся вмѣстѣ съ бѣглеянками, — отецъ Яковъ не только смутился, но и похолодѣлъ.

Дѣло плохо! А если пожелають дознаться, кто рекомендовалъ преступную молодую особу? Кто поручился за

ея ангельскую невинность и доброе поведеніе? И вотъ тутъ приобрѣтаетъ особый, хотя и ложный смыслъ визитъ отца Якова въ тюрьму и даже баночка вишневаго варенья!

— А сами вы, батюшка, чѣмъ занимаетесь?

Сказать: «странствую по великой Руси, любопытствуя, какъ живутъ люди», — кто повѣритъ? И не долженъ ли каждый человѣкъ быть при мѣстѣ, служить обществу и государству въ установленномъ званіи и на законномъ опредѣленномъ окладѣ? Не одинаково ли предосудительно пустое любопытство, равно какъ и безцѣльное блужданіе по стогнамъ россійскимъ? А ваше прошлое, батюшка? А что это за приютскіе бланки, и что это за приютъ? И за что вамъ, святой отецъ, запрещено служеніе, хотя и съ оставленіемъ сана? И не есть ли вы соучастникъ убійствъ, грабежей и побѣговъ? И съ кѣмъ вы мѣнялись сапогами? И почему посѣтили министра за недѣлю до покушенія на него злодѣевъ, изъ коихъ одна злодѣйка нынѣ бѣжала? И что это за тетрадочки съ описаніемъ событій не въ духѣ указаній святѣйшаго синода и правительствующаго сената? И не лучше ли тебѣ, зловредному полу и тайному смутьяну, внити въ узилище, гдѣ и скоротаешь ты оставшіе года — за безмѣрное и незаконное любопытство къ жизни!

Отецъ Яковъ перетрусилъ не на шутку! А подѣлиться своими опасеніями не съ кѣмъ, — не итти же судачить на Первую Мѣщанскую! Храни Боже, тамъ теперь полиція роется въ дѣвичьемъ сундучкѣ! Лучше всего — отъ сихъ мѣстъ подальше. И, если возможно, подальше отъ Москвы.

Съ вечера отецъ Яковъ прибралъ свой портфельчикъ, занесъ къ знакомому человѣку послѣднія тетрадки лѣтописи, уложилъ парадную лиловую рясу, выложилъ на столъ, на видное мѣсто, требникъ, и долго сожалѣлъ, что не теплится лампадка передъ иконой, тѣмъ болѣе, что нѣтъ и иконы въ снятомъ номерѣ дешевой гостиницы.

Такъ приготовился къ ночи, но спать ночь тревожно, не по обычному, и наступившему утру обрадовался чрезвычайно. Расплатившись за постой, взялъ портфель подъ мышку и чемоданчикъ въ руку — и отправился въ обходъ по знакомымъ редакціямъ. Прямо и откровенно вездѣ говорилъ:

— Покорно прошу — не задержите съ гонорарчикомъ, а взялъ бы малость и впередъ! Ибо истинно стѣсненъ необходимостью спѣшнаго отъѣзда по малымъ моимъ дѣламъ.

Разсчиталъ такъ: сколько будетъ въ карманѣ къ вечеру, на столько и отдаюсь отъ столицы. И если возможность будетъ — продлю путь даже до Сибири, самъ себя сошлю! И побывать тамъ, кстати, небезлюбопытно, ибо край богатый и гостепріимный, и даже имѣются газетки, противу здѣшнихъ много посвободнѣе, не столь стѣсненные цензурнымъ наблюденіемъ, а потому живыя и занимательныя. Какъ нибудь проживу и выжду забвенія сей крайне непріятной исторіи.

Такъ и сдѣлалъ, а ночью уже трясся въ вагонѣ третьяго класса, занявъ верхнюю полку. Когда, укладываясь на локоя, вздымалъ на полку свое грузное тѣло, она поскрипывала въ желѣзныхъ скрѣпахъ, а нижній пассажиръ, смотря на закинутую надъ нимъ ногу, думалъ: «штановъ попы не носятъ, а бѣлье какъ у насъ — мужеское!»

Отецъ Яковъ Кампинскій былъ и хотѣлъ быть неложнымъ свидѣтелемъ исторіи; но быть ея участникомъ не входило въ его жизненные планы. Со стороны всегда виднѣе, и сужденіе человѣка сторонняго всегда спокойнѣе и справедливѣе.

ВЪ ПУТИ

Вагонъ ровно постукивалъ на каждой скрѣпѣ рельсъ. Рельсы проложены то по черной и жирной землѣ, то по горнымъ породамъ. Все, что есть на землѣ дорогого и прекраснаго — все родилось и добыто изъ земли: деревья:

цвѣты, алмазы, платина, мраморъ, все что живетъ и что считается неживымъ. Рельсы бѣгутъ надъ источниками жизни и неисчислимыхъ богатствъ. Земля вздрагиваетъ, и въ ней вздрагиваетъ руда и каменный уголь, откалываются пирамидки горнаго хрустала, пересыпается золотой песокъ, стелется многоцвѣтная яшма, круглятся почки малахита, слоится слюда и, притворяясь серебромъ, крошится свинцовый блескъ. Рядомъ съ топазомъ поблескиваетъ зелено-золотистымъ огнемъ красивѣйшій изъ камней — мягкій хризолитъ, и вдругъ вспыхиваетъ въ своей порочной трещинѣ краснымъ заревомъ, болѣе краснымъ, чѣмъ блескъ граната. Все это попряталось подъ корни кедровъ, елокъ, пихтъ и кустарниковъ, купается въ подпочвенныхъ водахъ и мелкимъ пескомъ сбѣгаетъ по руслу безчисленныхъ ручейковъ.

Это — Уралъ. Это — Россія, знакомое слово огромнаго и неяснаго смысла. Наташа смотритъ въ окно вагона, и передъ ней быстрымъ парадомъ мелькаютъ лиственницы и старыя ели, а за ними, на дальнихъ планахъ, не спѣша проходятъ и округло повертываются отряды другихъ хвойныхъ. И въ первый разъ съ полной ясностью Наташа понимаетъ, что ея молодость была погоней за ничтожнымъ, незначущимъ и ненужнымъ. Потому что все равно, какой человѣкъ подписываетъ листокъ бумаги въ комнатѣ большого города и что въ этомъ листкѣ написано казеннымъ канцелярскимъ языкомъ. И совсѣмъ не важно, о чемъ совѣщаются люди въ обширной залѣ и кто кого беретъ за горло и швыряетъ въ яму. И не важно это, и ненужно и смѣшно. Можно закрыть глаза, лечь, спать день и ночь, дни и ночи, — а деревья будутъ такъ же мелькать, горизонты медленно мѣняться, вершины холмовъ и горъ поворачиваться на оси и уходить за край оконнаго просвѣта. Извиваясь, поѣздъ сойдетъ въ низкую долину, скользнетъ мимо жилыхъ мѣстъ, задержится у станціи — и побѣжитъ опять, звонко отсчитывая мосты и ныряя въ туннели.

Это и есть Россія, придуманное имя, не народъ, не государство, а необъятное пространство лѣсовъ, степей, горъ, долинъ, озеръ и рѣкъ. Кто то простеръ руки въ пространство и говорить: «оно мое!». Но онъ не можетъ обхватить даже ствола одной сосны, его пальцы не сойдутся! И если всѣ милліоны людей, живущихъ въ странѣ, возьмутся за руки и образуютъ цѣпь, — они охватятъ только одинъ изъ ея лѣсовъ! И вотъ этотъ безкрайній край хотятъ осчастливить, обнеся его точными границами, назвавъ его государствомъ, посадивъ надъ нимъ правителей, давъ ему парламентъ, оскорбивъ его сравненіемъ съ европейскими карликами! Развѣ можно имъ управлять, писать для него законы, строить тюрьмы и думать, что вотъ именно этотъ костюмчикъ ему въ пору и къ лицу! Дѣтская наивность! Какъ странно, что ни она, Наташа, ни Олень, никто изъ ихъ друзей и ихъ враговъ объ этомъ не подумали! Можетъ быть тогда они не захотѣли бы умирать и убивать, удобряя тѣлами слишкомъ ничтожный кусочекъ земли?

.....

Отъ Челябинска, гдѣ пересадка, начинается великій Сибирскій путь. За Ураломъ чувствуется близкая зима. Поездъ изъ Россіи пришелъ, но до его отхода еще много времени. Дама, въ тепломъ пальто и траурной шляпѣ разсматриваетъ въ станціонномъ кіоскѣ вещицы кустарнаго издѣлія: литыя изъ чугуна фигурки, тарелочки, пепельницы, статуэтки, подсвѣчники. Рядомъ съ ними — коробочки изъ яшмы и малахита, печатки изъ горнаго хрустала и дымчататаго топаза, горки уральскихъ камушковъ, евангеліе изъ куска соли, мужичекъ изъ мха и еловыхъ шишекъ, сибирскіе туесы изъ бересты съ блестками фольги и еще много красиваго и любытнаго. Нужно купить что-нибудь на память, и потомъ, за границей, смотрѣть съ умиленіемъ. Наташа беретъ ажурную тарелочку и черти-

ка съ необычайно длиннымъ хвостомъ, показывающаго ность. За спиной слышитъ мужскіе голоса:

— Это — каслинскихъ заводовъ?

— Тутъ и каслинскіе и кусинскіе. Все наши кустарн, а отливаютъ по хорошимъ моделямъ. Не бывали въ тѣхъ краяхъ?

— Проѣзжалъ, а бывать не случилось.

— Ежели доведется — обязательно загляните. Простые мужики — а вонъ какъ работаютъ! И въ Европу посылаютъ! Лю-бо-пытно!

Разговариваютъ высокій пожилой человекъ въ теплой дорожной курткѣ и сапогахъ, и толстый священникъ въ какой то несообразной хламидѣ поверхъ рясы: не то — пальто, не то — дамскій салопъ. Лицъ Наташа не видитъ.

— А вы, батюшка, видно хорошо знаете Россію?

— Хорошо ее знать невозможно, велика. А конечно — много покатался по малымъ моимъ дѣламъ. Вотъ и въ Сибирь ѣду, и тамъ живутъ люди. Миръ великъ, а жизнь наша коротенькая, всего не пересмотришь. А вы въ Иркутскѣ не задержитесь?

— Только на недѣлю; меня ждутъ за Байкаломъ члены нашей экспедиціи.

Расплатившись за вещицы, Наташа отошла отъ кіоска. Господинъ въ курткѣ вѣжливо постороился, потомъ сказалъ собесѣднику:

— Пріятное лицо! И довольно красивое.

И вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ испуганные глаза и открытый ротъ священника.

Слово замерло на устахъ отца Якова. То ли ошибка, то ли подлинный кошмаръ, а то ли — она и есть, Сергѣя Павловича бѣглая дочь!

Сильно покраснѣвъ, отецъ Яковъ пробормоталъ:

— Лицо... дѣйствительно поистинѣ примѣчательное! Особа замѣтная!

Распахнулъ хламиду, вынулъ клетчатый платокъ и вытеръ носъ, повлажнѣвшій на холодномъ воздухѣ.

СПУТНИКЪ

Въ купѣ второго класса спутникомъ Наташи оказался господинъ въ сѣрой дорожной курткѣ и высокихъ сапогахъ. Сразу познакомились, и онъ назвался Бѣловымъ, Иваномъ Денисовичемъ. Ѣдетъ въ Иркутскъ, потомъ въ Монголію. Наташа сказала, что Ѣдетъ тоже въ Иркутскъ къ родственникамъ, и что въ Сибири она въ первый разъ.

— А вы — сибирякъ?

— Нѣтъ, я родомъ саратовецъ, а Ѣду въ командировку, съ научной экспедиціей.

— Вы — профессоръ?

— Да, я геологъ.

Разсказалъ, что въ Сибири бывалъ много разъ, бывалъ и на Амурѣ, и на крайнемъ сѣверѣ, и въ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ мѣстахъ; а теперь предстоитъ очень интересное путешествіе: въ среднюю и южную Монголію, черезъ центральную Гоби на озеро Куку-Норъ.

— Вамъ эти имена ничего не говорятъ?

Наташа призналась, что ничего.

— Мѣста удивительныя и почти совсѣмъ не обследованныя.

— Гоби — это, кажется, пустыня?

— Это, скорѣе, цѣлая область пустынь въ нагорной Азій, отъ Памира до Китая.

Съ деликатностью человѣка, вообще не привыкшаго болтать о личныхъ дѣлахъ, Бѣловъ не спрашивалъ Наташу, почему она Ѣдетъ въ Сибирь и кто ея родственники въ Иркутскѣ. О себѣ упомянулъ вскользь, что есть у него жена и уже взрослыя дѣти. Зато много говорилъ о мѣстахъ, черезъ которыя проходилъ поѣздъ, о сибирскихъ рѣкахъ, о тайгѣ, объ охотѣ, о характерѣ здѣшнихъ людей — совсѣмъ особенномъ, болѣе открытомъ, пред-

пріимчивомъ, широкомъ. Мимо оконъ вагона пробѣгали горы, которыя онъ зналъ, мелькали дѣса, о которыхъ онъ могъ рассказать, и не какъ старый путешественникъ, а какъ ученый, который со всѣмъ этимъ такъ же сроднился, какъ Наташа съ деревней Федоровкой и берегомъ Оки. Старался говорить понятнѣе, и слѣдилъ по лицу слушательницы, занимаетъ ли ее такой рассказъ, — и видѣлъ, что она слушаетъ съ живымъ интересомъ.

За путь отъ Челябинска до Омска успѣли подружиться и оцѣнить другъ въ другъ, онъ — ея внимательность, она — его знанія и милую простоту человѣка, который никогда не бываетъ назойливымъ и радъ быть полезнымъ. По возрасту онъ годился Наташѣ въ отцы, но ни разу не позволилъ себѣ покровительственнаго тона.

На станціяхъ Наташа выходила изъ вагона неохотно. Въ Омскѣ была долгая остановка, и они вышли вмѣстѣ и пообѣдали въ станціонномъ буфетѣ. Замѣтно холодѣло, по ночамъ слегка морозило. Наташа была одѣта легко, рассчитывая обзавестись всѣмъ нужнымъ въ Иркутскѣ. Вѣроятно, она была единственнымъ пассажиромъ, который ѣхалъ въ такое дальнее путешествіе съ такимъ легкимъ багажемъ: точно переѣзжала съ дачи въ городъ.

У самаго вагона съ ея спутникомъ раскланялся толстый священникъ. Бѣловъ его окликнулъ:

— Ну какъ, батюшка, хорошо ли ѣдете?

— А прекрасно, прекрасно! Вагонъ теплый, удобный вагончикъ. И мѣстности прелюбопытныя! Страна наша обширная!

Отецъ Яковъ говорилъ издали, близко не подошелъ. Наташа взглянула на него — и въ ея памяти мелькнуло то же лицо, но въ совсѣмъ иной обстановкѣ. Что это за попь? Гдѣ она его видѣла? И не только его лицо, а и голосъ его какъ будто знакомъ. Меньше всего она хотѣла бы встрѣтить здѣсь знакомаго человѣка; но рѣшительно не вспоминала среди своихъ знакомыхъ священника.

Войдя въ вагонъ, сѣла у окна. Подъ окномъ ея спут-

никъ разговариваль съ подошедшимъ священникомъ, и до ея слуха донеслись слова:

— До новыхъ мѣстъ я, дѣйствительно, весьма жадеиъ! И до мѣстъ новыхъ, и до новыхъ человѣчковъ! Жизнь то коротка, все нужно посмотрѣть!

И внезапно Наташа вспоминала огромный залъ Государственнаго Совѣта, мѣста для публики, рядомъ — Оленья съ моноклемъ въ глазу, а съ другой стороны попа въ лиловой рясѣ съ живыми любопытствующими глазками на плотномъ и мужиковатомъ бородатомъ лицѣ.

— Неужели — тотъ самый? Почему онъ тоже ѣдетъ? Что за странная случайность! Во всякомъ случаѣ неприятная!

За долгій кружной путь Наташа привыкла къ мысли, что теперь она уже внѣ опасности. Ее могутъ искать гдѣ угодно, но, конечно, не въ Сибири! Еще можетъ быть опасность на границѣ, хотя и далекой, но случайность въ пути, какъ будто, исключена: слишкомъ велика Россія!

Ея спутникъ говорилъ подѣ окномъ:

— Въ Иркутскѣ будемъ только въ среду, батюшка.

— А мнѣ что жъ, я кататься люблю!

— На Байкаль не собираетесь?

— А ужъ обязательно. Побываю, побываю, полюбуюсь красотой!

— Заходите въ вагонъ поболтать.

— Забѣжать можно, хотя по положенію моему — третьеклассный пассажиръ. А зайду, зайду, уже въ пути.

Бѣловъ вернулся въ купѣ улыбаясь.

— Курьезный попикъ! Какихъ только у насъ нѣтъ людей!

— Вы его знаете?

— Я съ нимъ ѣду отъ Самары, и на станціяхъ бесѣдуемъ. То ли — безприходный, то ли ѣдетъ по дѣламъ. Говорить — любить кататься и смотрѣть русскую землю. Далъ мнѣ нѣсколько брошюрокъ своего пера; съ собой возить. Занимается фольклоромъ, разными мѣстными при-

мѣчательностями. Написано плоховато, а занимательно; видимо много перевидалъ и все это любить. Вотъ придеть сюда — поговорите съ нимъ, любопытный полкъ!

— Я не люблю духобвенства!

— Да вѣдь что жъ его любить... Но, знаете, попадаютъ среди провинціальныхъ, особенно среди сельскихъ баяшекъ, и хорошіе и очень интересные люди. Есть даже замѣчательные ученые. Вы вотъ проѣзжали по Пермской губерніи; тамъ, въ одномъ селѣ живетъ простой священникъ, котораго даже въ Европѣ знаютъ, какъ талантливѣйшаго математика. А вотъ вы, русская, врядъ ли и имя его слышали...

Поѣздъ опять тронулся, и Наташа подумала, что съ такимъ спутникомъ дорога не можетъ быть утомительной.

ДОРОЖНЫЯ БЕСѢДЫ

Отецъ Яковъ могъ бы чувствовать себя совсѣмъ счастливымъ: новыя мѣста, новые люди и красота природы несказанная, — все, что требовалъ его безпокойный, бродяжническій духъ. Въ Самарѣ, куда онъ попалъ прямо изъ Москвы, онъ отлично устроилъ свои малыя дѣла и раздобылъ денегъ гораздо больше, чѣмъ могъ надѣяться. Тамъ въ земствѣ оказался пре-вос-ходный и про-свѣ-щеннѣй-шій человѣкъ, самъ по природѣ бродяга и страстный любитель разныхъ бытовыхъ примѣчательностей, которыми занимался отецъ Яковъ. Два вечера проговорили о Пощехонѣ, о тульскихъ мѣдникахъ, вяземскихъ прянишникахъ, уральскихъ кустаряхъ, архангельскихъ сказителяхъ, владимирскихъ офеняхъ, серебряныхъ блюдахъ сассанидской династіи, найденныхъ въ прикамскихъ курганахъ, о теплоуховской коллекціи, зырянахъ и вогулахъ, старца Кузьмича и еще о многомъ, что имъ было вѣдомо и дорого и о чемъ ученые узнаютъ только отъ мѣстныхъ простачковъ. Въ заключеніе отецъ Яковъ не только пристро-

илъ готовыя статьи, которымъ не нашлось мѣста въ столичныхъ изданіяхъ, а даже получилъ авансъ за двѣ книжки, написать которыя обѣщался незамедлительно; одна — «По мѣстнымъ музеямъ сѣвера», а другая — «Дурочки, юродивые и кликуши по теченію Волги отъ истоковъ до устья». Удача удивительная! Впервые труды отца Якова были оцѣнены знающимъ и про-свѣ-щеннѣйшимъ человѣкомъ! И еще было ему обѣщано устраивать въ трехъ газеткахъ, въ Самарѣ, Казани и Нижнемъ, его будущія «Замѣточки землепрохода». Наконецъ новый знакомый предложилъ свидѣтелю исторіи хранить въ своемъ архивѣ, въ полнѣйшемъ секретѣ и въ неприкосновенности, всѣ тетрадки «Лѣтописи отца Якова Кампинскаго», каковыя отецъ Яковъ долженъ отовсюду выписать, привести въ порядокъ и передать въ запечатанномъ видѣ, чтобы, въ случаѣ какого несчастія, все полностью осталось для потомства.

Это ужъ не просто удача, это — истинное счастье! И съ деньгами въ карманѣ широкой рясы, отецъ Яковъ погрузился въ поѣздъ и направился по Великому Сибирскому пути. А въ портфель его прибыло много новыхъ и самонужнѣйшихъ адресовъ и рекомендацій.

И въ пути вѣзло: познакомился съ отмѣннымъ ученымъ и пріятнѣйшимъ человѣкомъ, членомъ экспедиціи въ Монголію отъ Географическаго Общества. Бѣхали, правда, въ разныхъ вагонахъ, но на многихъ станціяхъ встрѣчались и вступали въ бесѣду.

И лишь одно отуманило прекрасное настроеніе отца Якова: въ тотъ же поѣздъ сѣла въ Челябинскѣ молодая особа, какъ будто та самая, которую онъ видѣлъ въ Петербургѣ въ высокомъ учрежденіи и которая очень ужъ была похожа на преступную дочь рязанскаго доктора, нынѣ находящуюся въ бѣгахъ. Вотъ странная судьба! Отъ чего бѣжалъ — съ тѣмъ и встрѣтился! А если это она, и если ее въ пути обнаружатъ и заберутъ, и если окажется тутъ же поблизости запрещенный поппъ, передавшій ей

въ тюрьму баночку варенья, и если сопоставять, что это онъ и пристроилъ въ ту же тюрьму сироту Анюту, — хоть и не виновенъ онъ, а кто повѣритъ, что все это является дѣломъ чистаго случая? И такъ какъ безумная храбрость не была въ числѣ добродѣтелей отца Якова, то на душѣ его было нѣсколько тревожно: какъ бы не вышло неприятной исторіи!

И тревожно и, однако, весьма пре-лю-бо-пытно! Можно бы безъ труда задержаться въ пути денекъ и поотстать, — но и загадку разгадать очень хочется! Можетъ случиться, что раскроется она безо всякаго риска и жизненныхъ осложнений. Впрочемъ отецъ Яковъ и безъ того почти не сомнѣвался, что съ нимъ въ поѣздѣ, печальнымъ трауромъ прикрывшись, ѣдетъ страждущаго родителя отчаянное дитя. Кого видѣлъ разъ, того отецъ Яковъ не забывалъ; а дочку Калымова, когда она была, правда, еще помоложе, отецъ Яковъ видѣлъ не разъ; это только она могла его, попа, запомнить, а онъ не изъ такихъ. И въ Питерѣ была она — парадной барыней, и тутъ она же въ черной вуали! Ошибиться трудно!

Послѣ Омска, выждавъ контроль, отецъ Яковъ, всегда осторожный, спросилъ кондуктора:

— А что, милый человекъ, если пройду я въ помѣщеніе второго класса повидать пріятеля, — съ билетикомъ недоразумѣнія не выйдетъ?

— Отчего же не пройти, батюшка, пройдите, у насъ не строго.

— То-то я думаю, чтобы штрафа не уплатить потомъ!

— Проходите свободно. Это которые ѣдутъ зайцемъ, а вы лицо духовное.

Сообщенія между вагонами не было, и на ближней станціи, подобравъ полы рясы, отецъ Яковъ занесъ ногу на лѣсенку вагона второго класса.

— Самъ ты, попъ, въ огонь лѣзешь! А впрочемъ можетъ статься, что ничего особеннаго, а одно недоразумѣніе.

Въ купэ было двое — Бѣловъ и дама. Отецъ Яковъ поклонился, въ глаза дамѣ не глядя, и произнесъ съ пермяцкимъ оканьемъ:

— А роскошно, роскошно живете! Диваны мягкіе и всѣ удобства. Хороши наши дороги, говорятъ — лучше европейскихъ.

— Присаживайтесь, батюшка. Вотъ и со спутницей познакомьтесь, тоже въ Иркутскъ ѣдетъ.

— Очень пріятно! Яковъ Кампинскій, священнослужитель и землепроходъ.

Наташа поздоровалась безъ особой прівѣтливости.

— Удовольствія ради или родственниковъ имѣете въ сибирской столицѣ?

Спросилъ совсѣмъ, какъ тогда: «родственниковъ имѣете въ Государственномъ Совѣтѣ?» И она отвѣтила:

— Буду ненадолго къ роднымъ.

— А откуда изволите ѣхать?

Что она отвѣтила ему тогда на такой же вопросъ? Кажется, что она москвичка!

— Буду изъ Москвы.

Отецъ Яковъ прикинулъ въ головѣ, что путь изъ Москвы словно бы попроще, и нѣтъ надобности пересаживаться въ Челябинскъ съ сѣвернаго поѣзда. Но дѣло не его, могли быть у молодой особы заѣзды въ другіе города.

— Вопросъ нескромный — имѣли тяжкую потерю? Говорю въ разсужденіи печального наряда.

Назойливый, однако, попъ! Наташа сказала, что у нея умеръ мужъ. Отецъ Яковъ выразилъ соболъзнованіе, прибавивъ, что людямъ посылается испытаніе, но что годы приносятъ если не забвеніе, то утѣху въ невознаградивимой потерѣ. Еще полюбоществовалъ:

— По имени-отчеству какъ звать прикажете?

— Ольга Сергѣевна.

«Сергѣевна — это точно», — подумалъ отецъ Яковъ. — «Но помнится, что скорбный родитель называлъ Нату»

лей, значитъ Наталья. И однако возможно и недоразумѣніе. Держится увѣренно молодая особа!»

И вдругъ она сама, прямо и безъ робости, сказала:

— А я васъ, батюшка, кажется, раньше встрѣчала, только не помню гдѣ. Словно бы въ Петербургѣ на какомъ то засѣданіи. Въ Петербургѣ вы не бывали?

Отъ неожиданности отецъ Яковъ смутился и отвѣтилъ уклончиво:

— Кто жъ не бывалъ въ сей столицѣ! Градъ Петровъ и окно въ Европу. По малымъ моимъ дѣламъ бывалъ повсюду, а гдѣ не бывалъ — наровлю побывать.

А про себя подумалъ: «А смѣла, смѣла!»

Прогромыхалъ мостъ, и заговорили о сибирскихъ рѣкахъ, объ Енисеѣ и Оби, и о томъ, что рѣка Лена въ своемъ устьѣ достигаетъ ширины въ нѣсколько сотенъ верстъ, такъ что, собственно, и представить трудно: на такомъ пространствѣ въ Европѣ умѣщается цѣлое государство. Бѣловъ рассказывалъ про озеро Байкалъ, какъ въ большіе морозы на немъ замерзаютъ при всплескѣ волны, да такъ и остаются замерзшими громадами до оттепели. Въ разговорахъ забыли про малыя свои дѣла и личныя безпокойства. И совсѣмъ нечаянно, увлекшись, Наташа сказала:

— А вотъ у насъ, на Окѣ...

Спохватилась и добавила, что это ей рассказывали, какъ однажды на Окѣ, подъ Рязанью, поймали мужики огромную бѣдугу. Отецъ Яковъ и глазомъ не моргнулъ, только погладилъ бороду:

— Бываетъ на россійскихъ рѣкахъ всякое, и однако супротивъ сибирскихъ онѣ много поменѣ.

Но въ дальнѣйшемъ замолчалъ, а на ближайшей станціи, попрощавшись, пересѣлъ въ свой вагонъ:

— Портфельчикъ тамъ у меня остался, а народъ сидитъ всякій. И дѣло къ вечеру — подремать въ пути не грѣшно. Прощенья просимъ.

.....

Въ сторонѣ остался Томскъ, миновали Красноярскъ, Канскъ, Нижнеудинскъ, и къ концу многодневнаго пути подъѣзжали къ Иркутску. Совмѣстное путешествіе сближаетъ, и Наташѣ казалось, что она давно и хорошо знаетъ Ивана Денисовича. Онъ не только интересный человѣкъ, а и удивительно тактичный. Много разъ имѣлъ поводъ задать ей какой нибудь вопросъ, на который ей было бы трудно отвѣтить, пришлось бы выдумывать отвѣтъ, — и ни разу онъ этого не сдѣлалъ. Спросилъ только, гдѣ она училась; она отвѣтила, что была на курсахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и больше онъ не спрашивалъ. А между тѣмъ именно такому человѣку можно, повидимому, во многомъ довѣриться.

За часъ до пріѣзда онъ спросилъ:

— Вы что же, останетесь въ Иркутскѣ надолго?

Она помедлила отвѣтомъ, потомъ сказала:

— Я и сама не знаю, Иванъ Денисовичъ, это не отъ меня зависитъ.

Открыться ему? Наташа вдругъ почувствовала, что здѣсь, въ огромномъ и незнакомомъ краѣ, подъ чужимъ именемъ, безъ вѣрныхъ друзей, съ однимъ какимъ то адресомъ в памяти (она не смѣла записать адреса), она одинока и беззащитна. А вдругъ адресъ невѣренъ, отъ простой случайности сибирскіе просторы сузятся до четырехъ стѣнъ камеры, за граница опять станетъ смѣшнымъ мечтаніемъ, и опять появится на стѣнѣ календарь съ зачеркнутыми цифрами! И чудо исчезнетъ и окажется сномъ!

Она повторила:

— Да, къ сожалѣнію, это зависитъ не совсѣмъ отъ меня. Сама не знаю, что со мной будетъ.

Онъ промолчалъ, не спрашивая, но посмотрѣлъ съ любопытствомъ. Наташа продолжала:

— Миѣ бы нужно уѣхать дальше, совсѣмъ дальше!

— Да куда же дальше? Во Владивостокъ? Или прямо въ Китай? Вы и такъ далеко заѣхали отъ Москвы.

— Въ Москвѣ миѣ дѣлать нечего. Миѣ и нельзя воз-

вернуться въ Москву. Можно вамъ открыть одну личную тайну?

Онъ очень серьезно и очень участливо отвѣтилъ:

— Пожалуйста, если вамъ нужно и если довѣряете.

ГОРОДОКЪ БОЛТЛИВЫЙ

Въ Иркутскѣ первый снѣгъ, хотя еще тепло. На другой день по приѣздѣ Наташа отыскала нужныхъ людей, и была встрѣчена не просто привѣтливо, а почтительно, какъ героиня и революціонная знаменитость. Ее неприятно поразило, что объ ея приѣздѣ знали многіе и, очевидно, большой тайны изъ этого не дѣлали. Конечно, Иркутскъ не Москва, полицейскій аппаратъ дѣйствуетъ здѣсь медленнѣе, но и городъ меньше, такъ что новый человѣкъ больше на виду.

Прежде всего пришлось позаботиться о теплой одеждѣ; въ краю суровыхъ морозовъ и пушнаго звѣря это не оказалось труднымъ. Зато о главномъ, о хорошемъ заграничномъ паспортѣ, ей прямо отвѣтили:

— Да откуда же взять? Здѣсь у насъ невозможно, нужно было раньше позаботиться! Попытайся какънибудь такъ проѣхать, но нужно хорошо знать дорогу, а зимой трудно. Да почему же вы избрали такой сложный путь черезъ Азію?

— Ничего я не избирала, за меня избрали другіе. Было нѣсколько арестовъ при переходѣ границы, связи порвались, а ѣхать подъ чужимъ именемъ обычнымъ путемъ мнѣ нельзя, меня легко узнаютъ. Вотъ и придумали, что я поѣду черезъ дальній Востокъ, гдѣ ужъ конечно никто меня не выслѣдитъ, и что вы достанете мнѣ хорошій паспортъ.

— Невозможно! У насъ теперь совсѣмъ другія условія! На восточной границѣ надзоръ строгій, многіе бѣгутъ съ каторги и съ поселенія. А главное — зима, время неподходящее.

Наташа не на шутку разсердилась: выходить, что товарищи ее подвели и только сбыви съ рукъ. Не оставаться же въ Сибири и ждать здѣсь ареста! При здѣшней простотѣ революціонныхъ нравовъ, черезъ недѣлю весь городъ узнаетъ о посѣщеніи его такой «важной особой»! Или ѣхать дальше по такимъ же адресамъ, отъ этапа къ этапу, пока не окажешься въ ловушкѣ?

Въ хлопотахъ прошло дней пять, и дѣло не двинулось. Мало того, ее предупредили, что нужно быть осторожной и меньше показываться на людяхъ; и относительно ночлега затруднительно. Жить въ гостиницѣ, конечно, нельзя, а частныя квартиры тоже не безопасны. Это прежде было просто, а сейчасъ все перемѣнилось. Главное — нельзя вполнѣ довѣряться людямъ.

Однажды встрѣтила на улицѣ своего попутчика, отца Якова, который сразу ее узналъ, хотя она и прятала лицо въ мѣхъ новой шубы.

— Вотъ Господь то и привелъ встрѣтиться. Каковъ городъ то, прекрасный городокъ! И однако морозно-морозно!

На отца Яковъ была огромная не первой молодости доха и высокая мѣховая шапка. Носъ его былъ краснѣе обычнаго.

Наташа, поздоровавшись, хотѣла пройти, но отецъ Яковъ преградилъ ей дорогу и быстро и путано заговорилъ, опасливо оглядываясь по сторонамъ:

— И не великъ городъ Иркутскъ, а все же — сибирская столица! Народецъ хорошъ, основательный, но и поговорить любить. И лишняго тоже не мало говорятъ! Сейчасъ носѣтилъ редакцію мѣстной газетки, и наслушался тамъ всякаго. И знаютъ все, и болтаютъ про все, кто пріѣхалъ, да зачѣмъ пріѣхалъ, да кто куда собирается, — народецъ любопытствующій и болтливый. Осуждать не хочу, — однако не хорошо.

— Про кого болтаютъ, батюшка?

— Про разныхъ людей, про всякаго человѣка. Миѣ то

ничего, а иному, напримѣръ, и неудобно. Иной можетъ и не хотѣлъ бы. И не со зла болтаютъ, а по крайнему легкомыслию, одинъ другому по секрету, а тотъ слѣдующему. Такой городокъ — провинція! А глядишь — что нибудь неприятное и выйдетъ. Хотя дѣло, конечно, не мое. Ивана-то Денисыча, содорожника нашего, не видали?

— Нѣтъ. А онъ еще не уѣхалъ?

— Должно быть здѣсь, а точно знать не могу. И однако—прошу прощенья, что задержалъ. Пріятно было встрѣтиться! Городокъ, говорю, хорошій, а заживаться въ немъ не для всякаго интересно.

Низко поклонился, снявъ и снова нахлобучивъ шапку, и заспѣшилъ, шаркая огромными кожаными ботами.

Наташа удивилась: «Зачѣмъ онъ разсказалъ про какую-то болтовню? О комъ? Не обо мнѣ же? Странный поплъ!»

Вечеромъ пошла по адресу, который далъ Бѣловъ. Застала его дома за укладкой чемодановъ и какихъ то выюковъ. Онъ встрѣтилъ очень привѣтливо.

— Ну, какъ ваши дѣла?

— Плохи, Иванъ Денисовичъ. Потому и пришла къ вамъ.

— Безъ этого не пришли бы?

— Мнѣ по гостямъ ходить неудобно, вы знаете.

— Но все-таки — какъ же?

— Помогите мнѣ.

— Я такъ и ожидалъ. Геройскіе подвиги — это одно, а дѣловые хлопоты — другое. Значитъ — окончательно ничего не получается?

— Окончательно. То-есть ничего опредѣленнаго. А ждать я не могу.

— Понимаю. Тутъ, между прочимъ, ко мнѣ забѣгалъ этотъ поплъ, отецъ Яковъ, и что то болталъ не очень связанное насчетъ городскихъ сплетенъ, что иной и подъ чужимъ именемъ не можетъ скрыться, и что такимъ людямъ лучше здѣсь и не жить. Я подумалъ — не про васъ ли онъ

говорить? Можетъ быть что нибудь слышалъ, а прямо сказать не хочетъ.

— Онъ и мнѣ тоже говорилъ, я его встрѣтила.

— Ну вотъ видите. Это онъ не проста — поплъ хитрый. Болтается по редакціямъ, а тамъ всякіе слухи ловятъ. Лучше вамъ уѣхать.

— Я затѣмъ и пришла.

Подумавши, Бѣловъ спросилъ:

— А вы языки-то знаете?

— Только французскій.

— Ну, хоть это. Какъ же я васъ долженъ теперь звать?

— Зовите меня просто Наташей, конечно, — не при другихъ.

— Ну, Наташа, только условіе: чтобы никто ничего не зналъ, особенно изъ вашихъ здѣшнихъ друзей-заговорщиковъ! Общаете?

— Конечно.

— Это — въ вашихъ же интересахъ. Я о васъ тутъ думалъ и соображалъ. Окончательно выяснимъ въ пути, можетъ быть до Кяхты выдадимъ васъ за иностранную туристку, тамъ увидимъ. Но вамъ нужно хорошо экипироваться, путь трудный; это стоитъ не дешево.

— У меня денегъ довольно. Значитъ вы меня берете съ собой?

— Да вѣдь куда же я васъ дѣну иначе? Приходится. Выѣдемъ завтра, пробудемъ недѣлю въ Верхнеудинскѣ, и — въ окончательный путь.

— Куда?

— Какъ куда? Въ застѣнный Китай, черезъ Гоби, — а тамъ куда хотите.

— Какъ же я проѣду?

— Проѣдете просто, съ экспедиціей. Вамъ объ этомъ думать не придется и беспокоиться нечего. Только — полнѣйшая тайна, чтобы и объ отъѣздѣ вашемъ никто не зналъ! Рѣшено?

— Я вамъ такъ благодарна!

— За это вы мнѣ потомъ все о себѣ расскажете.

— Хоть сейчас!

— Нѣтъ, потомъ. Ну — давайте руку. А теперь поговоримъ серьезно о дѣлахъ хозяйственныхъ.

.....

Минуть за десять до отхода поѣзда по станціи металась грузная фигура въ допотопной дохѣ и боярской мѣховой шапкѣ; пробѣжала всю платформу, стараясь заглянуть въ окна вагоновъ. Но окна внизу были покрыты морознымъ узоромъ, и фигура напрасно подпрыгивала, распахивая полы шубы. Наконецъ, не безъ труда, едва не потерявъ глубокую кожаную калошу на обледѣлой ступени, отецъ Яковъ проникъ въ вагонъ второго класса.

— А успѣлъ все-таки, успѣлъ! Думалъ — ужъ и не найду, а успѣлъ! Почтенному ученому пожать руку на дальній путь и пожелать удачи въ достиженияхъ.

— Спасибо, батюшка. А вы что же, остаетесь? Или на Байкаль?

— Побываю, побываю, если Господь доведетъ, но сейчасъ неспособно: а попросту сказать — малоденжно. Вотъ на васъ же заработаю, тогда и прокачусь.

— Какъ это на мнѣ заработаете?

— Опишу счастливую встрѣчу для газетокъ. Публика то интересуется экспедиціей, а мы, газетчики, пользуемся. Дурного не напишу, а пріятнымъ знакомствомъ похвастаюсь, и кое-что изъ разговоровъ, если не воспретите.

— Сдѣлайте одолженіе, батюшка, мы изъ поѣздки секрета не дѣлаемъ.

Второй звонокъ. Отецъ Яковъ еще разъ жметъ руку геолога и растерянно оглядывается.

— То ли показалось, то ли и вправду видѣлъ издали нашу прошедшую спутницу. Думалъ и ей поклониться.

— Развѣ? Не знаю, не замѣтилъ.

— Значить ошибся?

Еще есть минутъ пять впереди. Тяжелая доха бѣжить бочкомъ черезъ сосѣдній вагонъ. У окна — фигура женщины, закутанной въ сѣрый мѣхъ.

— Боюсь обознаться, а кажется и не ошибся!

Наташа недовольно повертывается.

— Ахъ, это вы, батюшка? Тоже ѣдете?

— Ъхать не ѣду, а вотъ провожалъ бывшего содорожника въ дальній ученый путь, да и васъ увидаль случайно. Пожелаю и вамъ желаемыхъ достижений и пріятнаго путешествія.

Наташа протягиваетъ руку:

— До свиданья, батюшка!

— Ужъ гдѣ же до свиданья, правильнѣе сказать — прощай, надоѣдливый попъ Яковъ! И однако хотѣлъ при послѣднемъ моментѣ знакомства нескромно спросить: изволили ли въ свое время получить баночку вишневаго варенья?

— Какую баночку?

— Малая баночка, вишня безъ косточки, ваша любимая! А привезъ ее единожды изъ города Рязани запрещенный попъ Яковъ Камлинскій отъ страждущаго родителя.

— Я не понимаю, батюшка.

— А понимать сейчасъ и не нужно, потомъ поймете. Отъ страждущаго родителя Сергѣя Павловича — родной дочери въ мрачную темницу. Тому назадъ мѣсяца четыре. Однако лишь къ слову напомнилъ, чтобы знали, что встрѣчный попъ — не врагъ, а истинный другъ. И затѣмъ — прошу принять прощенье!

Наташа растерянно опять подала руку.

Послышался третій звонокъ. Отецъ Яковъ совсѣмъ заторопился, подобралъ полы и уже на ходу крикнулъ:

— Анютѣ-то, Анютѣ кланяйтесь, ежели встрѣтите гдѣ! Покойнаго друга дочь, знаваль дитятею!

Неуклюже вывалился на площадку вагона и сошелъ почти на ходу, шаркая калошами по холодному камню.

Вагоны прошли мимо него, но въ окна ничего видно не было. Отецъ Яковъ постоялъ, пропустилъ весь составъ поѣзда, запахнулся потеплѣе и побрелъ къ выходу.

— А успѣлъ, успѣлъ. Конечно, — не сдержался поплъ, выдалъ себя головой! И все-таки — будетъ приятно узнать страждущему родителю, если еще доведется съ нимъ свидѣться. А по совѣсти сказать — случайность прерѣдкостная! Лю-бо-пытно!

ГОБИ

Красота мира открывается человѣку одинъ разъ; только очень счастливому — повторно, а очень несчастному — никогда. И какъ предстанетъ она передъ глазами, — человѣкъ уже не тотъ: изъ профана онъ сталъ посвященнымъ.

Съ этой поры мѣриломъ всѣхъ цѣнностей будетъ для него видѣнное: для высоты — гора, для дали — море, для игры свѣта — прозрачный воздухъ. И это на всю жизнь: вспоминать въ счастіѣ, въ несчастіѣ, въ праздникъ и въ сѣрые будни, съ открытыми и съ закрытыми глазами. Единственное богатство, которое не растратится.

Холодная Ангара, изумительный Байкалъ, потомъ сразу — кочевья, значить бываетъ и такая жизнь, а номады — тоже люди; дальше — живая картина застывшихъ въ неподвижности вѣковъ и культуръ; человѣчки, живущіе крохами быта и безграничностью созерцанія, и ихъ трупы, выброшенные голоднымъ собакамъ; сѣрыя куропатки вблизи монгольскихъ жилищъ, налетающій на нихъ въ безмолвѣ хищный соколъ, и снова — снѣговья дали, окрашенные огненнымъ золотомъ, и на пескахъ, кажушихся въ морозъ горячими, странное священное сооруженіе изъ камней и сухихъ древесныхъ вѣтвей съ нанизанными на нихъ бараньими лопатками и лоскутами цвѣтныхъ матерій.

Горные хребты, томительные перевалы, однообразный путь, ночлеги, какихъ никогда не представляло воображеніе, длинная цѣпь верблюдовъ, непонятная и неодолимая сонливость при легкомъ здоровомъ дыханьѣ; спускъ, подъемъ, и опять — спускъ, подъемъ, — и вдругъ, съ высоты Толой-готу открывается строгая красота горы Богдо-ола, въ восьмидесяти ущельяхъ которой, въ высокоствольныхъ лѣсахъ и на пестрыхъ полянахъ — рай звѣрей и птицъ, охраняемыхъ строжайшимъ запретомъ ихъ касаться и нарушать ихъ покой и радость. Повѣрить ли? Человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, который убиваетъ и уничтожаетъ все живое и называетъ это культурой, — вдругъ этотъ человѣкъ, павъ ницъ передъ красотой, понялъ, приказалъ и исполнилъ: да будетъ жизнь лѣсовъ, птицъ и звѣрей священной горы — свята и неприкосновенна! Это случилось два вѣка назадъ — и осталось донинѣ.

Все необыкновенно — съ минуты выѣзда до конца пути, такъ ярко, что не можетъ быть сномъ, хотя развѣ это — дѣйствительность? Все совсѣмъ иное, а той, прежней жизни нѣтъ и словно бы не было: когда учились по книжкѣ, питали въ себѣ любовь и ненависть по указанію трафарету, гибли по программѣ и мечтали о томъ, что не стоило мечтаній; жили безъ мудраго углубленія и безъ разсчета по вѣкамъ — только зломъ и благомъ сегодняшняго дня.

Выѣхали въ морозный день, въ кибиткѣ, на быстрыхъ лошадяхъ, и такъ — до пограничнаго китайскаго городка, откуда выплыли уже кораблями пустыни. Заиндевелыя, укутанныя въ мѣха фигуры на спинахъ маленькихъ выносливыхъ лошадей, тоже бѣлыхъ отъ инея. Позади караванъ верблюдовъ съ огромными, мѣрно качающимися вьюками. Разговаривать и не о чемъ и невозможно; только на привалахъ, если сонъ одолѣетъ не сразу.

До границы Застѣннаго Китая была еще Россія, — та самая, что на западъ уходила за Варшаву. Но Наташа уже не испытывала безпокойства: прежняя жизнь ушла. Даже

и не спрашивала, какъ это будетъ? Еще въ поѣздѣ, когда ныряли въ туннели, огибая Байкаль, Бѣловъ сказалъ ей:

— Вамъ вообще не о чемъ думать и беспокоиться. Вы — подъ нашимъ высокимъ покровительствомъ!

На первой монгольской станціи Бѣловъ ее поздравилъ:

— Ну, Рубиконъ перейденъ! Вы довольны?

— Я должна быть довольна, но главное — я вамъ благодарна.

— Правъ былъ я, что все это довольно просто?

— Да, я даже не замѣтила. Кто тотъ господинъ, который провожалъ насъ въ Кяхтѣ и такъ почтительно со мной раскланялся?

— Это былъ русскій консуль, милѣйшій человекъ.

Оба они разсмѣялись.

Въ Ургѣ, священной столицѣ Монголіи, Наташа разсталась съ караваномъ русской экспедиціи, путь которой лежалъ на монгольскій Алтай. Добрый спутникъ Бѣловъ говорилъ ей, прощаясь:

— Ну, милая бѣглявка, дальше вы будете путешествовать самостоятельно; но я за васъ не боюсь, вы молодцомъ выдержите трудный путь.

Ее пристроили къ торговому каравану, гдѣ только двое сносно объяснялись по-русски. Она была единственной женщиной въ караванѣ, и была одѣта, какъ всѣ, въ тяжелые мѣха, кожаные штаны, валеные сапоги, ушастую шапку и башлыкъ. Никто не спрашивалъ, кто она такая и зачѣмъ ѣдетъ: пустое любопытство чуждо равнодушному и сосредоточенному монголу. Большую часть пути приходилось ѣхать верхомъ.

Теперь начиналась настоящая Гоби, безкрайняя пустыня, песчаная скатерть со складками мягкихъ и скалистыхъ

холмовъ. Отъ Кяхты до Урги въ пути еще попадались населенныя мѣста, станціонныя домики, небольшіе монастыри, и было не мало встрѣчныхъ; за Ургой все это исчезло, и рѣзко измѣнилась не только природа, но какъ будто и самая раса рѣдкихъ кочевниковъ.

Здѣсь былъ вѣковой покой, отрицанье волнующей жизни, тупая сосредоточенность и покорность величію нѣмой пустыни. Не было счета дней — былъ только счетъ истекшихъ и предстоящихъ столѣтій, которыя не знали событій и не грозятъ ими въ будущемъ. У порога Гоби остановилась въ раздумѣ наступающая цивилизація — и убоялась вступить въ ея пески.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ Наташи былъ небольшой монастырекъ, обнесенный стѣною, передъ которой стаей бродили голодныя собаки-людоеды. Онѣ ждали, когда лама, выполняя обычай, съ равнодушіемъ и презрѣніемъ къ падали, велитъ выбросить имъ тѣло умершаго. Это будетъ ихъ недолгимъ праздникомъ; съ окровавленными мордами онѣ будутъ рвать на части человѣческое тѣло, драться изъ-за лучшихъ кусковъ и, закинувъ головы, съ наслажденіемъ чавкать; потомъ разнесутъ кости и будутъ ихъ грызть, держа въ лапахъ и ревниво озираясь. Потомъ опять — долгій голодъ и тупое ожиданье.

Какъ во снѣ, неспѣша уходили часы и дни, подъемы, спуски, недолгіе привалы. Ровный шагъ верблюдовъ, мягкій топотъ верховой лошади, мѣрное покачиванье, смѣна свѣта сумерками, рѣдкій говоръ на непонятномъ языкѣ, даль впереди и даль позади, — точно не караванъ движется, а уходитъ подъ нимъ песокъ и замѣняется новымъ. Время рождается въ вѣчности и въ ней теряется.

Иногда вокругъ солнца появлялось кольцообразное сіянье; иногда впереди внезапно вставала возвышенность, покрытая лѣсомъ, и сначала казалась очень близкой, потомъ отдалялась и блѣднѣла, наконецъ исчезла совсѣмъ, — но и къ миражамъ привыкли глаза, и этотъ злой духъ

пустыни не нарушалъ страннаго впечатлѣнія остановившагося бытія: часы шли, а стрѣлки часовъ не двигались.

Было очень холодно, но ощущение холода, вначалѣ сильное, въ пути замирало и исчезало. Можно было замерзнуть и незамѣтно умереть, не испытавъ никакого страданья. И можно было такъ же незамѣтно испепелиться на ослѣпительномъ солнцѣ: между холодомъ и зноемъ не было опредѣляющей границы. И совершенно не думалось о томъ, что была такая то жизнь за плечами и предстоитъ такая то впереди, и что этотъ путь — только переходъ. Напротивъ, вотъ этотъ песчаный мостъ между жизнями и есть реальность, а бывшее и будущее — только миражъ. И все это — внѣ пониманія и выше пониманія, это существуетъ, но нѣтъ вопроса: почему?

Никто не толкнулъ потока жизни, никто его не остановилъ. За предѣлами пустыни, гдѣ люди живутъ тѣсно и бьются за клочекъ земли, которая ихъ кормитъ и будетъ ихъ могилой, — существуетъ вопросъ: «зачѣмъ?» Здѣсь такого вопроса нѣтъ. Безъ причинъ и цѣли возникло и существуетъ бытіе. Нѣтъ бытія безъ страданія и нѣтъ страданія безъ бытія. И бытіе и страданіе — безначальны.

И сказалъ Пробудившійся, Познавшій, Возвышенный, Соверщенный, великій Готама Будда:

«Такова святая истина: — рожденіе есть страданье, старость есть страданье, болѣзнь есть страданье, смерть есть страданье, соединеніе съ немилымъ есть страданье, разлука съ милымъ есть страданье, недостиженіе желаемаго есть страданье. Все, что привязываетъ къ міру, есть страданье!»

Чѣмъ порождается страданье? — Жаждой бытія и земного наслажденья, жаждой творчества, жаждой власти.

Чѣмъ побѣдить страданье? — Искорененьемъ въ себѣ этой жажды, полнымъ отказомъ отъ желаній.

Человѣкъ, чувства котораго свободны отъ желаній, который живетъ безъ стремленій среди стремящихся, безъ

вражды среди полныхъ вражды людей, безъ имущества среди имущихъ, безъ жажды бытія и безъ привязанности къ преходящему, — тотъ человѣкъ живетъ въ покоѣ и радости, и ему, Совершенному, завидуютъ боги!

.....

Иногда, совсѣмъ зачарованная пустыней и своимъ обыкновеннымъ путешествіемъ, Наташа пыталась сбросить съ себя сонъ и вслухъ себя спрашивала:

— Что это такое? Какъ это случилось? Гдѣ я? И неужели это дѣйствительно я?

Когда она переступила порогъ тюрьмы, она была полна радости, но радости земной и животной: спаслось тѣло! Теперь свершалось совсѣмъ иное — гораздо болѣе значительное и важное: освобождался духъ. Никакихъ прежнихъ связывающихъ вѣрованій, обязательныхъ идей и выдуманныхъ программъ! Полная и совершенная свобода! Тоже радость — но особенная, безъ прежняго ощущенія себя и только себя, какъ центра вселенной, для котораго все только и существуетъ. Теперь она — песчинка въ безпредѣльности, лишенная ясныхъ желаній и жизненныхъ привязанностей. Ни прошлаго, ни будущаго, а въ настоящемъ — мѣрный шагъ лошади и остановившееся время. И вокругъ — миллиарды песчинокъ, несчитанныхъ и не имѣющихъ особаго существованія, но тоже живущихъ. Все это и идетъ — и неподвижно, и живетъ — и не существуетъ. Понять это невозможно, объяснить нельзя, какъ нельзя въ этомъ и усумниться.

Совершенный сказалъ:

«Существуетъ, ученики мои, прибѣжище, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды, ни свѣта, ни воздуха; гдѣ нѣтъ ни безконечности пространства, ни безконечности разума, ни представлений, ни ихъ отсутствія, ни чего бы то ни было; гдѣ нѣтъ ни этого міра, ни другого міра, ни солнца, ни лу-

ны. Это, ученики мои, не появленіе, не уничтоженіе и не постоянное существованіе. Это не умираніе и не рожденіе. Это существуетъ безъ основы, безъ названія, безъ опоры: это есть конецъ страданія.

Гдѣ нѣтъ ничего, гдѣ не существуетъ никакой привязанности, — тамъ это единственное прибѣжище, — Нирваной называю я его. И кто достигъ его — тотъ не знаетъ никакихъ страданій!»

Такъ говорилъ Совершенный.

Мих. Осоргинъ.

Подвигъ

XXXVI

Вернувшись на зиму въ Швейцарію, Мартынь предвкушалъ занятную корреспонденцію, но Соня въ нечестныхъ своихъ письмахъ не упоминала больше о Зоорландіи; зато въ одномъ изъ нихъ просила отъ имени отца передать Грузинову привѣтъ. Оказалось, что Грузиновъ жилъ какъ разъ въ гостиницѣ, столь привлекавшей Мартына, но, когда онъ на лыжахъ спустился туда, то узналъ, что Грузиновъ на время уѣхалъ. Привѣтъ онъ передалъ женѣ Грузинова, Валентинѣ Львовнѣ, свѣжей, ярко одѣтой, сорокалѣтней дамѣ съ изсиня черными волосами, улыбавшейся очень осторожно, такъ какъ передніе зубы (всегда запачканные карминомъ) черезчуръ выдавались, и она спѣшила натянуть на нихъ верхнюю губу. Такихъ очаровательныхъ рукъ, какъ у нея, Мартынь никогда не видалъ: маленькихъ, мягкихъ, въ жаркихъ перстняхъ. Но, хотя ее всѣ считали привлекательной и восхищались ея плавными тѣлодвиженіями, звучнымъ, ласковымъ голосомъ, Мартынь остался холоденъ, и ему было непріятно, что она, чего добраго, старается ему нравиться. Боялся онъ, впрочемъ, зря. Валентина Львовна была къ нему такъ же равнодушна, какъ къ высокому, поастому англичанину съ сѣдой щетиной на узкой головѣ и съ пестрымъ шарфомъ вокругъ шеи, который каталъ ее на салазкахъ.

«Мужъ вернется только въ іюль», — сказала она и принялась разспрашивать про Зилановыхъ. ...«Да-да, я слышала, — несчастная мать, —» (Мартынь упомянулъ объ Иринѣ). — «Вы вѣдь знаете, съ чего это началось?» Мар-

тынь звалъ: четырнадцатилѣтняя Ирина, тогда тихая, полная дѣвочка, склонная къ меланхоліи, оказалась съ матерью въ теплушкѣ, среди всякаго сброда. Онѣ ѣхали безконечно, — и двое забіякъ, несмотря на уговоры товарищей, то и дѣло шупали, щипали, щекотали ее и говорили чудовищныя сальности, и мать, улыбаясь отъ ужаса, безпомощно старалась ее защитить и все повторяла: «Ничего, Ирочка, ничего, ахъ, пожалуйста, оставьте дѣвочку, какъ вамъ не совѣстно, ничего, Ирочка...» — и совершенно такъ же вскрикивала и причитала, и совершенно такъ же держала дочь за голову, когда, уже въ другомъ вагонѣ, поближе къ Москвѣ, солдаты — на полномъ ходу — вытискивали въ окно ея толстаго мужа, который чудомъ добралъ семью на засыпанной снѣгомъ станціи. Да, онъ былъ очень толстъ и истерически смѣялся, такъ какъ застрѣлъ въ окнѣ, но наконецъ напиравшіе густо ухнули, и онъ исчезъ, и мимо пустого окна мчался слѣпой снѣгъ. Затѣмъ былъ у Ирины тифъ, и она непонятно какъ выжила, но перестала владѣть человѣческой рѣчью и только въ Лондонѣ научилась по разному мычать и довольно сносно произносить «ма-ма».

Мартынь, никогда какъ-то Ириной не занимался, давно привыкнувъ къ ея дурости, но теперь что-то его потрясло, когда Валентина Львовна сказала: «Вотъ у нихъ въ домѣ есть постоянный живой символъ». Зоорландская ночь показалась еще темнѣе, дебри ея лѣсовъ еще глубже, и Мартынь уже звалъ, что никто и ничто не можетъ ему помѣшать вольнымъ странникомъ пробраться въ эти лѣса, гдѣ въ сумракѣ мучать толстыхъ дѣтей, и пахнетъ гарью и тлѣномъ. И, когда онъ по веснѣ впопыхахъ вернулся въ Берлинъ, къ Сонѣ, ему мерещилось (такъ полны приключеній были его зимнія ночи), что онъ уже бывалъ въ той одинокой, отважной экспедиціи и вотъ — будетъ рассказывать, рассказывать. Войдя къ ней въ комнату, онъ сказалъ, торопясь это выговорить, покамѣстъ еще не подпалъ подъ знакомое опустошительное вліяніе

ея тусклыхъ глазъ: «Такъ, такъ я когда-нибудь вернусь и тогда, вотъ тогда...» «Ничего никогда не будетъ», — воскликнула она тономъ пушкинской Нанны. Была она еще блѣднѣе обыкновеннаго, очень уставала на службѣ; дома ходила въ старомъ черномъ бархатномъ платьѣ съ ремешкомъ вокругъ бедеръ и въ шлепанцахъ съ потрепанными помпонами. Часто по вечерамъ, надѣвъ макинтошъ, она уходила куда-то, и Мартынъ, послонявшись по комнатамъ, медленно направлялся къ трамвайной остановкѣ, глубоко засунувъ руки въ карманы штановъ, а перебравшись на другой конецъ Берлина, нѣжно посвистывалъ подъ окномъ танцовщицы изъ «Эреба», съ которой познакомился въ теннисномъ клубѣ. Она вылетала на балкончикъ и на мигъ замирала у перилъ, и затѣмъ исчезала, и, вылетѣвъ опять, бросала ему завернутый въ бумагу ключъ. У нея Мартынъ пилъ зеленый мятный ликеръ и цѣловалъ ее въ золотую голую спину, и она сильно сдвигала лопатки и трясла головой. Онъ любилъ смотрѣть, какъ она, быстро и тѣсно переставляя мускулистыя загорѣлыя ноги, ходитъ по комнатѣ, ругмя-ругая все того же антрепренера, любилъ ея странное лицо съ неестественно тонкими бровями, оранжеватымъ румянцемъ и гладко зачесанными назадъ волосами, — и тщетно старался не думать о Сонѣ. Какъ-то, въ майскій вечеръ, когда онъ съ улицы переливчато и тихо свистнулъ, на балкончикѣ, вмѣсто танцовщицы, появился пожилой господинъ въ подтяжкахъ; Мартынъ вздохнулъ и ушелъ, вернулся къ дому Зилановыхъ и ходилъ взадъ и впередъ, отъ фонаря къ фонарю. Соня появилась за полночь, одна, и, пока она рылась въ сумкѣ, ища связку ключей, Мартынъ къ ней подошелъ и робко спросилъ, куда она ходила. «Ты меня оставишь когда-нибудь въ покоѣ?» — воскликнула Соня и, не дождавшись отвѣта, хрустнула дважды ключомъ, и тяжелая дверь открылась, замерла, бухнула. А затѣмъ Мартыну стало казаться, что не только Соня, но и всѣ общіе знакомые, какъ-то его сторонятся, что никому онъ не нуженъ и никѣмъ не любимъ. Онъ за-

ходилъ къ Бубнову, и тотъ смотрѣлъ на него страннымъ взглядомъ, просилъ извиненія и продолжалъ писать. И, наконецъ, чувствуя, что еще немного, и онъ превратится въ Сонину тѣнь и будетъ до конца жизни скользить по берлинскимъ панелямъ, израсходовавъ на тщетную страсть то важное, торжественное, что зрѣло въ немъ, Мартынъ рѣшилъ развязаться съ Берлиномъ и гдѣ-нибудь, все равно гдѣ, въ очистительномъ одиночествѣ спокойно обдумать планъ экспедиціи. Въ серединѣ мая, уже съ билетомъ на Страсбургъ въ бумажникѣ, онъ зашелъ попрощаться съ Соней, и конечно ея не оказалось дома; въ сумеркахъ комнаты сидѣла, вся въ бѣломъ, Ирина, плавала въ сумеркахъ, какъ призрачная черепаха и не сводила съ него глазъ, и тогда онъ написалъ на конвертѣ: «Въ Зоорландіи вводится полярная ночь», — и, оставивъ конвертъ на Сониной подушкѣ, сѣлъ въ ожидавшій таксомоторъ и, безъ пальто, безъ шляпы, съ однимъ чемоданомъ, — уѣхалъ.

XXXVII.

Какъ только тронулся поѣздъ, Мартынъ ожилъ, повеселѣлъ, исполнился дорожнаго волненія, въ которомъ онъ теперь усматривалъ необходимую тренировку. Пересѣвъ во французскій поѣздъ, идущій черезъ Ліонъ на югъ, онъ какъ будто окончательно высвободился изъ Сониныхъ тумановъ. И вотъ, уже за Ліономъ, развернулась южная ночь, отраженія оконъ бѣжали блѣдными квадратами по черному скату, и въ грязномъ, до ужаса жаркомъ отдѣленіи второго класса единственнымъ спутникомъ Мартына былъ пожилой французъ, бритый, бровастый, съ лоснящимися маслаками. Французъ скинулъ пиджакъ и быстрымъ переборомъ пальцевъ сверху внизъ разстегнулъ жилетъ; стянулъ манжеты, словно отвинтилъ руки, и бережно положилъ эти два крахмальныхъ цилиндра въ сѣтку. Затѣмъ, сидя на краю лавки, покачиваясь, — поѣздъ шель во всю,

— поднявъ подбородокъ, онъ отцѣпилъ воротникъ и галстукъ, и такъ какъ галстукъ былъ готовый, пристяжной, то опять было впечатлѣніе, что человекъ разбирается по частямъ и сейчасъ сниметъ голову. Обнаживъ дряблую, какъ у индюка, шею, французъ облегченно ея повертѣлъ и, согнувшись, крикая, смѣнилъ ботинки на старыя ночныя туфли. Теперь, въ открытой на курчавой груди рубашкѣ, онъ производилъ впечатлѣніе добраго малаго, слегка подвыпившаго, — ибо эти ночные спутники, съ блестящими блѣдными лицами и осоловѣлыми глазами, всегда кажутся захмелѣвшими отъ вагонной качки и жары. Порывшись въ корзинѣ, онъ вынулъ бутылку краснаго вина и большой апельсинъ, сперва глотнулъ изъ горлышка, чмокнулъ губами, крѣпко, со скрипомъ, вдавилъ пробку обратно, и принялся большимъ пальцемъ оголять апельсинъ, предварительно укусивъ его въ темя. И тутъ, встрѣтившись глазами съ Мартыномъ, который, положивъ на колѣно Таухницъ, только что приготовился зѣвнуть, французъ заговорилъ: «Это уже Провансъ», — сказалъ онъ съ улыбкой, шевельнувъ усатой бровью по направленію окна, въ зеркально-черномъ стеклѣ котораго чистилъ апельсинъ его тусклый двойникъ. «Да, чувствуется югъ», — отвѣтилъ Мартынъ. «Вы англичанинъ?» — освѣдомился тотъ и разорвалъ на двѣ части очищенный, въ клочьяхъ сѣдины, апельсинъ. «Правильно, — отвѣтилъ Мартынъ. — Какъ вы угадали?» Французъ, сочно жуя, повелъ плечомъ. «Не такъ ужъ мудрено», — сказалъ онъ, и, глотнувъ, указалъ волосатымъ пальцемъ на Таухницъ. Мартынъ снисходительно улыбнулся. «А я ліонецъ, — продолжалъ тотъ, — и состою въ винной торговлѣ. Мнѣ приходится много разъѣзжать, но я люблю движеніе. Видишь новыя мѣста, новыхъ людей, міръ — наконецъ. У меня жена и маленькая дочь», — добавилъ онъ, вытирая бумажкой концы растопыренныхъ пальцевъ. Затѣмъ, посмотрѣвъ на Мартына, на его единственный чемоданъ, на мятые штаны и сообразивъ, что англичанинъ-туристъ врядъ ли поѣхалъ

бы вторымъ классомъ, онъ сказалъ, заранѣе кивая: «Вы путешественникъ?» Мартынъ повялъ, что это просто сокращеніе — вояжеръ вмѣсто комивояжеръ. «Да, я именно путешественникъ, — отвѣтилъ онъ, старательно придавая французской рѣчи британскую густоту, — но путешественникъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Я ѣду очень далеко». «Но вы въ коммерціи?» Мартынъ замоталъ головой. «Вы это, значить, дѣлаете для вашего удовольствія?» — «Пожалуй», — согласился Мартынъ. Французъ помолчалъ и затѣмъ спросилъ: «Вы ѣдете пока-что въ Марсель?» «Да, вѣроятно въ Марсель. У меня, видите-ли, не всѣ еще приготовленія закончены». Французъ кивнулъ, но явно былъ озадаченъ. «Приготовленія, — продолжалъ Мартынъ, — должны быть въ такихъ вещахъ очень тщательны. Я около года провелъ въ Берлинѣ, гдѣ думалъ найти нужныя мнѣ свѣдѣнія, и что же вы думаете?..» «У меня племянникъ инженеръ», — вкрадчиво вставилъ французъ. «О, нѣтъ, я не занимаюсь техническими науками, не для этого я посѣщала Германію. Но вотъ — я говорю: вы не можете себѣ представить, какъ было трудно выуживать справки. Дѣло въ томъ, что я предполагаю изслѣдовать одну далекую, почти недоступную область. Кое-кто туда пробирался, но какъ этихъ людей найти, какъ ихъ заставить рассказать? Что у меня есть? Только карта», — и Мартынъ указалъ на чемоданъ, гдѣ дѣйствительно находилась одноверстка, которую онъ добылъ въ Берлинѣ въ бывшемъ Генеральномъ Штабѣ. Послѣдовало молчаніе. Поѣздъ гремѣлъ и трясся. «Я всегда утверждаю, — сказалъ французъ, — что у нашихъ колоній большая будущность. У вашихъ, разумѣется, тоже, — и у васъ ихъ такъ много. Одинъ ліонецъ изъ моихъ знакомыхъ провелъ десять лѣтъ на тропикахъ и говорить, что охотно бы туда вернулся. Онъ мнѣ однажды рассказывалъ, какъ обезьяны, держа другъ дружку за хвосты, переходятъ по стволу черезъ рѣку, — это было дьявольски смѣшно, — за хвосты, за хвосты...» «Колоніи это особь-статья, — сказалъ Мар-

тыиъ. — Я собираюсь не въ колоніи. Мой путь будетъ пролегать черезъ дикія опасныя мѣста, и — кто знаетъ? — можетъ быть мнѣ не удастся вернуться». «Это экспедиція научная, что-ли?» — спросилъ французъ, раздавливая задними зубами зѣвокъ. «Отчасти. Но — какъ вамъ объяснить? Это не главное. Главное, главное... Нѣтъ, право, я не знаю, какъ объяснить». «Понято, понято, — устало сказала французъ. — Вы, англичане, любите пари и рекорды», — слово «рекорды» прозвучало у него соннымъ рычаніемъ. — «На что міру голая скала въ облакахъ? Или — охъ, какъ хочется спать въ поѣздѣ! — айсберги, какъ ихъ зовутъ, полюсь — наконецъ? Или болота, гдѣ дохнуть отъ лихорадки?» «Да, вы, пожалуй, попали въ точку, но это не все, не только спортъ. Да, это далеко не все. Вѣдь есть еще, — какъ бы сказать? — любовь, нѣжность къ землѣ, тысячи чувствъ, довольно таинственныхъ». Французъ сдѣлалъ круглые глаза и вдругъ, поддавшись впередъ, легонько хлопнулъ Мартына по колѣну. «Смѣяться изволите надо мной?» — сказалъ онъ благодушно. «Ахъ, ничуть, ничуть». «Полно, — сказалъ онъ, откинувшись въ свой уголь. — Вы еще слишкомъ молоды, чтобы бѣгать по Сахарамъ. Если разрѣшите, мы сейчасъ притупимъ свѣтъ и соснемъ».

XXXVIII.

Тьма. Французъ почти тотчасъ захрапѣлъ. «А все-таки онъ повѣрилъ, что я англичанинъ. И вотъ такъ я буду ѣхать на сѣверъ, вотъ такъ, — въ вагонѣ, который нельзя остановить, — а потомъ, потомъ...» Онъ побрелъ по лѣсной тропинкѣ, тропинка разматывалась, разматывалась, но сонъ къ нему навстрѣчу не шелъ. Мартынь открылъ глаза. Хорошо-бы спустить оконную раму. Теплый ночной вѣтеръ хлынулъ въ лицо, и, напрягая зрѣніе, Мартынь высунулся, но въ глаза летѣла незримая пыль, быст-

рая ночь ослѣпляла, онъ втянулъ голову. Въ темнотѣ, отдѣленія раздался кашель. «Нѣтъ ужъ, пожалуйста, — проговорилъ недовольный голосъ. — Я не желаю спать подъ звѣздами. Закройте, закройте». «Закройте сами», — сказалъ Мартынь и, выйдя въ освѣщенный коридоръ, пошелъ мимо отдѣленій, гдѣ угадывалась сонная мѣшанина безпомощныхъ, полураздѣтыхъ тѣлъ, сопѣніе и вздохи, по-рыбы открытые рты, клонящаяся и вдругъ поднимающаяся голова, а прямо ей въ носъ — чужая пятка. Перебираясь изъ тамбура въ тамбуръ по скрежещущимъ желѣзнымъ площадкамъ, Мартынь прошелъ черезъ два вагона третьяго класса. Двери нѣкоторыхъ отдѣленій были открыты, въ одномъ голубые солдаты шумно играли въ карты. Дальше, въ коридорѣ спальнаго вагона, онъ остановился у полупущеннаго окна и такъ живо вспомнилъ вдругъ дѣтское свое путешествіе по югу Франціи, и вотъ это откидное сидѣніе у окна, и матерчатый ремень, при помощи котораго можно было управлять поѣздомъ, и дивную мелодію на трехъ языкахъ, — особенно: периколоза... Онъ подумалъ, — какая странная, странная выдалась жизнь, — ему показалось, что онъ никогда не выходилъ изъ экспресса, а просто слонялся изъ одного вагона въ другой, и въ одномъ были молодые англичане, Дарвинъ, торжественно берущійся за рукоять тормазы, въ другомъ — Алла съ мужемъ, а не то — крымскіе друзья или храпящій дядя Генрихъ, или Зилановы, Михаилъ Платоновичъ, съ газетой, Соня, тусклымъ взглядомъ уставившаяся въ окно. «А потомъ пѣшечкомъ, пѣшечкомъ», — взволнованно проговорилъ Мартынь, — лѣсъ и вьющаяся въ немъ тропинка... какія большія деревья! А тутъ, въ этомъ спальномъ вагонѣ, тутъ ѣхало должно быть дѣтство его, дрожа, освобождало кожаную сторку, а если пройти дальше, тамъ — вагонъ-ресторанъ, и отецъ съ матерью обѣдаютъ, — на столикѣ болванка шоколада въ фіолетовой оберткѣ, а надъ раскидными дверцами мрѣетъ винтовой вентиляторъ среди цвѣтущихъ рекламъ. И вдругъ Мар-

тынь увидѣлъ въ окно то, что видѣлъ и въ дѣтствѣ, — огни, далеко, среди темныхъ холмовъ; вотъ кто-то ихъ пересыпалъ изъ ладони въ ладонь и положилъ въ карманъ. И пока онъ глядѣлъ, поѣздъ началъ тормазить, — и тогда Мартынь сказалъ себѣ, что, если будетъ сейчасъ станція, онъ выйдетъ, и уже оттуда пойдетъ къ огнямъ. Такъ и случилось. Подплыла платформа, лунный дискъ часовъ, и поѣздъ остановился, выдохнувъ: «Уш-ш-ш-ш-ш...» Мартынь опрометью бросился къ своему вагону, несразу могъ найти отдѣленіе, дважды внѣдрялся въ чужую сопящую темноту и наконецъ нашель, безцеремонно зажегъ свѣтъ, и французъ на лавкѣ медленно приподнялся, протирая кулаками глаза. Мартынь сдернулъ чемоданъ, сунулъ въ карманъ книгу, — все это страшно спѣша. Онъ не замѣтилъ, что уже поѣздъ тихо поплылъ, и потому едва не упалъ, спрыгнувъ на скользящую платформу. Прошли окна, окна, окна, и вотъ — уже поѣзда нѣтъ, пустые рельсы, поблескиваніе угольной пыли между шпаль.

Мартынь, глубоко дыша, пошелъ по платформѣ, и носильщикъ, везущій на тачкѣ ящикъ съ надписью «Fragile», весело сказалъ, съ особой южной металлической интонаціей: «Вы проснулись во время». «Скажите, — полюбопытствовалъ Мартынь, — что въ этомъ ящикѣ?» Тотъ взглянулъ на ящикъ, словно впервые его замѣтилъ. «Музей естественныхъ наукъ», — прочелъ онъ адресъ. «Вотъ оно что, вѣроятно коллекція», — произнесъ Мартынь и направился туда, гдѣ стояло нѣсколько столиковъ у входа въ тускло освѣщенный буфетъ.

Воздухъ былъ бархатный, теплый; бѣлымъ свѣтомъ горѣлъ газовый фонарь, и вокругъ — металась блѣдная мошкара, и одна широкая, темная бабочка на сѣдой подкладкѣ. Стѣну украшало саженное объявленіе военного вѣдомства, старающееся соблазнить молодыхъ людей прелестными военной службы: на переднемъ планѣ — бравый французскій солдатъ, на заднемъ — финиковая пальма, драма-

дерь, арабъ въ бурнусѣ, а съ краю — двѣ пышныхъ женщины въ чарчафахъ.

Платформа была безлюдна. Поодаль стояли клѣтки со спящими курами. По ту сторону рельсъ смутно чернѣли растрепанные кусты. Пахло въ воздухѣ углемъ, можжевельникомъ и мочей. Изъ буфета вышла смуглая старуха, и Мартынъ спросилъ себѣ аперитифъ, прекрасное название коего прочелъ на одной изъ рекламъ. Погодя рабочій, весь въ синемъ, сѣлъ за сосѣдній столикъ и, уронивъ голову на руку, уснулъ.

«Я хочу кое-что узнать, — сказала Мартынъ старуха. — Подѣвзжая сюда, я видѣлъ огни». «Гдѣ? Вонъ тамъ?» — переспросила она, протянувъ руку въ томъ направленіи, откуда пришелъ поѣздъ. Мартынъ кивнулъ. «Это можетъ быть только Молиньякъ, — сказала она. — Да, Молиньякъ. Маленькая деревня». Мартынъ расплатился и пошелъ къ выходу. Темная площадь, платаны, дальше — синеватые дома, узкая улица. Онъ уже шелъ по ней, когда спохватился, что забылъ посмотрѣть съ платформы на вокзальную вывѣску, и теперь не знаетъ названія города, въ который попалъ. Это пріятно взволновало его. Какъ знать, — быть можетъ, онъ уже за пограничной чертой... ночь, неизвѣстность... сейчасъ окликнуть...

XXXIX.

Проснувшись на другое утро, Мартынъ несразу могъ восстановить вчерашнее, — а проснулся онъ оттого, что лицо щекотали мухи. Замѣчательно мягкая постель; аскетическій умывальникъ, а рядомъ туалетное орудіе скрипичной формы; жаркій голубой свѣтъ, дышущій въ свѣтлую занавѣску. Онъ давно такъ славно не высыпался, давно не былъ такъ голоденъ. Откинувъ занавѣску, онъ увидѣлъ напротивъ ослѣпительно бѣлую стѣну въ пестрыхъ

афишахъ, а нѣсколько лѣвѣе полосатыя маркизы лавокъ, пѣгую собаку, которая задней лапой чесала себѣ за ухомъ, и блескъ воды, струящейся между панелью и мостовой.

...Звонокъ громко пробѣжалъ по всей двухэтажной гостиной, и, бойко тоная, пришла яркоглазая грязная горничная. Онъ потребовалъ много хлѣба, много масла, много кофе и, когда она все это принесла, спросилъ, какъ ему добраться до Молиньяка. Она оказалась разговорчивой и любознательной. Мартынъ мелькомъ упомянулъ о томъ, что онъ нѣмецъ, — прѣхалъ сюда по порученію музея собирать насѣкомыхъ, и при этомъ горничная задумчиво посмотрѣла на стѣну, гдѣ видѣлись подозрительныя рыжія точки. Постепенно выяснилось, что черезъ мѣсяцъ, можетъ быть даже раньше, между городомъ и Молиньякомъ установится автобусное сообщеніе. «Значить, надо пѣшкомъ?» — спросилъ Мартынъ. «Пятнадцать километровъ, — съ ужасомъ воскликнула горничная, — что вы! Да еще по такой жарѣ...»

Купивъ карту мѣстности въ табачной лавкѣ, надъ вывѣской которой торчала трехцвѣтная трубка, Мартынъ зашагалъ по солнечной сторонѣ улочки и сразу замѣтилъ, что его открытый воротъ и отсутствіе головного убора возбуждаютъ всеобщее вниманіе. Городокъ былъ яркій, бѣлый, рѣзко раздѣленный на свѣтъ и на тѣнь, съ многочисленными кондитерскими. Дома, налѣзая другъ на друга, отошли въ сторону, и шоссеиная дорога, обсаженная огромными платанами съ тѣлеснаго цвѣта разводами на зеленыхъ стволахъ, потекла мимо виноградниковъ. Рѣдкіе встрѣчные, каменщики, дѣти, бабы въ черныхъ соломенныхъ шляпахъ, — съѣдали его глазами. Мартыну внезапно явилась мысль продѣлать полезный для будущаго опытъ: онъ пошелъ, хоронясь, — перескакивая черезъ канаву и скрываясь за ежевику, если вдали показывалась повозка, запряженная осликомъ въ черныхъ шорахъ, или пыльный, расхлябанный автомобиль. Версты черезъ двѣ онъ и вовсе

покинулъ дорогу и сталъ пробираться параллельно съ нею по косогору, гдѣ дубки, блестящій миртъ и каркасныя деревья заслоняли его. Солнце такъ пекло, такъ трещали цикады, такъ пряно и жарко пахло, что онъ въ конецъ разомлѣлъ и сѣлъ въ тѣнь, вытирая платкомъ холодную, липкую шею. Посмотрѣвъ на карту, онъ убѣдился въ томъ, что на пятомъ километрѣ дорога даетъ петлю, и потому, если пойти на востокъ черезъ вонъ тотъ желтый отъ дрока холмъ, можно вѣроятно попасть на ея продолженіе. Переваливъ на ту сторону, онъ дѣйствительно увидѣлъ бѣлую змѣю дороги и опять пошелъ вдоль нея, среди благоуханныхъ зарослей и все радовался своей способности опознавать мѣстность.

Вдругъ онъ услышалъ прохладный звукъ воды и подумалъ, что въ мирѣ нѣтъ лучше музыки. Въ туннелѣ листья дрожали на плоскихъ камняхъ ручей. Мартынъ опустился на колѣни, утолилъ жажду, глубоко вздохнулъ. Затѣмъ онъ закурилъ: отъ сѣрной спички передался въ ротъ сладковатый вкусъ, и огонекъ спички былъ почти незримъ въ знойномъ воздухѣ. И, сидя на камнѣ и слушая журчаніе воды, Мартынъ наслаждался сполна чувствомъ путевой безопасности, — онъ, потерянный странникъ, былъ одинъ въ чудномъ мирѣ, совершенно къ нему равнодушномъ, — играли въ воздухѣ бабочки, юркали ящерицы по камнямъ, и блестяли листья, какъ блестятъ они и въ русскомъ лѣсу, и въ лѣсу африканскомъ.

Было уже далеко за полдень, когда Мартынъ вошелъ въ Молиньякъ. Вотъ, значить, гдѣ горѣли огни, звавшіе его еще въ дѣтствѣ. Тишина, зной. Въ бѣгущей вдоль узкой панели узловой водѣ сквозило разноцвѣтное дно, — черепки битой посуды. На булыжникахъ и на теплой панели дремали робкія, бѣлыя, страшно худыя собаки. Посреди небольшой площади стоялъ памятникъ: лицо женскаго пола, съ крыльями, поднявшее знамя.

Мартынъ прежде всего зашелъ на почтамтъ, гдѣ было прохладно, темновато, сонно. Тамъ онъ написалъ матери

открытку подъ пронзительное зудѣвіе мухи, одной лапкой приклеившейся къ медово-желтому листу на подоконникѣ. Съ этой открытки начался новый пакетикъ въ комодѣ у Софьи Дмитриевны, — предпоследній.

XL.

Хозяикъ единственной въ Молиньякѣ гостиницы и за тѣмъ брату хозяйки, лиловому отъ вина и полнокровія фермеру, къ которому, въ виду полного обнищанія, ему пришлось черезъ недѣлю наняться въ батраки, Мартынъ сказалъ, что — швейцарецъ (это подтверждалъ паспортъ), и далъ понять, что давно шатается по свѣту, работая гдѣ попало. Третій разъ такимъ образомъ онъ мѣнялъ отечество, пытая доврчивость чужихъ людей и участь жить инкогнито. То, что онъ родомъ изъ далекой сѣверной страны, давно пріобрѣло оттѣнокъ обольстительной тайны. Вольнымъ заморскимъ гостемъ онъ разгуливалъ по басурманскимъ базарамъ, — все было очень занимательно и пестро, но гдѣ бы онъ ни бывалъ, ничто не могло въ немъ ослабить удивительное ощущеніе избранности. Такихъ словъ, такихъ понятій и образовъ, какіе создала Россія, не было въ другихъ странахъ, — и часто онъ доходилъ до косноязычія, до нервнаго смѣха, пытаясь объяснить иноземцу, что такое «оскомина» или «пошлость». Ему льстила влюбленность англичанъ въ Чехова, влюбленность нѣмцевъ въ Достоевскаго. Какъ-то въ Кембриджѣ онъ нашелъ въ номерѣ мѣстнаго журнала шестидесятихъ годовъ стихотвореніе, хладнокровно подписанное «А. Джемсонъ»; «Я иду по дорогѣ одинъ, мой каменистый путь простирается далеко, тиха ночь и холоденъ камень, и ведется разговоръ между звѣздой и звѣздой». На него находила поволока странной задумчивости, когда, бывало, доносились изъ пропасти берлинскаго двора звуки переимчивой шарманки, не вѣдающей, что ея пѣсня жалобила томныхъ

пьяницъ въ русскихъ кабакахъ. Музыка... Мартыну было жаль, что какой-то стражъ не пускаетъ ему на языкъ звуковъ, живущихъ въ слухъ. Все же, когда, повисая на вѣтвяхъ провансальскихъ черешень, горланили молодые итальянцы-работіе, Мартынъ — хрипло и бодро, и феноменально фальшиво — затягивалъ что-нибудь свое, и это былъ звукъ той поры, когда на крымскихъ ночныхъ пикникахъ баритонъ Зарянского, потопляемый хоромъ, пѣлъ о чарочкѣ, о семиструнной подругѣ, объ иностранномъ-странномъ-странномъ офицерѣ.

Глубоко внизу бѣжала подъ вѣтромъ люцерна, сверху наваливалась жаркая синева, у самой щеки шелестѣла листья въ серебристыхъ прожилкахъ, и клеенчатая корзинка, нацѣпленная на сукъ, постепенно тяжѣла, наполняясь крупными, глянцевито-черными черешнями, которыя Мартынъ срывалъ за тугіе хвосты. Когда черешни были собраны, послѣло другое: абрикосы, дробитанные солнцемъ, и персики, которые слѣдовало нѣжно подхватывать ладонью, а то получались на нихъ синяки. Были и еще работы: по поясъ голый, съ уже терракотовой спиной, Мартынъ, въ угоду молодой кукурузѣ, разрыхлялъ, подкучивалъ землю, выбивалъ угломъ цапки лукавый, упорный пырей, или часами нагибался надъ ростками яблонь и грушъ, щелкалъ секаторомъ, — и какъ же весело было, когда изъ дворового бассейна проводилась вода къ питомнику, гдѣ киркой проложенныя борозды соединялись между собой и съ чашками, расцапанными вокругъ дерева; блистая на солнцѣ, растекалась по всему питомнику напущенная вода, пробиралась, какъ живая, вотъ остановилась, вотъ побѣжала дальше, словно нащупывая путь, и Мартынъ, изрѣдка морщась отъ уколовъ крохотныхъ репейниковъ, чавкалъ, по щиколки въ жирной, диловой грязи, — тутъ втыкалъ съ размаху желѣзный щитъ въ видѣ преграды, тамъ, напротивъ, помогалъ струѣ пробиться, — и, хлюпая, шелъ къ чашкѣ вокругъ дерева: чашка наподнялась пузырячатой, коричневой водой, и онъ ша-

рилъ въ ней лопатой, сердобольно размягчая почву, и что-то изумительно легчало, вода просачивалась, благодатно омывала корни. Онъ былъ счастливъ, что умѣть утолить жажду растенія, счастливъ, что случай помогъ ему найти трудъ, на которомъ онъ можетъ провѣрить и смѣтливость свою, и выносливость. Онъ жилъ, вмѣстѣ съ другими рабочими, въ сараѣ, выпивалъ, какъ они, полтора литра вина въ сутки и находилъ спортивную отраду въ томъ, что отъ нихъ не отличается ничѣмъ, — развѣ только свѣтлой бородкой, незамѣтно имъ отпущенной.

По вечерамъ, передъ тѣмъ, какъ завалиться спать, онъ шелъ покурить и погрезить къ пробковой рошѣ за фермой. Гдѣ-то невдалекѣ прерывисто и сочно свистали соловьи, а съ бассейна уже доносился гуттаперчевый, давящійся квохъ лягушекъ. Воздухъ былъ нѣженъ и тускло-ватъ, это были несовсѣмъ сумерки, но уже не день, и террасы оливъ, и миѳологическіе холмы вдаль, и отдѣльно стоящая на бугрѣ сосна, все было немножко плоско и обморочно, а ровное, потухшее небо тѣснило, дурманило, и хотѣлось поскорѣе, чтобы въ немъ просквозили живительныя звѣзды. Темнѣло, темнѣло, на почернѣвшихъ холмахъ уже вздрагивали огоньки, зажигались окна въ хозяйскомъ домѣ, еще минута — и окрестъ былъ сумракъ, и, когда, далече-далече, въ невѣдомой темнотѣ, горящими члениками проползаль рокошующій поѣздъ и внезапно исчезалъ, Мартынъ съ удовольствіемъ говорилъ себѣ, что оттуда, изъ этого поѣзда, видны ферма и Молиньякъ, какъ соблазнительная пригоршня огней. Онъ радовался, что послушался ихъ, раскрылъ ихъ прекрасную, тихую сущность, — и однажды, въ воскресный вечеръ, онъ набрелъ въ Молиньякъ на небольшой, бѣлый домъ, окруженный крутыми виноградниками, и увидѣлъ покосившійся столбъ съ надписью: «продается». Въ самомъ дѣлѣ, — не лучше ли отбросить опасную и озорную затѣю, не лучше ли отказаться отъ желанія заглянуть въ беспощадную зоорландскую ночь, и не поселиться ли съ

молодой женой вотъ здѣсь, на клинѣ тучной земли, ждущей трудолюбиваго хозяина? Да, надо было рѣшить: время шло, близилась черная осенняя ночь, имъ намѣченная для перехода, и онъ уже чувствовалъ себя отдохнувшимъ, спокойнымъ, увѣреннымъ въ своей способности прикидываться чѣмъ угодно, никогда не теряться, всегда и вездѣ умѣть жить такъ, какъ требуютъ обстоятельства...

И вотъ, пытая судьбу, онъ написалъ Сонѣ. Отвѣтъ пришелъ скоро, и, прочтя его, Мартынъ облегченно вздохнулъ. «Да не мучь ты меня», — писала Соня. — «Ради Бога, довольно. Я не буду твоей женой никогда. И я ненавижу виноградники, жару, змѣй и, главное, чеснокъ. Поставь на мнѣ крестъ, удружи, миленькій».

Въ тотъ же день онъ на автобусѣ покатылъ въ городъ, сбрилъ свѣтлую бородку, взялъ въ гостиницѣ чемоданъ и пошелъ на станцію. Тамъ, у того же столика, положивъ голову на руку, дремалъ тотъ же рабочій. Зажигались фонари, рѣяли летучія мыши, выцвѣтало зеленое небо. «Прощай, прощай», — на какой-то пѣсенный ладъ подумалъ Мартынъ, глядя на растрепанный можежевельникъ по ту сторону уже дрожавшихъ рельсъ, на семафоръ, на черный силуэтъ человѣка, подвигавшаго черный силуэтъ тачки.

Влетѣлъ ночной экспрессъ, черезъ минуту тронулся опять, и Мартына пронзило мгновенное желаніе выскочить, вернуться на благополучную, на сказочную ферму. Но станція уже сгнула. Глядя въ окно, онъ ждалъ появленія Молиньякскихъ огней, чтобы проститься съ ними. Вотъ они разсыпались вдалекѣ, — они были такъ хороши, даже какъ-то не вѣрилось... «Скажите, — обратился Мартынъ къ кондуктору, — вонъ эти огни, это — Молиньякъ?» «Какіе огни?» — спросилъ тотъ и взглянулъ въ окно, — но тутъ все заслонилъ вдругъ поднявшійся скатъ. «Во всякомъ случаѣ, это не Молиньякъ, — сказала кондукторъ. — Молиньякъ не виденъ отсюда».

XLI.

На швейцарской границѣ Мартынъ купилъ «Зарубежное Слово» и едва повѣрилъ глазамъ, замѣтивъ внизу крупный заголовокъ фельетона: «Зоорландія». Подписано было «С. Бубновъ». Это оказался короткій, чудеснымъ языкомъ написанный рассказъ «съ налетомъ фантастики», какъ выражаются критики, и въ немъ Мартынъ со смущеніемъ и ужасомъ узналъ (словно произошла страшная непристойность) многое изъ того, о чемъ онъ говорилъ съ Соней, — но все это было странно освѣщено чужимъ, бубновскимъ, воображеніемъ. «Какая она все-таки предательница», — подумалъ Мартынъ и въ порывѣ острой и безнадежной ревности вспомнилъ, какъ видѣлъ однажды Бубнова и Сою, идущихъ по темной улицѣ подругу, и какъ увѣрилъ себя, что обознался, когда Соня на другой день сказала, что была съ Веретенниковой въ кинематографѣ.

Моросило, горы были видны только до половины, когда, въ шарабанѣ, среди тюковъ, корзинъ и тучныхъ женщинъ, онъ пріѣхалъ въ деревню, отъ которой было десять минутъ ходьбы до дядинаго дома. Софья Дмитріевна знала, что сынъ скоро долженъ пріѣхать, — третій день ждала телеграммы, съ волненіемъ думая, какъ поѣдетъ его встрѣчать на станцію въ автомобиль. Она сидѣла въ гостиной и вышивала, когда услышала изъ сада басокъ сына и тотъ его круглый, глуховатый смѣхъ, которымъ онъ смѣялся, когда возвращался послѣ долгой разлуки. Мартынъ шелъ рядомъ съ раскраснѣвшей Маріей, которая старалась выхватить у него чемоданъ, а онъ его на ходу все перемѣщала изъ одной руки въ другую. Сынъ былъ съ лица мѣдно-темень, глаза посвѣтлѣли, отъ него дивно пахло табачнымъ перегаромъ, мокрой шерстью пиджака, поѣздомъ. «Ты теперь надолго, надолго», — повто-

рля она счастливымъ, лающимъ голосомъ. «Вообще — да, — солидно отвѣтилъ Мартынъ. — Только вотъ недѣли черезъ двѣ мнѣ нужно будетъ съѣздить по дѣлу въ Берлинъ, — а потомъ я вернусь». «Ахъ, какія тамъ дѣла, успѣется!» — воскликнула она, — и дядя Генрихъ, который почивалъ у себя послѣ завтрака, проснулся, прислушался, поспѣшно обулся и спустился внизъ.

«Блудный сынъ, — сказалъ онъ входя, — я очень радъ тебя видѣть опять». Мартынъ щекой коснулся его щеки, и оба одновременно чмокнули пустоту, какъ было между ними принято. «Надѣюсь — на нѣкоторое время?» — спросилъ дядя, не спуская съ него глазъ, и ощупью взялся за спинку стула, и сѣлъ, растопыривъ ноги. «Вообще — да, — отвѣтилъ Мартынъ, пожирая ветчину, — только вотъ недѣли черезъ двѣ мнѣ придется съѣздить въ Берлинъ, — но потомъ я вернусь». «Не вернешься, — сказала со смѣхомъ Софья Дмитріевна, — знаю тебя. Ну, расскажи, какъ это все было. Неужели ты правда пахалъ, и косилъ, и доилъ?» «Дойтъ очень весело», — сказалъ Мартынъ, и показалъ двумя разставленными пальцами, какъ это дѣлается (какъ разъ доить коровъ ему въ Молиньякъ не приходилось, — былъ для этого его тезка, Мартэнъ Рокъ, — и неизвѣстно, почему онъ сначала рассказалъ именно объ этомъ, когда было такъ много другого, подлиннаго).

Утромъ, взглянувъ на горы, Мартынъ снова, на тотъ же нѣсколько всхлипывающій мотивъ, подумалъ: «Прощай, прощай», — но сразу пожурилъ себя за недостойное малодушіе, и тутъ вошла Софья Дмитріевна съ письмомъ, и, уже съ порога — такъ, чтобы не дать времени сыну напрасно подумать, что это отъ Сони, — бодро сказала: «Отъ твоего Дарвина. Забыла тебѣ вчера дать». Мартынъ съ первыхъ же строкъ началъ тихо смѣяться. Дарвинъ писалъ, что женится на удивительной дѣвушкѣ, англичанкѣ, встрѣченной въ гостиницѣ надъ Ніагарой, что ему придется много разъѣзжать, и что онъ будетъ черезъ недѣлю въ Берлинъ. «Да пригласи его сюда, — живо сказала Софья

Дмитріевна, — чего же проще?» «Нѣтъ-нѣтъ, я тебѣ говорю, что я долженъ тамъ быть, выходить вполне удачно...»

«Скажи, Мартынъ», — начала Софья Дмитріевна и замялась. «Въ чемъ дѣло?» — спросилъ онъ со смѣхомъ. «Какъ у тебя тамъ все, — ну, ты знаешь, о чемъ я спрашиваю... Ты можетъ быть уже обрученъ?» Мартынъ шурился и смѣялся, и ничего не отвѣчалъ. «Я буду ее очень любить», — тихо, святымъ голосомъ, произнесла Софья Дмитріевна. «Пойдемъ гулять, чудная погода», — сказала Мартынъ, дѣлая видъ, что мнѣяетъ разговоръ. «Ты пойдешь», — отвѣтила она. — Я, дура, какъ разъ на сегодня пригласила старичковъ Друэ, и они умрутъ отъ разрыва сердца, если имъ протелефонировать».

Въ саду дядя Генрихъ прилаживалъ лѣсенку къ стволу яблони и потомъ, съ величайшей осторожностью, поднялся на третью ступеньку. У колодца, позабывъ о ведрѣ, переполнявшемся блестящей водой, стояла, подбоченясь, Марія и глядѣла куда-то въ сторону. Она очень раздобрѣла за послѣдніе годы, но въ эту минуту, съ солнечными бликами на голой шеѣ, на платьѣ, на туго скрученныхъ косахъ, она Мартыну напомнила его мимолетную влюбленность. Марія быстро повернула къ нему лицо. Толстое и тупое.

XLII.

Упруго идя по тропѣ въ черной еловой чащѣ, гдѣ, тамъ и сямъ, сияла желтизной тонкая береза, онъ съ восторгомъ предвкушалъ вотъ такую же прохваченную солнцемъ осеннюю глушь, съ паутинами, растянутыми на лучахъ, съ зарослями царскаго чая въ сырыхъ ложбинкахъ, — и вдругъ просвѣтъ, и дальше — просторъ, пустыя осеннія поля и на пригоркѣ плотную бѣлую церковку, пасущую нѣсколько бревенчатыхъ избъ, готовыхъ вотъ-вотъ разбрестись, и вокругъ пригорка ясную излучину рѣки съ

кудрявыми отраженіями. Онъ былъ почти удивленъ, когда, сквозь черноту хвой, глянулъ альпійскій склонъ.

Это напомнило ему, что до отъезда слѣдовало расчитаться съ совѣстью. Дѣловито и неторопливо онъ поднялся по склону, достигъ стѣрыхъ изломанныхъ скалъ, вскарабкался по каменистой крутизнѣ и оказался на той площадкѣ, откуда велъ за уголъ знакомый карнизъ. Не задумываясь, исполняя приказъ, коего послушаться было немислимо, онъ принялся бокомъ переступать по узкой полкѣ и, когда дошелъ до конца, посмотрѣлъ черезъ плечо и увидѣлъ тотчасъ за каблуками солнечную бездну, и въ самой глубинѣ — фарфоровую гостиницу. «На, выкуси», — сказала ей Мартынъ и, не поддаваясь головокруженію, двинулся налѣво, откуда пришелъ, — и еще разъ остановился, и, провѣряя свою выдержку, попробовалъ извлечь изъ задняго кармана штановъ портсигаръ и закурить. Было одно мгновеніе, когда, грудью касаясь скалы, онъ руками за нее не держался и чувствовалъ, какъ пропасть за нимъ напрягается, тянетъ его за икры и плечи. Онъ не закурилъ только потому, что выронилъ спичечный коробокъ, и было очень страшно, что звука паденія не послѣдовало, и, когда онъ опять двинулся по карнизу, ему казалось, что коробокъ все еще летитъ. Благополучно добравшись до площадки, Мартынъ крикнулъ отъ радости и опять дѣловито, со строгимъ сознаниемъ выполненнаго долга, пошелъ внизъ по склону и, найдя нужную тропинку, спустился къ бѣлой гостиницѣ — посмотрѣть, что она на все это скажетъ. Тамъ — въ саду, около тенниса, — онъ увидѣлъ Валентину Львовну, сидѣвшую на скамейкѣ рядомъ съ господиномъ въ бѣлыхъ штанахъ, и понадѣялся, что она не замѣтитъ его, — было жаль такъ скоро растрясти то драгоценное, что принесъ онъ съ вершины. «Мартынъ Сергѣичъ, а, Мартынъ Сергѣичъ», — крикнула она, и Мартынъ ослабилъ и подошелъ. «Это сынъ доктора Эдельвейса», — сказала Валентина Львовна господину въ бѣлыхъ штанахъ. Тотъ привсталъ и, не снимая канотье,

отодвинулъ локоть, нацѣлился и, рѣзко выѣхавъ впередъ ладонью, крѣпко пожалъ Мартыну руку. «Грузиновъ», — сказалъ онъ вполголоса, какъ будто сообщая тайну.

«Надолго прѣѣхали?» — спросила Валентина Львовна съ улыбкой и быстро натянула яркую, съ пушкомъ, губу на большіе розовые зубы. «Вообще — да, — сказалъ Мартынь. — Только вотъ съѣзжу по дѣламъ въ Берлинъ, а потомъ вернусь». «Мартынь... Сергѣевичъ?» — тихо справился Грузиновъ и, на утвердительный отвѣтъ Мартына, прикрылъ вѣки и повторилъ его имя-отчество еще разъ про себя. «А знаете, вы»... — проговорила Валентина Львовна и сдѣлала вазообразный жестъ своими дивными руками. «Еще бы, — отвѣтилъ Мартынь. — Я батрачилъ на югѣ Франціи. Тамъ такъ спокойно живетъ, что нельзя не поправиться». Грузиновъ двумя пальцами потрогалъ себя за углы рта, и при этомъ его добротное, чистое, молоджавое лицо со сливочнымъ оттѣнкомъ на щекахъ, изъ которыхъ, казалось, можно было сдѣлать тянушки, приняло немного бабье выраженіе. «Да, вспомнилъ, — сказалъ онъ. — Его зовутъ Кругловъ, и онъ женатъ на турчанкѣ», — («ахъ, садитесь», — вскользь произнесла Валентина Львовна и двумя толчками отодвинула вбокъ свое мягкое, очень надушенное тѣло, — чтобы дать Мартыну мѣсто на скамейкѣ) — «у него какъ разъ заимка на югѣ Франціи, — развилъ свою мысль Грузиновъ, — и, кажется, онъ поставляетъ въ городъ жасминъ. Вы въ какихъ же мѣстахъ были, — тоже въ духодѣльныхъ?» Мартынь сказалъ. «Во-во, — подхватилъ Грузиновъ, — гдѣ-то тамъ по близости. А, можетъ быть, и не тамъ. Вы что, учитесь въ берлинскомъ университетѣ?» «Нѣтъ, я кончилъ въ Кембриджѣ». «Весьма любопытно, — вѣско сказалъ Грузиновъ. — Тамъ еще сохранились римскіе водопроводы, — продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ. — Представь себѣ, голубка, этихъ римлянъ, которые вдалекѣ отъ родины устраиваются на чужой землѣ, — и замѣть: хорошо, удобно, по-барски».

Мартынъ никакихъ особенныхъ водопроводовъ въ Кембриджѣ не видалъ, но все же счелъ нужнымъ закивать. Какъ всегда въ присутствіи людей замѣчательныхъ, съ необыкновеннымъ прошлымъ, онъ испытывалъ пріятное волненіе и уже рѣшалъ про себя, какъ лучше всего воспользоваться новымъ знакомствомъ. Оказалось однако, что Юрія Тимофеевича Грузинова не такъ-то легко привести въ благое состояніе духа, когда человѣкъ выльзаетъ изъ себя, какъ изъ норы, и усаживается нагишомъ на солнцѣ. Юрій Тимофеевичъ не желалъ выльзать. Онъ былъ въ совершенствѣ добродушенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непроницаемъ, онъ охотно говорилъ на любую тему, обсуждалъ явленія природы и человѣческія дѣла, но всегда было что-то такое въ этихъ рѣчахъ, отчего слушатель вдругъ спрашивалъ себя, не измывается ли надъ нимъ потихоньку этотъ сдобный, плотный, опрятный господинъ съ холодными глазами, какъ бы не участвующими въ разговорѣ. Когда прежде, бывало, рассказывали о немъ, о страсти его къ опасности, о переходахъ черезъ границу, о таинственныхъ возстаніяхъ, Мартынъ представлялъ себѣ что-то властное, орлиное. Теперь же, глядя, какъ Юрій Тимофеевичъ открываетъ черный, изъ двухъ частей, футляръ и нацѣпляетъ для чтенія очки, — очень почему-то простые очки, въ металлической оправѣ, какіе подстать было бы носить пожилому рабочему, мастеру со складнымъ аршиномъ въ карманѣ, — Мартынъ чувствовалъ, что Грузиновъ другимъ и не могъ быть. Его простоватость, даже нѣкоторая рыхлость, старомодная изысканность въ платьѣ (фланелевый жилетъ въ полоску), его шутки, его обстоятельность, — все это было прочной оболочкой, кокономъ, который Мартынъ никакъ не могъ разорвать. Однако самый фактъ, что встрѣтился онъ съ нимъ почти наканунѣ экспедиціи, казался Мартыну залогомъ успѣха. Это тѣмъ болѣе было удачно, что, вернись Мартынъ въ Швейцарію на мѣсяць позже, онъ бы Грузинова не засталъ: Грузиновъ былъ бы уже въ Бессарабіи.

XLIII.

Прогулки. До водопада, до Сень-Клера, до пещеры, гдѣ нѣкогда жилъ отшельникъ. И обратно. Сентябрь былъ жаркій, погожий. Утромъ, бывало, моросить, а уже къ полудню весь міръ нѣжно вспыхиваетъ на солнцѣ, блестя стволы деревьевъ, горять синія лужи на дорогѣ, и горы, разогрѣвшись, освобождаются отъ туманнаго облаченія. Впереди — Софья Дмитріевна и Валентина Львовна, сзади — Грузиновъ и Мартынь. Грузиновъ шагаль съ удовольствіемъ, крѣпко опираясь на самодѣльную трость, и не любилъ, когда останавливались, чтобы поглазѣть на видъ: онъ говорилъ, что это портить ритмъ прогулки. Разъ съ какой-то фермы метнулась овчарка и стала посреди дороги, урча. Валентина Львовна сказала: «ой, я боюсь», — зашла за спину мужа, а Мартынь взялъ палку изъ руки матери, которая, обращаясь къ собакѣ, издавала тотъ звукъ, какимъ у насъ подгоняютъ лошадей. Одинъ Грузиновъ поступилъ правильно: онъ сдѣлалъ видъ, что поднимаетъ съ земли камень, и собака сразу отскочилъ. Пустякъ, конечно, — но Мартынь любилъ такіе пустяки. Въ другой разъ, видя, что Мартыну трудно итти безъ трости по очень крутой тропинкѣ, Грузиновъ извлекъ изъ кармана финскій ножъ, выбралъ деревцо и, молча, очень точными ударами ножа, смастерилъ ему палку, гладкую, бѣлую, еще живую, еще свѣжую на ощупь. Тоже пустякъ, — но эта палка почему-то пахла Россіей. Софья Дмитріевна находила Грузинова милѣйшимъ и какъ-то за завтракомъ сказала мужу, что онъ непременно долженъ поближе съ нимъ познакомиться, что это одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, что о немъ уже сложились легенды. «Не спорю, не спорю, — отвѣтилъ дядя Генрихъ, поливая салатъ уксусомъ, — но вѣдь это авантюристъ, человекъ, несовѣтъ нашего общества, впрочемъ, если хо-

чешь, зови». Мартынъ пожалѣлъ, что не услышитъ, какъ Юрій Тимофеевичъ разговорится съ дядей Генрихомъ, — о деспотизмѣ машинъ, о вещественности нашего вѣка. Послѣ завтрака Мартынъ послѣдовалъ за дядей въ кабинетъ и сказалъ: «Я во вторникъ ѣду въ Берлинъ. Мнѣ нужно съ тобой поговорить». «Куда тебя несеть?» — недовольно спросилъ дядя Генрихъ и добавилъ, тараща глаза и качая головой: «Твоя мать будетъ крайне огорчена, — сама знаешь». «Я обязанъ поѣхать, — продолжалъ Мартынъ. — У меня есть дѣло». «Амурное?» — полюбопытствовалъ дядя Генрихъ. Мартынъ безъ улыбки покачалъ головой. «Такъ что же?» — пробормоталъ дядя Генрихъ и поглядѣлъ на кончикъ зубочистки, которой онъ уже нѣкоторое время производилъ раскопки. «Это о деньгахъ, — довольно твердо сказалъ Мартынъ, — я хочу попросить тебя дать мнѣ въ долгъ. Ты знаешь, что я лѣтомъ хорошо зарабатываю. Я тебѣ лѣтомъ отдамъ». «Сколько?» — спросилъ дядя Генрихъ, и лицо его приняло довольное выраженіе, глаза лодернулись влагой, — онъ чрезвычайно любилъ показывать Мартыну свою щедрость. «Пятьсотъ франковъ». Дядя Генрихъ поднялъ брови. «Это, значитъ, карточный долгъ, такъ что ли?» «Если ты не хочешь...» — началъ Мартынъ, съ ненавистью глядя, какъ дядя обсасываетъ зубочистку. Тотъ сразу испугался. «У меня есть правило, — проговорилъ онъ примирительно, — никогда не слѣдуетъ требовать отъ молодого человѣка откровенности. Я самъ былъ молодъ и знаю, какъ иногда молодой человѣкъ бываетъ опрометчивъ, это только естественно. Но слѣдуетъ избѣгать азартныхъ... ахъ постой же, постой, куда ты, — я же тебѣ дамъ, я дамъ, — мнѣ не жалко, — а насчетъ того, чтобы вернуть...» «Значитъ ровно пятьсотъ, — сказала Мартынъ, — и я уѣзжаю во вторникъ».

Дверь пріоткрылась. «Мнѣ можно?» — спросила Софья Дмитріевна тонкимъ голосомъ. «Какіе у васъ тутъ секреты? — немного жеманно продолжала она, безпокойно перелѣгая глазами съ сына на мужа. — Мнѣ развѣ нельзя

знать?» «Да нѣтъ, все о томъ же, — о братьяхъ Пти», — отвѣтили Мартынъ. «А онъ, между прочимъ, во вторникъ отбываетъ», — произнесъ дядя Генрихъ и сунулъ зубочистку въ жилетный карманъ. «Какъ, уже?» — протянула Софья Дмитриевна. «Да, уже, уже, уже, уже», — съ несвойственнымъ ему раздраженіемъ сказалъ сынъ и вышла изъ комнаты. «Онъ безъ дѣла свихнется», — замѣтилъ дядя Генрихъ, комментируя грохотъ двери.

XLIV.

Когда Мартынъ вошелъ въ надобвшій садъ гостиницы, онъ увидѣлъ Юрія Тимофеевича, стоящаго у теннисной площадки, на которой шла довольно живая игра между двумя юношами. «Смотрите, — козлами скачутъ, — сказалъ Грузиновъ, — а вотъ у насъ былъ кузнецъ, вотъ онъ дѣйствительно здорово жарилъ въ лапту, — за каланчу дупнетъ, или за рѣчку, — очень просто. Пустить бы его сюда, какъ бы онъ разбилъ этихъ молодчиковъ». «Въ теннисѣ другія правила», — замѣтилъ Мартынъ. «Онъ бы имъ безъ всякихъ правилъ наклалъ», — спокойно возразилъ Грузиновъ. Послѣдовало молчаніе. Хлопали мячи. Мартынъ прищурился. «У блондина довольно классный драйвъ». «Комикъ», — сказалъ Грузиновъ и потрепалъ его по плечу. Межъ тѣмъ подошла Валентина Львовна, плавно покачивая бедрами, а потомъ завидѣла двухъ знакомыхъ барышень англичанокъ и поплыла къ нимъ, осторожно улыбаясь. «Юрій Тимофееичъ, — сказалъ Мартынъ, — у меня къ вамъ разговоръ. Это важно и секретно». «Сдѣлайте одолженіе. Я — гробъ-могила». Мартынъ нерѣшительно оглядѣлся. «Я не знаю...» — началъ онъ. «Дыкъ пойдѣте ко мнѣ», — предложилъ Грузиновъ.

Въ номерѣ было тѣсно, темновато, и сильно пахло духами Валентины Львовны. Грузиновъ растворилъ окно, на одинъ мигъ онъ былъ какъ большая темная птица, раски-

нутая на золотомъ фонѣ, и затѣмъ все вспыхнуло, солнце, разбѣжавшись по полу, остановилось у двери, которую безшумно затворилъ за собой Мартынъ. «Кажется, безпорядокъ, не взыщите, — сказалъ Грузиновъ, косясь на двухспальную постель, смятую полуденной сіестой. — Садитесь въ кресло, голубчикъ. Очень сладкія яблочки. Угощайтесь». «Я, собственно говоря, — приступилъ Мартынъ, — вотъ о чемъ хотѣлъ съ вами поговорить: у меня есть пріятель, этотъ пріятель собирается нелегально перейти изъ Латвіи въ Россію...» «Вотъ это возьмите, съ румянцемъ, — вставилъ Грузиновъ. «Я все думаю, — продолжалъ Мартынъ, — удастся ли ему это? Предположимъ, — онъ отлично знаетъ мѣстность по картѣ, — но вѣдь этого недостаточно, — вѣдь повсюду пограничники, развѣдка, шпіоны. Я хотѣлъ попросить васъ — ну что ли, разъяснить». Грузиновъ, облокотясь на столъ, ѣлъ яблоко, вертѣлъ его, отхватывалъ то тутъ, то тамъ хрустящій кусокъ и опять вертѣлъ, выбирая новое мѣсто для нападенія. «А зачѣмъ вашему пріятелю туда захаживать?» — освѣдомился онъ, бѣгло взглянувъ на Мартына. «Не знаю, онъ это скрываетъ. Кажется, хочетъ повидать родныхъ въ Островъ или въ Псковъ». «Какой паспортъ?» — спросилъ Грузиновъ. «Иностраннѣй, онъ иностраннѣй подданный, — литовець, что ли». «Такъ что же, — визы ему не даютъ?» «Этого я не знаю, — онъ кажется не хочетъ визы, ему нравится сдѣлать это по-своему. А можетъ быть дѣйствительно не даютъ...» Грузиновъ доѣлъ яблоко и сказалъ: «Я все ищу антоновскаго вкуса, — иногда, кажется, какъ будто нашель, — а присмакуюсь, — нѣтъ, все-таки, не то. А насчетъ визъ вообще — сложно. Я вамъ никогда не рассказывалъ исторію, какъ мой шуринъ перехитрилъ американскую квоту?» «Я думалъ, вы что-нибудь посоветуете», — неловко проговорилъ Мартынъ. «Чудакъ-человѣкъ, — сказала Грузиновъ, — вѣдь вашъ пріятель навѣрное лучше знаетъ». «Но я беспокоюсь за него...» — тихо произнесъ Мартынъ и съ грустью подумалъ, что разговоръ выходитъ отнюдь

не такимъ, какимъ онъ его воображалъ, и что Юрій Тимофеевичъ никогда не расскажетъ, какъ онъ самъ множество разъ переходилъ границу. «И понятно, что безпокоитесь, — сказалъ Грузиновъ. — Особенно, если онъ новичокъ. Впрочемъ, проводникъ тамъ всегда найдется». «Ахъ нѣтъ, это опасно, — воскликнулъ Мартынь, — нарвется на предателя». «Ну конечно, слѣдуетъ быть осторожнымъ», — согласился Грузиновъ и, потирая ладонью глаза, внимательно, сквозь толстые бѣлые пальцы, посмотрѣлъ на Мартына. «И очень важно, конечно, знать мѣстность», — добавилъ онъ вяло.

Тогда Мартынь проворно вынулъ небольшую въ трубку свернутую карту. «Онъ знаетъ ее наизусть, не разъ забавлялся тѣмъ, что чертилъ ее, не глядя, — но теперь слѣдовало скрыть свое знаніе. «Я, видите ли, даже запаса картой, — сказалъ онъ непринужденно. — Миѣ, напримеръ, кажется, что Коля перейдетъ вотъ здѣсь, или здѣсь». «Ахъ, его зовутъ Колей, — сказалъ Грузиновъ. — Запомнимъ, запомнимъ. А карта хорошая. Пойдите...» (появился футляръ, чмокнувъ, открылся, блеснули очки)... «Значить, позвольте, — какой масштабъ? — о, прекрасно... — вотъ — Рѣжица, вотъ Пыталово, на самой чертѣ. У меня былъ пріятель, тоже, по странному совпадению, Коля, который разъ перешелъ рѣчку бродомъ и пошелъ вотъ такъ, а въ другой разъ началъ здѣсь, — и лѣсомъ, лѣсомъ, — очень густой лѣсъ, — Рогожинскій, вотъ, а теперь, если взять на сѣверо-востокъ... — »

Грузиновъ теперь говорилъ живо и все ускорялъ рѣчь, вода остріемъ разогнутой англійской булавки по картѣ, — и въ одну минуту намѣтилъ полдюжины маршрутовъ, и все сыпалъ названіями деревень, призывалъ къ жизни невидимыя тропы, — и чѣмъ оживленнѣе онъ говорилъ, тѣмъ яснѣе становилось Мартыну, что Грузиновъ надъ нимъ издѣвается. Вдругъ донеслись изъ сада два женскихъ голоса, странно выкрикивающихъ фамилію Юрія Тимофеевича. Онъ высунулся. Барышни-англичанки (барыш-

нямъ, вообще, онъ нравился, — разыгрывалъ передъ ними байбака, простака) звали его ѣсть мороженое. «Вотъ пристаючія, — сказала Грузиновъ, — я все равно мороженого никогда не ѣмъ». Мартыну показалось, что уже гдѣ-то, когда-то были сказаны эти слова (какъ въ «Незнакомкѣ» Блока), и что тогда, какъ и теперь, онъ чѣмъ-то былъ озадаченъ, что-то пытался объяснить. «Вотъ мой совѣтъ, — сказала Грузиновъ, ловко свернувъ карту и протянувъ ее Мартыну. — Передайте Колѣ, чтобъ онъ оставался дома и занимался чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Хорошій малый, должно быть, — и было бы жаль, если-бы онъ заплуталъ». «Онъ въ этомъ лучше меня смыслить», — мстительно отвѣтилъ Мартынъ.

Спустились въ садъ. Мартынъ все время усиленно улыбался и чувствовалъ ненависть къ Грузинову, къ его холоднымъ глазамъ, къ сливочно-бѣлому непроницаемому лбу. Но одно было хорошо: вотъ, разговоръ произошелъ, это минуло, — обошедся, какъ съ мальчишкой, — чортъ съ нимъ, совѣсть чиста, теперь можно спокойно уложить вещи и уѣхать.

XLV.

Въ день отъѣзда онъ проснулся очень рано, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, въ рождественское утро. Мать, по англійскому обычаю, осторожно входила среди ночи и подвѣшивала къ изножью кровати чулокъ, набитый подарками. Для пушей убѣдительности она нацѣпляла ватную бороду и надѣвала мужнинь башлыкъ. Мартынъ, проснись онъ ненарокомъ, видѣлъ бы воочию святого Николая. И вотъ, утромъ, при ярко-желтомъ блескѣ лампы и подъ мрачнымъ взглядомъ зимняго петербургскаго разсвѣта, — съ коричневымъ небомъ надъ темнымъ домомъ напротивъ, гдѣ снѣгъ провель карнизы бѣлилами, — Мартынъ ошупывалъ длинный материнскій чулокъ, хрустящій, туго набитый почти доверху пакетиками, которые просвѣчивали

черезъ ткань, и, замирая, соваль въ него руку, начиналь вытаскивать и разворачивать звѣрьковъ, бонбоньерки, — все предисловіе къ большому подарку, — къ паровозу и вагонамъ и рельсамъ (изъ которыхъ можно составлять огромныя восьмерки), ожидавшимъ его попозже, въ гостиной. И нынче тоже Мартына ожидалъ поѣздъ, этотъ поѣздъ уходилъ изъ Лозанны подъ вечеръ и около девяти утра прибывалъ въ Берлинъ. Софья Дмитріевна, увѣренная, что сынъ ѣдетъ только затѣмъ, чтобы повидаться съ маленькой Зилановой, и замѣчавшая, что нѣтъ изъ Берлина писемъ, и терзавшаяся мыслью, что маленькая Зиланова недостаточно быть можетъ любить его и окажется дурной женой, старалась какъ можно веселѣе обставить его отъѣздъ и, подъ видомъ нѣсколько лихорадочной бодрости, скрывала и тревогу свою и огорченіе, что вотъ, едва прѣхавъ, онъ уже покидаетъ ее на цѣлый мѣсяць. Дядя Генрихъ, у котораго раздулся флюсъ, былъ за обѣдомъ угрюмъ и неразговорчивъ. Мартынъ посмотрѣлъ на перечницу, къ которой дядя потянулся, и ему показалось, что эту перечницу (изображавшую толстаго человѣчка съ дырочками въ серебряной лысинѣ) онъ видитъ въ послѣдній разъ. Онъ быстро перевелъ глаза на мать, на ея худыя руки въ блѣдныхъ веснушкахъ, на нѣжный профиль ея и приподнятую бровь, — словно она дивилась жирному рагу на тарелкѣ, — и опять ему показалось, что эти веснушки, и бровь, и рагу онъ видитъ въ послѣдній разъ. Одновременно и вся мебель въ комнатѣ, и ненастный пейзажъ въ окнѣ, и часы съ деревяннымъ циферблатомъ надъ буфетомъ, и увеличенныя фотографіи усатыхъ скруточныхъ господъ въ черныхъ рамахъ, — все какъ будто заговорило, требуя къ себѣ вниманія въ виду скорой разлуки. «Мнѣ можно тебя проводить до Лозанны?» — спросила мать. — «Ахъ, я знаю, что ты не любишь проводовъ, — послѣшила она добавить, замѣтивъ, что Мартынъ наморщилъ носъ, — но я не для того, чтобы провожать тебя, а просто хочется поѣхать».

ся въ автомобилѣ, и кромѣ того мнѣ нужно кое-что купить». Мартынъ вздохнулъ. «Ну, не хочешь, — не надо, — сказала Софья Дмитріевна съ чрезвычайной веселостью. — Если меня не берутъ, я останусь. Но только ты надѣнешь теплое пальто, на этомъ я настаиваю».

Они между собой всегда говорили по-русски, и это постоянно сердило дядю Генриха, знавшаго только одно русское слово «ничего», которое почему-то мерещилось ему символомъ славянскаго фатализма. Теперь, будучи въ скверномъ настроеніи и страдая отъ боли въ распухшей деснѣ, онъ рѣзко отодвинулъ стулъ, смахнулъ салфеткой крошки съ живота и, посасывая зубъ, ушелъ въ свой кабинетъ. «Какъ онъ старъ, — подумалъ Мартынъ, глядя на его сѣдой затылокъ, — или это такъ свѣтъ падаетъ? Такая мрачная погода».

«Ну, что жъ, тебѣ скоро нужно собираться, — замѣтила Софья Дмитріевна, — вѣроятно уже автомобиль поданъ». Она выглянула въ окно. «Да, стоитъ. Посмотри, какъ тамъ смѣшно: ничего въ туманѣ не видно, будто никакихъ горъ нѣтъ... Правда?» «Я, кажется, забылъ бритву», — сказалъ Мартынъ.

Онъ поднялся къ себѣ, уложилъ бритву и ночныя туфли, съ трудомъ защелкнулъ чемоданъ. Вдругъ онъ вообразилъ, какъ будетъ въ Ригѣ или въ Рѣжицѣ покупать простыя, грубыя вещи, — картузь, полушубокъ, сапоги. Быть можетъ, револьверъ? «Прощай-прощай», — быстро пропѣла этажерка, увѣнчанная черной фигуркой футболиста, которая всегда напоминала Аллу Черношвитову.

Внизу, въ просторной прихожей, стояла Софья Дмитріевна, заложивъ руки въ карманы макинтоша, и налѣзала, какъ всегда дѣлала, когда нервничала. «Остался бы дома, — сказала она, когда Мартынъ съ ней поравнялся, — ну, что тебѣ ѣхать...» Изъ двери направо, надъ которой была голова серны, вышелъ дядя Генрихъ и, глядя на Мартына исполобья, спросилъ: «Ты увѣренъ, что взять достаточно денегъ?» «Вполнѣ, — отвѣтилъ Мартынъ. —

Благодарю тебя». «Прощай, — сказалъ дядя Генрихъ. — Я съ тобой прощаюсь здѣсь, оттого что сегодня избѣгаю выходить. Если бы у другого такъ болѣли зубы, какъ у меня, онъ давно былъ бы въ сумасшедшемъ домѣ».

«Ну, пойдемъ, — сказала Софья Дмитріевна, — я боюсь, что ты опоздаешь на поѣздъ».

Дождь, вѣтеръ. У Софьи Дмитріевны сразу растрепались волосы, и она все гладила себя по ушамъ. «Постой, — сказала она, не доходя калитки сада, близъ двухъ еловыхъ стволовъ, между которыми лѣтомъ натягивался гамакъ. — Постой же, я хочу тебя поцѣловать». Онъ опустил чемоданъ на-земь. «Поклонись ей отъ меня», — шепнула она съ многозначительной улыбкой, — и Мартынь кивнулъ («Поскорѣй бы уѣхать, это невыносимо...»).

Шоферъ услужливо открылъ калитку. Сыро блестялъ автомобиль, дождь слегка звенѣлъ, ударяясь въ него. «И пожалуйста, лиши, хоть разъ въ недѣлю», — сказала Софья Дмитріевна. Она отступила и съ улыбкой замаха-ла рукой, и, шурша по грязи, черный автомобиль скрылся за еловой просадью.

XLVI.

Ночь въ вагонѣ, — въ укачливомъ вагонѣ темно-дикаго цвѣта, — длилась безъ конца: мгновеніями Мартынь проваливался въ сонъ и, содрогнувшись, просыпался, и опять катился внизъ — словно съ американскихъ горъ, и опять взлеталъ, и среди глухого стука колесъ улавливалъ дыханіе пассажира на нижней койкѣ, равномерный храпъ, какъ бы участвующій въ общемъ движеніи поѣзда.

Задолго до пріѣзда, пока всѣ еще въ вагонѣ спали, Мартынь спустился со своей вышки и, захвативъ съ собой губку, мыло, полотенце и складной табъ въ непромокаемомъ чехлѣ, прошелъ въ уборную. Тамъ, предваритель-

но распластавъ на полу листы купленнаго въ Лозаннѣ «Таймза», онъ выправилъ валкіе края резиновой ванны и, скинувъ пижаму, облѣпилъ мыльной пѣной все свое крѣпкое, темное отъ загара тѣло. Было тѣсновато, сильно качало, чувствовалась какая-то сквозная близость бѣгущихъ рельсъ, была опасность ненарокомъ коснуться стѣнки; но Мартынъ не могъ обойтись безъ утренней ванны, видя въ этомъ своего рода героическую оборону: такъ отбивается упорная атака земли, наступающей едва замѣтнымъ слоемъ пыли, точно ей не терпится — до срока — завладѣть человѣкомъ. Послѣ ванны, какъ бы дурно онъ ни спалъ, Мартынъ проникался благодатной бодростью. Въ такія минуты мысль о смерти, о томъ, что когда-нибудь — и, можетъ быть, — какъ знать? — скоро, — придется сдаться и продѣлать то, что продѣлали билліоны, триллионы людей, эта мысль о неминуемой, общедоступной смерти, едва волновала его, и только постепенно къ вечеру она входила въ силу и къ ночи раздувалась иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Мартыну казалось, что въ обычаѣ казнить на разсвѣтѣ есть милосердіе: дай Богъ, чтобы это случилось утромъ, когда человѣкъ владѣетъ собой, — покашливаетъ, улыбается и вотъ — сталъ и раскинулъ руки.

Выйдя на дебаркадеръ Ангальтскаго вокзала, онъ съ наслажденіемъ вдохнулъ дымно-холодный утренній воздухъ. Вдали, съ той стороны, откуда пришелъ поѣздъ, видно было въ пролетѣ желѣзно-стекляннаго свода чистое, блѣдно-голубое небо, блескъ рельсъ, и, по сравненію съ этой свѣтлостью, здѣсь, подъ сводомъ, было темновато. Онъ прошелъ мимо тусклыхъ вагоновъ, мимо громаднаго, шипящаго, потнаго паровоза, и, отдавъ билетъ въ человѣческую руку контрольной будки, спустился по ступенямъ и вышелъ на улицу. Изъ привязанности къ образамъ дѣтства, онъ рѣшилъ избрать исходной точкой своего путешествія вокзалъ Фридриха, гдѣ нѣкогда ловила Нордъ-Экспрессъ русская семья, жившая въ Континенталь. Чемоданъ былъ изрядно тяжелъ, но Мартынъ чув-

ствовалъ такую неусидчивость, такое волненіе, что отправился пѣшкомъ; однако, дойдя до угла Потсдамской улицы, онъ ощутилъ сильный голодъ, прикинулъ оставшееся разстояніе и благоразумно сѣлъ въ автобусъ. Съ самаго начала этого необыкновеннаго дня всѣ его чувства были заострены, — ему казалось, что онъ запоминаетъ лица всѣхъ встрѣчныхъ, воспринимаетъ живѣе, чѣмъ когда-либо, цвѣта, запахи, звуки, — и автомобильные рожки, которые, бывало, въ дождливыя ночи терзали слухъ отвратительнымъ сырымъ хрюканіемъ, теперь звучали какъ-то отрѣшенно, мелодично и жалобно. Сидя въ автобусъ, онъ услышалъ недалеко отъ себя переливъ русской рѣчи. Пожилая чета и двое круглоглазыхъ мальчиковъ. Старшій устроился поближе къ окну, младшій нѣсколько напиралъ на брата. «Ресторанъ», — сказалъ старшій съ восторгомъ. «Мотри, ресторанъ», — сказалъ младшій, напирая. «Самъ вижу», — огрызнулся старшій. «Это ресторанъ», — сказалъ младшій убѣжденно. «А ты, дуракъ, заткнись», — проговорилъ старшій. «Это еще не Линденъ?» — заволновалась мать. «Это еще Почтамеръ», — вѣско сказалъ отецъ. «Почтамеръ уже проѣхали», — закричали мальчики, и вспыхнулъ короткій споръ. «Арка, во классъ!» — восхитился старшій, тыча въ стекло пальцемъ. «Не ори такъ», — замѣтилъ отецъ. «Чего?» «Говорю, не ори». Тотъ обидѣлся: «Я, во-первыхъ, сказалъ тихо и вовсе не оралъ». «Арка», — съ почтеніемъ произнесъ младшій. Всѣ заглядѣлись на видъ Брандбургскихъ воротъ. «Историческая мѣста», — сказалъ старшій мальчикъ. «Да, старинная арка», — подтвердилъ отецъ. «Какъ же онъ пролѣзетъ», — спросилъ старшій, тревожась за бока автобуса. — Ужина-то какая!» «Пролѣзъ», — прошепталъ младшій съ облегченіемъ. «Это Унтеръ», — всполошилась мать. — Надо вылазить!» «Унтеръ длинный-длинный», — сказалъ старшій мальчикъ. — Я на картѣ видѣлъ». «Это Президентъ страсе», — мечтательно проговорилъ младшій. «Заткнись, дуракъ! Это Унтеръ». Затѣмъ всѣ вмѣстѣ хоромъ: «Унтеръ

длинный - длинный», и мужское соло: «Вѣкъ будемъ ѣхать...»

Тутъ Мартынъ вышелъ и, идя по направленію къ вокзалу, онъ со странной печалью вспомнилъ свое дѣтство, свое дѣтское волненіе, — такое же и совсѣмъ другое. Но это было только мгновенное сопоставленіе: оно пропѣло и замерло.

Сдавъ чемоданъ на храненіе и взявъ билетъ до Риги на вечерній поѣздъ, онъ усѣлся въ гулкою залѣ буфета, заказавъ аргусоподобную глазунью и въ послѣднемъ номерѣ «Зарубежнаго Дѣла», которое читалъ, пока ѣлъ, нашелъ между прочимъ ехиднѣйшую критику на бубновскую «Каравеллу». Насытившись, онъ закурилъ и оглядѣлся. За сосѣднимъ столомъ сидѣла барышня, что-то писала и вытирала слезы, — а потомъ смутными и влажными глазами взглянула на него, прижавъ къ губамъ карандашъ, и, найдя нужное слово, продолжала быстро писать, держа карандашъ, какъ дѣти, почти у самаго острія и напряженно скрючивъ палецъ. Открытое на груди черное пальто съ потрепанной заячьей шкуркой на воротѣ, янтарныя бусы, нѣжная бѣлизна шеи, платокъ, зажатый въ кулакѣ... Онъ расплатился и принялся ждать, когда она встанетъ, чтобы послѣдовать за ней; но, кончивъ писать, она облокотилась на столъ, глядя вверхъ и полуоткрывъ губы. Такъ она сидѣла долго, и гдѣ-то за стеклами уходили поѣзда, и Мартынъ, которому слѣдовало не опоздать въ консульство, рѣшилъ подождать еще пять минутъ, не больше. Пять минутъ прошло. «Я бы условился съ ней гдѣ-нибудь кофе выпить, — только это», — умоляюще подумалъ онъ и представилъ себѣ, какъ будетъ ей намекать на далекій путь, на опасность, и какъ она будетъ плакать. Прошла еще одна минута. «Хорошо, не надо», — сказалъ Мартынъ и, англійскимъ манеромъ перебросивъ черезъ плечо макинтошъ, направился къ выходу.

XLVII.

Быстро шелестѣлъ открытый таксомоторъ, пестрѣлъ кругомъ великолѣпный Тиргартенъ, и прекрасны были теплые, рыжіе отѣнки листвы, — «унылая пора, очей очарованье»... Дальше въ воду канала глядѣлись пышные, блеклые каштаны, а проѣзжая по мосту, Мартынъ отмѣтилъ, что у каменнаго льва Геракла отремонтированная часть хвоста все еще слишкомъ свѣтлая и вѣроятно не скоро приметъ матерую окраску всей группы: сколько еще лѣтъ, — десять, пятнадцать? Почему такъ трудно вообразить себя сорокалѣтнимъ человѣкомъ?

Въ Латвійскомъ консульствѣ, въ подвальномъ этажѣ, было оживленно и тѣсно. «Тукъ-тукъ», — стучалъ штемпель. Черезъ нѣсколько минутъ швейцарецъ Эдельвейсъ уже вышелъ оттуда и неподалеку, въ мрачномъ особнякѣ, получилъ, по дешевой цѣнѣ, литовскую проѣздную визу.

Теперь можно было отправиться къ Дарвину. Гостиница находилась противъ Зоологическаго сада. «Онъ уже ушелъ, — отвѣтилъ человѣкъ въ конторѣ. — Нѣтъ, я не знаю, когда онъ вернется».

«Какъ досадно, — подумалъ Мартынъ, выходя опять на улицу. — Надо было ему указать точную дату, а не просто «на-дняхъ». Промажъ, промахъ... Какъ это досадно». Онъ посмотрѣлъ на часы. Половина двѣдцатаго. Паспортъ былъ въ порядкѣ, билетъ купленъ. День, который намѣчался столь нагруженнымъ всякими дѣлами, вдругъ оказался пустымъ. Что дѣлать дальше? Пойти въ Зоологическій садъ? Написать матери? Нѣтъ, это потомъ...

И пока онъ такъ размышлялъ, все время въ глубинѣ сознанія происходила глухая работа. Онъ противился ей, старался ее не замѣчать, ибо твердо рѣшилъ еще во Фран-

ци, что больше Соню не увидитъ никогда. Но берлинскій воздухъ былъ Соней насыщенъ, — вонь тамъ, въ Зоологическомъ саду, они вмѣстѣ глазѣли на румяно-золотого китайскаго фазана, на чудесныя ноздри гиппопотама, на желтую собаку Динго, такъ высоко прыгавшую. «Она сейчасъ на службѣ, — подумаль Мартынъ, — а къ Зилановымъ все-таки нужно зайти...»

Поплылъ, разматываясь, Курфюрстендамъ. Автомобили обгоняли трамвай, трамвай обгонялъ велосипеды; потомъ мостъ, дымъ поѣздовъ далеко внизу, тысяча рельсъ, загадочно-голубое небо; поворотъ и осенняя прелесть Груневальда.

И дверь ему открыла именно Соня. Она была въ черной вязаной кофточкѣ, слегка растрепанная, тусклые раскосые глаза казались заспанными, на блѣдныхъ щекахъ были знакомыя ямки. «Кого я вижу?» — протянула она и низко-низко поклонилась, болтая опущенными руками. «Ну, здравствуй, здравствуй», — сказала она, разогнувшись, и одна черная прядь дугой легла по виску. Она отмахнула ее движеніемъ указательнаго пальца. «Пойдемъ», — сказала она и пошла впередъ по коридору, мягко топя ночными туфлями. «Я боялся, что ты на службѣ», — проговорилъ Мартынъ, стараясь не смотрѣть на ея прелестный затылокъ. «Голова болитъ», — сказала она, не оглядываясь и, тихонько крикнувъ, подняла на ходу половую тряпку и бросила ее на сундукъ. Вошли въ гостиную. «Присаживайся и все говори», — сказала она, плюхнулась въ кресло, тутъ же привстала, подобрала подъ себя ногу и усѣлась опять.

Въ гостиной все было то же, темный Беклинъ на стѣнѣ, потрепанный плюшъ, какія-то вѣчныя блѣдно-листья растенія въ вазѣ, удручающая люстра въ видѣ плюзущей хвостатой женщины, съ бюстомъ и головой баварки и съ оленьими рогами, растущими отовсюду.

«Я, собственно говоря, приѣхаль сегодня, — сказалъ Мартынъ и сталъ закуривать. — Я буду здѣсь работать.

То-есть, собственно говоря, не здѣсь, а въ окрестностяхъ. Это фабрика, и я, значитъ, какъ простой рабочій». «Да ну», — протянула Соня и добавила, замѣтивъ его ищущій взглядъ: «Ничего, брось прямо на полъ». «И вотъ какая забавная вещь, — продолжалъ Мартынъ. — Я, видишь-ли, собственно не хочу, чтобы моя мать знала, что я работаю на фабрикѣ. Такъ что, если она случайно Ольгѣ Павловнѣ напишетъ, — она, знаешь, иногда любить такимъ окружнымъ путемъ узнать, здоровъ ли я и такъ дальѣе, — вотъ, понимаешь, тогда нужно отвѣтить, что часто у васъ бываю. Я, конечно, буду очень, очень рѣдко бывать, некогда будетъ».

«Ты подурнѣлъ, — задумчиво сказала Соня. — Огрубѣлъ какъ-то. Это, можетъ быть, отъ загара».

«Скитался по всему югу Франціи, — сипло проговорилъ Мартынъ, ударомъ пальца стряхивая пепель. — Батрачилъ на фермахъ, бродяжничалъ, а по воскресеньямъ одѣвался бариномъ и ѣздилъ кутить въ Монте-Карло. Очень интересная вещь — рулетка. А ты что подѣлываешь? Всѣ у васъ здоровы?»

«Предки здоровы, — сказала со вздохомъ Соня, — а вотъ съ Ириной прямо бѣда. Это крестъ какой-то.. Ну и съ деньгами полный мракъ. Папа говоритъ, что нужно перѣѣхать въ Парижъ. Ты въ Парижѣ тоже былъ?»

«Да, проѣздомъ, — небрежно отвѣтилъ Мартынъ (день въ Парижѣ много лѣтъ тому назадъ, по пути изъ Біаррица въ Берлинъ, дѣти съ обручами въ Тюильрійскомъ саду, игрушечные парусники на водѣ бассейна, старикъ, кормящій воробьевъ, серебристая сквозная башня, склепъ Наполеона, гдѣ колонны похожи на витые сюкръ д'оржъ...). — Да, проѣздомъ. А знаешь, между прочимъ, какая новость, — Дарвинъ здѣсь».

Соня улыбнулась и заморгала. «Ахъ, приведи его! Приведи его непременно, это безумно интересно».

«Я его еще не видалъ. Онъ здѣсь по дѣламъ Морнингъ Ньюса. Его, знаешь, посылали въ Америку, настоящимъ

сталъ журналистомъ. А главное, — у него есть въ Англии невѣста, и онъ весной женится».

«Да вѣдь это восхитительно, — тихо проговорила Соня. — Все, какъ по писаному. Я такъ ясно представляю ее, — высокая, глаза, какъ тарелки, а мать вѣроятно очень на нее похожа, только суше и красивѣе. Бѣдный Дарвинъ!»

«Чепуха, — сказала Мартынь, — я увѣренъ, что она очень хорошенькая и умная».

«Ну, еще что-нибудь расскажи», — попросила Соня послѣ молчанія. Мартынь пожалъ плечами. Какъ онъ поступилъ опрометчиво, пустивъ въ оборотъ сразу весь свой разговорный запасъ. Ему казалось дико, что вотъ, передъ нимъ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ Соня, и онъ не смѣетъ ничего ей сказать важнаго, не смѣетъ намекнуть на послѣднее ея письмо, не смѣетъ спросить, выходитъ ли она за Бубнова замужъ, — ничего не смѣетъ. Онъ попытался вообразить, какъ будетъ вотъ тутъ, въ этой комнатѣ, сидѣть послѣ возвращенія, какъ она будетъ слушать его, — и неужели онъ, какъ сейчасъ, все выпалить разомъ, неужели Соня такъ же, какъ сейчасъ, будетъ сквозь шелкъ почесывать голенъ и глядѣть мимо него на вещи, ему неизвѣстныя? Онъ подумалъ, что вѣроятно пришелъ некстати, что быть можетъ она ждетъ кого-нибудь, и что съ нимъ ей тягостно. Но уйти онъ не могъ, какъ не могъ придумать ничего занимательнаго, и Соня своимъ молчаніемъ какъ бы нарочно старалась довести его до крайности, — вотъ онъ совсѣмъ потеряется и выболтаетъ все, — и про экспедицію, и про любовь, и про все го сокровенное, заповѣдное, чѣмъ связаны были между собой эта экспедиція и его любовь, и «унылая пора, очей очарованье».

Стукнула дверь въ прихожей, раздались шаги, и въ гостиную вошелъ съ портфелемъ подмышкой Зилановъ. «А, очень радъ, — сказалъ онъ. — Какъ поживаетъ ваша матушка?» Погодя появилась изъ другой двери Ольга Павловна и задала тотъ же вопросъ. «Откушайте съ нами»,

— сказала она. Перешли въ столовую. Ирина, войдя, застыла, и вдругъ кинулась къ Мартыну и принялась его цѣловать мокрыми губами. «Ира, Ирочка», — съ виноватой улыбкой приговаривала ее мать. На большомъ блюдѣ были маленькія черныя котлетки. Зилановъ развернулъ салфетку и заложилъ уголь за воротникъ.

За объѣдомъ Мартынъ показалъ Иринѣ, какъ нужно скрестить третій и второй палець, чтобы, касаясь ими хлѣбнаго шарика, осязать не одинъ шарикъ, а два. Она долго не могла приладить руку, но, когда наконецъ, съ помощью Мартына, шарикъ подъ ее пальцами волшебнo раздвоился, Ирина заворковала отъ восторга. Какъ обезьянка, которая, видя свое отраженіе въ осколкѣ зеркала, подглядываетъ снизу, нѣтъ ли тамъ другой обезьянки, она все пригибала голову, думая, что и впрямь подъ пальцами два катыша; когда же Соня послѣ объѣда проводила Мартына къ телефону, находившемуся за угломъ коридора, возлѣ кухни, Ирина со стономъ кинулась за ними, боясь, что Мартынъ совсѣмъ уходитъ, а убѣдившись, что это не такъ, вернулась въ столовую и поѣзла подъ столъ отыскивать закатившійся шарикъ. «Я хочу, собственно говоря, позвонить Дарвину, — сказалъ Мартынъ. — Нужно посмотреть въ книжкѣ, какъ номеръ гостиницы». У Соии озарилось лицо, она сказала, захлебываясь: «Ахъ, дай мнѣ, я сама, я съ нимъ поговорю, это будетъ восхитительно. Я, знаешь, его хорошенько заинтригую». «Нѣтъ, не надо, зачѣмъ же», — отвѣтилъ Мартынъ. «Ну, тогда я только соединю. Вѣдь соединить можно? Какъ номеръ?» Она наклонилась надъ телефоннымъ фоліантомъ, въ который онъ глядѣлъ, и пахнуло тепломъ отъ ее головы; на щекѣ, подъ самымъ глазомъ, была блудная рѣсничка. Вполголоса скороговоркой повторяя номеръ, чтобы его не забыть, она сѣла на сундукъ и сняла трубку. «Только соединить, помни», — строго замѣтилъ Мартынъ. Соня со старательной ясностью сказала номеръ и принялась ждать, бѣгая глазами и мягко стуча пятками о стѣнку сундука.

Потомъ она улыбулась, прижавъ еще плотнѣе трубку къ уху, и Мартынь протянулъ руку, но Соня ее оттолкнула плечомъ, и вся сгорбилась, звонко прося Дарвина къ телефону. «Дай мнѣ трубку, — сказалъ Мартынь. — Это нечестно». Соня еще больше собралась. «Я разъединю», — сказалъ Мартынь. Она сдѣлала рѣзкое движеніе, чтобы защитить рычажокъ, и въ это же мгновеніе настороженно подняла брови. «Нѣтъ, спасибо, ничего», — сказала она и повѣсила трубку. «Дома нѣтъ», — обратилась она къ Мартыну, глядя на него исподлобья. — Можешь быть спокоенъ, я больше не позволю. А ты какой былъ невѣжа, такой и остался». «Соня», — протянулъ Мартынь. Она соскользнула съ сундука, надѣла, шаркая, свалившуюся туфлю и пошла въ столовую. Тамъ убирали со стола, Елена Павловна говорила что-то Иринѣ, которая отъ нея отворачивалась. «Я васъ еще увижу?» — спросилъ Зилановъ. «Да я не знаю, — сказалъ Мартынь. — Мнѣ уже, пожалуй, нужно итти». «На всякій случай я съ вами попрощаюсь», — проговорилъ Зилановъ и ушелъ работать къ себѣ въ спальню...

«Не забывайте насъ», — сказали Ольга и Елена Павловны вмѣстѣ и, улыбувшись, тронули другъ дружку за рукава черныхъ платьевъ. Мартынь поклонился. Ирина приложила руку къ груди и вдругъ бросилась къ нему и вцѣпилась въ отвороты его пиджака. Онъ смутился, попробовалъ осторожно разжать ея пальцы; но она держала его крѣпко, а когда мать взяла ее сзади за плечи, Ирина въ голосъ зарыдала. Мартынь невольно поморщился, глядя на ужасное выраженіе ея лица, на красную сыпь между бровями. Рѣзкимъ, чуть грубымъ движеніемъ онъ оторвалъ ея пальцы. Ее увлекли въ другую комнату, ея грудной ревъ удалился, замеръ. «Вѣчныя исторіи», — сказала Соня, провожая Мартына въ прихожую. Мартынь надѣлъ макинтошъ, — макинтошъ былъ сложный, и для устройства пояска требовалось нѣкоторое время. «Заходи какъ-нибудь вечеркомъ», — сказала Соня, глядя на его

манипуляціи и держа руки въ переднихъ карманчикахъ черной своей кофточки. Мартынъ хмуро покачалъ головой. «Собираемся и танцуемъ», — сказала Соня и тѣсно сложивъ ноги, двинула носками, потомъ пятками, опять носками, опять пятками, чуть подвигаясь вбокъ. «Ну вотъ», — промолвилъ Мартынъ, хлопая себя по карманамъ. — Пакетовъ у меня, кажется, не было». «Помнишь?» — спросила Соня и тихо засвистала мотивъ лондонскаго фокстрота. Мартынъ прочистилъ горло. «Мнѣ не нравится твоя шляпа, — замѣтила она. — Теперь такъ не носить». «Прощай», — сказалъ Мартынъ и очень ловко сгребъ Соню, толкнулся губами въ ея оскаленные зубы, въ щеку, въ нѣжное мѣсто за ухомъ, отпустилъ ее (при чемъ она попятилась и чуть не упала) и быстро ушелъ, невольно хлопнувъ дверью.

XLVIII.

Онъ замѣтилъ, что улыбается, что запыхался, что сильно бьется сердце. «Ну вотъ, ну вотъ», — сказалъ онъ вполголоса и размашистымъ шагомъ пошелъ по панели, словно куда-то спѣшилъ. Слѣшить же было нехуда. Отсутствие Дарвина путало его расчеты; межъ тѣмъ до отхода поѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ. Возвратившись пѣшкомъ по Курфюрстендаму, онъ со смутной грустью смотрѣлъ на знакомыя подробности Берлина; вотъ суровая церковь на перекресткѣ, такая одинокая среди языческихъ кинематографовъ. Вотъ Тауэнціенская, гдѣ пѣшеходы почему то избѣгаютъ проложеннаго посрединѣ бульвара, предпочитая тѣсно течь вдоль витринъ. Вотъ слѣпецъ, продающій свѣтъ, — протягивающій въ вѣчную тьму вѣчный коробокъ спичекъ; лотки съ верескомъ и астрами, лотки съ бананами и яблоками; человекъ въ рыжемъ пальто, стоящій на сидѣніи стараго автомобиля и вѣеромъ держащій плитки безымяннаго шоколада, о волшебномъ качествѣ котораго онъ рѣчисто рассказываетъ кучкѣ зѣ-

вакъ. Мартынь завернулъ за уголь, зашелъ въ русскій магазинъ купить книжку. Учтивый полный господинъ, нѣсколько похожій на черепаху, выложилъ на прилавокъ то, что зовется «новинки». Ничего не найдя, Мартынь купилъ «Панчъ» и опять оказался на улицѣ. Тутъ онъ съ чувствомъ неудовлетворенности вдругъ вспомнилъ скудный зилановскій обѣдъ. Расчитавъ, что изъ ресторана умѣстно будетъ еще разъ позвонить Дарвину, онъ направился въ «Пиръ Горой», гдѣ въ прошломъ году столовался. Изъ гостиницы ему отвѣтили, что Дарвинъ еще не вернулся. «Двадцать пфенниговъ съ васъ, — сказала нанудренная дама за прилавкомъ. — Мерси».

Хозяиномъ ресторана являлся тотъ самый художникъ Данилевскій, который бывалъ въ Адреизѣ, — небольшого роста, пожилой уже человекъ, въ стоячемъ воротникѣ, съ румянымъ дѣтскимъ лицомъ и русой бородавкой подъ глазомъ. Онъ подошелъ къ столику Мартына и застѣливо спросилъ: «Бабарщокъ вкусный?» — (онъ испытывалъ странное тяготѣнiе какъ разъ къ тѣмъ звукамъ, которые ему трудно давались). «Очень», — отвѣтилъ Мартынь и, какъ всегда — съ чувствомъ щемящей нѣжности, — увидѣлъ Данилевскаго на фонѣ крымской ночи.

Тотъ сѣлъ бокомъ къ столу, поощрительно глядя, какъ Мартынь хлебаль супъ. «Я вамъ говорилъ, что по нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ они-бы, они-бы, они безвыѣдно живутъ въ усадьбѣ, — удивительно...»

(«Неужели ихъ не трогаютъ? — подумалъ Мартынь. — Неужели все осталось попрежнему, — эти, напримѣръ, сушенныя маленькiя груши на крышѣ веранды?»).

«Могикане», — задумчиво сказалъ Данилевскій.

Въ зальцѣ было пусто. Плюшевые диванчики, печка съ колѣнчатой трубой, газеты на древкахъ.

«Все это измѣнится къ лучшему. Знаете, я-бы бабами, большими бабами, хотѣлъ расписать стѣны, если-бы это не было такъ грустно. Одежды — прямо пожары, но блѣдныя лица съ глазами лошадей. Такъ у меня выходитъ, по

крайней мѣрѣ. Япъ, япъ, пробоваль. Или можно тучи, а ввизу, а ввизу — опушку. Помѣщеніе мы расширимъ, тутъ, тутъ и тамъ все снимаемъ, я вчера вызвалъ мастера, но онъ почему-то не пришелъ».

«Много бываетъ народу?» — спросилъ Мартынъ.

«Обыкновенно — да. Сейчасъ не объденный часъ, не судите. Но вообще... И хорошо представлена литературная быратья. Ракитинъ, напрімѣръ, ну, знаете, журналистъ, всегда въ гетрахъ, большой проникѣръ... А на-дняхъ, бу, а на-дняхъ, бу, Сережа Бубновъ буй, буй, — неистовствовалъ, билъ посуду, у него запой, любовное несчастье, нехорошо, — а вѣдь это же жениховствомъ папахло».

Данилевскій вздохнулъ, постукалъ пальцами по столу и, медленно вставъ, ушелъ на кухню. Онъ опять появился, когда Мартынъ снималъ свою шляпу съ вѣшалки. «Завтра шашлыкъ, — сказалъ Данилевскій, — ждемъ васъ», — и у Мартына мелькнуло желаніе сказать что-нибудь очень хорошее этому милому, грустному, такъ мелодично заикающемуся человѣку; но что, собственно, можно было сказать?

XLIX.

Пройдя черезъ мощный дворъ, гдѣ посрединѣ, на газонѣ, стояла безногая статуя и росло нѣскольکو туй, онъ толкнулъ знакомую дверь, поднялся по лѣстницѣ, отъѣвавшей капустой и кошками, и позвонилъ. Ему открылъ молодой нѣмецъ, одинъ изъ жильцовъ, и предупредивъ, что Бубновъ боленъ, постучалъ на ходу къ нему въ дверь. Голосъ Бубнова хрипло и увыло завопилъ: «Херайнъ».

Бубновъ сидѣлъ на постели, въ черныхъ штанахъ, въ открытой сорочкѣ, лицо у него было опухшее и небритое, съ багровыми вѣками. На постели, на полу, на столѣ, гдѣ мутной желтизной сквозилъ стаканъ чаю, валялись листы бумаги. Оказалось, что Бубновъ одновременно заканчива-

еть новеллу и пытается составить по-нѣмецки внушительное письмо Финансовому Вѣдомству, требующему отъ него уплаты налога. Онъ не былъ пьянъ, однако и трезвымъ его тоже нельзя было назвать. Жажда повидимому у него прошла, но все въ немъ было искривлено, расшатано ураганомъ, мысли блуждали, отыскивая свои жилища, и находили развалины. Не удивившись вовсе появленію Мартына, котораго онъ не видѣлъ съ весны, Бубновъ принялся разносить какого-то критика, — словно Мартынъ былъ отвѣтствененъ за статью этого критика. «Травять меня», — злобно говорилъ Бубновъ, и лицо его съ глубокими глазными впадинами было при этомъ довольно жутко. Онъ былъ склоненъ считать, что всякая бранная рецензія на его книги подсказана побочными причинами, — завистью, личной неприязнью или желаніемъ отомстить за обиду. И теперь, слушая его довольно безсвязную рѣчь о литературныхъ интригахъ, Мартынъ дивился, что человекъ можетъ такъ болѣть чужимъ мнѣніемъ, и его подмывало сказать Бубнову, что его рассказъ о Зоорландіи — неудачный, фальшивый, никуда негодный рассказъ. Когда же Бубновъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ, вдругъ заговорилъ о сердечной своей бѣдѣ, Мартынъ проклялъ дурное любопытство, заставившее его сюда придти. «Имени ея не назову, не спрашивай, — говорилъ Бубновъ, переходившій на ты съ актерской легкостью, — но помни, изъ-за нея еще не одинъ погибнетъ. А какъ я любилъ ее... Какъ я былъ счастливъ. Огромное чувство, когда, знаешь, гремятъ ангелы. Но она испугалась моихъ горнихъ высотъ...»

Мартынъ посидѣлъ еще немного, почувствовалъ наплывъ невозможной тоски и молча поднялся. Бубновъ, всхлипывая, проводилъ его до двери. Черезъ нѣсколько дней (уже въ Латвіи) Мартынъ нашелъ въ русской газетѣ новую бубновскую «новеллу», на сей разъ превосходную, и тамъ у героя-нѣмца былъ Мартыновъ галстукъ, блѣдно-сѣрый въ розовую полоску, который Бубновъ, казавшійся столь поглощеннымъ горемъ, укралъ, какъ

очень ловкій воръ, одной рукой вынимающій у человѣка часы, пока другою вытираетъ слезы.

Зайдя въ писчебумажную лавку, Мартынъ купилъ полдюжины открытокъ и наполнилъ свое обмелѣвшее автоматическое перо, послѣ чего направился въ гостиницу Дарвина, рѣшивъ тамъ прождать до послѣдняго возможнаго срока, и уже прямо оттуда ѣхать на вокзалъ. Было около пяти, небо затуманилось, — бѣлесое, невеселое. Глуше, чѣмъ утромъ, звучали автомобильные рожки. Проѣхалъ открытый фургонъ, запряженный парой тощихъ лошадей, и тамъ громоздилась цѣлая обстановка, — кушетка, комодъ, море въ золоченой рамѣ и еще много всякой другой грустной рухляди. Черезъ пятнистый отъ сырости асфальтъ прошла женщина въ траурѣ, катя колясочку, въ которой сидѣлъ синеглазый внимательный младенецъ и, докативъ колясочку до панели, она нажала и вздыбила ее. Пробѣжалъ пудель, догоняя черную левретку; та боязливо оглянулась, дрожа и поднявъ согнутую переднюю лапу. «Что это въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ Мартынъ. — Что мнѣ до всего этого? Вѣдь я же вернусь. Я долженъ вернуться». Онъ вошелъ въ холлъ гостиницы. Оказалось, что Дарвина еще нѣтъ.

Тогда онъ выбралъ въ холлѣ удобное кожаное кресло и, отвинтивъ колпачекъ съ пера, принялся писать матери. Пространство на открыткѣ было ограниченное, почеркъ у него былъ крупный, такъ что вмѣстилось немного. «Все благополучно, — писалъ онъ, сильно нажимая на перо. — Остановился на старомъ мѣстѣ, адресуй туда же. Надѣюсь дядинъ флюсъ лучше. Дарвина я еще не видалъ. Зилановы передаютъ привѣтъ. Напишу опять не раньше недѣли, такъ какъ ровно не о чемъ. Many kisses». Все это онъ перечелъ дважды, и почему то сжалось сердце, и пошелъ по спинѣ холодъ. «Ну, пожалуйста, безъ глупостей», — сказалъ себѣ Мартынъ и, опять сильно нажимая, написалъ маіоршѣ съ просьбой сохранять для него письма. Опустивъ открытки, онъ вернулся, откинулся въ креслѣ

и сталъ ждать, поглядывая на стѣнные часы. Прошло четверть часа, двадцать минутъ, двадцать пять. По лѣстницѣ поднялись двѣ мулатки съ необыкновенно худыми ногами. Вдругъ онъ услышалъ за спиной мощное дыханіе, которое тотчасъ узналъ. Онъ вскочилъ, и Дарвинъ огрѣлъ его по плечу, издавая гортанныя восклицанія. «Негодяй, негодяй, — радостно забормоталъ Мартынъ, — я тебя ищу съ утра».

L.

Дарвинъ какъ будто слегка пополнѣлъ, волосы порѣдѣли, онъ отпустилъ усы, — свѣтлые, подстриженные, вродѣ новой зубной щетки. И онъ и Мартынъ были почему-то смущены, и не знали, о чемъ говорить, и все трепали другъ друга, посмѣиваясь и урча. «Что же ты будешь пить, — спросилъ Дарвинъ, когда они вошли въ тѣсный, но нарядный номеръ, — виски и соду? коктейль? или просто чай?» «Все равно, все равно, что хочешь», — отвѣтилъ Мартынъ и взялъ со столика большой снимокъ въ дорогой рамѣ. «Она», — лаконично замѣтилъ Дарвинъ. Это былъ портретъ молодой женщины съ діадемой на лбу. Сросшіяся на переносицѣ брови, свѣтлые глаза и лебединая шея, — все было очень отчетливо и властно. «Ее зовутъ Ивлинь, она, знаешь, недурно поетъ, я увѣренъ, что ты бы очень съ ней подружился», — и, отобравъ портретъ, Дарвинъ еще разъ мечтательно на него посмотрѣлъ, прежде, чѣмъ поставить на мѣсто. «Ну-съ, — сказалъ онъ, повалившись на диванъ и сразу вытянувъ ноги, — какія новости?»

Вошелъ слуга съ коктейлями. Мартынъ безъ удовольствія глотнулъ пряную жидкость и вкратцѣ разсказалъ, какъ онъ прожилъ эти два года. Его удивило, что, какъ только онъ замолкъ, Дарвинъ заговорилъ о себѣ, подробно и самодовольно, чего прежде никогда не случалось. Какъ странно было слышать изъ его лѣнивыхъ цѣломуд-

ренныхъ устъ рѣчь объ успѣхахъ, о заработкахъ, о прекрасныхъ надеждахъ на будущее, — и оказывается писалъ онъ теперь не прежнія очаровательныя вещи о півкахъ и закатахъ, а статьи по экономическимъ и государственнымъ вопросамъ, и особенно его интересовалъ какой-то мораторіумъ. Когда же Мартынь, во время неожиданной паузы, напомнилъ ему о давнемъ, смѣшномъ, кембриджскомъ, — о горящей колесницѣ, о Розѣ, о дракѣ, Дарвинъ равнодушно проговорилъ: «Да, хорошія были времена», — и Мартынь съ ужасомъ отиѣтилъ, что воспоминаніе у Дарвина умерло или отсутствуетъ, и осталась одна выцѣпшая вывѣска.

«А что подѣлываетъ Вадимъ?» — сонно спросилъ Дарвинъ.

«Вадимъ въ Брюсселѣ, — отвѣтилъ Мартынь, — кажется, служить. А вотъ Зилановы тутъ, я часто выдаюсъ съ Соней. Она все еще не вышла замужъ».

Дарвинъ выпустилъ огромный клубъ дыма. «Привѣтъ ей, привѣтъ, — сказалъ онъ. — А вотъ ты... Да, жалко, что ты все какъ-то треплешься. Вотъ я тебя завтра коесъ-къмъ познакомя, я увѣренъ, что тебѣ понравится газетное дѣло».

Мартынь кашлянулъ. Настало время заговорить о самомъ важномъ, — о чемъ онъ еще недавно такъ мечталъ съ Дарвиномъ поговорить.

«Спасибо, — сказалъ онъ, — но это невозможно, — я черезъ часъ уѣзжаю изъ Берлина».

Дарвинъ слегка привсталъ: «Вотъ-те на. Куда же?»

«Сейчасъ узнаешь. Сейчасъ я тебѣ расскажу вещи, которыхъ не знаетъ никто. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, — да, нѣсколько лѣтъ, — но это неважно...»

Онъ запнулся. Дарвинъ вздохнулъ и сказалъ: «Я уже понялъ. Буду шаферомъ».

«Не надо, прошу тебя. Вѣдь я же серьезно. Я, знаешь-ли, специально сегодня добивался тебя, чтобы поговорить. Дѣло въ томъ, что я собираюсъ нелегально перейти изъ

Латвіи въ Россію, — да, на двадцать четыре часа, — и затѣмъ обратно. А ты мнѣ нуженъ вотъ почему, — я дамъ тебѣ четыре открытки, будешь посылать ихъ моей матери по одной въ недѣлю, — скажемъ, каждый четвергъ. Вѣроятно я вернусь раньше мѣсяца, — я не могу сказать напередъ, сколько мнѣ потребуется времени, чтобы сначала обследовать мѣстность, выбрать маршрутъ и такъ далѣе... Правда, я уже получилъ очень важныя свѣдѣнія отъ одного человѣка. Но кромѣ всего можетъ случиться, что я застряну, не сразу выберусь. Она, конечно, ничего не должна знать, должна аккуратно получать письма. Я далъ ей мой старыи адресъ, — это очень просто».

Молчаніе.

«Да, конечно, это очень просто», — проговорилъ Дарвинъ.

Опять молчаніе.

«Я только несовсѣмъ понимаю, зачѣмъ это все».

«Подумай и поймешь», — сказалъ Мартынъ.

«Заговоръ противъ добрыхъ старыхъ совѣтовъ? Хочешь кого-нибудь повидать? Что-нибудь передать, устроить? Признаюсь, я въ дѣтствѣ любилъ этихъ мрачныхъ бородачей, бросающихъ бомбы въ тройку жестокаго на мѣстника».

Мартынъ хмуро покачалъ головой.

«А если ты просто хочешь посѣтить страну твоихъ отцовъ — хотя твой отецъ былъ швейцарецъ, неправда-ли? — но если ты такъ хочешь ее посѣтить, не проще ли взять визу и переѣхать границу въ поѣздѣ? Не хочешь? Ты полагаешь, можетъ быть, что швейцарцу послѣ того убійства въ женевскомъ кафе не дадутъ визы? Изволь, — я достану тебѣ британскій паспортъ».

«Ты все не то говоришь, — сказалъ Мартынъ. — Я думаю, ты все сразу поймешь».

Дарвинъ закинулъ руки за голову. Онъ все не могъ рѣшить, морочить ли его Мартынъ или нѣтъ, — и, если

не морочить, то какія именно соображенія толкають его на это вздорное предпріятіе. Онъ попытѣлъ трубой и сказалъ:

«Если, наконецъ, тебѣ нравится одинъ только голый рискъ, то незначѣмъ ѣздить такъ далеко. Давай, сейчасъ придумаемъ что-нибудь необыкновенное, что можно сейчасъ же исполнить, не выходя изъ комнаты. А потомъ поужинаемъ и поѣдемъ въ мюзикъ-холль».

Мартынъ молчалъ, и лицо его было грустно. «Что за ерунда, — подумалъ Дарвинъ. — Тутъ есть что-то странное. Спокойно сидѣлъ въ Кембриджѣ, пока была у нихъ гражданская война, а теперь хочетъ получить пулю въ лобъ за шпионажъ. Морочить ли онъ меня или нѣтъ? Какіе дурацкіе разговоры...»

Мартынъ вдругъ вздрогнулъ, взглянулъ на часы и всталъ.

«Послушай, будетъ тебѣ ваять дурака, — сказалъ Дарвинъ, сильно дымя трубой. — Это, наконецъ, просто невѣжливо съ твоей стороны. Я тебя не видѣлъ два года. Или расскажи мнѣ все толкомъ, или же признайся, что шутилъ, — и будемъ говорить о другомъ».

«Я тебѣ все сказалъ, — отвѣтилъ Мартынъ. — Все. И мнѣ теперь пора».

Онъ неслѣша надѣлъ макинтошъ, поднялъ шляпу, упавшую на полъ. Дарвинъ, спокойно лежавшій на диванѣ, зѣвнулъ и отвернулся къ стѣнѣ. «Прощай», — сказалъ Мартынъ, но Дарвинъ промолчалъ. «Прощай», — повторилъ Мартынъ. «Глупости, онъ не уйдетъ», — подумалъ Дарвинъ и зѣвнулъ опять, плотно прикрывъ глаза. «Не уйдетъ», — снова подумалъ онъ и сонно подобралъ одну ногу. Нѣкоторое время длилось забавное молчаніе. Погодя, Дарвинъ тихо засмѣялся и повернулъ голову. Но въ комнатѣ никого не было. Казалось даже непонятнымъ, какъ это Мартыну удалось такъ тихо выйти. У Дарвина мелькнула мысль, не спрятался ли Мартынъ. Онъ поле-

жалъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, осторожно оглядывая уже полутемную комнату, спустилъ ноги и выпрямился. «Ну, довольно, выходи», — сказалъ онъ, услышавъ легкій шорохъ между шкапомъ и дверью, гдѣ была ниша для чемодановъ. Никто не вышелъ. Дарвинъ подошелъ и глянулъ въ уголъ. Никого. Только большой кусокъ оберточной бумаги, оставшійся отъ вчерашней покупки. Онъ включилъ свѣтъ, задумаясь, потомъ открылъ дверь въ коридоръ. Въ коридорѣ было тихо, свѣтло и пусто. «Ну его къ чорту», — сказалъ онъ и опять задумался, но вдругъ встряхнулся и дѣловито началъ переодѣваться къ ужину.

На душѣ у него было безпокойно, а это съ нимъ бывало послѣднее время не часто. Появленіе Мартына не только взволновало его, какъ нѣжный отголосокъ университетскихъ дней, — оно еще было необычайно само по себѣ, — все въ Мартынѣ было необычайно, — этотъ грубоватый загаръ, и словно запыхавшійся голосъ, и какое-то новое, надменное выраженіе глазъ, и странныя темныя рѣчи. Но Дарвину по послѣднее время жившему такой твердой, основательной жизнью, такъ мало волновавшемуся (даже тогда, когда объяснялся въ любви), такъ освоившемуся съ мыслью, что, послѣ тревогъ и забавъ молодости, онъ вышелъ на гладко мощеную дорогу, — удалось справиться съ необычайнымъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ Мартыномъ, увѣрить себя, что все это была не очень умная шутка, и что, пожалуй еще нынче, Мартынъ появится опять. Онъ уже былъ въ смокингъ и разглядывалъ въ зеркалѣ свою мощную фигуру и большое носастое лицо, какъ вдругъ позволилъ телефонъ на ночномъ столикѣ. Онъ несразу узналъ далекій, уменьшенный разстояніемъ голосъ, зазвучавшій въ трубкѣ, ибо какъ-то такъ случилось, что онъ никогда не говорилъ съ Мартыномъ по телефону. «Напоминаю тебѣ мою просьбу, — мутно сказалъ голосъ. — Я пришлю тебѣ письма на-дняхъ, пересылай ихъ по одному. Сейчасъ уходитъ мой поѣздъ. Я говорю: поѣздъ. Да-да, — мой поѣздъ...»

Голосъ пропалъ. Дарвинъ со звономъ повѣсилъ трубку и нѣкоторое время почесывалъ щеку. Потомъ онъ быстро вышелъ и спустился внизъ. Тамъ онъ потребовалъ расписаніе поѣздовъ. Да, — совершенно правильно. Что за чертовщина...

Въ этотъ вечеръ онъ никуда не пошелъ, все ждалъ чего-то, сѣлъ писать невѣстѣ, и не о чемъ было писать. Прошло нѣсколько дней. Въ среду онъ получилъ толстый конвертъ изъ Риги и въ немъ нашелъ четыре берлинскихъ открытки, адресованныхъ госпожѣ Эдельвейсъ. На одной изъ нихъ онъ высмотрѣлъ вкрапленную въ русскій текстъ фразу по-англійски: «Я часто хожу съ Дарвиномъ въ мюзикъ-холли». Дарвину сдѣлалось не по себѣ. Въ четвергъ утромъ, съ неприятнымъ чувствомъ, что участвуетъ въ дурномъ дѣлѣ, онъ опустилъ первую по датѣ открытку въ синий почтовый ящикъ на углу. Прошла недѣля; онъ опустилъ и вторую. Затѣмъ онъ не выдержалъ и поѣхалъ въ Ригу, гдѣ посѣтилъ своего консула, адресный столъ, полицію, но не узналъ ничего. Мартынь словно растворился въ воздухѣ. Дарвинъ вернулся въ Берлинъ и нехотя опустилъ третью открытку. Въ пятницу, въ издательство Зиланова зашелъ огромный человѣкъ иностраннаго вида, и Михаилъ Платоновичъ, всмотрѣвшись, узналъ въ немъ молодого англичанина, ухаживавшаго въ Лондонѣ за его дочерью. Ровнымъ голосомъ Дарвинъ изложилъ свой послѣдній разговоръ съ Мартыномъ и исторію съ пересылкой писемъ. «Да, позвольте, — сказалъ Зилановъ, — позвольте, тутъ что-то не то, — онъ говорилъ моей дочерч, что будетъ работать на фабрикѣ подъ Берлиномъ. Вы увѣрены, что онъ уѣхалъ? Что за странная исторія...» «Я сперва думалъ, что онъ шутить, — сказалъ Дарвинъ. — Но теперь я не знаю, что думать... Если онъ дѣйствительно — ». «Какой, однако, сумасбродъ, — сказалъ Зилановъ. — Кто бы могъ предположить. Юноша уравновѣшенный, солидный... Просто, вы знаете, не вѣрится, тутъ какой-то подвохъ... Вотъ что: прежде всего слѣдуетъ вы-

яснить, не знаетъ ли чего-нибудь моя дочь. Поѣдемтѣ ко мнѣ».

Соня, увидѣвъ отца и Дарвина и замѣтивъ что-то необычное въ ихъ лицахъ, подумала на сотую долю мгновенія (бываютъ такіе мгновенные кошмары), что Дарвинъ пріѣхалъ дѣлать предложеніе. «Алло, алло, Соня», — воскликнулъ Дарвинъ съ очень дѣланной развязностью; Зилановъ же, тусклыми глазами глядя на дочь, попросилъ ее не пугаться и тутъ же, чуть ли не въ дверяхъ, все ей рассказалъ. Соня сдѣлалась бѣлой, какъ полотно, и опустилась на стулъ въ прихожей. «Но вѣдь это ужасно», — сказала она тихо. Она помолчала и затѣмъ легонько хлопнула себя по колѣнямъ. «Это ужасно», — повторила она еще тише. «Онъ тебѣ что-нибудь говорилъ? Ты въ курсѣ дѣла?» — спрашивалъ Зилановъ. Дарвинъ потиралъ щеку, и старался не смотрѣть на Соню, и чувствовалъ самое страшное, что можетъ чувствовать англичанинъ: желаніе заревѣть. «Конечно, я все знаю», — тонкимъ голосомъ кресчендо сказала Соня. Въ глубинѣ показалась Ольга Павловна, и мужъ-сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она не мѣшала. «Что ты знаешь? Отвѣчай же толкомъ», — проговорилъ онъ и тронулъ Соню за плечо. Она вдругъ согнулась вдвое и зарыдала, уперевшись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо. Потомъ — разогнулась, громко всхлипнула, словно задохнувшись, переглотнула и вперемежку съ рыданіями закричала: «Его убьютъ, Боже мой, вѣдь его убьютъ...» «Возьми себя въ руки, — сказалъ Зилановъ. — Не кричи. Я требую, чтобы ты спокойно, толково объяснила, о чемъ онъ тебѣ говорилъ. Оля, проведи этого господина куда-нибудь, — да въ гостиную же, — ахъ, пустяки, что монтеры... Соня, перестань кричать! Испугаешь Ирину, перестань, я требую...»

Онъ долго ее успокаивалъ, долго ее допрашивалъ. Дарвинъ сидѣлъ одинъ въ гостиной. Тамъ же монтеръ вошелъ со штепселемъ, и электричество то гасло, то зажигалось опять.

«Дѣвочка, конечно, права, что требуетъ немедленныхъ мѣръ, — сказала Зилановъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, опять вышелъ на улицу. — Но что можно сдѣлать? И я не знаю, все ли это такъ романтически авантюрно, какъ ей кажется. Она сама всегда такъ настроена. Очень нервная натура. Я никакъ не могу понять, какъ молодой человѣкъ, довольно далекій отъ русскихъ вопросовъ, скорѣе, знаете, иностранной складки, могъ оказаться способенъ на... на подвигъ, если хотите. Я, разумѣется, кое-съ-къмъ снесусь, придется, возможно, поѣхать въ Латвію, но дѣло довольно безнадежное, если онъ дѣйствительно попытался перейти... вы знаете, такъ странно, вѣдь я же, да, я, когда-то сообщалъ мадамъ Эдельвейсъ о смерти ея перваго мужа».

Прошло еще нѣсколько дней. Выяснилось только одно: нужно терпѣніе, нужно ждать. Дарвинъ отправился въ Швейцарію, — предупредить Софью Дмитріевну. Все было сѣро, шелъ мелкій дождь, когда онъ прибылъ въ Лозанну. Повыше въ горахъ пахло мокрымъ снѣгомъ, капало съ деревьевъ: ноябрь вдругъ отсырѣлъ послѣ первыхъ морозовъ. Наемный автомобиль быстро довезъ его до деревни, скользнулъ шинами на поворотѣ и опрокинулся въ канаву. Шоферъ только расшибъ себѣ руку; Дарвинъ всталъ, нашелъ шляпу, стряхнулъ съ пальто мокрый снѣгъ и спросилъ у зѣвакъ, далеко ли до усадьбы Генриха Эдельвейса. Ему указали кратчайшій путь, — тропинкой черезъ еловый лѣсъ. Выйдя изъ лѣсу, онъ пересѣкъ проѣзжую дорогу и, пройдя по аллеѣ, увидѣлъ зелено-коричневый домъ. Передъ калиткой, на темной землѣ, остался послѣ его прохождения глубокій слѣдъ отъ резиновыхъ узоровъ его подошвъ; этотъ слѣдъ медленно наполнился мутной водой, а калитка, которую Дарвинъ неплотно прикрылъ, черезъ нѣкоторое время скрипнула отъ порыва влажнаго вѣтра и открылась, сильно качнувшись. Погода на нее съ-ла синица, поговорила, поговорила, а потомъ перелетѣла на еловую вѣтку. Все было очень мокро и тускло. Черезъ

часъ стало еще тусклѣе. Изъ глубины печальнаго, бурога сада вышелъ Дарвинъ, прикрылъ за собой калитку (она тотчасъ открылась опять) и пошелъ обратно — тропинкой черезъ лѣсъ. Въ лѣсу онъ остановился и закурилъ трубку. Его широкое коричневое пальто было разстегнуто, на груди висѣли концы разноцвѣтнаго кашне. Въ лѣсу было тихо, только слышалось легкое чмокание: гдѣ-то, подъ мокрымъ сѣрымъ снѣгомъ, бѣжала вода. Дарвинъ прислушался и почему-то покачалъ головой. Табакъ, едва разгорѣвшись, потухъ, трубка издала безпомощный сосущій звукъ. Онъ что-то тихо сказалъ, задумчиво потеръ щеку и двинулся дальше. Воздухъ былъ тусклый, черезъ тропу мѣстами пролегали корни, черная хвоя иногда задѣвала за плечо, темная тропа вилась между стволовъ живописно и таинственно.

В. Сиринъ.

Гремучій родникъ

XIV.

XV.

По улицѣ въ предзакатной прозрачной тишинѣ начинала летать бѣлая паутина. Стая гусей, отлинявшихъ и выводящихъ за лѣто молодое поколѣніе, поднялась на пригорокъ около Родника. Гуси перебирали перья и чистились.

Оживала заглохшая, было, за лѣто жизнь у Родника.

По двору у Маликовыхъ была разбросана повсюду солома. Её, видно, носили навильниками изъ сѣнника и засорили ею весь проходъ.

Развороченныя копны соломы были натасканы къ той бывшей хатенкѣ, изъ-за которой вышло столько недоразумѣній. Ее теперь окончательно передѣлали подъ сарай, сломали трубу и Алдоша доканчивалъ теперь крышу. Тутъ же стояла запущенная мелкою охвостью водовозка съ бочкой. И Климъ и Луканька попеременно подставляли ведра и разбрасывали потомъ воду на разложенную предварительно ровнымъ слоемъ солому. Афоня и мужикъ постоялецъ стоговыми вилами нанизывали большіе навильники и подкидывали ихъ вверхъ къ Алдошѣ. Онъ прессовалъ сначала граблями и ногой небольшія ея беремья и прилагалъ потомъ къ уже положенному равнѣ стегну. Приплотнивъ къ нему это новое беремья, онъ

расчесываль граблями солому. Получалась ровная «подъ расческу» сдѣланная соломенная крыша.

Гришка Сенюткинъ, въ бешметѣ налегкѣ съ вишневымъ бадикомъ въ рукахъ, поддавшись къ базу, издали слѣдилъ снизу за работой и дѣлалъ свои замѣчанія:

— Какъ-быть, кумъ, то беремъ надо бѣ еще прилавить... Во-во! Такъ!

Скрипнула калитка и сначала изъ-за высокой передней хаты не видно было, но слышно, — затопотѣли четыре лошадиныя ноги по утопанной дворовой землѣ. Кто-то вошелъ съ лошадыю. Потомъ показался и тотъ, — Ларька, супрягачъ. Бешметъ на-распашку, красно-боновая рубаха вобрана въ штаны съ широкой очкурней. Ротъ оскаленъ въ несходящую съ лица глуповато-насмѣшливую улыбку.

— Здорово дневали.

Онъ протянулъ свою широкую ручищу къ Сенюткину, а къ Алдошѣ, приподнявъ вверхъ лицо, крикнулъ особо:

— Будь здоровъ, свать Алдакимъ!

— Здорово, ежели не шутишь... Только откуда ты мнѣ сватомъ сталъ, что-то въ толкъ не возьму.

У Ларьки это, дѣйствительно, вышло совсѣмъ даже не кстати.

— Гы-гы... Да мало ли откедова...

Чтобы замести слѣды своей неловкости, онъ началъ припоминать съ десятаго колѣна свою и маликовскую родню и устанавливать свойство.

Между тѣмъ, сорвалось это у него съ языка случайно въ отвѣтъ на собственныя его думы, съ какими ходилъ онъ вотъ уже два мѣсяца, — думы о Денисѣ съ Химкой, о чемъ, конечно, Алдоша не могъ догадываться.

— Ну, ладно, свать такъ свать, — согласился Алдоша. — Только зачѣмъ ты, «свать», кобылѣ своей глазе вышибь? Это, братъ, нехорошо.

— Да, право, какъ-быть, и не билъ ее, — оправдывался Ларька: — должно, Денисъ.

Алдоша пообъщала ему сверху:

— Подожди, вот кончу крышу, сойду, — и тогда совмѣстно посмотримъ.

Алдоша слылъ въ станицѣ за лошадиного лѣкаря, собственно, не за общаго ихъ лѣкаря, а въ нѣкоторомъ родѣ, за специалиста по глазнымъ болѣзнямъ. Умѣлъ сводить съ лошадиныхъ глазъ бѣльма. Станичники часто въ сердцахъ били лошадей по мордѣ, попадая и по глазамъ. У животнаго начиналъ слезиться ушибленный глазъ и затягивался бѣлой пленкой. Вотъ отъ этого-то и врачевалъ Алдоша.

Сенюткинъ и Ларька отошли подальше къ дровосѣкѣ. Сенюткинъ сѣлъ на самую дровосѣку, а Ларька пристроился противъ него на корточки, достала изъ-за очкурни свернутый въ трубочку кисеть, вытащила книжечку папиросной бумаги, раздулъ ее и, вырвавъ одинъ листокъ, принялся крутить цыгарку. Что Сенюткинъ не курить, онъ зналъ, и не предлагалъ ему кисета. Чиркнувъ сѣрничкомъ, онъ далъ отойти сначала сѣрному духу, потомъ, вытянувъ шею и склонивъ голову на бокъ, прилагая къ спичкѣ и закурилъ.

Кобыла, понутивъ голову, покорно стояла около.

— Слыхали, какъ у Сидора у Монакова ребята гостювали? — спросилъ онъ послѣ одной-другой хорошей затяжки.

— Не... А какъ?

— Итъ вотъ какая мадель вышла!..

Ларька скатала кисеть опять въ трубку и подоткнулъ обратно подъ очкурню.

— Смѣху-у...

И сталъ рассказывать забавную исторію о посѣщеніи Сидора ребятами.

Оба — и Ларька и Сенюткинъ — давились и багровѣли при этомъ отъ смѣха.

— Ну, не сукины ли сыны?

— Убей меня Господь, правда... Самъ Сидоръ разсказывалъ.

Прислушивавшійся давно къ ихъ веселому смѣху и любопытствуя, въ чемъ дѣло, Алдоша, наконецъ, окончилъ работу, спустился по лѣстницѣ на землю съ крыши и, распорядившись, чтобы убирали остатки соломы, самъ подошелъ къ бесѣдовавшимъ.

— Объ чемъ вы тутъ?

— Ты только послухай, кумъ, — подогрѣлъ его интересъ Сенюткинъ, а Ларьку попросилъ:

— Разскажи, Митричъ!

Тотъ съ готовностью съ новыми варіаціями передалъ слышанное отъ «самого Сидора».

Алдоша смѣялся и, пока сообща еще курили, онъ успѣлъ разсказать подходящий случай изъ своей давнишней парубочкой жизни. Потомъ занялись кобылой Ларьки. Алдоша огладилъ ея больной глазъ. Она имъ часто моргала и, видно, чувствовала неловкость и боль.

— Придется полстенку вдернуть, — изрекъ компетентно послѣ осмотра Алдоша: — Посмотри, куда уже доползло.

Ларька и раньше видалъ, но все же еще наклонился къ больному глазу животнаго и убѣдился, что бѣло-синяя пленка на немъ поднялась уже до самаго зрачка.

Способъ леченія Алдоши въ такихъ случаяхъ заключался въ томъ, что онъ прорѣзалъ небольшую мочку въ верхнемъ краѣ уха лошади съ обратной стороны отъ больного глаза, и въ эту мочку втягивалъ заранѣе приготовленную и наговоренную особымъ заговоромъ узкую стежку, вырѣзанную изъ полости.

Читалась при этомъ три раза Молитва Господня и еще особый заговоръ — тоже три раза, и три раза же Алдоша сплевывалъ по окончаніи церемоніи на копыта лошади. Совѣтовалъ дать лошади отдохнуть и подкормить лишній разъ «овсецомъ».

Ларька повелъ кобылу къ воротамъ.

— Да, у меня къ вамъ, Прокофичъ, ишло дѣльце было бы. Да, должно, поговоримъ объ этомъ въ другой разъ.

Скосившись въ сторону Сенюткина, онъ далъ понять Алдошѣ, что хотѣлъ бы поговорить съ нимъ одинъ-наодинъ.

Онъ вышелъ за ворота, подостлалъ уже тамъ на спину кобылѣ мѣшокъ, отбился отъ земли и, взгромоздясь на лошадь, затрусилъ по улицѣ.

Сенюткинъ, оказалось, тоже не проста пришелъ; оказалось, онъ имѣлъ свою печальную новость, съ которой пришелъ подѣлиться. Ковыряя бадикомъ землю, онъ разсказалъ куму.

Собрался онъ Карпа своего женить. Все уже слажено, сговорено, а Карпо — женихъ — взялъ да й сбѣжалъ изъ дому и уже три ночи неизвѣстно, гдѣ пропадаетъ.

Алдошу все это озадачило, но онъ долженъ былъ соизнаться въ своемъ безсиліи помочь Сенюткину. Тотъ ушелъ. Но совершенно неожиданно въ этотъ вечеръ къ Маликовымъ были принесены по этому случаю новости.

XVI.

Уже совсѣмъ за вечерѣло. Теряли краску и сѣрѣли локутныя вечернія облака. Съ Родника уходила послѣдняя запоздавшая скотья череда.

Припозднившись, пришла отъ вечерни Ивановна, но не одна, а привела съ собой странника, еще крѣпкаго старика изъ тѣхъ одинокихъ людей, которые странствованіемъ обезпечиваютъ себѣ существованіе. Безобидные, холодноватые въ своихъ чувствахъ къ людямъ, но всегда со словомъ Божьимъ на устахъ, они обычно на папертяхъ храмовъ читаютъ вслухъ псалтирь и получаютъ мѣдные гроши отъ dobroдaтeлeй.

У раба Божьяго Купріяна были длинные, на подобіе

монашескихъ, волосы, благообразная, какъ на иконѣ у священно-мученика Власія, борода. Одѣтъ онъ былъ въ поддевку, но въ монашескомъ подрясникѣ подъ нею и опоясанъ особымъ монашескимъ же ремнемъ, съ рубцомъ посрединѣ.

Когда онъ раздѣлся, въ хатѣ отъ него пошелъ такой особый душокъ, отъ упареннаго въ теплой одеждѣ стариковскаго тѣла.

Семейно повечерявъ съ Маликовыми, рабъ Божій разговорился за чаепитіемъ.

Съ большимъ степенствомъ передалъ о знакомыхъ ему житійныхъ назидательныхъ случаяхъ.

— Много разнаго бываетъ на свѣтѣ... Да што вы думаете? — вдругъ онъ снова встрепенулся, вспомнивъ, очевидно, что-то весьма, по его мнѣнію, необыкновенное... — Вы што думаете?! Не дальше, какъ вчера, повстрѣчался мнѣ на дорогѣ чудесный такой юноша. Такъ, знаете, идетъ себѣ и въ казачьемъ при томъ одѣяніи. Бешметъ на немъ подъ серебромъ, чекмень фабричнаго сукна, стоящій такой. Все на немъ блеститъ. Идетъ себѣ. Но видно уже притомился. Я посмотрѣлъ на него и таково тихимъ спросомъ спросилъ: — куда грядешь, юноша? А онъ мнѣ: — иду, — гритъ, — поднять dospѣхи отца моего. Дальше, больше. — А кто же, — спрашиваю, — родитель вашъ? А онъ и отрѣзалъ: — фельдмаршалъ, — гритъ, — Александръ Васильевичъ Суворовъ, князь, — гритъ, — Италійскій... Я такъ и ахнулъ въ себѣ. Ему вида не показалъ, а только, мало перегода, спросилъ: — какъ же, — говорю, — вашъ папаша изволилъ отпустить васъ? А онъ опять загнулъ: — Мой, — гритъ, — папаша уже сто лѣтъ тому будетъ, какъ скончался. Я такъ и осѣлъ. Онъ посмотрѣлъ на меня таково суворо и пошелъ по дорогѣ... — Куды шь ты идешь?.. Вотъ притча. Ась?

Алдоша весь впился въ раба Божія:

— Слухай, Купріянь! Ты говоришь, что онъ былъ въ сѣромъ фабричномъ чекменѣ?

— Да.

— Самъ не высокаго роста? Немного какъ-быть подслѣповатый и съ остренькимъ носомъ?

— Да, похоже.

— Устя это не иначе — Карпо Сениюткинъ. Кумъ Гришка только што былъ и жалился, что тотъ сбѣжалъ и уже три дня дома не ночуетъ. Онъ — не иначе.

Не долго думая, Алдоша накинулъ на плечи шубу и вышелъ. Возвратясь спустя короткое время съ Сениюткинымъ, они теперь подробно стали спрашивать странника о его встрѣчѣ.

Сениюткинъ твердо рѣшилъ, что то былъ никто другой, какъ его сынъ Карпо.

— Вотъ — прохвость!.. Фельдмаршала Суворова сынокъ, а?

Рабъ Божій былъ нѣсколько огорченъ, что такъ пожитейски обернулась его встрѣча съ таинственнымъ юношей, но, понимая, какое важное значеніе имѣло сообщенное имъ для этихъ людей, утѣшался хотя бы этимъ.

— Какъ же онъ, юноша-то этотъ про Суворова такъ-то? — недоумѣвалъ все же онъ, укладываясь на ночь головой къ образамъ на широкой липовой лавкѣ, когда Сениюткинъ ушелъ.

— О! Энтотъ можетъ и не то рассказать. Другого такого во всей станицѣ не сыщешь... Спи, человѣкъ Божій.

Алдоша, завалившись къ стѣнкѣ на широкой деревянной кровати самъ скоро захрапѣлъ со спокойствіемъ человѣка, свершившаго за день все земное.

Осеннее поле мало радуется глазъ. Бѣгутъ валами облака, обрываясь и пропуская черезъ себя глазъ къ небесной синевѣ. И солнце то заволочится, то откроется. Шумить вѣтеръ въ придорожномъ бурьянѣ и въ оставшемся не сжатымъ, но охолощенномъ кукурузникѣ.

Отрадно развѣ лишь то, съ какой настойчивостью выбывается наружу и щетинится молодая зелень хлѣбовъ на распаханыхъ и заволоченныхъ поляхъ.

Въ праздники осенняя степь совсѣмъ безлюдная.

Сенюткинъ подгонялъ высокаго мерина, — бѣлаго съ разбросанными по всему корпусу мелкими коричневыми пятнышками. Добрый меринъ, прихрамывая на одну ногу по причинѣ родимаго изъяна въ копытѣ, бѣжалъ не останавливаясь, лишь скидывалъ промежъ дуги длинной гривой, выбивавшейся изъ-подъ хомута, да громко пофыркивалъ.

Скакать, впрочемъ, пришлось недолго.

Карпу, видно, уже надоѣло «искать дослѣхи отца-фельдмаршала» и, подбившись на ноги, подобравъ полы чекменя, онъ шелъ уже возвратнымъ путемъ.

Вблизи небольшихъ степныхъ хуторовъ они и встрѣтились, отецъ съ сыномъ.

— Ну, што, Суворовъ? Набѣгался?.. Эхъ, ты — брехунъ безпросвѣтнай.

Отецъ Сенюткинъ натянулъ вожжи и остановилъ бѣлаго.

— А-а! Такъ-то! Не пойду домой, взъерепенился, было, Сенюткинъ-сынъ. Но соблазнъ сѣсть на дроги, не идти больше, и такъ докатиться до материнскаго участливаго взгляда, теплаго слова и сытаго пирога, — одолѣлъ.

— Садись, паршивецъ! Будя уже. А то возьмусь вотъ кнутомъ возить, — кишки вымотаю.

Отецъ Сенюткинъ повернулъ бѣлаго въ сторону дома, и они поѣхали.

XVII.

Маликовъ въ это самое воскресенье собрался на базаръ, что около Старой церкви.

Облачился онъ въ теплый бешметъ испанскаго атласа, поверхъ натянулъ темно-сѣрый чекмень поярковой

шерсти и на голову — большую черную шапку съ высокимъ верхомъ. Изъ-подъ стрехи вытащилъ бадикъ... Въ саду въ густомъ сливникѣ выростали стройныя молодця деревца. Алдакимъ Прокофьевичъ заранѣ облюбовывалъ изъ нихъ наиболѣе подходящія, давалъ возрасти до требуемой толщины, потомъ срубалъ и высушивалъ въ сухомъ, но безсолнечномъ мѣстѣ, а въ свободные часы очищалъ отъ сучковъ, закруглялъ головки и приготовленные, такимъ образомъ, бадики припасалъ на годъ въ достаточномъ количествѣ. Ударилъ ли неосторожно свинью и переломилъ на ея спинѣ заношенный бадикъ, затащили ли куда дѣти, — искать особенно не приходилось. Только одно движеніе руки подъ стреху, и новый бадикъ въ ходу...

Уже изъ сѣней, пріоткрывъ дверь въ теплушку, гдѣ Устинья Ивановна хлопотала около печки, Алдоша сказала такъ, какъ будто еще колебался:

— Я пойду нынче, Устя, въ ту, въ старую церкву къ обѣднѣ.

А сказавъ, онъ еще постоялъ возлѣ двери, какъ-будто опредѣляя, какое впечатлѣніе произвели его слова на подругу. Самъ же отлично понималъ, что Устьѣ это его путешествіе не могло быть по душѣ. Она будто даже совсѣмъ не слыхала его сообщенія. Тогда онъ прикрылъ дверь въ теплушку, нахлобучилъ шапку и шагнулъ за порогъ. Выйдя же за калитку пошелъ размахистымъ шагомъ, опираясь на сливовый бадикъ.

На праздничный или воскресный базаръ осенью, пока еще не началась полная распутица, тянули въ станицѣ всѣ.

Дѣвчата выносили сюда свою дѣвичью красоту и наряды, парубки шли посмотрѣть на эту красоту, а нѣкоторые, чтобы сдѣлать выборъ невѣсты, казачки-жолмерки шли для болѣе или менѣе невиннаго флирта. Тѣ молодые казаки, которые недавно вернулись съ дѣйствительной службы, выходили сюда въ той «справѣ», которую успѣ-

ли сдѣлать въ годы службы, кто же былъ особо пожалованъ, тотъ въ присвоенныхъ его званію галунахъ.

Наконецъ, тутъ же въ толпѣ красовались своими знаками отличія тѣ, которые кандидатились на общественныя должности по управленію. И вотъ тѣ, кто постарше, и у кого улегся уже собственный червь тщеславія, приспособлялись теперь использовать въ смыслѣ лишняго угощенія въ базарномъ духанѣ человѣческую слабость «кандидатовъ»... Къ чести станичниковъ надо сказать, что наиболѣе щедрые на угощеніе кандидаты чаще всего при выборахъ прокатывались на вороныхъ. Ихъ лишь «обданивали» заблаговременно.

У Алдоши, впрочемъ, поводы къ угощенію были еще свои собственные.

Его угощали благодѣтельствованные безмезднымъ врачеваніемъ кривыхъ лошадей.

— Дозволь, Прокофьичъ, уважить тебя... Или: — Дядя Алдакимъ! Да рази жъ мы не восчувствуемъ? Ить и муха — насъкомая и та разумѣеть, кто ей воспособляетъ...

У самого Алдакимъ Прокофьевича, пока еще на трезвую голову, бывало, засосеть подъ ложечкой, какъ вспомнить про Устинью Ивановну, и какъ она будетъ сокрушаться при его недостойномъ видѣ, но однажды пьяненькимъ объяснилъ онъ Кулюшкѣ, какъ выходило такъ, что онъ напивался при такихъ могоарычахъ до-пьяна.

— Выпилъ одну рюмку, — залпершило въ горлѣ и какъ-быть въ носу, пришлось пить другую, — знта уже была легче, а третья сама побѣжала за тѣми двумя.

Въ это воскресенье къ нему приспособился Ларька. Онъ еще и не старъ былъ, но на базаръ по осени выходилъ уже съ бадикомъ въ рукахъ. Обращеніе — «ну, какъ, господа старики», онъ принималъ уже и по своему адресу. Тутъ онъ сразу началъ съ выраженія признательности въ отношеніи Меликова:

— Какъ же! Моей кобылѣ во-какъ полегшело отъ ва-

шего, Прокофьевичъ, лѣченія... Плакать совсѣмъ перестала.

Въ духанѣ облупленныя стѣны, исковерканные столы и тяжелыя табуретки, но шумно и по-пьяному весело.

Ларька набралъ сразу полбутылки, и они выпили, закусывая солеными огурцами. Алдоша захотѣлъ, было, вторую полбутылку оплатить изъ своего кармана, но Ларька не допустила.

— Нихай, Прокофьичъ, вашъ абазъ да при васъ же и останется. — И опять оплатилъ угощеніе самъ.

— Разговоръ у меня къ вамъ, Алдакимъ Прокофьичъ, такой именно есть... (Ларька въ виду особой деликатности начатаго разговора все время теперь обращался къ собесѣднику на «вы»). — Да вотъ какъ ево начать... Хоть и по-свойски, а все какъ-то таво...

— Да ты говори прямо, чиво тамъ?..

— Я, право, и не знаю... Дѣло касательно маво племенника Дениса. Мы женить его, было, сбалыкались... Мать, сами знаете, одинокая и уже подъ годами. Отдохнуть бы ей желательно. Спошкой обзавестись. А онъ, какъ бузивокъ *) отъ мухи. Ни подъ какимъ видомъ не хочетъ. Вотъ ить какая петля, супрягачъ драгоцѣнная.

— Постой... Я тутъ што-то не пойму... Денисъ жениться не хочетъ?

— Вотъ именно.

— Ну, а я какъ помогу вамъ?

Алдоша былъ уже подъ большой мухой, но въ разговорѣ разобрался еще.

— Ить полстенку ему, Денису, не вдернешь же въ ухо? А?

— Да я не къ тому.

— А къ чему?

— Петля-то вонъ какая, дядя Алдакимъ. Ить онъ къ казачкѣ къ вашей, къ Химкѣ, подсыпался.

*) Бузивокъ — годовалый бычекъ.

Сказалъ это Ларька и выпучилъ глаза на Алдошу. Того какъ-будто кто сразу поднялъ съ табуретки:

— Слухай, Ларька! Ты либо дуракъ, либо первѣющій сукинъ сынъ. На кой лядъ ты челуху мелешь?

— Дядя! Сватокъ! Какъ же?

И Ларька тоже приподнялся, но совсѣмъ не всталъ.

— Какой я тебѣ свать?

Алдакимъ Прокофьичъ быстро перехватилъ съ лѣвой руки въ правую свой сливовый бадикъ и только... лусъ! закругленной головкой Ларьку по черепу.

— Дядя, постой... Это ить не мадель.

Алдоша не понялъ его.

— А-а, — говорить, — ты еще ругаться? — Размахнулся да опять его костьюлемъ. И такъ какъ тотъ стоялъ уже теперь во весь свой высокій ростъ, да еще откинулся назадъ головой, то ударъ пришелся пониже, и какъ разъ по переносицѣ.

— Такъ юшка и потекла у Ларьки изъ носа, — рассказывали потомъ объ этомъ случившіеся при дракѣ сосѣди. — Да насилу оттащили, а то... ну, прямо, какъ кочеть!

Дѣйствительно, тамъ въ духанѣ эти сосѣди разняли супрягачей. Ларьку, какъ болѣе молодого, общими усилиями вытолкали изъ духана, а Алдошу еще угостили за храбрость.

Домой онъ возвратился безъ пѣсни. Мало того, придя въ хату, не обратилъ вниманія на упреки Ивановны, забрался, какъ былъ въ бешметѣ шпанскаго атласа и въ сапогахъ, на печь и тамъ заснулъ, уткнувшись въ собранную комкомъ на печи дѣтскую одежонку.

Ивановна пока оставила его въ покоѣ.

XVIII.

Уже съ недѣлю какъ была привезена съ мочила конопля, разставлена въ кучки и обсохла. То, что Алдоша затѣялъ крыть сарай, задерживало, но очередная работа по уборкѣ конопли, — трепать ее на особыхъ такихъ трепалкахъ, — эта работа уже нѣсколько дней просилась въ руки. Иначе брызнетъ дождь, и тогда будетъ затыжка въ работѣ и порча волокна.

Съ утра въ понедѣльникъ, какъ только ободняло, Ивановна съ Кулюшкой да еще съ недавно прибывшей изъ глуши Владимірской губерніи постоялкой Лукерьей занялись этимъ дѣломъ.

Бѣлая кострика разлеталась отъ трепалокъ. Ею скоро засорилась добрая половина двора и подъ ногами ощущался ея колкій и сухой хрусть.

Къ самой Ивановнѣ, задержавшейся еще у трепалки, подошелъ, наконецъ, Алдоша. Съ самаго утра онъ, захвативъ какой-то кусокъ желѣза, залился въ кузню къ Ахрему.

Теперь, держа одну руку въ карманѣ бешмета, другой оглаживая свою бородажку, онъ остановился по близости.

Въ своемъ сознаниі онъ чувствовалъ себя несомнѣннымъ героемъ за вчерашній поступокъ. Такъ же съ похвалой именно его геройству и восприняли поступокъ въ кузнѣ, — и Ахремъ и всѣ другіе, хотя Алдоша ни однимъ звукомъ не обмолвился изъ-за чего у него съ Ларькой все вышло.

Но Алдоша зналъ нравъ своей подруги и понималъ, что у нея имѣется какая-то другая мѣрка для человѣческаго геройства. Главное же умаленіе поступка въ ея глазахъ было несомнѣнно отъ того, что дѣло произошло въ

духанѣ. Поэтому, собственно, Алдоша и медлилъ съ сообщеніемъ.

— Обѣдать бы...

Устинья Ивановна промолчала. Помимо воли Алдоша началъ именно съ уменьшенія геройства въ своемъ поступкѣ:

— Слухай, Устя! Я вчера подрался.

— Хорошее дѣло. Голова уже побѣлѣла, а ты на-кулачки... Ерой.

— Да, постой...

Алдошу раздражало ея нежеланіе вникнуть въ серьезность обстоятельства.

— Всегда вотъ такъ... Тутъ, може, и себя не жалѣешь, а ты...

Устинья Ивановна, вскинувъ на него глаза, улыбнулась криво и въ перебивку спросила:

— Гдѣ же это ты себя не жалѣлъ?.. Не въ кабакѣ ли?

— А хотя бѣ и въ кабакѣ...

— Вотъ-вотъ.

Тогда Алдоша пошелъ на-проломъ:

— Ты вотъ и мать... Твое дѣло... А ты только ругаешься... А видишь што онъ про Химку нашу намекиваетъ...

Ивановну какъ чѣмъ полосонуло:

— Што тамъ про Химку?

— А вотъ то-то... Сплетку сплетаетъ на счетъ ихова Дениса.

— Да, ну?

— Ей-ей. Вотъ я ему и накостилялъ. Всю его храпату раскровянилъ.

Идя вмѣстѣ потомъ въ хату, Алдоша подробно разсказалъ Ивановнѣ, какъ все произошло и о чемъ просилъ его Ларька.

Прибѣжавшая къ обѣду, разгоряченная и въ веселомъ настроеніи Химка неожиданно напоролась на горячую материнскую отвѣдь.

— А! Отцу-матери уже проходу черезъ тебя нѣтути...

Тебя водимъ, какъ красную дѣвку, а ты вотъ что... Говори, кайся, што у тебя съ Денисомъ?

У Химки сразу слезы брызнули изъ глазъ.

И какая жъ я горькая-несчастливая... Всякай брехунъ набрешеть, а вы ему сейчасъ же и вѣрите.

Получилась очень горячая перепалка. Химка совсѣмъ расплакалась, не осталась и обѣдать и ушла къ себѣ.

Ивановну же осилили думы. Внутренно она сознавала, что ничего въ сообщенномъ Ларькой невѣроятнаго нѣтъ. Химку свою, ея жадность до жизни она знала лучше всякаго, но вѣрить все же не хотѣлось.

Да, може, на самомъ дѣлѣ брехня. Легко на молодую бабу наклепать. Смотри, лишній разъ поиграла, а тотъ дуралей и зяпнулъ.

Но какъ-то и день ясный потускнѣлъ, когда она вышла послѣ обѣда на работу.

Глаза мазолили особаго съѣдобнаго сорта тыквы, сложенные на лапасикѣ дозрѣвать и розовѣвшія нѣжно-тонкой коркой. На крышѣ сарая червонѣло крупное просо выдежавшихся уже вѣшниковъ. Блѣднымъ пятномъ поднималась съ восточной стороны по небосклону серповидная луна. Солнце еще высоко, но и луна замѣтна. Домашняя птица начинала кучковаться въ ожиданіи скорой вечерней кормежки. Коротки осенніе дни.

XIX.

Григорій Антиповичъ Сенюткинъ не хотѣлъ терять времени и поскорѣе хотѣлъ женить Карпа въ надеждѣ, что послѣ этого онъ образумится.

Немало было достойно удивленію, что за него удалось засватать очень милую дѣвушку изъ очень хорошей казачьей семьи. Впрочемъ, когда Карло приодѣлся да пошелъ на базаръ съ отцовскимъ наказомъ поддержаться, а также и самъ проникся сознаниемъ важности случая, то

и онъ могъ произвести очень даже выгодное впечатлѣніе, — парубокъ хоть куда.

Свадьбу Сенюткинъ рѣшилъ справить такъ, чтобы все помнили, какъ Сенюткинъ женилъ старшаго сына.

Дружкомъ былъ приглашенъ троюродный братъ — Илья Горловъ, тотъ именно, что такъ хорошо игралъ на пищикахъ.

Ему Григорій Антипычъ заранѣе препоручилъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы во время свадебнаго чина ничъ въ малой степени не пострадало бы достоинство жениха.

Обыкновенно очень рѣдко посѣщавшій церковь Сенюткинъ тѣмъ не менѣе тутъ для большей важности договорился съ о. Михаиломъ, чтобы обрядъ въ церкви совершался съ пѣвчими и наиболѣе торжественно. Мало того, было условлено, что съ церкви и до дому церковный причтъ проводить сочетавшихся бракомъ съ пѣніемъ и не снимая вѣнцовъ.

Отецъ Михаилъ радъ былъ случаю и по окончаніи вѣнчанія приказалъ хору слѣть концертъ: — «Пойте Богу Нашему, пойте».

Самъ онъ остался посрединѣ церкви, впереди новобрачныхъ. По тому, какъ вздрагивала его спина, прилиwała и отливала краска на ясно обозначившейся плешинкѣ, видно было, какъ слитно жилъ онъ со своимъ хоромъ. Можно было даже не слушать самого хора, а здѣсь сзади слѣдить за переливами гармоніи.

На клиросѣ голоса какъ бы гонялись и цѣплялись другъ за друга. Отецъ Михаилъ отбивалъ тактъ правой ногой и покачивалъ сѣдой головой.

Когда басы начали рубить — «Воз-вѣс-ти-те во я-зы-цѣхъ», — а тенора и альты съ дискантами подхватывали восторженно — «Воз-вѣс-ти-те во я-зы-цѣхъ сла-ву Е-го», — то о. Михаилъ какъ бы вырасталъ выше...

Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, вышло не совѣмъ ладно. Еще на слѣвкахъ Гусевъ, сознавая недостаточную мощь

собственного голоса, подучивалъ баса Кузьму Бутурлиновца:

— Вы, Кузьма Васильевичъ, въ ефтомъ мѣстѣ пока у насъ коротенькая стойка, разъ и другой зазихните, накачайте духу, а потомъ сообща и даванемъ.

Доморослый басъ Кузьма такъ и принялъ это во вниманіе и на спѣвкѣ это колѣно выходило какъ нельзя лучше, и Кузьма даже дѣлился восторгомъ своимъ вслухъ:

— Якъ я заздохнувъ! А воно тутъ і підскочило... Мы якъ даванули.

Но то было на спѣвкѣ, а при горячкѣ старательнаго исполненія въ церкви получилось не то. Кузьма Батурлиновецъ слишкомъ поспѣшно втянулъ въ себя разъ и другой воздухъ, а потомъ успѣлъ выпустить его, въ надеждѣ еще захватить, но опоздалъ. Тамъ, гдѣ нужно было «давануть» соединенными усиліями, вышло жидковато съ однимъ лишь баритономъ Гусева.

Отца Михаила всего передернуло:

— Э-э, заздохнулъ! Тоже! Орясина, — забормоталъ онъ съ огорченіемъ.

Дружко Илья Горловъ перегнулся даже черезъ плечо и спросилъ:

— Вы, батюшка, што? Касательно нашего жениха?

Въ это время, однако, дочки отца Михаила уже дѣлали дуэтомъ колѣно дальше таково нѣжно:

— И да-ди-те тим-панъ, псалтирь кра-а-асень...

И о. Михаилъ въ полуоборотъ назадъ со сладчайшей улыбкой попросилъ обезпокоеннаго дружка:

— Постой-постой, миль человекъ!

А на клиросѣ уже загремѣлъ теперь во всю мощь голосъ Кузьмы:

— Воструби-ите псало-о-омъ...

Путь отъ церкви до хаты Сенюткина былъ дологъ. По вольному простору широкихъ станичныхъ улицъ и пустырей вихрились доморощенные тенора и гонялись за ними мощные басы:

— Святїи мученицы, иже добре страдавшіе и вѣнчавшіеся...

Сенюткинъ степенно рядомъ съ Марфой встрѣтилъ молодыхъ у крыльца своей хаты съ иконой и караваемъ хлѣба, благословили ихъ и обсыпали хмелемъ и мелкими монетами.

Духовенство, принявъ малое угощеніе, удалилось, а за столомъ развернулся брачный пиръ. Всѣ окна настезь. Званные навалились на столы. Сенюткинъ и Марфа разносили водку и подчивали всѣхъ:

— Братецъ! Петро! Сусѣдъ! Кумъ Алдакимъ! Побудемъ здоровы!

— Дай Богъ, этова женить, а другова дожждать... Сергунька! Прокурать, слышишь? Въ добрѣ да въ согласіи... Горькая...

Въ широкихъ сѣняхъ уже запеликала скрипка, забренчали цимбалы, затарахтѣлъ-зазвенѣлъ бубенъ. Пошелъ кругомъ казачекъ съ заковырками и выкрутасомъ.

— Шири кругъ!

— Пропустите женихова брата!

...Устинъ Ивановнъ съ трудомъ удалось увести съ брачнаго пира Алдошу. Изрядно выпивъ, онъ подъ конецъ вздумалъ надъ ней же потѣшаться. Она ему издала дѣлала знаки, чтобы онъ нѣтъ-нѣтъ да и пропустилъ бы рюмку, не каждую опрокидывалъ бы въ свое ненасытное чрево. А онъ эти знаки обратилъ противъ нея же.

Подвыпившій тоже Сенюткинъ поднесетъ ему рюмку и просить:

— Кумъ Алдакимъ! Куманекъ! Какъ я женю сваво первѣющаго сына, — уважь! Выпей!

Алдоша протянетъ къ рюмкѣ руку, а потомъ назадъ.

— Да чиво ты ее боишься? Она ить не кусается.

Алдоша тогда осклабится и какъ бы съ опаской покажетъ въ сторону Ивановны:

— А вонъ, не видишь? Устя не велить. И самъ, дѣйствительно, какъ бы присмирѣтъ.

Сенюткинъ, Марфа обращаются со смѣхомъ къ Устиньѣ Ивановнѣ:

— Кума, да ослабони кума.

Аллоша тогда залется такимъ смѣшкомъ:

— Эхъ, такъ и быть, семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ...

Съ необыкновенной легкостью онъ опрокидывалъ въ ротъ рюмку.

Дома Устинья Ивановна раздѣла его, уложила въ постель, запрятавъ подальше сапоги и бешметъ.

И только сама собиралась ложиться, какъ съ улицы до-
несся тревожный шумъ, и послышалось, что выкрикивали
ея имя. Она, накинувъ теплую кофту, вышла. Около по-
луразрушенной хатенки жившаго здѣсь когда-то мужи-
ка Бобликова, выходящей задней стороной на огороды,
сгрудилась толпа людей, а изъ нея вырывался крикливый
голосъ Кугучихи-богомолки, той, что по святымъ мѣстамъ
привыкла странствовать.

Слышно было, она ударяла костью о плетень и вы-
крикивала:

— Маличихина дочь — шкура! Маличихина дочь —
шкура.

Быстро подойдя къ суетящейся толпѣ, Устинья Ива-
новна потрясла за плечи Кугучиху:

— Ты чиво, Филипповна, шумишь? Опомнись.

Та повернулась къ ней, уставилась на нее округлыми
глазами, и прямо въ лицо ей:

— Шкура — Химка твоя.

Ивановна снова сильно трянула ее такъ, что на ней
затрещало даже платьѣ монашескаго покроя.

— Не кричи! Говори толкомъ, съ кѣмъ ты ее пой-
мала?

— Люди добрые поймали, видали... Теперь не откру-
тишьея, голубушка!.. Съ Денисомъ, Малахвейкинымъ сы-
номъ... вотъ съ кѣмъ... Въ этой самой хатенкѣ.

— Кто видалъ? Говори А то твой же костью объ

твою же голову сейчас поломаю. Говори, пьяница всѣ-свѣтная.

— А-а, я — пьяница... Вотъ кто видалъ... Петька Силковъ видалъ.

— Петька? Петька твою Сашку на могилкахъ до горы ногами къ кресту привязывалъ, да я не кричала... Гдѣ онъ, Петька?

Разступившая передъ Ивановной толпа показала Петьку Силкова, который обнаружилъ, однако, попытку юркнуть поглубже въ толпу, но Ивановна уже замѣтила его.

— Говори, паршивецъ, што ты видалъ?

— Чиво? — съ напускной развязностью началъ Петро Силковъ, но сейчасъ же сбавилъ тонъ:

— Миѣ показалось, какъ-быть тутъ Химка ваша была, а, между прочимъ, не знаю.

— Показалось... Чиво шъ ты, сукинъ сынъ, языкомъ ляскаешь? Маленькій? Не понимаешь?

Она замахнулась на него бамбуковымъ Кугучихинымъ костылемъ, принесеннымъ отъ святыхъ мѣстъ.

Петька шарахнулся отъ нея въ сторону.

— Но-но, не дужа, тетка.

Въ толпѣ засмѣялись. Кугучиха притихла.

— Эхъ, ты! Святоша!

Устинья Ивановна бросила Кугучихѣ ея костыль и вышла изъ толпы.

Скорымъ шагомъ она отправилась потомъ непосредственно къ Химкѣ и застала ее лежащей въ кровати съ четырехлѣтней дѣвочкой, дочерью, подъ бокомъ.

Еще съ осени Ивановна приселила къ Химкѣ для вѣрности добродѣтельную хохлушку Явдоху съ работающимъ мужемъ Гаврилой и съ дѣтьми.

Спокойствіе въ Химкиной хатѣ было полное, но Ивановнѣ что-то не показалось это особенно убѣдительнымъ.

— А, сука! Достукалась, матери уже черезъ тебя нѣтъ покою.

Ивановна попялась черезъ дѣвочку и хлобыстнула Химку бывшей въ рукѣ хворостиной.

Химка вскочила на ноги и бросилась къ матери.

— Роденькая мамочка, да за што вы меня казните?

Проснувшаяся дѣвочка тоже закричала:

— Лодна, бабука! Не бей маму!..

Наконецъ, и Явдоха схватилась:

— Та шо ви Иванівна? Та Господь зъ вами...

— Говори, Явдоха, когда она вернулась со свадьбы?

— Та вже неначе зъ годину, якъ прибігла.

Ивановна остановилась.

— А не брешешь ты, Явдоха?

— Та ось вамъ хрестъ.

Явдоха обернулась къ божицѣ и трижды перекрестилась для убѣдительности.

Химка, прижавъ къ себѣ дѣвочку, плакала, причитая:

— Да, какая же я горькая-несчастливая, на свѣтъ народилась... Да нѣтъ мнѣ ни счастья ни радости.

— Ты не южи, а дѣло говори... Гдѣ твои полусапожки?

Убѣдившись, что Химкины полусапожки въ грязи, а по предположеніямъ Ивановны, Химка, спасаясь, черезъ перелазъ въ огорода, могла пройти домой лишь низами и непременно загрязнить ноги, она снова приступила къ Химкѣ:

— Што жъ ты, сука, отбрехиваешься?

— Да, убей меня Господь, мама роденькая... Я на свадьбу въ башмакахъ ходила. А это я вечеромъ бѣгала внизъ за телятами.

Опять подходящее объясненіе. Ивановна не примѣтила, въ чемъ Химка была обута на свадьбѣ, а главное, самой хотѣлось, чтобы миновала горькая чаша позора.

Ивановна, взявъ у Химки черезъ время Нотку, дѣвочку, стала убаюкивать ее. Явдоха своимъ авторитетнымъ словомъ ее успокаивала. Уходя отъ нихъ послѣ, Ивановна все же пригрозила дочери:

— Смотри, Химка! Если дознаюсь, то не одну, а двѣ шкуры спущу.

Когда за нею захлопнулась калитка и совѣзмъ не стало слышно ея шаговъ, Химка признательно посмотрѣла на Явдоху.

— Спасибо, тетушка, кабы не вы, што тутъ было бы!

— Та хйба жъ мини замстило чи що? Чи я сама зроду молодицей не була?

Такъ какъ Гаврила отсутствовалъ, а дѣти спали, то Явдоха охотно подѣлилась съ Химкой былыми грѣшками бурной молодости.

— Це діло такэ... Абы не застукали.

Онѣ погасили лампу и легли.

XX.

И вотъ уже посвѣтлѣло въ рошѣ. Съ верхушки высокой бѣлолисты сорвется пожелтѣвшій листь и падаетъ, и еле уловимый звукъ, — какъ незримая стопа невѣдомаго, — когда коснется онѣ настила изъ омертвѣвшихъ и раньше опавшихъ листьевъ.

Потеряли молодую упругость вѣтки клена. Разрѣдился перистый ясень. Среди зардѣвшей поздней краской осени грушовой листвы показалась зелень отрыгнувшей на чужомъ соку помелы.

Только дубъ какъ-будто еще больше отяжелѣлъ отъ прохладной осенней солнечной ласки.

Химка собирала въ мѣшокъ хорошо вызрѣвшія гроздья легковѣснаго хмеля.

Запахъ его чуть-чуть будоражилъ.

Алѣли кусты калины. Отъ прорѣженной терновой заросли съ вызрѣвшей и обогрѣтой солнцемъ ядреной черно-свинцовой ягодой тянуло прянно-терпкимъ ароматомъ. Какъ въ церкви на малыхъ паникадилахъ цвѣтныя подвѣски стеклились крупныя кизилены, случайно еще не обобранныя съ корявыхъ кустовъ.

Химка тянулась за ними и, пригоршней ссыпая въ ротъ, шумно потомъ выплевывала косточки.

Неподалеку какая-то птица торопко разгребала листья. Когда Химка приблизилась, птица съ прискокомъ пробѣжала подъ нависшими низко сучьями, а потомъ съ чоканьемъ и присвистомъ взмыла вверхъ.

Наполнивъ до краевъ мѣшокъ, казачка подошла къ протекавшей въ концѣ роши протокъ.

Давно отшумѣли грозвые дожди, отбурлило неумное половодье времени таянiя въ горахъ снѣговъ и ледниковъ, и теперь дѣловито-торопливой струей спѣшила голубовато-прозрачная вода, вихрясь мелкими воронками въ глубокихъ заводяхъ.

Химка сѣла на старую земляную насыпь, спустивъ ноги среди ползучаго ягодника съ давкой и несѣдобной ягодой.

Для женскихъ голосовъ тогда была модной пѣсня:

Надъ серебряной рѣкой,
На златомъ песочку
Долго дѣвы молодой
Тамъ сыскать слѣдочку...

Но:

Тамъ слѣдовъ знакомыхъ нѣтъ
Тамъ ихъ не быва-а-ало...

Тихимъ напѣвомъ пѣла эту пѣсню теперь Химка.

Преодолевая быстрину на перекать, юлили передъ глазами стайки мелкой рыбешки.

Вдругъ на противоположной сторонѣ заколебались верхушки орѣшника и на насыпь съ той стороны поднялся парубокъ, — Денись. Въ бѣлой легкой шерстяной шляпѣ, съ налыгачемъ въ одной рукѣ и съ кнутомъ въ другой.

— Тю! Гляди-ка... Химка! Чиво ты тутъ дѣлаешь?

— Тебя жду... А то каво жъ другава?

Химка посмотрѣла на него снизу и засмѣялась.

— Твоя мать говорить же, што я наколдовала, вотъ я и сижу тутъ, колдую, штогь ты пришелъ, а ты и вотъ-онъ.

Въ долгомъ взглядѣ на нее Денисе она уловила какую-то долю замѣтнаго стреха.

— Ага, попался! Страшно, небось?

Денись взмахнулъ налыгачемъ и засмѣялся:

— А, нечистая сила, колдуй... Гдѣ тутъ помельче, штогь перейти къ тебѣ.

— Ишь ты, какой швыткай... а ежли я не захочу?

— А мнѣ какое дѣло?

Денись прошелъ повыше за кусты калины, снялъ чу-вяки, закаталъ повыше шаровары и перешелъ протоку.

— Ну, вотъ, понимаешь, у насъ быки въ рошу ушли, я и пошелъ искать...

Денись присѣлъ на корточки противъ Химки. Она опер-лась на мѣшокъ съ хмелемъ и задержалась взглядомъ на возбужденномъ молодомъ лицѣ парубка. У самой у нея забѣгали огоньки въ глазахъ.

— Знаешь, Денись, твой черно-лысый дюже догадли-вый быкъ, а вотъ ты все только за его хвостомъ потраф-ляешь.

Онъ привсталъ на колѣни и потянулся къ ней.

Она защищалась, а потомъ вскочила на ноги, вырвала у него кнутъ и сильно стегнула его черезъ плечо.

— Ахъ, ты, нечистая сила!

Денись погнался за Химкой, настигъ подъ бѣлолиста-ми, на пожелтѣвшихъ листьяхъ подмялъ ее подъ себя.

Когда потомъ они снова возвратились къ мѣшку съ хмелемъ, то она была радостно-спокойной, а у него не сходила съ лица растерянная широкая улыбка.

Присѣвъ къ мѣшку, она привлекла его, положила го-лову промежду колѣней на напружинившейся подолъ юб-ки и ладошками захватила его подбородокъ. Около рас-ширившихся ноздрей еще была та блѣдность, которая

проявляется при сильномъ только что пережитомъ возбужденіи. Обвѣтренная и загорѣлая кожа на щекахъ, а черезъ нее проступалъ здоровый мужской румянецъ, глаза же еще такіе простые и совсѣмъ ребяческіе.

— Гляди, Денись, да у тебя уже борода растетъ.

Она любовно оглаживала ладошками его подбородокъ, щеки и шею.

— Вырастутъ у Дениса усы, борода большая на двѣ стороны... Ухъ, какой ты тогда будешь... Да уже не просто — Денись, а Денись Сергѣевичъ... Знай нашихъ...

— А то какъ же.

Химка помолчала, а потомъ глубоко вздохнула.

— Вырастутъ у Дениса дѣтишки... Батей будутъ звать Дениса...

Голосъ у нея дрогнулъ, и Денись это уловилъ. Онъ приподнялся и посмотрѣлъ на нее.

— Ху-у, чиво ты вздумала, казачка?

Она увлажненными глазами устремилась повыше его головы, туда, гдѣ за потонувшей въ чащѣ лѣсной мелкоты протокой виднѣлся большой уже настоящій лѣсъ, а за нимъ горбилась облысѣвшая гора.

— Знаешь, Денись, какую пѣсню часто Явдоха «спиваетъ» по ихнему по-хохлацки?

— Какую?

Ой, не ходи, Грицю, тай на вечер-ниці,
Бо на вечер-ницяхъ дівки чарів-ни-ци...

Голосъ ея переломился и затихъ.

— Ну, Денись, што шъ мы будемъ дѣлать?

Денись торопливо заговорилъ:

— Я, знаешь, Хима... Я сказалъ прямо и дядкѣ и матери — въ этомъ мясоѣдѣ жениться не хочу.

— Ну, што жъ не въ этотъ, такъ въ зимній — тебя оженють... Да я не объ томъ.

Смотря на него, она улыбалась, а концы губъ таково горемычно опустились у нея.

— Што было бь, Денись, ежели бь тогда у Бобликовой хаты да насъ поймали бы? И то какъ Кугучиха кричала.

— Стерва старая! — прохрипѣлъ Денись. — Кабы не подошла твоя мать, я ей показаль бы, какъ на Ерусалимъ пшеничку собирать.

— Да што толку? Спасибо, тогда за меня Явдоха дома заступилась. А то што бы было. Да отъ матери все равно не схорониться... Эхъ, Денись, будетъ еще мнѣ.

...Денись долго стоялъ на томъ же мѣстѣ, когда она съ мѣшкомъ хмеля на спинѣ пошла черезъ рощу домой, и прислушивался, какъ шуршаль листь, какъ хрустнетъ перепрѣвшая вѣтка подъ ея ногой.

Перейдя затѣмъ протоку, онъ скрылся въ густомъ орѣшникѣ.

*

**

Дома вечеромъ мать ревниво слѣдила за всѣми движеніями Дениса.

Вмѣсто того, чтобы пойти на улицу къ ребятамъ и дѣвчатамъ, онъ, управившись со скотиной, вышелъ за дворъ, одиноко постоялъ подъ угломъ собственнаго плетня, а потомъ вернулся въ хату и попросилъ вечерять.

Сидитъ ли, встанетъ ли и пойдетъ, — все, какъ въ воду опущенный.

Постарѣвшая Малахвевна за долгіе годы вдовьяго житья со стараніемъ, чтобы люди не попрекнули чѣмъ, чтобы не расплозлось хозяйство, — хватила черезъ край нужды и печали.

Вырастила и выдала замужъ двухъ дочерей и вотъ дождалась теперь сына. Женить бы и самой какъ-то свернуться, жить по-людски съ желанной, но не обжитой бабской долей при хозяинѣ и отвѣтчикѣ за домашность, за семейное имя.

— Ты, должно быть, Денисушка, опять повстрѣчался

съ этой сучкой? — спросила она и концомъ головного платка вытерла начинавшій проваливаться во-внутрь ротъ.

— Съ какой такой «сучкой»? — вскинувъ бровь вверхъ надъ лѣвымъ глазомъ, переспросилъ Денись.

— Да, съ этой... Што шь ты будто не знаешь? — Глаза ея зло округлились: — Съ Химкой.

Денись бросилъ ложку на столъ.

— Какъ вамъ не стыдно на бѣдную бабу наклепывать! Чи она стала вамъ поперекъ дороги, што ли?

— Сучка она, шкура, — вотъ хто она, а не «бѣдная баба». Не то што «поперекъ дороги»... Она маво сына заграбастала... Постой, я до ей доберусь. Будеть она помнить Малахвевну.

— Ху, какая большая цабе — Малахвевна! А хто та кое — Малахвевна?

Чуть избалованный материнской потачкой, Денись дома замѣтно забиралъ верхъ надъ своей многорѣчивой родительницей.

— Вы не дюжа, а то и я ужъ не маленькій.

— Ахъ, ты, хамлетъ. Да ты што? На матерю такъ-то? Матери слова не дашь сказать?

Малахвевна схватила рубель, которымъ выкатывала бѣлье и къ нему.

— Ну-ну, не дюжа!

Денись взялся за рубель съ другого конца, рѣзко рванулъ къ себѣ, и, выхвативъ изъ рукъ матери, отбросилъ въ сторону. Самъ повернулся и пошелъ изъ хаты. Малахвевна разъ и другой успѣла дать ему тычка въ спину.

Онъ хлопнулъ дверью, вышелъ, походилъ по двору, а потомъ, вернувшись, раздѣлся и легъ на оставшуюся съ лѣта намощенную изъ хвороста кровать въ просторныхъ сѣняхъ. А Малахвевна, обезсиленная гнѣвомъ и обидой, припала къ притолокѣ и громко по-старушечьи рыдала. Причитая, она вспоминала свою короткую жизнь съ Денисовымъ отцомъ и призывала его:

— Ты встань, мой родимый Ампативичъ! Да, облагоразумь сваю чадушку...

Въ хатѣ, и въ сѣняхъ, и на чердакѣ наполнилась и кучилась та неразогнанная жуть семейной неурядицы, которая всегда осиливаетъ, когда потеряется выходъ.

XXI.

Такъ и не удалось Малахевнѣ осенью женить Дениса. Зато зимой еще на Святкахъ собрались они всей родней и дружно атаковали Дениса.

— Ты што жъ, парень, думаешь? Весь вѣкъ старухамать будетъ латать тебѣ штаны?

Разглагольствовалъ больше всѣхъ Ларька и въ родѣ какъ за-мѣсто отца покойнаго. И нѣтъ-нѣтъ да и намекнетъ прозрачно:

— На чужбинку, братъ, не прокрутишься. Да въ этомъ дѣлѣ и чужбинка дарма не дается. Какъ придуть со службы казаки да какъ возьмутъ въ лещетки энтихъ, что за жалмерками гонялись...

Сестры — одна и другая — присмотрѣли ему уже и невесту на выборъ. Указывали ихъ достатки и изъяны, какія съ лица, какія характеромъ.

Малахевна поставила на столъ большую глиняную миску съ кренделями и угощала родню, а сама придакивала:

— Вотъ-вотъ... Я и говорю: пора, Дениска, за умъ взяться.

Когда дядька и шурья вышли совмѣстно покурить у глухой хатней стѣны, то тутъ зятя прибѣгли и къ другому рода убѣдительнымъ доказательствамъ:

— Гы-гы! Ты, Денись, думаешь, небось, только Химка знаетъ разныя разности... Ха! Это, братъ, всѣ знаютъ.

Здѣсь они постарались совсѣмъ оголить его отношенія къ Химкѣ.

Подъ Новый Годъ около полуночи Малахевна выпроводила Дениса съ караваемъ хлѣба за дворъ, чтобы стать онъ молчаливо у глухой пятки своихъ воротъ и послушаль, что первое донесется до его слуха, — если понуканіе, значитъ, нечего откладывать, если остановка или сопротивление, — тогда.. что подѣлать? — надо ждать.

Дворъ ихъ выходилъ на ту широкую улицу, по которой шель почтовый трактъ.

Долго стояла глубокая тишина. Только съ вечера выпалъ обильный, сыпавшійся большими хлопьями, снѣгъ. Къ полуночи разъяснило и придавило морозцемъ.

Издали послышалось слабое треньканье колокольчика. Обозначившаяся далеко впереди чернота довольно медленно подвигалась по дорогѣ. Приблизившись же, колокольчики вдругъ встрепенулись. Видно, ящикъ привозилъ кого-то въ станицу къ Новому Году и, получивъ хорошо «начай», успѣлъ забѣжать въ попутный кабачекъ и выпить. Быть можетъ, уже и забылся мимолетной дремотой. Станица растянулась чуть ли не на дюжину верстъ, все можно успѣть сдѣлать. И вотъ именно теперь ящикъ подобралъ вожжи.

— Ну, ты, ракалія!

Онъ былъ, очевидно, изъ отставныхъ старыхъ солдатъ.

Когда же вотъ-вотъ поровнятся ему съ невесело стоящимъ у воротъ Денисомъ, ящикъ привсталъ, вошелъ въ задоръ и пустилъ кнутъ по спинамъ лошадей:

— Эхъ, вы, голуби!

Засыпанная снѣгомъ дорога легла безконечной скатертью по безлюдной запушенной снѣгомъ же улицѣ.

— Но-о!

Тройка взмылась, колокольчики захлебнулись.

Радостная, смѣющаяся съ материнскимъ участіемъ встрѣтила Малахевна на порогѣ Дениса:

— Ну, вотъ, видишь, Дениска. Судьбу, братъ, не обманешь.

Химка, когда имъ удалось свидѣться, посмотрѣла, какъ измаялся парень, набралась духу, придушила свое сердце, а его подбодрила:

— Женись, Денись! Все равно этого не миновать. А я... Ну, што я? Миѣ придется держать строгій отвѣтъ передъ моимъ Мирономъ Петровичемъ.

Засватали за Дениса дѣвицу собой красивую.

На сводахъ, когда въ невѣстиномъ домѣ собралась ближайшая родня, Ларька, въ качествѣ предположеннаго дружка, вывелъ разряженнаго Дениса на середину хаты, а невѣстинъ отецъ спросилъ, по согласію ли онъ беретъ за себя ихъ Дуньку.

— По согласію, — съ хрипотой въ голосъ тогда отвѣтилъ Денись.

— А ну, пойди, найди ее да приведи сюда.

Денись пошелъ въ другую половину хаты, разыскалъ тамъ среди подругъ кроющуюся за ихъ спинами Дуньку и вывелъ ее на средину передъ всей бесѣдой.

Малахвевна, въ свою очередь, спросила невѣсту:

— А ты, Дуняшка, по согласію идешь замужъ за маво Дениса?

Дуняшка выронила утвердительный отвѣтъ и съ застѣнчивостью потупилась.

— А ну, поцалуйтесь.

Денись поцѣловалъ впервые свою невѣсту. И какъ ни скромень былъ первый поцѣлуй при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, онъ съ шемящей тоской ощутилъ разницу.

Потомъ въ теченіе двухъ недѣль Денись ходилъ къ невѣстѣ на посидѣлки, гдѣ она съ подругами хлопотала надъ своимъ приданымъ.

Вся улица сбѣжалась смотрѣть, какъ будутъ жениха благословлять. Химка между другими проникла въ сѣнцы.

Ларька, обвязанный на рукавахъ платками, не менѣе торжественный, чѣмъ самъ женихъ, наконецъ, провелъ его черезъ широкій дворъ изъ кухни, гдѣ его одѣвали

къ вѣнцу, въ большую хату. Переходя сѣнцы, Ларька за-
мѣтилъ Химку, задержался и какъ разъ противъ нея уперъ
руками въ напиравшую толпу и наддавилъ:

— Посуньтесь трошки. Дайте жениху пройтить.

А самъ строго посмотрѣлъ на Химку и, наклонившись
къ старшей сестрѣ Дениса, исполнявшей при немъ роль
полу-свашки, спросилъ ее:

— Слухай, Душка! Ты не забыла поминальницу поло-
жить Денису подъ бешметъ?

Та успокоила его, что сдѣлала все, какъ слѣдуетъ. Это
отъ дурного глаза. Химка услышала и поняла.

Послѣ материнскаго благословенія Ларька провелъ Де-
ниса къ тачанкѣ, а вслѣдъ за нимъ самъ вошелъ въ эки-
пажъ. Команднымъ окомъ онъ окинулъ составившійся сва-
дебный поѣздъ. Бояре повскакивали на своихъ лошадей.
На тройкахъ размѣстились дѣвчата, стоя и схватившись
другъ съ другомъ за руки.

— Ну! — обратился Ларька къ Малахевнѣ. Та при-
ступила къ лошадямъ главнаго экипажа и, немного тру-
ся, взяла подъ уздцы. Старшій ея зять, исполнявшій здѣсь
обязанности кучера, успѣвшій изрядно выпить, разгоря-
чилъ заранѣе четверку, и кони теперь звѣри-звѣрьми рва-
лись изъ вожжей, того гляди стончуть старую водитель-
ницу. Женихъ привсталъ и просилъ мать скорѣе пускать
лошадей. Но Малахевна съ рискомъ для себя все же вы-
полнила обычай и вывела жениховскій сыновній экипажъ
за ворота. И тутъ только отскочила въ сторону.

— Съ Богомъ! — скомандовала Ларька, надѣвая
шапку на голову и опускаясь на сидѣнне рядомъ съ Де-
нисомъ. Правящій лошадьми, наоборотъ, привсталъ и по-
пустилъ вожжи.

— Взяти! — вскрикнулъ онъ. Лошади рванули, дру-
гія тройки тоже влегли въ хомуты. А въ тактъ бѣгу дѣв-
чата запѣли:

Пра-алиталъ да сизой го-олупъ!

Такъ повезли Дениса сначала къ невѣстѣ, а оттуда вмѣстѣ съ невѣстой въ церковь къ вѣнцу.

Химка въ общей толпѣ, отхлынувшей изъ хаты послѣ проводовъ жениха, хотѣла незамѣтно пройти возлѣ плетня вонь со двора. Но какъ разъ тутъ повстрѣчалась съ Малахвевой, только что отпустившей поводъ сыновней свадебной упряжки. Какая неприязнь загорѣлась у нея во взглядѣ, когда онѣ тутъ встрѣтились съ Химкой глазъ-съ-глазомъ! И это была самая тяжелая минута для Химки. Въ своемъ сознаниі она добровольно для Денисова блага принесла въ жертву свою молодую радость. Другой разъ, — она внутренно знала, — уже эта радость не повторится. И вотъ за все это столько ненависти проявляла къ ней Денисова мать. И главное, гдѣ-то въ глубинѣ сознаниа было, что такъ и должно быть. Но обида отъ этого была не меньше.

Къ себѣ домой въ свою хату Химка не пошла, а ее потянуло въ отчій домъ.

Тутъ она уединилась въ теллушкѣ около той печки, у которой, бывало, въ дѣвкахъ, на помочахъ у матери такъ захватно она стряпала. Такъ вотъ тутъ она угнулась головой къ печуркѣ, куда складывали стрючки перца, лавроваго листа, гвоздики, и... заревѣла, какъ, бывало, ревѣла, когда ее кто-либо обижалъ въ дѣтствѣ.

— Чиво ты?

— Да, родимая моя мамочка! Да, зачѣмъ вы меня на свѣтъ родили? Да, што жъ мнѣ, горькой несчастной, теперь съ собой дѣлать?

Но когда Ивановна, успокоивъ ее немного, стала попытаться, о чемъ, собственно, она теперь плачетъ, Химка и здѣсь уклонилась отъ откровеннаго признанія. Обернула дѣло такъ, что будто получила нехорошее письмо отъ Мирона.

Ивановна чувствовала, что не въ этомъ причина, но ей самой хотѣлось именно такъ понимать, не углубляясь.

XXIII.

Однажды уже на провесѣ пришла къ Ивановѣ Явдоха попросить сѣянки-луку для общаго съ Химкой ихъ огорода. Получивъ, однако, просимое, не поднялась съ липовой лавки, а, наоборотъ, задвигалась по ней своимъ широкимъ сѣдалищемъ, какъ бы укрѣпляясь на мѣстѣ.

— Якъ вы, Иванівна, казали, щобъ я доглядала за Химкою, такъ я уто і все доглядала...

— Угу, — обозвалась Ивановна, видно, безъ особой охоты поддерживая разговоръ.

— Вона баба, знаєте, Иванівна, молода...

Явдоха снова поерзала по лавкѣ.

— Ты, Явдоха, должно, сказать што хочешь? — спросила ее Ивановна, — говори.

— Та ні, особаго ничого.

Но тутъ же, понизивъ голосъ, хохлушка проговорила:

— Иванівна! Якъ бы, знаєте, чого з Химкою до-разу не прилучилося. Учера у вечери я вѣйшла у сѣнци, а вона тамъ, і такъ скоренько бичовку на горище якъ підбросѣ. А я і питаю: на що тобі, Алдакимовна, утой матузокъ? А вона: да такъ, каже, може, до-разу потребується. Я і міркую собі — на що бъ вінъ її потребувався?... Надъ цѣмъ, Иванівна, треба поміркувати. Зачепѣ за щось той матузокъ, тай завѣснѣ на ему.

— Да, што ты, дура? Чиво ты чепуху мелєшь? Откуда это у тебя?

Ивановна взбудоражилась.

— Ні, Иванівна. Я въ своему умі. Я це кажу вамъ, щобъ після на мене не обернулось... Хиба бля мене що!

Явдоха, чтобы быть правильно понятой, зашептала, наконецъ, въ открытую.

— Иванівна! Хіба ви не бачите?... Вона жь чіжола...

— Какъ «чіжола»?

— Та якъ люди биватымуть чіжолі? Вона въ положеніи...

Ивановна такъ и приросла къ лавкѣ. Но все же собралась съ духомъ и выпроводила Явдоху.

— Што ты мелешь, хохлацкая твоя мазница! Выбей это изъ своей головы.

Обиженная Явдоха поджала губу и встала.

— Та я шо жь... Якъ вамъ, Иванівна, будэ завгодно... Це ваше діло... Я піду. Спасибі за цибулю...

— Вотъ до чего дожила? — пронеслось въ головѣ Устиньи Ивановны. — Ну, не сука ли?!

Ее взяла злость на Химку.

— Въ дѣвкахъ еле-еле выходила, такъ вотъ теперь... Какъ закричатъ теперь Казарчиха съ Кугучихой! Куда дѣться отъ людского пересуда? Зарѣзала, безъ ножа зарѣзала.

Но потомъ изъ этой мрачной тучи тяжкихъ предвидѣній вдругъ выплылъ образъ дочери, весь въ слезахъ, когда она расплакалась тутъ у печурки.

— Ить и тогда она голосила объ томъ же... Какъ же такъ?

Изъ глубины материнскаго сердца поднялась безконечная жалость къ дочери. И своя безрадостная молодость вспомнилась.

— Все же дойти до такого...

Мрачнымъ представился образъ дочери, принасающей себѣ веревку.

Переволновавшись, Ивановна собралась и отправилась къ Химкѣ.

Подходя къ ея двору, она замѣтила, что Химка и Явдоха копали землю въ огородѣ, а также и то, что Химка, увидавши ее входящей, поспѣшила накинуть на себя теплую на ватѣ кофту, хотя солнце свѣтило и грѣло по-прежнему.

На ея вопросъ, когда она вошла въ сѣнникъ, почему она работаетъ въ польтинкѣ, Химка отвѣтила, покраснѣвъ:

— Да, боюсь, какъ бы вѣтромъ не обдуло. Вспотѣла я.

Ивановна постояла молча, а потомъ позвала Химку въ хату. Когда вошла, она приказала снять польтинку.

— Да зачѣмъ? — съ упорствомъ отвѣтила Химка.

— Посмотрѣть на тебя хочу. — У Ивановны сразу опять закипѣло сердце.

Химка, однако, и послѣ этого не двинулась съ мѣста.

— Чиво шъ тутъ смотрѣть, мама?

— Ахъ, ты — сука, сука! У самой стыда нѣтути, хотя бѣ отца-матерю пожалѣла... Съ какими глазами на людей теперь покажусь? Каждый будетъ глаза колотъ, а ты и рта разинуть не смѣй.

Химка на своемъ мѣстѣ тихо плакала, кусая губы.

— Ну, што жъ, я и сама вижу... Мнѣ одинъ конецъ.

— Цыцъ! Ну-ка, принеси эту веревку.

— Какую? — у Химки глаза остановились.

— Эту... Што на потолокъ закинула. Приготовила, такъ давай.

У Химки ноги онѣмѣли. Съ той веревкой у нея соединилось особое рѣшеніе, на выполненіе котораго она еще не знала, хватить ли у нея силы.

И вотъ теперь она должна была передать веревку въ руки матери.

У нея все остановилось на мысли: — задушить!

Подставивъ лѣстницу, слезила на потолокъ и поднесла матери веревку и не посмотрѣла въ глаза. Ноги подкосились, она бросилась къ материнскимъ ногамъ:

— Мамочка, простите!

— А-а, сука!

Ивановна свернула вчетверо веревку, зажала, какъ въ дѣтствѣ дѣлала, Химкину голову между своихъ ногъ и съ силой и съ сердцемъ принялась стегать по спинѣ.

Та крѣпилась-крѣпилась, да потомъ какъ закричить снизу:

— Да, ить больна-а...

— А, больна! А родителямъ отъ тебя, думаешь, не больно?

Сцена этого объясненія матери съ дочерью была горестной и слезной, а кончилось тѣмъ, что мать пожалѣла дочь:

— Достукалась, — носи, только смотри, Химка, берегись грѣха.

Химка почувствовала, что отвалившаяся, было, отъ нея такая привычная стѣна помощи вновь поднялась, и она можетъ къ ней въ тяжелую минуту прислониться.

Когда Явдоха, примѣтивъ, что Ивановна ушла, появилась сама въ хатѣ, она подобрала валяющуюся на полу веревку, свернула ее и сунула въ сторону, понявъ безъ словъ, что «матузокъ» уже не нуженъ. Изъ него ушла уже та таинственная сила, которая тогда ее, Явдоху, такъ перепугала.

И Явдоха снова стала «доглядать» за Химкой.

XXIV.

И такъ подошли тѣ сроки для Химки, когда трудно было уже скрывать, хотя она и прибѣгала къ разнымъ хитростямъ, чтобы сохранить пропорціональность въ фигурѣ. Рѣже старалась показываться на-люди. Но развѣ это скроешь?

Былъ такой случай. Ивановна и Химка занимались около стола кройкой. Гостьей сидѣла на лавкѣ тутъ же Марфа Сениюткина, вязала чулокъ и лускала сѣмячки. Смахнетъ рукой набравшуюся лузгу съ губъ, да опять сѣмячка-за-сѣмячкой подбрасываетъ въ ротъ, дѣйствуя въ то же время, не уставая, спицами. Сама же, не умолкая, звенить мелодичнымъ голосомъ, въ веселыхъ мѣстахъ по-

катываясь со смѣху. У другого конца стола пристроился Луканька, перелистывая «сонникъ» и вычитывая на послѣднихъ его страницахъ разныя «народныя примѣты». И вычиталь: — «Если спросить беременную женщину внезапно, кѣмъ она беременна, и если она покраснѣетъ при этомъ, то, значить, она беременна мальчикомъ.

Луканька тотчасъ же рѣшилъ провѣрить написанное. Оторвался отъ сонника и въ упоръ спросилъ Химку:

— Ну-ка, скажи, кѣмъ ты беременна?.. А-а, покраснѣла, — значить, мальчикомъ.

-- Да, дуракъ!.. Да, откуда ты взялъ?

Химка въ большомъ смущеніи покраснѣла, дѣйствительно, и не знала, куда бы дѣться. У Ивановны рука съ ножницами остановилась вверху, а у Марфы животъ такъ и запрыгалъ отъ сдерживаемаго смѣха.

— Кумачка! Вы подумайте! Шила, — какъ говорится, — въ мѣшкѣ не протаишь.

Смѣхъ ея былъ не злобивымъ и чувствовалось въ немъ, — нашего-де полку прибыло. Но для Ивановны все равно это былъ уколъ ножикомъ въ сердце.

Напуститься на Луканьку, быть можетъ, даже отшлепать, но ни рука ни языкъ не двинулись. — Дите, что съ него спросить.

Приходилось разрѣшать вопросъ дальше, какъ же опредѣлить судьбу того, кто идетъ въ жизнь, не зная и не спрашивая, ждуть ли его и на сколько желаютъ.

У Ивановны былъ одинъ опытъ въ молодости.

Сысой — братъ — жилъ байбакомъ въ небольшой хатенкѣ, не далеко отъ Родника и занимался тогда сапожнымъ мастерствомъ... За многія ремесла онъ брался..

И вотъ нарядилъ онъ въ шагреновые полусапожки «со скрипомъ» одну казачку-жолмерку, а та черезъ положенный срокъ разрѣшилась мальчикомъ. Въ судьбѣ этого

Сысоева сына Ивановна тогда приняла непосредственное участие, постаралась, чтобы на ту казачку не легло много людской молвы. Разыскала бездѣтное семейство и ночью подкинула имъ новорожденного.

Онъ выросъ. Вылитый Сысой по обличью. Но не приобрѣлъ онъ любви своей названной матери. Выросъ заморышемъ. Мальчикомъ онъ ходилъ мимо къ Роднику по-воду. Ивановна нѣтъ-нѣтъ зазоветъ его во дворъ къ себѣ и сунетъ, смотришь, припасенную рубашенку, штанишки; полакомить, смотришь, чѣмъ-нибудь. Да такъ все это сдѣлаетъ, чтобы никто и изъ собственныхъ дѣтей этого не примѣтилъ.

И вотъ теперь такая же участь сиротинки при живыхъ названныхъ родителяхъ готовилась родному внуку.

Свою старую пріятельницу, бабу-повитуху, Исаевну Ивановна подговорила заранѣе. Эту возросшая семья, живущая въ хорошемъ достаткѣ, давно освободила отъ заботъ по дому, и своимъ «повиваніемъ» она занималась не ради корысти, а лишь ради душевнаго спасенія.

— Родимая Ивановна! Каменной горой стану и покрою.

Вотъ съ какою готовностью она пошла навстрѣчу Ивановнѣ, когда та объяснила ей.

Явдоха съ мужемъ и дѣтьми съ началомъ весны уѣхала на участокъ, поэтому никто не мѣшалъ, когда пришло время. Явился новый человекъ отъ Химки и Дениса въ видѣ здороваго и сильнаго мальчика.

Ни къ первымъ своимъ дѣтямъ отъ Мирона, ни къ тѣмъ, которыя были послѣ, ни къ кому Химка не питала той безконечной и глубокой любви материнской, какъ къ этому... Его крикъ и требованіе жить...

Ивановна на вторую же ночь, въ пору, когда прокричали первыѣ пѣтухи, взяла у Химки внука къ себѣ на руки.

— Мама родненькая! Дайте еще хоть разокъ погля-

дѣтъ на маво сыночка, — подросила Химка, когда Ивановна была уже у порога со спящимъ младенцемъ.

Ивановна торопливымъ шагомъ поднесла обратно и подержала передъ Химкой пакетъ.

— Сыночекъ мой!.. Миленькій! Душенька твоя ангельская!

— Скорѣе Химка, нужно нести.

Часть станицы расположилась на берегу рѣчки въ низинѣ. Между верхними и нижними дворами лежала пустынная дорога. По ней-то и отправилась Ивановна, чтобы никого не встрѣтить и лучше утаиться.

На широкихъ перекатахъ шумѣла рѣчка. Вѣтромъ гнуло вербы. Въ заиленныхъ канавахъ тракатали лягушки.

Тяжко отрывать отъ сердца кусокъ собственной плоти.

За недѣлю до того Ивановна также ночью уже прошла разъ этой дорогой и постучалась подъ окномъ облюбованной хаты, гдѣ жили бездѣтные и, по слухамъ, хотѣвшіе бы ребеночка.

Постучала тогда къ нимъ Ивановна и, мѣняя голосъ, сказала:

— Слушайте, люди добрые! Къ вамъ скоро дите принесутъ новорожденное. Ждите.

Не дожидаясь, чтобы они вышли изъ хаты, удалилась поскорѣе со двора.

Теперь, чѣмъ ближе тотъ дворъ, тѣмъ тяжелѣе шагъ Ивановны.

На низахъ дворы вовсе почти сплошь заняты садами и роцями. За той хатой у глухой стѣны росли двѣ высокія раины.

— Будутъ крутиться и шелестѣтъ на раинѣ листья. Возрастетъ внукъ подъ раинами. Не узнаетъ, — придетъ время, — ни мать свою ни бабку.

До боли защемило сердце по маленькому. Вернуться и отдать его Химкѣ. Но какъ представилось, — придетъ Миронъ со службы и какимъ адомъ обернется жизнь при

открытомъ Химкиномъ позорѣ!.. Сколько пинковъ приметъ неповинный мальчишенка.

Она отхлидила ворота, веревочнымъ кольцомъ привязанныя къ столбу, подошла къ крыльцу и положила заворочавшагося младенца. Постучала объ оконную раму и тѣмъ же голосомъ закричала:

— Слышите? Возьмите дите.

И скоро-скоро нужно бѣжать со двора, а ноги прирастаютъ къ землѣ.

А тотъ закричалъ ей въ догонку, какъ-будто просился:

— Бабушка! Зачѣмъ же ты меня покидаешь? Малаго и безпомощнаго?

Подъ раинами съ другой стороны хаты изъ-за плетня Ивановна прислушалась. Тамъ началось движеніе. Скрипнула дверь. Отъ окна потянулась свѣтлая полоса.

— Господи, сохрани младенца и помилуй.

Ивановна перекрестилась и пошла. Она знала, въ какомъ великомъ горѣ она застанетъ Химку, когда вернется къ ней и какая звѣриная тоска будетъ мучить дочь... и какой безконечной тоской занеетъ собственное сердце.

И земля, по которой она шла, казалась безконечно терикой и тяжелой. И клубившіяся предразсвѣтныя облака, — суровыми и непривѣтливыми.

Д. Е. Скобцовъ-Кондратьевъ.

(Конецъ первой части).

Злая вѣчность

(Міровая трагедія).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность взятой мною на себя задачи принуждаетъ сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ. Спѣшу оправдаться: ни заглавіе, ни громкій подзаголовокъ мнѣ не принадлежать. Чтобы снять съ себя за нихъ отвѣтственность и сразу же все объяснить, слѣдовало бы, кажется, начать съ конца. Но начинать съ конца неудобно вообще, міровую же трагедію особенно. Поэтому попрошу немножечко терпѣнія. Попрошу тоже вѣрить, что описанныя событія, какъ бы странно они ни показались, не являются ни вымысломъ, ни фантазіей. Напротивъ, всѣ они — реальнѣйшіе факты, заимствованные мною изъ одного чрезвычайно любопытнаго документа. Было бы, можетъ быть, очень интересно опубликовать самый документъ: убѣдительность событій и яркость картинъ отъ этого, несомнѣнно, выиграли бы, тѣмъ болѣе, что текстъ документа богато иллюстрированъ рисунками съ натуры. По редакціонно-техническимъ соображеніямъ это, однако-же, невозможно. Приходится предложить читателю «Міровую трагедію» въ томъ видѣ, какъ она представилась мнѣ послѣ тщательнаго изученія всего относящагося сюда документальнаго матеріала. Повторяю, впрочемъ: тема сложна и обширна. Заранѣе прошу о снисхожденіи.

1. Вѣщій Олегъ.

Въ городѣ его сначала принимали за англичанина: былъ онъ худой, высокій; имѣлъ манеры человѣка хорошо воспитаннаго.

А потомъ оказалось, что онъ соотечественникъ всѣхъ этихъ работающих на заводѣ маневрами anciens officiers. Сосѣдки только руками развели: «Personne n'aurait dit ça».

Имя его было Олегъ Александровичъ. Онъ носилъ громкую фамилію, которая, однако, трудно произносилась, а потому его за глаза называли просто monsieur Oleg, хотя его хозяйка madame Meterry veuve и увѣряла, что онъ князь.

Онъ былъ немного странный, этотъ monsieur Oleg. Никто, даже сама madame Meterry, не знала откуда онъ взялся, на какія средства существуетъ, и почему живетъ въ этомъ городишкѣ, тогда какъ ему, какъ князю, гораздо приличнѣе было бы жить въ Парижѣ или въ Ниццѣ. Madame Meterry veuve это, впрочемъ, не особенно удивляло: во-первыхъ, для Парижа нужны деньги, которыхъ у monsieur Oleg видимо нѣтъ, ну, а, во-вторыхъ, почему бы знатному иностранцу не выбрать своею резиденціей ея родного города, о которомъ она съ такою гордостью отзывалась: «Ah, ici on sait bien ce qui est chic!»

Madame Meterry veuve и сама хорошо понимала «ce qui est chic», хотя была всего только прачкой: князь ей очень нравился. Ей жалко было видѣть, что у человѣка si bien né всѣ рубашки и кальсоны рваные. Да и костюмъ тоже до крайности поношенъ. «А все-таки сидитъ онъ на немъ лучше, чѣмъ на другомъ дорогой и новый», утѣшала она себя.

Князь, несмотря на свои годы, дѣйствительно, могъ

еще нравиться, пожалуй, и не одной *madame Meterry*. За наружностью своею онъ слѣдилъ, не изъ щегольства, а по привычкѣ порядочнаго человѣка. Щеки тщательно бриль, красиво подстригалъ бородку, аккуратно посѣщая для этого парикмахерскую мессь Жоржа. Самымъ привлекательнымъ въ князѣ были его глаза: прекрасные, темно-синіе, не совсѣмъ даже шедшіе къ немолодому изможденному лицу. Соотвѣтствовали внѣшности и манеры. Вѣжливость князя, вообще нѣсколько старомодная, въ отношеніи къ женщинамъ приобрѣтала оттѣнокъ рыцарства: когда *madame Meterry*, на рѣкѣ, стоя на колѣняхъ, терла и била на доскѣ бѣлье, а князь проходилъ мимо, онъ всегда снималъ свою мягкую шляпу и привѣтствовалъ старую прачку, какъ маркизу.

Водились за нимъ кое-какія странности. Онъ былъ застѣнчивъ, постоянно, какъ мальчикъ, краснѣлъ. Разсѣянность же его доходила до смѣшного: часто не могъ найти дома, въ которомъ жилъ, по нѣсколько разъ проходилъ мимо не узнавая; никогда не помнилъ ни числа, ни даже мѣсяца; а когда случалось отправлять письмо, что, впрочемъ, бывало рѣдко, то спрашивалъ *madame Meterry*, сколько марокъ наклеивать и гдѣ почтовый ящикъ.

Князь велъ жизнь замкнутую. Не говоря уже о женщинахъ — ихъ онъ какъ будто даже боялся — но и съ *anciens officiers* знакомства не водилъ, хотя и раскланивался.

Однажды онъ встрѣтилъ эту компанію въ кафе *du père Voittot*. Молодые люди пригласили его выпить вмѣстѣ: они праздновали въ этотъ день какую-то батальную годовщину. Князь не почелъ удобнымъ отказаться, подсѣлъ къ нимъ и высидѣлъ весь вечеръ. Онъ всячески старался войти въ неинтересный для него разговоръ и долго расспрашивалъ одного изъ нихъ, очень на видъ добродушнаго и вялаго парня, который, къ удивленію князя, оказался пулеметчикомъ.

— Неужто вы въ самомъ дѣлѣ изъ пулемета стрѣля-

ли, — спрашивалъ князь. — А я даже не знаю хорошенько, что это за штука и какъ она дѣйствуетъ.

— Хитрость не большая, — флегматически отвѣтилъ пулеметчикъ. — Вотъ, берешь такимъ образомъ и ведешь: онъ поставилъ передъ собою сжатые кулаки, большими пальцами кверху, и началъ медленно вести ихъ слѣва направо. — Чикъ, чикъ, чикъ. Вотъ и все.

— А тамъ люди падаютъ? — удивился князь. — И видно это? Ну, а вы что же? Ничего?

— Ничего, — очевидно не понявъ и думая, что князь удивляется его храбрости, отвѣтилъ пулеметчикъ.

Товарищи засмѣялись: не на отвѣтъ, конечно, а на наивность князя.

Потомъ разговоръ перешелъ на болѣе игривыя темы. Одинъ изъ присутствующихъ, котораго почему-то называли «худосочнымъ», хотя онъ былъ атлетически сложенъ, рассказалъ такое, что князь сдѣлался багровымъ. Онъ очень страдалъ. Чтобы переменить разговоръ, онъ началъ рассказывать о найденной имъ въ городской библиотекѣ интереснѣйшей старой книгѣ. Книга написана въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка и, несмотря на это, авторъ, умный и образованный, повидимому, человекъ, съ совершенно ясной логикой, вполне серьезно доказываетъ существованіе *des farfadets*, т. е. колдуновъ.

Говоря объ этой книгѣ, князь увлекся и даже не замѣтилъ, что его слушаютъ съ насмѣшкой.

— М-да! вообще и въ частности... ерунда порядочная, — замѣтилъ худосочный.

— Нѣтъ, почему же? — мягко возразилъ князь. — Вѣдь вы не станете-же, однако, отрицать, что кругомъ насъ творится множество таинственнаго и необъяснимаго. Вотъ хотя бы сны... Что такое сонъ? Какова его природа? Шпенглеръ называетъ сонъ роднымъ братомъ смерти. А сама смерть?.. Или хотя бы явленія телепатіи, нѣкъмъ теперь уже не отрицаемыя, гипнозъ... Нѣтъ, что тамъ ни говорите, господа, а рационализмъ безсиленъ объяснить

все это. Онъ потерпѣлъ полный крахъ. Спорить съ княземъ о крахѣ рационализма охотниковъ не нашлось. Да и надоѣлъ онъ имъ вѣснмъ порядочно. Только пулеметчикъ поддержалъ «ученый» разговоръ, сказавъ, что въ прошломъ году зашелъ было въ библіотеку, но что книги тамъ все старыя и неинтересныя.

— А что это, кажется, про библіотекареву дочку такъ много разговора было? — спросилъ кто-то.

— О, тоже пикантная исторія! — вскричалъ худосочный.

— Вранье, — вяло замѣтилъ пулеметчикъ.

— Ничего не вранье.

— Что такое? — поинтересовался князь.

— А, и вы до пикантныхъ исторій охотникъ!

Князь началъ отнекиваться: онъ спросилъ, собственно, потому, что знаетъ этого библіотекаря.

— Какъ не такъ! Небось глаза разгорѣлись, — подшучивалъ худосочный. — Извольте, расскажу. Дѣло было такъ. Послалъ, понимаете, этотъ библіотекарь, съ великаго ума, свою дочку въ Парижъ учиться. Ну, хорошенькой дѣвочкѣ въ Парижѣ спуска не дадутъ. Да у ней и у самой, видно, не ученіе на умѣ было. Папаша узналъ, — туда. Прикатилъ, глядь, — а дочка при смерти. Какой то докторъ, пріятель ея, операцію ей сдѣлалъ, будто бы эстетическую. Ну, и угробилъ. А кто говоритъ, что она сама, отъ любви къ доктору, отравилась, и будто вовсе не эстетическую операцію, а абортъ ей сдѣлали.

— Ничего подобного, — перебилъ пулеметчикъ. — Омоложивалъ онъ ее, говорятъ, какими-то собственнаго изготовленія вытяжками.

— Погоди!.. Вѣрно, вѣрно! — какъ бы даже обрадовался поправкѣ «худосочный». Я тоже про эти вытяжки слышалъ. Онъ, кажется, цѣлую диссертацию о нихъ написалъ. Словомъ, шарлатанъ невообразимый.

Въ теченіе этого разговора князь чувствовалъ большую неловкость. Библіотекаря онъ зналъ, часто съ нимъ бесѣ-

доваль, имѣлъ даже основаніе особенно имъ интересоваться. То, что онъ, хотя и невольно, услыхалъ семейную тайну этого человѣка, его въ высшей степени взволновало.

— Теперь это забылось, — окончивъ разсказъ, замѣтилъ «худосочный».

— Теперь главный разговоръ о васъ, князь.

Князь смутился.

— Обо мнѣ? — пробормоталъ онъ. — Что же они могутъ говорить обо мнѣ?

— Да мало ли что? Что вы миллионеръ. Что у васъ золотые пріиски въ Калифорніи.

— Въ Калифорніи? — наивно удивился князь.

— Что, не въ Калифорніи развѣ? А вѣдь — чѣмъ чертъ не шутить — можетъ вы и дѣйствительно миллионеръ? Ухитряетесь же жить, ничего, кажется, не дѣлая.

Князя покорило. Но, не желая обидѣть, онъ, очень вѣжливо, сталъ объяснять, что помогаетъ ему мужъ сестры, инженеръ, а что самъ онъ пробовалъ поступать маневромъ, но что его каждый разъ выгоняли. Потомъ онъ всталъ и началъ прощаться.

— Куда вы? — удерживая его, сказалъ «худосочный».

— Не гнушайтесь нашей компаніей, «мудрый Олегъ».

Князь сталъ увѣрять, что ни въ коемъ случаѣ не гнушается, что, напротивъ, онъ очень пріятно провелъ время, но что теперь ему пора. Прозвище «Мудрый Олегъ», которое сейчасъ же было подхвачено другими и передѣлано въ «Вѣщій Олегъ», князю не понравилось: онъ не любилъ фамильярности. Однако, и вида не показалъ. А кличка такъ за нимъ и осталась. Даже madame Meterry кто то изъ anciens officiers сообщилъ, что квартиранта ея зовутъ «Oleg le préducateur» и что онъ умѣетъ предсказывать будущее. Но madame Meterry была дама достаточно просвѣщенная, чтобы не вѣрять à toutes ces bêtises-là. За князя она заступилась, сказавъ, что онъ homme sérieux: не приводитъ въ комнату женщинъ и аккуратно платитъ.

Разсказывая объ этомъ князю, она, между прочимъ, рѣшилась спросить его:

— *Est-ce vrai, monsieur, que vous êtes prince?*

И тутъ онъ съ застѣнчивой улыбкой признался ей, что онъ, дѣйствительно, князь, и что предки его служили еще Ивану Грозному.

— *Le tzar Iwan le Terrible!* — съ почтительнымъ удивленіемъ повторяла *madame Meterry*: это имя она читала на афишахъ синема.

На другое утро знатное происхождение мессье Олега стало извѣстно всѣмъ собравшимся на рѣкѣ прачкамъ, а такъ же посѣтителямъ кафе *Boittot*. Съ этихъ поръ *monsieur Oleg* обратился въ *monsieur le prince, a les anciens officiers* пустили слухъ, будто *madame Meterry veuve* очень не прочь сдѣлаться *madame la princesse*. Да и князь, кажется, неравнодушень.

2. Второе зрѣніе.

Князь долго, иногда часами, бродилъ по узкимъ улицамъ стараго города. Онъ смотрѣлъ, радуясь, что можетъ видѣть. Вѣдь такъ недавно еще были вокругъ него потемки. Былъ хаосъ. Врачи говорили, что онъ боленъ. Но они ничего не понимали: это была тьма надъ бездной. Изрѣдка — скупое — падалъ въ его ночь какой то тусклый свѣтъ. Не дневной, не солнечный. Тотъ, можетъ быть, который былъ въ первый день. И рождалъ призраки. Но этотъ городъ уже не былъ призракомъ. Горбатый мостъ надъ рѣкою, крытые переходы между домами, старыя стѣны съ деревянными балками въ кирпичной кладкѣ, коротконогій святой въ епископской шляпѣ, окаменѣлый въ глубинѣ своей ниши — все это было на самомъ дѣлѣ, существовало какъ подлинная реальность. Только зрѣніе князя теперь измѣнилось. Вѣрнѣе, онъ приобрѣлъ второе зрѣніе, вторую пару глазъ, которая, какъ стереоскопъ, углубляя

перспективу, дѣлала картину міра менѣе плоской. При помощи этого оптического прибора князь видѣлъ теперь, что ключемъ къ пониманію города былъ соборъ. Какъ выходецъ съ того свѣта, поднимался надъ крутыми черепичатыми крышами его посѣрѣвшій остовъ. Мертвецъ не хотѣлъ считать себя побѣжденнымъ: онъ хваталъ живого.

Съ тяжелымъ чувствомъ вступалъ князь подъ сумрачные его своды. Пахло вѣковымъ глѣніемъ. Цвѣтныя стекла узкихъ оконъ бросали къ ногамъ Святой Дѣвы лиловые и желтые коврики свѣта. Маленькія, горбатыя старушонки, тяжело, съ перевалкой ступая по истертымъ плитамъ, притаскивали Ей свое убогое горе, останавливались передъ Ея алтаремъ, и долго, неслышно шевеля губами, выклиничивали маленькое чудо. Прибитыя по стѣнамъ мраморныя дощечки съ высѣченнымъ на нихъ наивнымъ словомъ «тегіс» служили напоминаніемъ о другихъ, теперь давно уже умершихъ старухахъ, которыя точно такъ-же приходили сюда, чтобы просить и плакать.

Да, старухи... Ихъ было очень много въ этомъ задуманномъ соборомъ городѣ. И доживали онѣ до глубокой дряхлости. Князь встрѣчалъ одну, которая сзади казалась обезглавленной, такъ низко, подъ прямымъ угломъ къ тѣлу, была опущена ея трясущаяся голова. Иныя едва бредли, согнутыя пополамъ, высохшія, съ механически жующими провалившимися ртамаи и испуганно-слезливымъ взглядомъ.

Глядя на нихъ, князь вспоминалъ, что въ Парижѣ онъ ни разу не видѣлъ ни одной старухи. Казалось, что тѣ купили или украли у э т и х ъ всю ихъ молодость. И тутъ ему пришло въ голову... Какъкъ вѣдь онъ тоже не встрѣчалъ въ Парижѣ. Говорили, правда, объ одномъ, будто онъ mutilé de guerre, и будто обѣ ноги у него искусственныя. Но невозможно было повѣрить этому, глядя, какъ легко и быстро онъ на этихъ ногахъ ходилъ. О, онъ тщательно скрывалъ свое уродство. Здѣсь же... здѣсь было не-

вѣроятно много калѣкъ вполнѣ откровенныхъ. На одной улицѣ St.-Pélerin, на которой князь жилъ, ихъ было четверо. Одного парализованнаго, очень тучнаго и злого, катали въ креслѣ, другой самъ себя возилъ на трехколесномъ ручномъ велосипедѣ: у него были отрѣзаны обѣ ноги. Третій — сапожникъ — подплясывалъ на вывернутыхъ внутрь ступеняхъ. Наконецъ, у четвертаго — почтальона — пустой рукавъ его форменной тужурки былъ всунутъ въ карманъ. Однажды видѣлъ князь и «короля калѣкъ», какъ онъ его называлъ. Этотъ шелъ на двухъ, замѣнявшихъ ему ноги, костыляхъ, а единственной рукою опирался на третій.

Старухи, калѣки... это еще можно было понять. Это было связано съ соборомъ, служило въ свою очередь ему объясненіемъ. Но кошки... Впрочемъ, напрягая свое второе зрѣніе до боли, онъ начиналъ понимать и кошекъ. Ихъ было множество здѣсь. Самыхъ различныхъ. Отъ бѣлыхъ, спокойныхъ, голубоглазыхъ, постоянно облизывающихся розовымъ языкомъ, до совершенно черныхъ, безъ отиѣтины, или съ бѣлымъ пятномъ на груди, смотрѣвшихъ, какъ изъ подъ черной полумаски, загадочными глазами. И отъ этихъ зеленыхъ, свѣтлыхъ глазъ казалось, что кошка изнутри стеклянная или сдѣлана изъ прозрачнаго зеленого камня.

Къ кошкамъ у князя было странное отвращеніе, нѣчто вроде идиосинкразіи. Онъ вообще не любилъ и какъ-то побаивался всякихъ животныхъ, даже самыхъ безвредныхъ. Боялся не того, что они укусятъ его, или причинятъ какой нибудь вредъ, а чувствуя въ нихъ, какъ самъ онъ себя признавалъ, «нѣкую неразрѣшимую проблему». Въ кошкахъ «проблема» достигала особенной остроты. Въ кошкахъ и въ собакахъ. И на бѣду ихъ вездѣ такое множество. Даже въ Парижѣ. Никакихъ другихъ животныхъ: все они какъ будто боятся этого страшнаго города. Только человекъ и его «друзья», его «домашніе» чувствуютъ себя въ немъ какъ дома. Собака — другъ человека — съ

усмѣшкой говорилъ себѣ князь. — Друга чаще всего водятъ на цѣпи или въ намордникѣ. И какую некрасивую, унижительную, подленькую роль разыгрываетъ этотъ «другъ». Его считаютъ поганымъ. Если онъ забѣжитъ въ алтарь, — алтарь надо святить. А болѣзненная привязанность, гнусная любовь, которую испытываютъ къ собакамъ многія женщины. Все это имѣеть, конечно, глубокія, забытыя нами причины, — думалъ князь. Во всякомъ случаѣ этотъ «другъ человѣка», котораго онъ держитъ въ такомъ приближеніи, очень подозрителенъ. Кошки тоже. Вѣдь и онѣ сумѣли втереться въ интимную жизнь человѣка. Онѣ имѣютъ способность незамѣтно присутствовать. Ихъ не видно, но онѣ всегда тутъ. Когда-то онѣ враждовали съ собаками. Это вошло въ поговорку. Теперь прекрасно уживаются. Заключили, можетъ быть, союзъ, который не общаетъ ничего хорошаго.

О, князь вѣдь понималъ, что передъ лицомъ человѣческой мудрости все это было безуміемъ. Но онъ уже не боялся человѣческой мудрости, не хотѣлъ ея. Мірѣ, тотѣ, какой былъ раньше, рушился. Пускай падаетъ, пускай разбивается до послѣдняго камня. Тьма надъ бездной чревата. Она родить. Надо съ безстрашіемъ ждать.

3. Начало романа.

Что въ мірѣ не все благополучно — объ этомъ князь догадался еще тамъ, въ Парижѣ. Онъ выздоравливалъ тогда. Могъ уже гулять одинъ. Въ душный лѣтній вечеръ, изнемогая отъ безотчетной тоски и спутанности мыслей, которыя все еще не оставляли его, брелъ онъ среди чужой и страшной толпы по улицѣ Lafayette. Кругомъ были лица. Много лицъ. Преимущественно женскихъ. Рѣзко впились въ его мозгъ безволосыя черно и тонко проведенныя брови... синяя тѣнь у внѣшняго угла глаза... колючія рѣсницы... алое сердце на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть

ротъ... Уставъ глядѣть на лица, онъ опустилъ глаза и тогда увидѣлъ мельканіе ногъ. Женскихъ ногъ въ туфляхъ на высокому каблукѣ и въ розовыхъ облегающихъ чулкахъ.

«Отчего это ноги у нихъ у всѣхъ такія похожія?»... съ тоскою подумалъ князь. И опять перевелъ глаза на мельканіе лицъ. «Лица тоже похожія»... И вдругъ ему показалось... — Впрочемъ, длилось это всего секунду — ему показалось, что кругомъ движутся не люди. Конечно, въ известномъ смыслѣ ихъ можно было назвать людьми. Но только въ известномъ. Чего-то въ нихъ явно не хватало. Самого, можетъ быть, существеннаго. Того именно, чего всегда не достаетъ въ точно выполненной копіи гениальной картины. Это были какъ бы механическіе люди, «работы», о которыхъ онъ читалъ въ газетахъ. И вотъ когда ему показалось это — тутъ то глаза его и упали на освѣщенную витрину магазина. Тамъ, среди яркой пестроты подушекъ, сидѣла прелестная маленькая женщина. Ростомъ она была не больше грудного ребенка. Три пушистыхъ золотыхъ локона — одинъ надо лбомъ, два другихъ около ушей — окружали нѣжное личико. Сильно декольтированный бюстъ выходилъ изъ складокъ широкой юбки. Она была бы обыкновенной диванной куклой, если бы не продолговатые, удлиненные синей тѣнью косо, мимо князя смотрѣвшіе глаза. Совершенно живые между двумя неправдоподобными взмахами парисованныхъ рѣсницъ.

Сначала князя просто поразило, что эта маленькая женщина одна, среди болѣе или менѣе удачныхъ подобій людей, была подлинно живою. Онъ сталъ въ нее вглядываться. Такого лица ему никогда не случалось видѣть. Несмотря на внѣшнюю красоту, оно отталкивало. Пугало какимъ-то внутреннимъ, очень хорошо и тщательно спрятаннымъ безобразіемъ. И чѣмъ дальше онъ смотрѣлъ въ это лицо, тѣмъ яснѣе становилось, что въ немъ, именно въ этомъ, спрятанномъ за его красотью, уродствѣ была разгадка всему: его ночнымъ кошмарамъ, тоскѣ, кото-

рая его давила, монмартрскимъ кабакамъ, дансингамъ, жазу, ужасамъ послѣдней войны, большевикамъ, бессмысленной смерти его жены и маленькаго сына, словомъ всему, что, своею пугающей нелѣпостью, сводило его съ ума.

И еще онъ понялъ, что кукла, хотя и живетъ, но не собственной, а чужою, таинственнымъ образомъ заимствованной жизнью. «Она кого-то высосала, какъ вампиръ», подумалъ онъ, съ содроганіемъ глядя на ея кровавый чувственный ротъ.

Онъ не помнилъ, какъ отошелъ отъ витрины, какъ вернулся домой. Тамъ онъ больше не видѣлъ ее. Онъ уѣхалъ. Въ сущности, теперь для него было ясно, что именно отъ нея то онъ и бѣжалъ, хотя тогда ему казалось, что онъ бѣжитъ отъ мигающихъ огней свѣтовыхъ рекламъ и отъ призрачно скользящихъ автомобилей. Но здѣсь — и этого князь какъ ни старался, объяснить себѣ не могъ — здѣсь, выйдя съ вокзала, въ первой же витринѣ перваго попавшагося ему магазина, онъ опять увидѣлъ ее. Онъ не могъ быть обманутъ случайнымъ сходствомъ. Это точно была она. Ея глаза и ротъ онъ узналъ бы изъ тысячи. Трудно сказать, что именно онъ при этомъ ощутилъ. Можетъ быть даже радость: ту послѣднюю радость, которая навѣрно бываетъ у самоубійцы. «Ну что жъ? Значитъ судьба!» — сказалъ онъ почти вслухъ. Онъ принялъ эту встрѣчу какъ неизбежное. Онъ сразу почувствовалъ, что кукла... Итъ, не кукла, но та чужая жизнь, которую она въ себѣ носила, вошла въ него, сдѣлалась частью его собственной жизни.

Каждый день ходилъ онъ къ витринѣ, — это была антикварная лавка — почти всегда останавливался и долго смотрѣлъ. Разъ вечеромъ онъ стоялъ передъ витриной пока изъ лавки не вышелъ человекъ съ деревяннымъ ставнемъ и, сказавъ ему: «Pardon, monsieur!» не заставилъ имъ витрину.

Но въ князѣ, несмотря на установившійся необычайный

ходъ мыслей, оставалось все-таки ясное сознание того, что все это «со стороны» могло показаться очень страннымъ. Пожалуй, даже смѣшнымъ. Минутами онъ совершенно трезво анализировалъ свои ощущенія. Иллюзія того вечера, когда, среди автоматовъ улицы Lafayette, она одна была для него реально живою, не повторялась. Нѣтъ, она — диванная кукла. Только и всего. Онъ твердо зналъ это. Особенно когда, стоя передъ витриной, на нее смотрѣлъ. Но развѣ предметы не имѣютъ, подобно живымъ существамъ, свою душу? Развѣ не очевидна ихъ — иногда непреодолимая — власть надъ людьми? Идолъ могущественнѣе того, кто ему поклоняется. Иконы обладаютъ силой чудотворенія. Не только первобытные народы, но и народы древнихъ цивилизацій обоготворяютъ неодушевленные предметы: деревья, камни, старыя постройки, черепа. И почему, наконецъ, могли бы войти во всеобщее употребленіе автомобильные фетиши, если бы въ нихъ не заключалась какая то, предохраняющая отъ катастрофъ, сверхъестественная сила. Въ этой куклѣ, — говорилъ себѣ князь, — несомнѣнно заключены колдовскія чары фетиша. Я пытался уйти изъ-подъ ея власти и не могъ. Стало быть она — сильнѣе. А теперь я и не хочу бѣжать, я люблю свой плѣнъ.

Но дома... дома, когда онъ не видѣлъ ее, онъ думалъ о ней иначе. Она теряла для него образъ куклы. Начинала жить вампирической, высосанной у другого жизнью. Становилась реальной женщиной. И какъ женщину, реально. плотски онъ любилъ и желалъ ее. Онъ придумывалъ для нее тысячи нѣжныхъ ласкательныхъ словъ, сочинялъ о ней стихи. Наконецъ началъ писать дневникъ, состоявшій, собственно, изъ ряда влюбленныхъ писемъ. Подъ каждымъ числомъ было обращеніе: «Моя желанная, здравствуй» или «Я опять хочу побесѣдовать съ тобою, дорогая». Въ этихъ письмахъ онъ подводилъ итоги кропотливой работы, которой онъ себя посвятилъ и которая состояла въ собираніи мозаичной картины новаго міра. Ея фрагмента-

ми было все, что онъ видѣлъ и слышалъ, все окружающее. О содержаніи картины въ цѣломъ онъ едва ли догадывался. Зналъ только, что размѣры ея грандіозны и, работая, находился въ непрестанномъ изумленіи передъ возникающимъ. Чтобы все записать приходилось торопиться. Иной разъ рука не успѣвала за стремительностью мысли, вмѣсто буквъ и словъ на бумагѣ появлялись странные знаки, которые онъ самъ наврядъ-ли смогъ бы прочитать. Но князь не замѣчалъ этого: ему некогда было пересчитывать. Онъ изнемогалъ подъ бременемъ вновь и вновь накоплявшихся мыслей.

4. О предметахъ неодушевленныхъ.

Послѣднее время князь началъ избѣгать витрину антикварной лавки. Слишкомъ реальностью вошла въ его жизнь любимая женщина, страшно казалось опять увидѣть грубо символизирующую ее диванную куклу.

Но мечта о ней была всегда съ нимъ. Ночью онъ писалъ ей свой дневникъ, являющійся одновременно, складываемой по кусочкамъ, картиной міра. Дни шли на собраніе матеріала. У него лежала уже огромная куча вырѣзокъ изъ газетъ, иностранныхъ и русскихъ. Тутъ были криминальныя исторіи труповъ въ чемоданахъ, любовныя похищенія звѣздъ мюзикъ-холловъ, сообщенія объ опытахъ омоложения животныхъ и спариванія человѣка съ обезьяной, всевозможныя катастрофы, землетрясенія, бури, ураганы, самоубійства и несчастные случаи, какой-нибудь провалъ министерства большинствомъ трехъ голосовъ, интервью съ миссъ Европой (о томъ, какой шоколадъ она предпочитаетъ или какую губной помадой пользуется), боксерскія и шахматныя состязанія и корреспонденція о вновь открытыхъ «лучахъ смерти», могущихъ истребить въ одну секунду населеніе земного шара до послѣдняго человѣка. Все это классифицировалось кня-

земь, разносилось по рубрикамъ, снабжалось иногда длиннѣйшими комментаріями.

Не менѣ цѣнный матеріалъ находилъ для себя князь въ городскомъ музеѣ. Трудно сказать, чего именно это былъ музей. Въ немъ, безо всякаго плана, были собраны всевозможные предметы. Князь часто заходилъ туда. Ему именно нравилась совершенная безцѣльность и несообразное нагроможденіе этого, по большей части, очень ветхаго клама.

Музейныя вещи, какъ и сообщенія газетъ, не имѣли между собою видимой связи, но тѣмъ упорнѣе искалъ въ нихъ князь нужную ему связь внутреннюю. Чего только тутъ не было! Были статуи святыхъ, такія-же, какъ на соборѣ, съ лицами плоскими, иногда совершенно безносыми, иногда какъ бы изрытыми оспой. Были безголовыя. Было множество отдѣльно лежащихъ рукъ и ногъ. Казалось, будто наполнявшіе городъ калѣки приносили сюда свои отрѣзанные члены и они, съ теченіемъ времени, здѣсь окаменѣвали.

Были въ музеѣ и картины, портреты: дамы въ роборнахъ, съ локонами надъ ушами; мрачныя какъ убійцы короли и герцоги въ короткихъ панталонахъ буфами, въ шляпахъ съ перьями; наконецъ, и просто ничѣмъ на видъ не замѣчательные господа съ крохотной красной ленточкой въ петлицѣ черныхъ фраковъ.

Одну изъ этихъ картинъ князь полюбилъ особенно. Иногда онъ подолгу сидѣлъ передъ нею на бархатномъ диванчикѣ, странно усмѣхался и бормоталъ: «Превосходно! прямо-таки превосходно!»

Картина изображала банкетъ. Впрочемъ, присутствовали на немъ, почему то, одни мужчины. Всѣ они были отлично одѣты въ военные мундиры и фраки. Каждый держалъ въ рукѣ по бокалу шампанскаго. Всѣ эти элегантные господа улыбались. Но что это была за улыбка! Какъ очевидно, какъ глубоко всѣ они устали. Устали говорить и слушать рѣчи, чокаться... устали улыбаться. Невыразимая мертвенность была въ этомъ увѣковѣченномъ

веселии. Сначала князь объяснял такое впечатлѣніе тѣмъ, что въ настоящее время всѣ эти господа — господинъ префектъ, господинъ мэръ, господа члены муниципальнаго совѣта и другіе, имена которыхъ были выгравированы на мѣдной пластинкѣ — навѣрно уже покоились на городскомъ кладбищѣ: картина была помѣчена 1891 годомъ. Онъ раздумался надъ тѣмъ, что, стало быть, съ теченіемъ времени портреты, какъ и живые люди, мѣняются. Но потомъ догадался, что дѣло не только въ этомъ. Всѣ вещи, всѣ картины этого страннаго музея походили на предметы, собранные на столѣ вещественныхъ доказательствъ: безмолвно свидѣтельствовали они о нѣкогда совершавшейся трагедіи.

Только въ качествѣ вещественныхъ докозательствъ имѣли, напримѣръ, смыслъ эти собранные въ отдѣльный залъ чучела экзотическихъ птицъ, рыболовныя принадлежности доисторическаго человѣка, которыя тоже занимали довольно обширную комнату. Нелѣпость внѣшняя скрывала глубокой внутренней смыслъ. Особый запахъ — запахъ плѣсени, пыли, истлѣвающихъ въ сундукахъ старыхъ платьевъ, необитаемыхъ домовъ — волновалъ князя предчувствіемъ этого внутренняго смысла.

Никто не заходилъ сюда, никто не мѣшалъ. Да и кому, кромѣ выжившаго изъ ума и погруженнаго въ окультизмъ русскаго князя, могла, въ самомъ дѣлѣ, притти охота любоваться муміями, чучелами пеликановъ и портретами давно умершихъ господъ членовъ муниципальнаго совѣта?

5. Библіотекарь.

Библіотека — она помѣщалась въ одномъ зданіи съ музеемъ — была обширный залъ въ формѣ неправильнаго многоугольника. На высокихъ, до потолка доходившихъ полкахъ тускло поблескивали позолотой старыя, на половину истлѣвшія подъ своими кожаными перепле-

тами, книги. Въ серединѣ зала стоялъ длинный покрытый зеленымъ сукномъ столъ, обставленный тяжелыми стульями съ высокими и прямыми спинками. На одномъ изъ нихъ, возлѣ жарко натопленной чугунной печки, сидѣлъ библиотечарь. Остальные были пусты. Эта парадная комната со множествомъ старыхъ книгъ, зеленое сукно и въ строгомъ порядкѣ разставленные стулья странно дѣйствовали на князя, каждый разъ когда онъ входилъ. Ему казалось, что здѣсь назначено очень важное засѣданіе какого то тайнаго общества. Предсѣдатель, придя первымъ, ожидаетъ остальныхъ членовъ. Сейчасъ они войдутъ и разсядутся. Князь испытывалъ смущеніе: онъ понималъ неумѣстность и даже невозможность своего здѣсь присутствія. Но предсѣдатель, какъ бы желая ободрить, оживленно и громко отвѣчалъ на его поклонъ:

— *Bonjour, monsieur!*

Князь, не безъ робости, подходилъ къ столу.

Лицомъ онъ былъ похожъ на хамелеона, этотъ библиотечарь. Зеленоватый оттѣнокъ морщинистой кожи; непомѣрно широкій ротъ съ безкровными узкими губами. Выпуклые глаза, отъ круглыхъ очковъ въ черепаховой оправѣ, казались огромными. Но самой порозительной особенностью въ наружности библиотечаря былъ — его языкъ. Языкъ у него былъ чрезвычайно тонкій и увертливый. Во время разговора онъ то и дѣло мгновеннымъ, совсѣмъ неувидимымъ движеніемъ, высунувъ его, облизывалъ себѣ губы. Такъ дѣлаетъ ящерица, когда ловить наскѣкомое. Глянцевитая лысина во всю голову, покрытая на макушкѣ черной шелковой шапочкой и длинная черная блуза-пальто придавали его фигурѣ нѣкоторое сходство съ католическимъ священникомъ.

Съ первой же встрѣчи князь почувствовалъ, что библиотечарь почему то имъ заинтересовался. Показалось даже, что, ища сближенія съ нимъ, тотъ имѣетъ какіе то особые виды. Шевельнулось любопытство. Самъ онъ испытывалъ въ присутствіи библиотечаря нѣсколько безпокойное чув-

ство, которое онъ сначала не умѣлъ себѣ объяснить. Это, однако же, не мѣшало князю находить свое новое знакомство чрезвычайно интереснымъ. Завязалось оно слѣдующимъ образомъ. На вопросъ князя, не имѣется ли въ библиотекѣ книгъ по окултизму, библиотечарь экспансивно воскликнулъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я сижу здѣсь, никто ни разу не спрашивалъ у меня этихъ книгъ. Эта любопытная отрасль знанія теперь почти забыта. Официальная наука ее осмѣиваетъ.

Онъ повелъ князя въ смежную комнату и показалъ шкафъ, биткомъ набитый старыми книгами. Тутъ были и спиритическія и окултныя сочиненія, руководства по черной и бѣлой магіи, сборники заклинаній и сонники. Князь съ увлеченіемъ началъ рыться въ этихъ сокровищахъ. Библиотечарь, когда бывалъ свободенъ, приходилъ помогать ему.

Однажды они разговорились о заинтересовавшемъ князя изысканіи «sur les farfadets». Князь съ удовольствіемъ убѣдился, что библиотечарь вполне раздѣляетъ взгляды католическаго автора на колдуновъ.

— Совершенно не подлежитъ сомнѣнію, — сказалъ онъ между прочимъ, — что существуютъ люди, находящіеся въ сношеніяхъ съ такъ называемыми темными силами, заключающіе съ ними пактъ и получающіе въ награду извѣстную сверхестественную власть. Чтобы ни говорили объ этомъ наши господа рационалисты — это фактъ, отрицать который наконецъ просто смѣшно.

— Вы думаете? — заинтересовался князь.

— Я это знаю, — съ особеннымъ удареніемъ отвѣтилъ библиотечарь.

— Неужто? Вамъ случалось?... О, пожалуйста, расскажите! — вскричалъ князь.

Библиотечарь отвелъ глаза.

— Это длинная исторія, — сказалъ онъ уклончиво. — Когданибудь потомъ.

Въ другой разъ, по ничтожному поводу, съ какого то замѣчанія о погодѣ, опять завязался интересный для князя разговоръ, но на совершенно иную тему. Князь обратилъ вниманіе собесѣдника на то, что вотъ уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ климатъ какъ будто мѣняется. Зимы становятся суровыми, лѣта то нестерпимо знойными, то непомерно дождливыми. Поражаетъ большое количество грозъ и бурь. Даже въ формахъ облаковъ замѣтна почти пугающая причудливость, объясняемая, вѣроятно, сильными вѣтрами. Вообще съ природой творится что то неладное.

На это библіотекаръ отвѣтилъ, что метеорологическія данныя, дѣйствительно, подтверждаютъ фактъ повсемѣстнаго въ Европѣ измѣненія климата. Последнее десятилѣтіе обнаружено новое наступательное движеніе ледниковъ, годовыя амплитуды температуръ стали больше. Что же касается бурь, урагановъ, наводненій, вулканическихъ изверженій и землетрясеній, то размѣры всѣхъ этихъ природныхъ бѣдствій должны бы наводить на самыя серьезныя размышленія.

Князь заинтересовался. Вѣдь ужъ давно, читая газеты, отмѣчалъ онъ тѣ явленія, о которыхъ говорилъ теперь библіотекаръ.

— На какого же рода размышленія? — спросилъ онъ.

Библіотекаръ поглядѣлъ на него своими странными глазами, какъ бы стараясь что то въ немъ разсмотрѣть.

— Размышленія вотъ какія, — сказалъ онъ, снявъ свои большія круглыя очки, при чемъ князя поразила почти коническая выпуклость его глазъ. — Изволите ли вы, смѣю спросить, быть хотя бы отчасти знакомымъ съ исторіей нашей планеты?

Князь отвѣтилъ, что знакомъ мало, но что прошлое земли его чрезвычайно интересуетъ.

6. Гондвана.

Библиотечарь немного помолчалъ. Повернувшись къ печкѣ онъ взялъ кочережку и шевелилъ уголья.

— А о Гондванѣ не приходилось вамъ слышать? — спросилъ онъ, не глядя на князя и какъ будто весь поглощенный своимъ дѣломъ.

— О чемъ? — переспросилъ князь.

— О Гондванѣ.

— Нѣтъ, ничего не знаю. Что это такое? — Слово «Гондвана», музыкальное и пѣвучее, поразило князя какою то заключенной въ немъ тайной.

— Исчезнувшій материкъ, — сказалъ библиотечарь.

— Такъ стало быть дѣйствительно существовалъ такой материкъ? — вскричалъ князь, что то смутно слышавшій объ Атлантидѣ.

— И даже не одинъ. Такихъ нѣкогда существовавшихъ и потомъ поглощенныхъ моремъ материковъ было три. Они занимали пространства трехъ современныхъ океановъ: Атлантическаго, Индійскаго и Великаго.

— Это было, конечно, въ то время, когда человѣка на землѣ не существовало?

— Напротивъ. Материки эти знали высокія цивилизаціи. Мы имѣемъ объ этомъ свидѣтельство Платона. Въ своемъ Тимее и затѣмъ въ Критіи онъ описываетъ бытъ и нравы обитателей Атлантиды.

— Какимъ же образомъ были эти материки поглощены океаномъ?

Библиотечарь потеръ руки: это было его обычнымъ жестомъ передъ тѣмъ, какъ начать рассказывать.

— Въ этомъ то и весь вопросъ. Вопросъ, надъ которымъ ломаютъ себѣ головы ученые. Надо вамъ сказать,

что въ геологіи существуютъ двѣ гипотезы... О, не пугайтесь, — прибавилъ онъ, усмѣхнувшись, — я въ двухъ словахъ. При томъ же это доступно десятилѣтнему ребенку. Двѣ гипотезы. Одна — болѣе старая, въ 19-омъ вѣкѣ совсѣмъ заброшенная, даже осмѣянная — теорія внезапныхъ геологическихъ переворотовъ, теорія катастрофъ. По этой гипотезѣ періоды относительнаго затишья внезапно смѣнялись на нашей планетѣ періодами бурными, когда дремавшія до тѣхъ поръ подземныя силы вдругъ начинали проявлять свое страшное, разрушительное дѣйствіе. Въ эти періоды поднимались новыя горныя цѣпи, начинали извергаться вулканы, земля, содрогаясь, рождала новыя материки, а старыя мгновенно гибли, проваливаясь въ морскую пучину. Періодически наступающими катастрофами эта теорія объясняла, между прочимъ, прерывистость въ развитіи органическаго міра: гибли прежнія формы жизни, новыя условія создавали новыя формы...

Библіотекаръ, говорившій съ увлеченіемъ и очень быстро, вдругъ остановился. Обычнымъ своимъ движеніемъ ящерицы онъ облизалъ губы.

— Теорія, которую я сейчасъ имѣлъ честь вкратцѣ сообщить вамъ, — началъ онъ насмѣшливо-торжественнымъ тономъ, — это теорія старая, теперь, какъ я уже сказалъ, оставленная. Новая же теорія, принятая официальной наукой 19-го вѣка, гласитъ, что въ мірѣ все, слава Богу, идетъ медленно. Потихоньку. Полыхиваютъ вулканы, измѣняются очертанія морскихъ береговъ: въ однихъ мѣстахъ материки — медленно и на протяженіи человѣческой жизни незамѣтно — опускаются. Въ другихъ — такъ же медленно поднимаются. Землетрясенія тоже время отъ времени беспокоятъ человѣчество въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, но потомъ, разрушивъ всего нѣсколько деревьевъ или городовъ, стихаютъ. Вотъ вамъ и вторая теорія. По этой теоріи, стало быть, выходитъ, что природа, вообще говоря, пайныка, если иной разъ и дуритъ, то не очень. Исторія земли сплошная эволюція, безъ всякихъ

эксцессовъ. Ну? что вы скажете? Какая изъ двухъ кажется вамъ болѣе заслуживающей довѣрія?

Князь смутился.

— Я не достаточно свѣдушъ, чтобы судить, — сказалъ онъ. — Однако... однако, если говорить правду, мнѣ болѣе нравится первая. Я былъ въ Альпахъ, на Кавказѣ... Когда смотришь на это безумное нагроможденіе горъ, на этотъ каменный бредъ, то отказываешься вѣрить, что не было чудовищной, не поддающейся воображенію катастрофы!

— Bravo! — вскричалъ бібліотекаръ. — У васъ правильный нюхъ, если позволено будетъ мнѣ такъ выразиться. Правильный нюхъ, monsieur, въ наукѣ стоитъ какой хотите учености. И безъ него она — ноль. Я зналъ на своемъ вѣку доцентовъ и докторовъ вотъ съ такими трудами и никогда, ни разу въ ученія ихъ головы не пришла эта самая простая мысль, которую вы сейчасъ высказали. Да, въ судорогахъ боли, въ корчахъ, со скрежетомъ зубовъ рождала земля свои новыя формы, а не постепенно. Вы сами, князь, нашли отвѣтъ на интересовавшій васъ вопросъ: древніе материки погибли въ результатѣ ужасающихъ міровыхъ катастрофъ. При томъ, замѣтите, катастрофъ періодически повторяющихся, грозящихъ нашей планетѣ и въ будущемъ. Чтобы закончить нашъ сегодняшній разговоръ и заинтересовать васъ въ его продолженіи, прибавлю слѣдующее: есть основанія думать, что мы въ настоящій моментъ находимся наканунѣ такой міровой катастрофы.

7. Она исчезла.

Безпокойное чувство, которое бібліотекаръ возбудилъ въ князѣ при началѣ ихъ знакомства, съ каждымъ ихъ разговоромъ все обострялось. Это было ощущение какой то связанности, отсутствія свободы, потери или, во всякомъ случаѣ, ущерба собственной воли, подчиненность чу-

жой, которое вызывало одновременно и тревогу и жуткое наслаждение. Въ присутствіи бібліотекаря весь строй мыслей князя мѣнялся. Но даже не разговаривая съ нимъ, не видя его, онъ никогда уже вполне изъ-подъ власти его не выходилъ. Часто и много думалъ онъ о томъ, что тотъ ему говорилъ, объ этихъ странныхъ пророчествахъ, которыя такъ созвучали его собственнымъ тревожнымъ, хотя и неяснымъ ожиданіямъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора о міровыхъ катастрофахъ, бібліотекарь пригласилъ князя къ себѣ вечеромъ, послѣ ужина, выпить чашку кофе.

Князь поблагодарилъ, сказалъ, что очень радъ, спростить только, не стѣснить ли.

— Вы... одинъ живете?

— Одинъ. Теперь одинъ, — отвѣтилъ бібліотекарь. Князь вспомнилъ то, что онъ слышалъ о загадочной смерти его дочери. — Я даже прислуги не держу, — прибавилъ тотъ. — По утрамъ ходитъ ко мнѣ старуха. Уберетъ все и уйдетъ. Такъ спокойнѣе. Мы будемъ одни и прекрасно побесѣдуемъ. Я васъ жду.

Въ этотъ день случилось съ княземъ очень поразившее его происшествіе. Съ недѣлю не былъ онъ у витрины антикварной лавки. Но тутъ почувствовалъ, что долженъ итти. Съ куклой — онъ зналъ — что то случилось. Онъ не ошибся. На витринѣ ее не было. Въ своемъ волненіи князь даже не замѣтилъ тонкой, похожей на Вольтера, стариковской рожи, слѣдившей за нимъ изъ-за пожелтѣвшей гравюры. Онъ вѣрно простоялъ бы такъ до вечера, если бы тотъ же, похожій на Вольтера, старикъ, высунувшись изъ двери, любезно и заискивающе не спросилъ его, не угодно ли monsieur купить какую нибудь antiquité? Вопросъ еще больше испугалъ князя. Онъ проворкоталъ что то непонятное и почти побѣжалъ прочь. По выставившемуся впередъ подбородку, любопытнымъ глазамъ и какъ бы вынюхивающему носу этого антикваря, князь понялъ, что онъ уже давно за нимъ слѣдитъ, зна-

еть причину его постоянныхъ посѣщеній и теперь въ душѣ надъ нимъ смѣется. Особенно не понравилось ему въ старикѣ его поразительное сходство съ Вольтеромъ. Вольтера князь терпѣть не могъ, говоря, что, съ легкой руки этого пошляка, человѣчество цѣлый вѣкъ только и дѣлало, что зубоскадило.

«А можетъ быть, онъ и не виноватъ, этотъ Вольтеръ, — думалъ князь, отойдя отъ лавки. — Можетъ быть, ей просто напросто вздумалось меня подразнить. Кому ей? Куклѣ? — задалъ онъ себѣ щекотливый для самолюбія вопросъ. Но тотчасъ-же мужественно отвѣчалъ. — Да, куклѣ: въ извѣстномъ предѣльномъ смыслѣ, который я долженъ еще какъ-то выстрадать, кукла и есть она. Разобраться во всемъ этомъ мнѣ поможетъ библіотекаръ», — рѣшилъ онъ вдругъ, самъ не зная почему.

8. Работы маленькой Нини.

Вечеромъ князь пошелъ къ библіотекарю. Квартира его помѣщалась надъ библіотекой, въ верхнемъ этажѣ. Изъ передней хозяйинъ провелъ своего гостя въ довольно большую комнату. Въ ней былъ образцовый порядокъ. Направо, гдѣ горѣлъ каминъ, выступъ стѣны отдѣлялъ уютный уголокъ. Мебель въ этомъ уголкѣ была старая, краснаго дерева, крытая выцвѣтшимъ синимъ бархатомъ. Здѣсь былъ полумракъ. Только красный отсвѣтъ камина ложился на блестящій паркетъ и на край мягкаго ковра. Лампа подъ низко спущеннымъ зеленымъ абажуромъ стояла въ другомъ концѣ комнаты налѣво, на старинномъ бюро со множествомъ выдвижныхъ ящичковъ.

Библіотекаръ, потирая свои маленькія сухія руки, объявилъ, что кофе у него уже готовъ и просилъ князя присѣсть.

Князь сѣлъ на бархатное кресло въ понравившемся ему уголкѣ, передъ каминомъ. Отъ кофе онъ было началъ от-

казываться, но хозяинъ сказалъ, что пить вечеромъ черный кофе его *ancienne habitude* и что хлопотъ это ровно никакихъ не составитъ.

Библиотекарь вышелъ, князь принялся разсматривать висѣвшія по стѣнамъ картины.

Онѣ давали на обояхъ красивыя, хорошо расположенныя пятна. Но когда князь, надѣвъ пенсне, въ нихъ вглядѣлся, то былъ немало изумленъ. Картины — рисованныя, повидимому, однимъ и тѣмъ же очень даровитымъ художникомъ — контрастировали съ уютномъ старомодной обстановки, къ которому шли бы портреты бабушекъ или натюр-морты. Онѣ были страннаго содержанія, эти картины. На одной изображалась дикая пляска какихъ то кентавровъ. На другой — чудовищно безобразная голая женщина. Особенно гадко было то, что къ своимъ отвислымъ грудямъ женщина эта прижимала букетъ пунцовыхъ розъ. Притворно стыдливое и чувственное выраженіе уродливаго лица было передано мастерски.

Были здѣсь и свившіяся въ отвратительной судорогѣ обнаженныя тѣла, были бородатыя женщины и мужчины съ женскими грудями, другіе съ непомерно развитыми половыми органами, уроды съ невѣроятными горбами, крохотныя головы на жирныхъ тѣлахъ и, наоборотъ, огромныя на тѣлахъ дѣтскихъ, но старчески-хилыхъ. Безсмысленныя улыбки идиотовъ сочетались на лицахъ всѣхъ этихъ чудовищъ съ выраженіемъ безмѣрнаго, экзотическаго ужаса въ глазахъ. Словомъ, это былъ бредъ, созданіе потерявшаго равновѣсіе воображенія. Но — и это больше всего поразило князя — въ подлинной реальности этого бреда не оставалось сомнѣнія. Такъ передать можно было только увидѣвъ. Увидѣвъ глазами. Можетъ быть даже ощупавъ.

И еще — странная вещь — князю показалось, что все это онъ уже видѣлъ. Много разъ. Зналъ съ дѣтства. Что все это копія какихъ то извѣстныхъ, но забытыхъ имъ картинъ.

Библиотекаръ вернулся, неся поднось съ двумя чашками.

— Чьи это картины? — спросилъ князь. — Я ихъ, конечно, знаю, но не припомню автора.

— То-есть какъ «конечно знаю»? — удивился библиотекаръ. — Эти картины никогда не были ни на одной выставкѣ. Это работы моей маленькой Нини. Покойной дочери.

— Неужели? — пробормоталъ князь. — Какъ странно, гдѣ же я могъ ихъ видѣть? Но какой талантъ!

— Да, талантъ... талантъ у нея былъ. — Сказавъ это библиотекаръ какъ то особенно плотно сжалъ свои длинныя хамелеоновскія губы. — Однако, прошу!

Князь сѣлъ на кушетку, поближе къ камину. Хозяинъ помѣстился противъ него въ креслѣ.

— Итакъ, дорогой князь, — заговорилъ онъ съ невольнѣ естественнымъ оживленіемъ, — мы можемъ продолжать. Нашъ разговоръ, если не ошибаюсь, былъ прерванъ...

— Простите! — перебилъ князь. — У васъ есть ея портретъ?

— Чей? — притворно удивился библиотекаръ.

— Вашей дочери.

Библиотекаръ немного поколебался.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ потомъ рѣшительно.

Князю стало неловко за свою нескромность.

9. Трагическое будущее Европы.

— Да, такъ вы начали?.. — поспѣшилъ князь обратиться къ прерванному разговору.

— Мы говорили съ вами о періодически происходящихъ въ мірѣ катастрофахъ. Это нуждается въ мистическомъ толкованіи. Ибо мы съ вами, слава Богу, не дѣти, князь: изъ узкихъ штанишекъ рационализма успѣли вырасти. Не правда ли? — онъ засмѣялся.

Князь тоже улыбнулся. Остановившись, библиотекарь занялся своимъ кофе. Онъ клалъ себѣ въ чашку куски сахара одинъ за другимъ. Онъ положилъ уже четыре, кофе пролился на блюдечко, но онъ, отхлебнувъ, опустилъ и пятый.

— Неужели вы пьете такой сиропъ? — удивился князь.

— Нѣмцы, которые знаютъ толкъ въ кофе, говорятъ, что онъ долженъ быть черенъ, какъ ночь, горячъ, какъ адъ, и сладокъ, какъ любовь... Кстати, о любви! Я хотѣлъ спросить васъ, князь... Впрочемъ, это послѣ. Такъ вотъ по вопросу о мистическомъ толкованіи міровыхъ катастрофъ. Вы, русскіе, насколько я знаю, имѣете склонность къ мистицизму, а потому...

— Два слова! — опять перебилъ князь. Разговоръ до крайности интересовалъ его, но мимоходомъ брошенная библиотекаремъ фраза о любви дала его мыслямъ совсѣмъ иной оборотъ, уводя ихъ куда то въ сторону, а, можетъ быть, напротивъ, къ самому нужному и основному. — Вы такъ быстро переходите съ предмета на предметъ, что мнѣ, откровенно говоря, трудно слѣдить, — сказала онъ смущаясь. — Что то я хотѣлъ спросить васъ? Да, неужели вы думаете, что и Европа...

— Дорогой князь, — съ торжественнымъ спокойствіемъ, кладя свою руку на руку князя, сказала библиотекарь. — Европу ожидаетъ участь Атлантиды и Гондваны. Это несомнѣнно. Вопросъ только во времени. Возможно, что мы и не доживемъ. А впрочемъ...

— Какія же основанія? — спросилъ князь. При прикосновеніи библиотекаря онъ опять почувствовалъ себя несвободнымъ.

— Основанія? — переспросилъ библиотекарь. — А огненное кольцо вулкановъ и областей подверженныхъ землетрясеніямъ, которое окаймляетъ материкъ Европы, или лучше сказать Евразіи. Евразіей, какъ вы, можетъ быть, знаете, ученые называютъ материкъ Азіи вмѣстѣ съ его полуостровомъ Европой. Такъ вотъ этотъ материкъ окру-

женъ совершенно такимъ же кольцомъ, какъ всѣмъ известное вулканическое кольцо Тихаго океана. Прослѣдите по любой картѣ эти вулканы и области землетрясеній отъ Исландіи, черезъ южные полуострова — Пиренейскій, Апеннинскій и Балканскій — Крымъ, Кавказъ, горы Туркестана, Восточной Азіи, черезъ Японію и Курильскіе острова до сплоскъ Камчатки. Факты, известные всякому лицеисту. Такія же роковыя кольца были вокругъ провалившихся материковъ и обусловили ихъ гибель. Это линіи разлома, князь, трещины въ земной корѣ, происходящія отъ ея неравномѣрнаго сжатія. Въ моментъ катастрофы трещины внезапно разверзаются, окруженный ими материкъ проваливается, хлынувшее со всѣхъ сторонъ море заливаешь образовавшуюся обширную впадину, происходитъ такъ называемая трансгрессія. Иногда на поверхности остается рядъ острововъ, какъ это мы видимъ въ Тихомъ океанѣ. Иногда не остается ничего.

— Вы находите мистическое толкованіе этому? — глухо спросилъ князь.

— Пытаюсь, во всякомъ случаѣ. Впрочемъ, мысли эти принадлежать не мнѣ. Но авторъ... До автора вамъ пока нѣтъ дѣла. Займитесь толкованіемъ и обратимся къ наиболѣе въ данномъ случаѣ компетентному источнику.

10. Путь змій.

Библиотечкарь подошелъ къ бюро и взялъ лежавшую на немъ черную книгу. Нагибаясь къ лампѣ, онъ прочелъ:

— «Нѣтъ, не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете какъ боги, знающіе добро и зло». — Онъ обернулся и посмотрѣлъ на князя. — Что вы скажете?

— Я зналъ этотъ текстъ, — отвѣтилъ князь. — Но какое отношеніе имѣетъ онъ къ нашему разговору?

— Да вѣдь въ этомъ текстѣ и заключено мистическое

толкованіе міровыхъ событій! — вскричалъ бібліотекаръ, опять возвращаясь въ свое кресло подлѣ князя. — Это прологъ. Намъ же съ вами выпало на долю быть персонажами послѣдняго дѣйствія. Трагизмъ положенія въ прологъ уже ясно опредѣленъ. Первый человѣкъ зажатъ какъ въ клещахъ. Отъ него требуется выборъ: смиреніе, покорность и въ награду мирное райское житіе въ саду Эдемскомъ. Или смѣлый протестъ, бунтъ и тогда — «станете какъ боги».

— Змій соблазнялъ Еву ложью, — сказалъ князь.

Бібліотекаръ улыбнулся своею двусмысленной улыбкой.

— Откуда вы знаете, что ложью?

— Отвѣтъ, мнѣ кажется, даетъ библейскій текстъ. Ева послушалась змія...

— И была вмѣстѣ съ Адамомъ, въ наказаніе за это — замѣтите, что именно въ наказаніе — одѣта въ «кожанья ризы». Не знаю, обратили ли вы вниманіе на эту деталь: до грѣхонаденія Адамъ и Ева не имѣли «кожаныхъ ризъ», т. е. грубо-матеріальнаго тѣла. Изъ этого вы заключаете, что змій обманулъ ихъ? Они не стали «какъ боги», а, напротивъ, были наказаны? Совершенно вѣрно, но не забывайте, милый князь, что они не все совершили, къ чему призывалъ ихъ змій.

— Какъ — «не все»?

— А древо жизни? Чтобы стать подобными богамъ, имъ надлежало вкусить еще плодъ отъ древа жизни. Они затѣмъ то и были прогнаны изъ сада Эдемскаго, чтобы не простерли руки своей и не взяли такъ же отъ древа жизни и не стали бы жить вѣчно. Въ томъ то и дѣло, что первый человѣкъ ни одною изъ предложенныхъ ему дорогъ не пошелъ. Не хватило рѣшимости. Такъ что винить змія, будто онъ обманулъ Адама, по меньшей мѣрѣ несправедливо. Нѣтъ, мой дорогой князь, вина всецѣло на совѣсти нашего праотца. Онъ — извините мнѣ грубую

шутку — онъ между двухъ стульевъ сѣлъ. Вотъ эту то вину и надлежитъ его потомкамъ исправить.

— Въ какомъ же смыслѣ исправить: въ смыслѣ смиренія или въ смыслѣ бунта? — спросилъ князь.

— Ah! ça... ça dépend! — уклончиво засмѣялся библиотекаръ.

— Постойте, — вдумываясь, сказалъ князь. — Значить какъ же по вашему? Эти катастрофы..?

— Средство воздѣйствія противъ неповинующихся. Дѣло въ томъ, что развитіе цивилизаціи ведетъ за собою то, что наши чудаки историки называютъ «паденіемъ нравовъ». Знаніе и грѣхъ всегда шли рука объ руку. То и другое не угодно Богу и карается.

— На чемъ основываете вы ваше утвержденіе? — спросилъ князь.

— Для Атлантиды мы имѣемъ рассказъ Платона о цивилизаціи и нравахъ ея обитателей въ періодъ, предшествующій ихъ общей гибели. Но, быть можетъ, рассказъ Платона кажется вамъ недостовернымъ? Въ такомъ случаѣ обратимся къ Гондванѣ. Здѣсь я имѣю сообщить вамъ вещи, дѣйствительно, любопытныя.

11. Африканскіе карлики.

Не помню ужъ, говорилъ-ли я вамъ, что обширный материкъ Гондвана занималъ пространство нынѣшняго Индійскаго океана и что Индостанскій полуостровъ является уцѣлѣвшимъ его осколкомъ, точно такъ же, какъ и большой островъ Мадагаскаръ, расположенный, какъ вы знаете, у береговъ восточной Африки. Доказывается это не только сходствомъ геологическаго строенія обѣихъ этихъ областей, теперь раздѣленныхъ необозримымъ воднымъ пространствомъ, но такъ же сходствомъ растительнаго и животнаго міра. Материкъ Гондваны ученые называютъ иначе Лемурией по встрѣчавшемуся на немъ виду обезь-

янь. Этотъ вымирающій видъ — лемуры — исключительно свойствененъ въ настоящее время Индостану и Мадагаскару. Теперь обратимся къ населенію затонушаго материка. Антропологи чрезвычайно интересуются вопросомъ о томъ, не сохранились ли гдѣ нибудь потомки древнихъ обитателей Гондваны. Но положительнаго отвѣта, насколько мнѣ извѣстно, официальная наука пока не даетъ. Въ ея распоряженіи имѣются, однако же, любопытные факты. Такъ, на примѣръ, достоверно извѣстно, что въ лѣсахъ тропической Африки живутъ карликовыя племена, вооруженныя отравленными стрѣлами, необычайно жестительныя и злыя. Никто не знаетъ состава ихъ ядовъ. Никому также не удалось проникнуть въ ихъ таящіяся среди лѣсовъ жилища. Негры боятся этихъ карликовъ и приписываютъ имъ сверхестественное могущество. Они слышатъ колдунами, способными убивать не только при помощи стрѣлъ и ядовъ, но и безо всякаго физическаго воздѣйствія. Колдовствомъ, или — какъ мы теперь говоримъ — при помощи окулътныхъ знаній.

Но вотъ что всего любопытнѣе: нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что въ южной части Индостана живетъ совершенно сходное съ только что описанными карликовое племя, пользующееся среди остальнаго населенія такой же страшной репутацией. Естественно возникаетъ догадка, не имѣемъ ли мы въ лицѣ этихъ порочныхъ и могущественныхъ карликовъ потомковъ обитателей Гондваны?

12. Подъ знакомъ Венеры.

— Я не понимаю... — началъ князь. — Все это, конечно, интересно, но я не вижу связи между карликами — пусть даже это будутъ потомки обитателей погибшихъ материковъ — и тѣмъ, съ чего вы начали. При чемъ же здѣсь путь змія?

— Милый князь, — засмѣялся библиотекарь. — Вы сегодня поразительно разсѣянны и дурно слѣдите за нашей бесѣдой.

— Да, это правда, я неважно себя чувствую, — краснѣя подѣ пристальнымъ взглядомъ библиотекаря, пробормоталъ князь.

— Разсѣянность — плохой признакъ, — быстро облизавъ губы, улыбнулся библиотекарь. — Кстати, князь: я немного занимался когда-то хиромантіей. Позвольте-ка вашу руку.

— Зачѣмъ? — не давая руки, спросилъ князь.

— Что провѣрить нѣкоторыя непосредственныя наблюденія. Дѣло въ томъ, что я голову готовъ дать въ закладъ: вы рождены подѣ знакомъ Венеры, милый князь. Ну, чего же вы боитесь? Я ничего вамъ не напророчу, посмотрю вотъ только. — Онъ взялъ лѣвую руку князя, повернулъ ее ладонью кверху и, низко, чтобы разглядѣть въ полумракѣ, надъ нею наклонился. — Такъ и есть: линія любви развита необычайно, совершенно изъ ряда вонъ!

Князь выдернулъ руку.

— Не знаю, что вы хотите сказать этимъ, — пробормоталъ онъ. — Обратимся лучше къ нашему разговору.

13. Плюсъ и минусъ безконечность.

— Да, нашъ разговоръ! — какъ бы не желая смущать гостя, сейчасъ же подхватила хозяйня. — Вы, кажется, спросили, къ чему я веду? А веду я вотъ къ чему. То, что мы называемъ мировымъ прогрессомъ, есть, въ сущности, не что иное, какъ путь, предложенный змѣемъ: «Держайте, и будете жить вѣчно, какъ боги». Жить вѣчно! Это проблема — безсмертіе — неизбежно будетъ выдвинута какъ конечная цѣль прогресса. Съ мыслью о смерти примириться нельзя, князь. Для чего «всѣ достиженія человѣческаго генія» — какъ говорится — если каждому

изъ насъ рано или поздно предстоитъ быть съѣденнымъ червями, ровно ничего въ прогрессѣ непонимающими? Я говорю: проблема безсмертія будетъ выдвинута, но развѣ она — въ той или другой формѣ — уже не ставилась тысячу разъ? Вспомните алхимиковъ съ ихъ «эликсиромъ жизни», вспомните вашего геніальнаго соотечественника Мечникова, неутомимаго борца за долгую жизнь, Браунъ-Секара, другого вашего не менѣе геніальнаго соотечественника, имя котораго я позабылъ, да развѣ всѣхъ перечтешь? Змій отравилъ ихъ страхомъ смерти. Это онъ научилъ ихъ тянутся къ запрещеннымъ послѣ грѣхопаденія плодамъ древа жизни. Противоположной сторонѣ это не нравится. У нея своя пѣснь: «Смиритесь и наслѣдуете вѣчную жизнь». Не здѣсь, а тамъ. Итакъ, два пути: путь Бога — смиреніе, покорность, полное подчиненіе — въ награду вѣчная жизнь. Скажу здѣсь же, чтобы не возвращаться. Вѣчная жизнь, довольно малокровная, анемичная, къ тому же гадательная. «Будетъ новая жизнь и новые люди», но какіе — остается открытымъ. Затѣмъ наслѣдуютъ эту ущербленную новую жизнь далеко не всѣ, а только такъ называемыя праведники, т. е. люди, прошедшіе длинный, утомительный путь святости, сведшіе, такъ сказать, свою земную полноцѣнную жизнь на нѣтъ. Въ кредитъ, конечно, и безъ всякихъ гарантій награды. Одни праведники! Подумайте только, что это будетъ за скука, какое отсутствіе контрастовъ, красокъ. Къ тому же, да будетъ позволено спросить, на комъ эти праведники станутъ упражнять свою добродѣтель? — Библіотекаръ неестественно засмѣялся. — Вотъ вамъ первое предложеніе. Не блестящее, какъ видите. Второе предложеніе таково: протяните руку, вырвите у Бога тайну добра и зла — что и сдѣлано было Евой — и тайну жизни, и немедленно наслѣдуете вѣчность. И, замѣтьте, полноцѣнную, безо всякаго ушерба. Здѣсь, на этой милой грѣшной землѣ, со всѣми ея радостями и соблазнами. Вѣчность этого самаго тѣла, которое такъ жадно до радостей и соблазновъ. И

это для всѣхъ — идея вполне демократическая — вѣчность не только для святыхъ, нѣтъ! вѣчность для воровъ, убійцъ, насильниковъ и растлителей. Всѣ краски жизни, всѣ ея контрасты сохранены! Свобода самоопредѣленія въ злѣ, какъ и въ добрѣ. Безграничное развитіе каждой индивидуальности! Развѣ это не грандіозно? — Библиотекаръ внезапно остановился. Какъ бы что то соображая, помолчалъ. — Ну, вотъ, — заговорилъ онъ въ болѣе спокойномъ тонѣ, — теперь для васъ, думаю, картина ясна. Когда человѣчество, слишкомъ рѣшительно становясь на путь змія, простираетъ руки къ древу жизни, таковыя его дѣйствія караются міровыми катастрофами. Спасаются въ общемъ бѣдствіи и даютъ потомство послушныя тупицы, вроде Ноя, а дерзающіе, если и удается имъ иногда спастись, должны прятаться отъ карающаго гнѣва въ лѣсахъ и горныхъ пустыняхъ и обречены на вымирание. Съ ними вмѣстѣ умираетъ и ихъ неугодное Богу знаніе. Эту проблему плюсъ и минусъ безконечности математики нащупали. Странно только, что объ онѣ, по ихъ мнѣнію, гдѣ то сходятся. Мнѣ кажется, напротивъ, что такой точки встрѣчи нѣтъ. А? что вы объ этомъ думаете?

Князь вздрогнулъ. Въ запутанномъ клубкѣ своихъ мыслей онъ опять потерялъ нить разговора. Библиотекаръ похлопалъ его по плечу.

— А все-таки, милый князь, разрѣшите мнѣ дружескій совѣтъ: Будьте осторожны. Повторяю, вы рождены подъ знакомъ опасной звѣзды.

Выйдя отъ библиотекаря, князь попробовалъ было связать все имъ слышанное съ собственными своими переживаниями. Но сейчасъ же бросилъ: связь тутъ, конечно, существовала, но онъ не имѣлъ достаточно данныхъ, чтобы отыскать ее.

Это было мучительно. Хотѣлось, забывъ все, мечтать о ней. Странная переменѣна произошла въ его чувствахъ, отчасти, можетъ быть, подъ влияніемъ намековъ библиотекаря. Онъ какъ бы вдругъ, и теперь уже окончательно,

забылъ, что объектомъ его любви является все же кукла. Онъ любилъ женщину, живую женщину, которая, дразня его, отъ него прячется, но которую онъ завтра же непременно отыщетъ. Онъ чрезвычайно много ждалъ отъ этого завтрашняго дня. О лавкѣ антикварія, о Вольтерѣ, о куклѣ, онъ не только не хотѣлъ думать, но просто даже не помнилъ. Любимая женщина войдетъ въ его комнату — вотъ что такое таилъ въ себѣ этотъ единственный завтрашній день. Madame Meteggy?... мелькнула непріятная мысль. Ахъ, пустяки! Она ее и не увидитъ. Въ комнату къ нему хозяйкѣ совсѣмъ не зачѣмъ ходить: онъ самъ будетъ теперь убирать постель и мести полъ. Обдумываніе всѣхъ этихъ подробностей разжигало князя. Онъ испытывалъ нетерпѣніе жениха наканунѣ свадьбы. Въ страстныхъ мечтахъ онъ и заснулъ.

Георгій Песковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ИЗЪ КНИГИ «НОЧНОЙ СМОТРЪ».

1.

Слово за словомъ, строка за строкой
Все о тебѣ ослабѣвшей рукой.

Розы и жалобы — все о тебѣ...
Полночь. Сіянье. Покорность судьбѣ.

Полночь. Сіянье. Ты въ мірѣ одна.
Ты тишина, ты заря, ты весна

И холодна ты, какъ вѣчный покой...
Слово за словомъ, строка за строкой,

Капля за каплей — кровь и вода —
Въ синюю вѣчность твою навсегда.

2.

Мірѣ торжественный и томный —
Вотъ и твой послѣдній часъ.
Догорай, пожаръ огромный,
Догорай безъ насъ.

Мы уходимъ въ вѣчность, въ млечность
Звѣздъ, сіявшихъ зря,
Насъ уводитъ въ безконечность
Черно желтая заря.

И потерянный, бездомный
 Не оглянется назадъ.
 — Догорай, пожаръ огромный!..

И не дрогнетъ факель темный,
 Освѣщая адъ.

3.

Сіянье. Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ,
 Изъ гроба.
 Все — темныя розы по дѣтскимъ плечамъ
 И нѣжность и злоба.

И вѣрность. О, вѣрность вѣрна!
 Шампанское взоры туманить...
 И музыка. Только она
 Одна не обманетъ.

О — все это шорохъ ночныхъ голосовъ,
 О, все это было когда то —
 Надъ синими далями русскихъ лѣсовъ
 Въ торжественной грусти заката...
 Сіянье. Сіянье. Двѣнадцать часовъ.
 Расплата.

4.

Замело тебя, счастье, снѣгами
 Унесло на столѣтья назадъ,
 Затоптало тебя сапогами
 Отступающихъ въ вѣчность солдатъ.

Только въ сумракъ Новаго Года
 Бѣлой музыки бьется крыло:
 — Я надежда, я жизнь, я свобода
 Но снѣгами меня замело.

5.

Гаснетъ міръ. Сіяетъ вечерь.
Паруса. Шумятъ лѣса.
Человѣческія рѣчи,
Ангельскіе голоса...

Человѣческое горе,
Ангельское торжество...
Только звѣзды. Только море.
Только. Больше ничего.

Безъ числа, сіяютъ свѣчи.
Слаще мгла. Колокола.
Чернымъ бархатомъ на плечи
Вѣчность звѣздная легла.

Тише... Это жизнь уходитъ,
Все любя, и все губя.
Слышишь? Это ночь уводитъ
Въ вѣчность звѣздную тебя.

6.

О, душа моя, могло ли быть иначе.
Развѣ ты ждала, что жизнь тебя проститъ?
Это только въ сказкахъ: Золушка заплачетъ,
Добрый лѣсъ зашелеститъ...

Все-таки, душа, не будь неблагодарной
Все-таки не плачь...

Надъ темнымъ міромъ зла
Высоко сіялъ вѣнецъ звѣзды полярной
И жестокой, чистой, грозной, лучезарной
Смерть твоя была.

Георгій Ивановъ.

СНѢГЪ.

I.

Земля лежитъ въ снѣгу. Надъ ней воздѣла сучья
 Деревья нищія. Прозрачный рѣветъ дымъ.
 Все — проще и бѣднѣй, безрадостно — и лучше
 Подъ небомъ Блока, близкимъ и пустымъ.

О чемъ же — этотъ дымъ, и слѣдъ, ведущій мимо
 Меня и жизни стынущей моей?..

О главномъ, о простомъ — и о непостижимомъ,
 О томъ, что все пройдетъ, и все невозвратно,
 Какъ дымъ межъ коченѣющихъ вѣтвей.

II.

Снѣгъ радости и снѣгъ печали,
 Снѣгъ мудрости и чистоты,
 (Мы шли въ прохладной радости печали...)
 О многомъ знали мы, о многомъ мы молчали,
 Когда изъ музыкальной пустоты
 На наши души грустью падалъ ты...

III.

Въ морозномъ снѣ, голубовато-снѣжномъ,
 Въ старинномъ танцѣ, медленномъ и нѣжномъ,
 Снѣжинками нездѣшными пыля,
 Мертво кружились небо и земля.

И однако — въ пустотѣ небесъ —
Кого то звалъ тысячерукій лѣсъ.

Но сверху падалъ равнодушный снѣгъ,
А по снѣгу, не поднимая вѣкъ,
Подъ бѣлый хрусть шель черный человекъ.

И жутокъ былъ его неспѣшный шагъ...
Какъ будто: шель онъ въ гиблый бѣлый мракъ,
Откуда нѣтъ возвратнаго пути,
И — никому нельзя туда идти.

Довидъ Кнугъ.

СБОРЪ.

Священный кругъ: отъ гибкихъ лозъ въ Апрѣлѣ
До сладости таинственной и жаркой,
До пурпура тугихъ давимыхъ ягодъ,
Впитавшихъ свѣтъ небесъ и зной земли.

Да будетъ сердце тяжелой спѣлой гроздью.
Да будетъ сердце полнымъ свѣще мѣры,
И, сжатое неумолимой дланью,
Отдастъ свой темный, свой сладчайшій сокъ.

Нозми Ландау.

БРЮГГЕ.

Ночью руки до плеча растаютъ —
Мы крылаты снова на досугъ...
Наши души ночью улетаютъ
На каналы въ позабытый Брюгге.
Чинно звѣзды сторонятся въ небѣ,
И туманы, подколовъ вуали,
Насъ ведутъ туда, гдѣ черный лебедь
Подъ мостомъ вздыхаетъ на каналѣ.
Спятъ кружевницы въ своихъ подвалахъ
И во снѣ привычными руками
Ворожатъ въ узорахъ небывалыхъ,
Что цвѣтутъ вверху надъ чердаками.
Городъ спитъ въ неотзвенѣвшихъ звонахъ,
Въ мѣдныхъ звукахъ, горестныхъ и чистыхъ —
Темный городъ брошенныхъ влюбленныхъ
И съ маршрута сбившихся туристовъ...
А когда колокола застонутъ
И кружевницъ ослѣпятъ рыданья,
Насъ лучи готическіе тронутъ
И мы птицамъ скажемъ: до свиданья...
Мы уже опаздываемъ, птицы,
И давно, въ Парижѣ или Прагѣ,
Колуютъ тѣло стынущее шприцемъ
И на подкахъ ворошатъ бумаги...

Алла Головина.

ПРЕСУЩЕСТВЛЕНЬЕ.

Страстно, горячо
Я дышу еще
Въ кубовомъ гробу,
Слушая Судьбу.

Вѣрю, ты придешь
Свѣтлая ко мнѣ.
Сердце обрѣтешь
Въ предразсвѣтной мглѣ.

И подаришь ты
Дрѣмные цвѣты,
Чтобъ въ дыханьѣ розъ,
Чтобъ въ сіяньѣ розъ
Траурный кристалль
Колыбелью сталь.

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ.

1.

Отъ любви моей, самой ничтожной и самой презрѣнной,
Отъ любви моей, самой высокой и чистой на свѣтѣ,
Рушатся башни и въ пыль распадаются стѣны,
Море отходить и въ тучахъ мѣняется вѣтеръ.

Отъ любви моей таютъ міры въ пустотѣ безпредѣльной,
Падаютъ звѣзды и ночь надо мной вырастаетъ.
Отъ любви моей, самой тревожной и самой безцѣльной,
Таютъ созвѣздыя — но сердце твое не растаетъ.

2.

Вѣрность? Любовь? Довольно.
Я не могу, не хочу.
Мнѣ больно, мнѣ слишкомъ больно.
Ты слышишь —я закричу?

И разнимаются руки,
Освобождаешься ты...
Въ твои невѣрныя муки,
Въ безжалостныя мечты,

Въ сомнѣнье — въ твое сомнѣнье,
Въ безрадостный хаосъ твой
— Безъ гордости, безъ сожалѣнья,
Какъ въ омутъ. Внизъ головой.

Юрій Мандельштамъ.

Не плачь, не плачь, всё это сонъ и бредъ
И ты, и я и этотъ тусклый свѣтъ.

И этотъ тѣсный домъ и этотъ низкій сводъ,
Толкни его рукой — онъ поплыветъ.

Онъ поплыветъ и сгинетъ безъ слѣда,
Мгновенно, безъ усилія, навсегда.

Не плачь, не плачь, не страшень душный плѣнь
Колеблющихся и прозрачныхъ стѣнь.

Влад. Смоленскій.

Въ тревогѣ неустанной и трудѣ,
Въ огнѣ закатовъ, звѣздъ и вдохновеній,
Такъ, не приткнувшись ни къ чему, нигдѣ,
Перегорая позднимъ сожалѣньемъ...

По совѣсти — такъ беспощадно жить
И все же ничему не научиться.
Мянутся дни, мелькаютъ сны и лица
И памятью себя не закрѣпить.

И развѣ погибающихъ не жаль?
И развѣ сомнѣваться непристойно?
— Такъ въ темномъ сердцѣ, мудро и спокойно,
Сквозь жизнь нести высокую печаль.

Юрій Софіевъ.

Одиночество каждой души,
Кто охватить тебя и измерить?
Дни несутся — шальные стрижи, —
Въ чемъ нибудь торопясь разувѣрить.

И въ нелѣпой дневной суетѣ,
Гдѣ послѣднія гибнуть игрушки,
Только плачь измѣнившихъ мечтѣ,
Причитанье убогой старушки.

Дологъ день на холодной землѣ,
Страшенъ день на безумье похожій,
Гдѣ же отдыхъ блаженный въ теплѣ,
Гдѣ же, ночь, твое тихое ложе?

Е. Тауберъ.

Изъ воспоминаній

XV.

ДЯДЯ СЕРЕЖА.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія изъ Крыма, пріѣхалъ дядя Сережа повидаться съ отцемъ. Онъ бывалъ очень рѣдко въ Ясной Полянѣ, особенно за послѣднее время и было странно видѣть его внѣ Пирогова въ чуждой ему обстановкѣ. Здѣсь не было и слѣда обычной его суровости, неприступности, онъ казался растроганнымъ, размягченнымъ. Такъ на него подѣйствовала радость свиданія съ братомъ, котораго онъ не чаялъ увидѣть послѣ его тяжелой крымской болѣзни.

Свиданіе было необычайно трогательное. Старики старались избѣгать спорныхъ вопросовъ, на которыхъ они могли бы столкнуться. Отецъ рассказывалъ дядѣ Сережѣ о своихъ литературныхъ планахъ и Сергѣй Николаевичъ внимательно выслушивалъ ихъ, хотя многому и не могъ сочувствовать по своимъ убѣжденіямъ. Утромъ они вмѣстѣ пили кофе въ кабинетѣ у отца. Обычно никто не входилъ въ кабинетъ въ это время, такъ какъ отецъ за кофеемъ уже начиналъ свои занятія: просматривалъ почту, обдумывалъ предстоящую работу. Отецъ нѣжно заботился о дядѣ Сережѣ, спрашивалъ, не усталъ ли онъ, не хочетъ ли отдохнуть, угощалъ, выбирая для него мягкія, по зубамъ, яблоки. И такъ странно и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково звучали уменьшительныя имена: «Левочка, Сережа» въ устахъ этихъ семидесятипятилѣтнихъ стариковъ. Старость сдѣлала обоихъ братьевъ похожими другъ на друга. То же спокойствіе, благообразіе, благородство старыхъ аристократовъ, та же манера охватъ, громко зѣвать такъ, что всѣ въ домѣ вздрагивали.

— Ооохъ, ооохъ, оохъ! — вдругъ слышались страшные не то крики, не то вздохи изъ кабинета.

— Что это? Кто кричить? Левъ Николаевичъ, ему плохо? — со страхомъ спрашивали новые, непривычные люди.

— Нѣтъ, — отвѣчали мы со смѣхомъ: — это Левъ Николаевичъ зѣваетъ.

Семейный укладъ дядя Сережи былъ совершенно особенный. Его жена, цыганка, кроткая Марія Михайловна и три дочери: Вѣра, Варя и Маша трепетали передъ нимъ. Въ домѣ всегда была тишина. Иногда дядя Сережа, вспоминая что нибудь неприятное или чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, начиналъ громко кричать у себя въ кабинетъ:

— Ааааа!

Жена и дочери пугались еще больше и совсѣмъ затаились.

Сына Сергѣя Николаевича Григорія Сергѣевича я никогда въ жизни не видѣла. Говорили, что онъ поссорился съ отцемъ, женился противъ его воли и жилъ гдѣ-то въ Орлѣ. Всѣ три дочери были дружны съ моими сестрами и находились подъ вліяніемъ моего отца. Дядя Сережа далъ имъ хорошее домашнее образованіе: онѣ прекрасно знали языки и между собой почти всегда говорили по французски. Жили онѣ очень просто, сами все на себя дѣлали: стирали, убирали свои комнаты, работали на огородѣ, доили коровъ. Зимой онѣ учили ребятъ грамотѣ, чѣмъ могли помогали крестьянамъ. Все это онѣ дѣлали тихо, незамѣтно, зная, что этимъ вызываютъ недовольство отца. Въ этой дѣятельности онѣ, повидимому, старались найти смыслъ жизни.

Странныя бывали у нихъ фантазіи. Помню, пріѣхала я въ Пирогово. Вѣра и Варя въ заднихъ комнатахъ учатъ ребятъ.

— У насъ урокъ англійскаго языка, — сказала мнѣ Вѣрочка.

— Англійскаго языка? — удивилась я: — а зачѣмъ имъ англійскій, когда они по-русски-то какъ слѣдуетъ не знаютъ.

— Да захотѣлось имъ, — кротко сказала мнѣ Вѣра, — вотъ я ихъ и учу.

Всѣ три сестры говорили тихими голосами, точно извинялись въ томъ, что онѣ вообще рѣшались говорить. А Вѣрочка, когда смѣялась, всегда конфузилась и закрывала ротъ рукой.

— Знаешь, я вотъ этому мальчику объясняю слово по-англійски, — и она ласково положила руку на голову одному изъ ребятъ, — а онъ мнѣ и говоритъ: «ловко, старая псовка!» Каковъ, а?

Жили мои двоюродныя сестры замкнуто, никого не видали, общались только съ крестьянами, рабочими, людьми гораздо ниже ихъ по развитію. Всѣхъ сосѣдей постепенно дядя Сережа отвадилъ. Онъ былъ нетерпимъ, не выносилъ пустоты, пошлости. Помѣщики, жившіе по близости Пирогова, казались ему неинтересными, мало образованными. Одинъ изъ сосѣдей — молодой человекъ былъ страстно влюбленъ въ младшую дочь Сергѣя Николаевича — Машу. А Маша, тихая, маленькая съ черными волнистыми волосами, похожая на цыганку, робѣла передъ своимъ отцемъ и не знала, какъ ей отнестись къ ухаживаніямъ.

— Dites donc, — говорила она, — ça ne fait rien, que Сергѣй Васильевичъ dit «собака брешеть»?

Сергѣй Васильевичъ Бибииковъ — высокий, статный человекъ съ длинными, красиво загнутыми усами былъ дворянинъ-помѣщикъ, страстный охотникъ, лошажникъ, но человекъ съ малымъ образованіемъ. Дядя Сережа считалъ его недостойнымъ своей дочери. Двери пироговскаго дома были для него закрыты, но онъ старался гдѣ могъ увидѣться съ Машей, появляясь передъ ней верхомъ то въ полѣ, то въ лѣсу, и всячески добиваясь ея любви.

Пирогово находилось отъ Ясной Поляны въ 35 верстахъ, а мѣстность была уже совсѣмъ другая. Уже за нѣсколько верстъ отъ Ясной Поляны кончались лѣса и начинались степи. У насъ крестьяне были избалованные, давно отвыкшіе отъ домотканной одежды, шитыхъ рубахъ, паневъ, въ Пироговѣ же можно было еще увидѣть, особенно на старухахъ, старинный крестьянскій нарядъ. Въ Ясной Полянѣ крестьяне извозничали, уходили на заработки въ городъ на фабрики, заводы. Плохая земля, малые надѣлы не могли прокормить семью. Въ Пироговѣ была прекрасная земля — черноземъ и крестьяне жили главнымъ образомъ замедѣліемъ. Самая лучшая ржаная мука шла на тульскій базаръ изъ этихъ мѣстъ. Яснополянскіе крестьяне съ презрѣніемъ говорили про пироговскихъ: «ну, степные, что они понимаютъ». «Балованные, подгородніе», — въ свою очередь отзывались пироговскіе о нашихъ крестьянахъ.

Бывало, ѣдешь изъ Ясной Поляны въ Пирогово часа три на лошадахъ (на поѣздѣ ѣздить не было смысла, такъ какъ Пирогово находилось въ семнадцати верстахъ отъ станции. Дорога шла почти все время большакомъ, безконечными полями, названія деревень странныя, особенно дальше — въ степь: «Коровьи Хвосты», «Иконскіе Выселки». А около самогго Пирогова хуторъ тети Маши совсѣмъ чудно назывался: «Порточки». Мы, бывало, покитываемся со смѣха, когда спросишь мужиковъ: «Откуда вы?» А они отвѣчаютъ: «Да изъ графскихъ Порточковъ». Пирогово было видно еще издали. Оно стояло высоко на бугрѣ. На фонѣ темной густой зелени рѣзко выдѣлялась бѣлая, старинная церковь. А внизу по громадному лугу безконечными петлями вилась рѣка Упа. По обѣимъ сторонамъ рѣки на крутыхъ обрывахъ раскинулось село, съ правой стороны маленькая усадьба сестры Маши, а съ лѣвой въ зелени, за церковью «большое», какъ мы его называли, Пирогово.

Домъ былъ старый, растянутый, съ большой оранжереей, гдѣ всегда при дядѣ Сережѣ было много цвѣтовъ. Мебель старинная, пожухлая отъ времени, съ потертой обивкой, большей частью еще принадлежавшая Николаю Ильичу Толстому. А около дома небольшою, но старый запущенный паркъ. Нѣкоторыя аллеи такъ заросли, что въ нихъ почти не проникало солнце, было свѣжо и пахло сыростью. Иныя были обложены по краямъ волчьими костями, что въ дѣтствѣ производило на меня страшное впечатлѣніе. Жутко становилось, когда я представляла себѣ всѣхъ этихъ звѣрей, убитыхъ дядей Сережей на охотѣ.

Не знаю почему, но дядя Сережа былъ всегда со мною ласковъ и я не боялась его. Когда я пріѣзжала, онъ спрашивалъ меня объ отцѣ, интересуясь мельчайшими подробностями его жизни. Я должна была ему рассказывать, что отецъ писалъ, кто у него бывалъ, въ какомъ онъ настроеніи.

А вечеромъ, когда въ старой, уютной гостиной зажигалась керосиновая лампа съ большимъ темнымъ абажуромъ, неслышными шагами въ мягкихъ, прюнелевыхъ туфляхъ ко мнѣ подходила маленькая сморщенная старушка, въ черномъ повойничкѣ и черномъ платьѣ и, улыбаясь уголками беззубаго рта, говорила:

— Ну, чудесенькая моя (это было ея любимое слово — чудесно, чудесенькій), спой что-нибудь.

Я косилась въ сторону дяди Сережи.

— Сергѣй Николаевичъ будетъ радъ, — говорила она, кивая головой.

— Спой, Александра Львовна, «Шэль мэ верста» *).

— Спой, спой, — говорилъ Сергѣй Николаевичъ, улыбаясь.

Тогда я подходила къ роялю и пѣла, а старушка стояла около меня, улыбаясь и шепотомъ повторяя за мной цыганскія слова.

— Тетя Маша, — спрашивала я ее, упорно называя тетей, хотя она меня называла по имени и отчеству, — что значать эти цыганскія слова?

Она старалась припомнить, но не могла. За свою долгую жизнь съ дядей Сережей, она забыла свой родной языкъ.

— Не помню я, чудесненькая моя, не помню. Ты спой еще чтонибудь.

Говорили, что, когда она была молода, у нее былъ удивительный голосъ, нельзя было слушать ее безъ слезъ. Но при мнѣ она уже не пѣла.

Такъ шла жизнь въ Пироговѣ. Никто не ожидалъ событий, разыгравшихся здѣсь, менѣе всѣхъ ожидалъ ихъ дядя Сережа, для котораго не могло быть большаго униженія, чѣмъ то, что случилось.

Въ домѣ жилъ поваръ молодой, смазливый парень Володя, одинъ изъ тѣхъ, которые вырастаютъ и на многіе годы приживаются въ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Некрасивая, маленькая — почти карлица, съ длинной, толстой косой, Варя влюбилась въ повара.

Воспринявъ по своему ученію моего отца, она рѣшила, что поступаетъ по толстовски, не дѣлая различія между собой и поваромъ. Моя двоюродная сестра Елена Сергѣевна Денисенко **) рассказывала, что когда Варя совѣтовалась съ моимъ отцемъ по поводу своего замужества, она была поражена, что отецъ отнесся къ ея намѣренію строже, чѣмъ Сергѣй Николаевичъ, рѣзко осуждая ее не только потому, что это такъ огорчало дядю Сережу, сколько потому, что по мнѣнію отца не могло быть счаст-

*) Шэль мэ верста по-цыгански значить: нельзя сто верстъ.

**) Елена Сергѣевна Денисенко, урожденная Толстая, младшая дочь сестры Льва Николаевича Маріи Николаевны Толстой.

ливаго брака при разной степени развитія, отсутствія общихъ интересовъ.

Но Варя никого не послушалась и уѣхала изъ дома.

А черезъ нѣкоторое время разразилось второе несчастье.

Толстые почти каждое лѣто выписывали изъ Самарскихъ степей башкирцевъ, умѣвшихъ дѣлать кумысъ. Кумысъ былъ особенно полезенъ любимой дочери Сергѣя Николаевича Вѣрѣ, страдавшей малокровіемъ и имѣвшей склонность къ туберкулезу.

Башкирецъ былъ молодецъ, красивъ и Вѣра увлеклась имъ.

— Онъ такой хорошій былъ, — рассказывала она мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя. — Всѣ книги Льва Николаевича читалъ, о Богѣ, о душѣ со мной говорилъ. Я очень жалѣла его, потомъ полюбила. Какъ ты думаешь, Саша, — навивно спрашивала она меня, — я очень дурно поступила?

Вѣра уѣхала изъ дома съ башкирцемъ.

Дядя Сережа никому не жаловался, ни съ кѣмъ объ этомъ не говорилъ, но иногда въ опустѣвшемъ домѣ раздавались страшные крики:

— Ааааааа!

А маленькая, сморщенная старушка въ ужасѣ вскакивала, неслышными шагами подходила къ двери кабинета, крестилась и, не смѣя войти, снова уходила въ свою половину.

Старики поспѣшили дать свое согласіе на бракъ поспѣдней дочери съ Сергѣемъ Васильевичемъ Бибиковымъ.

Варя поселилась въ уѣздномъ городишкѣ съ своимъ поваромъ. Говорили, что онъ на ея деньги открылъ торговлю, сталъ пьянствовать и жестоко билъ свою крошечную жену. Затѣмъ пошли дѣти, поваръ ее бросилъ. Во время революціи она умерла гдѣ-то въ глуши — одинокая, несчастная, оставивъ нѣсколько человекъ дѣтей.

Въ Пироговѣ стало еще мрачнѣе. Дядя Сережа молчалъ и только кричалъ, сидя у себя въ кабинетѣ. А Марія Михайловна не жаловалась, не осуждала своихъ дочерей и не то со страданіемъ, не то съ недоумѣніемъ спрашивала, когда пріѣзжала:

— Каково, а? Варя то, Варя... А Вѣрочка, Вѣрочка каково, а?

И слезы наворачивались у нея на глаза.

А черезъ годъ Вѣрочка вернулась, и въ самой дальней

отъ дяди Сережи комнатѣ появился маленькій, желтолицый, съ косыми глазенками мальчикъ — Миша. Дядя Сережа простилъ дочь, но не желалъ видѣть внука.

Въ 1904 году дядя Сережа умеръ. У него сдѣлался ракъ на языкѣ. Онъ страдалъ ужасно. За нимъ ухаживали Вѣрочка и Марія Михайловна. Отецъ ѣздилъ къ нему въ Пирогово и возвращался разстроенный, огорченный...

17-го августа отецъ записываетъ въ дневникѣ:

«Пирогово. Три дня здѣсь. У Сережи было очень тяжело. Онъ жестоко страдаетъ и физически и нравственно; не смиряясь *)».

Дядя Сережа не могъ примириться съ страданіями, съ неизбежностью смерти, ропталъ на судьбу, не находя душевнаго успокоенія. Марія Михайловна страдала за него, думала, что исповѣдь и причастіе могли бы облегчить его, но, зная его отвращеніе къ священникамъ, не рѣшилась позвать батюшку. Отецъ помогъ ей. Онъ предложилъ дядѣ Сережѣ исповѣдоваться, дядя Сережа согласился. Марія Михайловна успокоилась, да и отецъ былъ радъ, онъ надѣялся, что хоть священникъ поможетъ Сергѣю Николаевичу подготовиться къ смерти.

Когда дядя Сережа умеръ, старушка Марія Михайловна осталась въ Пироговѣ съ Вѣрочкой. Она нашла утѣшеніе въ своемъ внука Мишѣ — желтолицомъ звѣренушѣ, который смотрѣлъ исподлобья, ни съ кѣмъ кромѣ матери и бабушки не разговаривалъ, всѣхъ дичился. Когда онъ подросъ и его стали учить грамотѣ, онъ все пытался писать слѣва направо — по-восточному.

Иногда лѣтомъ пріѣзжала Варя съ своими дѣтьми и жена Григорія Сергѣевича съ семьей.

Во время революціи, когда громили помѣщичьи усадьбы, Вѣру предупредили, что мужики собираются громить Пирогово. Взявъ съ собой самое необходимое, ночью, съ совсѣмъ уже дряхлой Маріей Михайловной и Мишей, Вѣра, покинувъ навсегда свое старое гнѣздо, спряталась у священника. Оттуда на тряской телѣгѣ крестьянинъ отвезъ ихъ за пятьдесятъ верстъ въ городъ Тулу. Отѣхавши нѣсколько верстъ они увидали на небѣ громадное зарево. Горѣло Пирогово.

Старинныя вещи Толстыхъ крестьяне растащили по домамъ, среди нихъ погибли старинныя клавикорды, на

*) Архивъ Толстовскаго Музея.

которыхъ когда-то играла Марія Николаевна — мать отца.

Марія Михайловна послѣ путешествія въ Тулу на тряской телѣгѣ заболѣла и умерла.

Вѣрочка многіе годы скиталась по югу Россіи, испытывая нужду, голодь, холодъ. Миша, такой же слабый и больной, какъ и его мать, вынужденъ былъ работать на заводѣ простымъ слесаремъ. Измученные, худые, въ старыхъ, изношенныхъ одеждахъ они наконецъ попали въ Ясную Поляну. Миша опять поступилъ на заводъ около Тулы, но у него сдѣлалось кровохарканье, онъ слегъ и вскорѣ умеръ. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ туберкулеза въ больницѣ умерла его мать.

Отъ всей семьи осталась въ живыхъ одна Марія Сергѣевна. Мужъ ея умеръ, а она, получивъ крестьянскій наѣлъ, работаетъ на немъ вмѣстѣ со своими дѣтьми.

XVI.

ОПЯТЬ ДОМА.

Отецъ видимо поправлялся, но все еще было жутко за него. Малѣйшее недомоганіе, расстройство пищеваренія, затрудненное дыханіе — казались началомъ новой болѣзни. Мы хватали его за руку, считали пульсъ, онъ отмахивался, смѣялся, но все же терпѣливо переносилъ наши приставанія.

Повидимому, привычныя условія Ясной прекрасно на него подѣйствовали. Вызванные изъ Москвы врачи Щуровскій и Усовъ вмѣстѣ съ докторомъ Никитинымъ подтвердили, что лучшаго искать нечего, и надо оставаться въ Ясной Полянѣ, но совѣтовали отцу перейти наверхъ. Отецъ изъ «подъ сводовъ» переселился въ двѣ свѣтлыя комнаты рядомъ съ гостиной на солнечной сторонѣ. Въ первой комнатѣ ему устроили кабинетъ, во второй спальню.

Постепенно силы его прибывали. Онъ удлинял свои прогулки, пробовалъ дѣлать гимнастику. Помню, какъ въ первый разъ послѣ болѣзни, отецъ поѣхалъ верхомъ на только что купленной мною лошади. Онъ съ трудомъ подпять лѣвую ногу въ стремя, съ усиліемъ перекинулъ свое тѣло, лошадь загорячилась и онъ скрылся по «пришпек-

ту». Я не находила себѣ мѣста. Мнѣ все казалось, что отецъ не справится съ молодой, горячей лошадейю и я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія.

— А я на Козловкѣ былъ! — весело крикнулъ онъ мнѣ, подѣзжая къ дому.

И какъ только я увидала его, я поняла, что напрасно волновалась. Делиръ шелъ спокойнымъ, ровнымъ шагомъ. Казалось, что отецъ давно свыкся съ лошадейю, а она, почувствовавъ въ немъ хозяина, покорилась ему.

— Хорошъ твой Делиръ, — сказалъ отецъ, — и уменъ, и спокоенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ горячъ.

Я была рада, что лошадь ему понравилась и перестала на ней ѣздить, а отецъ свыкся съ ней, полюбилъ и до самыхъ послѣднихъ дней ѣздилъ на ней.

Мнѣ казалось, что обычное свойство отца — радоваться жизни, цвѣтамъ, деревьямъ, дѣтямъ, всему, что окружало его — усилилось въ немъ послѣ болѣзни. Какъ сейчасъ вижу, идетъ онъ изъ лѣса. Бѣлая блуза мѣшкомъ сидитъ на похудѣвшемъ тѣлѣ, воротникъ отсталъ, торчатъ ключицы, онъ идетъ безъ шляпы, пушатся на головѣ сѣдые, мягкіе волосы.

— Вотъ, посмотри, что я принесъ, — говоритъ онъ, весело улыбаясь.

Я заглядываю въ шляпу. Тамъ аккуратно на лопушкѣ положены нѣсколько грибовъ.

— Ты понюхай, понюхай, только, какъ они пахнутъ! Чудесно!

Я нюхаю грибы и мнѣ тоже дѣлается весело.

Можетъ быть радость возвращенія къ жизни вызвала въ немъ стремленіе къ художественному творчеству. Отецъ сталъ писать Хаджи Мурата. Мы съ Машей, часто бывавшей у насъ въ то время, радовались, но боялись это показать, чтобы не спугнуть настроеніе отца. Мы съ нетерпѣніемъ ждали каждую новую главу, выходящую изъ-подъ его пера. Я обижалась, что Маша и Коля рѣдко давали мнѣ переписывать Хаджи Мурата, а переписывали все сами.

Но отецъ не могъ удовлетворяться одной художественной работой. Послѣ статьи «Къ духовенству», онъ пишетъ полухудожественное произведеніе «Возстановленіе Ада», вызвавшее негодованіе моей матери.

— Вѣдь писалъ же Левъ Николаевичъ прекрасную вещь «Хаджи Мурата», — говорила она, — а теперь пи-

шесть зловную, отвратительную гадость... И къ чему это? Черти, адъ, всякая мерзость... Отвратительно...

Точку зрѣнія матери я не принимала, все, что отецъ писалъ, было прекрасно. Оно только раздѣлялось въ моемъ мозгу на болѣе интересное и менѣе интересное. Я огорчалась, казнила себя, но то, что все больше и больше интересовало его, иногда казалось мнѣ скучнымъ.

Въ ту пору отецъ изучалъ буддизмъ, магометанство, иудаизмъ и изъ всѣхъ вѣрованій выбиралъ то, что сходилось съ его міросозерцаніемъ.

— Въ какомъ прекрасномъ обществѣ я сегодня проведу вечеръ, — говорилъ онъ послѣ чтенія Канта, Шопенгауера, Монтеня и другихъ мыслителей.

У него образовался свой кругъ чтенія — собраніе книгъ, дававшихъ ему духовную пищу, и онъ все чаще и чаще сталъ задумываться, какимъ образомъ сдѣлать это чтеніе наиболѣе доступнымъ широкимъ массамъ.

Иногда по утрамъ, отрывая листочки календаря, онъ возмущался плохимъ выборомъ и случайностью попадавшихся въ немъ изреченій. Можетъ быть это и дало ему мысль составить нѣчто вродѣ календаря съ изреченіями «Мысли мудрыхъ людей». Какъ драгоценные камни онъ искалъ изреченія въ массѣ окружавшихъ его книгъ, низывая ихъ одно на другое въ стройной послѣдовательности. Эта книга положила начало составленію цѣлаго ряда сборниковъ — ими отецъ занимался до конца своей жизни.

А какая была радость, когда Иванъ Ивановичъ Горбуновъ прислалъ первые именные экземпляры «Мыслей мудрыхъ людей». Отецъ не могъ налюбоваться ими, всѣмъ показывалъ, читалъ вслухъ. Я не помню, чтобы какая нибудь книга доставляла ему такое удовольствіе. Иногда онъ наобумъ открывалъ страницу и говорилъ:

— Ну, Саша, я загадываю, это вотъ тебѣ!

И если содержаніе оказывалось подходящимъ, онъ радовался.

Въ это время одно событіе нарушило спокойное теченіе нашей жизни.

Вечеромъ сидѣли въ залѣ, пили чай. Чувствовался запахъ дыма. Сначала думали, что подали самоваръ съ угаромъ, позвали лакея, онъ вынесъ, продулъ, но въ самоварѣ ничего не оказалось. Осмотрѣли всѣ печи, но и здѣсь ничего не нашли и рѣшили, что дворникъ напустилъ ды-

ма, когда ставилъ самоваръ. На этомъ всё успокоились и собрались расходиться спать. Только одна мама волновалась и бѣжала по дому, ища причины запаха. Наконецъ, она открыла дверь на чердакъ и громко вскрикнула — оттуда повалилъ густой дымъ.

— Пожаръ! закричала она: — Саша! Скорѣй прикащика, рабочихъ!

Я не дослушала и уже бѣжала, сломя голову, по направлению къ дворѣ. Прикащикъ Петръ Алексѣевичъ спалъ. Мой стукъ разбудилъ его. Онъ выскочилъ сонный, накинувъ поддевку.

— Скорѣй! Скорѣй! Большой домъ горитъ! — крикнула я и помчалась къ рабочимъ.

Когда я прибѣжала домой, здѣсь уже ведрами таскали воду на чердакъ. По лѣстницѣ установилась цѣпь. Двѣ бочки стали подвозить воду изъ пруда. Пожарной машины въ Ясной Полянѣ не было. Горѣла толстая, дубовая балка надъ кабинетомъ отца. Пожаръ затушили, двое рабочихъ остались на ночь дежурить на чердакѣ. Оказалось, что въ бороздѣ вывалился кирпичъ, балка постепенно обугливалась и наконецъ вспыхнула. Если бы мама не выяснила причину пожара, ночью надъ головой отца могъ рухнуть потолокъ.

Въ то время, какъ отецъ не переставая находилъ все новые интересы, часто повторяя, что у него не хватитъ жизни, чтобы все успѣть сдѣлать, мама томилась. Она сама писала про себя въ записной книжкѣ: «Живу безъ жизни». Все, что волновало отца, было ей чуждо, его новое увлеченіе сборниками не интересовало ее, хотя она и любила цитировать два-три изреченія Сенеки и Спинозы.

Тѣмъ не менѣе, мама была все время занята. Когда въ залѣ накапливалось много книгъ, присылаемыхъ отцу авторами и издателями, мама съ Юліей Ивановной или съ Абрикосовымъ *), часто бывавшимъ въ то время въ нашемъ домѣ, убирала ихъ въ шкапы, записывала въ составленный ею каталогъ, разставляла по полкамъ. Она собирала вырѣзки изъ газетъ, наклеивала ихъ въ особыя книги **), иногда съ увлеченіемъ занималась фотографіей, снимала, сама проявляла, копировала.

*) Хрисанфъ Николаевичъ Абрикосовъ, единомышленникъ отца.

**) Въ дѣлѣ сохраненія реликвій, рукописей и книгъ мать сдѣлала очень много. Ея ежедневныя записныя книжки, каталоги, даютъ изслѣдователямъ цѣнный матеріалъ.

Иногда, не зная куда дѣвать накопившуюся энергію и, несмотря на то, что къ этому былъ приставленъ садовникъ и около дома всегда околачивались десятки поденныхъ, мама сама собирала въ маленькія кучки соръ, окурки, кусочки бумаги и затѣмъ все это сжигала. У нея въ комнатѣ были всѣ садовые инструменты: маленькая англійская лопата, коса съ брускомъ, грабли, молотокъ, гвозди, секатеръ, пила. Лѣтомъ, когда около дома разрослась крапива и лопухъ, мама выкашивала ихъ. Осенью и весной она вырѣзала сушь въ сирени, въ акаціи. Она любила красить садовые столы, скамейки, умывальники въ домѣ.

Энергія у мама была громадная. Она не могла оставаться бездѣятельной. Одно время она цѣлыми днями училась печатать на машинкѣ. Также неожиданно она вдругъ увлеклась живописью, писала копии портретовъ предковъ, отца, начала писать мой портретъ. Живопись смѣнилась писательствомъ. Въ «Жизни для Всѣхъ» появилось стихотвореніе въ прозѣ «Стонъ», авторомъ котораго была моя мать. Но главнымъ ея увлеченіемъ была музыка. Мало того, что она часами играла гаммы, экзерсисы Ганона, она пробовала разучивать то, что игралъ въ концертахъ Танъевъ: Бетховена, Моцарта, Мендельсона. Она играла пьесы съ начала до конца безконечное число разъ, неизмѣнно дѣлая однѣ и тѣ же ошибки, громко стуча по клавишамъ плохо гнущимися пальцами.

Кто бы ни пріѣзжалъ хоть немного играющій на фортепьяно, она сейчасъ же просила его доиграть съ ней въ четыре руки. Мѣсто достоинства гостя измѣнялось тѣмъ, играетъ ли онъ на фортепьяно.

Къ намъ пріѣзжала тульская барышня Надичка Иванова— дочь сѣраго купца, давшего своей единственной дочери гимназическое образованіе. У Ивановыхъ былъ домъ на Кіевской улицѣ, бакалейная лавка и небольшою вонючій дворъ, гдѣ останавливались наши лошади.

Надичка, хлебнувши образованія, какъ къ солнцу тянулась къ нашему дому. Но какъ человѣкъ недалекій, она безъ разбора хватала все, что ей попадалось подъ руку. Съ жадностью читала газеты, журналы, Шопенгауера, Маркса, Энгельса, Мечникова, Толстого, Розанова, Канта...

Всю эту разнообразную пищу она не могла переварить, металась изъ стороны въ сторону, ища примѣненія своей «образованности». Метнулась въ сторону толстов-

ства, чуть было не увлеклась социализмомъ, но и въ томъ и въ другомъ разочаровалась. Родные сватали ее за богатыхъ купцовъ, но она съ негодованіемъ отвергала безграмотныхъ претендентовъ. Наконецъ, Надичка нашла свое призваніе. Не имѣя музыкальныхъ способностей, съ посредственнымъ слухомъ, Надичка вдругъ съ необычайной страстью принялась за музыку. Она купила себѣ рояль, тратила деньги на учителей, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ безнадёжно барабанила по клавишамъ и, наконецъ, стала преподавательницей музыки.

Посѣщенія Надички участились. Изъ залы громко раздавались звуки того, что должно было быть Гайдномъ, Моцартомъ, Брамсомъ. Обѣ близорукія, близко придвинувъ поупитръ, мама и Надя съ жаромъ цѣлыми вечерами, безжалостно нажимая правую педаль играли въ четыре руки. Иногда Надичку замѣняла Наташа Сухотина. Меня раздражала эта музыка, я не могла ее выносить. Часто играющія развѣзжались, нѣсколько тактовъ играли врозь, о чемъ спохватывались къ концу страницы. Я уходила переписывать внизъ въ свою угловую комнату и съ ужасомъ думала, что отецъ вынужденъ выслушивать часами эти концерты.

Часто мама уѣзжала въ Москву и, когда она возвращалась оттуда веселая, оживленная, полная впечатлѣній отъ концертовъ, встрѣчь съ родными и знакомыми, меня охватывало состояніе тоски и раздраженія, мучившее меня въ дѣтствѣ.

Временами со свойственной ей энергіей мама принималась за хозяйство. Но она не понимала, не знала этого дѣла и не могла его дѣлать хорошо. Вниманіе ея не было обращено на существенныя стороны, а лишь на мелочи. Бабы, несущія траву черезъ усадьбу, старуха, волокающая сухой сукъ изъ барскаго лѣса, сердили ее, но она не видѣла воровства прикащика, садовника, не замѣчала безпорядка.

Помню ужасный случай, происшедшій отъ безхозяйственности. Съ незапамятныхъ временъ въ Ясной Полянѣ брали песокъ изъ такъ называемой Песочной ямы — бугра въ полуверстѣ отъ усадьбы, гдѣ имѣются залежи прекрасной глины и песка. Говорили, что при отиѣ раздѣлялись правильные карьеры, откуда можно было легко безъ риска доставать песокъ. Но прикащики объ этомъ не заботились, хотя положили съ мужиковъ по 10 копѣ-

екъ съ воза. Песокъ брали, копая ямы какъ попало. И вотъ, на глазахъ у нашего старосты Адриана Павловича засыпало крестьянина Семена Владимірова. Онъ подкопался глубоко, яма стала осыпаться, ему прихватило ноги. Онъ кричалъ, просилъ помощи, но сынъ Семена и Адрианъ Павловичъ подбѣжали, когда его засыпало по поясъ. Они хотѣли бросить ему веревку, но почувствовали, какъ изъ подъ ихъ ногъ поплылъ песокъ и отскочили. Они видѣли, какъ его постепенно засыпало и яма сравнялась.

— Его уже не видать, — говорилъ Адрианъ Павловичъ, — а все слышно, какъ онъ изъ-подъ песка кричитъ.

Прибѣжали на усадьбу сказать о несчастьѣ. Всѣ кинулись на «Песочную». Я рѣдко видѣла отца такимъ разстроеннымъ. вмѣстѣ съ рабочими онъ откапывалъ Семена.

— Нельзя, нельзя такія вещи дѣлать, — говорилъ онъ мама, — если имѣешь хозяйство, надо вести его хорошо или совсѣмъ отъ него отказаться!

Это былъ единственный разъ, на моей памяти, что отецъ вмѣшался въ хозяйственныя дѣла. Онъ нанялъ копачей, показалъ, какъ надо открыть карьеръ и съ тѣхъ поръ часто заходилъ на «Песочную яму» — и смотрѣлъ, правильно ли берутъ песокъ.

Мать считала, что самымъ главнымъ дѣломъ ея жизни была забота объ отцѣ. Чувствуя внутренній разладъ между собой и отцемъ, она, какъ утопающій за соломинку, хваталась за внѣшнюю заботу о немъ. Радовалась на шапочку, которую ему вязала, на хорошо сшитую ею блузу. Этимъ она утѣшалась, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что никакая забота не могла искупить моральныхъ страданій отца. Она искренно вѣрила, что отецъ погибъ бы, если не подливать ему въ супъ мясного бульона, если во время болѣзни она не дежурила бы около него, не обдумывала такъ тщательно его одежду, питаніе.

— Левска, не пей такъ много кваса, — постоянно говорила мать, отстраняя отъ отца кувшинъ, — опять у тебя сдѣлается отравленіе кишечнымъ ядомъ...

— Левочка, надѣнь теплсе пальто, сегодня очень холодно!..

Иногда отецъ молча покорялся, иногда съ досадою говорилъ:

— Ахъ, оставь, пожалуйста, Соня, я знаю..

«РАДОСТЬ СОВЕРШЕННАЯ».

XVII.

Мне кажется, что Маша была единственнымъ человекомъ въ семьѣ, для котораго воля отца была священна. Можетъ быть именно поэтому у нея съ матерью сложились тяжелыя отношенія.

Много лѣтъ спустя, когда мнѣ, пришлось исполнять волю отца по его духовному завѣщанію, много горькихъ словъ и обиды вытерпѣть отъ семьи, я часто вспоминала Машу и думала о томъ, насколько было бы легче, если бы она была жива.

И несмотря на то, что она не одобряла моего легкомыслія, считала, что я недостаточно прониклась взглядами отца, въ глубинѣ души она чувствовала, что моя привязанность къ нему съ годами дѣлается все сильнѣе и глубже и многое прощала мнѣ за это.

Та трещина, которую я смутно ощущала въ отношеніяхъ родителей, сдѣлалась для меня реальной послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ Машей и съ годами я стала все больше и больше понимать глубину раздѣлявшей ихъ пропасти.

Какъ сейчасъ помню, Маша окликнула меня въ гостиной. Она была разстроена, взволнована и сказала мнѣ, что мама пишетъ дневники заднимъ числомъ, пользуясь дневникомъ отца, истолковывая событія, настроенія отца по своему.

Я не сразу поняла ее.

— Зачѣмъ? — наивно спросила я.

— Вотъ въ этомъ то и дѣло. Зачѣмъ? А затѣмъ, что бы люди, читая эти дневники, считали отца злодѣемъ. Эгоистомъ по отношенію къ маме, на которую онъ навалилъ тяжесть всѣхъ дѣлъ, хозяйства, семьи.. А мама мученица.

— Надо какънибудь помѣшать этому! — съ жаромъ воскликнула я, — нельзя же этого допускать...

— Ну, какъ ты этому помѣшаешь? — грустно улыбнулась Маша, — надо только намъ съ тобой помнить, что не все вѣрно въ этихъ записяхъ .

Я этого никогда не забывала. И когда мама заговаривала о своих писаниях: дневникахъ, «Исторіи моей жизни», я холодно и враждебно молчала. А она часто говорила о томъ, что ей надо оправдаться передъ будущимъ поколѣніемъ, что она положить свои дневники въ Румянцевскій музей съ тѣмъ, чтобы ихъ напечатали черезъ 50 лѣтъ послѣ ея смерти и тогда люди увидятъ, какъ она страдала и какъ отецъ былъ жестокъ и несправедливъ по отношенію къ ней.

Несмотря на то, а можетъ быть именно потому, что мама постоянно повторяла, что надо все сохранить, записать, что все это будетъ впоследствии интересно и огромное значение приписывала тому, что будетъ говорить и думать будущее поколѣніе, меня ужасно раздражала мысль объ этомъ будущемъ поколѣніи и я писала дневникъ только тогда, когда меня что нибудь сильно задевало или когда я бывала влюблена.

Теперь я чувствую себя виноватой передъ памятью отца.

Въ другой разъ Маша съ таинственнымъ видомъ позвала меня въ отцовскій кабинетъ.

— Вотъ подъ этимъ кресломъ, — сказала она, — видишь, подкладка у него оторвана, лежитъ письмо. Папа просилъ въ случаѣ чего (Маша не сказала чего) передать его дядѣ Сережѣ. Если насъ съ Колей здѣсь не будетъ, сдѣлай это!

— А кому письмо? — спросила я, проникаясь важностью и таинственностью возложеннаго на меня порученія.

— Не знаю.

Любознательство разбирало меня, но я не смѣла больше спрашивать, да, возможно, что Маша и сама не знала, что лежало въ рваной подкладкѣ стараго кресла.

Когда Маши не было уже въ живыхъ, Оболенскій напомнилъ отцу про письмо, узнавъ, что мама собирается перебивать кресла въ кабинетъ. Отецъ досталъ письма, ихъ оказалось два, и передалъ Колѣ, прося сохранить у себя и послѣ его смерти передать маме.

Оболенскій такъ и сдѣлалъ. Онъ разсказалъ, что прочитавъ одно письмо, мама немедленно изорвала его на мелкіе клочки. Содержаніе второго письма я узнала гораздо позднѣе. Я и не подозрѣвала тогда, что отецъ былъ такъ близокъ къ мысли объ уходѣ.

Привожу его ниже:

«Дорогая Соня!

Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могу; уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они были малы, хотя того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же жить такъ, какъ я жилъ шестнадесятъ лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окружень, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать, — уйти: во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія, и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое въ домѣ уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе. Главное же то, что, какъ индусы подъ шестьдесятъ лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному челоуѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой семидесятый годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть неполнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни со своими вѣрованіями, со своей совѣстью. Если бы открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, жалобы, и я ослабѣлъ бы, можетъ быть и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больно, въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня, и не сѣтуй на меня, и не осуждай меня.

То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой, я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а напротивъ съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя тридцать пять лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, со свойственнымъ твоей натурѣ мате-

ринскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала и міру то, что могла дать; дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣдній періодъ нашей жизни — въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что виновать, потому что знаю, что измѣнился я не для себя, не для людей, а потому, что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю тебя и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ.

Прощай, дорогая Соня. Любящій тебя Левъ Толстой.
8 іюля 1897 года».

А нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ пишетъ сестрѣ Танѣ: «Ты пишешь о моемъ непріѣздѣ въ Москву. Я думаю объ этомъ каждый день разъ сто, и подолгу, и не могу рѣшить. Вхвать на мученія, недостойную и праздную жизнь, бросивъ свое плодотворное уединеніе, когда мнѣ такъ мало остается жить и работать, есть нѣкотораго рода духовное самоубійство, и зачѣмъ?»

А между тѣмъ я знаю, что мама отъ этого страдаетъ и мнѣ хотѣлось бы помочь ей. Но пріѣхавъ, я знаю, что ей я не помогу, она какъ нибудь иначе будетъ страдать, а себѣ, того, что во мнѣ не мое — поврежу. Постоянно думаю и желаю рѣшить не для себя, а передъ Богомъ» *)

Я знала, что у родителей было много причинъ для раздоровъ: наше воспитаніе, жизнь въ Москвѣ, роскошь, но чаще всего ссоры происходили изъ за правъ на сочиненія.

Еще подросткомъ я помню, какъ отецъ передалъ права напечатанія «Хозяина и Работника» въ «Вѣстникъ Европы» и какъ мама сердилась, плакала, упрекала его. Мнѣ тогда казалось, что во всемъ виновата Л. Я. Гуревичъ, про которую мама говорила, что она «нахальная еврейка», сумѣвшая выпросить у отца разсказъ.

Въ 1895 году отецъ написалъ нѣчто вродѣ завѣщанія въ дневникѣ, гдѣ онъ просилъ своихъ дѣтей и жену передать его сочиненія въ общее пользованіе. «То, что мои сочиненія продавались эти послѣднія десять лѣтъ, было для меня самымъ тяжелымъ дѣломъ», писалъ онъ.

Маша сняла три копии съ этого завѣщанія. Одну дала отцу подписать и оставила у себя, а двѣ другія отдала Сережѣ и Черткову на храненіе.

*) П. И. Бирюковъ. Біографія IV т

Объ этомъ завѣщаніи узналъ Илья и разскалъ матери.

Весь гнѣвъ мама обрушился на Машу. Она называла ее лживой, неискренней, обвиняла въ томъ, что она исподтишка дала отцу подписать бумагу.

Маша сдерживалась, старалась объяснить, что бумага, о которой шла рѣчь, не имѣла юридическаго характера, что волю отца знала вся семья, но мама не слушала ее и продолжала кричать. Она вспомнила о томъ, что Маша, отказавшись отъ имущества, снова взяла свою часть, чтобы кормить мужа голоштанника, упрекала ее въ фарисействѣ...

Отъ Маши мама побѣжала къ отцу. Между ними произошла бурная сцена. Повидимому, отецъ не соглашался уничтожить бумагу, потому что мама продолжала волноваться, кричала, плакала, грозила убить себя.

У отца сдѣлались перебои сердца. Маша, зная, что мама не перестанетъ мучить его пока не добьется своего, испугалась за его здоровье и отдала матери завѣщаніе.

Въ дневникѣ отъ 10 октября 1909 года мать даетъ такое объясненіе этому событію:

«Когда произошелъ раздѣлъ имущества въ семьѣ нашей по желанію и распредѣленію Льва Никола-а, дочь Маша, тогда уже совершеннолѣтняя, — отказалась отъ участія въ наслѣдствѣ родителей, какъ въ настоящее, такъ и въ будущее время. Зная ея неправдивую и ломаную натуру, я ей не повѣрила, взяла ея часть на свое имя и написала на этотъ капиталъ завѣщаніе въ ея пользу. Но смерти моей не произошло, а Маша вышла замужъ за нищего — Оболенскаго и взяла свою часть, чтобы содержать его и себя. Не имѣя никакихъ правъ на будущее время, она, почему то тайно отъ меня, переписала изъ дневника своего отца 1895 года цѣлый рядъ его желаній послѣ его смерти. Тамъ, между прочимъ, написано, что онъ страдалъ отъ продажи своихъ сочиненій и желалъ бы, чтобы семья не продавала ихъ и послѣ его смерти. Когда Л. Н. былъ опасно боленъ въ іюль прошлаго, 1901 года, Маша тихонько отъ всѣхъ дала отцу эту бумагу, переписанную ею изъ дневника, — подписать его именемъ, что онъ, больной, и сдѣлалъ.

Мнѣ это было крайне непріятно, когда я случайно это узнала. Отдать сочиненія Л. Н. въ общую собственность я считаю и дурнымъ, и бессмысленнымъ. Я лю

блю свою семью и желаю ей лучшаго благосостоянія, а, передавъ сочиненія въ общественное достояніе, мы наградимъ богатыя фирмы издательскія вродѣ Маркса, Цейтлина (евреевъ) и другія. Я сказала Л. Н., что, если онъ умретъ раньше меня, я не исполню его желанія и не откажусь отъ правъ на его сочиненія; и если бы я считала это хорошимъ и справедливымъ, я при жизни его доставила бы ему эту радость отказа отъ правъ, а послѣ смерти это не имѣетъ уже смысла для него. И вотъ теперь, предпринявъ изданіе сочиненій Льва Николаевича, по его же желанію оставивъ право изданія за собой и не продавъ никому, несмотря на предложенія крупныхъ суммъ за право изданія, мнѣ стало неприятно, да и всегда было, что въ рукахъ Маши бумага, подписанная Львомъ Николаевичемъ, что онъ не желалъ бы продажи его сочиненій — послѣ его смерти. Я не знала содержанія точнаго и просила Льва Николаевича мнѣ дать эту бумагу, взявъ ее у Маши.

Онъ очень охотно это сдѣлалъ и вручилъ мнѣ ее. Случилось то, чего я никакъ не ожидала; Маша пришла въ ярость, мужъ ея кричалъ вчера Богъ знаетъ что, говоря, что они съ Машей собирались эту бумагу обнародовать, послѣ смерти Льва Николаевича сдѣлать извѣстной наибольшему числу людей, чтобы всѣ знали, что Левъ Николаевичъ не хотѣлъ продавать свои сочиненія, а жена его продавала*).

Была осень. Порѣдѣли прозрачныя березы, кое-гдѣ въ темной густой зелени липъ появились ярко желтыя вѣтки, на прозрачной и почти черной водѣ въ прудахъ пестрѣли опавшіе листья...

Мы шли молча втроемъ по березовой аллеѣ къ нижнему пруду. Глубокое чувство нѣжности соединяло насъ, и отъ этого, и отъ того, что отецъ казался такимъ измученнымъ, было безконечно грустно и хотѣлось плакать. Онъ, точно угадывая наше настроеніе, заговорилъ о томъ, что жизнь — радость и что если мы это не сознаемъ, виноваты мы сами.

— Тебѣ вотъ кажется, какое было бы счастье, если бы

*) Архивъ Румянцевскаго Музея.

измѣнились условія твоей жизни, если бы могъ уѣхать куда-нибудь, или если бы вдругъ прозрѣлъ Х. или ты сдѣлался бы молодымъ и могъ начать свою жизнь сначала. Вотъ, думаешь ты, будетъ совсѣмъ, совсѣмъ хорошо.. Анъ, нѣтъ... неправда. Измѣнилась жизнь по твоему желанію, исчезла одна тяжесть, а на смѣну ей сейчасъ же пришла другая, третья. А надо...

— Какъ Францискъ Ассизскій... — перебила его Маша.

— Да, да, какъ это ты всегда все прекрасно понимаешь! — радостно воскликнулъ отецъ: — да, вотъ, когда будутъ поносить васъ и гнать, вотъ тогда испытать радость совершенную... *).

Голосъ его задрожалъ. Я не могла видѣть его страдацій, заплакала и убѣжала.

А вечеромъ Маша спросила меня:

— Ты что это, Александрополь, почему заревѣла? Можетъ быть папа ко мнѣ приревновала?

— Что ты! воскликнула я: — Нѣтъ, мнѣ жалко его, мучается онъ, страдаетъ...

И слезы опять полились изъ глазъ.

Всю осень почти до самаго новаго года отецъ прохворалъ. И первое время не могли опредѣлить его болѣзни. Былъ жаръ, сильныя боли въ боку. Затѣмъ рѣзкимъ скачкомъ поднялась температура. Вызвали московскихъ врачей. Они опредѣлили инфлуэнцу.

ПРОГУЛКИ.

XVIII.

Какой задорный видъ бывалъ у отца, когда онъ выходилъ изъ кабинета послѣ удачной работы! Поступь легкая, бодрая, лицо веселое, глаза смѣются. Иногда

*) «...когда мы придемъ въ Порціонкюль грязные, мокрые, окоченѣлые отъ холода и голодные и попросимся пустить насъ, а привратникъ скажетъ намъ: «Что вы, бродяги, шатаетесь по свѣту, соблазняете народъ, крадете милостыню бѣдныхъ людей, убирайтесь отсюда!» — и не отворитъ намъ. И, если мы тогда не обидимся и со смиреніемъ и любовью подумаемъ, что привратникъ правъ, что самъ Богъ внушилъ ему такъ поступить съ нами, и мокрые, холодные и голодные пробудемъ въ снѣгу и въ водѣ до утра безъ ропота на привратника, тогда, братъ Левъ, только тогда будетъ радость совершенная». (Кругъ Чтенія, т. II).

вдругъ повернется на одномъ каблукѣ или легко и быстро перекинетъ ногу черезъ спинку стула. Я думаю, всякій уважающій себя толстовецъ пришелъ бы въ ужасъ отъ такого поведенія учителя. Да такая рѣзвость не простилась отцу! Я помню такой случай:

На «предсѣдательскомъ» мѣстѣ, какъ оно у насъ называлось, сидѣла мама. По правую сторону отецъ, рядомъ съ нимъ Чертковъ. Обѣдали на террасѣ, было жарко, комары не давали покоя. Они носились въ воздухѣ, пронзительно и нудно жужжа, жалили лицо, руки, ноги. Отецъ разговаривалъ съ Чертковымъ, остальные слушали. Настроение было веселое, оживленное, острили, смѣялись.

Вдругъ отецъ, взглянулъ на голову Черткова, быстрымъ, ловкимъ движеніемъ хлопнулъ его по лысинѣ! Отъ напившагося кровью, раздувагося комара на макушкѣ Черткова осталось кровавое пятнышко.

Всѣ расхохотались, смѣялся и отецъ. Но внезапно смѣхъ оборвался. Чертковъ, мрачно сдвинувъ красивые брови, съ укоризной смотрѣлъ на отца.

— Что вы надѣлали? — проговорилъ онъ. — Что вы надѣлали, Левъ Николаевичъ! Вы лишили жизни живое существо! Какъ вамъ не стыдно?

Отецъ смутился. Всѣмъ стало неловко.

Когда отецъ бывалъ въ веселомъ настроеніи, онъ всегда выдумывалъ интересныя прогулки: въ Засѣку, на станцію Рвы*), къ Маріи Александровнѣ Шмидтъ, на Провалы**). Бывало, всѣхъ соберетъ — и старыхъ и молодыхъ, для тѣхъ, кто уставалъ, брали верховую лошадь. Торныхъ дорогъ отецъ избѣгалъ и любилъ сокращать пути.

— Пойдите, пойдите, — говорилъ онъ, — вотъ тропинка, она непременно должна вывести на дорогу.

Мы шли версту, двѣ, три...

— Ахъ Боже мой, пропустили... Пойдите, должно быть тропинка ушла вправо.

*) Ст. Рвы Туло-Лихвинской ж. д. въ 4 верстахъ отъ Ясной Поляны въ Засѣкѣ.

**) Провалы — правильно-круглыя озера, образовавшіяся около ста лѣтъ тому назадъ. Находятся въ 7 верстахъ отъ Ясной Поляны въ Засѣкѣ.

Мы идемъ безъ тропинки — цѣликомъ. Подъ ногами мягко отъ перегниващаго листа, цѣпляешься головой о вѣтки орѣшника, обходишь вѣковые пни и деревья, разросшіеся кусты папоротника, пахнущаго свѣжимъ огурцомъ. Забираемся все глубже и глубже въ лѣсъ. Мама устала и начинаетъ сердиться.

— Вотъ ты всегда такъ, Левочка, со своими сокращеніями, прямой дорогой давно пришли бы, а теперь, дай Богъ, къ вечеру добраться!

А молодежь довольна. Гораздо интереснѣе, чѣмъ по дорогамъ!

Ужъ какъ хорошо отецъ зналъ Засѣку, но и онъ часто по ней думалъ.

Иногда водили гулять гостей. Помню, пріѣхали къ намъ сосѣди — Шеншины. Онъ желтый кирасиръ, толстый, красный человекъ въ бѣломъ кителѣ съ желтыми погонами, молчаливый и потный. Она бойкая, болтливая, типичная полковая дама.

— Володичка, — подбадривала она своего мужа, — что же ты молчишь? Ты бы рассказалъ что нибудь Льву Николаевичу!

Послѣ обѣда отецъ пошелъ съ ними гулять въ Засѣку и на этотъ разъ по своему обыкновенію не удержался отъ соблазна сократить дорогу. Отъ Кудеярова колодца *) пошелъ тропинкой по шоссе. На ту сторону Воронки переправились по двумъ жердямъ, перекинутымъ черезъ рѣчку. Перешелъ отецъ, легко перепорхнула полковая дама. Володичка же видимо робѣлъ. Всѣ съ любопытствомъ и ожиданіемъ смотрѣли на него. Дойдя до середины, онъ вдругъ сконфузился, заторопился, одна жердь слегка переломилаcь и Володичка шлепнулся въ воду.

Отецъ смѣялся до слезъ, рассказывая намъ это происшествіе, а мѣсто это мы съ тѣхъ поръ такъ и прозвали: «Володичкинымъ переходомъ».

Отецъ любилъ цвѣты, всегда собиралъ ихъ безъ листьевъ, тѣсно прижимая одинъ къ другому. Когда я дѣлала ему букеты по своему, прибавляя въ нихъ зелени и

*) «Кудеяровъ колодезь» названъ по имени разбойника Кудеяра, который разбойничалъ и скрывался когда-то въ Засѣкѣ.

свободно разставляя цвѣты въ вазѣ, ему это не нравилось.

— Это ни къ чему, надо проще...

Обычно онъ первый приносилъ едва распустившіеся фіалки, незабудки, ландыши, радовался на нихъ, давалъ всѣмъ нюхать. Особенно любилъ онъ незабудки и повилуку, огорчался, что повилуку неудобно ставить въ воду — стебельки слишкомъ коротки.

— Понюхай, какъ тонко пахнетъ, горькимъ миндалемъ, чувствуешь? А отгѣнки то какіе, ты посмотри...

Лошади и собаки играли большую роль въ нашемъ домѣ.

Отцу подарили породистую сибирскую лайку «Бѣлку». Хорошій былъ песь, ласковый, а главное серьезный, съ чувствомъ собственного достоинства. Но отецъ мало обращалъ на него вниманія, не кормилъ его и Бѣлка не признавалъ отца хозяиномъ. Онъ гораздо охотнѣе гулялъ съ Юліей Ивановной или со мной. Иногда только дѣлалъ видъ, что идетъ съ отцемъ, бѣжалъ впередъ, махая хвостомъ и заглядывая ему въ глаза, провожалъ отца черезъ яблочный садъ до лѣса, а тамъ тихонько сторонкой и домой. Отецъ даже обижался.

— Отбили вы у меня Бѣлку, — говорилъ онъ Юліи Ивановнѣ, — не хочетъ со мной гулять.

Помню, я завела себѣ густо-псового борзого — здроваго, лохматаго пса съ длинной мордой. Ходилъ онъ за мной по пятамъ, мрачно и покорно опустивъ голову. Но стоило ему увидѣть стадо овецъ, онъ во весь духъ насккивалъ на него, врѣзывался въ серединку и нерѣдко задиралъ овецъ до смерти. Его наказывали, запирали — ничего не помогало.

Повадился борзой гулять съ отцемъ. Пришелъ какъ то отецъ съ прогулки очень разстроенный.

— Убери ты куда нибудь свою собаку!

— А что?

— Да опять сегодня за овцами гонялся! Я насилу его отогналъ!

— Усталъ, запыхался?

— Да это бы ничего. А только въ грѣхъ онъ меня ввелъ. Я снялъ ремень и его отодралъ. И главное нехорошо то, что со злобой...

Пришлось борзого отдать.

Прижились у насъ двѣ собаки дворовыя — Тюльпанъ и Цыганъ. Должно быть два брата, ужъ очень были похожи между собой: черные съ бѣлой грудью, уши болтаются, спереди облѣзлые, сзади лохматые, всегда въ рельяхъ. Собаки эти всегда сопровождали отца на прогулкахъ.

Въ самой чаще Заказа *), куда ведетъ едва замѣтная тропа, въ глубокомъ оврагѣ течетъ ключъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ образуетъ небольшую водомоину съ чистой, прозрачной водой. Это «волчій колодезь». Здѣсь въ бугрѣ живутъ барсуки. Они прорыли себѣ глубокія норы, сообщающіяся между собой подземными корридорами. Сюда, въ это безлюдное, дикое мѣсто любилъ иногда ходить отецъ. Собаки проскальзывали въ норы, влѣзая въ одну и выскакивая изъ другой, иногда выгоняли оттуда звѣра. Одинъ разъ Цыганъ выскочилъ изъ норы съ страшнымъ визгомъ весь въ крови, барсукъ откусилъ ему хвостъ. Помню мы съ отцемъ гуляли по Чапыжу и собаки прямо на насъ выгнали большого барсука.

Цыганъ и Тюльпанъ кидались на нищихъ, странниковъ, рвали имъ одежду и отъ нихъ рѣшили избавиться. Нѣсколько разъ ихъ отдавали, но они возвращались обратно. Кто то придумалъ отправить ихъ подальше поѣздомъ. Сдали ихъ на Засѣкъ въ багажный вагонъ на предъавтѣля до ст. Ревякино по другую сторону Тулы. Но, когда на другой день мы встали, обѣ собаки, виляя хвостами, привѣтствовали насъ у подѣзда.

— Кто хочетъ итти со мной на вегетарианскую тягу?
— спрашиваетъ отецъ послѣ обѣда.

Мы валягиваемъ на себя пахнушіе дегтемъ, тяжелые бодотные сапоги и весело идемъ за нимъ черезъ яблочный садъ и Чапыжъ къ Заказу. Въ канавахъ кое-гдѣ еще лежитъ грязный, обледенѣлый снѣгъ, лѣсъ голый, но побурѣла уже набухающая почка на деревьяхъ и мѣстами желтѣютъ нѣжные пушки ивы.

Мы выходимъ на поляну и останавливаемся.

— Теперь тише, — говорить отецъ, — не разговаривайте и слушайте!

*) Заказъ — лиственный лѣсъ въ имѣніи «Ясная Поляна».

Мы садимся на пенышки и ждемъ. Я напряженно слушаю и у меня отъ волненія сжимается сердце.

— Слышите? Слышите? — шепчетъ отецъ.

«Хр, хр, хр!» хоркаетъ вальдшнепъ, пролетая надъ нашими головами. Онъ описываетъ въ воздухѣ кругъ и исчезаетъ за лѣсомъ. А за нимъ потянуль второй, третій.

Настала полная тишина. Стемнѣло.

Мы шли домой, очень довольные «вегетаріанской тягой». Громко чвякали сапоги, утопая въ сырой землѣ.

— Какъ странно, — говорилъ отецъ, — какъ странно, что я когда то увлекался охотой, убиваль...

Если ѣдешь съ отцемъ верхомъ, «не растрепывайся», какъ говорилъ Адрианъ Павловичъ, держись крѣпче. Ъздль онъ оврагами, болотами, глухимъ лѣсомъ, по узенькимъ тропиночкамъ, не считаюсь съ препятствіями, встречавшимися на пути.

— Ужь очень узко тутъ, не проѣдемъ, пожалуй, — говорила я.

— А какъ ты думаешь, кто скорѣе пройдетъ по узкой тропинкѣ, лошадь или человѣкъ? — спрашивалъ отецъ, направляя Делира по самому корешку оврага.

— Человѣкъ!

— Нѣтъ, лошадь. Бояться нечего!

Если по дорогѣ ручей, отецъ, не долго думая, посылаетъ Делира и онъ какъ птица перемахиваетъ на другую сторону. Помню, я ѣхала на плохой, безногой лошади. Отецъ перепрыгнуль, моя лошадь споткнулась, упала на переднія ноги и я очутилась у нее на холкѣ.

— Ты жива? — кричитъ отецъ, оглядываясь.

— Чуть жива! — отвѣчаю я, смѣясь и поправляясь на сѣдлѣ.

А то перемахнетъ ручей, да въ гору карьеромъ. Тутъ деревья, кусты, того и гляди ногой о стволъ ударишься или вѣткой глаза выстегнешь.

— Ну?

— Ничего, — отвѣчаю, — сию.

— Держись крѣпче!

Одинъ разъ мы ѣхали съ отцемъ по Засѣкѣ. Подо мной была лѣнивая, тяжелая кобыла. Отецъ остановился въ лѣсу и сталъ разговаривать съ пильщиками. Лошадей кусл-

ли мухи, овода. Кобыла отбивалась ногами, махала хвостомъ, головой, и вдругъ сразу, поджавъ ноги, легла. Отецъ громко закричалъ. Какимъ то чудомъ я выкатилась изъ-подъ лошади и не успѣла еще вскочить на ноги, какъ отецъ молодымъ, сильнымъ движеніемъ ударилъ ее такъ, что она немедленно вскочила.

Помню, мнѣ было еще лѣтъ пятнадцать, когда онъ училъ меня ѣздить.

— Ну-ка, Саша, брось стремя!

Страшно. Кажется, вотъ-вотъ упаду.

— А ну-ка, попробуй рысью!

Ѣду рысью, хлопаюсь на сѣдлѣ и думаю только о томъ, какъ бы удержаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты англійской — облегченной!.. Хорошо, теперь брось поводья!

«Господи, только бы лошадь не испугалась, — думаю я, — не шарахнулась бы въ сторону! Сейчасъ слечу!»

Помню, отецъ упалъ съ лошади. Мы ѣхали мимо чугунно-плавильнаго завода «Косой Горы», стали переѣзжать шоссе. Лошадь степная, горячая, испугалась, шарахнулась, налетѣла на кучу и упала. У меня точно внутри оборвалось что-то. А отецъ, не выпуская поводьевъ, съ страшной быстротой высвободилъ ногу изъ стремени и прежде лошади вскочилъ на ноги.

— О, Господи, — простонала я. — Ушибся?

— Нѣтъ, пустяки.

Онъ подвелъ лошадь къ той же кучѣ щебня, сѣлъ и мы поѣхали дальше.

— Смотри, мама не говори! — обернувшись крикнуть онъ мнѣ.

Послѣднее время мы боялись пускать его одного, вдругъ обморокъ или сердечный припадокъ, всегда ктонибудь съ нимъ ѣздилъ — Душанъ Петровичъ, Булгаковъ или я.

— Саша, ѣдемъ верхомъ!

Я всегда съ восторгомъ. Онъ на своемъ любимцѣ-Делирѣ, я на свѣтло-гнѣдомъ, какъ червонное золото, карабахѣ.

На изволокѣ отецъ оборачивается:

— Ну-ка рысью!

Только пустили лошадей, мой карабахъ началъ бить задомъ.

— Стой, папа, — кричу я, — стой! У меня Орель задомъ бьетъ!

— Ничего, надо прогрѣть! — кричитъ отецъ и пускаетъ лошадь галопомъ.

Я уже еле сижу. Лошадь каждую минуту даетъ такія свѣчи, что того и гляди, выбьетъ изъ сѣдла.

— Ничего, ничего, — ободряетъ отецъ, — давай, давай ему ходу.

Такъ продолжалось всю дорогу. Я измучилась. Приѣхали, разсѣдлали лошадей, а у Орла подъ животомъ, гдѣ подпруга, громадная рана — отъ этого онъ и задомъ билъ.

День былъ тихій, солнечный.

Отецъ ѣхалъ верхомъ, мы за нимъ въ двухъ саняхъ. Зимняя дорога извивалась по лѣсу, а на фонѣ ослѣпительно-но-яркаго снѣга, то появляясь, то снова исчезая за деревьями, мелькалъ темный крупъ лошади и широкая слина въ черномъ полушубкѣ съ повязаннымъ на шеѣ башлыкомъ.

— Тпррру! — крикнула я, натягивая вожжи.

Черезъ дорогу аркой перекинулось дерево. Макушка его примерзла къ землѣ на другой сторонѣ дороги. Отецъ пригнулся къ сѣдлу и проѣхалъ. А мы же застряли, дуга не пускала. Какъ тутъ быть? Распрягать и снова запрягать двое саней — долго! Неподалеку была сторожка. Я позвала лѣсника, онъ прибѣжалъ съ топоромъ и сталъ перерубать дерево. Надрубивъ, налегъ грудью со стороны макушки, чтобы оно переломилось. Но дерево не поддавалось. Я торопилась, прошло уже около десяти минутъ, какъ отецъ уѣхалъ, я безпокоилась за него. Недолго думая, я всей тяжестью навалилась на дерево со стороны комля. Крахъ! Освободившись отъ макушки, дерево съ силой распрямилось и ударило меня по челюсти. Меня подкинуло вверхъ и я потеряла сознание.

Не знаю, сколько времени я лежала. Когда я очнулась, пронзительнымъ, бабьимъ голосомъ кричалъ мужикъ.

-- Батюшки, родимые, убили, убили, барышню на смерть убили, родимые.

Я вскочила на ноги. По подбородку текла кровь. Во рту каша. Въ верхней челюсти одинъ зубъ висѣлъ на обнаженномъ нервѣ. Остальные шатались. Подбородокъ былъ разбитъ. Мужикъ все причиталъ.

— Да брось ты, — огрызнулась я на него, — чего воешь, зубы вставляю...

Мы съѣли и поѣхали. Я хотѣла передать кому нибудь вожжи, чтобы закрыть ротъ — отъ холода нестерпимо ныль раздробленный зубъ, трясла лихорадка, но оказалось, что править никто не умѣлъ. Я гнала лошадь, отца нигдѣ не было.

Еще сторожка. Стоитъ дѣвка лѣтъ семнадцати.

— Не видала, не проѣзжалъ здѣсь старичокъ верхомъ?

— Вонъ туда поѣхаль! — сказала она и почему то фыркнула.

Мы погнали лошадь по указанному направленію, ѣхали съ полчаса, встрѣтили мужика съ возомъ.

— Графа видѣлъ? Не проѣзжалъ онъ тутъ?

— Нѣтъ, не видалъ. Онъ здѣсь должно и не ѣздилъ, я бѣ его встрѣлъ...

Повернули обратно. Зубъ болѣлъ все сильнѣе, меня трясло. Отца такъ и не нашли. Когда пріѣхали домой, узнали, что онъ уже дома и отдыхаетъ. Я легла въ постель, лицо распухло, боль все усиливалась. Въ шесть часовъ отецъ проснулся, ему рассказали о случившемся.

— Ахъ Боже мой, Боже мой! Да что же это я надѣлалъ. Голубушка, это все изъ-за меня, — говорилъ онъ. — А я старый дуракъ уѣхаль, не догадался, что дуга подъ дерево не подойдетъ.

На глазахъ у него стояли слезы, а я прижалась больнымъ мѣстомъ къ его рукѣ, мнѣ было хорошо.

Мы возвращались съ отцемъ домой по «Купальной дорогѣ» *). Поровнялись съ полянкой, гдѣ весной на бугоркѣ цвѣли голубымъ полемъ незабудки, а лѣтомъ росли бархатные съ розовымъ корнемъ и коричневой подкладкой крѣпкіе боровики. Отецъ окликнулъ меня:

— Саша!

*) Дорога къ рѣчкѣ Воронкѣ, гдѣ стояла купальня.

И, когда я пришпоривъ лошадь, подѣхала, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ, между этими дубами.. — Онъ натянулъ поводъ и хлыстомъ, отчего Делиръ нервно дернулся, указалъ мнѣ мѣсто. — Тутъ схороните меня, когда я умру*).

Александра Толстая.

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) Это было мѣсто Зеленой Палочки, гдѣ похоронили отца.

Наканунъ

Смерть Александра застала Общество врасплохъ. Николай Бестужевъ и Торсонъ, услышавъ, что въ Гвардейскомъ Экипажѣ уже назначена присяга Константину, бросились къ Рылѣву: «Гдѣ же Общество, о которомъ столько рассказывалъ ты? гдѣ виды ихъ? какіе ихъ планы?» Рылѣвъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ. «Мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ невелико!» Надо было обсудить неожиданное происшествіе и создавшееся положеніе. Рѣшили собраться вечеромъ у Рылѣва. Настроеніе у всѣхъ было возбужденное.

Опредѣленнаго плана еще не было, но всѣ чувствовали, что готовится развязка. Войска присягнули Константину «съ готовностью», солдаты говорили, что цесаревичъ перемѣнился, что у него въ Варшавѣ жалованье платятъ серебромъ и отъ солдатъ тамъ не требуютъ лишняго. Ждали уменьшенія срока службы, года на два. При такомъ настроеніи войска и при выжидательномъ настроеніи широкихъ круговъ столицы вожди Общества склонились-бы, вѣроятно, къ рѣшенію совсѣмъ закрыть его, или, во всякомъ случаѣ приостановить его дѣятельность, если бы не распространились очень скоро слухи объ отреченіи Константина. Въ виду этого рѣшено было выжидать, пока положеніе не выяснится и стараться увеличить число членовъ среди офицеровъ гвардіи. Братья Бестужевы пытались воздѣйствовать и на солдатъ, своеобразнымъ способомъ: они обходили ночью городъ, говоря встрѣчнымъ солдатамъ, что отъ нихъ скрыли завѣщаніе покойнаго государя съ волей и сокращеніемъ срока службы. Ихъ слушали жадно, хотя иные и отзывались осторожнымъ «не могу знать, ваше благородіе». Возможно, что и Рылѣвъ былъ съ ними, и отъ хожденія ночью по городу и отъ

*) Отрывокъ изъ книги «Декабристы».

всѣхъ волненій этихъ дней заболѣлъ. Онъ схватилъ сильную жабу и вынужденъ былъ слечь.

Квартира Рылѣва стала штабъ-квартирой заговорщиковъ. У его постели ежедневно сходились члены Думы; туда же приводили молодыхъ офицеровъ, которыхъ хотѣли привлечь къ заговору. Среди вереницы людей, бывавшихъ у него, приходилъ принятый имъ въ Общество полковникъ инженерныхъ войскъ Гавріиль Степановичъ Батенковъ, человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ всѣ они. Какъ попалъ онъ въ ихъ заговоръ, этотъ умный сибирякъ, прошедшій черезъ тяжелую жизненную школу? Онъ долго служилъ подъ начальствомъ Аракчеева въ Военныхъ Поселеніяхъ и при Сперанскомъ въ Сибири, зналъ все темное, что было въ Россіи, не изъ книгъ, хотя былъ человѣкомъ образованнымъ; не чуждымъ нѣмецкой философіи и французской идеологіи. Какъ Сперанскій, понималъ онъ, что многое нужно переменить въ отечествѣ; но одно дѣло желать переменъ, а другое — участвовать въ заговорѣ. Что толкнуло его на одну стезю съ юными идеалистами и идеологами? Или «жажда политической свободы» да «случайная встрѣча съ людьми, еще болѣе исполненными этой жажды», какъ думалъ онъ самъ? Неожиданная, непонятная жажда въ пожиломъ помощникъ Клейнмихеля! Онъ былъ безъ мѣста въ то время, былъ обиженъ и, вѣроятно, не чуждъ и честолюбивыхъ мечтаній. Заговорщики намѣчали его въ правители дѣлъ будущаго Временнаго Правленія. И вотъ, на собраніяхъ молодыхъ энтузіастовъ сталъ появляться человѣкъ съ крупной головой, съ медленной, запинаящейся, немного старо-подьяческой рѣчью, старавшійся внести долю практическаго разума и умѣренности въ ихъ отважное предпріятіе. Батенковъ былъ цѣненъ для нихъ, какъ человѣкъ житейскаго опыта и какъ связь съ Сперанскимъ, на котораго они рассчитывали, какъ на члена Временнаго Правленія. Въ домѣ великаго бюрократа онъ былъ своимъ человѣкомъ, за-просто обѣдалъ и даже вышивалъ на пальцахъ съ его дочерью, но, разумѣется, нѣкоторыхъ темъ съ осторожнымъ хозяиномъ не касался: «у нашего старика не выѣдаешь, что онъ думаетъ», говорилъ онъ своимъ сотоварищамъ.

Тогда же и тоже черезъ Рылѣва присоединился къ нимъ еще одинъ пожилой и своеобразный человѣкъ, баронъ Штейнгель, не столь выдающійся, какъ Батенковъ,

но тоже далеко не заурядный, много перевидавшій и перестрадавшій въ своей жизни, обиженный какъ-бы ужь наслѣдственно: еще отецъ его, какъ въ послѣдствіи и онъ самъ, былъ жертвою несправедливости начальства. Такъ, въ революцію, въ ея водовороты, легко влекутся неудачники — сирыи Каховскій, обиженный Штейнгель, не вполнѣ уравновѣшенный Батенковъ. Баронъ Штейнгель былъ очень не похожъ на своихъ новыхъ друзей, не о томъ думалъ, не тѣ книги читалъ и жизнь зналъ не по книгамъ. И онъ, какъ Батенковъ, хотѣлъ направить Общество по умѣренному пути, и правленіе оставить монархическое съ императрицей Елизаветой Алексѣвной, вдовой Александра I-го. Батенковъ и Штейнгель приносили съ собой то, чего не было у другихъ декабристовъ — практической административный опытъ.

За эти дни Общество выросло больше, чѣмъ за все время своего существованія. Появился на квартирѣ Рылѣва поручикъ Финляндскаго полка баронъ Розентъ, добрый и корректный эстляндецъ. Онъ только недавно женился на дочери Малиновскаго, директора Лицея, и весь сіялъ новымъ счастьемъ, новымъ мундиромъ, новенькимъ, съ иголки, либерализмомъ. И онъ тоже готовъ былъ пожертвовать своей жизнью вмѣстѣ съ этими просвѣщенными и благородными людьми за благо своей пріемной родины, но пожертвовать разумно, съ шансами на успѣхъ. Приходили Бѣляевы, моряки, милые, немного наивные юноши, очаровательные въ своемъ молодомъ идеализмѣ. Приходилъ другъ Пушкина, Кюхельбекеръ, только что принятый въ Общество. На его бѣду, несчастная судьба кинула вѣчнаго скитальца въ Петербургъ въ первые дни декабря и все чаще стала мелькать на собраніяхъ его нелѣпая, долговязая фигура и слышаться его вдохновенная, безсвязная рѣчь. Онъ былъ заряженъ отъ всѣхъ этихъ собраній и разговоровъ, «какъ длинная ракета».

И еще одинъ странный человекъ сталъ приходить къ Рылѣву — полковникъ въ отставкѣ Булатовъ. Случай (дѣло о наслѣдствѣ) привелъ его этой осенью въ Петербургъ и случайно-же, въ театрѣ, встрѣтился онъ со своимъ товарищемъ по корпусу — Рылѣвымъ. Рылѣва онъ въ корпусѣ не любилъ, считалъ, что «онъ рожденъ для заварки кашъ, но самъ всегда оставался въ сторонѣ». Однако, теперь онъ слышалъ, что Рылѣвъ «человѣкъ порядочный и вышелъ такъ, что я ожидать не могъ, довольно хоро-

шо пишетъ, но между прочимъ думы и все возмутительныя». Кромѣ того, онъ слышалъ о дуэляхъ поэта, — «сдѣловательно имѣеть духъ». Самъ Булатовъ былъ очень несчастенъ въ это время, недавно потерялъ жену, былъ подавленъ и едва-ли вполнѣ уравновѣшенъ. Это былъ мало образованный человѣкъ, далекий отъ какихъ-нибудь идей, но не чуждый свободолюбиваго настроенія и къ тому же ненавидѣвшій Аракчеева за какія-то обиды, нанесенныя его отцу. Ему было 30 лѣтъ, но что-то хрупкое и юношеское виднѣлось въ его фигурѣ, въ его лицѣ, съ немного асимметрично поставленными глазами. Никто не сказалъ бы по его виду, что за нимъ славное военное прошлое, чудеса храбрости подъ Бородинымъ. Хотя онъ уже давно оставилъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, но его еще помнили тамъ и многіе солдаты знали его и любили.

Рылѣвъ инстинктомъ ловца человѣковъ почувствовалъ, что Булатова можно взять и то, какъ это сдѣлать. И вотъ, его приглашаютъ къ лейбъ-гренадерскому офицеру Панову, ему устраиваютъ встрѣчу съ солдатами, когда то служившими подъ его начальствомъ, одинъ изъ которыхъ вынесъ его, тяжело раненаго, изъ сраженія. Онъ пьетъ съ ними, и размягченный этой встрѣчей и виномъ, пускается въ разговоры съ компаніей незнакомыхъ ему офицеровъ. Его наводятъ на нужную тему: роль графа Аракчеева въ государствѣ, заставляютъ высказаться. И когда въ пылу разговора онъ хватается за пистолеть со словами «вотъ, друзья мои, если-бы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни и меня бы не было!» — ему кричатъ: «живите, живите, ваша жизнь нужна для пользы отечества!» Такъ, подготовивъ, ведутъ его къ Рылѣву, уже больному, и тотъ, лежа въ постели, открываетъ старому однокашнику, что есть «комплотъ, составленный изъ благородныхъ и рѣшительныхъ людей Тебя давно сюда дожидали и первое твое появленіе на тебя обратило вниманіе». Булатовъ былъ доволенъ и гордъ, что какіе-то неизвѣстные ему и отважные люди его цѣнятъ. Онъ охотно сталъ бывать на собраніяхъ, любилъ слушать благородныя рѣчи, не совсѣмъ понимая ихъ смыслъ и упорно добиваясь узнать, «какая же въ этомъ польза отъ честву?» и незамѣтно втягивался въ Общество. «Это нашъ», рекомендуетъ его Рылѣвъ сочленамъ. И онъ уже дѣйствительно «нашъ», встрѣчается со всѣми, приглядывается къ новымъ знакомцамъ Сдержанный, молчаливый

Трубецкой не нравится ему, зато нравится Якубовичъ, такой же, какъ и онъ самъ, настоящій военный человѣкъ. Рылѣевъ, умѣло подлаживаясь къ его стилю, заканчиваетъ свои письма къ нему словами: «милый! Честь, Польза, Россія!»

Но если являлись новые соратники, то многіе изъ тѣхъ, на кого можно было рассчитывать, покинули знамя свободы. Въ Петербургѣ служило немало отставшихъ отъ Общества членовъ Союза Благоденствія, и въ это роковое время помощь ихъ могла оказаться безцѣнной. Трубецкой, жившій послѣднее время въ Кіевѣ и недавно вернувшійся въ столицу и потому мало знакомый съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ Обществѣ, помнившій времена расцвѣта Союза Благоденствія съ его 200 членовъ, больше всѣхъ другихъ вѣрилъ въ то, что еще можно привлечь къ дѣлу старыхъ соратниковъ. Николаю Бестужеву поручили переговорить съ командиромъ 2-го батальона Финляндскаго полка Моллеромъ. Бестужевъ нашелъ его «въ наилучшемъ расположеніи». Но уже на другой день, послѣ разговора со своимъ дядей, морскимъ министромъ, Моллеръ рѣзко перемѣнилъ фронтъ «Онъ не намѣренъ служить орудіемъ и игрушкою другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова нетвердо держится на плечахъ». Съ Моллеромъ отпадали надежды на Финляндскій полкъ, въ которомъ одинъ Розень отвѣчалъ за себя, да, пожалуй, еще за свой взводъ. Другой бывшій единомышленникъ, Шиповъ, теперь командовавшій Семеновскимъ полкомъ, самъ въ началѣ междуцарствія искалъ свиданія съ Трубецкимъ. Но когда Трубецкой пріѣхалъ къ нему, Шиповъ уже хотѣлъ уклониться отъ разговора на опасную тему и сталъ читать Трубецкому вслухъ толстѣйшую тетрадь — какой-то свой проектъ устройства Фурштатскихъ батальоновъ. Трубецкой перебилъ чтеніе и предложилъ поговорить о болѣе важныхъ предметахъ.

— Большое несчастіе будетъ, если Константинъ будетъ императоромъ, — сказалъ Шиповъ.

— Почему ты такъ судишь?

— Онъ варваръ.

— Но Николай человѣкъ жестокой.

— Какая разница! Этотъ человекъ просвѣщенный, а тотъ злой варваръ.

— Говорять, жена его очень смягчила его нравъ и почти совсѣмъ его перемѣнила. Константину солдаты присягнули съ готовностью, можетъ быть оттого, что они его не знаютъ. Десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ и очень худо объ нихъ отзываются. Если Константинъ откажется отъ престола, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю.

— Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю, если Константинъ откажется, мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничковскаго дворца. Я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ; я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

— Но можешь-ли ты сказать, что тебѣ скажутъ истину? Кажется, что очень желаютъ царствовать и, въ такомъ случаѣ, развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался и обмануть тебя? Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался! Что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь свою голову на плаху.

Эти слова поразили Шипова. Онъ даже отскочилъ отъ собесѣдника. «Трубецкой, что-же дѣлать?»

Но это было мгновенное сомнѣніе. Шиповъ былъ потерянъ для Общества.

*
*
*

Въ Россіи было междуцарствіе: два царя, т. е. ни одного. Николай имѣлъ сторонниковъ только въ придворныхъ кругахъ. Гвардейскіе офицеры его не любили, а вѣдь они, можетъ быть, еще не забыли того недавняго времени, когда гвардія распоряжалась трономъ. «У нихъ это въ крови», говорилъ Милорадовичъ, а онъ-то ихъ зналъ. Междуцарствіе увеличивало шансы на успѣхъ и звало Общество къ дѣйствию. Было ясно, что если Константинъ приметъ корону, то дѣло свободы станетъ безнадежнымъ: на новомъ царѣ не будетъ тяготѣть грузъ ошибокъ прошлаго царствованія. Но если Константинъ откажется, то не дѣйствовать — станетъ преступно. «Мы не имѣемъ никакихъ оговорокъ принести Обществу, избравшемъ насъ», говорилъ Трубецкой.

Главное же, междуцарствіе давало новыя возможности. До тѣхъ поръ самымъ сильнымъ и дѣйственнымъ

средствомъ борьбы казалось царевубійство. Естественная смерть Александра спутала карты. Недаромъ, Якубовичъ, ненавидѣвшій покойнаго императора, съ упрекомъ говорилъ членамъ Общества «вы его у меня вырвали», и не хотѣлъ стать хладнокровнымъ убійцей новаго царя, противъ котораго лично ничего не имѣлъ. Терроръ становился неосуществимымъ, зато въ условіяхъ междуцарствія можно было попытаться возродить исконную традицію русскаго бунта — самозванчину. На это и пошелъ Рылѣевъ.

Разумѣется, планъ Рылѣева не былъ обычной самозванщиной, но сущность была та же. Онъ не пустилъ въ народъ новаго Отрепьева или Пугачева. Но онъ рѣшилъ воспользоваться отдаленностью Варшавы, непріѣздомъ Константина, вѣрностью солдатъ уже данной присягѣ, для того чтобы представить въ ихъ глазахъ Николая захватчикомъ престола. Какъ и самозванцы, хотѣлъ онъ использовать огромный, неизжитый запасъ любви къ царю, вѣрности присягѣ, использовать для высокой цѣли, для блага народа. Но и самозванцы думали, можетъ быть, о благѣ народа, когда становились на путь обмана. Разъ вызвавши смуту и бунтъ во имя законнаго царя, Рылѣевъ расчитывалъ сочетать возстаніе съ царевубійствомъ и произвести революцію. Отчасти расчетъ его былъ вѣренъ, хотя далеко не во всемъ.

Историки, и въ особенности марксистскіе, изъ силъ выбиваются, чтобы хоть въ ретортахъ найти не поддающіеся дозировкѣ слѣды революціонности солдатъ. Ищутъ вліянія заграничныхъ походовъ, вспоминаютъ, какъ осуждали солдаты «Дизвитова» (какъ звали они Людовика 18-го, Louis XVIII), со словъ полицейскихъ агентовъ передаютъ о всякихъ казарменныхъ слухахъ и пересудахъ. По ихъ мнѣнію, неудача декабристовъ объясняется тѣмъ, что они не обратились къ массамъ, которыя пошли бы за ними противъ ненавистнаго самодержавія.

Но декабристы думали иначе. Были такіе, что готовы были погнать солдатъ на бунтъ палками, другіе (какъ Сергѣй Муравьевъ) вѣрили въ силу любви солдата къ доброму барину, къ доброму офицеру. Большинство-же, какъ Рылѣевъ, понимало, что въ душѣ солдата живетъ нѣчто болѣе высокое и сильное, чѣмъ страхъ и привязанность — любовь къ царю, вѣрность присягѣ. Солдатъ былъ очень темень, очень забитъ, но все же не былъ онъ толь-

ко строй скотинкой, бездушнымъ автоматомъ. Или у солдата нѣтъ чести и совѣсти и пустыя слова для него — отечество, Россія? Или нѣтъ у него своей правды въ душѣ? Столѣтіе понадобилось, чтобы подточить эту вѣру, чтобы какъ трухлявое дерево развалилась старая правда. Но тогда народъ жилъ еще этой правдой. Не будь ея, какая человѣческая душа вынесла бы ужась двадцатипятилѣтней службы, разлуку съ семьей, гражданскую смерть, бездомную и холодную жизнь?

Отечественная война, несомнѣнно, развила солдата, сдѣлала его сознательнѣе и умнѣе. Но чѣмъ сознательнѣе онъ былъ, тѣмъ крѣпче держался за свои убѣжденія, тѣмъ честнѣе служилъ Имперіи и Государю Императору. Поэтому заранѣе была обречена на неуспѣхъ революціонная пропаганда и необходимъ былъ обманъ, чтобы повести его на мятежъ. Если сказать солдату, что отъ него требуютъ второй, незаконной присяги, что истинный государь томится гдѣ-то въ цѣпяхъ, а захватчикъ собирается отнять у него престолъ и если скажутъ все это люди, которымъ онъ довѣряетъ, добрые и любимые офицеры, то онъ повѣритъ и будетъ сражаться за правое дѣло. И горькій обманъ этотъ во имя и для блага народа придумалъ чистый душою поэтъ. Такова трагедія идеалистовъ: безпомощные въ жизни, хотя бы они перехитрили ее, берутъ на себя во имя своихъ идей тягчайшіе грѣхи, какъ взялъ Рылѣевъ грѣхъ обмана почти что дѣтей — солдатъ.

**

Великій князь переживалъ тяжелые дни. Пріѣхалъ изъ Варшавы братъ, Михаилъ, не присягавшій и, къ смущенію всѣхъ, такъ и не присягнувшій Константину. Онъ былъ мрачно настроенъ. «Зачѣмъ ты все это сдѣлалъ?» — упрекалъ онъ Николая, — «что теперь будетъ при второй присягѣ въ отмѣну первой?» А на слова императрицы-матери «если такъ поступили, то для того, чтобы не пролилась кровь», онъ отвѣтилъ: «она еще не пролилась, но прольется!»

Его снова отправили къ брату въ Варшаву. Но въ пути, встрѣтивъ курьера, посланнаго Константиномъ въ Петербургъ и видя непреклонность брата, Михаилъ Павловичъ усомнился въ цѣлесообразности своей дальнѣйшей

поѣздки. Онъ остановился на станціи Неннааль, въ 260 верстахъ отъ Петербурга, и сталъ ждать дальнѣйшихъ указаній, готовый продолжать путь или вернуться. 11-го прибыло въ Петербургъ письмо Константина, оставлявшее очень мало надежды на его пріѣздъ. «Твоего предложенія прибыть скорѣе въ Петербургъ я не могу принять и предупреждаю тебя, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего Государя», писалъ Константинъ. Императрица-мать восторгалась самопожертвованіемъ сына. (Еще-бы: она-то ужъ не заставила-бы себя упрашивать!). Но Николай не соглашался съ ней насчетъ поведенія брата. «Я не знаю, чья жертва больше, того, кто отказывается, или того, кто принимаетъ престоль при подобныхъ обстоятельствахъ».

Обстоятельства, дѣйствительно, были трудныя. Милорадовичу доносили о какихъ-то тайныхъ собраніяхъ у Рылѣва. «Вздорь! — сказалъ бравый генераль, — пусть мальчишки читають другъ другу свои дрянные стихи!» Онъ ручался Николаю за спокойствіе столицы. Великій князь вѣрилъ въ административный талантъ Милорадовича, но былъ спокоенъ только наполовину: онъ зналъ, что его не любитъ Гвардія.

12-го декабря, когда ожидали возвращенія рѣшительнаго курьера изъ Варшавы, Николая рано, въ 6 часовъ, разбудили. Баронъ Фредериксъ привезъ ему пакетъ, адресованный «Его Императорскому Величеству въ собственныя руки» и съ надписью: «о самонужнѣйшемъ». «Вскрыть пакетъ на имя Императора, — вспоминалъ объ этомъ Николай, — былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе — и пакетъ вскрытъ!» Это былъ всеподданнѣйшій докладъ Дибича, составленный на основаніи доносовъ Шервуда и Майбороды, о томъ, что въ Петербургѣ и во 2-ой Арміи существуетъ военный заговоръ!

Что было дѣлать? Обстоятельства требовали быстрого рѣшенія. «Къ кому мнѣ было обратиться одному, совершенно одному, безъ совѣта?» — писалъ Николай. Онъ вызвалъ Милорадовича и князя Голицына и посвятилъ ихъ въ тайну присланныхъ документовъ. Голицынъ только вздыхалъ и охалъ, а у Милорадовича «сердце было на языкѣ, а ума немного». Рѣшили вызвать въ

Петербургъ Майбороду, стали справляться о поименованныхъ въ его доносѣ петербургскихъ членахъ Общества. Большинство ихъ оказалось въ отпуску, а на имена Бестужева и Рылѣева не обратили должнаго вниманія: литераторы, болтуны! Полиція Милорадовича была не на высотѣ.

Но если-бы и была возможность арестовать заговорщиковъ, то какъ было на это рѣшиться? Въ этотъ же день 12-го декабря, столь полный событій, въ то время какъ Николай обѣдалъ съ женою, прибылъ наконецъ долгожданный курьеръ отъ Константина. Братъ снова подтверждалъ свой отказъ пріѣхать, или хотя-бы прислать манифестъ. Приходилось ограничиться опубликованіемъ завѣщанія покойнаго царя и отреченія Константина и требовать въ манифестѣ присяги отъ своего имени, да прибѣгнуть къ личному свидѣтельству брата Михаила, о которомъ знали, что онъ пользуется дружбой Константина и недавно вернулся изъ Варшавы. Времени терять больше было нельзя, и Николаю было не до полицейскихъ мѣръ и не до ареста нѣсколькихъ литераторовъ. И главное: не примутъ-ли ихъ арестъ за устраненіе новымъ императоромъ сторонниковъ Константина, не произведетъ ли это невыгодное впечатлѣніе? Да и въ нихъ ли опасность? Нѣтъ-ли болѣе страшныхъ заговорщиковъ? Чего хотятъ эти либеральные сановники — Мордвиновъ, Сперанскій? Не подозрительны-ли многіе изъ генераловъ — Киселевъ, Ермоловъ, Раевскій? Все страшно и ничто не ясно. Николая давилъ кошмаръ неизвѣстности. Онъ переживалъ то, что чувствуютъ иногда во снѣ: надъ головою нависъ готовый обрушиться потолокъ и нѣтъ силъ и некуда бѣжать.

Слѣшно принималъ онъ мѣры къ новой присягѣ; все зависѣло теперъ отъ того, какъ она пройдетъ. Карамзинъ набросалъ проектъ манифеста, не удовлетворившій Николая. По совѣту Милорадовича онъ поручилъ Сперанскому составить его въ окончательномъ видѣ. На вечеръ 13-го созывался во дворцѣ Государственный Совѣтъ. Николай Павловичъ надѣялся, что къ вечеру поспѣетъ пріѣхать Михаилъ и лично будетъ присутствовать на присягѣ Совѣта. Рано утромъ 14-го должны были явиться во Дворецъ командиры гвардейскихъ частей и получить всѣ разъясненія и инструкціи, для того чтобы привести къ присягѣ войска. Утромъ же присягнуть Сенатъ и Си-

нодь. Николай отдавалъ всё эти распоряженія, какъ будто и не думалъ ни о какой грозящей ему опасности.

А въ душѣ была тревога и тайная увѣренность: присяга не пройдетъ спокойно. Вечеромъ того же дня Николай получилъ еще одно подтвержденіе того, что у него есть грозные враги.

**

Подпоручикъ Л.-Гв. Егерскаго полка Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ (онъ любилъ писать свое имя черезъ «І» — Іаковъ), образованный и не чуждый литературѣ молодой офицеръ купческаго происхожденія, былъ въ дни междоусобицы охваченъ патріотической тревогой. По его словамъ, онъ не былъ членомъ Тайнаго Общества, и въ этомъ можно ему повѣрить. Но онъ былъ другомъ Оболенскаго (оба они служили адъютантами при начальникѣ гвардейской пѣхоты Бистромѣ) и былъ хорошо знакомъ съ многими изъ заговорщиковъ. Оболенскій не разъ говорилъ ему, что нельзя допустить воцаренія Николая; о многомъ онъ самъ догадывался. Отъ волненія Ростовцевъ пересталъ даже ѣсть и спать. Смѣлое рѣшеніе зрѣло въ немъ. Оно не было продиктовано боязнью за себя; вѣдь если-бы онъ и былъ членомъ Общества, то было еще не поздно уйти. Но и не одна патріотическая тревога подвинула его на поступокъ, близкій къ предательству.

9-го декабря онъ пришелъ къ Оболенскому: «Князь, я подозреваю тебя въ злонамѣренныхъ видахъ противъ правительства... Мой другъ, неужели ты пожертвуешь спокойствіемъ отечества своему честолюбію?» Такъ вспоминалъ онъ впоследствии этотъ разговоръ и, разумѣется, не съ дословной точностью. Однако, какая-то правда, иначе намъ недоступная, эхо подлинно бывшаго тутъ звучитъ. «Яковъ! — отвѣтилъ Оболенскій (но выпрепный тонъ въ передачѣ Ростовцевымъ словъ Оболенскаго подозрительно напоминаетъ намъ самого Ростовцева: видно, что чужія слова представляетъ онъ по-своему). — Неужели ты можешь думать, что я изъ личныхъ видовъ измѣню благу отечества?»

— Князь, ты увлекаешься страстью, ты можешь сдѣлаться преступникомъ, но я употреблю всё средства спасти тебя.

Оболенскій быстро взглянулъ на Ростовцева и, нѣсколько помолчавъ, сказалъ:

— Яковъ, не губи себя, я предугадываю твое намѣреніе.

Въ это время за Оболенскимъ прислалъ генераль Бистромъ.

10-го декабря новое свиданіе. На этотъ разъ Оболенскій пришелъ къ Ростовцеву.

— Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки. Богъ милостивъ, ничего не будетъ!

— Евгений, Евгений! ты лицемеришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя противъ твоей воли и сегодня же предувѣдомлю Николая Павловича о возмущеніи.

— Любезный другъ, я не пророкъ, но я пророчу тебѣ крѣпость и тогда, — прибавилъ онъ смѣясь, — ты принудишь меня идти освобождать тебя.

12-го декабря, около 9 часовъ вечера, Николаю Павловичу доложили, что адъютантъ генерала Бистрома ждетъ его въ передней съ пакетомъ отъ генерала въ собственныя руки Его Высочества. Николай вышелъ къ нему и принялъ пакетъ. Четырехугольное, длинное, немного лошадиное лицо юнаго офицера, на видъ, пожалуй, даже тупое, не выдававшее его большой умственной тонкости, было знакомо Николаю и, вѣроятно, ему нравилось. Онъ любилъ такія лица, потому что не любилъ умниковъ и философовъ. Онъ попросилъ офицера подождать и, вернувшись въ кабинетъ, вскрылъ пакетъ. Въ немъ было письмо, но не отъ Бистромъ, а отъ самого Ростовцева. Николай сталъ читать его, останавливаясь на отдѣльныхъ фразахъ.

«Въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ, иногда, Ваше доброе ко мнѣ расположеніе... горя желаніемъ быть, по мѣрѣ силъ моихъ, полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи; наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ...

«Для Вашей собственной славы, погодите царствовать.

«Противу Васъ должно таиться возмущеніе; оно вспых-

нетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междуусобіемъ, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть, и Литва отъ насъ отдѣлятся; Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою Азіатскою.

«Ваше Высочество! ...державу умолять Васъ именемъ славы Отечества, именемъ Вашей собственной славы — преклоните Константина Павловича принять корону!»

Минуть десять прождалъ Ростовцевъ въ передней. Его позвали. Николай Павловичъ тщательно заперъ за собой обѣ двери, взявъ его за руку, обнявъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ:

«Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхалъ никогда».

«Ваше Высочество, не почитайте меня донощикомъ и не думайте, что я пришелъ съ желаніемъ выслужиться». — «Подобная мысль не достойна ни меня, ни тебя. Я умѣю понимать тебя».

Оба забыли объ этикетѣ. Ростовцевъ говорилъ, заикаясь и, какъ это бываетъ у слегка заикающихся людей, слова его звучали особенно проникновенно и сильно. Оба были искренно взволнованы и все же, несмотря на это, немного играли. Оба любили позу благородства и рыцарства и быстро полали въ тонъ другъ другу. Чтобы эта игра въ исключительное благородство проходила удачно — надо было вѣрить другъ другу или притворяться, что вѣрятъ. Николай Павловичъ могъ быть доволенъ и собою и своимъ собесѣдникомъ, который тоже хорошо и тонко велъ игру. «Противъ меня есть заговоръ?» — спросилъ онъ. «Ваше Высочество! Я никого не могу назвать, но многіе питаютъ противъ Васъ неудовольствіе». Великій князь нахмурился. Нѣкоторое время оба молчали.

«Можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что это противно твоему благородству — и не называй! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность! Ни убѣжденія Матушки, ни мольбы мои, не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекся, въ приватномъ письмѣ укоряетъ меня, что я провозгласилъ его Императоромъ и прислалъ мнѣ съ Михайломъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно». — «Нѣтъ, Ваше Высочество! Поѣзжайте сами въ Варшаву, или пусть

Константинъ Павловичъ прѣдетъ въ Петербургъ... — «Что дѣлать, овъ рѣшительно отъ этого отказывается, а онъ — мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ. Нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но если воля Всевышняго назначить иначе и мнѣ нужно погибнуть, у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ».

«Ваше Высочество — это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?»

«Можешь-ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя; но престоль праздненъ; братъ мой отрекается; я единственный законный наслѣдникъ. Россія безъ Царя быть не можетъ. Что же велить мнѣ дѣлать Россію? Нѣтъ, мой другъ, если нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ!»

Онъ снова обнялъ Ростовцева и оба прослезились. — «Этой минуты я никогда не забуду. Знаешь-ли Карль Ивановичъ (Бистромъ), что ты поѣхалъ ко мнѣ? — «Онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ, я не хотѣлъ огорчить его этимъ; а, главное, я полагаю, что только лично съ вами я могу быть откровененъ насчетъ васъ». — «И не говори ему ничего до времени; Я самъ благодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка». — «Ваше Высочество, всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ». — «Наградой тебѣ — моя дружба. Прощай!»

Когда Ростовцевъ вышелъ изъ Зимняго Дворца въ сырую декабрьскую мглу, голова его слегка кружилась. Двадцатилѣтній подпоручикъ, онъ говорилъ, какъ съ другомъ, съ повелителемъ Россіи, какъ Яковъ Долгорукій, какъ маркизъ Поза давалъ ему совѣты. Передъ нимъ открылись двери въ солнечный міръ Верховной власти. Онъ поставилъ крупную ставку, рискнулъ свободой, честью и жизнью — и выигралъ. Во имя чего? Только-ли для блага отечества? Былъ-ли тутъ и расчетъ? Если быть, то очень тонкій и точный. Онъ удивительно вѣрно почувствовалъ и натуру будущаго царя и неизбежность его побѣды и весь стиль грядущаго царствованія. Ему по справедливости суждено было стать его украшеніемъ.

Но холодный воздухъ протрезвилъ его. Оставалось исполнить вторую часть замысла, сказать заговорщикамъ, что они открыты и тѣмъ остановить ихъ. Совѣтъ его бы-

да чиста: онъ никого не назвалъ. И все-же не предчувствовали-ли онъ, что подозрѣніе въ предательствѣ на всю жизнь останется на немъ, какъ липкое, маслянистое пятно на пальцахъ, какъ тошнотный привкусъ на губахъ? Что понадобится тридцать лѣтъ жизни и 19-ое февраль, чтобы искупить грѣхъ, совершенный въ этотъ туманный вечеръ.

Слѣдующее утро онъ провелъ на службѣ; потомъ сдѣлалъ запись своего письма и разговора съ великимъ княземъ и послѣ обѣда отнесъ ихъ Оболенскому. Тотъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ, у него сидѣлъ Рылѣевъ. «Я исполнилъ свой долгъ, — сказалъ Ростовцевъ, — я вчера былъ у Великаго Князя».

Гнѣвъ охватилъ кроткаго Оболенскаго.

«Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій Князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ, либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ. Но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!»

Но Рылѣевъ бросился на шею Ростовцеву (это разсказываетъ Ростовцевъ) и сказалъ:

«Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей».

Обнявъ Ростовцева и Оболенскій. Но въ немъ еще болѣлись два чувства и онъ сказалъ съ полусутильной досадою:

— Я желалъ-бы задушить его въ моихъ объятіяхъ!

Рылѣевъ сейчасъ же показалъ письмо Ростовцева Николаю Бестужеву. — «Ростовцевъ ставитъ свѣчку и Богу и сатанѣ, — сказалъ Бестужевъ. — Мы всѣ будемъ арестованы, если не теперь, то послѣ присяги».

У Бестужева было даже сомнѣніе, то-ли самое письмо показалъ Ростовцевъ, которое отдалъ Николаю.

Рылѣевъ спросилъ:

«Что же намъ, полагаешь, нужно дѣлать?»

«Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятыми на площади, нежели въ постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ».

Рылѣевъ, какъ это было принято въ томъ восторженномъ поколѣніи, бросился къ Бестужеву на шею.

«Я увѣренъ былъ, что это будетъ твое мнѣніе: итакъ, съ Богомъ! Я увѣренъ, что мы погибнемъ, но примѣръ останется».

Такимъ образомъ, Ростовцевъ, который хотѣлъ предупредить возмущеніе, сдѣлалъ его неизбежнымъ. Обѣ стороны теперь знали, что имъ предстоитъ борьба не на жизнь, а на смерть.

••

Главный освѣдомитель Общества, князь Трубецкой, былъ не на высотѣ: онъ вѣрилъ и убѣждалъ членовъ Думы, что Константинъ пріѣдетъ и приметъ корону. Только 10-го декабря узнали они о томъ, что цесаревичъ вторично отказался пріѣхать въ Петербургъ. Собранія шли за собраніями, у Рылѣва, Оболенскаго и другихъ членовъ Общества. Обыкновенно собирались въ столовой у Рылѣва, но хозяинъ часто удалялся въ спальню для отдѣльных совѣщаній съ членами Верховной Думы — Трубецкимъ, Оболенскимъ и Бестужевымъ. Каждый день заговорщики видѣли тамъ англазированную фигуру Трубецкого, его рыжіе волосы, удлиненное лицо съ большимъ носомъ и выдающимися впередъ, неровными зубами. Онъ больше молчалъ и по природной своей молчаливости и, можетъ быть, немного для того, чтобы казаться болѣе внушительнымъ въ глазахъ молодыхъ сочленовъ. Его называли въ диктаторы, а молчаливые диктаторы внушаютъ больше довѣрія, чѣмъ даже самые краснорѣчивые.

Къ 12-му планы заговорщиковъ уже приняли ясный очертанія: рассчитывали, что рядъ полковъ — Измайловскій, Финляндскій, Лейбъ-Гренадерскій, Московскій, Егерскій и Гвардейскій Экипажъ не присягнуть. Въ Финляндскомъ, несмотря на трусость Моллера и на то, что въ немъ было только два дѣятельныхъ члена — Розень и Рѣдинъ, удалось собрать въ квартирѣ Рѣпина человекъ 15 офицеровъ для обсужденія текущихъ событій. Но надежды на Измайловскій полкъ, шефомъ котораго былъ Николай Павловичъ, были ни на чемъ не основаны. Среди кавалергардовъ числилось много членовъ, но большинство изъ было въ отпуску, а пришедшіе на собраніе къ Оболенскому Анненковъ и Свистуновъ высказались противъ возстанія и не вѣрили въ возможность повести съ собой солдатъ. Лейбъ-Гренадеръ могъ бы увлечь бывший

ихъ командиръ Булатовъ или же Якубовичъ. Больше всего рассчитывали на Морской Экипажъ. За него или, по крайней мѣрѣ, за человѣкъ 300-400 ручался энергичный Арбузовъ; тамъ тоже шли непрерывныя собранія и настрояніе подымалось. Меньше всего рассчитывали на Московскій полкъ. Изъ двухъ офицеровъ полка, бывшихъ въ заговорѣ, Щенинъ не былъ даже членомъ Общества. Онъ искренно думалъ, что его новые друзья хотятъ Константина съ конституціей, а, впрочемъ, готовъ былъ кричать и «къ чорту конституцію!» Правда, онъ былъ очень «наэлектризованъ» Михаиломъ Бестужевымъ, «билъ руками и ногами, какъ бы заглушая разсудокъ всплесками воды и брызгами». Но не останется-ли только словеснымъ его изступленіе? Самъ же энергичный Михаилъ Бестужевъ всего только два мѣсяца, какъ командовалъ своей ротой и потому не былъ въ ней увѣренъ.

Трубецкой предлагалъ, чтобы первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ и шелъ съ барабаннымъ боемъ въ казармы ближайшаго полка, чтобы увлечь его и вмѣстѣ идти дальше къ другимъ полкамъ. Возстаніе предполагалось начать въ Гвардейскомъ Экипажѣ, который долженъ былъ идти въ Измайловскій полкъ, а потомъ въ Московскій, Гренадерскій и Финляндскій полки должны были идти прямо на Сенатскую площадь, мѣсто сбора для всѣхъ полковъ. Трубецкой былъ увѣренъ, что Николай испугается и вступитъ съ ними въ переговоры. Онъ заглядывалъ далеко: «Если въ первый день не вступятъ съ ними (т. е. съ возставшими) въ переговоры, то, увидѣвъ, что они не расходятся и переночевали первую ночь на бивакахъ, непременно на другой день вступятъ съ ними въ переговоры». Солдатамъ предполагалось говорить не только о вѣрности Константину и о преимуществахъ его передъ Николаемъ, но и о томъ, что въ завѣщаніи покойнаго царя обѣщано сократить имъ срокъ службы, что надо требовать исполненія этого завѣщанія, но на одно обѣщанье положиться нельзя, а «надобно сдѣлать крѣпко» и для этого никакъ не расходиться. А имѣя уже въ своихъ рукахъ значительное войско, можно будетъ выставить новыя требованія и заставить Сенатъ издать соотвѣтствующій манифестъ. Такъ какъ Трубецкой вѣрилъ, что «полки на полки не пойдутъ», то опасался только одной артиллеріи и считалъ важнымъ «зайти за нею». На все то время, пока положеніе оконча-

тельно не опредѣлится, надо было сохранить въ своихъ рукахъ войска. Для этого Трубецкой хотѣлъ расположить ихъ въ удобномъ для стоянки мѣстѣ, лучше всего гдѣ-нибудь за городомъ.

По другому варианту плана каждый полкъ долженъ былъ идти прямо на Сенатскую площадь для воздѣйствія на Сенатъ и переговоровъ съ Николаемъ. Въ случаѣ неудачи, предполагалось выйти изъ города и отступить къ Старой Руссѣ, къ Военнымъ поселеніямъ. Эта мысль привлекла Рылѣева. Онъ думалъ, что при постоянномъ недовольствѣ поселенныхъ солдатъ легко поднять ихъ на возстаніе. «Надо не имѣть никакого понятія о стратегіи, чтобы полагать возможнымъ ретироваться по петербургскимъ дефилямъ», — возражалъ на это присутствовавшій на собраніи талантливый артиллеристъ братъ Жаппотъ Пушина М. И. Пущинъ. Въ Манифестѣ Сената должны были быть объявлены: свобода печати и совѣсти, уничтоженіе Военныхъ Поселеній, реформа и гласность Суда, и самое главное: сокращеніе солдатской службы и отмена крѣпостного права. Сенатъ и Государственный Совѣтъ должны были до созыва и для созыва Учредительнаго Собранія, образовать Временное Правленіе, въ которое, наряду съ членами Общества, должны были войти Сперанскій и Мордвиновъ. Это Временное Правленіе должно было издать избирательный законъ и законы объ уравниніи сословій, объ уничтоженіи постоянной арміи и о введеніи мѣстнаго самоуправленія.

Этотъ планъ не былъ лишенъ достоинствъ ни въ военной его части, ни въ политической, которую Трубецкой выработалъ совместно съ Батенковымъ. Особенно остроумна юридически была попытка соблюсти легальность при переходѣ власти посредствомъ использования Сената. Въ этомъ сказался бюрократическій опытъ Батенкова. «Какъ легко въ Россіи произвести перемѣну, — говорилъ онъ, — стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ Россіи не можетъ быть другого правленія, кромѣ монархическаго; одиѣ церковныя эктеніи не допускать насъ до республики. Хоть для переходу нужна монархія ограниченная». «Онѣй трибуналъ насъ поддержитъ», — говорилъ онъ о Сенатѣ. А другой крупный чиновникъ, обер-прокуроръ Сената, Краснокутскій, бывшій членомъ южнаго Общества, положительно обѣщаль заставить Сенатъ издать требуемый манифестъ, если только войска себе-

рутся на площади. Въ военномъ отношеніи первый вариантъ плана, съ движеніемъ отъ полка къ полку, давалъ больше шансовъ на то, чтобы увлечь полки, но зато былъ болѣе рискованнымъ. Проще казалось сразу сосредоточить всѣ силы около Сената, того учрежденія, на которое возлагалась такая большая роль въ переворотѣ. На этомъ, по настоянію Рылѣва, и остановились. Въ пылу обсуждения высказались и другія предположенія. У Рылѣва была мысль захватить Кронштадтъ, «который въ случаѣ неудачи могъ-бы служить тѣмъ-же, чѣмъ былъ островъ Леонъ для гишпанцевъ». Но хотя среди моряковъ были такіе выдающіеся члены, какъ Торсонъ, адъютантъ начальника Морского Штаба, и энергичный Арбузовъ, для захвата Кронштадта не было все же достаточныхъ связей и силъ. Трубецкой предлагалъ было, чтобы Лейбъ-Гренадерскій полкъ овладѣлъ Арсеналомъ, а Финляндскій — Крѣпостью, но тотчасъ-же самъ испугался могущаго произойти отсюда раздробленія силъ. Слышались голоса: «можно и во Дворецъ забраться!» Но умѣренный Батенковъ предупреждалъ, что «Дворецъ долженъ быть священное мѣсто, что если солдатъ до него прикоснется, то уже ни чертъ его ни отъ чего не удержитъ!» Рылѣвъ тоже думалъ о занятіи Дворца, кстати на караулъ долженъ былъ вступить батальонъ финляндцевъ подъ начальствомъ полковника Моллера, на котораго все-же еще надѣялись и котораго ждали на Собраніе. Рылѣвъ даже спрашивалъ, нельзя-ли достать планъ. «Царская Фамилія не иглока, — шутилъ Александръ Бестужевъ, — не спрячется, когда придутъ ее арестовывать».

Предлагались и болѣе крайнія мѣры. Якубовичъ говорилъ, что надо разбить кабаки, дозволить черни грабить, а потомъ взять хоругви въ какой нибудь церкви и идти во Дворецъ. Каховскій, недовольный слишкомъ умѣренными, по его мнѣнію, рѣшеніями, съ досадой восклицалъ: «Съ этими филантропами ничего не подѣлаешь!» И, какъ это водилось тогда, грозилъ, если его не послушаютъ, «пойти и на себя объявить». И даже Александръ Бестужевъ, въ душѣ очень умѣренный человекъ, кричалъ, охваченный общимъ возбужденіемъ: «переступаю за Рубиконъ, а Руби-конъ значить руби все, что ни попало!»

«Мы умремъ, ахъ, какъ славно мы умремъ!» — все повторялъ въ какомъ-то упоеніи Одоевскій, и его глаза сіяли «лазурнымъ» блескомъ. Рылѣвъ говорилъ о любви къ

родинѣ, его «ликъ озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря». «Да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ пользу», говорилъ онъ. Увы, это былъ жертвенный энтузіазмъ, предвкушеніе гибели, а не побѣды.

И все-же Рылѣевъ вѣрилъ, что «тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: дерзай». «Надобно нанести первый ударъ, а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствию». Увлекающемуся поэту порой казалось, что достаточно одного рѣшительнаго капитана, чтобы поднять цѣлый полкъ. Другіе были настроены болѣе скептически. Булатовъ, человекъ военный, удивлялся, что собираются одни ротные командиры. По числу начальниковъ нельзя было думать, чтобы войскъ было больше шести ротъ. «Какъ велика ваша сила?» — спросилъ онъ Рылѣева. Рылѣевъ отвѣчалъ: «мы довольно сильны: пѣхота, кавалерія, артиллерія, — все есть!» Но Булатова легко было обмануть неясной для него «отечественной пользой», а въ военныхъ вопросахъ у него былъ наметанный глазъ. Когда его избрали вмѣстѣ съ Якубовичемъ помощникомъ «диктатора», съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ начальствованіе на площади, такъ какъ его болѣе чѣмъ Трубецкой знали въ гвардіи, онъ согласился, но въ душѣ продолжалъ колебаться. Къ тому же ему не нравился Трубецкой. «Не правда-ли, господа, что мы выбираемъ достойнаго начальника?» — спросилъ Рылѣевъ его и Якубовича. Но Булатовъ «не видѣлъ въ князѣ особенныхъ достоинствъ, развѣ что важность настоящаго монарха» и промолчалъ, усмѣхаясь, а Якубовичъ съ ироніей воскликнулъ: «да, онъ довольно великъ!» Оба военныхъ человека, почувствовавшихъ другъ къ другу симпатію, рѣшили дѣйствовать сообща. У Булатова нарастало недовѣріе къ самому Рылѣеву — вспомнилъ, что въ корпусѣ Рылѣевъ считался рожденнымъ для заварки кашъ, а не для того, чтобы ихъ расхлебывать. Онъ считалъ себя «искуснѣе въ военномъ ремеслѣ, чѣмъ Трубецкой, и духомъ тверже его». Но стать во главѣ мятежниковъ Булатовъ и Якубовичъ рѣшили только если выступитъ много войска и будутъ шансы на побѣду. Въ глубинѣ души былъ точно такъ же настроенъ и самъ «диктаторъ», но у него не хватало мужества въ этомъ сознаться, ложный стыдъ удерживалъ его. Всѣ трое, какъ настоящіе военные люди, не могли отдѣлаться

отъ основныхъ принциповъ тактики — сраженіе давать только тогда, когда есть виды на успѣхъ. Психологія революціонеровъ, жажда жертвенной гибели во имя будущаго была имъ чужда.

Рылѣва мучилъ страшный вопросъ объ участи царя и его семьи. Каховскій предлагалъ, не ожидая присяги, идти ночью во Дворецъ и захватить всю «Царскую Фамилію». Это было-бы въ традиціи петербургскихъ переворотовъ. Но увлечь солдатъ не на защиту присяги, а на заговоръ было невозможно. А чтобы обойтись безъ солдатъ, для такого предпріятія надо было имѣть сильную организацію и многихъ рѣшительныхъ людей. Планъ не былъ принятъ; декабристы порывали съ практикой гвардейскихъ заговоровъ и становились предтечами новаго революціоннаго движенія въ Россіи. Но если нельзя захватить царя, то не настало-ли время воспользоваться Каховскимъ для «нанесенія удара?» Наканунъ 14-го Рылѣвъ обнялъ его на прощанье. «Любезный другъ, ты сирь на сей землѣ; ты можешь быть полезенъ, чѣмъ на площади: истреби императора!» Бестужевъ, Пущинъ и даже кротчайшій Оболенскій тоже обняли его, впрочемъ, послѣдній не для того, чтобы выразить сочувствіе цареубійству, а просто отъ волненія и душевнаго подъема, въ которомъ онъ тогда находился. Повидимому, Каховскій хотѣлъ выстрѣлить въ Николая, если онъ явится на площадь. Твердаго плана и рѣшенія однако ни у кого не было. Между тѣмъ, это былъ единственный шансъ на побѣду. Все остальное — надежды на переговоры съ Николаемъ, на компромиссъ съ нимъ — было иллюзіей. Заговорщики не знали характера своего противника, его непреклонной воли.

*
**

21-го ноября 1825 года кончилась Александровская эпоха русской жизни, славное и странное царствованіе этого загадочнаго человѣка. Въ началѣ оно все казалось освященнымъ его очаровательной улыбкой. Царь — влюбленный въ свободу, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ, Царь - республиканецъ, это было рѣдкое, единственное въ исторіи зрѣлище. Юная дружба его и его прелестной почти дѣвочки жены съ такими же молодыми, чувствительными и благородными людьми, полными энту-

зіазма и стремленія къ добру — какъ это было очаровательно! Они не только мечтали, но и пытались воплотить въ жизнь свои мечты, эти очень молодые люди, и тогда то и хлынула на Россію волна конституціонныхъ проектовъ. Александръ былъ первымъ въ Россіи ученикомъ французскихъ просвѣтителей, старшимъ братомъ тѣхъ людей, которые такъ страстно его ненавидѣли и такъ долго съ нимъ боролись. Въ сущности онъ былъ первымъ декабристомъ. Даже впоследствии, когда онъ заблудился въ дремучемъ лѣсу мистическихъ исканій, Александръ остался ихъ братомъ по духу, какъ Хомяковъ и Аксаковъ братья Герцена и Огарева. Развѣ не тѣ же книги читали они въ юности — Локка и Руссо, Плутарха и Тацита? Развѣ не были всѣ одинаково непрактичными мечтателями и романтиками, захотѣвшими «вѣчный полюсъ растопить?» Александръ не выдержалъ столкновенія съ жизнью и разочаровался — но вѣдь это была общая судьба всего поколѣнія. Всѣ они разочаровались въ своихъ бурныхъ стремленіяхъ, почти всѣ стали искать утѣшенія въ религіи. «Замерзаніе» Александра было болѣе внутреннимъ и болѣе быстрымъ. *Le trône, какъ и noblesse, oblige*, — онъ былъ связанъ мѣстомъ. Право-же, человѣка въ его положеніи можно не слишкомъ осуждать за неустойчивость республиканскихъ убѣжденій! Но онъ зналъ о существованіи Тайныхъ Обществъ, зналъ поименно ихъ членовъ и никого не арестовалъ. Почему? Не потому-ли, что онъ чувствовалъ свою духовную связь съ заговорщиками. Въ сущности, онъ былъ виновенъ въ попусненіи, какъ многіе изъ нихъ были виноваты только въ недонесеніи.

Таковъ былъ царь-романтикъ, несчастный и обаятельный человѣкъ, котораго прозвали Благословеннымъ. Тотъ, кто готовился замѣстить его на престолѣ Россіи, былъ непохожъ на него. Онъ не выносилъ никакой «умственности», не любилъ искусства, только терпѣлъ литературу, почти какъ неизбежное зло. Все, что было неподвижнаго, коснаго, устойчиваго въ русской жизни, обрѣтало въ немъ символъ и вождя. Въ Николаѣ было много достоинствъ: воля, выдержка, преданность долгу «*beau coup de прапорщикъ*», но и «*un peu de Pierre le Grand*», по слову Пушкина. Была въ немъ и жестокость, но не жестокость характерна для него, а тяжесть, неподвижность, недуховность. Не было никого столь враждебнаго романтикъ,

какъ онъ, хотя и была въ немъ ложно-романтическая эмпфаза и любовь къ выпренней фразѣ. Все въ немъ было тягелымъ и прозаичнымъ, хотя и не лишеннымъ суровой и монументальной красоты. Сама наружность его была такова-же: строгая, величественная, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодная, скучная, неподвижная. Но большинство всѣхъ народовъ и во всѣ времена любить косность и неподвижность. Дворянству, чиновничеству, офицерству онъ былъ понятнѣе и ближе, чѣмъ тѣ нѣсколько сотъ мечтателей, которые стремились Богъ знаетъ къ чему въ будущемъ, едва ли не къ пугачевщинѣ, а пока отмѣняли палки и до-нельзя распускали мужиковъ и солдатъ. При Александрѣ всѣ либеральничали и фрондировали — такова была мода, но инстинктомъ жаждали истиннаго вождя, крутого и властнаго Царя. Если было что-либо мистическое въ тяжелой душѣ Николая, это была вѣра въ самодержавную власть. Эта вѣра сливалась въ немъ въ одно цѣлое съ его личными и семейными интересами и съ глубокимъ инстинктомъ человѣка, рожденнаго повелѣвать. Все это дѣлало ее еще болѣе сильной. Въ этой своей вѣрѣ, въ этомъ рѣшеніи бороться за свое право — воля его становилась непобѣдимой. Онъ не былъ физически смѣлымъ человѣкомъ, былъ даже скорѣе трусливъ, какъ многіе нервные люди. Въ дѣтствѣ боялся грома и молніи, блѣднѣлъ отъ выстрѣловъ, не рѣшался вырвать зубъ. Но онъ зналъ теперь, что будетъ бороться до конца. «Завтра я или Государь, или безъ дыханія», писалъ онъ генералу Дибичу 13 декабря, и это была не пустая фраза.

Ему было труднѣе, чѣмъ его противникамъ. Тѣ были нападающей стороной, знали гдѣ и когда нанесутъ ударъ. Ихъ было много и они поддерживали другъ друга. Атмосфера восклицаній, энтузіазма и обѣятій, возбуждающая атмосфера собраний и заговора поднимала ихъ духъ. Онъ же долженъ былъ ждать нападенія, не смѣя и не умѣя предупредить его, не зная, когда и съ какой стороны оно придетъ. Онъ былъ одинокъ, друзей у него всегда было мало, а та новая высота, на которую онъ теперь подымался, еще болѣе отдѣляла его отъ людей. Даже жена, чувствуя переменъ, сказала ему съ нѣмецкой сентиментальностью: «теперь я на второмъ планѣ въ твоемъ сердцѣ, такъ какъ первое мѣсто въ немъ занимаетъ Россія». Правило чести — не вмѣшиваться въ мужскія дѣла, не волновать женщинъ — то же самое правило, которое и

декабристовъ заставляло скрывать свое участіе въ заговорѣ отъ женъ и сестеръ — удерживало и его. Но императрица все же чувствовала опасность, плакала по ночамъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. Въ ночь на 14-ое Николай пришелъ къ ней, сталъ на колѣни, молился, просилъ ее мужественно перенести все, что можетъ произойти и, если придется умереть, то умереть съ честью.

Николай мало спалъ въ эту ночь. Въ первомъ часу состоялось засѣданіе Государственнаго Совѣта, на которомъ онъ прочелъ манифестъ о восшествіи своемъ на престолъ, а въ пять часовъ должны были собраться во дворецъ командиры гвардейскихъ частей. Раннимъ утромъ, прежде чѣмъ выйти къ нимъ, онъ успѣлъ поговорить съ Бенкендорфомъ, присутствовавшимъ при одѣваніи своего друга и повелителя, и принялъ генерала Воинова, командира всей Гвардіи. Брата Миши все еще не было. Потомъ въ седьмомъ часу, выйдя къ собравшимся командирамъ, онъ разъяснилъ имъ событія, прочелъ духовную покойнаго императора и актъ отреченія Константина и поручилъ ѣхать по своимъ командамъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ. «Вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы. — сказалъ онъ и прибавилъ, по своей привычкѣ поднимая плечи и аффективно возводя глаза къ небу: — если хоть часъ буду Императоромъ, то покажу, что этого достойнъ».

Дивизионные, бригадные, полковые и командиры отдѣльныхъ батальоновъ присягнули въ круглой библиотечной залѣ Главнаго Штаба и разѣхались. Къ семи часамъ закончилась присяга Сената (это разстраивало планы заговорщиковъ — удержать его отъ присяги). Расчитывали, что къ одинадцати часамъ она будетъ закончена и офицеры съѣдутся во дворецъ на молебень и для представленія новому царю. Къ этому же времени должны были приѣхать туда всѣ имѣющіе пріѣздъ ко Двору.

Пришелъ Милорадовичъ, какъ всегда, довольный, увѣренный. Часу въ девятомъ прискакалъ братъ, присутствие котораго было такъ необходимо. Михаилъ Павловичъ былъ настроенъ мрачно, и на увѣренія, что все налажено, отвѣчалъ: «день еще не кончился». Приѣхалъ Алексѣй Орловъ, личный другъ царя. Конно-гвардейцы, которыми онъ командовалъ, благополучно присягнули. Надежда ожила въ душѣ Николая. Потомъ явился командующій Гвардейской артиллеріей, Сухозанетъ, но съ менѣе пріят-

нымъ извѣстіемъ: артиллерія присягнула, но въ конной артиллеріи офицеры хотятъ, чтобы правильность присяги подтвердилъ имъ лично Михайлъ Павловичъ, о которомъ распространился слухъ, что онъ удаленъ изъ Петербурга изъ-за несогласія на вступленіе Николая на престоль. «Ты отвѣчаешь мнѣ за все головою», сурово сказалъ царь Сухозанету и отослалъ его обратно въ артиллерійскія казармы. Михайлъ Павловичъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. И вдругъ разстроенный, смущенный начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса Нейгардъ вбѣгаетъ къ нему съ ужасной вѣстью: «Sire, le régiment de Moscou est en pleine révolte! Московскій полкъ взбунтовался, Шеншинъ и Фредериксъ тяжело ранены, и мятежники идутъ къ Сенату. Я едва успѣлъ ихъ опередить».

Послѣ мгновеннаго размышленія, Николай рѣшилъ идти туда, гдѣ опасность. «Il y a du bruit au régiment de Moscou, je vais y aller», сказала онъ женѣ и быстро ушелъ.

Ночь на 14-ое, краткая ночь, послѣдняя ночь передъ боемъ. Нужно собраться съ духомъ и съ мыслями и хотъ немного отдохнуть. Булатовъ поздно, послѣ 10 часовъ вечера, поѣхалъ проститься со своими двумя дѣвочками, жившими у его бабушки. Всѣ въ домѣ были уже въ постеляхъ, но старшая дѣвочка еще не спала. Онъ, плача, перекрестилъ дочь, веселую, не знавшую ни о чемъ своимъ глубококимъ дѣтскимъ незнаніемъ. Потомъ поѣхалъ къ Рылѣву за послѣдними распоряженіями, засталъ тамъ еще кое-кого изъ членовъ и, не сдерживая слезъ, рассказалъ о своемъ прощаніи съ дѣтьми. И Бестужевъ тоже заплакалъ и, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: «Боже, неужели отечество не усыновить насъ?» «Ну, оставьте это! — отвѣчалъ Булатовъ. — Если войска не придутъ, или ихъ будетъ мало, то я не потеряю дѣтей и своего имени и дѣйствовать не буду». Его на этотъ счетъ успокоили. Онъ вернулся къ себѣ, заснулъ, но въ 4 часа проснулся, написалъ письма, въ одномъ изъ которыхъ позаботился объ отпускной для своего слуги. Такъ-ли при Бородинѣ бросался онъ на непріятеля съ безумной мальчишеской храбростью? Теперь нужна была иная храбрость, отвѣтственная, знающая, гдѣ отечественная польза. Такъ про-

вель эту ночь не онъ одинъ. Даже юный мичманъ Бѣляевъ думаль о матери и сестрахъ, бывшихъ у него на рукахъ, и горячо молился передъ образомъ, вспоминая слова Христа: «еще кто не оставитъ матери, сестеръ, имѣнія ради Меня...»

Настало темное петербургское утро. Не было еще семи; Рылѣевъ лежалъ въ постели, когда къ нему пришелъ Трубецкой, какъ всегда, съ новостями, рассказать, что Сенатъ уже собрался, потомъ онъ ушелъ, а сверху (онъ жилъ въ томъ же домѣ) спустился Штейнгель и снова ушелъ къ себѣ: «пойду дописывать манифестъ, онъ у меня почти оконченъ въ головѣ, но, кажется, останется въ карманѣ», — сказалъ онъ. Приѣхалъ Рѣпинъ и рассказаль, что въ Финляндскомъ полку офицеровъ потребовали къ полковому командиру и что они присягаютъ отдѣльно отъ солдатъ. Заѣхали Булатовъ и Оболенскій. Приѣхалъ Николай Бестужевъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ Рылѣевымъ въ казармы Московскаго полка.

Но едва они стали уходить, какъ выбѣжала разстроенная, жалкая жена Рылѣева; она схватила за руку Бестужева и едва могла проговорить: «оставьте мнѣ моего мужа, не вводите его, — я знаю, что онъ идетъ на гибель!» Напрасно Бестужевъ говорилъ ей что-то о необходимости жертвы за отечество, напрасно Рылѣевъ, противорѣча ему, утверждалъ, что онъ не подвергается никакой опасности, — она не слушала ихъ и «дикій, горестный, испытующій взглядъ большихъ черныхъ ея глазъ попеременно устремлялся на обоихъ». Они смутились отъ этого взгляда. Вдругъ отчаяннымъ голосомъ она вскрикнула:

— Настенька! проси отца за себя и за меня!...

И маленькая дочка Рылѣева выбѣжала, рыдая, обняла его колѣна. Наталья Михайловна почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ и убѣжалъ.

Вмѣстѣ съ Пушинымъ побывалъ онъ у колеблющагося «диктатора», который обѣщаль, что когда соберутся войска, онъ явится на площадь. Потомъ они подѣхали на извозчикѣ къ казармамъ Московскаго полка. Снаружи все было тихо, не видно было ни офицеровъ, ни солдатъ, а внутрь войти они не рѣшились. И также, не заходя внутрь, проѣхали они мимо казармъ Измайловскаго пол-

ка. Послѣ этого Рылѣевъ вернулся къ себѣ на квартиру. Вѣроятно онъ чувствовалъ, что ничего не можетъ сдѣлать, что приходится терпѣливо ждать, какъ развернутся событія и что надо хоть немного успокоить жену. Что дѣлалось тамъ, за нѣмыми стѣнами казармы, онъ не зналъ.

М. Цетлиня.

Назаретскія будни

(Изъ книги «Иисусъ, Незвѣстный»).

I.

«Иисусъ не былъ христіаниномъ; Онъ былъ Іудеемъ», говоритъ великій историкъ, бывший христіанинъ, Велльгаузенъ. «Иисусъ былъ Іудеемъ и оставался Іудеемъ до послѣдняго вздоха», говоритъ маленькій историкъ, настоящій Іудей Клаузнеръ. Это, конечно, парадоксъ. Если нѣтъ связи между Христомъ и христіанствомъ, откуда же оно взялось и куда его дѣвать во всемірной исторіи? Сынъ чело-вѣческой — Сынъ Израиля — не соединяетъ ли въ Себѣ, какъ лебедь — обѣ стихіи, землю и воду, — землю Іудейства и воду всемірности?

Что такое «парадоксъ»? Слишкомъ иногда удивительная (*paradoxos*, значитъ «странный», «удивительный»), неимоверная, и, потому, кажущаяся ложью, истина. Только такимъ «парадоксальнымъ» языкомъ мы и можемъ говорить о многомъ въ Евангеліи, потому что оно само — величайшій Парадоксъ, слишкомъ для насъ удивительная и неимоверная истина.

II.

Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чего-то въ живомъ лицѣ Иисуса не только исторически, но и религіозно-подлиннаго, чего христіане, люди «крещенные», не могутъ въ Немъ понять, ни даже увидѣть, а Іудеи, «обрѣзанные», видятъ сразу, хотя еще меньше христіанъ понимаютъ?

Первый отвѣтъ на вопросъ: «кто Онъ?» — первое отъ Иисуса впечатлѣніе, зрительное, видѣвшихъ Его лицомъ къ лицу: «Іудей, Обрѣзанный».

Болѣе неизгладимую печать оставляетъ на чело-вѣкъ кровь обрѣзанія, чѣмъ вода крещенія, — это, увы, не па-

парадоксъ и для насъ, христіанъ, а нашъ собственный релігіозный опытъ. Скорѣе можно знать христіанина, забывъ, что онъ крещенъ, нежели іудея, забывъ, что онъ обрѣзанъ. Мы все забываемъ, что Іисусъ — Іудей, а вѣдь недаромъ напоминаетъ намъ объ этомъ чистый Эдлингъ, вчерашній язычникъ, Лука, такъ упорно и настойчиво: «на восьмой день обрѣзанъ... по закону Моисееву... принесенъ въ храмъ, чтобы представить Его предъ Господа, какъ повелѣно въ законѣ Господнемъ» (II, 21-24; 39).

Что это значить? Правы, конечно, Іудеи по своему, когда говорятъ, что Іисусъ не только нарушилъ, но и разрушилъ, уничтожилъ Законъ. Жертвы, очищенія, суббота, обрѣзаніе, — гдѣ всѣ эти столпы Закона въ христіанствѣ? «Вѣтхое близко къ уничтоженію», говоритъ Павелъ, и дѣлаетъ, что говоритъ: Вѣтхій Завѣтъ уничтожаетъ Новымъ.

III.

И вотъ, все-таки: «Я пришелъ исполнить Законъ». Разрушивъ, исполнить — тоже «парадоксъ» — уже не Евангелія, а самого Іисуса. Чтобы «исполнить Законъ», разрушивъ его, надо было Ему сдѣлать это не насильственно, извнѣ, а изнутри, естественно, какъ проростающее сѣмя разрушаетъ оболочку свою, чтобы, давъ много плода, исполнить внутренний законъ жизни; а для этого надо было принять на Себя Законъ внѣшній, войти въ него до конца, родиться не только Человѣкомъ воистину, но и Сыномъ Израіля воистину; быть «Іудеемъ изъ Іудеевъ, Обрѣзаннымъ изъ обрѣзанныхъ»; тайну Отца совершить въ Себѣ Самомъ, прежде чѣмъ тайну Сына.

Слишкомъ для себя легко и безкровно мы разрываемъ связь Человѣка Іисуса съ Израілемъ, забывая, какъ эта связь близка сердцу Его — къ нерасторжимой въ Немъ связи Сына съ Отцомъ, и какая смертная для Него боль — можетъ быть, крестъ всей утаенной жизни Его — этотъ разрывъ.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, парадоксъ: Христосъ не христіанинъ, — неимовѣрная истина.

IV.

«Слишкомъ любилъ Онъ Израіля», по чудно-глубокому слову «Посланія Варнавы» (117-132, 9 г.): *hyperēgā-
rēsen*, «слишкомъ любилъ», «перелюбилъ». Мы поняли бы

за что, если бы могли понять, что, такъ же какъ не было никогда и не будетъ подобнаго Ему человѣка, — не было и не будетъ никогда народа, подобнаго Израиллю: Его народъ, такъ же какъ Онъ самъ, — единственный. Только въ Израилѣ могъ родиться Иисусъ; правда, и убитымъ могъ быть только въ Израилѣ; но, если бы другіе народы не убили Его, то, можетъ быть, потому, что и не узнали бы Его вовсе, а этотъ — узналъ тотчасъ, хотя бы какъ бѣсноватый: «оставь! что Тебѣ до насъ, Иисусъ Назарянинъ? Ты пришелъ насъ погубить» (Мк. I, 24).

Сколько бы ни отступалъ жестоковѣрный Израиль отъ Бога, онъ все-таки весь въ Богѣ, какъ рыба въ водѣ. Первый изъ народовъ самъ началъ молиться и другихъ научилъ. Не было, нѣтъ и не будетъ лучшихъ молитвъ, чѣмъ Псалмы.

Этимъ-то молитвеннымъ воздухомъ и дышитъ Иисусъ отъ перваго вздоха до послѣдняго, отъ «Авва» въ колыбели до «Сабахтани» на крестѣ.

V.

Лѣтъ съ шести, ходилъ, вѣроятно, какъ всѣ дѣти, учиться въ школу, *beth-hasepher*, при Назаретской синагогѣ. Сидя на полу вокругъ свитка Закона, — читать его умѣли со всѣхъ четырехъ сторонъ, — дѣти повторяли за учителемъ, хассаномъ, хоромъ крикливыхъ голосовъ, одинъ и тотъ же стихъ Писанія; пока не заучивали его наизусть. Съ хоромъ этимъ сливалъ, вѣроятно, и маленькій Иешуа Свой дѣтскій голосокъ.

А съ двѣнадцати лѣтъ, уже ходилъ по субботамъ въ синагогу, «домъ собраній», *keneseth*, молиться со взрослыми, слушать проповѣдь и арамейскій переводъ Писаній, *targum*.

Внутренность синагоги очень простая: большая палата съ голыми, гладкими, бѣлыми стѣнами, съ двойнымъ рядомъ колоннъ, съ деревянными скамьями для молящихся и каменнымъ высокимъ помостомъ, *arona, tebuta*, обращеннымъ къ іерусалимскому храму, — отсюда, изъ Назарета прямо на полдень. Дверь за тебутой обращена была тоже на полдень и, большей частью, открыта для свѣта. Низенькій, со створчатыми дверцами, шкапикъ, смиренное подобіе Ковчега Завета, гдѣ хранились пергаментные,

на двухъ-деревянныхъ палкахъ развивавшіеся свитки Закона, находился тутъ же, на тебуть, а передъ шкапикомъ — столикъ на высокихъ ножкахъ, съ наклонной, для чтенія, доской. Чтець покрывалъ голову длиннымъ шерстянымъ полосатымъ покровомъ, головнымъ уборомъ кочевниковъ, въ знакъ того, что Израиль, въ пустынѣ міра, на пути въ царство Мессіи, — вѣчный странникъ.

Сидя на скамьѣ, лицомъ къ тебуть, черезъ открытую за нею дверь маленькій Іешуа могъ видѣть уходившій по золотому морю Іезреельскихъ пажитей, свой будущій, послѣдній путь въ Іерусалимъ, на Голгоѳу.

VI.

Учится, вѣроятно, и дома: свитки Закона хранились иногда и въ самыхъ бѣдныхъ домахъ. Школы раввиновъ едва-ли посѣщаль; Самъ не былъ никогда, въ школьномъ смыслѣ, «учителемъ Израіля». — «Какъ Онъ знаетъ Писанія, не учившись?» — дивятся Іерусалимскіе книжники (Іо. VII, 15), должно быть, потому, что Онъ имѣетъ видъ не ученаго *rabbi*, а простого поселянина, а м г а р е ц а, пастуха или каменщика, «строительныхъ дѣлъ мастера», н а г г а р а. Въ полѣ, за плугомъ, и въ мастерской, за станкомъ, дома, за вечерей, и въ пути, подъ шатромъ, вездѣ и всегда, учатся люди Закону и молятся, какъ дышать; Бога благодарятъ за каждый кусокъ хлѣба и глотокъ вина. «Слушай Израиль», *schema Iesreel*, — повторялъ, должно быть, и маленький Іешуа трижды въ день, какъ всѣ Іудеи, за тысячу лѣтъ до Него и черезъ двѣ тысячи — послѣ.

Молится и святѣйшей, «восемнадцатичастной» молитвой, *schmone Esrah*, о скоромъ пришествіи царства Мессіи.

VII.

Тихій свѣтъ субботнихъ огней, сладкій вкусъ вина пасхальнаго, смѣшанный съ горечью «травъ», въ блюдѣ съ похлебкой *charoseth*, красновато-коричневой, какъ та рѣчная глина, изъ которой въ Египетскомъ рабствѣ Израиль лѣпилъ кирпичи, и громовый, «ломающій кровли домовъ», *Hallel*, «пѣснь освобожденія», — все это Іисусу родное, святое, незабвенное.

«Вожделья, вожделья Я ѣсть съ вами Пасху сию», скажетъ ученикамъ въ предсмертную ночь (Лк. XXII, 15). Пасхи земной — царства небеснаго вкусъ: разъ вкусивъ этой сладости, человекъ и Сынъ Человѣческій уже никогда не забудутъ ея, не только здѣсь, на землѣ, но и тамъ, въ вѣчности «уже не буду ѣсть Пасхи, доколѣ не совершится она въ царствіи Божіемъ» (Лк. XXII, 16)

Вотъ за что Онъ «слишкомъ любилъ» — «перелюбилъ» Израиля; его Царемъ взойдетъ и на крестъ.

VIII.

Каждый годъ родители Его ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи

И когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они также, по обычаю, въ Іерусалимъ на праздникъ (Лк. II, 41-42).

Можно было пройти изъ Назарета въ Іерусалимъ, прямымъ путемъ, черезъ Самарію, дня въ три; но, такъ какъ Самаряне, почитая Галилейскихъ паломниковъ «нечистыми», не давали имъ ни воды, ни огня, ругались надъ ними, били ихъ, а иногда и убивали, то тѣ предпочитали обходный, болѣе трудный и опасный отъ разбойниковъ, путь черезъ лѣсныя и горныя дебри Перен.

Къ вечеру шестого дня, переправившись черезъ Іорданъ, спускались въ долину Іерихона, глубокой провалъ Мертваго моря, уже въ началѣ Низана, пасхальнаго мѣсяца, знойный, весь напоенный, какъ съ душистою мастью ларецъ, благоуханіемъ бальзамныхъ рошъ, отчего и городъ въ долинѣ той названъ «Іерихономъ», «Благоуханнымъ». Утромъ же восходя въ Іерусалимъ, на высоту двухъ тысячъ локтей, шли крутой, извилистой дорогой, между голыми, обгаренными марганцемъ, точно окровавленными, скалами. Въ сердце Іисуса отрока могло запасть вѣщее имя этой дороги Путь Крови .

IX.

Шли весь день съ утра до вечера Вдругъ, съ одного изъ крутыхъ поворотовъ у селенія Вифаги, на горѣ Елеонской, открывалась надъ многояруснымъ, плоскокровель-

нымъ, тѣсно-слѣпленнымъ, темно-сѣрымъ, какъ осиное гнѣздо, ветхимъ, бѣднымъ Іерусалимомъ, — великолѣпная, вся изъ бѣлаго мрамора и золота, громада, — какъ снѣжная гора на солнцѣ, сияющій Храмъ.

Hallel! Hallel! Аллилуія!
 Вотъ, стоятъ ноги наши
 во вратахъ твоихъ, Іерусалимъ,

хоромъ возглашали паломники Давидову «пѣснь Восхожденія».

Очи мои возвожу къ горамъ,
 откуда придетъ помощь моя...
 Горы окрестъ Іерусалима,
 а Господь окрестъ народа Своего
 отнынѣ и во вѣкъ.
 Миръ на Израиля!

Съ хоромъ сливалъ голосокъ Свой, должно быть, и маленькій Іешуа, повторяя изъ глубины сердца отца Своего, Давида, псаломъ:

Какъ вождѣльны жилища Твои, Господи силь!
 Истомилась душа моя, желая во дворы Господни;
 сердце и плоть моя восторгаются къ Богу живому.
 И птичка находитъ жилье себѣ
 и ласточка — гнѣздо,
 гдѣ положить птенцовъ своихъ у алтарей Твоихъ,
 Господи силь, Царь мой и Богъ мой!
 Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ,
 ибо одинъ день во дворахъ Твоихъ лучше тысячи.
Hallel! Hallel! Аллилуія!

X.

Когда же, по окончаніи дней праздника, возвращались они, отрокъ Іисусъ остался въ Іерусалимѣ; и не замѣтили того Іосифъ и мать Его;

но думали, что Онъ идетъ съ другими. Прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми.

И, не нашедши Его, возвратились въ Іерусалимъ, ища Его (Лк. II, 43-45).

Чтобы такъ забыть, потерять любимаго Сына, двѣнадцатилѣтняго мальчика, въ многотысячной толпѣ, гдѣ могли быть и злые люди; чтобы не вспомнить о Немъ ни разу, въ теченіе цѣлаго дня, не подумать: «гдѣ Онъ? что съ Нимъ?» — родители Его должны были привыкнуть къ такимъ Его внезапнымъ исчезновеніямъ, и примириться съ тѣмъ, что Онъ взялъ Себѣ волю, отбился отъ рукъ, и живетъ Своей отдѣльной, далекой и непонятной имъ жизнью. Сколько разъ пропадалъ, — находился; найдется и теперь.

Путь дневной прошли, — значить, спустились изъ Іерусалима въ Іерихонъ, а, можетъ быть, и черезъ Іорданъ переправились и начали всходить на горы Переи, когда, искавши Его напрасно, сначала среди родныхъ и знакомыхъ, а потомъ, должно быть, на первой ночевкѣ, по всему Галилейскому табору, поняли, наконецъ, что Онъ пропалъ на этотъ разъ не такъ, какъ всегда: можетъ быть, и не найдется.

Что должны были чувствовать, восходя снова въ Іерусалимъ, Путемъ Крови, и тамъ, въ городѣ, ища Его по всѣмъ улицамъ, вглядываясь въ лица прохожихъ, съ рстущей тоской и тревогой, каждую минуту надѣясь и отчаяваясь увидѣть Его? Какъ сердце свое измучила мать, глаза выплакала, за эти три дня — три вѣчности, думая, что никогда уже не увидитъ Сына.

XI.

Черезъ три дня нашли Его въ храмѣ, сидящаго посреди учителей, слушающаго ихъ и спрашивающаго.

Всѣ же слушавшіе (Его) дивились разуму и отвѣтамъ Его (Лк. II, 46-47).

Сидя, по школьному обычаю, въ тройномъ кругѣ учениковъ, у ногъ старцевъ, учителей Израиля, на великолѣпномъ, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, мозаичномъ полу, въ храмовой синагогѣ Тесаныхъ Камней, *Lischat Hagazit*, на юго-восточномъ концѣ внутренняго двора, гдѣ со-

бирались иногда члены Синедриона, знаменитые учителя и книжники Иерусалимскіе, — слушалъ ихъ, спрашивалъ и отвѣчалъ имъ отрокъ Иисусъ.

И увидѣвъ Его (Иосифъ и Марія) изумились; и мать Его сказала Ему: Сынъ! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ, отецъ Твой и я съ великою скорбью искали Тебя.

Онъ же сказалъ имъ: для чего вамъ было искать Меня? Развѣ вы не знали, что Мнѣ должно быть въ домѣ Отца Моего?

Но они не поняли сказанныхъ Имъ словъ (Лк. II, 48-50).

Нашему земному сердцу, — скажемъ всю правду, — эти неземныя, первыя, отъ Него людьми услышанныя, слова кажутся невыносимо-жестокими: какъ бы холодомъ междупланетныхъ пространствъ вѣетъ отъ нихъ; наше человеческое сердце обжигаютъ онѣ, какъ схваченное голой рукой на морозѣ желѣзо, сдирающимъ кожу, ледянымъ ожогомъ.

Такъ ли отвѣчаетъ матери любящей сынъ? «Что Ты сдѣлалъ съ нами?» — «Сдѣлалъ, что надо». — «Мы искали Тебя съ великою скорбью»... — «Ваша скорбь не Моя». — «Вотъ отецъ Твой»... — «Мой Отецъ — не онъ». Это не въ словахъ, а только въ намекахъ, но, можетъ быть, еще больнѣе такъ.

Любящій, какъ никто никогда не любилъ, могъ ли Онъ не понять, не увидѣть сразу, по лицамъ ихъ, что Онъ съ ними сдѣлалъ? Какъ же не бросился къ нимъ, не обнялъ ихъ, не прижался къ ихъ сердцу, не заплакалъ, моля о прощеніи, какъ маленькіе дѣти плачутъ и молятъ?

Давеча, только-что увидѣли Его издали и еще не успѣли обрадоваться, какъ уже «изумились» — «испугались», *exépлагésan*, чего-то въ лицѣ Его, въ глазахъ: точно сверкнула изъ нихъ и обожгла имъ сердце та ледяная молнія, — отъ схваченнаго голой рукой на морозѣ желѣза невыносимый ожогъ.

XII.

И вотъ, снова въ сердцѣ нашемъ невольно пишется не ложное, а утаенное Евангеліе —

Апокрифъ.

1.

Вспомнила ли въ ту минуту Мирьямъ, какъ онажды, — во снѣ или наяву, сама не знала, — маленькій Мальчикъ, двѣ капли воды Іисусъ, вошелъ къ ней въ домъ, въ вечерніе сумерки, и сначала, не разглядѣвъ, должно быть, хорошенько лица Его, подумала она, что это Онъ и есть; но, когда Онъ сказалъ ей: «гдѣ Братъ Мой, Іисусъ? Я хочу Его влѣтъ», — вдругъ поняла, что это не Онъ. И Мальчикъ обернулся Дѣвочкой; и такъ испугалась она, подумавъ, что призракъ ее искушаетъ, Іисусовъ двойникъ, что заметалась, какъ во снѣ, обезумѣвъ отъ страха; сама не помня, что дѣлаетъ, привязала Его — Ее къ ножкѣ кровати, и побѣжала за Іисусомъ, чтобы сравнить ихъ, узнать, кто Настоящій; но не узнала: Онъ и Она были совершенно другъ другу подобны. И Онъ обнялъ Ее, поцѣловалъ, и Двое стали Одно (*Pistis Sophia*, cap. 61).

Такъ и теперь, можетъ быть, то же въ вечерникъ, синагогу Тесаныхъ Камней наполняющихся сумеркахъ, хочетъ и не можетъ узнать, кто это; не пропалъ ли Настоящій, не нашелся ли Другой? И страшно ей; теперь, наяву, еще страшнѣе, чѣмъ тогда, во снѣ. Путается все, мѣшается въ умъ; не знаетъ, что наяву, что во снѣ. Ничего не понимаетъ, не помнитъ; видя чужой взглядъ родныхъ глазъ, слыша звукъ чужой родного голоса, теперь уже не только отъ страха, какъ тогда, но и отъ боли обезумѣла.

«И тебѣ самой оружіе пройдетъ душу», — слышала прежде, чѣмъ Онъ родился; но еще не знала тогда, кто подыметъ оружіе; теперь узнала: Сынъ.

«Кто не возненавидитъ отца своего и матери»... — сердце всего человѣчества, сердце Матери Земли, пройдетъ этотъ мечъ Сына, какъ ледяная молнія.

2.

И Онъ пошелъ съ ними, и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ. И мать Его сохраняла все слова въ сердцѣ своемъ.

Иисусъ же преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и чловѣковъ (Лк. 2, 51-52).

Было, какъ бы не было; вспыхнуло — потухло, какъ молнія; только емутио что-то помнится, какъ наяву страшный сонъ. Вышелъ на минуту изъ повиновенія, и снова вернулся въ него; выросъ на минуту, и снова сдѣлался маленькимъ. И все пошло какъ будто по старому. День за днемъ, годъ за годомъ, все то же: ходитъ Мальчикъ въ школу, съ дѣтскимъ хоромъ сливаетъ Свой голосокъ, повторяя за учителемъ каждый стихъ Закона, — и зтотъ: «чти отца своего и мать свою»; дома стучитъ молоткомъ; обмазываетъ глиной кирпичики, — учится строительныхъ дѣлъ мастерству; водитъ стадо черныхъ козъ на Галилейскія пастбища; когда же домой возвращается, — пастушью свирѣль Его, кифнору, жалобно поющую Кинирову пѣснь, мать узнаетъ издали:

Воззрять на Того, Кого пронзили,
и будутъ рыдать о Немъ,
какъ рыдаютъ объ единородномъ сынѣ,
и скорбѣтъ, какъ скорбятъ о первенцѣ...

Хочетъ что-то вспомнить и не можетъ. «Прежній, тотъ самый, Настоящій», думаетъ, вглядываясь въ Сына; и вдругъ, — какъ будто не совсѣмъ Тотъ — чуть-чуть Другой.

И ужась ледянымъ ожогомъ сердце жжетъ.

3.

Сидя однажды въ темномъ углу Назаретскаго домика при свѣтѣ тусклой лампы, чинилъ ремешокъ на стоптанныхъ лапоткахъ-сандалийкахъ и тихо-тихо, какъ осеннія пчелы жужжать надъ по-

слѣднимъ цвѣткомъ, напѣвалъ отца Своего Давида псаломъ — пѣснь Восхожденія по Пути Крови:

Господи! не надмевалось сердце Мое,
и не возносились очи Мои,
и Я не входилъ въ великое
и для Меня недосыгаемое.
Не смирялъ ли Я и не успокаивалъ ли
души Моей, какъ дитяти,
отнятаго отъ груди матери?
Душа Моя была во Мнѣ,
какъ дитя, отнятое отъ груди.

Жалоба такая въ этой пѣсенкѣ слышалась матери, что подошла къ Нему, сѣла рядомъ, положила голову Его къ себѣ на грудь, начала тихонько гладить по волосамъ; хотѣла что-то сказать, но словъ не находила — молчала. Молча подвнялъ Онъ глаза на нее, улыбнулся, потомъ прошепталъ, какъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда еще не умѣлъ говорить:

— Ма!

Тихо закрылъ глаза; вѣки опустились на нихъ такъ тяжело, что казалось, уже никогда не подымутся, — уснулъ.

И увидѣла мать такое на лицѣ Его сикніе, что солнечный свѣтъ передъ нимъ — тьма. И вспомнила вдругъ все, что забыла: Ангела въ ризахъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ лицомъ, какъ молнія:

Радуйся, Благодатная!

И сказала, какъ тогда:

Се, раба Господня;
Да будетъ мнѣ по слову твоему.

И еще сказала:

Величить душа моя Господа
и возрадовался духъ мой
о Богѣ, Спасителѣ моемъ,
что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы своей,
ибо отнынѣ будутъ ублажать меня всѣ роды,
что сотворилъ мнѣ величіе Сильный.

И уже не ледяная молнія ужаса, а огненная — радости прошла ей душу, какъ мечъ. Вдругъ поняла, что Сынъ любить ее, какъ никто никого никогда не любилъ, и сотворить ей величіе Сильный; на такую высоту вознесетъ Ее, на какой не былъ никто никогда; сдѣлаетъ рабу земную Царицей Небесной, матеръ Свою — Богоматерью.

ХІІІ.

Первыя слова Господни — какъ будто, невыносимо-жестокія, слова любви, какъ-будто ненавидящей; это неимовѣрно и, слѣдовательно, подлинно, по общему закону Евангельской критики: чѣмъ неимовѣрнѣй, тѣмъ подлиннѣй.

Самъ Лука даетъ намъ понять, откуда имъ взяты эти слова, такъ же, какъ весь «Апокрифъ» — не ложное, а «сутанное Евангеліе» о Рождествѣ и дѣтствѣ Господа.

Всѣ слова сіи сохраняла Марія, слагая ихъ въ сердцѣ своемъ (II, 19).

это послѣ Рождества, и опять, послѣ тѣхъ непонятныхъ словъ двѣнадцатилѣтняго Отрока:

Матерь Его сохраняла всѣ слова сіи въ сердцѣ своемъ (II, 51).

Въ этотъ-то, конечно, недаромъ дважды повторенный стихъ о сердцѣ матери и включаетъ Лука все Евангеліе о Рождествѣ и дѣтствѣ, какъ жемчужину — въ нетлѣнно-золотую оправу: память любви — вѣрнѣйшая; незабвенно помнить, потому что бесконечно любить сердце Матери.

Если все Евангеліе о явной жизни Господа есть не что иное, какъ «Воспоминанія» Апостоловъ, ароматическая, въ смыслѣ нашихъ «историческихъ воспоминаній», то и все Евангеліе о тайной жизни Его есть не что иное, какъ «Воспоминанія» Иисусовой матери.

Какъ же не вѣрить такому свидѣтельству?

XIV.

Темную ночь неизвестной жизни Иисуса Неизвестнаго прорѣзаетъ лучемъ ослѣпительно-яркаго свѣта этотъ рассказъ о двѣнадцатилѣтнемъ Отрокѣ, тѣмъ для насъ драгоцѣннѣйшій, что имъ подтверждаются наши собственные догадки — написавшійся невольно въ сердцѣ нашемъ, «Апокрифъ». Ночь озарила молнія, и мы увидѣли, что шли по вѣрному пути, при блѣдномъ свѣтѣ зарницъ, — обратныхъ, на тайную жизнь изъ явной — падающихъ отблесковъ; вѣрно угадали, что для Иисуса уже здѣсь, въ Назаретѣ, начинается восходящій къ Иерусалиму, Путь Кр о в и — крестный путь на Голгову.

Но послѣ внезапнаго свѣта — опять черная ночь, между второй и третьей главой, тридцатилѣтній — у Матѳея, двадцатилѣтній — у Луки, прерывъ молчанія, забвенія, какъ бы черный въ безпамятство провалъ: «былъ двѣнадцати лѣтъ», — «былъ лѣтъ тридцати» (Лк. II, 42; III, 23); что же между этими двумя точками, о томъ ни слова, а вѣдь въ эти-то именно годы, когда всякій человѣкъ достигаетъ полдня своего — мужества, въ судьбѣ Иисуса Человѣка, а если Онъ Спаситель міра, то и въ судьбѣ человѣчества, рѣшалось все на вѣки вѣковъ.

Тайна эта осталась бы для насъ неразгаданной, если бы не три опять-таки обратныхъ, изъ явной жизни, молніиныхъ луча.

Объ одномъ изъ нихъ — Искушеніи — потомъ, а сейчасъ — о двухъ.

XV.

Всѣ три Синоптика говорятъ о встрѣчѣ Иисуса съ «врагами человѣка, домашними Его», должно быть, въ Капернаумѣ, въ одинъ изъ раннихъ дней служенія Господня. Главнаго, однако, сказать не смѣютъ ни Лука, ни Матѳеи; оба замалчиваютъ, притупляютъ жало «соблазна», skandalon смѣетъ только Маркъ — Петръ; больше всѣхъ, должно быть, смѣетъ, потому, что больше всѣхъ любить — вѣрять.

Приходятъ въ домъ, и опять народъ сходится толпами, такъ что имъ невозможно было и хлѣба ѣсть

И, услышавъ, близкіе Его пошли взять Его (kratésai, силою наложить на Него руки); ибо говорили, что Онъ вышелъ изъ Себя, exesté (Мк. III, 21).

«Впалъ въ изступленіе», incidit in furorem, въ грубо-ватомъ, но сильномъ и точномъ переводѣ Вульгаты; «сошелъ съ ума», по нашему. Что это значить, мы узнаемъ изъ происходящаго тутъ же, около дома, въ жадно и праздно-любопытной толпѣ:

Книжники, пришедшіе изъ Іерусалима, говорили: въ Немъ нечистый духъ... Онъ имѣетъ въ себѣ Вельзевула, и изгоняетъ бѣсовъ силою Князя бѣсовскаго (Мк. III, 30; 22).

Это говорятъ враги Его, чужіе люди, а слушаютъ, соглашаются съ этимъ, «враги домашніе». Черезъ годъ, два (по ев. Іоанну), уже въ серединѣ или концѣ Его служенія, это подтвердятъ и старѣйшины Іерусалимскіе, вожди народа, въ скоромъ будущемъ, убійцы Господа:

Онъ одержимъ бѣсомъ и безумствуетъ; что слушаете Его? (Іо. X, 20).

И уже прямо въ лицо Ему, когда спросить:
За что ищете убить Меня?

весь народъ скажетъ:

Не бѣсъ ли въ Тебѣ? (Іо. VII, 20).

XVI.

Такъ же точно и древнихъ пророковъ Израиля, nebiim, даже самого Ілію, называлъ народъ, смѣясь и ругаясь: meschugge, 'безумные», «одержимые». Духомъ чловѣкъ одержимъ, это видятъ всѣ, но какимъ, — никто хорошенько не знаетъ; «Божіимъ», думаютъ одни; другіе, — «бѣсовскимъ».

Такъ же этого не знаютъ и о Сынѣ чловѣческомъ. Лучше всего могли бы знать домашніе: тридцать лѣтъ прожили съ Нимъ, — какъ же не знать? Но если въ эти именно дни, когда весь народъ, видя чудеса Его и знаменія, прославляетъ Бога, почитаетъ Иисуса великимъ пророкомъ, можетъ быть, Мессіей; когда и бѣсы кличуть: «знаемъ

Тебя, кто Ты, Сынъ Бога Всевышняго!» — если и въ эти дни, ближніе все-таки рѣшаютъ взять Его силою, то значить увѣрены, что книжники правы: «въ Немъ — бѣсъ».

Медленно, можетъ быть, двадцать лѣтъ, зрѣетъ на деревѣ жизни Его этотъ горькій плодъ; медленно свивается веревка, которой захотятъ связать Его, какъ бѣсноватаго; двадцать лѣтъ не чужіе, а родные, любящіе глаза слѣдятъ за Немъ, подглядываютъ. Братья и сестры, сначала по угламъ, шушукуются, а потомъ, все ближе и ближе, все громче: «мешугге! мешугге!» и наконецъ, рѣшаютъ спасти Его отъ бѣды и себя отъ позора — силою взять и связать, какъ бѣсноватаго, чтобы отвести домой, въ Назаретъ.

XVII.

И пришли къ Нему мать и братья Его; и не могли подойти къ Нему, по причинѣ народа (Лк. VIII, 19).

И, стоя внѣ (дома), послали къ Нему звать Его. Около Него сидѣлъ народъ. И сказали Ему: вотъ мать Твоя и братья Твои, и сестры Твои внѣ (дома) спрашиваютъ Тебя.

И отвѣчалъ имъ: кто мать Моя и братья Мои?

И, оглянувъ сидящихъ вокругъ Него, говоритъ: вотъ мать Моя и братья Мои; ибо кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и мать (Мк. III, 31-35).

Слышала ли мать изъ-за толпы это трижды повторенное «мать Моя», — дважды на первомъ мѣстѣ, потому что для Него, въ этомъ дѣлѣ, первая — мать? Сердцемъ, если не слухомъ, слышала, конечно, — и трижды мечъ прошелъ ей душу; больно ей, а Ему еще больнѣе. Нашему сердцу земному невообразима эта неземная боль. Если бы могли ранить другъ друга Существа Божественныя, то раны ихъ болѣли бы такъ.

XVIII.

Что дѣлаетъ мать? Зачѣмъ сюда пришла? Страшно молчать объ этомъ ближайшій свидѣтель Маркъ — Петръ; только въ «Апокрифѣ», тайномъ Евангеліи нашего сердца, мы читаемъ: мать пришла не для того, чтобы вало-

жить руки на Сына. Для чего же? Чтобы въ послѣднюю минуту защитить Его, спасти или погибнуть вмѣстѣ съ Нимъ; или чтобы снова, какъ тогда, въ Иерусалимѣ, двадцать лѣтъ назадъ, своими глазами увидѣть, узнать, Онъ ли это или не Онъ, Тотъ ли Самый, или Другой? Или, наконецъ, отъ страха сама не знала, что дѣлала, — опять забыла все? Или то помнить, то забываетъ; то свѣтъ Благовѣщенья, то тьма безпамятства; то земная раба, то Царица Небесная? И такъ — всю жизнь, пока не пройдетъ всего Пути Крови до конца; только тамъ, у подножья креста, когда оставленный всѣми, даже Отцомъ, Онъ не оставитъ ея, скажетъ съ креста ученику, котораго любить: «вотъ мать твоя», — только тамъ узнаетъ она, что Онъ любилъ ее не одною небесной, но и земною любовью, какъ никто никого никогда не любилъ.

XIX.

Вотъ одинъ изъ двухъ «обратныхъ свѣтовъ», а вотъ и другой.

Судя по Синоптикамъ, Иисусъ, еще до начала служенія, покинулъ братьевъ и мать, а по Іоанну, не такъ.

«Что тебѣ до Меня, женщина? — снова говоритъ матери какъ будто невыносимо-жестокія, неимовѣрныя, но подлинныя слова, въ Канѣ Галилейской, и тотчасъ же, ради нея, творитъ первое, самое нѣжное и на нее похожее изъ всѣхъ чудесъ Своихъ, — смиреннѣйшей человѣческой радости чудо — претвореніе воды въ вино.

Матери не покинулъ; не покидаетъ и братьевъ. Кажется, уже на второй годъ служенія, послѣ второй Пасхи, осенью, когда ходитъ по Галилеѣ, «ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что Іудеи искали убить Его»,

братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойди въ Іудею, чтобы и ученики Твои видѣли дѣла, которыя Ты дѣлаешь; ибо никто не дѣлаетъ чего-либо втайнѣ, но ищетъ самъ быть извѣстнымъ. Если Ты творишь такія дѣла, то яви Себя міру.

Ибо и братья Его не вѣровали въ Него.

На это Иисусъ сказалъ имъ: время Мое еще не настало, а для васъ всегда время.

Вась міръ не можетъ ненавидѣть, а Меня ненави-
дитъ, потому что Я свидѣтельствую о немъ, что
дѣла его злы (Io. VII, 3-7).

XX.

Гдѣ-то въ Галилеѣ бесѣдуютъ, — не въ томъ ли са-
момъ Капернаумѣ, гдѣ, года полтора назадъ, руки хотѣ-
ли наложить братья на Брата? Теперь уже не хотятъ. Ду-
мали тогда, что знаютъ, какой въ Немъ Духъ; думаютъ,
можетъ быть, и теперь то же: все еще не вѣрують въ Не-
го; ни въ чемъ не раскаялись; только присмирѣли — по-
няли, что руки у нихъ коротки взять Его силой. Искрен-
ни были тогда, а теперь лгутъ; шли на Него тогда откры-
то, ничего не боясь, а теперь — исподтишка, трусливо.
«Если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ», искушаетъ
Его сатана; «если Ты творишь такія дѣла, то яви Себя мі-
ру», искушаютъ братья. Ловятъ ли Его хитростью въ ло-
вушку, или, только по невѣдѣнію, толкаютъ въ яму —
Иудею, гдѣ убійцы Его уже стерегутъ? Лучше ли эта пау-
тина, которой хотятъ Его теперь опутать, чѣмъ та веревка,
которой хотѣли Его тогда связать; этотъ второй, тихій
ужасъ меньше ли того перваго, буйнаго? Сумеречно все
въ ихъ словахъ, и двусмысленно. Ясно одно: очень другъ
отъ друга устали, измучились; двадцать лѣтъ жили вмѣ-
стѣ, родные — чужіе, любящіе — ненавидящіе; души ихъ,
какъ связанные тѣла, терлись одна о другую, изъ году въ
годъ, изо дня въ день, пока не натерли ранъ, какъ у тяже-
ло-больныхъ, — пролежней.

Въ этой-то Капернаумской бесѣдѣ, и чувствуется, мо-
жетъ быть, не только у братьевъ, но и у самого Иисуса
такого пролежня двадцатилѣтняя боль.

XXI.

«Не бываетъ пророкъ безъ чести, развѣ только въ оте-
чествѣ и въ домѣ своемъ» (Mt. XIII, 57). Какъ безчестятъ
Его въ домѣ большемъ — въ Израилѣ, мы знаемъ, по Тал-
муду:

Если кто скажетъ: «я Богъ», — солжетъ; «я Сынъ
человѣческой», — раскается; «я взойду на небо», —
не сдѣлаетъ (Jerusal. Talm. Таан, 65 b).

Такъ же, вѣроятно, безчестили Его и въ маленькомъ Назаретскомъ домикѣ; такъ же и въ этой Капернаумской бесѣдѣ. Тысячный, должно быть, братскій уколъ булавкой: «яви Себя міру»; и тысячная капелька крови на тѣлѣ Брата: «время Мое еще не настало». Тѣ же уколы были вчера, и за десять, за двадцать лѣтъ; тѣ же будутъ и завтра, и черезъ десять-двадцать тысячъ лѣтъ. Вотъ она земная тяжесть въ Его неземной душѣ — скука Назаретскихъ будней — «дурной безконечности».

XXII

«Скука Господня», какъ это странно — страшно звучить! Можетъ ли «скучать» Господь? Если «объднить», «опустошить» Себя (ekenōsen) до смерти, по чудному слову Павла (Фил. II, 6-8); всѣ земныя тяжести принялъ на Себя смиренно, то почему бы и не эту, можетъ быть, самую тяжкую, смертную, — скуку? Оба Адама, изгнанники: рая, — тотъ невольный, первый, и Этотъ, вольный, второй, — могли ли бы выразить тоску изгнанія лучшимъ словомъ, чѣмъ это, простѣйшее: «скучно»? — «Доколѣ буду Я съ вами? доколѣ буду терпѣть васъ?» — не значить ли это: скучно, тошно Богу съ людьми?

XXIII.

Тошно, скучно Ему и въ этой бесѣдѣ съ братьями. Ни холодно въ ней, ни горячо, — тепло: «изблюю тебя изъ устъ Моихъ, потому что ты теплый», скажетъ Господь о такихъ братьяхъ Своихъ — не о насъ ли всѣхъ? — уже не во времени, а въ вѣчности? (Откр. III, 16). Ни черно въ этой бесѣдѣ, ни бѣло, — сѣро: послѣ черной ночи Голгоетской, вчерашней, — сѣренькій дождикъ, сегодняшній, съ креста смывающей Кровь.

XXIV.

Главное для такихъ мастеровъ «свѣтотѣни», chiaroscuro, какъ Винчи, Рембрандтъ и, можетъ быть, величайшій изъ нихъ, св. Юаннъ, — вѣрно уловить тайную душу всѣхъ красокъ и линий — каждому времени года и часу дня свойственный свѣтъ, или, по живописному слову французовъ, «цвѣтъ времени».

Кажется, въ чудесной, «свѣтогѣневой» картинѣ Іоанна: «Господь съ братьями», и уловленъ этотъ именно цвѣтъ времени въ двадцатилѣтнихъ Назаретскихъ будняхъ — цвѣтъ «скуки Господней» — розово-сѣрый; сѣрый туманъ скуки, и еще не красный, — только розовый, какъ заря сквозь туманъ, цвѣтъ Крови, уже не отъ «булавочныхъ уколовъ», а отъ крестныхъ гвоздей, — мы ихъ сейчасъ увидимъ здѣсь же, въ Назаретѣ, потому что здѣсь же начинается путь на Голгоѳу — Путь Крови. Кажется, всѣ Галилейскія горныя пастбища, съ жалобно-рыдающей свирѣлью Пастушка:

Воззрѣть на Того, Кого пронзили, —

окутаны, какъ утренней дымкою зноя, гдѣ уже зрѣветъ гроза, эту розовую сѣростью.

XXV.

Кто же такіе братья Господни, «домашніе враги» Его, двадцатилѣтніе мучители? Злые люди? Нѣтъ, очень добрые.

Одного изъ нихъ, кажется, старшаго, мы видимъ, какъ живого, въ «Воспоминаніяхъ» Гегезиппа, писанныхъ имъ въ глубокой старости, около 70-хъ годовъ перваго вѣка и, значитъ, восходящихъ къ началу вѣка, ко днямъ Мужей Апостольскихъ.

Іакова, брата Господня, называютъ Дикеемъ, «Праведнымъ», отъ самыхъ дней Господнихъ до нашихъ. Былъ онъ отъ чрева матерняго посвященъ Богу — (Назорей, такъ же какъ Іисусъ, Мт. II, 23). — Ни вина, ни сикера не пилъ; ничего живого — (мяса) — не ѣлъ; бритва не входила на голову его; шерстяныхъ одеждъ не носилъ, а только львяныя — растительно-чистыя, — и вступать во Святое святыхъ — (Іерусалимскаго храма) — ему одному разрѣшалось: тамъ, лежа на полу или стоя на колѣняхъ, молился онъ объ отпущеніи грѣховъ Израилю, такъ что сдѣлались у него, отъ тѣхъ непрестанныхъ молитвъ, мозоли на колѣняхъ, какъ у верблюда. «Праведнымъ» же названъ потому, что вонистину былъ праведенъ, какъ никто изъ людей; названъ и Обѣиз, что значитъ — по еврейски — «Ог-

рада», «Стѣна», потому что люди вѣрили, что одна только молитва его, святого, спасаетъ грѣшный народъ отъ Божьяго гнѣва.

Первому явился Господь, по воскресеніи, не кому-либо изъ ближайшихъ учениковъ, — ни Петру, ни Іоанну, — ни даже матери, а брату Іакову, по свидѣтельству «Евангелія отъ Евреевъ»; знаетъ объ этомъ и Павелъ (I Кор. XV, 7).

Вотъ какова любовь между братьями: жизнь соединила — не разлучила смерть. Можетъ быть, потому именно, что первый изъ домашнихъ враговъ Исуса, послѣдній въ вѣрѣ — Іаковъ, ему-то, по воскресеніи, Господь и является, первому.

XXVI.

«Стѣну» свою разрушилъ самъ же Израиль. Іакова, за открытое, передъ всѣмъ народомъ, исповѣданіе Христа, Іудейскіе старѣйшины, поставивъ, кажется, на томъ самомъ «крылѣ храма», гдѣ нѣкогда Господа искушалъ сатана, — столкнули внизъ, въ долину Кедрона (Hegesip. — Joseph. Flav., Ant. XX, 9, 1).

Такъ умеръ мученикъ — мучитель Брата. Падая въ пропасть и слыша, какъ вѣтеръ свиститъ въ ушахъ его, понималъ ли онъ, о чемъ рыдала свирѣль Пастушка: «воззрять на Того, Кого пронзили»? Этою послѣднею жалобой не пронзилъ ли сердце ему смертнаго вѣтра свирѣльный свистъ?

Рушилась «Стѣна» Израйля, и гнѣвъ Божій палъ на него: Іерусалимъ былъ разрушенъ.

Се, оставляется домъ вашъ пустъ (Mt. XIII, 38).

XXVII.

Мученикъ — дѣдъ, Іаковъ; внуки, Іаковъ и Закеръ, — исповѣдники, спасшіеся только чудомъ изъ пасти львиной (Домитіана), какъ мы уже знаемъ изъ «Воспоминаній» того же Гегезитпа. Мозоли отъ работы — на рукахъ у внуковъ; мозоли отъ молитвы — на колѣняхъ у дѣда: между тѣми и этими — вся трудовая, святая жизнь Святого Семейства.

Только на такомъ деревѣ, — Израиль, и на такой вѣтви его, — домъ Іосифа, могъ расцвѣсти такой Божественный цвѣтокъ — Іисусъ. Вотъ куда уходитъ Онъ корнями Своими, и откуда Ему надо ихъ вырвать. Если бы молодое растеніе, вырываемое съ корнемъ изъ земли, могло чувствовать, то ему было бы такъ же больно, какъ Іисусу.

XXVIII.

Трудно человѣку понять, что Богъ иногда требуетъ отъ него любви, какъ будто ненавидящей, безжалостной къ людямъ: «если кто не возненавидитъ отца своего и матери... Можетъ быть, трудно было это понять и Человѣку Іисусу. Кажется, всѣ эти двадцать лѣтъ Онъ только и дѣлаетъ, что этому учится.

Близъ Меня — близъ огня;
далеко отъ Меня — далеко отъ Царства (Agraph.).

это Онъ знаетъ: въ царство Его можно войти только черезъ огонь. Оба дома — большой, Израиль, и Назаретскій, маленький, — «слишкомъ любилъ», «перелюбилъ», и выжжетъ огнемъ Своей любви — опустошилъ: «се, оставляется домъ вашъ пусты».

Можетъ быть, главная мука Его — уже начало Креста — вовсе не то, что люди мучаютъ Его, а то, что Онъ ихъ мучаетъ, любя; губить, чтобы спасти: «кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее». Страшно человѣку такъ любить; но Онъ не можетъ иначе, какъ не можетъ огонь не жечь.

XXIX.

Самое же удивительное — страшное въ жизни Его то, что, страдая, какъ никто никогда не страдалъ, Онъ этого хочетъ Самъ, потому что этого хочетъ Отецъ, а воля Отца — Его.

Издали притягиваетъ Іисуса Крестъ, какъ магнитъ — желѣзо. Легкая сначала, какъ дѣтняго облака по бѣлымъ отъ маргаритокъ, Галилейскимъ горнымъ пастбищамъ, скользящая тѣнь, — все тяжелѣетъ, густѣетъ надъ Нимъ, становится, отъ Назарета до Голгофы протянувшаяся, тѣнь Креста.

Д. Мережковскій.

О положеніи совѣтской литературы

Пушкинь говорилъ о двухъ геніяхъ, стоящихъ въ началѣ и концѣ александровскаго царствованія: о добромъ геніи — Сперанскомъ, о — зломъ — Аракчеевѣ.

Эти слова приходятъ въ голову, когда думаешь о совѣтской литературѣ. Правда, кто ея злой геній — неизвѣстно въ точности: кандидатовъ на это званіе нѣсколько, и всѣ они достойны другъ друга. Зато «добрый геній» у нея несомнѣнно одинъ: Александръ Блокъ, авторъ «Двѣнадцати».

Совѣтская литература продѣлала путь настолько длинный, она такъ далеко ушла отъ первоначальныхъ своихъ настроеній, что сейчасъ страннымъ и почти кошмарнымъ кажется Блока въ связи съ ней вспоминать. Странно вспомнить и то ожесточеніе, которое революціонная блоковская поэма вызвала. Нѣтъ сомнѣній, что въ наши дни она, — или нѣчто ей подобное, внутренне близкое, — не только была бы сочтена въ Россіи за произведеніе реакціоннѣйшее, но даже вовсе не могла бы появиться. И отчасти оттого именно Блока и хочется назвать «добрымъ геніемъ» возникшей послѣ Октября и въ общемъ сочувственной Октябрю словесности: какія бы ни были у него ошибки, какъ бы онъ ни заблуждался, это — сама свобода, само — творчество даже... Марксизмъ на такихъ высотахъ терпитъ рѣшительное пораженіе, онъ просто не въ силахъ на нихъ подняться. Здѣсь — бытіе не опредѣляетъ сознанія, здѣсь духъ больше не слушается матеріи и «классовый подходъ» здѣсь ничего не объясняетъ: наоборотъ, поэтъ здѣсь «заявляетъ своеволие» — по Кириллову изъ «Бѣсовъ», — только своей освобожденной и облегченной волѣ и подчиняясь. Можно было бы еще разъ процитировать Пушкина, говоря о Блокѣ, — а именно заключительныя строки оды о Наполеонѣ:

Хвала! Онъ русскому народу...

Не было, правда, «мирака ссылки». Но было худшее: отчаянье, сомнѣніе, страхъ... И еще было острѣйшее предчувствіе, что «все идетъ къ чорту».

Предчувствія касались не только литературы, конечно. Но относились они и къ ней. Нельзя сказать, что по отношенію къ литературѣ они уже оправдались, «цѣликомъ и полностью», — но опасность, что они оправдаются, существуетъ и даже больше: опасность эта съ каждымъ годомъ увеличивается.

Идеологи совѣтской словесности называютъ постепенное исчезновеніе въ ней свободы — развитіемъ. Если внимательно прослѣдить по московскимъ журналамъ, какъ мало-по-малу суживались и скудѣли темы въ нихъ, какъ все тѣснѣе замыкается совѣтская литература въ «плановомъ» обслуживаніи временныхъ и мѣстныхъ государственныхъ нуждъ, то подлинный характеръ этого ея головокружительно-быстраго «развитія» поражаетъ. Что Блокъ! Еще недавно, пресловутый гладковский «Цементъ» казался и официально былъ признанъ произведеніемъ, выражающимъ самую сущность совѣтскихъ литературныхъ устремленій. Прошло нѣсколько лѣтъ, и романъ Гладкова безнадежно-устарѣлъ, и не потому, что въ немъ описывается отошедшій въ исторію періодъ русской революціонной жизни, но по идеѣ и пафосу его. Сейчасъ, въ оцѣнкѣ московскихъ критиковъ, и «Цементъ» уже «чужое» произведеніе: о немъ большей частью молчатъ, а если вспоминаютъ, то холодно и неодобрительно, приводя прежніе свои восторженные отзывы о немъ только «въ порядкѣ самокритики». И наоборотъ, намъ «Цементъ» представляется теперь менѣе плоскимъ, чѣмъ три года тому назадъ: по прежнему ясно, что романъ въ основѣ своей фальшивъ, по прежнему отталкиваетъ его претенціозный и малограмотный стиль, — но если выбрать изъ двухъ золь, т. е. между «Цементомъ» и средней совѣтской «литпродукціей» нашихъ дней, то романъ Гладкова все-таки лучше. Какъ бы это сказать? Въ немъ сильнѣе дыханіе, въ немъ шире горизонтъ... Пафосъ гладковскихъ героев не останавливается на восстановленіи завода, въ ихъ словахъ дѣйствительно чувствуются отзвуки того, что «мы свой, мы новый міръ построимъ». Образъ человѣка въ «Цементѣ» еще творческой, творящей, отдаленно-прометеевской. Онъ не по душѣ теперешнимъ руководителямъ совѣтской литературы изъ-за своего «романтизма» или точнѣе, изъ-

за ускользанія отъ контроля, изъ-за опасной и соблазнительной самостоятельности. Другой примѣръ: «Зависть» Олеси. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ только и было толковъ въ московской критикѣ, что объ этой повѣсти. Огромное количество статей было посвящено ей. Повѣсть признавалась интересной, «актуальной», нужной... Но сейчасъ и о ней уже нѣтъ больше рѣчи, — или бываетъ рѣчь только осуждающая, предостерегающая. Въ «Зависти» ставился слишкомъ общій вопросъ: о личности, о ея правахъ, о ея долгѣ. Съ точки зрѣнія теперешнихъ опекуновъ литературы, это вопросъ праздный, отвлекающій вниманіе отъ насущныхъ нуждъ строительства: этими, и вообще такими вопросами занимаются въ Кремлѣ, на недостижимыхъ партійныхъ верхахъ, они разъяснены въ твореніяхъ Маркса, Энгельса и Ильича, имъ дано исчерпывающее разъясненіе въ «работахъ товарища Сталина», а уступать разработку подобныхъ вопросовъ отдѣльнымъ писателямъ не слѣдуетъ. «Зависть» какъ бы слишкомъ умна для современной совѣтской литературы. Она ее этимъ раздражаетъ, и въ отвѣтъ ей указывается, что тема столкновенія личности и общества можетъ занимать и волновать только «интеллигентскаго хлюпка».

Все это московскіе критики называютъ развитіемъ, ростомъ литературы, «ликвидацией остатковъ буржуазныхъ взглядовъ», переходомъ на «пролетарскіе рельсы», «перестройкой» — и прочими болѣе или менѣе эффектными словами. Они борются другъ съ другомъ и другъ друга смѣняютъ «на руководящихъ постахъ», по мѣрѣ того, какъ одинъ проявляетъ большую изворотливость, чѣмъ другой и въ особенности большую готовность передать всѣ функціи мысли и замысловъ въ литературѣ — партіи и ея центральному комитету. Совѣмъ на дняхъ произошелъ новый такой переворотъ: Авербахъ, который въ послѣдніе годы признавался главнымъ авторитетомъ по проведенію строго-ленинской линіи въ литературѣ и придумыванію самыхъ правильныхъ лозунговъ, былъ уличенъ въ уклонѣхъ, въ податливости мелкобуржуазнымъ влияніямъ и даже идеализмѣ. Тому, кто знакомъ съ дѣятельностью Авербаха, выдвинутое противъ него обвиненіе а priori должно бы показаться абсурднымъ: ужъ онъ ли, не старался изо всѣхъ силъ ограничить литературу «отображеніемъ» строительства! Но, вникая въ требованія его противниковъ, видишь, что по сравненію съ ними у Авербаха

«остатки идеализма» дѣйствительно были: онъ, напримеръ, рекомендовалъ писателямъ брать въ качествѣ героев всегда только коммунистовъ, но допускалъ при этомъ, что коммуниста можно показать не только въ порывѣ борьбы, стройки и энтузіазма, но и въ частномъ быту, — откуда возникла «теорія живого человѣка», вызвавшая въ Россіи столько споровъ и возмущеній; онъ говорилъ о необходимости для пролетарскихъ беллетристовъ «догнать и перегнать классиковъ», очевидно подразумѣвая при этомъ, что до Льва Толстого они все-таки еще не дотянулись... Противники и побѣдители Авербаха «идеологически-выдержаннѣе» и прямолинейнѣе, — и сейчасъ передъ ними всѣ склонились, (и самъ Авербахъ въ томъ числѣ), такъ какъ возразить имъ нечего. Ихъ лозунгъ, обращенный къ возглавляемой Авербахомъ Россійской Ассоціаціи Пролетарскихъ писателей (Рапп) — «изъ рапповцевъ сдѣлать большевиковъ» — торжествуетъ. Рапповцы сами, наперебой, стремятся доказать, что они истинными большевиками становятся. Они отрекаются отъ «живого человѣка», отъ соперничества съ классиками, которые, разумѣется, давно уже «преодолены», — ибо, стоя на идеалистическихъ платформахъ и большей частью находясь въ «плѣну у Боженьки», какъ Левъ Толстой, эти бѣдные классики недостойны и отдаленнаго сравненія съ беллетристами, овладѣвшими «дialeктическимъ материализмомъ», — они вообще отказываются отъ всего, что непосредственно не помогаетъ провести пятилѣтку, собирать хлѣбъ по колхозамъ, уничтожать кулака.

Было бы слишкомъ долго — и, по существу, не интересно, — излагать всѣ перипетіи боевъ за власть въ советской критикѣ. Но, глядя на нихъ «съ птичьего полета», издаലെка, вспоминая, какъ когда-то Воронскій казался ограниченъ и нетерпимъ, какъ потомъ онъ сдѣлался символомъ вольности духа при сопоставленіи съ Авербахомъ, какъ, наконецъ, и о владычествѣ Авербаха приходится сожалѣть, будто о счастливыхъ временахъ, глядя на все это, убѣждаешься, что процессъ, развивающійся въ советскомъ «литературномъ руководствѣ», есть процессъ постоянного, «плановаго» суженія правъ и обязанностей творческой личности — и даьше, уничтоженія понятія творчества вообще. Можетъ быть, тамъ, въ Россіи имѣютъ въ виду «творчество» въ иномъ смыслѣ, можетъ быть тамъ вкладываютъ въ это слово другое содержаніе, когда еще

произносятся его. Не знаю. Но то представление о творчестве, которое было у людей до сих поръ, необходимо подразумеваетъ свободу выбора въ замыслѣ. Цензура, даже въ жесточайшихъ своихъ формахъ, эту свободу окончательно уничтожить была не въ силахъ. Цензура указываетъ только то, чего нельзя касаться, она дѣйствуетъ всегда отрицательно по самой природѣ своей. Въ участкахъ, для нея недоступныхъ, свобода остается, — а отсюда изъ этихъ участковъ, творчество возникаетъ, отсюда же оно находитъ пути, тропинки, проулки для проникновенія въ любыя области. Превращеніе цензуры во внушенія — вотъ, что для творчества губительно и вотъ, что происходитъ въ Россіи. Короче: губительна уступка функций мысли кому бы то ни было... Творчество требуетъ мысли въ качествѣ предпосылки. Въ Россіи мысль и право на нее переданы Центральному Комитету коммунистической партіи, и всѣ усилія «руководства» направлены къ тому, чтобы уступка эта оказалась наиболѣе полной. «Руководство» въ этомъ не признается, но по существу это такъ. И не только губителенъ самый фактъ уступки, но сказывается и то, что мысль или замыселъ, поддающіеся передачѣ въ общедоступной формѣ, неизбежно должны быть плоскими, лишенными всякой внутренней сложности и той игры «за и противъ», тезы и антитезиса, которая для всякаго творческаго порыва существенно-характерна.

Я говорю «руководство литературой» не отождествляя этого понятія съ понятіемъ «литературы». Разумѣется, литература сопротивляется, даже и въ теперешнихъ ужасающихъ условіяхъ, оскуднѣнію и смерти. По силѣ и степени этого сопротивленія она и заслуживаетъ нашего интереса. Но нельзя закрывать глаза: сопротивленіе уменьшается, «соглашательство» же съ противо-творческими казенными тенденціями растетъ. На примѣрѣ даровитѣйшаго Леонова и его «Соти» видишь это. О другихъ же, о многихъ другихъ — лучше и не говорить. Мало-по-малу «мельница» дѣлаетъ свое дѣло, перемалываетъ, дробитъ, и печатная совѣтская литература мельчаетъ и вянетъ, несмотря на внѣшній свой расцвѣтъ. Иногда здѣсь высказываютъ предположенія, что существуетъ въ Россіи иная литература, внѣ печати, «подъ спудомъ», ожидающая лучшихъ временъ и какъ бы до наступленія ихъ ушедшая въ ка-
такомбы... Трудно вѣрится въ это, правду сказать. Суще-

ствують, можетъ быть, отдѣльныя такія книги, написанныя и ненапечатанныя, двѣ-три, пять-шесть такихъ книгъ. Но едва ли существуетъ цѣлая литература «въ катакомбахъ». Литература требуетъ гласности. Она создается и развивается во взаимныхъ преломленіяхъ различныхъ энергій, въ отталкиваніи и притяженіи ихъ, въ перекличкахъ ихъ, наконецъ. Въ одиночествѣ могутъ вырасти только отдѣльныя, диковинныя или прекрасныя явленія. Но воздухомъ одиночества и уединенія не можетъ дышать литература.

Роковымъ моментомъ въ исторіи совѣтской литературы была знаменитая «резолуція» ЦК 1921 года — та резолуція, которую не только въ Россіи, но и здѣсь многіе искренно привѣтствовали, какъ нѣкую хартію вольностей, дарованную писателямъ.

Въ двухъ словахъ напомнимъ ея происхождение. Группа «напостовцевъ» — по тѣмъ временамъ группа самыхъ «лѣвыхъ» и «стопроцентно-пролетарскихъ» дѣятелей литературы, — враждовала со сравнительно-свободомыслящими Воронскимъ, Троцкимъ и Луначарскимъ. Споръ длился долго и ни чѣмъ не кончился бы, если бы не вмѣшалась партія. Во всемъ величій и славъ своего авторитета, какъ верховный, непогрѣшимый судья, партія вынесла «постановленіе по вопросамъ литературы».

Постановленіе само по себѣ было довольно мягкое, кое въ чемъ проникнутое даже либеральными тенденціями. Ему можно было радоваться и нашлись люди, которые действительно ему обрадовались. Но созданъ былъ ужасный прецедентъ, все значеніе котораго обнаружилось лишь впоследствии. Побѣжденная сторона склонилась передъ Центральнымъ Комитетомъ, но твердо запомнила, что литература можетъ и должна управляться при посредствѣ резолуцій, что принципъ сравнительной свободы, въ резолуціи провозглашенный, по существу отрицался тѣмъ самымъ фактомъ, что ЦК своимъ рѣшеніемъ споръ прекращалъ, что его сужденіе было абсолютно-обязательнымъ не только въ вопросахъ практической политики, но и въ области духовнаго творчества.

Воронскій, какъ будто бы поддержанный резолуціей въ своихъ стремленіяхъ, былъ на самомъ дѣлѣ ею скомпрометированъ. Въ первый разъ было признано, что право су-

да въ творческихъ вопросахъ принадлежитъ какому-то официальному коллективному органу, который компетентенъ давать указанія въ областяхъ, будто бы автономныхъ. Было зіяющее противорѣчіе между возможностью появленія подобной резолюціи и текстомъ ея. Авербахъ «съ товарищи» сразу поняли то, чего не сообразилъ Воронскій: если ЦК признаетъ за собой право дать писателямъ кое-какую свободу, то очевидно онъ считаетъ для себя позволеннымъ эту свободу и отнять; если онъ сегодня въ вопросахъ, до сихъ поръ рѣшавшихся вольнымъ соврезованіемъ, становится на одну сторону, и борьба послѣ того механически прекращается, то завтра онъ можетъ стать на другую сторону, съ тѣми-же результатами и послѣдствіями для борющихся... Доступъ къ хозяйствованію въ литературѣ былъ открытъ для тѣхъ, кто успѣшнѣе другихъ будетъ оперировать цитатами изъ Ленина и Маркса, кто лучше сумеетъ убѣдить правительство въ подлинной «классовости» своихъ взглядовъ и полезности ихъ для даннаго періода. Хозяйничаніе и перешло вскорѣ въ руки «юркихъ людишекъ», переходитъ отъ нихъ все дальше, къ людишкамъ еще болѣе юркимъ и пронырливымъ. Центральнй Комитетъ партіи можетъ быть имъ и не сочувствуетъ, точнѣе — не почувствовалъ бы, если бы ясно видѣлъ, кто, какіе «типы» ищутъ у него покровительства. Но онъ, разумѣется, равнодушенъ къ литературѣ, какъ былъ равнодушенъ къ ней Ленинъ, сказавшій когда-то, что «литература есть часть общепролетарскаго дѣла». Руководясь этой ленинской фразой, власть естественно ищетъ и хочетъ такой литературы, которая бы не только возможно меньше людей смущала, тревожила или волновала, но и удалила все го помогала въ разрѣшеніи ближайшихъ практическихъ задачъ. Оттого не нуженъ сейчасъ ни «Цементъ», ни «Зависть», ни другія подобныя имъ вещи, внѣ зависимости отъ ихъ художественной цѣнности. Въ «Цементѣ», говорятъ, есть энтузіазмъ, — не слишкомъ ли широкъ и расплывчатъ онъ? Куда онъ читателя заведетъ, Богъ знаетъ? Въ «Зависти» есть острота анализа, — но зачѣмъ углубляться въ такія дебри, не помѣшаетъ ли это людямъ «строить социализмъ», не заразитъ ли ихъ созерцаніе, а то даже и мечтательствомъ? Творчество? Но къ чему оно? Что это вообще такое, — это пресловутое «творчество»? Понятіе это упирается въ какой-то подозрительный идеализмъ, въ метафизику даже. Подъ видомъ вѣч-

ныхъ цѣнностей въ «творчество» контрабандой проталкиваются старенькія буржуазныя мыслишки и настроенія, весь вообще умственный и душевный багажъ «интеллигентскаго хлюпика», ненужный пролетариату, а въ теперешніе, смутные еще дни и опасный. На верхахъ партіи, по всей видимости, безотчетно еще держатся взгляда Троцкаго, который утверждалъ, что наспѣхъ культура не строится, что въ боевое время съ литературой можно повременить, и такъ далѣе... Тамъ предпочитаютъ словесность мелко тенденціозную, агитаціонную, пропагандную, не придавая ей, конечно, никакого длительного значенія. Но внизу, въ «литературномъ руководствѣ» съ этимъ не мирятся, и всячески избѣгая какихъ-либо дискуссій съ правящей группой, принимая тезисы о необходимости въ данный моментъ для литературы быть непосредственно полезной, здѣсь все же изъ самолюбія и въ особенности изъ страха быть обвиненными въ «классовомъ пораженствѣ», выдвигаютъ лозунги о «созданіи большого искусства большевизма» (или новѣйшій: «За Магнитострой литературы») и привѣтствуютъ появленіе такъ называемыхъ «большихъ полотенъ», какъ бы они грубо и лубочно размалеваны ни были. Большое въ количественномъ смыслѣ сходитъ за большое въ смыслѣ качественномъ: само «руководство», если понимаетъ значеніе и цѣнность такой подмѣны, то надѣется, что въ ней читатели не разберутся.

Въ литературѣ поощряется спѣшка, — и въ отвѣтъ она превращается въ какія-то скачки съ препятствіями. Въ журналахъ идетъ жестокая борьба за мѣста, и конечно вѣрнѣе всего отвоюетъ себѣ мѣсто тотъ, кто представитъ «плотно» наиболѣе актуальное по сюжету, съ дѣйствіемъ въ текущемъ, а не, Боже упаси, въ прошломъ году, съ идеологіей, провѣренной по послѣдней рѣчи Сталина и даже комментаріямъ къ ней, появившимся въ «Правдѣ», однимъ словомъ, плотно строго соответствующее и «текущему моменту», и «мировой конъюнктурѣ», и «острѣйшимъ задачамъ реконструктивнаго періода», и прочему, и прочему. Каковъ уровень и достоинство такихъ произведеній, — даже не художественный (что не такъ важно), а человѣческій уровень и достоинство, — догадаться не трудно. Долженъ сказать, что при чтеніи и просмотрѣ теперешнихъ совѣтскихъ журналовъ иногда кажется, что кто-то захотѣлъ испытать, до какого предѣла можетъ дойти способность человѣка прислуживаться и подхалимст-

вовать... Захотѣлъ испытать, и убѣдился, что предѣла нѣтъ: эта способность безмѣрна.

Что же во всемъ этомъ дѣлаетъ подлинная русская литература? Жива ли еще она тамъ, въ Россіи? Отвѣтъ на это не входитъ въ задачи настоящей статьи. Но добавлю, что въ лицѣ Леонова (все-таки, — несмотря на его явную духовную подавленность), Олеси, Пастернака, Бабеля, Пильняка, Всеволода Иванова, Зощенки и нѣкоторыхъ «чисто-пролетарскихъ» писателей, — какъ Фадѣевъ, напримеръ, человекъ безспорно талантливый и сложный, противорѣчащій въ писаніяхъ своимъ плоскимъ теоретическимъ рѣчамъ, — и даже нѣкоторыхъ «ударниковъ», какъ Митрофановъ, авторъ книги «Іюнь-іюль», во многихъ отношеніяхъ замѣчательной, — она отстаиваетъ себя, свои права и свою свободу. Тема личности и общества, — ея главнѣйшая тема, — разрабатывается ею не вездѣ и не у всѣхъ съ одинаковой глубиной и зоркостью, но въ общемъ такъ, съ такой внутренней свободой, что традиціи прежней, великой русской словесности, нельзя считать оборванными. Только, конечно, ей все труднѣе живется, ей все труднѣе дышится, — воздухъ для литературы значитъ: печать, гласность — и какъ это ни печально, надо сказать, что въ теперешней совѣтской обстановкѣ мало данныхъ для оптимизма насчетъ ея будущихъ судебъ.

Георгій Адамовичъ.

Пути Россіи

Имперія.

I.

«Воины! — писалъ Петръ Великій въ приказѣ войскамъ ваканувѣ Полтавской битвы, — се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, ...за православную нашу вѣру и церковь... А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Генеральная баталія при Полтавѣ — начало Россійской Имперіи. Судьба Московскаго царства рѣшена. Россія, пять вѣковъ смотрѣвшая на Востокъ, рѣшительно поворачиваетъ на Западъ. И, вмѣстѣ съ поворотомъ на Западъ, новый — западный — свѣтъ падаетъ на лицо русской государственности и ея носителя — русскаго государя. Государство — союзъ людей, отказавшихся отъ прирожденныхъ имъ вольностей и заключившихъ между собой договоръ о мирѣ. Заключившіе договоръ люди передали всѣ свои прирожденные права избранной ими державной власти. Потому державная власть абсолютна и неограничена. Задача ея — забота о благѣ передавшихъ ей свои права людей — о добрѣ общемъ. «Всякій правленія образъ, — говоритъ Феофанъ Грокоповичъ въ «Правдѣ воли монаршей» — и сама насльдная монархія, начало имѣетъ отъ перваго въ семь или ономъ народѣ согласія. Въ монархіи же насльдной, таковая была къ первому монарху воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ проявленная. «Согласно вси хоцемъ, даголетъ народъ..., да ты къ общей нашей пользѣ владыши надъ нами вѣчно...; мы же единожды воли нашей со-

*) См. «Совр. Записки» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32.

влекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будемъ». И еще: «Власть верховная едину своего установленія вину конечную имѣеть — всенародную пользу». Петръ Великій, обращаясь къ войнамъ, называлъ ихъ: «Сыны отечества!» Сыну своему говорилъ: «Ты долженъ любить все, что служить къ чести отечества и не щадить трудовъ для общаго блага». И какъ задачу государя ставилъ: «Заботиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». То же Екатерина II: на всероссійскій императорскій престолъ она вступила «по единодушному желанію и прошенію всего народа и всѣхъ сыновъ россійскихъ»; и задачей своего царствованія поставляла: всеобщее и ненарушимое народное блаженство. На вопросъ Бецкаго, кому она обязана своимъ воцареніемъ, она отвѣчала: «Богу и избранію моихъ подданныхъ». И въ манифестахъ, обращенныхъ «ко всѣмъ сынамъ отечества россійскаго», заявляла: «Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться». И еще Павелъ въ завѣщаніи Александру I писалъ: «Старайся о благѣ прямою всѣхъ и каждаго». Поэтому, и отношеніе между государемъ и государствомъ и между государемъ и народомъ въ Имперіи новое, обратное московскому: не царство для царя, какъ это было въ Московскомъ государствѣ, а государь для государства. И не народы созданы для государей, а государи для народовъ. Государь — первый слуга своего отечества. «Я за мое отечество и люди, — писалъ Петръ сыну, — живота своего не жалѣлъ и не жалѣю». Екатерина II въ Наказѣ: ласкатели говорятъ царямъ, «что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако мы думаемъ и за славу себѣ вынѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа». И Николай I — Александру II: «Ты долженъ помнить... что ты не себѣ принадлежишь, а своей родинѣ». Такова новая имперская идеологія русской государственности и государственной власти.

Но эта новая идеологія — только западный отблескъ на старой восточномъ лицѣ московской Россіи — «Россійской Европѣ». Подлинныя черты лица измѣнились мало. Строя новую Россію по европейскимъ образцамъ, русскіе государи не рубили съ плеча стараго. Приказывая все дѣлать съ примѣру стороннихъ чужихъ земель, Петръ Великій, въ государственномъ строительствѣ, поступалъ

осторожно и съ разборомъ: бралъ для постройки изъ европейскихъ образцовъ то, что «съ сетуаціей сего государства сходно», или европейскіе образцы «складывалъ съ русскими» и, если не находилъ подходящаго матеріала на Западѣ, бралъ изъ стараго — московскаго запаса. Перваго декабря 1712 года Федоръ Салтыковъ, посланный Петромъ за границу, писалъ царю изъ Лондона: «Между повелительными нашими указы въ свободныя времена, будучи здѣсь, прилежно потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ которое приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту». На что 12 января 1713 года Петръ отвѣчалъ: «Правы, о которыхъ вы писали, что вы выбрали изъ англійскихъ и прочихъ европейскихъ, которыя надлежитъ, кромѣ республикъ, пришлите». И позже, по другому поводу: «Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять». Такъ же поступала и Екатерина II. Для Екатерины Петръ — совершенный образъ государя. Въ путешествіи она всегда носила съ собою табакерку съ его портретомъ и говорила: «Это для того, чтобы спрашивать себя каждую минуту: что бы онъ приказалъ, что бы запретилъ, что бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ». На памятникѣ Фальколетта она написала: «Петру I — Екатеринѣ II». И въ государственномъ строительствѣ она неуклонно шла по слѣдамъ Петра: осмозрительно выбирала среди европейскихъ образцовъ подходящіе для Россіи, выбравъ, тщательно обрубала все, ея имперіи неприличное, и, если подходящаго не находила, брала изъ стараго запаса. Въ 1763 году Тепловъ докладывалъ Екатеринѣ: «Государь Императоръ Петръ Великій сенатъ своей самодержавной власти приличный, ...не съ польскаго, шведскаго и другого какого-либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативы первымъ быть правительствомъ подъ собою». Какъ Тепловъ указывалъ, такъ Екатерина и поступила, свято храня завѣты своего «вселюбезнѣйшаго дѣда». Хотя она и убѣждала настойчиво и себя, и другихъ, что «Россія есть Европейская держава», и что «русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ», но въ душѣ думала такъ же, какъ ея керенскіе дворяне, которые въ наказѣ своимъ депутатамъ въ Комиссію объ Уложеніи просили не ограничивать ихъ

власти надъ крестьянами на томъ основаніи, что «Россійской Имперіи народъ сравненія не имѣеть въ качествахъ съ европейскими». Когда Никита Панинъ представилъ ей проектъ Государственнаго Совѣта, чѣмъ то напоминавшій ей «республиканскія обыкновенія», она долго думала, колебалась и кончила тѣмъ, что надорвала уже данную подпись подъ учреждающимъ Совѣтъ манифестомъ и продолжала править по старому положенію. Такой осмотрительной политикѣ нисколько не противорѣчило увлеченіе Екатерины европейскими мыслителями и европейскими идеями. О мыслителяхъ она говорила Дидро: «Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги». А объ идеяхъ писалъ Дидро княгинѣ Дашковой: «Перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, онѣ принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ». Совсѣмъ другой цвѣтъ приняли въ Петербургѣ и идеи Монтескье, Духъ Законовъ котораго Екатерина называла молитвенникомъ государей, и котораго она «обобрала» въ своемъ Наказѣ на благо 20 милліоновъ людей Россійской Имперіи: цвѣта свободы были перекрашены въ цвѣта абсолютнаго самодержавія. «Я вижу, — писалъ Дидро въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ, — что тутъ имя деспота уничтожено, но самъ деспотизмъ сохраненъ»; «естественная свобода личности тутъ сведена на нѣтъ, а власть государя безгранична»; «русская императрица, несомнѣнно, — государыня деспотическая». На что Екатерина отвѣчала такъ же, какъ Петръ объ англійской вольности: «Я въ душѣ республиканка и деспотизмъ ненавижу, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима». Западный свѣтъ не слѣпилъ глазъ русскихъ государей, когда они перестраивали Московское царство въ Россійскую Имперію, и не исказили исконныхъ московскихъ чертъ русской государственной власти. И, если пристально взглянуть въ лицо государственной власти Россійской Имперіи, ея исконныя московскія черты выступаютъ съ убѣждающей ясностью.

Россійская императорская власть основана не на западныхъ идеяхъ и не на волѣ народной. Ея основаніе — православная вѣра и воля Божья. «Политическія начала наши, — писалъ Карамзинъ въ 1810 году, — основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библии. Цари наши не

суть репрезентанты народа..., но репрезентанты того, Кто владѣть царствами и ему же хочеть, даеть». Господь Богъ учредилъ земное царство по образу своего царства небеснаго; и во главу царства поставилъ своего намѣстника на землѣ — царя. Потому земное царство есть Божественное установленіе, и царь — образъ Божій на землѣ. Богъ, по образу своего небеснаго единачалія, устроилъ на землѣ единачалнаго царя; по образу своего вседержительства — царя самодержавнаго; и по образу своего всемогущества — далъ царю неограниченную власть надъ людьми. Всѣ власти учинены отъ Бога, и царская власть — Божья власть. «Всякій государь, — говоритъ Теофанъ Прокоповичъ, — наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оное пріемлетъ. Богомъ бо царіе царствуютъ, и силніи пишутъ правду; отъ Господа дается имъ держава, и сила отъ Вышняго; владѣтъ Вышній царствомъ человѣчимъ, и ему же восхощетъ, даеть его». «Государь не яко челоувѣкъ, но аки бы изъятый отъ числа смертныхъ почитаемъ есть. И въ самыхъ наслѣдныхъ монархіяхъ дѣломъ является, что монарси бози суть». При коронованіи русскихъ государей вѣнчающій епископъ говоритъ: «Се отнынѣ отъ Бога поставленъ еси Князь Великій и Боговѣнчанный царь правети хоругви и содержати скипетръ царства русскаго и вѣнчанъ еси царкимъ вѣнцомъ... Васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра на землю и на свой престоль вознесъ посади, милость и животь положи у васъ». И Посошковъ въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ»: «Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣтъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣтъ власть». Поэтому возведеніе въ царскій санъ российскихъ императоровъ — ихъ священное коронованіе — есть не только государственный актъ, но и церковный чинъ. Коронованіе происходитъ въ церкви и отъ лица церкви, и царскій санъ вытекаетъ изъ таинства миропомазанія, совершаемаго надъ коронуемымъ церковью. При коронованіи на государя возлагается порфира — символъ багряницы креста и на голову корона — символъ терноваго вѣнца; въ руки государю вручаются скипетръ и держава — символъ власти надъ землей. При возложеніи короны вѣнчающій читаетъ молитву: «Видимое сіе и вещественное главы Твоея украшеніе явный образъ есть, яко тебя, главу всероссийскаго народа, вѣнчаетъ невидимый царь славы Христосъ». И при врученіи скипетра и державы: «О Бо-

гомъ вѣнчанный и Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Принми скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми своими самодержавія...» Во время литургии, сопровождающей вѣнчаніе, государь сидитъ на тронѣ въ полномъ облаченіи и причащается по царскому чину — въ алтарѣ, отдѣльно тѣла и крови Христовыхъ, какъ священники. Рукоположеніе митрополита и возложеніе порфиры указываютъ на выдѣленіе коронуемаго государя изъ состава мірянъ и на возведеніе его въ особый священный чинъ. Таинство мвропомазанія полагаетъ на немъ печать Духа Святого. Духъ Божій нисходитъ на помазуемаго и сообщаетъ ему свои благодатные дары. «Отъ дня помазанія царя, — говоритъ митрополитъ Филаретъ, — духъ благодати Божіей носится надъ Помазанникомъ». «Съ возліянiемъ елея на главу помазуемаго соприусушно... наитіе Божіей благодати». «Какъ величественъ Помазанникъ Божій! Онъ есть живое орудіе Божіе; сила Божія исходитъ черезъ него во вселенную». — Весь чинъ коронованія россійскихъ императоровъ указываетъ на высокое и священное назначеніе царскаго сана и раскрываетъ вкладываемый въ него глубокой религіозный смыслъ. Царскій санъ есть не только установленное законами Имперіи наслѣдственное право государя на самодержавную власть и не только Божій даръ его избраннику. Царскій санъ есть, прежде всего, подвигъ служенія Богу. Богъ возлагаетъ на царя великія тяготы Россійской Имперіи. «Всего отечества состояніе на высочайшей власти виситъ». (Ф. Прокоповичъ). Царь — Божій слуга и несетъ передъ Богомъ отвѣтственность за всѣхъ своихъ подданныхъ. Поэтому и поданные отвѣчаютъ передъ царемъ, какъ передъ Богомъ. Послушаніе царю такъ же священно, какъ послушаніе Богу. Господь окомъ любви взираетъ на повинненіе подданныхъ и окомъ гнѣва на ихъ неповиновеніе. Неповиновеніе царю — тяжкій грѣхъ передъ Богомъ. Ибо вся власть земного царя есть только орудіе и проявленіе власти Царя Небеснаго. «Бога бойтесь, царя чтите, — говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ митрополитъ Филаретъ. — Сіи двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъ бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды». «Повинуясь Царю... вы черезъ то благоугождаете самому Господу». «Подчиненные да ревнуютъ быть, какъ передъ Отцомъ

отечества небеснаго, такъ и передъ отцомъ отечества земнаго, чадами послушанія». «Да ревнуемъ и мы, каждый въ своемъ кругу дѣйствованія, чтобы обязанности служить царю земному и Царю Небесному, быть вѣрнымъ подданнымъ и истиннымъ христіаниномъ, составляли для насъ одну нераздѣльную обязанность, одинъ непрерывный подвигъ всей нашей жизни». «Съ нами Богъ благодатию православной вѣры. Съ нами Богъ благодатнымъ даромъ благословеннаго наслѣдственнаго самодержавія». Такова подлинная идеологія россійской императорской власти. Россійская Имперія — православное царство. Россійскій императоръ — православный царь; неправославный царь въ Россійской Имперіи быть не можетъ. «Неправославный государь такъ же невозможенъ на русскомъ престолѣ, какъ римскій папа лютеранинъ». (Проф. Суворовъ). Это и указано въ статьѣ 63 основныхъ законовъ Имперіи: «Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной». Какъ и Московское царство, Россійская Имперія — священная восточная теократія.

Вѣрили ли россійскіе государи въ Божественное происхожденіе своей власти? Сознавали ли священное назначеніе царскаго сана? — Этотъ вопросъ охватываетъ эпоху въ два столѣтія и относится къ ряду лицъ — потому и отвѣтъ требуетъ расчлененія. Петръ Великій былъ вѣрующимъ и православнымъ человекомъ. И даже больше православнымъ, чѣмъ вѣрующимъ. Онъ истою клалъ поклоны во время церковныхъ службъ, охотно пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими и крѣпко любилъ колокольный звонъ православныхъ церквей. Ему и въ голову не приходило «наступать на Бога», какъ думали о немъ его противники — старо-вѣры, и въ самомъ характерѣ его вѣры не было ничего протестантскаго, какъ можетъ показаться изъ нѣкоторыхъ его поступковъ и выраженій. «Я солдатъ, — говорилъ онъ, — и въ богословіе не иѣшаюся». «Я вѣрю всему на семи соборахъ утвержденному, потому что святые отцы тѣхъ временъ были ближе насъ къ апостоламъ и лучше насъ все разобратъ могли». Наступая не на Бога, а на старое московское церковное настроеніе, онъ хотѣлъ одного: полнаго подчиненія церкви «подъ державнаго монарха». Ибо въ его «регулярномъ» государствѣ все должно быть подчинено государству и его носителю-государю — значить, и вѣра, и церковь, и ея служители. Потому, и ста-

рый московскій споръ между священствомъ и царствомъ о томъ: «священство ли выше царства» или «царю церковью владѣть», онъ привелъ къ окончанію рѣшительно и безповоротно въ пользу царя и царства. И сдѣлалъ это, какъ и многое другое, въ государственномъ строительствѣ, съ большимъ перехватомъ. Если, при этомъ, рѣшеніе старого московскаго спора онъ облекъ въ новыя западныя и протестантскія формы, то только потому, что на Западѣ, и именно въ протестантскихъ странахъ, онъ нашелъ то, что точно выражало его желаніе и что было «съ сѣтуцаей сего государства сходно». Еще во время своего перваго путешествія по Европѣ онъ охотно выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго объ устройствѣ русской церкви на манеръ англиканской, гдѣ глава церкви — государь. И въ 1712 году въ Виттенбергѣ, передъ статуей Лютера, онъ говорилъ: «Сей мужъ подлинно заслужилъ памятникъ; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступилъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣ прочихъ». Поэтому, когда ему самому понадобилось наступить, если не на папу, то на того, кто въ глазахъ народа могъ показаться «вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ, или большимъ», онъ поступилъ просто и рѣшительно: уничтожилъ патріаршій престолъ, учредилъ «Духовное Соборное Правительство», приставилъ къ нему «изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать», и все это покрылъ протестантской формулой, выраженной въ присягѣ членовъ духовныхъ collegій: «Исповѣдую же съ клятвой крайнего Судію духовныхъ сея collegіи быти Самого Всероссийскаго Монарха, Государя нашего Всемиловитѣйшаго». Такъ Всероссийскій Императоръ, непосредственный преемникъ византійскихъ и московскихъ царей, сталъ «начальникомъ Россійской церкви»: «восхитилъ на себя — какъ полагали сторонники старой вѣры — не точію царскую власть, но и святительскую и Божію». По существу же, отношенія между священствомъ и царствомъ измѣнились мало: Россійская Имперія не стала свѣтскимъ государствомъ и изъ-подъ церковнаго благословенія не вышла. — Еще проще поступилъ Петръ, когда ему понадобилось наступить на «папское воинство». Здѣсь онъ дѣйствовалъ не западными и не протестантскими, а старыми исподанными и чисто русскими средствами: жесточію и нещад-

ною казнью. «Ой, бородачи! — говорилъ Петръ Толстому. — Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами». Толстой отвѣчалъ: «Старцамъ пора обрѣзать перья и побавить пуха». Петръ на это: «Не будутъ летать, скоро, скоро!» Они и не летали при Петрѣ. «Священниковъ и монаховъ, какъ мушекъ давили, казнили, разстригали... — говорить про петровскую эпоху позднѣйшій проповѣдникъ. — Была година темная... — Характеръ петровской церковной реформы — ключъ къ пониманію взглядовъ Петра на источники царской власти и на назначеніе царскаго сана. Западныя и протестантскія формулы и выраженія не должны насъ обманывать. Петръ и не думалъ мѣнять старыя московскія основы государственной власти, а потому и не нуждался въ замѣнѣ старой московской идеологіи новой западной. Онъ хотѣлъ много: укрѣпить старыя основы государственной власти, сдѣлать государственную власть еще болѣе всеобъемлющей и независимой и для этого находилъ нужнымъ, для вразумленія подданныхъ, къ старымъ московскимъ святоотеческимъ аргументамъ прибавить новые западные — отъ естественнаго разума. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда Феофанъ Прокоповичъ, по заказу Петра, писалъ Правду воли монаршей, онъ утвердилъ, какъ незыблемые авторитеты, Св. Писаніе и св. Отцовъ церкви, но рядомъ съ ними поставилъ и «изряднѣйшихъ законодателей — Гугона Гроція, Фому Гоббеса и Самуила Пуффендорфа»: слово Божіе сочеталъ съ человѣческимъ «естествомъ»; а, какъ источники власти, указалъ и волю Божію, и волю народную. И не находилъ въ такомъ сочетаніи ничего искусственнаго: ибо въ самомъ ествѣ человѣческомъ есть «законъ отъ Бога положенный»; и «народная воля... бываетъ безъ собственного смотрѣнія Божія, но Божимъ мановеніемъ подвижима дѣйствуетъ». Самъ же Петръ Великій, если и любилъ ссылаться на человѣческое естество и на естественный разумъ, то ни въ какую народную волю не мало не вѣрилъ. Будь это такъ, онъ иначе бы обращался со своими «замерзѣлыми подданными» и не считалъ бы ихъ «животными», которыхъ ему только предстоить передѣлать въ людей. Онъ твердою рукой писалъ въ своихъ манифестахъ: «Божіею милостію Мы Петръ I, Царь и Самодержецъ Всероссійскій», и писалъ то, что думалъ. И еще твердо зналъ: что царскій санъ — тяжкая служба Богу, что

надъ своими подданными онъ «отъ Бога приставникъ» и что за всѣ свои дѣла и за всѣхъ своихъ подданныхъ онъ дастъ передъ Богомъ отвѣтъ. А болѣе глубокия идеологическія размышленія были не въ его характерѣ.

Еще прежде обстояло дѣло у Екатерины II. Екатерина Великая — человекъ Запада и, еще точнѣе, западная просвѣщенная принцесса. Какъ и большинство просвѣщенныхъ западныхъ людей ея времени, она была равнодушна къ религіи и, если допускала существованіе Бога, то по Вольтеру, какъ Творца вселенной. Разумѣется, при такихъ религіозныхъ взглядахъ, она не могла серьезно вѣрить ни въ Божественное происхожденіе царской власти, ни въ священное назначеніе царскаго сана. Но Екатерина была умной женщиной и имѣла талантъ властвованія. Вступивъ на всероссійскій престолъ на штыкахъ гвардіи, она прекрасно понимала, что утвердить тронъ на штыкахъ невозможно. Какъ всякая власть въ мірѣ, такъ и Россійская императорская могла держаться только на душахъ людей. Души же русскихъ людей, въ ея время, за малыми исключеніями, были крѣпко православными. Вотъ почему еще задолго до вступленія на престолъ, только въ предвидѣніи такой возможности, она, съ обычной своей рѣшительностью, мужественно преодолевала свое религіозное безразличіе и ревностно принялась за изученіе православнаго закона; а, когда взошла на престолъ, твердо встала «на оборону православной вѣры» и во все свое долгое царствованіе строго вела себя такъ, какъ подобаетъ благочестивой и православной государынѣ: аккуратно посѣщала церковныя службы, соблюдала посты, ходила пѣшкомъ на богомолье и открывала мощи святыхъ. «Неужели изъ-за такой малости, — говорила она, — захочу я быть врозь съ милліонами моего народа». Она и не была врозь съ милліонами своего народа — и не только православными, но и иныхъ вѣроисповѣданій. «При разговорѣ о мечтахъ, на границѣ для киргизовъ построенныхъ, — записываетъ свои бесѣды съ Екатериной ея секретарь Храповицкій, — и о повелѣніи, данномъ для печатанія Алкорана, сказано, что сдѣлано сіе не для введенія магометанства, но для приманки на уду». Такъ, когда «для приманки на уду», а когда и искренно, увлекаясь своей ролью, Екатерина твердо поступью шла въ ногу со своимъ народомъ и религіозныя вѣрованія народа считала своими; а потому и была и народомъ, и даже духовенствомъ, искренно любима,

какъ государыня благочестивая, «вѣры защитница, Церковь и Отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая». Вотъ почему и въ пониманіи источниковъ царской власти и назначенія царскаго сана Екатерина со своимъ народомъ не разошлась. Какъ и ея народъ, она твердо знала, что и царская власть, и царскій санъ — «отъ Бога», и что «противящіеся власти — Богу противятся»; а потому и не уставала повторять: что «отъ руки Божіей пріяла она всероссійскій престолъ», что «Богъ вручилъ ей Россійскую Имперію» и «право самодержавства», и что царскій санъ — «великое къ Богу служеніе». А въ перепискѣ съ Вольтеромъ не забывала упомянуть и то, что она «глава греческой церкви».

Съ Екатериной кончается имперскій 18 вѣкъ — вѣкъ просвѣщеннаго разума, «вольтеровой вѣры» и неустачной оглядки на Западъ. Съ Павломъ начинается новая эпоха — мистики, романтики и сдержаннаго, часто критическаго, отношенія къ Западу. А съ воцареніемъ Николая I имперское западничество окончательно умираетъ — императорская Россія возвращается «на родину». И, вмѣстѣ съ возвращеніемъ на родину, приходитъ къ концу петровскій періодъ Имперіи, — отъ Петра до Николая I-го, — когда, по слову Пушкина, «правительство всегда было впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія». Наступаетъ новая эпоха «контрареволюціи Петра». Теперь задачи правительства иныя: умноженіе «умственныхъ плотинъ» противъ разрушительныхъ идей Запада; сохраненіе Россіи въ духовной чистотѣ и юности среди окружающихъ ее бурь и волненій. Въ основу Имперіи кладутся истинно-русскія, національно-самобытныя начала — самодержавіе, православіе и народность; при чемъ только первыя два начала имѣютъ самостоятельное значеніе — народность выражается въ преданности самодержавію и православію. Изъ имперскихъ манифестовъ исчезаютъ обращенія: «Сыны отечества», «Сыны Россійскіе», «Россіяне»; выраженія: «народная воля» и «избраніе народа» кажутся теперь злымъ порожденіемъ гнѣющаго Запада. Задачей своей Имперія составляетъ: свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской. На этихъ устояхъ, несмотря на всѣ вышнія перемены, Имперія духовно твердо стоитъ до конца — до своего крушенія въ великой революціи. — Всѣ государя той эпохи — искренно вѣрующіе и искренно преданные православію люди. Только Павелъ преданность правосла-

вію совмѣщала съ симпатіями къ католицизму; а у Александра I православная вѣра, долгіе годы мирно уживалась съ внеисповѣдной мистикой и піэтизмомъ. Съ Николаемъ I въ Имперіи устанавливается строго православный чинъ. Самодержавіе и православіе почти сливаются въ единое исповѣданіе имперской вѣры. Правда, въ этомъ національно-русскомъ, самодержавно-православномъ стилѣ Имперіи опытный глазъ съ легкостью можетъ отличить черты западныя — протестантскаго абсолютизма. Но это сѣишеніе — неизбѣжное въ государствѣ XIX вѣка, обращенномъ на Западъ и озаряемомъ западнымъ свѣтомъ. Оно нисколько не мѣняетъ духовнаго облика Имперіи и не разрушаетъ цѣльности ея стили. Такъ же, какъ только виѣшне противорѣчивой можетъ показаться величественная фигура русскаго императора — Помазанника Божія, преемника византійскихъ и московскихъ царей и облеченнаго въ гвардейскій мундиръ западнаго покроя. — Характеръ эпохи опредѣляетъ и взгляды государей на источники ихъ власти и на назначеніе царскаго сана. Всѣ государи этой эпохи (за исключеніемъ Александра I въ нѣкоторые періоды его жизни) искренно вѣрятъ въ Божественное происхожденіе своей власти и понимаютъ царскій санъ, какъ тяжкое, но священное служеніе. Подлиннымъ теократомъ — носителемъ Божественной власти — былъ Павелъ I. Онъ религіозно сознавалъ себя царемъ-священникомъ, единымъ главою и царства, и церкви. Выраженіе «Государи Россійскіе суть главою церкви» совсѣмъ не случайно появилось, въ его царствованіе, въ основныхъ законахъ Имперіи (въ актѣ о престолонаслѣдіи). Церковную реформу Петра, протестантскую по формѣ и западную по назначенію: сдѣлать государство болѣе свѣткимъ, менѣе зависимымъ отъ церкви, онъ стремился обернуть ея восточной стороной: сдѣлать государство болѣе церковнымъ, тѣснѣе слить государство съ церковью и во главѣ и церкви, и государства поставить одно священное лицо: самодержавнаго монарха, отъ Бога пріявшаго свою власть и только передъ Богомъ отвѣтственнаго. Почитаніе царскаго сана, въ его время, снова приняло старыя восточныя формы. Какъ въ Московскомъ царствѣ, прохожіе передъ царскимъ дворцомъ должны были обнажать головы. При встрѣчѣ съ императоромъ проѣзжіе выходили изъ экипажей и снимали верхнее платье. Преклоненіе передъ собственнымъ величіемъ было у Павла такъ велико, что

порой онъ даже объѣдалъ въ коронѣ. И 29 апрѣля 1797 года, въ день Преполовенія Пятидесятницы, во время военно-церковныхъ торжествъ, происходившихъ въ московскомъ кремлѣ, Павелъ въ далматикѣ и коронѣ командовалъ войсками на парадѣ.

Такое же высокое и священное пониманіе царской власти было у Николая I. Николаю I была чужда мистика и романтика Павла и Александра I, и онъ не стремился духовно возглавить церковь. Какъ православный государь, онъ считалъ себя защитникомъ господствующей вѣры, хранителемъ и блюстителемъ ея догматовъ и церковнаго благочинія — не больше. Но такъ же, какъ Павелъ романтическими воззрѣніями на власть, такъ и Николай былъ весь проникнутъ тѣмъ византійско-православнымъ пониманіемъ царской власти, которое было свойственно московскимъ царямъ — ея богоустановленности и ея священнаго характера. Онъ глубоко и религиозно вѣрилъ въ то, что російскіе государи уполномочены на царство Богомъ, что самодержавная власть — только земное выраженіе божественной небесной власти, что Божья благодать почитъ на помазанномъ царѣ и руководитъ его рѣшеніями, и что потому царская воля должна быть такъ же священной и непреложна для подданныхъ, какъ Божіе велѣніе. И такъ же религиозно-благоговѣнно онъ относился къ своимъ царскимъ обязанностямъ. Царскій санъ — тяжкое бремя, возложенное Богомъ на его избранника; жертвенное служеніе Богу и Россіи. Потому царь долженъ трудиться, не щадя силъ, отречься отъ всего личнаго и быть готовымъ дать Богу нелицепріятный отвѣтъ за вѣренное ему царство и людей. Такъ Николай и поступалъ. Работалъ безъ отдыха, велъ простую и суровую жизнь, жертвовалъ всѣмъ ради долга и умиралъ со страшнымъ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности передъ Богомъ за потрясенную Россію. «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое — были его предсмертныя слова сыну — оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ... Служи Россіи». Правда, въ этомъ царскомъ служеніи Богу и Россіи было у Николая I что-то, что очень напоминало любимую имъ военную службу. Николай былъ насквозь военнымъ человѣкомъ и на весь міръ смотрѣлъ со служебной точки зрѣнія. Царство — команда; народъ — солдаты въ строю; и самъ царь — командиръ. «Я смо-

тню на всю человѣческую жизнь, — говорилъ онъ; — только какъ на службу, такъ какъ каждый служить». Но эта военная психологія нисколько не разрушала, въ царскомъ служебнѣи Николая, его религіозной основы и не убивала въ немъ сознанія священности его сана. Напротивъ, она укрѣпляла это сознаніе, придавала ему рыцарски-торжественный характеръ, и онъ весь былъ такъ проникнутъ имъ, что самъ благоговѣлъ передъ собственнымъ, казавшимся ему неземнымъ, величіемъ. Это и отражалось на его лицѣ, фигурѣ, осанкѣ, и, несмотря на скромную военную форму, которую онъ носилъ, и на чисто военную выправку, своюю вышностью онъ производилъ на окружающихъ громадное впечатлѣніе. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ современники — друзья и враги. «Ничто не можетъ сравниться, — рассказываетъ о вѣнчаніи на царство Николая I писатель Сологубъ, — съ впечатлѣніемъ восторга и почти ужаса, которое обуялъ меня при коронованіи. Только Юпитеръ, снисходящій съ Олимпа, могъ быть сравнимъ съ нимъ». «Вышнее впечатлѣніе онъ производилъ громадное. — Свидѣлствуетъ Б. Чичеринъ. — Онъ чувствовалъ себя... избраннымъ Богомъ, главою великаго народа, имѣющаго высокое призваніе на землѣ... Сама его высокая и красивая фигура носила на себѣ печать величія». И еще въ воспоминаніяхъ Тютчевой: «Его внушительная и величественная красота, величавая осанка... властный взглядъ, все, кончая его улыбкой снисходящаго Юпитера, все дышало въ немъ земнымъ Божествомъ». Таково впечатлѣніе, которое онъ производилъ на современниковъ при жизни. И такъ же царственно онъ умиралъ. Было въ его умираніи что-то торжественно трагическое, что напоминало предсмертныя минуты московскихъ царей — въ особенности Василія IV — и что потрясло окружающихъ. «Какъ будто вамъ объявили, что умеръ Богъ», — сказалъ, узнавъ о его смерти, поэтъ Тютчевъ.

И замѣчательно: это ощущеніе божественной силы, присущей царской власти и сознаніе священности царскаго сана не покидали русскихъ государей и послѣ Николая I-го — до самаго конца династіи, до смерти послѣдняго императора. Ничто — ни крушеніе крѣпостной Россіи, завершившее царствованіе Николая I, ни громадныя перемѣны царствованія Александра II, ни даже введеніе представительнаго строя при Николаѣ II, — ничто не поколебало этого сознанія. Напротивъ: оно какъ-будто росло и

урѣплялось. Оно несомнѣнно присутствовало у Александра II. Оно имѣло большее значеніе въ жизни Александра II-го. И оно сыграло опредѣляющую роль въ судьбѣ Николая II. Нельзя понять трагическую жизнь и смерть послѣдняго императора, не уяснивъ себѣ рѣшающаго значенія этой черты въ его личности. И при этомъ не важно, откуда возникло у Николая II такое сознание: было ли оно внушено ему родными и приближенными совѣтниками или — что болѣе вѣроятно — передано, какъ вѣковое наследство, отъ отца и прадѣда. Важенъ историческій фактъ: въ своей тяжелой жизни многострадальнаго Юва, какъ онъ самъ себя называлъ, — въ царскихъ дѣлахъ, имѣвшихъ всероссійское и даже мировое значеніе, онъ руководился не доводами разума и не указаніями государственныхъ людей, а голосомъ свыше. Когда надо было принять отвѣтственное государственное рѣшеніе — дать отвѣтъ на трудный вопросъ, онъ ждалъ этого голоса и, казалось ему, слышалъ его. Что это было — мистическая интуиція? Особое состояніе религіозной настроенности? — Не только. У Николая II была своя философія жизни и государственности, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ религіозную догму, и которая давала ему силы нести царское служеніе. Міромъ управляетъ Богъ — люди не имѣютъ вліянія на ходъ историческихъ событій. Богъ вручилъ Россійскую Имперію своему помазаннику - царю и черезъ него руководитъ ея судьбами. Царь — только орудіе Всевышняго, покорный исполнитель Его воли. Потому, когда царю надо принять рѣшеніе, онъ не долженъ полагаться на мнѣніе людей и доводы человѣческаго разсудка — онъ долженъ прислушаться къ голосу свыше, и «Богъ царя извѣститъ». И, какъ Богъ царю на душу положить, такъ царь и долженъ поступить. Ибо въ своихъ царскихъ дѣлахъ онъ дастъ Богу отчетъ. Какъ Николай II вѣрилъ, такъ и поступалъ. Неохотно выслушивалъ доклады министровъ, не любилъ совѣтоваться съ умудренными опытомъ людьми, не считался съ мнѣніями высшихъ государственныхъ учреждений, — предпринимая какой-нибудь государственный актъ, долго колебался, вынашивалъ свои рѣшенія и, когда чувствовалъ, что рѣшеніе въ немъ созрѣло, видѣлъ въ немъ Божіе указаніе, которое онъ долженъ свято выполнить. И, при этомъ, искренно вѣрилъ, что творитъ не свою волю; а волю Всевышняго. Потому считалъ свои рѣшенія непогрѣшимыми, свою волю — не-

ограниченной и свое царское слово — единственнымъ закономъ для народа. «Такова моя воля», «я такъ хочу», — были его обычные выраженія. Въ 1900 году Государственный Совѣтъ вынесъ постановление о желательности уничтоженія тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Государь вернулъ мнѣніе Совѣта съ отмѣткой: «Это будетъ тогда, когда я этого захочу». Въ 1906 году Столыпинъ представилъ государю заключеніе Совѣта министровъ по еврейскому вопросу. 10 декабря государь писалъ Столыпину по этому поводу: «Возвращаю Вамъ журналъ по еврейскому вопросу не утвержденнымъ... Несмотря на самые убѣдительные доводы въ пользу принятія положительнаго рѣшенія по этому дѣлу — внутренний голосъ все настойчивѣе твердитъ мнѣ, чтобы я не бралъ этого рѣшенія на себя. До сихъ поръ совѣсть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и въ данномъ случаѣ я намѣренъ слѣдовать ея велѣніямъ. Я знаю, Вы тоже вѣрите, что «сердце царевы въ рукахъ Божіихъ». Да будетъ такъ. Я несу за всѣ власти, мною поставленныя, передъ Богомъ страшную отвѣтственность и во всякое время готовъ отдать Ему въ томъ отвѣтъ». Министры и сановники — преданные слуги монархій и престола — приходили въ отчаяніе отъ такихъ методовъ управленія государя. Руководить Имперіей становилось безконечно трудно. Государственные дѣла приходили въ разстройство. «Юный царь все болѣе и болѣе получаетъ презрѣніе къ органамъ своей собственной власти, — записывалъ съ горестью 22 іюля 1901 года въ своемъ дневникѣ статсъ-секретарь А. А. Половцевъ. — Начинаетъ чувствоваться что-то похожее на Павловское время...» «Государь никого больше не слушается и ни съ кѣмъ не совѣтуется», — записываетъ онъ 12 апрѣля 1902 года. И еще 30 декабря того же года: «Заѣзжаю къ Витте. Нахожу его въ мрачномъ настроеніи. Вести дѣла все труднѣе и труднѣе. Государь почитаетъ себя непогрѣшимымъ и должествующимъ дѣйствовать по своимъ личнымъ вдохновеніямъ, въ чемъ и выражается самодержавіе». Никакіе уговоры и совѣты на государя не дѣйствовали. Мягкій и слабохарактерный въ обычной жизни, въ этой основной линіи царскаго служенія онъ оставался твердымъ и непреклоннымъ. И въ этомъ не было ни своей воли, ни безотвѣтственности. Наоборотъ. Государь былъ скромнымъ и сдержаннымъ человѣкомъ, и гордыня власти была ему чужда; и чувство отвѣтственности было въ

немъ сильно развито, только не передъ людьми, а такъ, какъ онъ ее понималъ, — передъ Богомъ. Но у него было свое пониманіе царскаго служенія, составлявшее неотъемлемую часть его крѣпкой религіозной вѣры — и отказаться отъ этого пониманія было не въ его власти. И такіе же взгляды на царскій санъ и на царское служеніе были у императрицы Александры Федоровны, — единственно близкаго и довѣреннаго человѣка государя. «Ты — самодержецъ, ты владыка и повелитель, ты — глава церкви», — писала она ему неоднократно. «Ты — самодержецъ — помни это». И еще, уже послѣ отреченія 2 и 3 марта 1917 г.: «Всемогущій Богъ надо всѣмъ, Онъ любитъ своего помазанника Божія и спасетъ тебя и возстановитъ тебя въ твоёмъ правѣ». «Ты будешь коронованъ самимъ Богомъ на этой землѣ, въ своей странѣ». И, въ свѣтѣ этихъ воззрѣній, совсѣмъ не случайнымъ и мало характернымъ, а глубокимъ и значительнымъ кажется удивительный разговоръ, происходившій осенью 1903 года, почти наканунѣ первой революціи, между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и председателемъ комитета министровъ С. Ю. Витте и приведенный послѣднимъ въ его воспоминаніяхъ.

Вел. кн. Николай Николаевичъ задалъ вопросъ Витте: «Скажите мнѣ откровенно, Сергѣй Юльевичъ, какъ Вы считаете государя, человѣкомъ или нѣтъ?»

С. Ю. Витте отвѣтилъ: «Государь есть мой государь, и я его вѣрный на всю жизнь слуга, но хотя онъ самодержавный государь, Богомъ или природой намъ данный, онъ все-таки человѣкъ со всѣми людямъ свойственными особенностями».

На это вел. кн. сказалъ: «Видите ли, а я не считаю государя человѣкомъ. Онъ ни человѣкъ и ни Богъ, а нѣчто среднее».

Надо съ точностью возстановить въ своей памяти духовныя основы византийско-московской власти, надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ поверхностно и призрачно было вліяніе Запада на русскую власть въ періодъ Имперіи, надо заглянуть въ душу послѣдняго императора и понять ея религіозную настроенность, и тогда Россійская трагедія, завершившаяся великой революціей, раскроется передъ нами въ своей подлинной глубинѣ и своей роковой неизбѣжности.

Проникнуть въ сознаніе Россійскихъ императоровъ

сложно и трудно. Россійская Имперія — восточное царство, облеченное въ западныя формы. Россійскіе императоры — западные люди съ восточнымъ государственнымъ сознаниемъ. Зато государственное сознание имперскаго народа — «подлаго», «тяглаго», «податнаго» — раскрывается съ удивительной простотой и ясностью. Единственное препятствіе — случайность показаній. Зато всё показанія свидѣтельствуя единодушно: имперскій народъ — тотъ же московскій народъ, и государственное сознание имперскаго народа мало чѣмъ отличается отъ государственнаго сознания московскихъ людей. И этому не надо удивляться. Ибо, когда русскіе государи, по западнымъ образцамъ, передѣлывали Московское царство въ Россійскую Имперію, они передѣлывали его не снизу вверхъ, а сверху внизъ: отливали западныя формы для верхушки государственнаго зданія — двора, арміи и флота, правительственныхъ учрежденій и промышленности и перестраивали, по европейскимъ планамъ, столицы и губерскіе города — основъ государственнаго зданія они не трогали и московскихъ устоевъ народнои жизни не ломали. И тоже съ западнымъ просвѣщеніемъ: оно предназначалось для верхушки народа. Благородное шляхетство обучали западнымъ наукамъ и искусствамъ и старались привить ему европейскій «политесь», по возможности не задѣвая душъ — подлага народа западное просвѣщеніе не касалось. Правда, Петръ Великій сдѣлалъ попытку влить въ западныя формы и городскихъ мужиковъ: переодѣтъ ихъ въ нѣмецкое платье, сбрить бороды и засадить за европейскую науку въ цифирныя школы. Но, хотя переливка проводилась круто — усы и бороды обрѣзали съ мясомъ — изъ этого ничего не вышло. Мужики за бороды и за русское платье «ради были стоять и умирать» или за кобняхъ молили царя не растлѣть въ нихъ образа Божьего — не лишать бороды — и въ концѣ концовъ образъ Божій отстояли. А цифирныя школы постепенно закрылись сами, ибо ученики отъ западной науки бѣжали розно и тягла — учебы — отбывали. Потому, когда Петръ Великій, положивъ намѣреніе «прорубить окно въ Европу», велъ Сыновъ Россійскихъ противъ ихъ-исконныхъ враговъ — шведовъ, которые «разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ куммуникацію пресѣкли»; и, милосердуя къ своимъ подданнымъ, яко отецъ, выводилъ ихъ изъ небытія къ

бытію и изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы, московскіе люди за своимъ царемъ покорно шли и царское дѣло, не щадя животовъ, дѣлали, но понимали это царское дѣло по своему, по московскому: какъ свидѣтельствуемъ Желябужскій о походѣ 1702 года, «стояли храбро и мужественно за Домъ Присвятыя Владычицы наша Богородицы и за его государя Пресвѣтлаго Величества, и за вѣру христіанскую, другъ за друга единокупно умирали, и смиренныя чаши другъ за друга испивали». — И то же было въ концѣ вѣка — при Екатеринѣ Великой. Западная цивилизація уже ярко освѣщала верхи имперскаго зданія; екатериненскіе орлы гордо рѣяли надъ изумленной Европой; петербургскіе придворные вельможи напоминали парижскихъ маркизовъ и виконтовъ, и императорскій дворъ — версальскій. А низы имперскаго народа еще были погружены въ темную ночь — московское «варварство». Иностранные наблюдатели съ удивленіемъ отмѣчали: въ Російской Имперіи точно двѣ націи — одна — благородная, — по крайней мѣрѣ, по внѣшности, походитъ на западную и европейскую; другая — подлая — восточная и азіатская. Первая живетъ въ современномъ вѣкѣ — разума и просвѣщенія; вторая — въ XV вѣкѣ или въ эпоху Каролинговъ, а, можетъ быть, и раньше — «до потопа». И эти наблюденія, съ европейской точки зрѣнія, недалеко были отъ истины. Ибо, несмотря на всѣ старанія Екатерины поскорѣе превратить ея имперію въ европейское государство и съ этой цѣлью распространить возможно шире въ странѣ западное просвѣщеніе, до низовъ народа оно еще не спустилось. «Регулярное градостроительство» только по внѣшности передѣлывало московскіе города въ европейскіе, а часто ограничивалось тѣмъ, что переименовывало въ города простыя деревни и села. Да и въ такихъ городахъ, по прежнему, жили четыре человѣка на сто и своими занятіями мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ — деревенскихъ жителей. Въ деревняхъ крестьяне вели старое московское хозяйство — перелогъ и трехполье — и теребили землю московскими сохами. Грамота оставалась достояніемъ единицы. Многіе наказы въ Екатериненскую комиссію подписаны крестами, ибо, какъ указано въ наказахъ, избиратель «грамотъ не имѣетъ». Въ городскихъ школахъ учились одинъ человѣкъ на полторы тысячи. А общее состояніе деревенскаго просвѣщенія лучше всего характеризуютъ слова епископа Афанасія: «Во

всей Россійской Имперіи крестьянскія дѣти приходятъ въ возрастъ безграмотные... Рѣдкій же крестьянинъ и о самомъ Богѣ надлежащее понятіе имѣеть». — Россійская Имперія первой половины XIX вѣка, на первый взглядъ, можетъ показаться иною. Своимъ видомъ она напоминаетъ многія церкви Запада: фронтонъ и куполь — ренессанса; алтари — барокко; живопись — современная. Входя, вы не сомнѣваетесь, что передъ вами церковь Нового времени. Но это только первое обманчивое впечатлѣніе. Вглядѣвшись, вы видите иное: планъ церкви — крестовый, устои — столбы и стѣны — готическіе, своды — стрельчатые. Церковь — средневѣковая, только внѣшне окрашенная Новымъ временемъ. То же и Россійская Имперія до реформъ Александра II. На первый взглядъ, это — европейское государство. Фронтонъ и внѣшній украшенія — западные: дворъ — одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ; армія, по европейски одѣтая и вымуштрованная и, въ уплату за европейскую науку, прошедшая всю Европу побѣднымъ маршемъ; благородное дворянство, уже отвѣтлившее на вызовъ Петра Пушкинымъ; Сѣверная столица съ прекрасными классическими зданіями и закованной въ гранитъ Невой; отстроенная въ европейскомъ стилѣ послѣ пожара 1812 года Москва; европейскіе губернскіе города и помѣщичьи усадьбы; и, наконецъ, имперская администрація, по внѣшности и выучкѣ западная и успѣвшая навести европейскій лоскъ и порядокъ на московскую грязь и безтолочь. Но на этомъ Еврепа и кончается. Все остальное въ имперскомъ зданіи — планъ строения, устои и покрытія — старо-московское, восточное. Во главѣ Имперіи — самодержавный царь, въ глазахъ народа — подобіе Бога на землѣ. Подъ нимъ тяглые классы. Все зданіе построено на «крѣпости». 90% имперскихъ подданныхъ — казенные или помѣщичьи рабы. Сама Имперія — громадная крѣпостная деревня съ формами земледѣльческаго хозяйства, недалеко ушедшими отъ времени Ивана Грознаго. Въ безбрежномъ деревенскомъ океанѣ города кажутся одинокими и случайными островками. Столицы и помѣщичьи усадьбы производятъ впечатлѣніе иностранныхъ колоній въ странахъ Востока. И то же съ западнымъ просвѣщеніемъ: оно по прежнему предназначено для верховъ народа — свободолубивая западная наука для рабовъ вредна и опасна. Капли западнаго просвѣщенія все же просачиваются въ низы, но поднима-

ють на поверхность европейской жизни только одиночекъ — московскіе устои народной жизни — быть и сознание — остаются нетронутыми. Вглядываясь въ лицо имперскаго крестьянина, осѣнявшаго себя — въ концѣ этой эпохи — крестнымъ знаменемъ при вѣсти объ освобожденіи, съ изумленіемъ видишь знакомыя черты лица московскаго сироты, какъ-будто бы еще вчера только въ ужасѣ и страхѣ крестившагося при вѣсти объ отмѣнѣ Юрјева дня. Вѣка исторіи прошли почти безслѣдно. Потому, для иностранныхъ наблюдателей, російскій народъ, по прежнему, остается раздѣленнымъ на двѣ націи, почти двѣ расы: благородную — западную и тяглую — восточную. Общее у обѣихъ — и то приблизительно! — только языкъ и вѣра. И сама Россійская Имперія уже перестаетъ казаться имъ европейскимъ государствомъ. «Россія — Азія»; въ лучшемъ случаѣ, смѣшеніе Запада съ Востокомъ. «Москва — татарскій Римъ». «Петербургъ — азіатскій Парижъ»; «Греческій городъ, импровизированный для татаръ». «Камчатка и Версаль на разстояніи трехчасового перегона» — вотъ Россія. — Подлинная европеизація Россійской Имперіи начинается только съ эпохи Великихъ реформъ. Въ эту эпоху низъ и устои имперскаго зданія наново перестраиваются по европейскимъ образцамъ или покрываются европейской обшивкой. Западная цивилизація начинаетъ медленно, но неуклонно, спускаться въ низы народа. Падаютъ московскіе устои народной жизни — крѣпостная неволя, тягло и рекрутчина. Западные взгляды на міръ, государство и личность постепенно проникаютъ въ народное сознание. Но не надо себя обманывать: европеизація не только имперскаго зданія, но и народныхъ низовъ проходить болѣзненно и трудно. Переходъ отъ восточной священной теократіи къ западному правовому государству — спускъ среди кручъ и пропастей. Переливъ западной культуры въ восточное народное сознание — операція, еще болѣе мучительная и опасная. Европейскія реформы, провозглашенныя въ законъ, только черезъ десятилѣтія проходятъ въ жизнь и не всегда перестраиваютъ ее по новому и по западному. Западные идеи, проникая въ восточное сознание, создаютъ еще невиданную и часто взрывчатую смѣсь. И помимо этого, нужны долгіе годы, чтобы западный ферментъ далъ нужное брожение. Только въ концѣ XIX вѣка, подъ влияніемъ промышленнаго подъема, вызваннаго европейскимъ капиталомъ, имперскіе го-

рода начинают наполняться западнымъ оживленіемъ и, хоть въ отдаленномъ видѣ, напоминать западные городскіе центры. Только въ XX вѣкѣ это оживленіе передается въ деревню — до конца XIX вѣка имперская деревня по прежнему восточно-неподвижная, еще полукрѣпостная и полутяглая. Только въ эпоху первой революціи западное государственное сознаніе окончательно овладѣваетъ низами городского населенія. Только въ годы между первой революціей и войной оно завоевываетъ деревню. И, все-таки, еще накануне Великой войны и революціи въ низахъ народной жизни — въ быту, хозяйствѣ и сознаніи — непочатые пласты Востока и Москвы: Европа сюда какъ будто-бы и не заглядывала. Когда революція раскрыла народныя нѣдра, эти пласты поднялись наверхъ. Вотъ почему Великая російская революція многими своими чертами такъ удивительно напоминаетъ старый московскій бунтъ — «безсмысленный и беспощадный». Вотъ почему современное совѣтское государство, вышедшее изъ революціи, такъ странно походить на старое крѣпостное Московское царство. И революція, и совѣтское государство только по западному задуманы — выведены и сколочены они по восточному и изъ наполовину восточныхъ матеріаловъ.

Что опредѣляетъ жизнь народа: его бытіе или его сознаніе? Или иначе: бытіе народа опредѣляетъ его сознаніе или сознаніе народа его бытіе? Это вопросъ спорный и врядъ ли можетъ быть наукой разрѣшенъ. Но вотъ что, для современной науки, безспорно: и бытіе, и сознаніе народа только формы его «культуры». Какова культура народа, таковы и его бытіе, и его сознаніе. Культура російскаго имперскаго народа — московская, восточная. Потому, какъ его бытіе — московское, такъ и его сознаніе, и, въ частности, сознаніе государственное, почти ничѣмъ не отличается отъ сознанія московскихъ людей. Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: міромъ управляетъ Богъ, а на землѣ его намѣстникъ — царь. «Царь отъ Бога приставъ» — говоритъ имперская народная пословица. Потому, все, что дѣлаетъ царь, онъ дѣлаетъ по наущенію Бога — «сердце царево въ рукѣ Божьей» — и все царское — Божье: воля царская — воля Божья, дѣла царскія — дѣла Божьи, «судъ царевъ — судъ Божій», «и весь царскій Божій родъ». Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: во всѣхъ зем-

ныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ дѣлахъ государственныхъ, Богъ и царь неотдѣлимы — «никто, какъ Богъ, да государь», «никто противъ Бога, да противъ царя», «все во власти Божьей, да государевой». Въ 1848 году славянофилъ Иванъ Аксаковъ былъ въ Бессарабиѣ. Руснаки — бессарабскіе русскіе крестьяне — спрашивали Никиту — его слугу: «Правда ли, что, говорятъ, у нашего царя есть бумага отъ Бога, и что онъ часто ходитъ къ Богу на небо, и Богъ къ нему ходитъ на землю?» Какъ для московскихъ людей: одинъ Богъ на небѣ и одинъ царь на землѣ, такъ и для имперскаго народа: «одинъ Богъ, одинъ царь», «Свѣтигь одно солнце на небѣ, а царь русскій на землѣ». Русскому царю всѣ народы подвластны. Потому, еще въ войну 1878 года русскіе солдаты говорили: «Турки взбунтовались, и царь приказалъ усмирить ихъ». Какъ для московскихъ людей, такъ и для имперскаго народа: миръ Богомъ держится, а царство — царемъ; безъ царя нѣтъ и царства, и царство отъ царя неотдѣлимо; и что Богъ на небѣ, то царь на землѣ. «Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится»; «безъ царя — земля вдова», «безъ царя — народъ сирота»; «Богомъ да царемъ Русь крѣпка» — «нельзя быть землѣ русской безъ государя». «Богъ на небѣ, царь на землѣ» — «одному Богу государь отвѣтъ держитъ» — «что Богъ, то Богъ, на все святая воля царская». Потому, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ царемъ: всѣ люди равны — всѣ холопы; и что есть у людей на землѣ — все Божье, да государево. Зачѣмъ рождается человекъ на землю? — Чтобы служить и работать Богу и государю. Въ этомъ и есть его земное назначеніе. «Душой Божьи, а тѣломъ государевы». Русскіе люди, какъ Богу, такъ и государю всегда служить и работать готовы. «Пословица есть, — писалъ въ своихъ замѣткахъ Петръ Великій о монахахъ, — кто пострижется, говорятъ, работаетъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному». Чья земля — кормилица русскаго народа? — Вся Божья да государева. Государь раздастъ ее своимъ холопамъ за службу и работу, но всегда можетъ взять ее у одного и отдать другому или отписать на себя. — Грозень Господь Богъ на небѣ — великъ страхъ его рабовъ передъ нимъ. «Страхъ же Господень — начало премудрости» — на этомъ стоитъ православный имперскій народъ. Грозень и царь на землѣ: «Гдѣ царь, тутъ и страхъ», «гдѣ царь тутъ и гроза» — «близъ царя, близъ смерти». — Грозень

Богъ, но и милостивъ — грозенъ царь, но и жалостливъ: «Богатъ Богъ милостью, а царь жалостью», «Богъ милостивъ, а царь жалостливъ». Русскій царь — христіанскій царь: царь слабыхъ, а не сильныхъ, кормилецъ и защитникъ простыхъ черныхъ людей, печальникъ и покровитель всѣхъ сирыхъ и убогихъ — «Государь—батюшка». «свѣтъ надежда, православный царь-государь». Всѣ люди корыстные, всѣ думаютъ о себѣ — одинъ царь — праведный: обо всѣхъ думаетъ, всѣхъ одинаково любить и жалѣть. «Гдѣ царь, тамъ и правда». Потому, хотя земля вся царская, и онъ можетъ отдать ее, кому хочетъ, но онъ дѣлитъ ее всѣмъ поровну, кто сколько можетъ обработать, никого не обойдетъ, никого не обидитъ — «равняетъ землю». Потому и народъ вѣритъ въ своего царя, почитаетъ его, какъ земного Бога — Богъ Небесный — Господь, а Богъ земной — царь — и всѣ свои надежды и упованія несетъ къ подножію царскаго трона: царь дастъ хлѣба, царь дастъ волю, царь дастъ и землю; царь — милостивый: онъ думаетъ о народѣ.

Отсюда двѣ опредѣляющія черты въ отношеніяхъ между царемъ и народомъ: рабская покорность народа царю и богоговѣйная любовь къ нему почти какъ къ святынь. Какъ московскіе люди, такъ и имперскіе: передъ Богомъ и царемъ — рабы. У раба передъ господиномъ — ничего своего: ни воли, ни имущества. Понятія личности, человѣческихъ правъ, свободы имперскимъ людямъ, какъ и московскимъ, неизвѣстны. Эти понятія придутъ позже съ Запада, когда Имперія будетъ на склонѣ, и взорвутъ ее — пока Имперія крѣпка, имперскіе люди о нихъ не знаютъ. Имперскіе люди служатъ и работаютъ царю, какъ Богу, а за службу и работу ждуть отъ царя милости и правды. Ни тѣни притязаній или требованій къ царю — если обращаются къ нему, то только съ униженными жалобами и просьбами. Какъ царская особа, такъ и царское слово — священные. Потому имперскіе люди повинуются царскому слову, какъ Божьему велѣнію. Непослушаніе царю — тяжкій грѣхъ передъ Богомъ. Петръ Великій говорилъ: русскій народъ есть «послушливѣйшій народъ» въ свѣтѣ. И то же Екатерина Великая — на вопросъ, въ чемъ основная черта русскаго народа, отвѣтила: «Въ образцовомъ послушаніи». Требуя отъ русскаго народа образцоваго послушанія, Петръ Великій, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ сравнять его съ другими политическими народами и для

этого снять съ него рабій ликъ. Ибо, — какъ писалъ Петру Федоръ Салтыковъ, — «Россійскій народъ такія же чувства и разсужденіе имѣеть, какъ и прочіе народы, только его довлѣеть къ такимъ дѣламъ управить». Чтобы управить русскій народъ «къ такимъ дѣламъ» и сдѣлать его политичнымъ и регулярнымъ народомъ, Петръ запретилъ подписываться въ прошеніяхъ «полуименами», падать передъ царемъ на колѣни и снимать зимой шапки передъ дворцомъ. Онъ даже не любилъ, когда встрѣчные на его прогулкахъ кланялись ему земнымъ поклономъ, и, наоборотъ, охотно называлъ своихъ подданныхъ «сынами отечества». «Какое же различіе, — говорилъ онъ, — между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія то почеть свойственна царю». Однако, всѣ старанія Петра въ этомъ направленіи, такъ же, какъ и его другія попытки оевропезить подлый народъ, не привели ни къ чему. Петръ началъ не съ того конца. Чтобы снять съ народа рабій ликъ, надо было раскрѣпостить народъ — снять съ него рабью неволю. Ибо, какъ писалъ Пуффендорфъ о русскомъ народѣ: «Рабскій народъ рабски смиряется». Но Петръ этого не сдѣлалъ. Наоборотъ усугубилъ неволю — еще туже затянулъ московскій крѣпостной уставъ. Потому и его старанія снять съ русскаго народа рабій ликъ не привели ни къ чему. И послѣ Петра, лицо русскаго народа — рабское. Сыны отечества и имена вмѣсто полуименъ нисколько его не измѣнили. Московскія подписи: холопи твои такіе то, съ полуименами, теперь были замѣнены имперскими: Вашего Величества нижайшіе рабы такіе то съ полными именами — «рабъ твой государской Федоръ Апраксинъ челомъ бьетъ», «рабъ твой Борисъ Шереметьевъ, рабское поклоненіе творю». А сыны отечества отлично умѣстились въ одномъ званіи съ нижайшими рабами: какъ обычно въ документахъ 18 вѣка, — «вѣрные рабы и честные сыны отечества», «рабы Е. И. Величества и сыны отечества». — И то же было при Екатеринѣ Великой. И Екатерина мечтала о вольностяхъ и свободѣ для народа. «Противно христіанской религіи и справедливости, — писала она, — дѣлать людей, которые всѣ рождаются свободными, рабами». «Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво». Но, оттого ли что это была только мечта о свободѣ, а не твердая воля къ ней, или оттого, что время еще не при-

шло, но и Екатерина рабьей неволи со своего народа не сняла, — наоборотъ, какъ и Петръ, усугубила ее: укрѣпила въ помѣщичью неволю милліоны казенныхъ крестьянъ. Потому, и при Екатеринѣ лицо народа оставалось рабскимъ. Когда читаешь отчеты Екатерининской Комиссіи объ Уложеніи и наказы избирателей, поражаешься неподдѣльному и беззавѣтному чувству покорности и преданности монарху: ни тѣни сознанія человѣческихъ правъ и достоинства, — только «рабское подобострастіе» и моленія о «матернемъ милосердіи». «Припадая предъ всеягустѣйшемъ Вашего императорскаго Величества престоломъ, — пишутъ въ своемъ наказѣ прилуцкіе дворяне, — какъ предъ освященнымъ алтаремъ, ражженные любовью, благоговѣніемъ и повиновеніемъ, рабскіе сердца наши жремъ въ жертву». «Мы нижайшіе, — пишутъ старицкіе горожане, — какъ вѣрноподданые Ея Величества рабы съ глубочайшимъ усердіемъ повиноваться, яко повелѣнію самого Бога, должными остаемся». И то же въ другихъ наказахъ: бѣдные, всеижайшіе, вѣрноподданнѣйшіе рабы «съ рабскимъ подобострастіемъ преклоняють колѣна сердца своихъ и припадаютъ къ освященнымъ стопамъ». Собирая Комиссію объ Уложеніи, Екатерина призвала къ выборамъ всѣ города и уѣзды, а въ городахъ и уѣздахъ всѣ чины и сословія — дворянъ, кулцовъ и крестьянъ (кромѣ помѣщичьихъ крѣпостныхъ). Города и уѣзды и всѣ чины и сословія усердно исполнили волю государыни: избрали депутатовъ, снабдили ихъ наказами и отправили въ Москву, но поняли все это «великое дѣло» по старому, по московскому: какъ приказъ о явкѣ на выборную государеву службу. О чемъ и засвидѣтельствовали въ своихъ наказахъ: «Всевысочайшимъ Е. И. Величества манифестомъ повелѣно намъ, всеподданнѣйшимъ рабамъ, по приложенному при томъ обрядѣ... выбрать депутатовъ»; «во исполненіе высочайшаго повелѣнія мы, по рабской своей должности, избрали такого то». И строго наказывали выбранному депутату тоже, «по приложенному обрядѣ»: «Въ семь поручаемомъ вамъ дѣлѣ окажите себя вѣрнымъ рабомъ Е. И. В., усерднымъ сыномъ отечества и согражданиномъ ревнительнымъ объ общемъ благѣ, во исполненіе высочайшаго Е. И. В. власти и благоволенія». Затѣмъ излагали «рабскія прошенія» о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ, но и при этомъ неизмѣнно прибавляли: «Буде же Е. И. В. изъ сихъ нашихъ рабскихъ прошеній что-либо не-

удобно покажется, то всеподданнѣйше просимъ высочайшимъ монаршимъ матернимъ милосердіемъ, снисходя къ намъ, всеподданнѣйшимъ рабамъ, милостиво простить и не поставить намъ то въ преступленіе; ибо мы всеподданнѣйше нижайшіе Е. В. рабы во всемъ смѣло повинемся высочайшей Е. И. В. власти, что за благо повелѣтъ соизволить». И въ заключеніе, по поводу «великаго дѣла», ради котораго и созвана была Комиссія: «Что же касается до сочиненія проектовъ новаго Уложенія, то мы, всеподданнѣйшіе рабы, повергаемъ себя въ высочайшее Е. И. В. Матернее соизволеніе, и какою матернею оное для всего государственнаго общества и пользы утверждено и освѣщено будетъ, оное зависитъ отъ высокаго соизволенія». Неудивительно, что, при такихъ настроеніяхъ своихъ подданныхъ, Екатерина, — правда, въ началѣ царствованія! — писала: «Нѣтъ ничего труднѣе, какъ удобрить нравы и склонности цѣлаго народа», который не знаетъ и не чувствуетъ своего порабоженія, но паче любитъ оное. — Ничто не измѣнилось въ лицѣ русскаго народа и въ слѣдующее полуслѣтіе. «Рабскій народъ», по прежнему, «рабски смиряется». Какъ это ни удивительно для 19 вѣка, рабская неволя въ Россійской Имперіи не слабѣетъ, а крѣпнеть. Во многихъ отношеніяхъ, первая половина 19 вѣка — апогей имперскаго рабства. Потому не измѣнилось и лицо народа. Потому не измѣнились и отношенія между народомъ и царемъ. Если что измѣнилось, то только подписи на прошеніяхъ — въ 1786 году было приказано: писать не бѣть челомъ рабъ, а приносить жалобу вѣрный подданный. Но даже это не всегда исполнялось, ибо, по существу, рабы и вѣрноподданные были равнозначущи. «Всеавгустѣйшій Монархъ! Всероссийскій государь!» — писали калужскіе крестьяне Павлу I, — «къ освященнѣйшему престолу всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ». «Мы, нижайшіе, — писалъ ему же вологодскіе крестьяне, — желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству служить». «О, Всещедрый, Земной Господи, Великій Государь Императоръ и защита своей монархіи, защиты и помилуй подданныхъ своихъ десной своей царской рукой, аки Высшій Создатель...», писали Николаю I-му рязанскіе крестьяне. И уже послѣ освобожденія 21 мая 1861 года въ Москвѣ депутаты отъ сельскихъ обществъ Александру Пиму: «Благодаримъ В. И. Величество и весь вашъ августѣйшій домъ! Богъ на небеси, а вы на земли». И таковы же

были другія формы выраженія народныхъ вѣрноподданныхескихъ чувствъ. Когда Екатерина Великая проѣзжала Тулу, вся толпа на ея пути пала ницъ, да такъ и пролежала все время ея проѣзда. Когда Александръ I ѣхалъ по Курску, одна длинная улица наполнена была народомъ, стоявшимъ на колѣняхъ съ поднятыми надъ головами прошеніями. «Зрѣлище ужасное!» — восклицаетъ свидѣтель-адъютантъ Александра I Данилевскій. И такъ продолжалось и дальше — вплоть до освободительныхъ реформъ. Холоповъ смѣнили рабы. Рабовъ — вѣрноподданные. Но рабство осталось. Не измѣнился и рабій ликъ народа. Не удивительно, что, для иностранныхъ наблюдателей, Россійская Имперія, и въ XIX вѣкѣ, — царство рабской неволи и страха. — Подлинное просвѣтлѣніе лица русскаго народа началось только съ эпохи Великихъ реформъ. Наблюдатели этой эпохи отмѣчали, какъ, съ паденіемъ рабства, прояснялись лица бывшихъ рабовъ, выпрямлялись спины, крѣпла постуль. вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, медленно, но неуклонно происходило «просіяніе народнаго ума». Холопы и рабы превращались въ настоящихъ вѣрноподданныхъ. Покорность и страхъ передъ царемъ смѣнялись вѣрой въ царя и преданностью ему. Сознаніе человѣческихъ правъ и ростъ человѣческаго достоинства обѣщали близкое рожденіе гражданъ — подлинныхъ «сыновъ отечества». Но не надо себя обманывать и въ этомъ отношеніи. Превращеніе рабовъ и вѣрноподданныхъ въ гражданъ — процессъ такой же болѣзненный и трудный, какъ весь процессъ европеизаціи русскаго народнаго быта и сознанія. Вѣковое рабство не исчезаетъ сразу, даже по мановенію руки самодержавнаго царя. Рабій ликъ сходитъ съ народа медленно и оставляетъ послѣ себя страшные слѣды. Наблюдатели второй половины XIX вѣка — 70-хъ и 80-хъ г. г. — съ ужасомъ отмѣчали: рабство, давно отмѣненное въ законѣ, еще гнѣздится во всѣхъ порахъ жизни — въ быту, въ хозяйствѣ и, больше всего, въ душахъ людей. Уходя изъ душъ, оно не всегда замѣняется сознаніемъ свободы и человѣческаго достоинства — чаще распушенностью и своеволіемъ. Только къ концу XIX вѣка въ низахъ городского народа появляется тонкая прослойка людей, хотя отдаленно напоминающихъ западныхъ гражданъ — влюбленныхъ въ свободу и цѣнящихъ свою человѣческую личность. Только въ XX вѣкѣ такіе люди появляются и въ деревнѣ. И, все-таки, когда пришла

революція, на сцену вышли не только новые люди, но и старые — со старой душой и «рабымъ ликомъ». Потому такъ страшень и ликъ русской революціи. Потому, «взбунтовавшіеся рабы», въ устахъ министра Временнаго Правительства, — не только «контрреволюціонная» фраза: это правда о революціи, хотя и не вся правда, и, въ значительной мѣрѣ, приговоръ ей.

Имперскіе люди не только беззавѣтно преданы своему государю и рабски покорны ему. Имперскіе люди беззавѣтно любятъ своего царя и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ передъ святыней. Русскій народъ — «царелюбивый народъ». Россійская Имперія стоитъ не только на покореніи царю народа — еще больше она стоитъ на «царелюбьи». Когда Екатерина Великая путешествовала по Волгѣ, крестьяне смотрѣли на нее, какъ на икону, и просили ставить передъ ней свѣчи. «Если бы дозволили, — писала она о своемъ пребываніи въ Казани Панину, — они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутужтой быть здѣсь не долго». Еще больше благоговѣлъ народъ передъ Александромъ I. 6 декабря 1809 года Александръ верхомъ подѣхалъ къ заставѣ Москвы. «Толпа была такъ велика, — рассказываетъ очевидецъ, — что трудно было ѣхать. — Берегитесь, берегитесь, — часто повторялъ государь, — чтобы не зашибла лошадь. — Батюшка! — кричалъ народъ, — мы на плечахъ и тебя, и лошадь твою понесемъ; намъ подѣ тобою легко. Съ большимъ затрудненіемъ ѣхалъ Александръ среди толпы; народъ цѣловалъ его ноги, платье и даже лошадь... Многіе стирали платками потъ съ лошади и говорили: мы дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ оставимъ это на память». О другомъ случаѣ рассказываетъ адъютантъ Александра I графъ Комаровскій: «Всякій день послѣ развода государь изволилъ прогуливаться верхомъ по московскимъ улицамъ. Однажды я имѣлъ счастье сопровождать императора; множество народа окружало императора и безпрестанно кричало: ура! Одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора, все люблюсь на него, вдругъ обтеръ пылъ съ сапога Его Величества, перекрестился и поцѣловалъ его въ ногу; это было какъ сигналомъ для толпы, которая, такимъ же образомъ, начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора». И то же происходило и позже, при Николаѣ I и Александрѣ II.

«Имя царя, — писалъ о Николаѣ I Герценъ, — еще возбуждаетъ въ народѣ суевѣрное сочувствіе. Въ народномъ воображеніи царь представляется грознымъ мстителемъ, осуществленіемъ правды, земнымъ провидѣніемъ». Въ 1831 году въ Петербургѣ вспыхнуло холерное возмущеніе на Сѣнной площади. Николай самъ явился и успокоилъ толпу. Послѣ этого онъ еще два раза былъ въ Петербургѣ. «Сопровождавшіе его передавали мнѣ, — записываетъ Погодинъ, — что, какъ только замѣтятъ императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотрѣть на него поближе; чѣмъ многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его». Благоговѣніе народа передъ Александромъ II было такъ велико, что во многихъ избахъ передъ его портретомъ висѣли лампадки. И тѣ же сцены при встрѣчѣ народа съ царемъ: колѣнопреклоненіе, осыненіе крестнымъ знаменемъ и слезы умиленія передъ обожаемой святыней. Таяніе царелюбія началось только въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка и шло сверху внизъ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ этотъ процессъ захватилъ верхи городского населенія — купечество и чиновничество; въ 90-е годы — рабочиѣ; въ началѣ 20 вѣка — мѣщанство. Окончательно царелюбіе въ городскихъ массахъ было разстрѣляно 9 января 1905 года. Еще позже этотъ процессъ захватилъ деревню — въ Японскую войну и первую революцію. Еще въ 1902 году, во время аграрныхъ волненій въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, мѣстные крестьяне были увѣрены, что по губерніямъ ѣздитъ наследникъ-цесаревичъ и раздастъ земли и что онъ «сіяетъ». Еще въ 1905 году, — по свидѣтельству большевистскихъ агитаторовъ, — о царѣ въ деревнѣ надо было говорить съ величайшей осторожностью. Народъ еще любилъ царя, хотя ужъ и началъ въ немъ сомнѣваться. Въ періодъ между первой революціей и войной таяніе царелюбія шло неуклонно. Во время войны душа народа ушла отъ царя окончательно. вмѣстѣ съ царелюбіемъ пала основная опора императорской власти. Россійская Имперія стояла передъ надвигающейся революціей безпомощной.

И. Бунаковъ.

Параллели

Существует бесконечное количество формъ вліянія, воздѣйствія Вождя на Массу, отношенія Учителя и Школы. Изученіе этихъ формъ, ихъ распредѣленіе по основнымъ типамъ составляетъ, по крайней мѣрѣ должно составлять, основную, въ сущности единственную, задачу теоріи историческаго процесса: ибо къ «вліяніямъ» чело-вѣка на чело-вѣка сводится вся историческая жизнь. И только ознакомившись съ строеніемъ различныхъ типовъ вліяній, можно учесть, какъ слѣдуетъ, характеръ и значеніе каждаго даннаго вліянія со стороны его со-держанія. — что составляетъ уже основную задачу исторіи культуры. Исторія «вліяній», исторія смѣны «школъ» и «направленій» представляетъ бесконечный рядъ особенностей, курьезныхъ, если глядѣть со сторо-ны, на дѣлѣ глубоко трагически. Какъ часто великій творческій гений воздѣйствуетъ — и притомъ не только на современниковъ, но на цѣлый рядъ поколѣній — тѣмъ, что для него, для его творческой индивидуальности, не характерно, метафизически «случайно», что даже иногда у него самого принадлежит не ему, какъ пролагателю новыхъ путей, а его времени; какъ часто большой чело-вѣкъ, ставши «авторитетнымъ», своимъ авторитетомъ освящаетъ то, чему онъ самъ слѣпо подчинился, что было авторитетнымъ для него, что онъ принялъ на вѣру, чему слѣдовалъ въ угоду модѣ. Божественная Комедія изучалась въ итальянскихъ университетахъ XIV - XV вѣковъ, какъ «Сумма», какъ энциклопедія всяческихъ знаній, и въ этомъ видѣли ея поэзію. Вагнеръ погубилъ не одного композитора своей злополучной идеей «музыкальной драмы», какъ погубилъ ею и самого себя. Карамзинъ — конечно не гений, но безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, — своимъ авторитетомъ поддержалъ уже до него выдыхав-шійся, «слезоточивый» жанръ, расплодилъ «карамзини-

ство», надолго дискредитировавшихъ челоѣка, съ которыми по культурѣ они не имѣли ничего общаго.

Бываютъ случаи другого рода. Бываетъ, что въ отношеніи учениковъ къ учителю нѣтъ никакого недоразумѣнія, никакого непониманія — и все же: безъ какой бы то ни было вины со стороны учителя, вліяніе его оказывается пагубнымъ. Простѣйшій случай: Учитель поработаетъ своимъ совершенствомъ настолько, что творческаго усвоенія созданнаго имъ уже не можетъ быть. Длительное безплодіе итальянской поэзіи послѣ Петрарки и пластическихъ искусствъ послѣ Микель-Анджело объясняется этимъ. Манера каждаго изъ этихъ мастеровъ была его собственной манерой, соотносительной его идеѣ; но ученики слѣдовали только манерѣ: ибо они отваживались только подражать мастеру, не осмѣливаясь его себѣ ассимилировать.

Но есть случаи много сложнѣе и много трагичнѣе. Бываетъ, что ученикъ вполне понялъ учителя, сознательно вободно послѣдуетъ ему — и все-же остается безплоденъ. И въ то же время тѣ, которые стоятъ отъ учителя съ сторонѣ, которые иной разъ даже враждебны ему, испытываютъ на себѣ, сами того не сознавая, его благотворное, оплодотворяющее, обновляющее душу, обогащающее мысль, возбуждающее творческую способность вліяніе. Для истолкованія этого случая уже недостаточно изслѣдованіе структуры отношеній между вождемъ и массой: необходимо изслѣдованіе содержания, смысла того, чему учитель учитъ. Этотъ случай, стало быть, является проблемой, уже преимущественно относящейся къ конкретной исторіи культуры. Объяснить его — значитъ вскрыть специфическую порочность идеи Учителя, т. е. выяснить отрицательную сторону соответствующаго культурнаго момента.

Въ исторіи челоѣчества можно засвидѣтельствовать одинъ моментъ, когда этотъ типъ вліянія встрѣчается въ наиболѣе ярко выраженной формѣ и притомъ нѣсколько разъ. Это вторая половина XIX в. и начало нашего вѣка. Конкретные же случаи, относящіеся къ типу, который я имѣю въ виду, это случаи Маркса, Толстого, Фрейда и Пруста. Я думаю, что, хотя послѣдніе два случая еще слишкомъ недавни и что поэтому мы здѣсь располагаемъ сравнительно небогатымъ по количеству матеріаломъ для наблюдений, все же можно уже и сейчасъ

прити къ достаточно прочнымъ выводамъ относительно структуры соответствующихъ влияній. Однако, я считаю болѣе удобнымъ пока оставить Пруста въ стороне. Во-первыхъ, потому, что его случай осложняется, какъ увидимъ ниже, однимъ особымъ — и весьма существеннымъ — привходящимъ обстоятельствомъ; во-вторыхъ, потому, что структура его ближайшаго окруженія не столь опредѣлительна.

Что до первыхъ трехъ случаевъ, — то они легко подвдены подъ одинъ общій типъ. Три имени — три школы. Для насъ сейчасъ неважно различіе социологическаго строенія ихъ: чистая секта (толстовство), партія (марксизмъ), свободное научное объединеніе (фрейдизмъ). По существу и послѣднія двѣ тяготеютъ къ типу секты. Учитель является высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ. Вѣрующіе считаютъ себя обладателями единственнаго правильнаго метода нравственнаго или политическаго поведенія, или научнаго изслѣдованія, единственнаго истиннаго пути, пути къ Истинѣ, пути къ Добру. Три секты объединяютъ, каждая порознь, людей вокругъ мыслителей, влияние которыхъ, внѣ предѣловъ этихъ сектъ, вліянію «разсѣянное», громадно, исключительно и благотвѣтельно. Каждый изъ нихъ, въ свѣтѣ области, вводитъ насъ въ сферу необыкновенно значительнаго жизненнаго опыта: историческаго, этического, психологическаго. Нельзя себѣ представить въ наши дни историка, не читавшаго Капитала, и трудно вкратцѣ формулировать, въ сколькихъ отношеніяхъ Марксъ углубилъ и расширилъ историческое пониманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый нормальный человѣкъ, прочитавши «Такъ что-же намъ дѣлать?», «Исповѣдь», «Воскресеніе», относится къ жизни серьезнѣе, благоговѣйнѣе, чѣмъ раньше, строже, требовательнѣе къ самому себѣ. Что касается Фрейда, то онъ столь-же необходимъ психологу, сколько Марксъ историку, социологу. Фрейдъ первый показалъ пути, которыми можно проникнуть сознаніемъ въ сферу подсознательнаго, первый сталъ систематически изслѣдовать симптоматику подсознательной духовной жизни, и тѣмъ безгранично раздвинулъ горизонты психологіи и психопатологіи; а тѣмъ самымъ, вслѣдъ за Марксомъ, и сферу всѣхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ духовной жизнью, т. е. наукъ «гуманитарныхъ».

И въ то же время, если обратимся къ ближайшимъ по-

слѣдователямъ этихъ мыслителей, столь многосторонне оплодотворившихъ современную мысль, насъ поражаетъ ихъ бесплодіе. Можно-ли назвать хоть одного толстовца, который заслуживалъ бы имя учителя жизни? А что такое толстовство, какъ не новый путь обновленія жизни? Полную аналогію представляютъ марксисты и фрейдисты. Марксисты, какъ таковыя, не дали наукъ равно ничего. Есть превосходныя книги, написанныя марксистами. Но ничего специфически марксистскаго въ нихъ нѣтъ. Любопытно, съ этой точки зрѣнія, то, что сейчасъ дѣлается въ Россіи. Всей культурѣ тамъ полагается быть марксистскою. «Въ духѣ марксизма» тамъ пишутся всѣ книги, чуть-ли не вплоть до подобныхъ «Хорошему тону» Германа Гоппе, вплоть до сонниковъ и самоучителей танцевъ. Но надо признать, что въ Россіи выходитъ сейчасъ и немало «фланныхъ», иногда очень хорошихъ книгъ подъ заглавіемъ «Марксизмъ и ...» (что угодно) и что вовсе не всегда первое слово заглавія выполняетъ роль флага для прикрытія контрабанды. Но опять-таки: достоинство этихъ книгъ ничуть не обусловлено марксизмомъ. Поскольку подобная книга хороша, она могла бы быть написана и немарксистомъ. Марксизмъ, какъ умственное направленіе, словно неспособенъ расти и развиваться. Марксистъ, какъ таковой, типичный глоссаторъ, комментаторъ или популяризаторъ.

Если марксистскія произведенія производятъ впечатлѣніе перепѣвовъ, то съ фрейдистскими дѣло обстоитъ и того хуже: они кажутся сущими, и иногда очень злыми и мѣткими, пародіями на произведенія Фрейда. Марксизмъ «академиченъ»; марксисты упражняются «въ манерѣ» мастера. Фрейдисты «манеру» своего мастера карикатурятъ. Толстовцы не дѣлаютъ ни того, ни другого. Они не пережевываютъ мыслей своего учителя, не доводятъ ихъ до уродливой и нелѣпой крайности. Они ихъ только исповѣдуютъ.

Могутъ возразить, что охарактеризованное мною отношеніе трехъ названныхъ учителей къ ихъ ближайшему окруженію и къ, за предѣлами его, находящейся средѣ ничего специфическаго въ себѣ не заключаетъ. Нерѣдко ближайшіе ученики того или иного авторитета хуже понимаютъ его, нежели стоящіе поодаль. Наибольше цѣннымъ, наибольше плодотворнымъ бываетъ влияніе исходящее не отъ того, что прямо высказано учителемъ, а отъ того,

угадываемаго, что лежитъ за этими высказываніями, отъ основной интуиціи учителя. Самый фактъ причастности къ какому-нибудь «изму» какъ-то обязываетъ и связываетъ, препятствуетъ творческой ассимиляціи. Наконецъ, секта или партія направлены въ первую очередь на дѣйствіе, что предполагаетъ самоотреченіе, самоограниченіе, дисциплину. Все это вѣрно. Но все-же: сектами были и раннее христіанство и лютеранство и кальвинизмъ. Платонизмъ, гегельянство, кантіанство были школами. Однако, въ предѣлахъ этихъ сектъ, школъ жила свободная мысль, расла и развивалась доктрина. Адепты соответствующихъ учителей были живой связью между ними и міромъ. Свѣтъ зажженнаго учителемъ огня излучался въ міръ сквозь нихъ и въ ихъ преломленіи, не — м и м о нихъ.

Но вѣдь есть же и среди марксистовъ толки, секты, школы, направленія? Можно-ли въ такомъ случаѣ говорить, что марксистская мысль не живетъ, не развивается, не «становится»? И нельзя же въ разногласіи среди марксистовъ сводить единственно къ тактическимъ спорамъ? Есть вѣдь и теоретики марксизма? Да, но что они дѣлаютъ съ доктриной учителей? Они ее штопаютъ, перелицовываютъ, красятъ, лакируютъ; утюжатъ, скоблятъ, перестраиваютъ, однимъ словомъ продѣлываютъ всевозможныя манипуляціи, какимъ поддается «мертвая матерія» — иначе, какъ въ этихъ метафорахъ, не выразить характера работы марксистской мысли. Доказательство, что это такъ, въ томъ, что вся эта работа выполняется единственно для нуждъ Школы. Ибо она обращена всецѣло на самую доктрину, тогда какъ творческая работа надъ доктриною исходить отъ послѣдней и, значить, въ какомъ-то отношеніи обращена отъ нея — въ сторону. Вотъ почему работа теоретиковъ марксизма оказываетъ вліяніе только въ предѣлахъ самой Школы. Въ стѣнъ послѣдней она не излучается никакъ. Никакой мыслящій человѣкъ не можетъ обойтись безъ Маркса. Но какому не-марксисту нужны Плехановъ, Бухаринъ или Роза Люксембургъ? Равнымъ образомъ никакой психологъ не можетъ обойтись безъ Фрейда. Но читать труды, напримеръ, Ермакова, обнаружившаго «комплексъ» Пушкина и Гоголя, стоить развѣ что для потѣхи.

Всякая Школа тяготеетъ къ тому, чтобы соискнуться вокругъ учителя, замкнуться въ его ученіи. Но такова воз-

буждающая сила доктрины, укорененной въ личности Учителя, выражающей его индивидуальность, что, помимо воли учениковъ, противъ воли, безъ вѣдома ихъ, доктрина, благодаря имъ, посредствомъ нихъ, разбивается воздвигнутая вокругъ нея стѣны Школы. Тѣмъ самымъ перерождается Школа. Она перестаетъ быть Школою, ея культура становится культурой всего ея окруженія, отъ котораго Школа беретъ столько же, сколько и даетъ ему. Такъ христіанство пропиталось эллинизмомъ и само пропитало его. Но между тѣмъ какъ Марксъ, Толстой, Фрейдъ столько взяли отъ окружающей культуры и столько дали ей, марксизмъ, толстовство, фрейдизмъ отдѣлены отъ міра непроницаемыми переборками. Соціалъ-демократія могучій факторъ современной жизни, но такой-же, какъ электричество, паръ, радій: внѣшняя сила, не — элементъ культуры. Съ ней считаются, ею пользуются, отъ нея оберегаются, но ею не проникаются. Она дѣйствуетъ, но не вліяетъ (въ подлинномъ смыслѣ этого слова).

Въ каждой идеологіи самое значительное, то, изъ чего она беретъ свое начало, лежащая за нею интуиція, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ то, къ чему она стремится, на что она направлена, — соответствующій этой интуиціи идеальный образъ Сущаго. Собственно, о «началѣ» и о «концѣ» здѣсь можно говорить лишь условно: ибо этотъ идеальный образъ и эта интуиція одно и то же. Идеологія есть путь, который продѣлываетъ сознание для того, чтобы вернуться къ своей исходной точкѣ. Въ идеологіи развертывается первоначальная интуиція и просвѣтляется открывшійся внутреннему опыту идеаль. Поэтому идеологія есть прежде всего методъ. Методъ есть самое цѣнное, самое важное въ ней. Методомъ она въ сущности исчерпывается. Ибо методъ и есть въ ней то, что постоянно творчески становится. Усвоить себѣ чужую идеологію значитъ усвоить ея методъ. Этимъ истинное, т. е. творческое усвоеніе отличается отъ ученическаго подражанія, состоящаго въ слѣдованіи, такъ сказать, «грамматикѣ» метода, не ему самому, не его «духу».

Таковъ нормальный типъ зарожденія, развитія, распространенія идеологій. Но бываютъ исключенія, бываютъ болѣзныя, порочныя идеологіи, бываютъ разрывы между методомъ и мыслью, между интуиціей и умственной работой. Случается, что мыслитель, въ силу тѣхъ или

ныхъ условий, не можетъ привести въ согласіе своей мысли со своимъ методомъ. Знаменитый «естественно-научный» методъ Тэна, «позитивиста» по недоразумѣнію, только вредилъ Тэну — гениальному историку. Его историческая интуиція диктовала ему не тотъ методъ, который онъ признавалъ и объявлялъ «своимъ». У Тэна было два метода: одинъ, скрытый, которымъ онъ въ дѣйствительности шелъ, другой признанный имъ, теоретически имъ разработанный, на который онъ постоянно заставлялъ себя сбиваться.

Подобно Тэну, Марксъ былъ надѣленъ необычайной остротой исторической интуиціи. Но его мысль вступила съ нею въ борьбу. Онъ навязалъ себѣ злополучную, нелѣпую, въ своемъ существѣ безсмысленную теорію «бытія, опредѣляющаго сознаніе», теорію, основанную на незаконномъ, наивномъ, грубомъ гипостазированіи соотносительныхъ понятій, слѣдовательно, на полномъ игнорированіи первѣйшаго принципа діалектическаго метода — и тѣмъ самымъ онъ въ корнѣ извратилъ методъ Гегеля, вынулъ изъ него душу, подмѣнилъ творческое самораскрытіе Идеи внутренне-противорѣчивымъ, невозможнымъ, немислимымъ «становленіемъ» обездушеннаго, т. е. мертваго, т. е. несуществующаго «бытія» — и всѣ усилія глоссаторовъ Маркса безсильны оживить убитый учителемъ методъ: ибо истинная діалектика несомнѣстима съ предпосылкой, по которой изъ двухъ аспектовъ Жизни одинъ «опредѣляетъ» собою другой.

Если Марксъ умертвилъ чужой методъ, вмѣсто того чтобы себѣ его усвоить, то Фрейдъ исказилъ свой собственный. Открывъ плодотворнѣйшую истину соответствія всевозможныхъ «ошибокъ» во внѣшнемъ самообнаруженіи личности съ ея подсознательной сферой, что могло бы безмѣрно обогатить и углубить наше представленіе объ Индивидуумѣ (и дѣйствительно обогатило его), самъ Фрейдъ безконечное разнообразіе скрытыхъ въ глубинахъ подсознательнаго возможностей свелъ къ ничтожно-жалкому числу произвольно отобранныхъ имъ и произвольно объявленныхъ основными, первичными «комплексовъ». Методъ, открывающій такія могучія возможности индивидуализированія всякой личности, обратился, у самого создателя его, въ методъ обезличиванія величайшихъ индивидуальностей. Если Марксъ пародируетъ Гегеля, то Фрейдъ пародируетъ себя самого. Немудре-

но, что его ученики не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ его пародистами.

Методъ поведенія можно, разумѣется, лишь условно сопоставлять съ методами мышленія. Все-же нельзя не отмѣтить внутреннего сродства между методомъ учителя жизни, Толстого, и методами теоретиковъ, Маркса и Фрейда. Методъ Толстого есть отвѣтъ на его вопросъ: «такъ что-же намъ дѣлать?» Отвѣтъ гласить: не дѣлай. Подобно методу Маркса или Фрейда, и методъ Толстого есть методъ вывороченный на изнанку, пародія метода.

Теперь можно обратиться къ Прусту. Я думаю, что каждому, осилившему тринадцать томовъ его романа, всякій другой романъ уже долженъ казаться въ чемъ-то устарѣлымъ. У всякаго романиста онъ найдетъ недоработанныя, не окончательно претворенныя искусствомъ, «сырые», сфотографированныя детали, всякая, самая углубленная, характеристика покажется еще слишкомъ поверхностной, слишкомъ массивной, упрощенной. Другими словами мы имѣемъ полное право утверждать, что послѣ Пруста уже просто нельзя писать такъ, какъ писали до Пруста. Прусть не только вошелъ въ мировую литературу, онъ вошелъ и въ исторію ея. О томъ, какъ, въ чемъ скажется влияние Пруста, конечно, нельзя говорить: литература есть творческое становленіе. Но о влияніи Пруста на тѣхъ, кто уже вошелъ въ его школу, говорить можно. Уже есть писатели, являющіе собою примѣръ таланта, которому угрожаетъ опасность погибнуть отъ подчиненія прустовскому методу. Ибо у Пруста есть, наряду съ манерой, и опредѣляющій ее методъ. Въ основѣ этого метода лежитъ та концепція душевной жизни, согласно которой все подчинено времени. Индивидуальность, «Я», не «вещь», а «процессъ», не *ergon*, но *epédeia*. Но у Пруста эта истина представлена такъ, что личность просто распадается на безчисленное количество диалектически становящихся «мгновеній», въ сущности-же улетучивается, исчезаетъ. Его романъ двойственного состава. Съ одной стороны множество «характеровъ», «типовъ», выведенныхъ въ согласіи съ классической традиціей «правоописательнаго» романа, традиціей намѣренно и тонко утрированной, такъ что получается галлерей каррикатуръ, коллекція гениально пародированныхъ уродовъ. Съ другой — одинъ, показанный уже не въ проекціи, а реально, т. е. во времени живущій носитель «потока

сознания», тотъ «Я», отъ имени котораго ведется повѣствованіе. И вотъ этотъ-то реальный индивидуумъ у Пруста оказывается абсолютно безличнымъ. Становясь, реализуясь, онъ тѣмъ самымъ уничтожается. Методъ Пруста — это бьетъ въ глаза — ничто иное, какъ доведенный до крайности методъ Бергсона, результатъ таковъ, что нельзя не задаться вопросомъ: не слѣдуетъ-ли къ четыремъ названнымъ мною именамъ прибавить пятое, или лучше — переименовать четвертое имя? Прустъ можетъ быть взятъ въ качествѣ примѣра — единственнаго, но, имѣя въ виду его гениальность, сколь разительнаго! — губительнаго вліянія бергсонизма, какъ метода, примѣра, вскрывающаго внутреннюю порочность философин великаго и опять-таки несомнѣнно безмѣрно обогатившаго и оплодотворившаго современную культуру мыслителя, — порочность, состоящую въ томъ, что, изслѣдуя «творческую эволюцію», онъ сознательно запретилъ себѣ вопросъ, что-же именно становится? что въ противоположность своимъ величайшимъ предшественникамъ, Николаю Кузанскому, Лейбницу, Гегелю, Бергсомъ не пришелъ въ результатѣ своего философскаго опыта, къ предѣльной идеѣ индивидуальности Всеединства. Между тѣмъ только въ этой идеѣ можетъ быть укоренена идея эмпирически становящейся индивидуальности, иными словами подлиннаго творчества, — ибо индивидуальность есть творческій актъ и ничего больше.

Я не случайно подбираю имена. Я назвалъ людей, изъ которыхъ каждый, въ своей области, является безспорнымъ учителемъ и вождемъ людей, воздѣйствіе которыхъ испыталъ на себѣ всякій, хоть сколько-нибудь прикосновенный къ нашей культурѣ; такъ что они, эти люди, суть подлинныя представители этой культуры, по которымъ ее и надо изучать. Выяснивъ то общее, что этихъ, столь различныхъ, людей, роднитъ между собою, выяснимъ и «духъ» этой культуры, ея собственную индивидуальность. Въ чемъ-же это общее состоитъ? Къ чему оно сводится?

Къ тому, что всѣ они, такъ сказать, «сраоблачители». Марксъ и Фрейдъ за реальностью, непосредственно данной и въ ней ищутъ другую, «болѣе реальную» реальность, «субстратъ» первой и ея «причину». Въ какомъ-то смыслѣ «бытіе» реально и «сознание». Марксу недо-

статочно установить средство (кажущееся или действительное — это все равно для насъ въ настоящей связи) между культомъ святыхъ, посредниковъ между Богомъ и вѣрующими, и появленіемъ купца, торговаго посредника: первый фактъ, фактъ духовной въ узкомъ смыслѣ слова культуры, для него является «производнымъ» второго, факта культуры «матеріальной». Сознаніе реагируетъ прежде всего непосредственно на производственный отвѣшеніа, а затѣмъ уже возводитъ надъ ними «идеологическую надстройку». Теоретикъ марксизма Бухаринъ еще и сейчасъ находитъ возможнымъ стоять на точкѣ зрѣнія, что «мысль есть движеніе вещества», и что сознаніе ничто иное какъ «послѣдствіе» движенія тѣла. «Комплексы», спряятанный въ потемкахъ души Ліонардо да Винчи, Пушкина, Гоголя, Толстого, даже Исуса Христа (одинъ изъ фрейдистовъ отважился на «психоанализъ» Сына Божія), для фрейдистовъ, въ какомъ-то смыслѣ «реальнѣе» Джоконды, Мѣднаго Всадника, Мертвыхъ Душъ, Анны Карениной и Евангелія. Для Толстого инстинкты и вождельніч «реальнѣе» убѣжденій и вѣрваній, а Смерть «реальнѣе» Жизни. Сознаніе «сводится» къ бытію, художественное, философское, религиозное творчество «сводится» къ «комплексамъ», высшее «сводится» къ низшему, возвышенное «оказывается» низменнымъ, прекрасное — гнусностью, его «опредѣляющей». Для Пруста «обрѣсти» себя, свое «Я», значить только «обрѣсти утраченное время», пройти памятью однажды пройденную жизнь. Поскольку время есть условіе реализаціи «Я», время «реальнѣе» нежели «Я».

Въ плоскости религиозно-этической это умонастроеніе выражается въ своеобразной переоцѣнкѣ цѣнностей. Низшее, на которое высшее «сводится», можетъ тѣмъ самымъ показаться «лучше» вышаго. Толстовское смиреніе есть смиреніе не передъ высшимъ, а именно передъ низкимъ, смиреніе «культуры» передъ «природою», «смысла» передъ «безсмысленнымъ». «Безсмысленное» мудрѣе «смысла». Иванъ-дуракъ умнѣе умника.

Отсюда и особый вкусъ иныхъ разоблачителей къ «Ничему» къ пустому мѣсту — слѣдствіе той вывороченной на изнанку метафизики, въ основѣ которой лежитъ принципъ не наибольшей, а наименьшей «полноты бытія».

Если разоблачитель вмѣстѣ съ тѣмъ Учитель жизни, реформаторъ, то онъ попадаетъ въ затруднительное положеніе. Дѣятельность преобразователя, проповѣдника на-

правляется образомъ того идеальнаго состоянія, которое ояъ противопоставляетъ данности, какъ нѣчто «болѣе» реальное «менѣе» реальному. Но какъ быть такому преобразователю, который привыкъ «высшему» противопоставлять, въ качествѣ «большей» реальности, «нижнее»? Психологически вполне естественно, что выразить свой идеалъ онъ въ состояніи развѣ только въ отрицательныхъ опредѣленіяхъ. Не-дѣланію Толстого соотвѣтствуетъ, въ качествѣ осуществленнаго Царства Божія, не-бытіе, нирвана. И Марксъ свой земной рай рисуетъ единственно отрицательными признаками, перечисляя, чего въ немъ не будетъ. Не будетъ частной собственности, не будетъ классовъ, не будетъ государства, не будетъ религіи. Что же будетъ? Этому вопроса Марксъ не поставилъ.

«Разоблачители» вмѣстѣ съ тѣмъ и разлагатели. «Свести» высшее къ низшему все равно, что разложить сложное на простое. Отсюда легко возникаетъ особый уклонъ — влеченіе къ элементарному и къ самому процессу разложенія, распада сложнаго на элементы, Смерти. Искусство жизни для Толстого есть искусство умирать. Чѣмъ проще живое, чѣмъ оно менѣе живо, тѣмъ «лучше» оно умираетъ. «Простой» мужикъ умираетъ «лучше» образованной барыни, и далеко «лучше» мужика. Вотъ собственно сущность философіи Толстого — прямая противоположность философіи великихъ гуманистовъ, ставившихъ человѣка въ центрѣ мірозданія и учившихъ, что только человѣкъ умираетъ въ полномъ смыслѣ слова, ибо умирая онъ завершаетъ процессъ становленія своей индивидуальности и тѣмъ самымъ рождается въ вѣчную жизнь. Влеченіе къ анализу, культъ разложенія и разоблаченія приводитъ къ тому, что прижизненное саморазложеніе, самоанализъ, начинаетъ казаться предѣломъ самоосуществленія, самоутвержденія личности, полной реализаціей своей индивидуальности. Недавно, въ замѣчательной статьѣ *), Н. М. Бахтинъ высказалъ вѣрную мысль, что такова доминирующая черта культуры «ненавистнаго», какъ выражается онъ, XIX-го вѣка. Для того, чтобы безъ помѣхи предаться этому, чтобы этимъ путемъ «обрѣсти» себя, личность отъединяетъ себя отъ «среды», замыкается «въ себя», т. е. ни въ чемъ, ибо отъединенная личность уже перестаетъ быть личностью,

*) Разложеніе личности и «внутренняя жизнь», Чиста, № 4, 1924 г.

— и анализируетъ, разлагаетъ то, что уже разложи-
лось. Добровольно затворившійся въ пробковой комна-
тѣ Прусть, весь свой чудный даръ писателя и сердцевъдца
обратившій на поиски самого себя при помощи самыхъ
утонченныхъ способовъ саморазложенія и самоистребле-
нія, — трагическая фигура, полная глубочайшаго символич-
ческаго смысла. Въ Прусть какъ-бы воплотилась, въ сво-
емъ самомъ крайнемъ, исчерпывающемъ выраженіи основ-
ная культурная тенденція на нашихъ глазахъ уходящаго
въ прошлое историческаго періода.

П. Бицилли.

Изъ прошлаго

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

XVI.

Новый министр Д. С. Сипягинъ былъ представителемъ дворянскаго направленія, далекаго отъ пониманія Витте. Однако по общему мнѣнію Сипягинъ былъ выдвигнутъ на этотъ постъ его рекомендаціей. Это казалось столь страннымъ, что многіе и здѣсь заподозрили Витте въ коварномъ расчетѣ, въ желаніи руками Сипягина довести Россію до взрыва и воспользоваться этимъ въ своихъ политическихъ видахъ *).

Такое подозрѣніе характерно для сужденій о Витте. Дѣло было проще. Самый фактъ былъ неточень; не Витте выдвинулъ кандидатуру Сипягина; въ это время довѣріе Государя къ самому Витте уже было подорвано. Но раньше**), до перваго Горемыкинскаго министерства, Витте дѣйствительно поддерживалъ кандидатуру Сипягина противъ Плеве. Въ этомъ онъ тогда потерпѣлъ неудачу, ибо назначень былъ не Сипягинъ, а Горемыкинъ, но нѣкоторая отвѣтственность за позднѣйшее назначеніе Сипягина благодаря этому на Витте все же лежитъ. Но его рекомендація не нуждается въ хитроумныхъ объясненіяхъ; она не такъ удивительна, какъ казалась Шипову. Напротивъ, она характерна для условій, въ которыхъ приходилось тогда управлять. Витте не могъ бы провести своей либеральной программы, опираясь на единомышленниковъ; въ правящей средѣ эти единомышленники могли бы планы Витте компрометировать. Онъ долженъ былъ искать поддержки среди консервативнаго лагеря, вербовать въ немъ людей способныхъ не испугаться его взгля-

*) Д. Н. Шиповъ — «Воспоминанія», стр. 130.

**) Витте — «Воспоминанія», т. I, стр. 147.

довъ на крестьянскій вопросъ. Съ этой точки зрѣнія Сипягинъ могъ оказаться полезнымъ.

Старинной дворянской семьи, въ родствѣ и дружбѣ съ аристократіей, *bon vivant et gourmand*, страстный и прекрасный охотникъ, Сипягинъ былъ сдѣланъ изъ матеріала, изъ котораго стряпали въ старину предводителей, а иногда и тѣхъ губернаторовъ, которые, представляя управление правителямъ канцелярій, занимались сами «представительствомъ» и «объединеніемъ» общества. Пока государственная машина вертѣлась безъ перебоевъ, они могли казаться на мѣстѣ; а тактомъ, воспитанностью и добродушіемъ могли и смягчать ненужныя тренія. Политическая программа такихъ людей глубоко не шла; она сводилась къ подчиненію «священной воли Монарха», къ борьбѣ противъ тѣхъ, кто покушался «умалить Самодержавную Власть». Объ этомъ Сипягинъ помнилъ всегда. Въ бытность Управляющимъ Комиссіи прошеній онъ послалъ записку о дозволеніи принимать жалобы на Кассационный Сенатъ, ибо запрещеніе этого казалось ему непонятнымъ «ограниченіемъ» Самодержавія. Его записка вызвала отрицательное отношеніе даже Побѣдоносцева (Другой примѣръ. Д. Н. Шиповъ разсказалъ *), какъ, будучи московскимъ губернаторомъ, Сипягинъ опротестовалъ обязательное санитарное постановленіе земства; но, обсудивъ вопросъ вмѣстѣ съ Шиповымъ, пришелъ съ нимъ къ соглашенію объ измѣненіяхъ въ постановленіи. Конфликтъ казался улаженнымъ; но Губернское Присутствіе, не ограничиваясь о т ѣ н о й, опубликовало его въ измѣненномъ по соглашенію Губернатора съ Предсѣдателемъ Губернской Управы видѣ. Сдѣлавъ такое упрощеніе процедуры, Сипягинъ не понималъ, въ чемъ тутъ беззаконіе, а понявъ, не соглашался все-таки уронить престижъ власти уступкою земству. Это нелѣпое дѣло дошло до Сената, который постановленіе Присутствія отиѣнилъ. Такъ въ сферѣ вѣдомственныхъ препирательствъ и самозащиты противъ земскихъ захватовъ Сипягинъ былъ насторожъ и непреклоненъ. Зато, когда вопросъ заходилъ не о власти Царя, а о пользѣ населенія, съ нимъ говорить было можно. Онъ органически не могъ бы повѣрить, что польза населенія могла оказаться съ Самодержавіемъ несовмѣстимой. Разъ онъ призналъ бы, что въ крестьян-

*) Д. Н. Шиповъ — «Воспоминанія», стр. 107.

скомъ стрѣхъ есть какое то зло, въ интересахъ самого Самодержавія онъ не отказалъ бы принять мѣры для его устраненія. Сословные интересы дворянства въ этомъ его остановить не могли бы. Сипягинъ принадлежалъ къ тѣмъ отживавшимъ типамъ дворянства, которые въ привилегіяхъ видѣли не столько личную выгоду, сколько почетное средство обслуживать интересы страны. Мое поколѣніе еще застало носителей этой старомодной идеологіи. Они не походили на шаблонъ, по которому привилегированному классу полагалось быть паразитами, а преданность общему благу была монополіей демократіи. Въ блѣдодушныхъ баловняхъ жизни, которые не забывали о нуждахъ другихъ, было не мало наивности, но и своеобразнаго шарма. Я видалъ въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ они возмущались стремленіемъ большинства использовать свое положеніе, увеличить свои привилегіи, какъ они негодовали на дворянскіе походы на казначейство или на Государственный Банкъ, словомъ, какъ они сопротивлялись стараніямъ взять все, что можно, съ политической точки на вѣрность «передового» сословія. Эти идеалисты дворянства рѣдко выступали съ рѣчами; они не были мастерами говорить на многолюдныхъ собраніяхъ, — да и во имя достоинства дворянства не хотѣли являться публично его обличителями; но зато въ кулуарныхъ бесѣдахъ, личнымъ примѣромъ, вліяніемъ, поведеніемъ и голосованіемъ бывали живымъ укоромъ дворянскимъ дѣльцамъ.

Конечно, богатство, независимое положеніе многихъ людей этого типа, избавляя ихъ отъ оборотной стороны «борьбы за существованіе», позволяли имъ больше думать о достоинствѣ своего положенія, чѣмъ объ извлеченіи изъ него выгоды; эти условія дѣлали для нихъ легкой задачу себя не срамить. Но это вопросъ другого порядка. Важно, что благодаря этому они могли не оставаться равнодушными къ тому нелѣпому положенію, въ которомъ наше архаическое законодательство держало крестьянъ. Этого мало. И по существу вѣрные патріархальнымъ взглядамъ на жизнь, они болѣе сочувствовали зажиточнымъ элементамъ крестьянъ, «старичкамъ», какъ ихъ тогда называли, по новѣйшей терминологіи «кулакамъ»; они не считали разумнымъ приносить ихъ въ жертву «бѣднякамъ и середнякамъ». Ихъ политическая наивность не позволила имъ забираться въ вопросъ слишкомъ глубоко. Они не схватывали, насколько крестьянское неравноправіе связа-

но было съ существовавшимъ въ Россіи государствен-
нымъ строемъ; насколько именно оно служило опорой Са-
модержавія. Для людей типа Сипягина Самодержавіе ка-
залось естественнымъ защитникомъ противъ всякой со-
ціальной неправды. Сипягинъ пришелъ бы въ ужасъ при
мысли, чтобы явную несправедливость для крестьян-
ства надо было бы охранять въ интересахъ Самоде-
ржавія. Его преданность Самодержавію побуждала его
привѣтствовать реформу, которая увеличила бы престижъ
Самодержца въ странѣ, вызвала бы по отношенію къ не-
му такое же благодарное чувство крестьянства, какъ въ
61 году. Эта сантиментальная психологія создавала у Си-
пягина возможность общаго языка съ реалистомъ Вит-
те, почву для соглашенія съ нимъ. Какіе бы недостатки у
Сипягина ни были, онъ къ плану крестьянской реформы
не могъ отнестись такъ односторонне, исключительно съ
точки зрѣнія сословныхъ или полицейскихъ удобствъ,
какъ къ нему впослѣдствіи отнесся преемникъ Сипягина
В. К. Плеве. На людей вродѣ Сипягина поневолѣ прихо-
дилось рассчитывать Витте въ томъ классѣ, который то-
гда правилъ Россіей; ихъ помощь или по крайней мѣрѣ
нейтралитетъ были необходимы; имѣть его на своей сто-
ронѣ было для Витте гораздо полезнѣе, чѣмъ приобрести
лишняго сотрудника изъ либеральнаго лагеря.

При Д. С. Сипягинѣ, на котораго Витте было тѣмъ лег-
че вліять, что онъ былъ связанъ съ нимъ личной дружбой,
Витте могъ наконецъ отмѣтить серьезный успѣхъ. Кресть-
янской вопросъ сдвинулся съ мѣста. По Высочайшему пове-
лѣнію 22 марта 1902 г. было образовано Особое Совѣща-
ніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.
Предсѣдателемъ Совѣщанія назначенъ былъ Витте. Онъ по-
нималъ, что на помощь надо было привлечь не только Си-
пягинныхъ, но широкое общественное мнѣніе и обществен-
ное содѣйствіе. Этого онъ тоже добился. Совѣщаніе по-
лучило право образовывать губернскіе и уѣздные коми-
теты и привлекать общественныя силы къ разработкѣ это-
го основного вопроса. Сотрудничество власти и общест-
ва открывалось въ той формѣ, въ которой Витте считалъ
это сотрудничество наиболѣе продуктивнымъ. Завершеніе
крестьянской реформы проектировалось въ началѣ 20-го
вѣка приблизительно въ той же постановкѣ, въ которой
она была начата въ 50-хъ годахъ.

Въ началѣ работъ у Витте произошло характерное

столкновеніе съ Сипягинымъ. Витте предполагалъ привлечь къ работамъ представителей земскихъ собраній. Въ этомъ Сипягинъ усмотрѣлъ направление, съ которымъ надо бороться; государственные вопросы не касаются земскихъ собраній, а въ качествѣ свѣдующихъ мѣстныхъ людей достаточно должностныхъ лицъ земскихъ управъ. Въ сопротивленіи расширенію земской компетенціи состояла вся тогдашняя министерская мудрость. Витте ему уступилъ. Это не трудно понять. Для Витте это былъ второстепенный вопросъ, а послѣ его знаменитой записки выступать въ защиту земствъ значило бы дать поводъ къ дешевымъ нападкамъ. Они показали бы непониманіе того, что Витте сказалъ; но это не причина, чтобы имъ не былъ обезпеченъ успѣхъ. Витте, который понималъ, какую громадную реформу онъ затѣвалъ, какими послѣдствіями она отозвалась бы на всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, считалъ бы тактической ошибкой расхожденіе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по такому вопросу. Устраненіе земскихъ собраній не могло не вызвать негодованія въ земской средѣ; но это казалось мелочью въ сравненіи съ дѣломъ, которому клали починъ. Если бы цѣной этой уступки онъ могъ бы успокоить Сипягина, онъ счелъ бы это выгодной сдѣлкой.

Намъ трудно допустить, чтобы надежды Витте на серьезную помощь Сипягина могли оправдаться. Это было основной слабостью позиціи Витте. Воспитанный въ школѣ Самодержавія, онъ преувеличивалъ значеніе личныхъ отношеній, личнаго вліянія, вообще маневрированія около трона. Въ противорѣчій съ своимъ пониманіемъ «непреложности законовъ общественной природы», онъ рассчитывалъ на возможность добиться успѣха, благодаря обстановкѣ въ верхахъ. Крестьянское равноправіе, бессловность, общественная самодѣятельность лежали въ основѣ программы либерализма. Задача провести эту программу руками тѣхъ, кто принципиально ей не сочувствовалъ, была политическимъ фокусомъ, превышавшимъ чьи бы то ни было силы. Несмотря на дружбу Сипягина съ Витте, другія вліянія на Сипягина навѣрное бы оказали сильнѣе, и Витте пришлось бы испытать разочарованіе въ пользѣ Сипягинской помощи.

Но въ чистомъ видѣ этого опыта сдѣлать и не пришлось. Въ началѣ работъ Совѣщанія (2 апрѣля 1902 г.) Сипягинъ былъ убитъ. Его мѣсто на посту Министра Внутрен-

нихъ Дѣлъ занялъ Плеве. Тогда началось то единоборство двухъ направленій въ Самодержавіи, которое кончилось пораженіемъ Витте и крушеніемъ политики, которую онъ представлялъ. Потому личная борьба Плеве съ Витте представила такой политической интересъ.

Плеве прошелъ трагической фигурой въ нашей исторіи. Не знаю, кто сталъ бы теперь его защищать. Самъ Витте къ нему беспощаденъ въ своихъ мемуарахъ. Онъ передаетъ въ нихъ и отзывъ о Плеве Побѣдоносцева; сравнивая Плеве съ Сипягинымъ, Побѣдоносцевъ сказалъ: «Сипягинъ — дуракъ, а Плеве — подлець». Смерть Плеве въ свое время вызвала почти всеобщій восторгъ, не менѣе демонстративный и, конечно, болѣе мотивированный, чѣмъ восторгъ отъ убійства Распутина. Не было обвиненій, которыя бы на него ни взводили, начиная съ устройства имъ Кишиневскаго погрома, противъ чего съ негодованіемъ возражалъ А. А. Лопухинъ, и кончая провокаціей Японской войны, чего не отрицаетъ и Витте. Характеристики Плеве я на себя не беру, ибо его совершенно не зналъ; мнѣ хотѣлось бы только установить его мѣсто въ нашей исторіи.

Въ борьбѣ съ Витте Плеве, какъ и Витте, защищалъ Самодержавіе. Но Витте надѣялся его укрѣпить, направивъ на проведеніе программы, которая примирила бы съ нимъ страну и надолго вырвала оружіе изъ рукъ его принципиальныхъ враговъ. Плеве же не допускалъ измѣненія его прежней политики, отстаивалъ неприкосновенность основъ, на которыхъ стояло Самодержавіе. Онъ не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что эти основныя — сословность, государственный нажимъ на все развитіе жизни — были причиною русской отсталости. Отречься отъ нихъ, по его мнѣнію, Самодержавію было нельзя. Говоря теперешнимъ языкомъ, Витте вѣрилъ въ возможность эволюціи Самодержавія, Плеве въ это не вѣрилъ. Одинъ былъ его оптимистомъ, другой пессимистомъ. Это придавало фигурѣ и дѣятельности Плеве ея трагической смыслъ. Онъ съ жестокой энергіей защищалъ безнадежное дѣло притомъ завѣдомо безнадежное; ибо и Плеве сознавалъ, что обновить жизни нельзя и предвидѣлъ, что Самодержавіе должно будетъ перейти къ конституціи. Объ этомъ онъ съ большою ясностью и безъ сожалѣнія сказалъ Шипову въ 1902 г. *). Но онъ видѣлъ, что сейчасъ Самодержавіе

*) Д. Н. Шиповъ — «Воспоминанія», стр. 175.

своей властью поступиться не хочет, что на этот шаг оно не способно и ему, как вѣрному слугѣ Самодержавія, оставалось только его защищать, какъ защищаютъ обреченную на гибель крѣпость, изъ вѣрности знамени. Враги Самодержавія были повсюду кругомъ. Менѣе всего онъ боялся тѣхъ открытыхъ противниковъ, которые вели противъ Самодержавія прямую атаку; подобную атаку онъ считалъ возможнымъ отбить, какъ въ 80-хъ г. г., въ должности Директора Полиціи, онъ отбивалъ и отбилъ атаку э т о г о времени. Онъ гораздо болѣе боялся тѣхъ, которые могли увлечь Самодержавіе на путь либеральныхъ реформъ, ибо на эти реформы онъ нашъ государственный строй способнымъ уже не считалъ. На этомъ пути Самодержавію предстояла гибель, а не выздоровленіе, и онъ защищалъ Самодержавіе противъ него самого. Онъ билъ по врагамъ съ ожесточеніемъ приговореннаго къ смерти бойца, озлобляясь въ этой борьбѣ противъ идущихъ къ побѣдѣ противниковъ, но твердо рѣшившись не уступить имъ ни пяди и никакихъ реформъ не допускать. И фигура всѣмъ ненавистнаго Плеве была не лишена не только трагизма, но и своеобразнаго героизма.

Я Плеве никогда не видалъ, но эту идеологію безнадежности и упорства мнѣ позднѣе пришлось наблюдать въ интересномъ чловѣкѣ, съ которымъ меня познакомилъ Витте, въ П. Н. Дурново. Я по немъ отчасти сужу и о Плеве. Въ Дурново, который въ то время, какъ и Витте, былъ не у дѣлъ, наблюдалось то же сознаніе обреченности Самодержавія. Онъ объяснялъ гибель Самодержавія не тѣмъ, чтобы оно вообще себя изжило, а тѣмъ, что оно отъ себя отреклось, вѣрить въ себя перестало. По его убѣжденію, враги Самодержавія съ нимъ никогда бы не справились; но оно себя защищать не хотѣло. Это опредѣляло его позицію. Дурново былъ безпощаденъ къ открытымъ врагамъ Самодержавія; но ихъ онъ понималъ, а нѣкоторыхъ и уважалъ; зато, какъ и Плеве, презиралъ тѣхъ слугъ Самодержавія, которые своимъ желаніемъ сдѣлать Самодержавіе преемлемымъ для нашего общества его обезоруживали. Въ эту эпоху не одинъ Дурново считалъ Самодержавіе уже конченнымъ; но въ отличіе отъ многихъ, повидимому даже отъ Плеве, онъ считалъ конецъ Самодержавія концомъ и Россіи. Тѣ, которые до 1905 г. мечтали о конституціи, а послѣ ея объявленія старались ей помогать, воображая, что этимъ служатъ Рос-

си, были въ его глазахъ глупцы или обманщики. Онъ остро ненавидѣлъ Столыпина потому, что Столыпинъ доказывалъ, что Россія можетъ управляться при конституціи. Такое убѣжденіе казалось ему вредной иллюзіей, продолженіемъ рокового обмана. Въ основѣ его убѣжденій лежало, конечно, его непреодолимое недоверіе къ «обществу» и презрѣніе къ «человѣку». Дурново былъ убѣжденъ, что держать Россію въ порядкѣ можетъ только сильная и прозная власть, которой нечего бояться проявленій общественнаго неудовольствія; всѣхъ враговъ можно или запугать, или купить. Послѣ 17 октября Дурново естественно счелъ Россію раненой на смерть и лучше многихъ предвидѣлъ то, что съ ней дѣйствительно позднѣе случилось. Если бы въ это время ему была дана полная власть, онъ не старался бы ни вернуть Россію къ тому, что уже было ею утрачено, ни укрѣплять въ ней конституцію. Онъ сталъ бы пользоваться властью только для того, чтобы бить по наступающимъ противникамъ, какъ тѣ, которые погибая, хотятъ дорого продать свою жизнь. Думаю, что во многихъ отношеніяхъ Плеве былъ похожъ на него.

Таковъ былъ тотъ главный противникъ, который въ началѣ 20-го вѣка столкнулся съ Витте въ его попыткѣ оздоровить Самодержавіе. Плеве побѣдилъ Витте. Эта побѣда опредѣлила судьбу Самодержавія. Самодержавіе, которое стало за Плеве, доказало свою неспособность къ оздоровленію. Побѣда Плеве надъ Витте отразилась на общественномъ настроеніи; она дала «Освободительному движенію» его окончательную формулировку.

Крушеніе Витте было крушеніемъ того либерализма, который шелъ отъ шестидесятыхъ годовъ и старался проводить свои реформы опираясь на Самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть. При Плеве этотъ либерализмъ оказался удаленнымъ со сцены и уступилъ мѣсто радикализму, который воплотился въ «Освободительномъ движеніи». Постепенную деформацию прежняго либерализма, «крень влѣво» можно было прослѣдить на многихъ примѣрахъ. Каждый, кто жилъ тогда общественной жизнью, могъ наблюдать эти явленія въ кругѣ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, и можетъ вспомнить, какъ видоизмѣнялись настроенія общественныхъ организаций и выросли новые авторитеты. А между тѣмъ въ

нашей общественной жизни еще были тогда элементы здравого либерализма, который могъ оказаться не мостомъ къ Революціи, а опорой прогрессивной государственной власти. И по этому поводу мнѣ хочется вспомнить объ одной забытой организаціи, о «Бесѣдѣ».

XVII.

Я хочу вспомнить о ней по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, о ней мало знаютъ; когда она имѣла значеніе, говорить о ней вслухъ было нельзя; послѣ 1905 г., когда говорить обо всемъ стало можно, значеніе она потеряла. На собраніи въ память П. Д. Долгорукова П. Н. Милюковъ, въ своей рѣчи, сказалъ о «Бесѣдѣ» нѣсколько словъ, которыя показали, что даже онъ, несмотря на свою освѣдомленность въ явленіяхъ русской общественной жизни, имѣлъ о «Бесѣдѣ» самое неточное представленіе. А, во-вторыхъ, рассматриваемая черезъ призму позднѣйшихъ политическихъ настроеній «Бесѣда» стала неинтересна и мало понятна, какъ организація блѣдная и не яркая. А интересъ ея именно въ томъ, что она была обращеніемъ тѣхъ забытыхъ общественныхъ настроеній, которыя у насъ существовали, но не успѣли развиться. Существованіе такихъ настроеній и ихъ неудача объясняетъ многое въ ходѣ нашей исторіи. Потому «Бесѣду» стоитъ припомнить; къ тому же и дѣятели ея вымираютъ; а люди, которые знаютъ ее лучше, чѣмъ я, о ней пока почему-то молчатъ.

«Бесѣда» — кружокъ, основанный въ началѣ 90-хъ годовъ, сначала на почвѣ просто личныхъ знакомствъ, въ извѣстный моментъ превратилась въ организованный центръ избранныхъ общественныхъ дѣятелей. Внѣшнимъ проявленіемъ ея жизни было издательство. Кружкомъ былъ выпущенъ рядъ сборниковъ опредѣленнаго идейнаго содержанія; объ аграрномъ вопросѣ, объ основахъ мѣстнаго самоуправленія, о конституціонномъ устройствѣ различныхъ народовъ и т. д. Изданія сообщали полезныя свѣдѣнія и будили опредѣленные интересы. По условіямъ времени кружокъ не имѣлъ права ставить на изданіяхъ свое имя. Это произошло позднѣе, при Святополкъ-Мирскомъ, и доставило нѣкоторымъ членамъ кружка наивную

радость увидѣть на книгахъ родное слово «Бесѣда». До этого всѣ книги выходили какъ личныя изданія отдѣльных членовъ «Бесѣды», — Долгорукова, Шаховского или другихъ.

Главное значеніе «Бесѣды» было не въ издательствѣ, а въ зачаткѣ «организаци». «Бесѣда» связывала многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей всей Россіи. Почти всѣ губерніи имѣли въ ней своихъ представителей. Въ ней сосредоточивались свѣдѣнія и о томъ, какъ шла жизнь на мѣстахъ, и о томъ, что ей грозитъ сверху; изъ «Бесѣды» могла вдохновляться и мѣстная общественная дѣятельность. Раньше чѣмъ въ Россіи образовались легальныя партіи, передовая общественность уже получила въ «Бесѣдѣ» свой объединяющій и направляющій центръ.

Я говорю «передовая общественность»; болѣе точно ее опредѣлить было трудно. «Бесѣда» не хотѣла быть партіей съ опредѣленной программой; въ ней уживались и конституціоналисты, будущіе столпы кадетской партіи, Головинъ, Кокошкины, Долгоруковы, Шаховскіе и послѣдніе рыцари Самодержавія: Хомяковъ, Стаховичъ, Шиповъ. Характерно для «Бесѣды» было именно то, что въ ней, какъ во всемъ русскомъ обществѣ этого времени, передовыя направленія не были дифференцированы. Только «Освободительное движеніе» въ кавычкахъ занялось разсаживаніемъ людей по опредѣленнымъ программамъ и стало клеймить, какъ отсталыхъ тѣхъ, кто не настаивалъ на конституціи и четырехвосткѣ. «Бесѣда» шла иною дорогой. Въ ней не было стремленія другъ отъ друга «отмежеваться». По позднѣйшимъ взглядамъ на вещи, въ этомъ былъ признакъ незрѣлости, но въ ней это проводилось сознательно. «Бесѣда» понимала наличность въ ея средѣ коренныхъ разномысліи. Еще до меня тамъ разъ былъ поставленъ во всей полнотѣ вопросъ о Самодержавіи и конституціи. Я познакомился съ этимъ по протоколамъ. Въ этомъ спорѣ схватились лучшія силы и того и другого лагеря. Конечно, Самодержавіе, которое защищали нѣкоторые члены «Бесѣды», имѣло мадо общаго съ тѣмъ, что въ это печальное время Самодержавіе изъ себя представляло. Но все же были люди, которые съ нимъ не только мирились, но стояли за него, какъ за наиболѣе подходящую къ Россіи форму правленія. И что знаменательно: послѣ горячаго обмѣна мнѣній, занявшихъ не одно засѣданіе, «Бесѣда» на этомъ не развалилась; то, что

членовъ ея объединяло, казалось имъ сильнѣе этого принципіального разномыслія.

Почвой, которая соединяла всѣхъ членовъ «Бесѣды» и давала имъ право причислять себя къ передовой русской общественности, была ихъ преданность идеѣ «самоуправленія». Это было *conditio sine qua non* принадлежности къ ней; эта идея отличала всѣхъ ея членовъ отъ официальнаго Самодержавія. Но въ этого признака всѣ мнѣнія были свободны. «Бесѣда» покрывала и послѣдователей славянофильства, мечтавшихъ о Самодержавномъ Царѣ при свободной землѣ, и сторонниковъ народопроставства, парламентаризма, гдѣ Монархъ царствуетъ, а не управляетъ. Оба эти направленія чувствовали себя другъ къ другу ближе, чѣмъ къ официальному Самодержавію.

Въ «Бесѣдѣ» былъ еще признакъ съ нимъ тѣсно связанный. Чтобы быть членомъ «Бесѣды» надо было не только стоять за самоуправленіе въ теоріи, нужно было служить ему своей практической дѣятельностью въ городскомъ или земскомъ самоуправленіи. Въ этомъ отношеніи «Бесѣда» была старомодна; она не пускала къ себѣ ни исключительныхъ теоретиковъ — «интеллигентовъ» въ чистомъ ихъ видѣ, ни даже третій элементъ земства. Интеллигенты, — писатели и журналисты могли писать тѣ статьи и книги, которыя издавали члены «Бесѣды», но въ составѣ «Бесѣды» ихъ не было. Это проводилось умышленно. «Бесѣда» хотѣла стоять на почвѣ практической дѣятельности и опыта, не хотѣла засилья интеллигентскаго доктринерства; она не включала въ свою среду и третьяго элемента земскихъ служащихъ, считая ихъ органами земскаго управленія, а не самоуправления. Въ «Бесѣдѣ» были исключительно выборныя лица — предводители, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, или просто видныя земцы; они практически выражали въ Россіи идею самоуправления. Это условіе придавало «Бесѣдѣ» опредѣленный характеръ; она была составлена изъ лицъ сравнительно обеспеченныхъ; по позднѣйшей терминологіи была собраніемъ цензовиковъ, носила «буржуазный» характеръ.

Въ эту «Бесѣду» мнѣ суждено было войти въ качествѣ ея Секретаря. Для меня, какъ я узналъ послѣ, было сдѣлано исключеніе. Я не былъ ни городскимъ, ни земскимъ работникомъ, былъ исключительно адвокатомъ, т. е. толь-

ко интеллигентомъ. Но въ свое время приглашеніе меня не удивило; я былъ лично друженъ и близокъ съ большинствомъ ея тогдашнихъ участниковъ. Эти ли личныя отношенія или то, что незадолго до этого вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами «Бесѣды», того не подозревая, мнѣ пришлось поработать въ Сельско-Хозяйственномъ Комитетѣ, или то, что за отъѣздомъ одного изъ ея членовъ на Дальній Востокъ «Бесѣдѣ» нуженъ былъ Секретарь и я былъ приглашенъ какъ бы въ качествѣ «третьяго элемента», но только я былъ принятъ въ число ея членовъ.

«Бесѣда» оставила во мнѣ самыя лучшія воспоминанія. Не только потому, что съ ней связаны впечатлѣнія моей политической молодости, въ которой есть особая прелесть. Молодъ былъ не только я, но и сама «Бесѣда», хотя въ ней были люди и стараго поколѣнія; въ ней были еще живы и сильны тѣ иллюзіи и надежды на безболѣзненное и мирное обновленіе Россіи, которыя позднѣе ослабли. «Бесѣда» еще идеализировала и нашу власть, и особенно наше общество. Кромѣ того въ «Бесѣдѣ» была одна своеобразная сторона. Она представляла собой узкій слой привилегированныхъ лицъ; была замкнута и замкнутостью своей дорожила; не стремилась по модному выраженію «демократизироваться». Отъ настроеній широкихъ общественныхъ и народныхъ слоевъ она была отгорожена и ими руководить не претендовала; развѣ издательствомъ, т. е. распространеніемъ не демагогическихъ прокламацій, а серьезной, не всѣмъ доступной литературы. Именно поэтому общественныя настроенія непосредственно на нее не вліяли. Въ «Бесѣдѣ» сохранилась атмосфера избранности, того, что сейчасъ называютъ «элитой»; это придавало ей особый характеръ. Тѣ представители имущихъ и культурныхъ круговъ, которые къ ней принадлежали, собирались не за тѣмъ, чтобы защищать свои выгоды и привилегіи. Среди нея не было сторонниковъ аристократической или капиталистической олигархіи. Но члены «Бесѣды» были все же связаны съ правящимъ классомъ, и свои помыслы естественно направляли не на сверженіе, а на оздоровленіе власти. На Революцію въ «Бесѣдѣ» не смотрѣли какъ на средство насажать «законность и право», какъ на это смотрѣла «демократическая интеллигенція». Въ ней не могъ быть поднятъ вопросъ о соглашеніи съ революціонными и партіями. Въ этомъ было своеобразіе «Бесѣды», ея отличіе отъ передовыхъ

политическихъ партій, искавшихъ опоры только внизу. «Бесѣда» думала о пользѣ народа, а не о волѣ народа, какъ стали думать позднѣе. Это спасало «Бесѣду» отъ того, что позднѣе отравляло общественное мнѣніе — отъ демагогіи. Нѣкоторая доля демагогіи неизбѣжна, когда надо примѣняться къ пониманіямъ широкаго и потону естественно болѣе низкаго культурнаго уровня. Человѣчскій разумъ всегда понижается, когда долженъ приспособляться къ настроеніямъ массъ и изъ своихъ мыслей дѣлать ходкій товаръ. Это неотъемлемая оборотная сторона демократіи; она тѣмъ болѣе опасна, чѣмъ демократія менѣе искушена и подготовлена. Въ «Бесѣдѣ» этого еще не было вовсе и въ этомъ было ея обаяніе.

Эту «Бесѣду» и по социальному составу и по направленію можно было въ извѣстной мѣрѣ считать идейнымъ представителемъ либеральнаго земства въ тѣ дни, когда Витте былъ поставленъ во главѣ Особаго Совѣщанія. Чась «Бесѣды» какъ будто бы пробилъ, голосъ земства могъ прозвучать и не разрозненно Земства уже органы зовались. Съ 1896 г. образовался зародышъ этой организациіи — обычай встрѣчъ и общенія между представителями различныхъ губерній по разнымъ дѣловымъ поводамъ земской жизни. Со времени Горемыкина Министерство Внутреннихъ Дѣлъ знало объ этихъ собраніяхъ и соглашалось имъ не мѣшать при условіи, что они будутъ собираться на частныхъ квартирахъ, будутъ немногочисленны и не публичны. Фактъ, что согласіе власти игнорировать эти собранія уже считалось льготой по отношенію къ земству, что могъ быть поставленъ вопросъ о правѣ земскихъ людей собираться на частныхъ квартирахъ для обмѣна взглядовъ на дѣло, характеризуетъ атмосферу этого времени, о которой не имѣютъ понятія тѣ, кто началъ сознательно жить послѣ 1905 г. Такимъ образомъ механической аппаратъ для земскаго единенія уже существовалъ. А «Бесѣда» могла быть, если не его вдохновителемъ, то выразителемъ. Обѣ организациіи стояли близко другъ къ другу. Создатель и руководитель земскаго объединенія Д. Н. Шиповъ былъ членомъ «Бесѣды». Изъ напечатаннаго Шиповымъ въ его мемуарахъ *) списка земцевъ, приглашенныхъ имъ на совѣщаніе въ маѣ 1902 г. по поводу Сельско-Хозяйственныхъ Комитетовъ, я вижу,

*) Д. Н. Шиповъ — «Воспоминанія», стр. 160

что большая половина приглашенныхъ людей были членами «Бесѣды». Курсъ земской Россіи по злбодневному вопросу, выработанный въ этой специальной средѣ, подъ руководствомъ этихъ людей, былъ въ духѣ «Бесѣды». Можно ли было бы считать его голосомъ всей земской Россіи? Позднѣ сирава повторялся укоръ, будто земская Россія въ своей совокупности либеральному направлению не сочувствовала и что все земское движеніе было фальсифицировано. Въ извѣстный историческій моментъ это стало похоже на правду. Но расколъ въ земской средѣ совершился позднѣ. Люди, которые прежде вмѣстѣ работали, позднѣ дѣйствительно стали врагами, какъ это произошло и въ «Бесѣдѣ». Но въ 1902 г. въ началѣ «Освободительнаго движенія» земская среда, такъ же, какъ и сама «Бесѣда» были гораздо болѣе единодушны. Сторонники улучшенія Самодержавія могли сидѣть вмѣстѣ съ приверженцами конституціи и вмѣстѣ работать надъ земскимъ дѣломъ, считая, что этимъ работаютъ на пользу Россіи. Тогда еще не считалось признакомъ мудрости разоблачать своихъ союзниковъ и видѣть задачу политики въ «разложеніи» общаго фронта. Связывали вмѣстѣ не детали программы, принятой большинствомъ партійныхъ собраній и Комитетовъ, а общность конечной цѣли и направленія. Потому то тогдашняя земская среда будучи сравнительно однородной, могла и сама стать опорой для Витте и найти въ немъ поддержку, несмотря на принципиальныя разномыслия съ нимъ.

Такимъ образомъ и въ лучшей части нашего общества и въ правительствѣ этого времени были элементы, которые понимали необходимость соединенными силами направить Самодержавіе на другую дорогу. Но возможность преобразования Россіи безъ революціоннаго потрясенія зависѣла отъ того, въ какой мѣрѣ такіе представители и власти и общества были типичны для среды, которую они представляли. Это зависѣло отъ того, съ кѣмъ пойдетъ Самодержавіе, съ Витте или съ Плеве? За кѣмъ пойдетъ общество и народныя массы, за «Бесѣдой» и земцами, или за революціонными вожаками? Народъ имѣетъ не только правительства, но и вожаковъ, которыхъ заслуживаетъ. Не достоинства вожаковъ опредѣляютъ ихъ успѣхъ въ демократіяхъ; достоинство демократіи измѣряется тѣмъ, кто въ ней имѣетъ успѣхъ, отъ того, какіе

элементы могли въ эти годы найти доступъ къ сердцу народа, зависѣвъ ходъ событій въ Россіи.

О настроеніяхъ массъ въ 1902-1903 годахъ нельзя судить по поздѣйшей эпохѣ. Позднѣ многое измѣнилось и для перемѣнъ было достаточно оснований. Въ извѣстный моментъ пожаръ невозможно тушить; тотъ же пожаръ легко могъ быть остановленъ вначалѣ. 1902-3 годы были эпохой, когда всѣ дороги оставались открытыми. Нашему поколѣнію было дано наблюдать какъ неохотно разгорался этотъ пожаръ, но какъ вмѣсто того, чтобы его тушить при первомъ его появленіи, разными приемами его раздували. Въ порядкѣ воспоминаній мнѣ хочется вспомнить о встрѣчѣ съ обывательской массой въ обстановкѣ, когда ей пришлось столкнуться съ такими вопросами. Эти воспоминанія связаны съ моимъ участіемъ въ Сельско-Хозяйственномъ Комитетѣ. Онъ болѣе типиченъ для тогдашней Россіи, чѣмъ центральные комитеты политическихъ партій, редакціи журналовъ, или другіе круги профессиональных интеллигентовъ. О настроеніяхъ обывательской провинціальной Россіи Комитетъ могъ дать болѣе точное представленіе.

XVIII.

Мнѣ пришлось работать въ Звенигородскомъ Комитетѣ Московской губерніи. Онъ былъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ; онъ не былъ захваченъ лозунгами «Освободительнаго движенія», но не испыталъ и искусственныхъ давленій сверху. Онъ остался типичнымъ для «обывательской», т. е. настоящей Россіи.

Этимъ характеромъ Комитетъ обязанъ былъ своему Предсѣдателю графу Ш. Это былъ одинъ изъ представителей стараго дворянства, которыхъ уже тянуло къ новымъ условіямъ жизни. Его воспитаніе заставило его любить старину, самобытное народное творчество. Ихъ онъ любилъ какъ эстетъ, съ трогательной и наивной нѣжностью; съ любовью собиралъ, хранилъ и издавалъ литературу недостаточно оцѣненныхъ, и, главное, недостаточно цѣнившихъ себя русскихъ талантовъ, какъ мало извѣстный П. В. Шумахеръ, или всѣмъ извѣстный И. Ф. Горбуновъ. Но одновременно съ пристрастіемъ къ родной старинѣ Ш. былъ и культурнымъ европейцемъ, знавшимъ

и любившимъ европейскую жизнь и цивилизацію, готовымъ заимствовать отъ нея, что въ ней было хорошаго. Любовь къ родной старинѣ вела его, незамѣтно для него самого, къ идеализаціи прошлаго, къ оптимистическому взгляду на будущее. Онъ вѣрилъ въ мирное перерожденіе Россіи безъ скачковъ и переворотовъ; сталъ однимъ изъ основателей «Бесѣды», убѣжденнымъ поклонникомъ земской работы. Въ развитіи земства онъ видѣлъ путь къ возрожденію, не чуждался третьяго элемента, защищалъ его отъ нападокъ администраціи, скандализуя свой кругъ дружкой съ «неблагонадежными» элементами общества. Но въ немъ не было и озлобленности, революціоннаго темперамента, которые полагалось имѣть дѣятелямъ «Освобожденія». Послѣдніе про него бы сказали, что Базаровъ сказалъ про А. Н. Кирсанова: «Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злобы, а есть молодая смѣлость, да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится... Ты славный малый, но ты все-таки мякенькій, либеральный баринъ — э волату — какъ выражается мой родитель».

Люди этого типа искренно обрадовались попыткѣ Самодержавія выйти на новый путь, повѣрили въ ея искренность и поддерживали ее безъ заднихъ мыслей. А личное положеніе Предсѣдателя ограждало и его Комитетъ отъ провокаціоннаго вмѣшательства администраціи. Это сдѣлало Комитетъ цѣннымъ для наблюденія; современныя настроенія можно было въ немъ наблюдать въ наиболѣе чистомъ ихъ видѣ.

Особое Совѣщаніе, какъ я говорилъ, устранило земскія собранія отъ участія въ обсужденіи поставленныхъ передъ страню вопросовъ подъ лживымъ предлогомъ, будто въ концѣ 1894 г. земскія собранія объ этомъ предметѣ уже были запрошены. Это устраненіе обидѣло земцевъ; оно могло заставить ихъ стать въ оппозицію Совѣщанію. На это быть можетъ надѣялся Плеве въ маѣ 1902 г., въ эпоху Шиповскаго сѣзда. Но нѣкоторые предводители воспользовались даннымъ имъ правомъ приглашать тѣхъ, кого считали полезнымъ и сумѣли вопреки рѣшенію Совѣщанія дать удовлетвореніе земству. Они отъ себя пригласили членовъ земскихъ собраній въ полномъ составѣ къ участію въ Комитетахъ. Такъ поступилъ Русскій предводитель князь П. Д. Долгоруковъ и этотъ его жестъ былъ тотчасъ отмѣченъ «Освобожденіемъ», какъ жестъ «политически элегантный». Безъ желанія демонстрировать,

и безъ похвалы «Освобожденія», нашъ предводитель сдѣлалъ то-же самое. Онъ былъ не въ состояніи уразумѣть политики власти, которая запрещала полезное дѣло, и по данному ему праву спокойно и просто эту ошибку исправилъ.

Этотъ предводитель пригласилъ и меня принять участіе въ работахъ его Комитета. Я былъ съ дѣтства землевладѣльцемъ, но никакого отношенія къ земской дѣятельности не имѣлъ. Когда позднѣе я попытался принять участіе въ земскихъ выборахъ, оказалось, что въ спискахъ избирателей я еще не числился и сроки для исправленія ихъ пропустилъ. Ни внутреннихъ, ни вѣнскихъ поводовъ поэтому къ моему приглашенію не было. Едва ли можно его объяснить чѣмъ либо, кромѣ желанія Предводителя возможно шире использовать всѣхъ сколько-нибудь земныхъ жителей его уѣзда.

Я получилъ приглашеніе послѣ 1-го засѣданія, когда работы Комитета уже начались. Я плохо представлялъ себѣ, въ чемъ они заключались, и ѣхалъ изъ любопытства. Для меня, какъ интеллигента и адвоката, была интересна не судьба сельскаго хозяйства въ Россіи, а политическая игра, которая около этого вопроса стала разыгрываться; было соблазнительно увидать ее своими глазами.

Звенигородъ былъ въ 15 верстахъ отъ желѣзной дороги. По дорогѣ я интервьюировалъ ямщика, пытаюсь узнать, что онъ слышалъ про Комитетъ. Я натолкнулся не только на незнаніе, но и отсутствіе интереса къ вопросу. Ямщикъ былъ осведомленъ, что въ городѣ съѣздъ, что много народу остановилось въ гостиницахъ. Но кромѣ вопроса о сѣдокахъ и постояльцахъ, онъ не интересовался ничѣмъ; о томъ, что съѣздъ дѣлаетъ, онъ не слышалъ. Въ 60 верстахъ отъ столицы, гдѣ былъ «шумъ», кипѣла «словесная война» — еще царила «вѣковая тишина». Впрочемъ, когда черезъ три бурныхъ года, въ июль 1905 года на квартирѣ Долгорукова въ Москвѣ собирался 3-ій земскій съѣздъ, въ которомъ участвовали всероссійски извѣстные представители земской Россіи, и было извѣстно, что съѣздъ запрещенъ и что власти собираются его разогнать, мнѣ пришлось говорить съ С. А. Муромцевымъ на тему о русскомъ общественномъ равнодушіи; Муромцевъ уже былъ втянутъ въ игру, которая дала ему громкое имя, но и его погубила. Но онъ отлично видѣлъ слабую сторону общественнаго возбужденія. Не забуду его

тогдашняго грустнаго наблюденія: «въ другихъ странахъ, говорилъ онъ, весь городъ былъ бы около насъ: у насъ всѣ сидятъ дома и выжидаютъ, чѣмъ это кончится». Общественное равнодушіе не противорѣчило тому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тѣ же люди кипѣли, бурлили и выражали только крайнія мнѣнія. Оба настроенія тѣсно связаны: ненормальное возбужденіе легко переходить въ уныніе.

Но если равнодушію въ столицѣ въ бурный 1905 годъ Муромцевъ могъ удивляться, то въ уѣздномъ городѣ Звенигородѣ въ 1902 году оно было естественно. Кромѣ профессиональныхъ политиковъ изъ интеллигентовъ никого не занималъ вопросъ о направленіи нашей государственной жизни. Ящикъ подвезъ меня къ дому Земской Управы; я бывалъ тамъ не разъ въ качествѣ защитника на сессіяхъ окружнаго суда отъ кружка уголовныхъ защитниковъ. Засѣданіе уже началось; за длиннымъ столомъ подковой сидѣло нѣсколько десятковъ людей; я увидалъ многихъ знакомыхъ мнѣ москвичей, о которыхъ не подозревалъ, что мы земляки по уѣзду; большинство собранія было сѣрое, изъ пожилыхъ степенныхъ крестьянъ, которые по земской выборной системѣ попадали въ уѣздные гласные.

Разговоры шли неоживленно. Предсѣдатель разспрашивалъ отдѣльныхъ членовъ Комитета преимущественно его неинтеллигентную часть, стараясь втянуть ихъ въ бесѣду, вызвать на возраженія. Онъ сознательно принялъ такой методъ работы; онъ не безъ основанія думалъ, что на многочленномъ собраніи всегда легко «провести» заранее готовую резолюцію. Этого онъ не хотѣлъ; онъ хотѣлъ развязать у крестьянъ языки, узнать, что они думаютъ, безъ давленія какого бы то ни было пода. Объ этомъ онъ предупредилъ интеллигентовъ, которые могли бы стать руководителями комитетской работы и просили ихъ уступить младшимъ первое мѣсто, какъ это дѣлаютъ на военныхъ совѣтахъ. Этотъ свой планъ онъ проводилъ добросовѣстно. Но впечатлѣніе отъ работы, такъ поставленной, было грустно. Уровень преній былъ очень низокъ; онъ не подымался выше частныхъ вопросовъ и претензій, для которыхъ не стоило собирать комитеты.

Любопытна другая черта. Въ умахъ большинства сидѣла идея, что комитеты надѣлены властью и могутъ принять нужныя мѣры, что-то приказать, или за-

претить. Отъ Комитета этого ждали и были разочарованы, когда узнавали, что происходитъ только «разработка» вопроса. Это было для простого ума слишкомъ тонко. Обстановка собранія, его официальный характеръ, присутствіе на немъ разнообразныхъ мѣстныхъ властей, не мирились съ тѣмъ, что Комитетъ созданъ для разговоровъ, изъ которыхъ можетъ ничего не получиться. Крестьяне наивно рассчитывали на «распоряженія», которыя будутъ немедленно сдѣланы Комитетомъ, когда они выложатъ ему свои пожеланія. Они и интересовались лишь тѣмъ, чего можно было тотчасъ достигнуть. Разъ ихъ затрудненія были связаны съ общими условіями жизни, они съ ними мирились, какъ бы говоря: «ничего не подѣлаешь». У нихъ не было поползновенія идти къ первопричинамъ, и наводящіе въ этомъ направленіи вопросы интеллигентовъ встрѣчались недружелюбно, какъ попытки «запутать» вопросъ. У интеллигентовъ подходъ былъ иной. Мы все выводили изъ отдаленныхъ причинъ, только ими и занимались. Наблюдая психологію Комитета можно было понять, какія преимущества въ глазахъ обывателей имѣла реальная власть по сравненію съ краснорѣчіемъ «оппозиціи». Передъ закрытіемъ засѣданія Предсѣдатель подвелъ итогъ тому, что говорилось и формулировалъ вопросы, которые передъ Комитетомъ стояли. Культурной части Комитета надлежало теперь предложить нужныя мѣропріятія. Работы были прерваны на нѣсколько времени, а я получилъ приглашеніе принять участіе въ составленіи журнала съ изложеніемъ преній.

Въ этой работѣ, уже въ Москвѣ, кромѣ Предсѣдателя участвовали Ф. Ф. Кокочкинъ и типичный представитель третьяго элемента, ведшіи записи въ засѣданіи А. Н. Е. Надлежало изложить пренія, придавъ имъ хоть какую-нибудь систематичность и связность. Тутъ я удивился мастерству Ф. Ф. Кокочкина. Я давно зналъ его, но работать съ нимъ мнѣ не приходилось. Я восхищался искусствомъ, съ которымъ онъ вылавливалъ изъ запутанной рѣчи то, что было въ ней цѣннаго, систематизировалъ выступленія, разбивалъ ихъ на двѣ идеологическихъ группы, связывая каждое заявленіе съ общей идеологіей и находя стройность тамъ, гдѣ съ перваго взгляда казалась одна безтолковщина. Это искусство было особенностью таланта Кокочкина; онъ не разъ это доказывалъ. Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ проникать въ чужую мысль,

иногда недостаточно ясную самому автору и излагать ее съ чарующей простотой. Въ громадномъ популяризаторскомъ талантѣ Кокошкина была оборотная сторона. Его не разъ упрекали за излишнюю схематичность, за стремленіе все упрощать. Въ этомъ упрекѣ была доля правды. Кокошкинъ былъ все-таки теоретикъ, несмотря на свои занятія земскою дѣятельностью. Но безспорныя теоріи часто извращались капризами нашей дѣятельности; много шло не такъ, какъ это предвидѣлъ Кокошкинъ. Но въ то время, въ сумбуръ русской реальности, Кокошкинъ былъ незамѣнимъ своимъ яснымъ умомъ и непоколебимой вѣрой въ торжество научныхъ теорій.

Работы Комитета возобновились. Послѣ крестьянъ заговорили интеллигенты; ими было подано много записокъ. Вспоминаая ихъ (записки Звенигородскаго Комитета въ моей памяти невольно сливаются съ другими), я остаюсь при впечатлѣніи о несоотвѣтствіи ихъ главной задачѣ, которая стояла передъ Россіей, т. е. преобразованію Россіи безъ революціоннаго потрясенія. Были дѣловыя записки, посвященныя конкретнымъ вопросамъ въ рамкахъ существовавшаго строя безъ претензій его измѣнить. Онѣ были часто и наблюдательны и умны; указывали на несомнѣнное зло и на дѣятельныя мѣры къ его устраненію. Но причины отсталости сѣльскаго хозяйства въ Россіи были не въ этихъ частностяхъ и деталяхъ. Другія записки шли прямо къ первоисточнику зла. Но провозглашая общія причины его, онѣ не думали о томъ, какъ ихъ устранить, не разрушая предварительно существовавшаго строя. Такія записки были или безплодными обвинительными актами, или политическими мечтаніями на случай переворота. Онѣ были связаны съ обязательной вѣрой въ безошибочность воли народа, когда явится органъ для ея выраженія. Эта вѣра избавила отъ необходимости размышлять самому. Было своеобразное непредрѣшенство. Учредительное Собраніе выскажетъ свою волю и останется ей подчиниться. Отсутствие опыта въ управленіи государствомъ позволяло смотрѣть на трудности этой задачи очень легко. Основной вопросъ, какъ при тогдашнемъ состояніи власти, народа и интеллигенціи, использовать инициативу исторической власти и помочь ей преобразовать Россію, не соскользнувши въ авантюру революціоннаго переворота — не занималъ нашу общественность.

Въ замѣчаніяхъ, которыя я встрѣчалъ по поводу моихъ воспоминаній, говорилось, что я самъ повиненъ въ томъ, въ чемъ упрекаю другихъ. Я не оудѣляю себя отъ тѣхъ, чью политику припоминаю, я объ этомъ сказалъ въ предисловіи. Ошибки или вѣрнѣе недостатки идеологіи были у всѣхъ насъ одинаковы; потому-то я никого и не подозреваю въ неискренности или недобросовѣстности. Удивляюсь только тому, что теперь, когда такъ много ошибокъ обнаружено жизнью, эту политику продолжаютъ считать безошибочной. Въ доказательство, что не дѣлаю для себя исключенія, хочу доподнить рассказъ воспоминаніями о своемъ выступленіи въ Комитетѣ; не для того, чтобы имѣть удовольствіе поговорить о себѣ; но это выступленіе характерно и для тогдашней политической атмосферы и для путей, которыми было тогда легко сдѣлать карьеру въ общественности.

Мнѣ стало неловко не принимать активнаго участія въ Комитетѣ, ограничиваясь позиціей наблюдателя. Я рѣшилъ, по примѣру другихъ, представить «записку».

Большинство вопросовъ, которыми Комитетъ занимался, были отъ меня очень далеки. Я не былъ настоящимъ сельскимъ хозяиномъ; доходовъ съ имѣнія не получалъ и получать не стремился. Мое хозяйство было баловствомъ. тратой денегъ. Можетъ быть поэтому у меня сохранялись съ крестьянами наилучшія отношенія, а о затрудненіяхъ, которыя стояли передъ хозяиномъ, я зналъ лишь по наслышкѣ. На нихъ я глядѣлъ равнодушными глазами горожанина и интеллигента, а судилъ о нихъ по шаблону. Вопросъ о процвѣтаніи сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и крестьянскаго, былъ для меня предлогомъ, къ которому я могъ прицѣпить политическіе идеалы правового порядка. Я тогда не принадлежалъ ни къ какой-нибудь партіи, ни къ Союзу Освобожденія; да и самъ Союзъ еще не объявилъ своихъ лозунговъ. Я подходилъ къ темъ самостоятельно; лишь по обыкновенію всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать Л. В. Любенкова, я пошелъ съ нимъ посоветоваться и получилъ отъ него, уже разбитаго параличемъ, благословеніе. Такъ я написалъ жиденькій докладъ, закончивъ его рядомъ общеполитическихъ тезисовъ.

Докладъ былъ элементаренъ и, какъ это и полагалось русскому интеллигенту, все выводилъ изъ ряда теоретическихъ предпосылокъ. Сельская промышленность, разсуждалъ я, есть видъ промышленности вообще, а з н а ч и т е

для своего преуспѣванія требуетъ тѣхъ самыхъ условий, какъ и всякая промышленность, т. е. свободы инициативы, огражденія правъ и т. п. И изъ этого я дѣлалъ всѣ прочіе выводы. Я затронулъ и крестьянскій и земскій вопросы; выступалъ противъ крестьянской сословности, ратовалъ за расширеніе компетенціи земства и т. д. Конечно, ко всѣмъ этимъ вопросамъ я отнесся съ тою поверхностностью, съ которой общественность вообще тогда давала совѣты. Я ограничился провозглашеніемъ принциповъ, не думая ни о постепенности, съ которой ихъ можно было вводить, ни о томъ, какъ примирить равноправіе съ тѣми особенностями крестьянскаго положенія, которыя для него оставались полезными. Смущаться этими затрудненіями казалось такой же неискренностью или отсталостью, какъ затрудняться надѣлать безграмотное населеніе полнотой политическихъ правъ. Моя записка отражала въ себѣ правильность направленія либеральной политической мысли и беспомощность въ практическомъ осуществленіи этой мысли. Много позднѣе, когда въ IV Государственной Думѣ мнѣ пришлось быть докладчикомъ закона 5 октября 1906 года и когда, почти одновременно съ этимъ, я докладывалъ сначала Петербургскому, а потомъ Московскому юридическому обществу планъ практическаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, напечатанный уже наканунѣ Революціи въ «Вѣстникѣ Права», я могъ осознать, какимъ лепетомъ были наши записки и прославленные кадетами ихъ законопроекты въ I Государственной Думѣ. Я могъ убѣдиться, насколько намъ могло быть полезно прохожденіе бюрократической школы подъ руководствомъ такихъ реализаторовъ, какимъ былъ Витте! Но на этихъ главныхъ вопросахъ я въ своей запискѣ остановился недолго. Я скоро перешелъ къ тому, что было болѣе знакомо намъ, интеллигентамъ, къ благодарной темѣ о беззащитности обывателя противъ власти, о безсиліи законовъ въ Россіи, о неогражденности личности передъ государствомъ, о беззаконіяхъ, которыя существуютъ благодаря отсутствію гласности и т. п. Въ порядкѣ такихъ разсужденій я дошелъ до «свободы печати»; ни конституціи, ни Земскаго Собора, ни привлеченія выборныхъ представителей для обсужденія законодательныхъ вопросовъ, я не касался. Директивъ отъ центра мы не имѣли, а лично я понималъ, что если идти дальше, въ средѣ Комитета начались бы разногласія. Я не хотѣлъ нарушать миръ и согласіе, не подо-

зрѣвая, что и мой столь осторожный докладъ все-таки окажется бомбой.

Я послалъ записку въ Звенигородъ наканунѣ очереднаго собранія. Предсѣдатель Управы Артыновъ, ночевавшій у предводителя, мнѣ разсказалъ, какъ утромъ Предводитель протянулъ ему мою записку со словами. «полюбуйтесь...» Она не могла ему понравиться шаблонностью содержания и уклономъ въ политику; но онъ сохранилъ корректность и вида не показалъ.

Засѣданіе началось съ оглашенія нашихъ записокъ. Пренія были отнесены къ голосованію тезисовъ. Пока я свою записку читалъ, многіе улыбались, какъ чему то знакомому. Иные, особенно мой земскій начальникъ С—въ, дѣлали жесты негодованія. Въ перерывѣ я ощутилъ, что попалъ въ «герои». При бѣльшемъ опытѣ это можно было предвидѣть: но интересно было, какъ официально огнесется ко мнѣ Комитетъ, и особенно, какъ въ душѣ будетъ реагировать его сѣрая масса — крестьянство.

Когда при обсужденіи записокъ очередь дошла до моей, насъ ждалъ сюрпризъ. Земскій начальникъ С—въ заявилъ, что записка не имѣетъ отношенія къ дѣламъ Комитета и что онъ протестуетъ противъ ея обсужденія. Это былъ для Комитета неожиданный тонъ. Предсѣдатель его осадилъ. Онъ объяснилъ, что одинъ отвѣтствененъ за ходъ работы, что записку считаетъ относящейся къ дѣлу, и что если С—въ хочетъ, онъ можетъ отъ обсуждения воздержаться. С—въ просилъ отмѣтить его заявленіе въ протоколѣ, но въ залѣ остался. Началось обсужденіе. Первые главы записки, крестьянской и земскій вопросы, безспорно входили въ тему занятій, а нѣкоторые на первый взглядъ безобидные тезисы (Крестьянскій Банкъ) вызвали неожиданно споры. Протестъ С—ва обнаруживалъ свою тенденціозность и ему стало совѣстно. Вопреки первоначальному заявленію онъ принялся дѣлать замѣчанія съ мѣста, вполне приличныя, иногда даже благожелательныя къ моимъ тезисамъ, и только когда очередь дошла до болѣе щекотливой главы объ «отвѣтственности должностныхъ лицъ» за незаконія, онъ уже другимъ, мирнымъ тономъ, какъ будто чтобы оправдать недавнюю рѣзкую выходку, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «но послушайте, В А, какое же отношеніе имѣетъ это къ сельскому хозяйству?..» Тутъ послѣдовалъ для него главный конфузъ. Одинъ изъ крестьянскихъ земскихъ гласныхъ, типичный домохозяинъ, въ ар-

мякъ, съ длинной бородой, не разъ принимавшій участие въ преніяхъ, при томъ въ самомъ охранительномъ смыслѣ, неожиданно всталъ и, обращаясь къ Предсѣдателью, заявилъ:

«Ваше Сіятельство, это самое главное.»

Это замѣчаніе, вышедшее изъ крестьянской консервативной среды, произвело на всѣхъ громадное впечатлѣніе. Въ дальнѣйшемъ я для приличія сталъ приводить къ каждому тезису поясненіе, почему эти тезисы, даже свобода печати, къ сельскому хозяйству все же относятся. Со мной больше не спорили. Правые члены Комитета вѣроятно довольные той умѣренностью, которую я обнаружилъ въ политической области, видя, что обычно послушная крестьянская масса не съ ними, не захотѣли углублять задѣтыхъ мною вопросовъ и предпочитали молчать; всѣ мои тезисы прошли единогласно.

Отмѣчу характерный курьезъ. Въ одномъ только пунктѣ я встрѣтилъ горячія возраженія. По поводу Крестьянскаго Банка я указалъ на несправедливость порядка, который въ то время еще существовалъ, что банкъ не помогалъ индивидуальнымъ крестьянамъ, а только коллективамъ-обществамъ и товариществамъ. Я предлагалъ помощь Банка распространить на отдѣльныхъ крестьянъ, по теперешней терминологіи на «единоличниковъ». Противъ меня съ азартомъ стали многие выступать и между прочимъ тотъ самый Е., съ которымъ мы вмѣстѣ составляли журналъ Комитета. Не знаю его политической принадлежности, не то с.-р., не то народникъ, но онъ очевидно былъ полонъ сентиментальной идеологіи, видѣвшей въ коллективахъ зародышъ социализма, которому нужно было оказать покровительство. Онъ нападалъ на меня за то, что я предлагаю поддержку «кулаковъ», и разоблачалъ эту зловредную тенденцію въ Комитетѣ, горячасу на хохлачкомъ жаргонѣ, пересыпая рѣчь словами «чуετε»

Не помню, было ли это мое предложеніе принято: во всякомъ случаѣ единомыслія не было, и противъ меня, какъ это часто со мною бывало потомъ, голосовали мои единомышленники. Это показываетъ, что ниродолюбивые элементы этого времени не отдавали себѣ отчета, какъ условно и неполно то равноправіе, котораго они для крестьянъ добивались; во имя симпатіи къ социализму они хотѣли держать крестьянъ въ той клѣткѣ

общей собственности, которой для себя не захотѣли бы.

Мое выступленіе сыграло нѣкоторую роль въ моей личной судьбѣ. Репрессій ни противъ Комитета, ни противъ меня принято не было. Обязаны ли мы были этимъ вліянію Предводителя, или такту губернатора Булыгина, я не знаю. Но лично мнѣ была сдѣлана имъ незаслуженная, но характерная реклама.

Она была усилена еще случайной подробностью. Предводитель рѣшилъ особой книжкой издать работы Комитета. Такъ какъ дѣло шло объ официалномъ учрежденіи, губернатору повидимому принадлежало какое-то право цензуры; онъ поставилъ условіемъ выпуска книжки, чтобы мой докладъ былъ опущенъ. Предводитель отказался этому подчиниться, если я не буду на это согласенъ; иначе онъ предпочитаетъ книжку не выпускать. Конечно, я спорить не сталъ. Были напечатаны только тезисы съ примѣчаніемъ, что «по просьбѣ Предсѣдателя Комитета и съ согласія автора докладъ не печатается». Мой докладъ опубликованія и не заслуживалъ; но загадочное примѣчаніе въ связи съ характерными тезисами подстрекнуло общее любопытство и обратило на меня вниманіе нашей общественности.

Я въ этомъ скоро могъ убѣдиться. В. М. Гессенъ, съ которымъ я въ то время еще не былъ знакомъ, выпуская свою книгу о работахъ Сельско-Хозяйственныхъ Комитетовъ, просилъ меня прислать ему мой докладъ и посвятилъ моимъ тезисамъ больше вниманія, чѣмъ они при всякихъ другихъ условіяхъ стоили. Въ результатъ его книги я не успѣвалъ мой докладъ перестукивать и посылать тѣмъ, кто за нимъ ко мнѣ обращался. Неожиданно для себя я попалъ въ «общественные дѣятели»; въ это политическое «утро любви» все было просто и малого требовалось, чтобы оказаться въ средѣ героевъ нашей общественности. И можетъ быть этому дѣтскому докладу я былъ обязанъ тѣмъ, что меня пригласили въ «Бесѣду».

XIX.

Эпизодъ Звенигородскаго Комитета не стоилъ бы упоминанія, если бы онъ не былъ характеренъ для общаго настроенія этого времени, когда передъ Россіей были открыты еще объ дороги. Мы стояли на грани революціон-

ной бури, но буря еще не начиналась. При умномъ правительствѣ избѣжать ее было очень возможно. Какъ ни развернулись тѣ событія 1902 - 1917 годовъ, которыя насъ привели въ эмиграцію, какъ эти событія ни подтверждаютъ общепринятаго сейчасъ утверждения, будто уберечь Россію отъ Революціи уже было нельзя, мои воспоминанія меня убѣждаютъ въ противномъ. Настроеніе страны не было революціоннымъ, ни въ низахъ, ни въ верхахъ. Власть и мѣла возможность примирить съ собою страну. Но изъ того, что обывательская масса Революціи не хотѣла, а о конституціи не слыхала, не слѣдовало заключать, будто она была своей судьбой довольна. Когда мой старый крестьянинъ по вопросу о злоупотребленіяхъ власти объявилъ: «Это самое главное», это было тѣмъ открытіемъ, на которое закрывать глаза для власти было опасно. Въ устраненіи этого ненужнаго зла была почва для соглашенія съ обывателемъ.

Не менѣе характерно, чѣмъ у обывателей, было въ то время настроеніе и передовой интеллигенціи, — конституціоналистовъ, будущихъ к. д., которые черезъ два года на предложеніе Витте помочь ему перевести Россію на конституціонные рельсы, отвѣтили своимъ ультиматумомъ объ Учредительномъ Собраніи по четырехвосткѣ. Но въ 1903 г. и эти передовые интеллигенты еще такъ не смотрѣли; они не отказывались работать вмѣстѣ съ властью и ей помогать; они не держались правила «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и не объявляли утопией мечту объ «эволюціи» власти. Среди интеллигенціи были и въ то время сторонники «радикализма», который позднѣе овладѣлъ «Освободительнымъ движеніемъ», но не онъ давалъ тонъ русской общественности. Программой того времени была программа лояльнаго либерализма, пріемлемая для разумной исторической власти. Любопытно, что на Шиповскомъ совѣщаніи въ маѣ 1902 года совершенно, какъ и у насъ въ Комитетѣ, никто не пытался доказывать, что въ Россіи нѣтъ болѣе власти, что въ ней господствуетъ Революція, которую нужно канализировать, никто не предъявлялъ требованія о капитуляціи власти передъ магическимъ словомъ «Учредительное Собраніе»; а вѣдь въ нашемъ Комитетѣ былъ Ф. Ф. Кокочкинъ, которому по ироніи судьбы пришлось быть депутатомъ отъ бюро земскихъ съѣздовъ въ 1905 г. и отвѣтить Витте отъ его имени отказомъ въ поддержкѣ. Въ 1903 г. въ Комитетѣ онъ не углав-

блядь моихъ умѣренныхъ тезисовъ, не шель дальше меня; а его нельзя было бы обвинять, какъ меня, въ при страсти къ *justice milieu*, въ нелюбви къ форсированнымъ темпамъ. Онъ не былъ и воспитанъ, какъ я, реальной работой въ судѣ, которая, если хочеть успѣха, заставляетъ считаться съ психологіей средняго уровня. При томъ у него было то гражданское мужество, которое дѣлало его недоступнымъ угрозамъ и обольщеніямъ. По его поведенію видно, что въ людяхъ этого типа еще господствовала разумная идеологія «Бесѣды», которая въ Звенигородскомъ Комитетѣ сумѣла объединить всѣхъ въ одинъ общій фронтъ, всѣхъ, начиная съ народника или с.-р. Е. и кончая Предсѣдателемъ Ш. противъ одного С.—ви, съ его принципомъ В. К. Плеве.

При такихъ настроеніяхъ въ Россіи была почва для проведенія разумныхъ и давно жданныхъ реформъ. Передъ ней былъ путь уже испробованный въ эпоху «великихъ реформъ». На него звалъ ее Витте. Но за то реформы были уже теперь неотложны. Россія не могла застыть въ той формѣ полуфеодальнаго самодержавнаго государства, въ которой ее оставили реформы 60-хъ годовъ; ее уже разбудили и растревожили; но чтобы линия дойяльнаго либерализма могла противостоять соблазнамъ революціонной демагогіи было необходимо, чтобы власть честно по этой линіи шла, заставила повѣрить себя. Только явная поддержка со стороны правительства либеральной программы могла дать этому направленію перевѣсъ надъ радикализмомъ и революціонерствомъ. Въ этомъ воспитаніи общества была задача Самодержавія въ этотъ періодъ. Этимъ оно могло дать тогда свою мѣру. Витте это хорошо понималъ и къ этому онъ шель созданіемъ «Особаго Совѣщанія». Но на этомъ пути онъ встрѣтился съ Плеве.

Люди моего поколѣнія помнятъ, какъ тогда развернулись событія, хотя драматическіе эпизоды «Освободительнаго движенія» вытѣснили потомъ ихъ изъ памяти. Но показательный смыслъ этихъ событий громаденъ и многое объясняетъ. Я считаю, что либеральные люди повинны во многомъ за то, что позднѣ случилось съ Россіей; но именно потому, что я не хочу отрицать и а ш и х ъ общихъ ошибокъ и даже и щ у ихъ въ нашемъ прошломъ, я вправѣ сказать, что въ тотъ моментъ, когда передъ Россіей были открыты обѣ дороги, именно Самодержавіе и

тѣ, кто вліялъ на него, толкнули Россію на гибельный путь.

Высочайшее повелѣніе о Совѣщаніи состоялось 22 января 1902 г. 2-го апрѣля Сипягинъ былъ убитъ и замѣненъ В. К. Плеве. Въ маѣ этого года по инициативѣ Д. Н. Шипова былъ созванъ частный съѣздъ земцевъ, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ Совѣщанію. Въ моей памяти сохранилось, съ какимъ восторгомъ М. А. Стаховичъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей лояльнаго направленія, рассказывалъ о дѣловитости и разумности Шиповскаго совѣщанія. Въ мемуарахъ Шипова о немъ есть достаточно ясный отчетъ, который позволяетъ судить о его тонѣ и направленіи. Земцы собирались подъ впечатлѣніемъ хотя привычной, но свѣжей обиды; они были отстранены отъ работъ Совѣщанія. Было легко поддаться соблазну, отвѣтить на это демонстративнымъ бойкотомъ, т. е. тактикой, которая позднѣе стала шаблоннымъ средствомъ борьбы. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было, но Совѣщаніе на него не пошло, что было несомнѣнной побѣдой лояльнаго направленія. Оно нашло способъ примирить свой долгъ отстаивать права земскихъ собраний съ желаніемъ не противодѣйствовать попыткамъ Самодержавія принести пользу Россіи. Совѣщаніе составило свой планъ и программу. Они характерны; Совѣщаніе понимало, что вопросъ не только въ сельскомъ хозяйствѣ; что послѣднее — деталь въ планѣ общей политики. Но оно не торопилось, не забѣгало впередъ; не пошло по пути «освободительскихъ лозунговъ», которые всѣ вопросы начинали съ Учредительнаго Собранія по четырехуголькѣ. Голосъ земцевъ былъ голосомъ практиковъ, которые понимали не только, что нужно Россіи, но и что возможно въ тогдашней политической конъюнктурѣ. Такъ государственный планъ Витте встрѣтилъ и откликъ и поддержку въ земской Россіи. Отъ власти зависѣло или укрѣпить ореоломъ успѣха это лояльное направленіе, или въ глазахъ широкаго общества его дискредитировать и толкнуть общественность влѣво. У Самодержавія былъ шансъ повторить шестидесятые годы и еще разъ доказать свою жизненность; успѣхъ политики Витте былъ бы успѣхомъ не только либерализма, но и Самодержавія, торжествомъ «либеральнаго Самодержавія».

Но сторонники Самодержавія и самъ Самодержецъ слушались не Витте, а Плеве, и отвѣтъ не замедлилъ. Плеве догадался, что передъ Самодержавіемъ раскрывалася:

наклонная плоскость, что если оно вступить на новый путь, то успѣхъ Совѣщанія будетъ побѣдой либерализма, и что тотъ, кто сказалъ «а», долженъ будетъ сказать и «б»; онъ рѣшилъ, что эта игра слишкомъ опасна и что «безсмысленнымъ мечтаніямъ» положить предѣлъ надо сразу. Шиповское Совѣщаніе дало ему въ руки предлогъ. Онъ имъ воспользовался. Нуженъ былъ «шокъ», по выраженію, которое любилъ П. А. Столыпинъ. И онъ принялъ мѣры. Онъ изобразилъ передъ Государемъ Шиповское Совѣщаніе, какъ заговоръ противъ власти и получилъ отъ него *carte blanche* дѣйствовать. Онъ началъ съ «символическаго жеста»: всѣмъ участникамъ Совѣщанія, однимъ лично черезъ него самого, другимъ черезъ губернаторовъ былъ объявленъ Высочайшій выговоръ. Выговоръ не имѣлъ неудобствъ для тѣхъ, кто его получилъ; но политическія послѣдствія его для самаго Самодержавія были громадны. Для земскихъ людей сталъ ясенъ контрастъ между политикой Витте и Плеве и ясно, что Государь сталъ на сторону Плеве. Витте былъ превращенъ въ провокатора, который не смогъ защитить тѣхъ, кого подводилъ подъ удары. Но Плеве не остановился на этомъ. Работы въ Комитетахъ были начаты и Плеве слѣдилъ за тѣмъ, что въ нихъ дѣлалось. Съ отдѣльными членами церемонились еще менѣе. Послѣдовали аресты и ссылки. Сравнивая эти кары съ большевистскими репрессіями, которыя представляются нормальными бывшимъ свободолюбцамъ, трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое производили тогда эти мѣры. Это показываетъ, насколько теперь общество стало другимъ и что оно плохо предвидѣло, что готовить ему Революція. Многимъ казалось, что въ 1903 г. въ смыслѣ жестокости, беззаконія и безстыдства идти дальше некуда, что быть хуже не можетъ. И общество кипѣло негодованіемъ. Кроме того активная общественность въ Россіи была немногочисленна; событія въ ней ощущались поэтому особенно остро; оттого разгромъ Шиповскаго совѣщанія и преслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ получилъ такой резонансъ. Но общее негодованіе не смутило, а подстрекнуло Плеве къ дальнѣйшему; самъ лойяльнѣйшій Шиповъ былъ не утвержденъ предсѣдателемъ Московской Управы. Такъ либерализмъ съ надеждами на мирное обновленіе сверху былъ посрамленъ на глазахъ культурной Россіи. Даже Витте не сразу понялъ глубину по-

раженія, которое онъ понесъ въ лицѣ либеральнаго Самодержавія, которое хотѣлъ водворить. Витте продолжалъ еще съ Плеве бороться, но дѣло его было проиграно. Въ этой борьбѣ либеральная общественность ему не помогала. Для нея стало безспорно, что Самодержавіе не Витте, а Плеве, и борьба съ Плеве превращалась въ борьбу съ Самодержавіемъ. Такъ формировалось то «Освободительное движеніе», уже въ кавычкахъ, которое перестало дѣлать разницу между Витте и Плеве. Въ политикѣ Витте стали видѣть не мирный исходъ, который надо поддерживать, а обманъ, который слѣдуетъ разоблачать. Витте съ мечтой о либеральномъ Самодержавіи становился изолированнымъ. Со страницъ «Освобожденія» смѣнялись надъ нимъ и давали ему единственный совѣтъ — уходить. Онъ могъ въ своемъ безсиліи убѣдиться. Былъ изданъ Манифестъ 26 февраля 1903 года, противорѣчившій его крестьянской программѣ, а затѣмъ послѣдовало его увольненіе отъ поста Министра Финансовъ. Съ Витте было покончено. Его попытка оздоровить Самодержавіе была сдана въ архивъ. Плеве торжествовалъ. Но когда онъ сталъ властителемъ русскихъ судебъ, «Освободительное движеніе» уже единымъ фронтомъ стояло противъ Самодержавія, какъ главнаго врага. Оно не было болѣе дѣйственнымъ либерализмомъ 60-хъ годовъ. Если на роковой путь вступило самодержавіе, то въ видѣ отвѣта на это и «либерализмомъ» былъ сдѣланъ опасный уклонъ. Историческая обстановка обрекала его на продолженіе той работы, которую онъ несъ съ 80-хъ годовъ; этимъ онъ уже не могъ удовольствоваться; эта политика казалась скомпрометированной. Лишенный вліянія на власть либерализмъ былъ безсиленъ, а мириться съ безсиліемъ въ это время онъ не хотѣлъ. Пришлось дѣлать выборъ. Въ Россіи оставались двѣ реальныя силы: — Самодержавная власть съ ея аппаратомъ, и Революція. У Революціи была, во-первыхъ, идеологія, извѣрившаяся въ мирномъ выходѣ изъ тупика, не желавшая ни оздоровленія власти, ни примиренія съ ней, пріемлющая крушеніе режима, если и не какъ свѣтлое будущее, то какъ наименьшее зло, изъ котораго рождаются «свобода и право». А, во-вторыхъ, въ этой идеологіи была и матеріальная сила, тотъ Ахеронтъ, который Революція поднимала. Такъ авансцена политической жизни была занята борьбой Самодержавія съ Революціей. Въ этой борьбѣ либерализмъ могъ быть tertius

gaudens; его программа могла остаться единственнымъ способомъ мирнаго преобразованія государства. Когда Самодержавіе проиграло бы всѣ свои карты, программа либеральной конституціонной монархіи могла спасти Россію отъ дальнѣйшаго разложенія. Къ этой программѣ примкнула бы обывательская масса, какъ къ спасителю отъ грозящей анархіи. Къ этой роли либерализмъ долженъ былъ готовить себя. вмѣсто этого онъ активно вмѣшался въ борьбу Самодержавія съ Революціей, сталъ на сторону Революціи, и отъ своей будущей самостоятельной роли, самъ того не замѣчая, отрекся.

Психологически новая линия его могла быть понятна, но она была роковой для него и Россіи. Если либерализмъ думалъ, что присоединеніемъ къ Революціи онъ придастъ ей государственннй смыслъ, дастъ ея пожеланіямъ разумную формулировку, то на дѣлѣ въ этомъ союзѣ онъ терялъ то, въ чемъ было его преимущество. Онъ сталъ исчезать съ политической сцены, замѣняясь освобожденческимъ «радикализмомъ». Для него стало обязательнымъ требованіе четырехвости, какъ необходимой выборной системы для политической первобытной страны, наличность безусловной вѣры во всемогущество и разумность народной воли, недостаточность которой трактовалась какъ реакціонность, и убѣжденіе, что всякая Революція лучше Самодержавія. Временный союзъ съ Революціей привилъ либерализму не только фразеологию, но и идеологию революціи. Подлинный либерализмъ сталъ воспоминаніемъ прошлаго.

Новое «радикальное» движеніе, окрыленное успѣхомъ, не сознававшее, что имъ оно обязано не своимъ политическимъ талантамъ и искусству, а безумству противника, требовало новыхъ руководителей. Они появились. Старые вожаки сходили со сцены. Началась эра политическаго диллетантизма и самовлюбленности, насмѣшекъ надъ тѣми, кто болѣе вѣрилъ своему русскому опыту, чѣмъ заграничной литературѣ предмета. Русская проблема стала казаться очень простой съ тѣхъ поръ, какъ все свелось къ замѣнѣ Самодержавія народоправствомъ по четырехвосткѣ. Но что было важно, обывательская масса пошла за новыми вожаками; они не только говорили ей вещи понятныя и пріятныя, но въ ея глазахъ они вели за собой Революцію и потому должны были умѣть ея вла

дѣть. Въ этой надеждѣ общество изъ самосохраненія шло стремительно влѣво.

А Плеве, видя растущее революціонное настроеніе, все болѣе убѣждался, что въ общественности нельзя найти опоры для власти; онъ сознавалъ, что путей къ примиренію съ ней у него не остается и поворачивалъ все правѣе. Но справиться съ общественнымъ мнѣніемъ было теперь труднѣе, чѣмъ въ восьмидесятыѣ годахъ справиться съ «Народной Волей». Ее Плеве разбилъ тогда простой полицейской техникой; теперь каждая репрессія встрѣчалась негодованіемъ и плодила новыхъ враговъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Ему пришлось призвать на помощь крайнее средство, сдѣлать попытку искусственно вызвать въ странѣ подъемъ патріотизма, который могъ бы задушить недовольство правительствомъ. Онъ въ интересахъ порядка рискнулъ использовать безумство Дальне-Восточныхъ авантюристовъ, которые вели насъ къ войнѣ съ Японіей. Японская война разразилась, но патріотическій подъемъ былъ не широкъ и недологъ. Освобожденческій «радикализмъ» боялся его; онъ въ немъ увидалъ только интригу и былъ убѣжденъ, что Плеве опаснѣе японцевъ. Какъ реакція на внѣшнюю войну начатую въ интересахъ «политики», прогрессивное общество почти все стало тогда «пораженцами» Въ такой обстановкѣ убійство Плеве могло стать спасительнымъ переломомъ; но время для спасенія этимъ средствомъ уже было упущено.

В. Маклаковъ.

Изъ исторіи гражданской войны

1 *)

Директоріи отпущенъ былъ очень короткій срокъ жизни — меньше двухъ мѣсяцевъ. Съ перваго же дня ея существования недруги стали метать жребій о ея ризахъ.. Съ такимъ трудомъ налаженный компромиссъ, какъ и самый авторитетъ новой власти, стали подрывать, хотя и въ разныхъ цѣляхъ и несравнимыми средствами, — но съ обоихъ крайнихъ фланговъ одновременно.

За совершенно ничтожными исключениями почти все, что стояло по правую сторону отъ Директоріи, свои расчеты связывало съ такъ называемой «реальной силой», — въ частности, съ прославленной въ Сибири буйной вольницей и атаманщиной, которая и знать и слышать не хотѣла ни о какихъ общественныхъ сговорахъ и мирныхъ соглашенияхъ и, проникнутая патріотической увѣренностью въ возможность возстановленія Россіи только силою огня и меча, проявляла нескрываемое презрѣніе и отталкиваніе отъ не-единоличной, и въ большинствѣ своемъ глубоко штатской власти

Своей резиденціей Директорія избрала послѣ недолгихъ, но мучительныхъ колебаній — Омскъ Этотъ выборъ оказался роковымъ. Диктовался онъ, однако, многими мотивами. Желаніемъ дѣйствовать изъ болѣе центрального, а не прифронтоваго пункта, — какими были Уфа или Екатеринбургъ. Можетъ быть, опасеніемъ — и оно хорошо иллюстрируетъ отношеніе къ новой власти со стороны сибирской «общественности», — «какъ бы Омскъ не постарался сдать большевикамъ Екатеринбургъ вмѣстѣ съ Директоріей», «не будетъ ли болѣе разумнымъ для единства борющейся съ большевиками стороны избавиться отъ такой части, какъ Уралъ, и отдать ее большевикамъ», —

*) См «Соврем Записки» № № 40, 41 и 45

какъ передаетъ слова и настроенія омскаго лидера к.-д. Жардецкаго членъ Ц. К. той же партіи Л. Кроль (см. «За три года», стр. 151 и 140). Играло нѣкоторую роль, вѣроятно, и желаніе покончить съ неопредѣленностью и выяснить положеніе: «Мы должны сунуться волку въ пасть: или онъ насъ съѣстъ или онъ нами подавится», — говорилъ тому же Кролю Авксентьевъ. И, главное и несомнѣнное, — къ такому рѣшенію толкала необходимость возможно скорѣе получить въ свои руки правительственный аппаратъ, лучше всего, казалось, налаженный въ Омскѣ.

Каковы бы ни были мотивы, — но омскій «волкъ» не подавился Директоріей, а въ лицѣ испытаннаго спеціалиста по устройству заговоровъ, арестовъ и проч. полк. Волкова и не менѣе его прославленныхъ атамановъ Красилникова и Катанаева, вдохновляемыхъ и поощряемыхъ сибирской «общественностью» правыми к.-д., торгово-промышленными и монархическими кругами, — самъ Директорію «съѣлъ». Облеченные «всей полнотою верховной власти на всемъ пространствѣ государства Россійскаго» оказались въ Омскѣ плѣнниками своего аппарата, которому пришелъ на помощь глава этого аппарата и сибирскаго правительства членъ Директоріи Вологодскій.

Какъ уже упоминалось, судьбу областныхъ правительствъ уфимское государственное совѣщаніе предоставило «мудрости» избраннаго совѣщаніемъ Всероссійскаго правительства. Связанный ближайшимъ образомъ съ самарскимъ правительствомъ КОМУЧ самоупразднилъ уже въ самомъ началѣ октября. Новый «государственно-правовой органъ» — Съѣздъ членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія избралъ своей резиденціей Екатеринбургъ. Самарское же правительство оставило для завершения текущихъ дѣлъ нѣсколькихъ «управляющихъ вѣдомствами», объединенныхъ въ Совѣтъ управляющихъ.

Иначе сложились отношенія съ омскимъ правительствомъ. Добиться отъ административнаго совѣта самоупраздненія оказалось несравненно труднѣе и сложнѣе.

Административный совѣтъ въ Омскѣ отказался признать безоговорочно власть избраннаго въ Уфѣ всероссійскаго правительства. Онъ вступилъ на путь условнаго признанія и сталъ съ ней договариваться, какъ якобы равноправная въ спорѣ сторона, о порядкѣ своей ликвидаціи подъ условіемъ, что до того окончательно будетъ ликви-

дирована сибирская Областная Дума, и о кандидатахъ въ члены правительства, которое Директорія, въ качествѣ коллегіального носителя верховной власти, формировала при себѣ. Договорившись одинъ разъ на уфимскомъ совѣщаніи, сибирское правительство стало вторично договариваться въ Омскѣ съ избранной на уфимскомъ совѣщаніи Директоріей. Совмѣстно съ административнымъ совѣтомъ сибирское правительство предъявило Директоріи тезисы по вопросу объ упраздненіи и возстановленіи областныхъ правительствъ. Сибирское правительство соглашалось на ликвидацию его какъ правительства областного, но подъ условіемъ, — чтобы «формированіе совѣта министровъ опредѣлялось совмѣстно всероссійскимъ правительствомъ (т. е. Директоріей) и сибирскимъ правительствомъ по обоюдному соглашенію», — вспоминаетъ безъ особаго раскаянія и возмущенія представлявшій сибирское правительство на уфимскомъ совѣщаніи И. И. Серебренниковъ («Сибирскій Архивъ» I, стр. 17).

Такъ умиравшіе въ качествѣ членовъ Сибирскаго правительства воскресали къ новой жизни въ качествѣ членовъ всероссійскаго правительства тѣ же Саложниковъ, Старынкевичъ, Ключниковъ, Серебренниковъ, Гаттенбергъ, Зефиоровъ и т. д., которые впослѣдствіи сами же санкционировали сверженіе «верховой власти», при которой состояли, сохранивъ свои посты и при «верховномъ правителѣ» — Колчакѣ, въ пользу котораго было произведено сверженіе Директоріи.

Насколько далека была Директорія отъ руководства партійными «лѣвыми» симпатіями, показываетъ, въ частности, тотъ фактъ, что она по собственной инициативѣ предложила постъ военнаго министра адмиралу Колчаку...

Уступая давленію и ультиматумамъ, Директорія вынуждена была согласиться на включеніе въ составъ своего совѣта министровъ «штатскаго Наполеона», по выраженію Болдырева, Ив. Михайлова, несмотря на связанные съ его именемъ арестъ и убійство Новоселова и прочія дѣянія. Въ захваченномъ у Зензинова послѣ ареста «Дневникѣ», обильно — и безцеремонно — использованномъ Гинсомъ, подъ 29 октября 18 г. занесено: «Авксентьевъ и я заявили о своей готовности уйти въ отставку (если сибирское правительство будетъ настаивать на включеніи въ составъ всероссійскаго правительства Ив. Михайлова, а не Рогов-

скаго), благодаря чему всероссийское правительство рассыпется... Вместе с гибелью всероссийскаго правительства потерпит крах послѣдняя попытка созданія единой центральной власти и неизбежно будет гражданская война. Но вместе с тѣмъ, при вхожденіи Михайлова, это символа и дѣйствительнаго руководителя всей «сибирщины», — какой смысл имѣетъ нахождение въ составѣ всероссийскаго правительства представителей демократіи? Вотъ трагическій вопросъ, изъ котораго необходимо найти выходъ». Подъ давленіемъ своихъ товарищей эс-эровъ: Аргунова, Ракова, Роговскаго, Кругликова, Мазина, Лозового, Пумпянскаго, Архангельскаго, которые «согласались на вхождение Михайлова, лишь бы только не распалась всероссийская власть», Авксентьевъ съ Зензиновымъ уступили, — «хотя и понимали прекрасно, что Михайловъ окажется для всероссийскаго правительства роковымъ человѣкомъ, что онъ погубитъ всероссийскую власть», записалъ Зензиновъ за три недѣли до того, какъ событіе это произошло.

Предсѣдательствовать въ этомъ, по существу томъ же, сибирскомъ, переименованномъ во всероссийское, правительствѣ поручено было прежнему предсѣдателю сибирскаго правительства, члену Директоріи Вологодскому...

Однако и эти уступки, приближавшія Директорію, въ отступленіе отъ уфимскаго соглашенія, почти къ капитуляціи передъ правымъ секторомъ совѣщанія, возглавлявшимся и въ Уфѣ тѣми же сибиряками, — оказались недостаточными. Онѣ не удовлетворяли правую «общественность», а только вызывали съ ея стороны новыя домогательства и новый напоръ на Директорію, какъ «ставленницу эс-эровъ» и «эс-эровскаго» Учредительнаго Собранія.

За три съ лишкомъ недѣли до сверженія Директоріи на собраніи омскихъ к.-д. участникъ заговора, впоследствии разстрѣлянный одновременно съ адмираломъ Колчакомъ, В. Н. Пепеляевъ характеризовалъ уфимское совѣщаніе, какъ «побѣду антигосударственныхъ элементовъ», а въ принятой резолюціи тѣ же омскіе кадеты вновь высказались въ пользу «единоличной диктатуры», считая очередной задачей своей партіи содѣйствіе «освобожденію страны отъ тумана неосуществимыхъ лозунговъ (завоеванія февральской революціи, вся власть Учредительному Собранію и т. д.), каковыя являются въ данныхъ условіяхъ пагубными фикціями, самообманомъ и обма-

номъ». — На объединенномъ засѣданіи губернскихъ комитетовъ партіи к.-д. будущій защитникъ полк. Волкова и атамановъ Красильникова и Катацаева В. А. Жардецкий огласилъ 29 пунктовъ, посредствомъ которыхъ омскій «блокъ» рѣшилъ «извести» Директорію, предъявляя ей одно требованіе за другимъ. Одновременно съ этимъ к.-д.скіе делегаты въ Уфѣ объявлены были «партийными предателями и измѣнниками» (см. «За три года» стр. 151-152).

Уфимское отвѣтвленіе московскаго «Национальнаго Центра» — такъ называемый «Всероссійскій Национальный Союзъ», во главѣ съ Бѣлоруссовымъ и Савиновымъ, объявилъ диктатуру «формой организациіи власти», наиболѣе отвѣчающей моменту и цѣлямъ «объединенія и унорядоченія Россіи». Открыто усиливалась и монархическая пропаганда. При обсужденіи въ сибирской областной Думѣ предложенія объ окончательномъ прекращеніи сязаній — для защиты этого предложенія въ Томскѣ пріѣзжалъ Авксентьевъ — лѣвое, социалистическое большинство Думы вняло предложенію, а справа изъ устъ проф. Вейцберга раздалось неожиданное заявленіе, что сибирское населеніе «жаждетъ царя». На улицахъ и въ кабакахъ офицеры распѣвали «Боже, царя храни». Скандальное пѣніе царскаго гимна произошло и на официальномъ раутѣ въ честь прибывшаго англійскаго отряда: полупьяные офицеры, предводительствуемые все тѣмъ же «командиромъ партизанскаго отряда» войсковымъ старшиной Красильниковымъ, подъ наведенными револьверами, заставили оркестръ играть гимнъ, а собравшихся стоять и слушать.

Время отъ времени на улицахъ Омска находили трупы офицеровъ, неизвѣстно кѣмъ и почему — съ провокаціонной цѣлью или въ отмстку — убитыхъ. Среди бѣла дня 24 октября внезапно исчезъ членъ Учредительнаго Собранія, бывший участникомъ «Союза Возрожденія» и секретаремъ уфимскаго совѣщанія правый эс-эръ Б. Н. Моисеенко. Онъ былъ завлеченъ въ автомобиль на одной изъ главныхъ улицъ Омска, увезенъ, замученъ и убитъ.

Среди всѣхъ, которыя пытались объяснить «загадочное» похищеніе Моисеенко, «стоустая молва», по выраженію Мельгунова, распространила и ту, что Моисеенко — «жертва организациіи, поставившей себѣ цѣлью уничтожить членовъ У. С., дабы оно не могло собраться въ прежнемъ (нужномъ? — М. В.) числѣ». Эту версію Мельгуновъ

считаетъ неубѣдительною и недоказанною. Для него — «скорѣе всего это было уголовное преступленіе на почвѣ, конечно, грабежа». Для Мельгунова даже «слѣды истязаній», обнаруженные на трупѣ, брошенномъ въ Иртышъ, — но не найденномъ — «лишь подтверждаютъ версію о грабежѣ» («Трагедія адмирала Колчака», II, стр. 65). Больше, на что готовъ идти историкъ Мельгуновъ въ своей не столько исторической, сколько партійно-политической тяжбѣ съ эс-эрами, это — что «во всякомъ случаѣ исторія гибели Моисеенко никѣмъ не выяснена». Но и это его утвержденіе несправедливо и фактически невѣрно, поскольку Мельгуновъ цитируетъ, но ни однимъ словомъ не опровергаетъ показаній, приведенныхъ Д. Ф. Раковымъ въ его брошюрѣ «Въ застѣнкахъ Колчака».

На основаніи негласнаго разслѣдованія, произведеннаго Ан. Сперанскимъ, и другого «безусловно достовѣрнаго источника» Раковъ еще въ 19 г. утверждалъ, что Моисеенко палъ первой жертвой монархической, строго законспирированной организаціи, имѣвшей повсюду свои развѣтвленія, а среди своихъ задачъ — и «физическое уничтоженіе» членовъ Учредительнаго Собранія. Въ Омскѣ эта организація именовала себя въ цѣляхъ конспираціи Михайловскимъ обществомъ охоты и рыболовства. Въ организацію входили всѣ дѣятели «Союза земледѣльцевъ», а изъ военныхъ: ген. Розановъ, капитанъ Крашенинниковъ, ген. Лебедевъ, Бѣловъ, Ивановъ-Риновъ, Красильниковъ, Анненковъ, Семеновъ, Калмыковъ и др. Раковъ приводитъ и фактическій составъ самаго преступленія. Схватенный около 6 часовъ на улицѣ близъ Коммерческаго клуба, Моисеенко былъ отвезенъ на одну изъ офицерскихъ квартиръ, повидимому, на квартиру капитана Крашенинникова (сына извѣстнаго предсѣдателя петербургской судебной палаты), съ которымъ Ракову довелось одно время сидѣть рядомъ на гарнизонной гауптвахтѣ г. Омска. Отъ Моисеенко добивались узнать, гдѣ касса създа членовъ Учредительнаго Собранія (не отсюда ли и сохранившаяся до сего времени легенда объ «уголовномъ преступленіи на почвѣ, конечно (!), грабежа?»). При этомъ его пытали. «Пытка продолжалась часовъ шесть-семь. Наконецъ, его измученнаго, просто задушили, а трупъ бросили въ Иртышъ» («Въ застѣнкахъ Колчака», стр. 19-20).

Сколь ни загадочно похищеніе Моисеенко, какъ ни не-

выяснена полностью эта исторія, — въ свѣтъ п о с л ѣ д у ю щ и х ъ, тоже до конца невыясненныхъ убійствъ и расправъ съ членами Учредительнаго Собранія, версія, откидываемая безъ дальнѣйшаго Мельгуновымъ, пріобрѣтаетъ всѣ признаки убѣдительности.

Во всякомъ случаѣ и Мельгуновъ не въ силахъ опровергнуть записи въ Дневникѣ ген. Болдырева подь 26 октября: «Въ городѣ убійство. Безъ вѣсти пропалъ Б. Н. Моисеенко»; и рядомъ — «Въ помѣщеніи, гдѣ происходягь засѣданія Директоріи, былъ какой-то офицеръ, посланный будто бы Розановымъ собрать адреса членовъ Учредительнаго Собранія. Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что офицеръ этотъ членъ какой-то военной организаціи, руководимой капитаномъ Головинымъ, имѣющей связь со штабомъ Сибирской арміи. Розановъ заявилъ, что это провокація».

2.

Съ перемѣщеніемъ Директоріи въ Омскъ она не только подала въ «осиное гнѣздо» сибирской атаманины и вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость отъ своего же собственнаго «аппарата» и окружающей ее общественности, но и выходила изъ всякаго вліянія и даже непосредственнаго общенія съ тѣмъ, кто замѣнилъ КОМУЧ, т. е. со Съѣздомъ членовъ У. С., обосновавшимся въ Екатеринбургѣ.

Этотъ лѣвый контрагентъ уфимскаго совѣщанія, естественно, не склоненъ былъ отказаться отъ своихъ политическихъ цѣлей безъ борьбы и заявлялъ свои претензии въ первую очередь единомышленникамъ, вошедшимъ въ составъ Директоріи — Авксентьеву и Зензинову. Каждая лишняя уступка Директоріи омскому давленію воспринималась въ Екатеринбургѣ очень болѣзненно, усиливая впечатлѣніе, что Директорія дѣлаетъ дѣло не всего коллектива, избравшаго его въ Уфѣ, а только одной его п р а в о й части, что она «ѣе наша». Однако, уподобить КОМУЧ Омску и сказать о нихъ одинаково, что они не были склонны считаться съ вынесенными Уфимскимъ съѣздомъ рѣшеніями, — какъ это говоритъ П. Н. Милуковъ въ своемъ некрологѣ о Л. А. Кролѣ («Послѣднія Новости» отъ 24 апр 1931 г.), — совершенно неосновательно.

Никакой текущей политической работой Съезд не был занят. Онъ существовалъ для будущаго, осуществляя свое единственное назначеніе — изыскивать мѣры и средства для переброски членовъ Учредительнаго Собранія изъ совѣтской Россіи на территорію, подвластную Директоріи. Это связано было съ огромными трудностями и требовало ресурсовъ, которыми Съездъ не располагалъ. За время пребыванія въ Екатеринбургѣ удалось перевести черезъ фронтъ всего одного члена Учредительнаго Собранія. Самый «съездъ» находился въ текущемъ состояніи: его участники то и дѣло отлучались въ Томскъ, Омскъ и Самару для текущей работы въ правительственныхъ, земско-городскихъ и партійныхъ учрежденіяхъ.

Недовольство дѣйствіями — бездѣйствіемъ и попустительствомъ — Директоріи осложнялось ощущеніемъ безцѣльности компромисса, заключеннаго въ Уфѣ въ расчетъ на двустороннюю обязательность уступокъ и жертвъ. Упало настроеніе у рядовыхъ участниковъ уфимскаго совѣщанія. Измѣнилось настроеніе и отношеніе и въ руководящемъ партійномъ органѣ эс-эровъ. Съ появленіемъ за Волгой В. М. Чернова и Н. И. Ракитникова и численно, и по своему вліянію усилился лѣвый секторъ эс-эровскаго Ц. К., и раньше противившійся или по меньшей мѣрѣ опасливо относившійся къ «соглашенію съ буржуазіей» въ Уфѣ. Не аннулируя и не отказываясь отъ принятыхъ въ Уфѣ постановленій, Ц. К. обратился 22 октября «Ко всѣмъ партійнымъ организаціямъ» съ воззваніемъ, которое позднѣе, послѣ переворота 18 ноября, противники Директоріи справа использовали въ качествѣ морально-историческаго оправданія факта сверженія Директоріи, якобы только предупредившаго сверженіе Директоріи и захватъ власти, подготовлявшіеся слѣва, эс-эрами (см. Официальное сообщеніе информационнаго отдѣла штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 21-ХІ. 918 г., въ которомъ «самочинный арестъ» членовъ Директоріи ставился въ прямую и «несомнѣнную связь названныхъ членовъ Директоріи съ политическими дѣятелями, ведущими антигосударственную дѣятельность и работу по агитаціи въ молодой русской арміи съ цѣлью ея разложенія и созданія частно-партійнаго войска въ соответствіи съ выпущенной въ Уфѣ прокламаціей комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ». — Перепечатано въ Сборникѣ документовъ:

«Государственный переворотъ адмирала Колчака», изданномъ В. Зензиновымъ. — Парижъ, 1919 г.).

Въ этомъ, имѣвшемъ историческія послѣдствія, воззваніи говорилось между прочимъ, что «главная побѣда партіи на Уфимскомъ совѣщаніи, выразившаяся въ признаніи послѣднимъ правомочности Учредительнаго Собранія настоящаго созыва, грозитъ стать чисто номинальной въ виду того, что своими послѣдними заявленіями руководящіе круги казачества и кадетскіе сторонники сибирской оріентаціи какъ бы совершенно игнорируютъ всѣ принятыя ими на себя въ Уфѣ общеполитическія обязательства». Перечистивъ «промахи» и «проявленіе слабости и нерѣшительности» Директоріи: территориальное разлученіе со Съѣздомъ членовъ У. С., передача важнѣйшихъ общегосударственныхъ функций соответствующимъ министерствамъ сибирскаго правительства, подтвержденіе рѣшенія сибирской областной Думы, безнаказанность вдохновителей замышляемаго въ Омскѣ контръ-революціоннаго заговора, возстановленіе погоновъ и дисциплины стараго типа, попытка ликвидаціи агитационно-культурно-просвѣтительной работы въ арміи и цѣлый рядъ личныхъ назначеній, отдающихъ армію въ руки реакціонныхъ генераловъ и атамановъ, — воззваніе продолжаетъ: «Несмотря на эти промахи и проявленіе слабости и нерѣшительности, партія с.-р., въ соответствии съ принятыми ею на себя въ Уфѣ обязательствами, продолжаетъ всемѣрно поддерживать центральное правительство въ его борьбѣ съ комиссародержавіемъ и готова оказать ему такую же всемѣрную поддержку въ борьбѣ съ реакціонно-авантюристическими группами, въ руки которыхъ мѣстами попала областная власть и которая стремится сдѣлать власть всер. врем. правительства чисто номинальной. Партія с.-р. далѣе готова оказать врем. правительству всемѣрную поддержку въ дѣлѣ отстаиванія демократической свободы и независимости Россіи и установленія нормальныхъ отношеній съ союзниками при условіяхъ, обезпечивающихъ страну отъ того, чтобы занятіе ея территоріи иностранными войсками не имѣло своимъ послѣдствіемъ ограниченіе ея суверенитета».

Далѣе слѣдовало то, что, по мнѣнію ген. Болдырева,

занесенному имъ въ дневникъ, — «съ точки зрѣнія партіи можетъ быть и слѣдовало дѣлать, но о чемъ цѣлесообразнѣе было помолчать»: «Независимо отъ силъ и готовности временнаго правительства даннаго состава энергично дѣйствовать во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, центромъ тяжести своей тактики партія с.-р. должна сдѣлать собраніе собственныхъ и примыкающихъ къ ней демократическихъ силъ вокругъ Учредительнаго Собранія и его предверія — Съѣзда членовъ У. С.».

Еще менѣе осторожнымъ, по выраженію Болдырева, было, наконецъ, указаніе, что «въ предвидѣніи возможности политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контр-революціи, всѣ силы партіи въ настоящій моментъ должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовыми выдержать удары контр-революціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противобольшевистскаго фронта. Работа по собиранію, сплоченію, всестороннему политическому инструкторованію и чисто военной мобилизаціи силъ партіи должна явиться основой дѣятельности Центральнаго Комитета, давая ему надежныя точки опоры для его текущаго, чисто государственнаго вліянія» (Полностью воззваніе приведено въ статьѣ С. Н. Николаева: «Конецъ КОМУЧ-а» въ № 45 «Современ. Записокъ»).

По части «предвидѣнія» воззваніе оказалось болѣе чѣмъ дальновиднымъ: заговоръ противъ Директоріи и переворотъ 18 ноября произошелъ какъ «по писанному»... еще 22 октября въ воззваніи эс-эровскаго Ц. К. Но по части практической подготовки къ предотвращенію «предвидѣннаго» сдѣлано ничего не было: отчасти за краткостью отпущеннаго времени, а отчасти и вслѣдствіе самаго факта оглашенія во всеобщее свѣдѣніе эс-эровскаго прогноза и мѣръ, которыми Ц. К. рассчитывалъ предотвратить готовившійся переворотъ. Болдыревъ правильно занесъ въ свой дневникъ отъ 7 ноября — : «въ сущности это были пока только слова, клочокъ бумаги, и не въ нихъ весь вредъ неосторожно появившейся прокламаціи. Вредъ въ томъ, что она оказалась сильнымъ козыремъ въ рукахъ сибирскаго правительства: не даромъ съ такимъ торжествомъ объявилъ о ней Директоріи Вологодскій... И это въ то время, когда слѣдственная комиссія Аргунова не могла напасть на истинныхъ виновниковъ дѣйствительныхъ

событій 21-22 сентября. Михайловъ и Ко дѣйствовали энергично, оставаясь, тѣмъ не менѣе, формально неуязвимыми, а Ц. К. с.-р. выдавалъ себя съ головой.

Правые круги омской общественности усиленно распространяли эс-эровское воззваніе. Именно отъ этихъ круговъ дошелъ текстъ воззванія въ первыхъ числахъ ноября и до членовъ Директоріи, принадлежавшихъ къ партіи с.-р. Для того, чтобы отвратить отъ Директоріи въ цѣломъ и отъ отдѣльныхъ ея сочленовъ нависшую надъ ними угрозу, Директорія единодушно постановила поручить министру юстиціи, въ качествѣ генераль-прокурора, разслѣдовать это дѣло. Одновременно и столь же единодушно поручено было Болдыреву, уѣзжавшему на фронтъ «принимать самыя суровыя мѣры, до разстрѣла включительно, противъ лицъ, которыя будутъ уличены въ разложеніи арміи и созданіи внутри ея какихъ-либо особыхъ партійныхъ вооруженныхъ организацій» (Сборникъ Зензинова, стр. 193). Эс-эровскому Ц. К. члены Директоріи эс-эровъ заявили о «совершенной недопустимости подобнаго рода обращеній», грозящихъ самыми печальными послѣдствіями.

Это не предотвратило того, что «всѣмъ государственно-мыслящимъ элементамъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ, очевидно стало, что черезъ посредство социалистической части Директоріи говорить и дѣйствовать Центральный Комитетъ партіи с.-р., руководимый противогосударственной его группой», которая въ своемъ обращеніи призываетъ не къ чему иному, какъ къ «вооруженной борьбѣ съ верховной властью», т. е. Директоріей, — какъ гласило болѣе позднее официальное сообщеніе правительства адм. Колчака, выпущенное въ февралѣ 19 года.

При этомъ слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что за все время своего существованія Директорія всегда выступала солидарно и едино. Въ случаяхъ же расхожденія разграничительная линія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ проходила не между «лѣвой», или «социалистической» частью Директоріи и «частью не-социалистической» — это разграниченіе доктринерское и вымышленное, — а между четырьмя и однимъ — Вологодскимъ. Бывали, конечно, и другія сочетанія. Но, какъ правило, к.-д. Виноградовъ чаще генерала Болдырева соглашался съ Авксентьевымъ и Зензиновымъ. «Онъ то голо-

соваль вмѣстѣ съ Авксентьевымъ и Зензиновымъ, то вмѣстѣ съ Болдыревымъ и Вологодскимъ, то начинать вѣствовать на своемъ», — свидѣтельствуеъ въ своихъ «личныхъ воспоминаніяхъ» о «С.-Р. и Колчаковскомъ переворотѣ» Ю. Ключниковъ (см. смѣновъховскую газету «Наканунъ» № 7 отъ 2-IV. 1922 г. — Берлинъ). Случалось и «соціалистической части» раздѣляться на ся, и рѣшеніе принималось «всѣми противъ Н. Д. Авксентьева», какъ регистрировала Зензиновъ въ своемъ дневникѣ, захваченномъ у него при арестѣ.

Существованіе особой «соціалистической части» Директоріи есть мифъ, пущенный въ оборотъ противниками Директоріи и поддерживаемый и сейчасъ въ работахъ, называющихся «историческими» и якобы стремящихся «только констатировать факты» (С. Мельгуновъ, ч. II, стр. 71).

Можно рѣзко осуждать — и осудить — дѣйствія большинства эс-эровскаго Ц. К., не отдававшего себѣ твердаго отчета въ томъ, что Директорія — исторически единственно данная и послѣдняя попытка демократическаго возглавленія вооруженной борьбы съ большевиками, и, потому, требуетъ къ себѣ сугубо-бережнаго и сочувственнаго отношенія. Можно признать недалновиднымъ, безтактнымъ и политически вреднымъ воззваніе, выпущенное и опубликованное эс-эровскимъ Ц. К. и тогда же встрѣтившее рѣзкій печатный протестъ со стороны праваго крыла «Съѣзда» во главѣ съ Е. Е. Лазаревымъ, Д. С. Розенблюмомъ, С. М. Лотошниковымъ, В. В. Подвицкимъ, В. Е. Павловымъ, Н. П. Огановскимъ и др. (См. К. Буревой: Распадъ. — Москва. 1923 г. стр. 36). Но какъ бы ни былъ суровъ приговоръ по отношенію къ эс-эровскому Ц. К. все же, и при самомъ инквизиціонномъ процессѣ, ему нельзя вмѣнить ничего большаго, чѣмъ обнаруженіе умысла или, говоря технически-юридическимъ языкомъ, — даже не покушеніе на переворотъ, а лишь приготовленіе къ нему. И совершенно очевидно, что съ этимъ дѣяніемъ совершенно несравнимо законченное преступленіе или полный составъ государственнаго переворота съ физическимъ насиліемъ надъ носителями верховной власти, какимъ было событіе 17-18 ноября 18 г. Только при безоговорочно отрицательномъ отношеніи къ физическимъ и моральнымъ участникамъ переворота 18 ноября допустимо вообще какое-либо осужденіе тактики

лѣвыхъ «учредилосцевъ», — тактики политически вредной; но исторіей, увы, оправданной.

Ибо что можно возразить В. М. Зензинову, когда уже изъ зарубежнаго и историческаго далека онъ писалъ: «правы, увы, оказались тѣ изъ социалистовъ, которые... предостерегали противъ коалиціи съ буржуазіей; заранее убѣжденные въ коварствѣ и измѣнѣ послѣдней, въ неспособности понять глубокой смыслъ происходящихъ революціонныхъ событій. Исторія оправдала ихъ недоувѣріе» (см. газету «Воля Россіи» № 67 за 1920 г.)?!

Пусть Директорія недостаточно учитывала тотъ ударъ въ спину, который ей готовили «черновцы». Но и несли не по и р а в и м ы й ударъ — не только Директоріи, но и всему дѣлу борьбы съ большевиками — вѣдь не «черновцы», а «колчаковцы»! И этого тоже — «со страницъ исторіи изъять нельзя».

Нельзя изъять и другого. Пусть подрывную работу противъ власти вели и правые, и лѣвые: правые противъ Директоріи, лѣвые позднѣе — противъ верховнаго правителя. Но была между тѣми и другими та громадная разница, что «правые», въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, совместили свою борьбу противъ власти съ предательствомъ, тогда какъ «профессиональные подрыватели» находились въ открытой враждѣ и борьбѣ противъ власти верховнаго правителя съ перваго же дня ея образованія. Надо помнить, что Колчакъ и всѣ его министры до того, какъ стать министрами верховнаго правителя были и оставались на службѣ министрами Директоріи. И въ Архангельскѣ, какъ и въ Омскѣ, переворотчики были не только внѣ тѣхъ силъ, на которыя опиралась власть «верховнаго управления сѣверной области», но и въ самомъ правительствѣ и главномъ командованіи.

3.

Омскій переворотъ явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи гражданской войны. Послѣ 18 ноября 18 года по иному переставились участвовавшія въ борьбѣ противъ большевиковъ силы, по иному и надолго установились отношенія между партіями, до того болѣе или менѣе согласно выступавшими противъ совѣтской власти.

П. Н. Милоковъ въ общемъ правильно резюмируетъ послѣдствія переворота, когда пишетъ: «послѣ изгнанія Авксентьева умѣренная часть с.-р. совершенно ступедалась, а среди к.-д., послѣ ухода Виноградова, окончательно возобладали правыя настроенія. Элементы возможнаго умѣреннаго центра были отброшены переворотомъ 18 ноября къ противоположнымъ полюсамъ политической жизни. На сцену выступили крайніе фланги, немедленно вступившіе другъ съ другомъ въ самую острую борьбу» («Россія на переломѣ», т. II, 53). Въ выигрышѣ отъ того оказались одни только большевики.

Бар. Будбергъ, одно время управляющей военнымъ вѣдомствомъ при верховномъ правителѣ, назвавъ, въ своемъ чрезвычайно поучительномъ «Дневникѣ», сибирскихъ эс-эровъ «бесплатными сотрудниками для большевиковъ». Если смотрѣть спокойнѣе въ историческую глубь и хронологическую даль, нельзя не увидѣть, что роль такихъ «бесплатныхъ сотрудниковъ для большевиковъ» до сибирскихъ эс-эровъ, подкапывавшихся подъ режимъ Колчака, успѣшно выполнили физическіе и моральные участники заговора противъ Директоріи и въ первую очередь — «министры-переворотчики», «Михайловская пятерка, выдвинувшая адмирала на постъ Верховнаго правителя и составившая его верховный совѣтъ», «форменную олигархію», по характеристикѣ того же Будберга.

Это настолько очевидно, что защитники переворота съ обще-исторической точки зрѣнія сдѣлали отчаянную попытку оправдать переворотъ, доказавъ, что переворотъ вообще никѣмъ не былъ произведенъ, а «произошелъ какъ бы самъ собой», въ порядкѣ «полустихійнаго движенія», при которомъ «является второстепеннымъ уже сама организациа дѣйстви»...

Эту гипотезу выдвинулъ С. П. Мельгуновъ первоначально въ своей, какъ всегда, обширной и, какъ всегда, односторонней монографіи о «Н. В. Чайковскомъ въ годы гражданской войны. Матеріалы для исторіи русской общественности 1917-1925 г. г.». Онъ развилъ ее подробнѣе въ части 2-ой своей «Трагедіи адмирала Колчака».

Самъ Колчакъ подтвердилъ, что за нѣсколько часовъ до переворота съ нимъ, военнымъ министромъ Директоріи, вели бесѣду «о единоличной власти» его непосредственные подчиненные, моральные и физическіе участники переворота, — полк. Лебедевъ, Волковъ, Катанавъ, ген.

Андогскій, Суринъ. И Мельгуновъ отмѣчаетъ «странность» того, что не только съ министромъ разговариваютъ его подчиненные, но и онъ ведетъ съ ними разговоръ о возможности упраздненія той власти, которой якобы лойяльно служить, и о личной своей кандидатурѣ на постъ будущаго держателя «единоличной власти». Этотъ неопровержимый и для Мельгунова фактъ онъ пытается парировать или ослабить разсужденіемъ: это «было бы» странно «при нормальныхъ условіяхъ», въ «мексиканской» же обстановкѣ Омска такой разговоръ представляется ничуть не страннымъ, а почти нормальнымъ.

Вопреки очевидности и безчисленному ряду свидѣтельствъ, иногда ближайшихъ къ заговорщикамъ лицъ*), Мельгуновъ доказываетъ отсутствіе заговора или, точнѣе, отсутствіе заговорщиковъ, ибо — «никакихъ конкретныхъ данныхъ никто изъ противниковъ покойнаго Колчака и мемуаристовъ до сихъ поръ нигдѣ не привелъ». Это требованіе указать чуть ли не систему револьверовъ, при помощи коихъ «соціалистическая часть» Директоріи была схвачена и увезена, иначе, за отсутствіемъ «конкретныхъ данныхъ», признать, что не было ни заговора, ни за-

*) Г. Гинсъ опредѣленно называетъ погибшаго вмѣстѣ съ Колчакомъ В. Н. Пепеляева «однимъ изъ участниковъ переворота». — Другой «бывшій министръ колчаковскаго переворота», какъ характеризуетъ Мельгуновъ Сукина, свидѣтельствовалъ передъ нимъ, что на совѣщаніи, подготовлявшемъ переворотъ, принимали участіе: Волковъ, Красильниковъ, Лебедевъ, Андогскій и Михайловъ. Но для отрицающаго наличность заговора Мельгунова «совершенно очевидно», что Сукинъ «передаетъ только одинъ изъ многочисленныхъ слуховъ». — Капитанъ, впоследствии полковникъ, Щелинъ признался Мельгунову, что былъ непосредственнымъ участникомъ переворота вмѣстѣ съ Андогскимъ, Сыромятниковымъ и Михайловымъ и что въ переворотъ былъ посвященъ членъ англійской военной миссіи Нельсонъ. Мельгуновъ видѣлъ даже «послужной списокъ» Щелина, въ которомъ значится, что въ качествѣ «начальника особаго отряда» кап. Щелинъ «принялъ отрядъ 17 ноября, сдалъ его 19». Но и документъ не убѣждаетъ его въ справедливости словъ собесѣдника. — Самъ Колчакъ удостовѣряетъ, что «въ самый моментъ переворота» онъ знаетъ, что «иниціаторами и фактическими исполнителями» переворота были начальникъ гарнизона Волковъ, Катанаевъ и Красильниковъ и нѣсколько офицеровъ казачьихъ частей. Зналъ онъ и про участіе въ переворотѣ «нѣкоторыхъ членовъ совѣта министровъ». «Я знаю, и мнѣ говорилъ Лебедевъ, что въ этомъ принимала участіе почти вся ставка, часть офицеровъ гарнизона, штабъ главнокомандующаго и нѣкоторые чле-

говорщиков, — встрѣтило возраженіе даже со стороны лицъ политически близкихъ Мельгунову. И «не причисляющей себя къ «противникамъ» покойнаго Колчака» А. С. Изгоевъ съ полнымъ основаніемъ указалъ, что «напрасно Мельгуновъ требуетъ «конкретныхъ данныхъ». Онъ не можетъ не понимать, что при такого рода переворотахъ не ведутся ежедневные протоколы». И дальше — : «Адмиралъ Колчакъ зналъ о переворотѣ. Его передвиженія свидѣтельствуяютъ объ этомъ. Производство переворота, когда ген. Болдыревъ былъ на фронтѣ, не случайно. Колчакъ взялъ на себя всю отвѣтственность за переворотъ и, конечно, на его показанія на иркутскомъ судѣ нельзя смотрѣть, какъ на чистосердечную исповѣдь»...

Колчакъ отлично сознавалъ, что онъ не только санкціонируетъ «преступный актъ» — арестъ членовъ Директоріи и прерывъ ея дѣятельности, — но и соучаствуетъ въ преступленіи. «Если-бы переворотъ окончился неудачно, мы были бы преступниками», — говорилъ онъ въ зенитѣ своихъ услѣховъ, въ февралѣ 19 г. (Л. Кроль, стр. 167).

Какъ бы то ни было, раньше или позднѣе осозналъ

ны правительства». — «Я сказалъ, — подтверждаетъ Колчакъ въ другомъ мѣстѣ, — что никогда не допущу кары надъ лицами, потому что, разъ они это сдѣлали, я принялъ всѣ послѣдствія» (См. «Протоколы допроса адмирала Колчака» въ т. X-мъ «Архива Русской Революціи», стр. 295 и 296).

Не будемъ приводить многочисленныхъ другихъ свидѣтельствъ, въ частности, свидѣтельствъ иностранцевъ — иногда очевидцевъ, а иногда и попустителей и соучастниковъ переворота, — въ общемъ согласно подтверждающихъ наличие и заговора и заговорщиковъ. Всѣ эти свидѣтельства Мельгуновъ устраняетъ рядомъ произвольныхъ догадокъ и интерпретаций. Такъ, напр., Черчилль въ разгаръ услѣховъ Колчака открыто заявилъ въ палатѣ общинъ, что Колчака и его правительство «связывали къ жизни» англичане. Мельгуновъ не можетъ съ этимъ примириться и категорическое утвержденіе руководителя военной политики Англии онъ пытается ослабить вопросомъ: «Не слѣдуетъ ли однако понимать эти слова въ томъ смыслѣ, что Великобританія оказала реальную помощь правительству Колчака?» (Ч. Ц. стр. 113).

Заявленіе Черчиля приобретаетъ особое значеніе при сопоставленія его съ «пророческимъ предсказаніемъ» А. Ф. Керенскаго. Находясь въ Лондонѣ въ сентябрѣ 18 г., Керенскій писалъ Чайковскому: «эпизодъ, который случился съ Вами въ Архангельскѣ, при первомъ удобномъ случаѣ повторится въ Омскѣ и Самарѣ. Это я категорически утверждаю» (письмо сохранилось въ архивѣ Н. В. Чайковскаго).

Колчакъ свою роль въ переворотѣ, но 18 ноября, «вслѣдствіе чрезвычайныхъ событій, прервавшихъ дѣятельность Временнаго Всероссийскаго Правительства», совѣтъ министровъ при этомъ правительствѣ «съ согласія наличныхъ членовъ Временнаго Всероссийскаго Правительства», т. е. при наличности и съ согласія одного Вологодскаго, принявъ на себя всю полноту верховной государственной власти и тутъ же передалъ ея «временное осуществленіе» произведенному въ адмиралы и получившему наименованіе «верховнаго правителя» военному и морскому министру Директоріи вице-адмиралу А. В. Колчаку. Одновременно съ арестомъ «соціалистической части» Директоріи уже по прямому приказу верховнаго правителя послана была экспедиція въ Екатеринбургъ для разгона Съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія. Дѣло, начатое большевиками въ Петроградѣ въ ночь на 7-ое января, получило свое завершеніе въ ноябрьскіе дни въ Омскѣ, Екатеринбургѣ и Уфѣ. И не случайно сорвалось съ устъ Колчака признаніе: «Если у большевиковъ и мало положительныхъ сторонъ, то разгонъ Учредительнаго Собранія является ихъ заслугой».

Одновременно съ этимъ Керенскій предупреждалъ Авксентьева въ письмѣ, до адресата не дошедшемъ и воспроизведенномъ большевическими историками (напр., В. Владимировой, стр. 368), что противъ Директоріи собираются «въ широкихъ размѣрахъ повторить *coup d'Etat* въ Архангельскѣ, совершенный съ вѣдома и по предварительному соглашенію съ англійскими военными властями», что къ дѣлу причастенъ генералъ англійской службы Ноксъ и срочно необходимо принять мѣры «къ выясненію всѣхъ заговорщиковъ въ Россіи» (см. Сборникъ статей А. Керенскаго: «Издалека», стр. 132). — Самъ Ноксъ утверждаетъ, что «переворотъ, приведшій Колчака къ власти, былъ совершенъ сибирскимъ правительствомъ», и будто бы только «Англія объ этомъ не знала» (*The Slavonic Review*. — 1925. III). А въ личномъ письмѣ къ Мельгунову Ноксъ признаетъ, что о «готовящемся *coup d'Etat* онъ узналъ за 2-3 дня до 18 ноября отъ ген. Сахарова въ Манджуріи»; въ то же время Ноксъ допускаетъ, что «нѣкоторые члены его миссіи (напр., полк. Нельсонъ) могли быть освѣдомлены о готовящемся выступленіи и принять участіе въ одномъ изъ многочисленныхъ собраній въ Омскѣ, гдѣ обсуждался переворотъ» (Мельгуновъ, ч. II, стр. 113). — Мельгуновъ правъ только въ одномъ: «официально» Ноксъ, конечно, не «санкціонировалъ» переворота. Но неофициально онъ не только сочувствовалъ ему, но и содѣйствовалъ, какъ могъ, и до и послѣ. Отсюда и народная легенда объ «англикомъ адмиралѣ Кильчакѣ», которую приводитъ изъ солдатскаго письма Будбергъ.

— это надо поставить имъ въ плюсъ» (Протоколы, стр. 250)*).

Колчакъ сдержалъ свое слово, «не допустилъ кары» надъ лицами, которымъ онъ былъ обязанъ своему возвышенію. Участники переворота были не только оправданы судомъ, они получили и триумфъ и повышение по службѣ. Полк. Лебедева Колчакъ назначилъ начальникомъ штаба, полк. Сыромятникова — вр. исп. обязанности «наштаверха», полк. Волкова — генераль-губернаторомъ въ

*) Примерно такова же психологія и сподвижниковъ Колчака. Командующій, а потомъ главнокомандующій при верховномъ правителѣ ген. К. В. Сахаровъ весь свой опытъ гражданской войны свелъ къ поразительному умозаключенію: «Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена впустую вслѣдствіе основной ошибки: не хотѣли признать социалистовъ-революціонеровъ врагами народа, такими же, какъ большевики-коммунисты» (см. его «Бѣлая Сибирь», стр. 161. — Мюнхень. 1921). — Правда, Будбергъ характеризуетъ Сахарова, какъ «бетонноголового», «сдержиморду аракевскаго типа», болѣе всего пригоднаго быть «командиромъ дисциплинарнаго батальона» и проч. Но это уже не индивидуальный, а родовой признакъ, присущій въ той или иной мѣрѣ почти всѣмъ «бѣлымъ большевикамъ», какъ называетъ Будбергъ наиболѣе видныхъ «колчаковцевъ»: «вундернаштаверха» Лебедева, ген. Андогскаго, Дитерихса, Иванова-Рипова (перекинувагося впоследствии къ большевикамъ) и оказавшагося на роли вербовщика для красной арміи китайскаго ген. Фенга), Хрещетицкаго, атамана Камыкова, Семенова, тоже бывшаго главнокомандующимъ при Колчакѣ и т. п.

Новѣйшій историкъ-иностранецъ, не заинтересованный въ томъ или иномъ партійномъ освѣщеніи вопроса, устанавливаетъ, что именно атаманъ Семеновъ и былъ причиной гибели Колчака. Французскому генералу Жанену, можетъ быть, и удалось бы спасти армію Колчака и самого адмирала, если бы тотъ не допустилъ безумной ошибки, обратившись за содѣйствіемъ къ Семенову. Отряды Семенова вселяли такой ужасъ населенію, что Жаненъ «былъ лишенъ возможности совершить хоть одинъ шагъ, который могъ бы произвести впечатлѣніе поддержки семеновскихъ бандъ» (см. статью Фридр. Зибурга, имѣвшего возможность ознакомиться съ исторіей гибели Колчака по первоисточникамъ, — въ «Frankfurter Zeitung» за февраль 1931 г.). — То же объясненіе даетъ и генераль-квартирмейстеръ Колчака, ген. Занкевичъ, непосредственный свидѣтель задержанія адмиральскаго поѣзда. Онъ удостовѣряетъ, что соглашеніе между ген. Жаненомъ и Политическимъ Центромъ въ Иркутскѣ о безпрепятственномъ пропускѣ адм. Колчака было уже достигнуто, но его сорвали «недоразумѣнія съ войсками Семенова и звѣрства ими произведенныя» (см. «Бѣлое Дѣло», т. II, стр. 149).

Иркутскъ съ производствомъ въ генералы; войсковые старшины Красильниковъ (30 лѣтъ) и Катаньевъ (28 лѣтъ) — чинъ полковника и назначеніе на болѣе высокія должности въ Красноярскъ и Иркутскъ; получили «генераль-губернаторства» уфимское и екатеринбургское и подк. Круглевскій съ ген. Бангерскимъ, совершившіе лихой набѣгъ на членовъ Учредительнаго Собранія одинъ въ Уфѣ, а другой въ Екатеринбургѣ. При арестѣ членовъ Учредительнаго Собранія въ Екатеринбургѣ отъ случайной пули погибъ нѣкій Моксуновъ (эс-эръ, членъ уральскаго областного комитета), спускавшійся по лѣстницѣ въ гостиницѣ. И только вмѣшательству чехо-словаковъ и ихъ настойчивости обязаны были арестованные «учредилловцы» — В. М. Черновъ, В. К. Вольскій, И. С. Алкинъ, Н. В. Святицкий, В. И. Алмазовъ, Г. Ф. Алюновъ, К. С. Буревой, И. Е. Вольный, В. Т. Владыкинъ, Л. Я. Герштейнъ и Н. И. Ракитниковъ — тѣмъ, что все же избѣгли смерти и получили возможность покинуть предѣлы негостепріимнаго Екатеринбурга...

Изъ областныхъ правительствъ, постановленіемъ отъ 2-го ноября «мудростью» Директоріи формально упраздненныхъ, но фактически продолжавшихъ свое существованіе, — одинъ лишь уфимскій Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами выступилъ рѣшительно въ защиту правъ свергнутой Директоріи. Совѣтъ обратился 19 ноября въ Омскъ съ протестующей телеграммой на имя Вологодскаго, въ которой отказывался признать узурпаторскую власть и выражалъ готовность выслать свои добровольческія части противъ реакціонныхъ бандъ Анненкова и Красильникова: «Не желая создавать новаго фронта междуусобной войны, С. У. В. предлагаетъ Вамъ немедленно освободить арестованныхъ членовъ Временнаго Правительства, объявить врагами родины и заключить подъ стражу виновниковъ переворота, объявить населенію и арміи о восстановленіи правъ Всероссійскаго правительства». Въ противномъ случаѣ Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами, въ лицѣ Филипповскаго, Климушкина, Нестерова и Веденяпина, обѣщаль Вологодскому объявить его «врагомъ народа», довести объ этомъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ и предложить всѣмъ областнымъ правительствамъ активно выступить противъ реакціонной диктатуры въ защиту Учредительнаго Собранія, выдѣливъ необходимыя силы для подавленія преступнаго мятежа.

Телеграмма въ копіяхъ была сообщена Колчаку, Чехосовѣту, Оренбургскому и Уральскому правительствамъ и войсковымъ кругамъ, правительствамъ Башкиріи и Алаш-орды и ген. Болдыреву. Соответствующія депеши были посланы въ Лондонъ, Парижъ, Римъ, Вашингтонъ, Токио, Прагу — министрамъ иностранныхъ дѣлъ и дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Омскъ и Екатеринбургъ. Но реальныхъ силъ въ непосредственномъ распоряженіи Совѣта управляющихъ вѣдомствами было очень немного. Главные кадры русско-чешскаго батальона, коннаго отряда Фортунатова, отряда имени У. С. и добровольческихъ частей Народной арміи находились далеко — держали фронтъ. Въ самой Уфѣ насчитывалось едва 800 плохо вооруженныхъ челоѡкъ, расположенныхъ внять призыву Совѣта управляющихъ вѣдомствами, въ ближайшіе же дни вынужденнаго уже сосредоточить свои силы и вниманіе не на подачу помощи другимъ и ликвидацію переворота въ Омскъ, а на элементарное самосохраненіе и огражденіе находившихся въ Уфѣ членовъ У. С. отъ новаго нападенія со стороны посланнаго адм. Колчакомъ отряда Круглевскаго.

28 ноября Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами вынесъ постановленіе о передачѣ государственнаго золотого запаса Россіи подъ охрану чехо-словаковъ. Тѣмъ временемъ отрядъ Круглевскаго, рядомъ удачныхъ маневровъ предупредивъ возможность сопротивленія, арестовалъ 2 декабря 25 челоѡкъ, въ томъ числѣ членовъ Учредительнаго Зобранія: В. Н. Филипповскаго, И. П. Нестерова, Н. Н. Иванова, Ф. Ф. Федоровича, В. В. Подвицкаго, С. М. Лотошниковъ, В. Е. Павлова, С. Н. Николаева, И. В. Васильева, К. Т. Почекуева, В. А. Алексѣевского, В. Т. Владыкина и служащихъ Съѣзда и Совѣта управляющихъ: Барсова, Марковецкаго, И. Девятаго, Брудерера и др., и повезъ ихъ на расправу въ Омскъ. И въ Уфѣ, какъ и въ Екатеринбургѣ, только чехи предупредили кровопролитіе. Отсроченное на 20 сутокъ, оно было перенесено съ береговъ Уфы на берегъ Иртыша въ Омскъ.

Темною ночью съ 22 на 23 декабря были умучены взятые изъ тюрьмы конвоемъ 9 челоѡкъ. Въ ихъ числѣ были Фоминъ, Девятковъ, Брудереръ, Маевскій, Кириенко, Саровъ, Локотовъ.

4.

Для ночного набѣга на членовъ Учредительнаго Собранія у Колчака нашлось больше чѣмъ нужно средствъ и охотниковъ. Но противъ залегшаго въ Читѣ атамана-разбойника, не пропускавшаго оружія, обуви и проч. для фронта и державшаго въ рукахъ общее движеніе по забайкальской желѣзно-дорожной ниткѣ, верховный правитель былъ совершенно безсиленъ. «Мы — рабы положенія», — признавался онъ. «Я, своими жалкими средствами, что же могъ сдѣлать?» Не болѣе мощенъ былъ верховный правитель и въ отношеніи къ другимъ атаманамъ: Красильникову, Анненкову и т. д. *). И, «рабъ положенія», онъ обращался за помощью къ иностранцамъ, въ первую очередь — къ англичанамъ. А что тѣ понимали въ русской междуусобицѣ, какъ они разбирались въ ней, показываютъ слова одного изъ ближайшихъ адм. Колчака — начальника шотландскихъ стрѣлковъ Джона Уорда. Говоря о своей роли спасителя жизни Авксентьева и др., Уордъ утверждаетъ въ своихъ «Запискахъ», что «все дѣло (заговора) было въ рукахъ офицерской карательной организации, которая поклялась убить какъ разъ столько же большевиковъ-революціонеровъ, сколько офицеровъ было уби-

*) «Мы сами насаждаемъ большевизмъ грабежами и насиліемъ», — доносили по начальству подчиненные Колчаку чины, характеризуя подавленіе атаманомъ Красильниковымъ повстанческаго движенія въ Енисейской губерніи. А двумя мѣсяцами позже уже самъ командующій войсками Иркутскаго военнаго округа ген. Артемьевъ докладывалъ военному министру Колчака: «Атаманъ Красильниковъ... занимается исключительно пьянствомъ и безобразіемъ, тѣмъ же занимаются его офицеры; солдаты производятъ самочинные обыски съ дѣльми грабежа; насилуютъ женщинъ. Все населеніе жаждетъ большевизма».

При этомъ надо имѣть въ виду, что красильниковскій отрядъ считался красой и гордостью той «реальной силы», на которую вынужденъ былъ опереться Колчакъ послѣ того, какъ она свергла власть безсильной Директоріи: ген. Иностранцевъ считалъ Красильниковскую бригаду, какъ военную силу, дучшей бригадой. — Почитатели и апологеты установившагося послѣ Директоріи режима признаютъ, что Красильникова и его сообщниковъ слѣдовало бы, конечно, предать суду, — «но для адмирала и для его правительства это было бы совершенно невозможно. Пришлось бы пойти на конфликтъ съ казачествомъ... Это угрожало большой опасностью для едва укрѣпившейся

то людьми вродѣ Троцкаго и Авксентьева. Обѣ партіи имѣли одинаковыя цѣли»... (стр. 88 русскаго перевода).

Замыслившіе на свой страхъ и рискъ насильственно прервать дѣятельность Директоріи, можетъ быть, и «руководились любовью къ родинѣ», какъ значилось въ официальномъ сообщеніи министра юстиціи Старынкевича. Но цѣлей своихъ эти патріоты не достигли, — они достигли противоположнаго не только въ отношеніи внутри-россійскаго преодоленія большевиковъ, но и въ отношеніи охраны внѣшнихъ интересовъ Россіи передъ Европой и связаннаго съ этимъ признаніемъ Европой анти-большевицкаго правительства правительствомъ Россіи.

Русскій дипломатическій представитель въ Лондонѣ К. Д. Набоковъ, ничего общаго не имѣвшій съ социалистами и, послѣ краха Директоріи, продолжавшій и при Колчакѣ представлять русскіе интересы въ Лондонѣ, считалъ именно Директорію «первой серьезною организаціей для борьбы съ большевиками». Только съ приходомъ къ власти избраннаго на Уфимскомъ совѣщаніи правительства, приблизительно въ срединѣ октября 18 г., русскому поверенному въ Лондонѣ официально «вновь было предоставлено право посылать шифрованныя телеграммы въ Омскъ и своимъ коллегамъ за границей». И больше того. «Хотя мѣстные (англійскіе) агенты въ Сибири доносили, что Директорія не прочна, что между с.-р.-ами и «военной

власти и еще неизвѣстно, чѣмъ бы такой конфликтъ окончился» (у Мельгунова ч. III, стр. 54, 213 и др.).

Не менѣе славны были подвиги атамана Анненкова при подавленіи повстанческаго движенія въ Славгородскомъ и Кузнецкомъ районахъ. Разстрѣлянные и выпоротые насчитывались тамъ тысячами. «Безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы», — заноситъ въ свой дневникъ Будбергъ.

Свой планъ былъ у ген. Сахарова — «полное использование атамана Семенова при поддержкѣ японцевъ; отправка золотого запаса въ Читу (атам. Семенову) подъ надежную охрану; затѣмъ планомѣрное, систематическое уничтоженіе эсэровской измѣны, арестъ и предаіе военно-полевому суду не только «всѣхъ руководителей заговора въ тылу», но и «всѣхъ партійныхъ эсэровъ въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ». По утвержденію Сахарова адм. Колчакъ «остановился» на этомъ планѣ, «но онъ категорически отказался отправить золото въ Читу». Въ этомъ сказалась, по выраженію того же Сахарова, «отрыжка старой ссоры» между Колчакомъ и Семеновымъ... (См. «Гражданская война въ Сибири и Сѣверной области». Мемуары. — Госиздат. 1927. — Стр. 98 и 101).

партіей» идутъ раздоры, тѣмъ не менѣе было рѣшено признать Директорію, и 17-го ноября (т. е. буквально за нѣсколько часовъ до выступленія Красильникова, Волкова и Ко! — М. В.) была даже заготовлена въ этомъ смыслѣ телеграмма въ Омскъ». Переворотъ 18-го ноября — роспускъ Директоріи и провозглашеніе Колчака верховнымъ правителемъ — заставили правительство задержать телеграмму. Когда я 19-го числа пришелъ къ лорду Роберту Сесию, — рассказываетъ К. Набоковъ, — онъ сказалъ: «Мы были готовы признать Директорію. Она насильственно смѣщена. Кто можетъ поручиться, что не произойдетъ черезъ три недѣли того же самаго съ Колчакомъ? При такихъ условіяхъ намъ очень трудно принять рѣшеніе. Подождемъ, посмотримъ»... (К. Д. Набоковъ: «Испытанія Дипломата». — Стокгольмъ. 1921. Стр. 231 и 244).

И Англія стала выжидать, дождавшись, — правда, не черезъ три недѣли, а, примѣрно, черезъ годъ съ небольшимъ, — не «того же самаго» буквально, но тоже насильственного сверженія и правительства Колчака. Англіи, какъ и всей Европѣ, сравнительно не трудно было выжидать. Гораздо труднѣе было Россіи. Ея интересы оказались не представлены и не ограждены на устроившей Европу на долгіе годы мирной конференціи въ Версалѣ. И самыя жестокіе критики Директоріи, какъ и самыя необузданныя почитатели верховнаго правителя, не могутъ никакъ опровергнуть этотъ прискорбный фактъ. Сумѣвъ предупредить признаніе Англіей борющейся съ большевиками Директоріи — правительствомъ Россіи, русскіе патріоты дождались того, что правительствомъ Россіи Англія признала власть ВКП.

Противники «эс-эровскаго» Учредительнаго Собранія и недоброжелатели и самарскаго фронта, и Уфимскаго совѣщанія, и Директоріи, ретроспективно-исторически оправдывая свое предвзято-партийное отношеніе, ставятъ въ укоръ російской демократіи и прежде всего «учредителю» — эсъ-эрамъ, что всю свою тактику въ борьбѣ противъ большевиковъ они строили въ расчетъ на «третью силу», фактически не существовавшую и вообще въ разгаръ гражданской войны невозможную. Измышленная доктринерами и создававшаяся искусственно «третья сила» фатально дѣлала дѣло большевиковъ, разрушая то національно-государственное дѣло, которое —

плохо или хорошо — пытались дѣлать другіе, патриоты и люди дѣла, а не прекраснодушныхъ словъ.

Не трудно показать обратимость этого разсужденія противъ тѣхъ, кто его выдвигаетъ. Ибо если попытки создать «третью силу» фактически не удавались, то вѣдь не только потому, что онѣ срывались, но и потому, что ихъ срывали какъ разъ тѣ, кто никакъ не хотѣлъ претерпѣть, чтобы строительство Россіи — «плохо или хорошо» — возглавили не они, а другіе, «третья сила». Если до переворота и въ ближайшее время послѣ него еще можно было спорить о благотворности «усиленія» власти во что бы то ни стало, хотя бы цѣною насилія надъ всѣмъ лѣвымъ флангомъ, ведшимъ вооруженную борьбу съ большевиками, то теперь, изъ историческаго далека, какъ будто бы уже не можетъ быть сомнѣній, какія пагубныя послѣдствія, не только съ демократической точки зрѣнія, но и съ обще-русской, патриотической, имѣлъ переворотъ 18-го ноября, — «выкидышный» вариантъ французскаго 18-го брюмера.

Заднимъ числомъ, ко времени составленія второго тома своихъ «Впечатлѣній и мыслей», даже панегиристъ адм. Колчака и страстный ненавистникъ «учредиловцевъ» Г. Гинсъ спохватился и сообразилъ — : «Какую отвѣтственность взяли на себя люди, которые въ ночь на 18 ноября рѣшили выдвинуть адмирала» (т. 2, стр. 369). Болѣе дальновиднымъ это было ясно тогда же, въ часы и дни переворота.

По прямому проводу изъ Челябинска ген. Болдыревъ, «какъ солдатъ и гражданинъ», «честно и открыто» предупредилъ Колчака: «И здѣсь, и на фронтѣ я уже видѣлъ гибельность послѣдствій переворота, однимъ ударомъ разрушившаго все, что было съ такимъ великимъ трудомъ создано за послѣдній мѣсяць. Я никакъ не могу стать на точку зрѣнія такого спокойнаго отношенія къ государственной власти, хотя, можетъ быть, и несовершенно; но имѣвшей въ своемъ основаніи признакъ народнаго избранія... Нанесенъ непоправимый ударъ идеѣ суверенности народа, въ видѣ того уваженія, которое въ моемъ лицѣ упрочилось за титуломъ Верховнаго Главнокомандующаго и со стороны войскъ русскихъ, и со стороны союзниковъ... Я не позволилъ себѣ въ теченіе двухъ сутокъ ни одного слова, ни устно, ни письменно, не обращался къ войскамъ и все ждалъ, что въ Омскѣ поймутъ все безуміе

совершившагося факта и, ради спасенія фронта и нарождавшагося спокойствія въ странѣ, болѣе внимательно отнесутся къ дѣлу» (разговоръ по прямому проводу у В. Г. Болдырева, стр. 112).

Въ отвѣтъ на эти мужественныя и патриотическія слова, адм. Колчакъ могъ только повторить клеветническое измышленіе официального сообщенія: «Директорія вела страну къ гражданской войнѣ въ тылу (и, потому, надо было привести страну къ гражданской войнѣ въ тылу?! — М. В.), разлагая въ лицѣ Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до ихъ вступленія на постъ верховной власти. Совершившійся фактъ ареста ихъ, конечно, актъ преступный, и виновные мною преданы полемому суду» и т. д.

Еще черезъ два дня при личномъ свиданіи съ верховнымъ правителемъ въ Омскѣ, Болдыревъ далъ совершено отчетливую формулу — : «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему можетъ погубить не только Васъ, но и дѣло, начатое въ Сибири»...

Въ свѣтѣ послѣдующихъ событій вѣщимъ трагизмомъ звучатъ и слова редактора челябинской «Власти Народа» отъ 22 ноября Евг. Маевского, — мѣсяцемъ позже нашедшаго мучительную смерть (вмѣстѣ съ Н. В. Фоминымъ и другими) отъ рукъ разнузданной омской военщины. Маевскій писалъ: «Ужасъ охватываетъ за несчастную Россію, за ея судьбу. Израненная, полуживая, она пробуетъ приподняться, и вдругъ злая рука сбиваетъ ее снова на земь и въ кровь. И злорадствуютъ, торжествуютъ большевики — кто-то протягиваетъ имъ руку помощи, отсрочивая ихъ неминуемую гибель. И злорадствуютъ, и торжествуютъ всѣ враги Россіи, которые только ждуть, чтобы воспользоваться ея безпорядкомъ, ея безвластіемъ и наложить на нее свою тяжелую руку»...

Нѣтъ имени, нѣтъ оправданія тому, что произошло въ Омскѣ. Покушеніе на верховную власть, покушеніе въ отвѣтственные и трагическія минуты жизни нашей Родины — есть великое преступленіе. Ничто не можетъ оправдать этого покушенія, ничто въ богатой переворотами русской исторіи не можетъ сравниться съ тѣмъ, что произошло теперь въ Омскѣ. Народъ никогда не признаетъ этого переворота, онъ никогда его не проститъ»...

И въ одномъ изъ послѣдующихъ № № «Власть Народа» правильно умозаключала: «Оправдать омскую аван-

тиру — это значить оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно так же, хотя и въ менѣе голомъ видѣ, чѣмъ омская, это значить оправдать октябрьскій большевицкій переворотъ. Тотъ, кто утверждаетъ омскій переворотъ, тотъ не можетъ отрицать октябрьскаго большевицкаго переворота. Тотъ, кто соглашается на омскій переворотъ, тотъ выбиваетъ самъ у себя всякую почву, всякое оправданіе для борьбы съ большевицкой авантюрой...

5.

Власть, возглавлявшая анти-большевицкое демократическое движеніе именемъ Учредительнаго Собранія и въ цѣляхъ обезпеченія его созыва, была сломлена. Всероссийское Учредительное Собраніе перваго созыва окончательно приказало жить. Немногіе, уцѣлѣвшіе отъ ареста члены Учредительнаго Собранія, вынуждены были, хотя бы на ближайшее время, уйти въ подполье. Каждый сталъ искать для себя и за себя выходъ изъ положенія.

Формально единственно правильный выходъ — борьба на два фронта противъ обѣихъ диктатуръ, Ленина и Колчака, — фактически сводился къ реальной борьбѣ на томъ или иномъ фронтѣ, либо противъ Ленина, либо противъ Колчака. Выборъ часто опредѣлялся простымъ мѣстонахожденіемъ неприемлющихъ ни той, ни другой диктатуры.

На территоріи, очутившейся подъ властью Колчака, самые активные борцы противъ большевиковъ подъ впечатлѣніемъ предательскаго удара въ тылу радикально мѣняютъ свою политическую ориентацию. Въ личномъ порядкѣ переходятъ на сторону большевиковъ члены Учредительнаго Собранія Фортунаговъ, Пумпянской, эстонецъ Сельяма, предсѣдатель башкирскаго правительства Валидовъ. Другіе гибнутъ, но не сдаются: помимо уже упомянутыхъ умученныхъ членовъ Учред. Собранія — Моисеенко, Фомина, Б. Маркова и П. Михайлова, погибъ Д. Сургучевъ въ Златоустѣ, К. Т. Почекуевъ — подъ Омскомъ, спасаясь отъ угрозы полевого суда.

Наконецъ, нѣсколько членовъ Учред. Собранія, убѣгая отъ омскаго диктатора, рѣшили вступить въ соглашеніе съ диктаторомъ московскимъ. Гражданская война, вспыхнувшая внутри антибольшевицкаго лагеря, отнима-

ла, по ихъ мнѣнію, послѣдній смыслъ у войны съ большевиками, ставила вопросъ о ликвидаціи послѣдней. Ибо послѣ перемирія на западномъ фронтѣ, объявленнаго за недѣлю до омскаго переворота, отпадалъ и другой, патріотическій мотивъ, вызвавшій возстаніе противъ большевиковъ: отпадала угроза завоеванія нѣмцами. И принимая чашею и желаемое за дѣйствительное и возможное, В. К. Вольскій, К. С. Буревой, Н. В. Святицкій и Н. А. Шмелевъ, — къ которымъ впослѣдствіи присоединился Н. И. Ракитниковъ, — рѣшили, что для совмѣстной борьбы съ реакціей и вмѣшательствомъ иностранцевъ большевики не могутъ не согласиться на образованіе однороднаго соціалистическаго правительства, до новыхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе отвѣтственнаго передъ собраннымъ въ Москвѣ У. С. перваго созыва. Чтобы усилить вѣсъ и авторитетъ этого фантастическаго плана, досужая молва произвольно и неосновательно къ названнымъ, мало что говорившимъ именамъ, придала и громкое, для многихъ символическое имя Чернова.

Не слишкомъ добросовѣстные противники поспѣшили возвѣстить, что въ переговоры съ большевиками вступила партія с.-р. и Съездъ «учредителей». Объ этомъ дважды сообщилъ и совѣтскій наркомъ Чичеринъ союзнымъ правительствамъ въ «нотахъ», въ которыхъ всѣ члены делегаціи были возведены въ члены эс-эровскаго Ц. К. и торжественно подчеркивалось, что партія с.-р. «эта наиболѣе непримиримая противница большевиковъ, нынѣ раскаялась во всѣхъ своихъ былыхъ прегрѣшеніяхъ, и отказалась отъ лозунга Учредительнаго Собранія». О томъ же позорномъ концѣ партіи с.-р. и «охвостѣ» Учредительнаго Собранія на разныхъ концахъ Россіи, въ Омскѣ и Одессѣ, съ одинаковымъ чувствомъ удовлетворенія возвѣстили столь разные тогда еще люди и дѣятели, какъ Ю. В. Ключниковъ и А. В. Пѣшехоновъ. Въ телеграммѣ въ Лондонъ и Парижъ за № 94 отъ 23 ноября Ключниковъ оповѣщалъ, что «Комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія сталъ проявлять склонность къ ориентировкѣ въ сторону большевиковъ». Свергнутая же Директорія, «въ числѣ коей Авксентьевъ и Зензиновъ входятъ въ Центральный Комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ», не предпринимала нужныхъ мѣръ противодѣйствія. Основываясь на совѣтскомъ радіо и «полученныхъ непосредственно съ востока» свѣдѣніяхъ, и Пѣшехоновъ утверждалъ,

что переговоры съ совѣтской властью «были начаты президіумомъ Съѣзда членомъ Учредительнаго Собранія» и велись «отвѣтственными органами» партіи с.-р. *)).

Здѣсь все было невѣрно. Авксентьевъ и не входилъ въ эс-эровскій Ц. К., а Зензиновъ, вступивъ въ составъ Директоріи, вышелъ изъ партійнаго Ц. К. Съ роспускомъ КОМУЧА до переворота 18 ноября никакого «Комитета» членомъ Учредительнаго Собранія не существовало; тѣмъ менѣе могъ онъ ориентироваться въ сторону большевиковъ. Спеціальныи Комитетъ возникъ послѣ переворота въ Омскѣ. Его избралъ Съѣздъ для «ликвидациі заговора, наказанія виновныхъ и возстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи, освобожденной отъ большевиковъ», и состоялъ онъ изъ: Чернова, Вольскаго, Федоровича, Брушвита, Фомина, Алкина и Иванова. Иначе говоря, изъ 7-ми членнаго Комитета, одинъ только Вольскій «проявилъ склонность къ ориентировкѣ въ сторону большевиковъ». Наконецъ, «отвѣтственные органы» партіи, въ лицѣ московскаго и одесскаго Бюро эс-эровскаго Ц. К., формально отмежевались и рѣзко осудили са-

*) Во имя «великаго имени Учредительнаго Собранія» А. В. Пѣшехоновъ безпощадно клеймилъ — «учредиловцевъ» или, по другой терминологіи, «черновцевъ», мало чѣмъ отличавшихся, на взглядъ многихъ, отъ большевиковъ. «Тѣхъ же шей, да пожиге влей» — вотъ и вся, какъ я выразился когда-то, разница... Какъ же квалифицировать поведеніе «учредиловцевъ»? Не должны ли мы назвать его измѣной.. Измѣной тому дѣлу, которому они служили, тому знамени, подъ которымъ они собирали свои силы... Конечно, это — измѣна, самая подлинная измѣна, всѣ объективные признаки таковой на лицо. Однако и за всѣмъ тѣмъ я не считаю возможнымъ удовлетвориться этой квалификаціей... Ибо въ глубинѣ своей души они народолюбицію никогда не служили, этимъ знаменемъ они только прикрывались, — другихъ и, быть можетъ, себя имъ обманывали... «Что задумать, дѣлай скорѣй!» — сказала Христось Іудѣ... И «измѣну» учредиловецъ я встрѣтилъ съ чувствомъ своего рода душевнаго облегченія: наконецъ-то! Такъ же я отнесусь и ко всѣмъ другимъ «измѣнамъ», какія еще будутъ», — обѣщаль Пѣшехоновъ въ началѣ 19 г., еще не предвидя своей собственной измѣны.

Не ограничивая никакъ и ничѣмъ своихъ категорическихъ и необоснованныхъ сужденій, онъ пророчилъ: «Всѣ с.-р. будутъ обрызганы грязью, по которой «учредиловцы» шли до большевицкой Москвы, и всѣ они будутъ запятнаны кровью, которая будетъ пролита с.-р.-ами во славу совѣтской власти». — (См. двухнедѣльный журналъ «Грядущій День» № 1. — Мартъ 1919 г. Одесса).

мочинныя дѣйствія Вольскаго и Ко, считая, что они «не способствуютъ объединенію демократіи, а препятствуютъ ему» *). Выйдя изъ партіи, диссиденты образовали группу «Народъ».

Историческая Немезида отмстила одинаковымъ образомъ и Ключникову, и Пѣшехову, заставивъ ихъ самихъ продѣлать то самое, за что они съ такимъ граждански-патріотическимъ негодованіемъ и столь неосновательно клеймили другихъ. Смѣнивъ вѣхи — Ключниковъ быстрѣе, Пѣшеховъ болѣе замедленнымъ темпомъ, — оба они отправились въ большевицкую Каноссу замаливать свои былыя прегрѣшенія: Ключниковъ — у Колчака, Пѣшеховъ — у Деникина и въ демократической общественности.

Немезида отомстила высшей местию и тѣмъ, кто свою, личную и якобы сильную власть противопоставилъ народную и власти, избранной многоголовымъ и неустойчивымъ собраніемъ. Возстававшіе противъ власти Учредительнаго Собранія перваго созыва, почти на слѣдующій же день послѣ переворота вынуждены были начать завѣрять, что задача ихъ «заключается въ томъ, чтобы путемъ побѣды надъ большевиками дать странѣ извѣстное успокоеніе и получить возможность собрать Учредительное Собраніе, на которомъ была бы высказана воля народа» (отвѣтъ Колчака на запросъ уральцевъ, какія цѣли ставить себѣ верховный правитель? — См. «Допросъ», стр. 185).

Еще черезъ нѣсколько дней Учредительное Собраніе уже смѣняется Національнымъ, такъ какъ слово Учредительное «слишкомъ скомпрометтировано. Опытъ созыва Учредительнаго Собранія, собраннаго въ дни развала страны, далъ слишкомъ односторонній партійный составъ... Повтореніе такого опыта недопустимо. Вотъ почему я и

*) Еще 10 декабря 18 г Ц К партіи с-р предостерегала противъ «соглашательства» съ большевиками, какъ возможной реакціи противъ торжества адмиральской диктатуры Резолюція подчеркивала, что борьба противъ большевизма можетъ кончиться только тогда, когда его приверженцы добровольно капитулируютъ и согласятся сдать власть Учредительному Собранію Въ настоящій моментъ на это надеждъ нѣтъ и, потому, сейчасъ миръ съ большевиками означалъ бы отказъ отъ основныхъ началъ народоправства и руководящихъ принциповъ партіи (Напечатано во многихъ изданіяхъ, въ частности, въ екатеринбургской газетѣ «Горный Край», 25-I 1919 и въ ньюіорской «Struggling Russia» отъ 26-IV 1919)

говорю о созывѣ Национальнаго Собранія, гдѣ народъ, въ лицѣ своихъ полномочныхъ представителей, установитъ формы государственнаго правленія, соответствующія національнымъ интересамъ Россіи» (заявленіе Колчака представителямъ печати 28 ноября). Еще черезъ нѣкоторое время Национальное Собраніе сливается съ Учредительнымъ, и десятичленная Комиссія для разработки вопроса о выборахъ «всероссійскаго представительнаго собранія учредительнаго характера» (подъ предѣдательствомъ Бѣлоруссова) мирно уживается рядомъ съ недвусмысленными угрозами колчаковскихъ генераловъ: «Пусть доберется до Москвы; мы имъ покажемъ тогда Учредительное Собраніе!» (у Кроля «За три года», стр. 167).

И на югѣ ген. Деникинъ «твердо стоялъ» на томъ, что никто не въ правѣ предрѣшать ни будущей формы правленія, ни даже того, — «будетъ ли собрано Учредительное или Национальное Собраніе, или Земскій Соборъ, или, наконецъ, можетъ быть, воля народа выльется въ такой формѣ, которую мы теперь и не предвидимъ» (см. Изъ воспоминаній ген. А. С. Лукомскаго т. VI «Архива Русской Революціи», стр. 141). Впрочемъ, и Деникинъ не слишкомъ долго защищалъ свой агностицизмъ и предѣльное непредрѣшенство. Въ составленной и подписанной Деникинымъ, «въ значительной степени по настоянію представителей союзнаго командованія», политической программѣ Добровольческой арміи цѣлью ея борьбы ставилось — «довести Россію до Национальнаго Собранія» (Тамъ же. — Ср. также Г. Покровский: «Деникинщина» — Берлинъ, 1923. Стр. 269)

Однако адмиралу Колчаку пришлось снова столкнуться съ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія перваго состава, — исходившимъ на этотъ разъ отъ Верховнаго Совѣта союзниковъ въ Парижѣ.

За подписью Клемансо, Ллойдъ Джорджа, Орlando и Сайонжи была послана 26 мая 19 г нота, въ которой, среди условій, на которыхъ союзныя и присоединившіяся къ нимъ державы соглашались продолжить помощь, оказываемую Колчаку, значилось на первомъ мѣстѣ: «Какъ только адм. Колчакъ достигнетъ Москвы, онъ тотчасъ же созоветъ Учредительное Собраніе, избранное свободнымъ, закрытымъ и демократическимъ голосованіемъ, въ качествѣ высшей законодательной власти для Россіи, передъ которой должно быть отвѣтственно правительство Рос-

сін. Если же къ тому времени порядокъ не будетъ въ достаточной мѣрѣ восстановленъ, адм. Колчакъ созоветъ Учредительное Собрание, избранное въ 1917 г., чтобы оно засѣдало, пока не стануть возможнымъ новые выборы» (см. Winston S. Churchill. С. Н. М. Р. — «The World Crisis. The Aftermath». — P. 181).

Отъ себя Черчилль телеграфировалъ 28 мая дополнительно ген. Ноксу, предлагая ему употребить все его влияние къ тому, чтобы побудить адм. Колчака «подчеркнуть полностью широкія основанія для выборовъ въ Учредительное Собрание и установленія демократической свободы, которая декретируетъ будущее правительство Россіи» (тамъ же, стр. 246). Колчакъ внялъ дружественному совѣту, щедро наобѣщавъ и созывъ Учредительнаго Собрания, и готовность «не удержать власти ни на одинъ день больше того, что потребуютъ интересы страны», и т. д.*). Но своему отношенію къ Учредительному Собранію 17 г., «выбранному при насильственномъ режимѣ большевиковъ, и большинство (?) членовъ котораго въ настоящее время дѣйствительно находятся въ ихъ рядахъ», Колчакъ остался вѣренъ до конца.

Формально къ идеѣ новаго Учредительнаго Собранія вынуждены были, въ концѣ концовъ, апеллировать всѣ русскіе генералы и адмиралы, принявшіе на себя «всю полноту власти» — въ Омскѣ, Архангельскѣ, Екатеринодарѣ, Крыму, Псковѣ. Подлинное же ихъ отношеніе къ Собранію, воля котораго не совпала бы съ волей того или иного диктатора-побѣдителя, легко предугадать по общей ихъ политической линіи — подавленія гражданскихъ свободъ и самодѣтельности населенія.

М. В. Вишнякъ.

*) Двама мѣсяцами позже адм Колчакъ выпустилъ уже совершенно «демагогическое» воззваніе, — какъ его характеризуютъ не то члены возглавляемой Бѣлоруссовымъ Комиссіи по подготовкѣ «всероссійскаго представительнаго собранія учредительнаго характера», не то самъ Мельгуновъ (см. его т. III, ч. 1, стр. 305). Въ этомъ воззваніи говорилось, что, «уничтоживъ самодержавіе большевиковъ-комиссаровъ, вы, крестьяне и солдаты, тотчасъ же начнете выборы въ Учредительное Собрание. Я вамъ обѣщаю это передъ лицомъ всей Россіи и цѣлаго свѣта».

Реваншъ потребителя

I.

Миръ потрясается гигантскимъ экономическимъ кризисомъ. Есть ли это кризисъ «въ предѣлахъ экономическаго строя капитализма», или кризисъ самого этого строя? Этотъ вопросъ осложняется той огромной и не безъ умысла увеличиваемой съ извѣстныхъ сторонъ путаницей понятій, которая царитъ въ опредѣленіяхъ этого «существующаго строя». Я уже не говорю о томъ «трюкѣ», который заключается въ отождествленіи капитализма съ гражданской свободой и демократіей. Но и въ отождествленіи современнаго «капиталистическаго» или «буржуазнаго строя» съ принципами экономическаго либерализма, «свободной инициативы и свободы конкуренціи» заключается огромное недоразумѣніе. Противопоставленіе «капиталистической анархіи» будущему организованному хозяйству социализма, — причемъ либеральное манчестерство разсматривалось какъ идеологія, соотвѣтствовавшая интересамъ буржуазіи въ данный историческій моментъ, — эта условная схема марксизма приняла теперь совсѣмъ иной смыслъ. Представители извѣстныхъ интересовъ, весьма далекіе отъ какого бы то ни было свободолюбія, ссылаются на «свободную инициативу», какъ на принципъ «хозяйства», во имя котораго требуется отказъ отъ социальныхъ институтовъ, предназначенныхъ для охраны минимума человѣческаго существованія. Въ тоже время кризисъ изображается, какъ «кризисъ системы экономической свободы», лишенной «волевыхъ центровъ», со стороны тѣхъ, кто претендуетъ на роль такого диктаторскаго «волевого» и «плановаго центра».

Въ дѣйствительности, идеи манчестерскаго либерализма не потерпѣли и не могли потерпѣть никакой «неудачи». Ибо эти идеи никогда не были осуществлены.

Нужно ничего не знать о подлинной манчестерской доктринѣ, нужно не прочитать ни одной строчки Кобдена,

Брайта или Дж. Стюарта Милля, чтобы представлять себѣ это ученіе, какъ какое то возвеличеніе «борьбы всѣхъ противъ всѣхъ», какую то «ставку на сильныхъ». Это доктрина экономического пацифизма; ея основной принципъ заключается въ устраненіи насилія и монополіи изъ экономическихъ отношеній. Въ частности, теорія экономического либерализма никогда не имѣла въ глазахъ ея творцовъ никакого смысла внѣ полной международной свободы торговли и полного устраненія экономического націонализма въ какой бы то ни было формѣ. При этихъ условіяхъ, въ такой «свободной игрѣ» силъ эта теорія дѣйствительно рассчитывала достигнуть наилучшимъ образомъ единственную цѣль всякаго хозяйства, — наилучшее обезпеченіе потребностей людей: вся экономика для потребителя, какъ вся политика для обезпеченія свободы личности.

Если бы идеоліогія этого подлиннаго экономического либерализма встали сейчасъ изъ гроба, имъ менѣе всего пришлось бы смущенно признавать посрамленіе ихъ ученія. Они явились бы въ роли грозныхъ обличителей: «вотъ до чего вы довели, нарушивъ наши завѣты!»

«Анархическій» режимъ свободной конкуренціи, — мифъ. Его никогда не было и нѣтъ. Была и есть анархія, создаваемая дѣятельностью центровъ «волевого» насилія и «плановой» расправы съ потребителемъ.

II.

За одинъ XIX вѣкъ населеніе земного шара удвоилось, т. е. выросло настолько же, насколько за всѣ предшествовавшіе полмилліона лѣтъ существованія человѣческаго рода: число людей бѣлой расы утроилось. Непосредственная причина этого роста заключалась въ побѣдахъ науки надъ смертію; но возможность существованія новыхъ гигантскихъ массъ населенія была создана быстрымъ «экстенсивнымъ» овладѣніемъ ресурсами планеты, при которомъ ростъ населенія, искавшаго выходовъ, и научная техника производства и транспорта, ускорявшая освоеніе человѣчествомъ этихъ ресурсовъ и облегчавшая ихъ использование, подгоняли другъ друга и помогали другъ

другу. Рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ окончанія, — по крайней мѣрѣ «вчернѣ», — этой въ широкомъ смыслѣ колонизаціонной работы, создавшей міровое хозяйство; и тогда должна была стать проблема упорядоченія этого хозяйства, наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія человѣческихъ силъ и матеріальныхъ ресурсовъ (равно какъ и вопросъ о необходимости ограничить дальнѣйшее безудержное умноженіе человѣческаго рода). Но для этого прежде всего необходимо устраненіе преградъ, подрывающихъ самое возмозможность функционированія мірового хозяйства.

Дикая нелѣпость настоящаго кризиса: разореніе отъ изобилія, ростъ нужды вслѣдствіе того, что человѣчскій геній непрерывно открываетъ способы все болѣе полного и болѣе легкаго удовлетворенія потребностей людей, позорныя предложенія «подморозить науку, чтобы не жила» за то, что она изливаетъ на человѣчество все новыя богатства, — все это объясняется прежде всего однимъ фактомъ, необычайно простымъ и общеизвѣстнымъ и который, если въ него вдуматься, кажется произведеніемъ горячечнаго бреда. Хозяйствомъ, основаннымъ на техникѣ, уничтожающей разстояніе, — хозяйствомъ, дѣлающимъ доступными богатства земного шара жителямъ всѣхъ его частей, — хозяйствомъ, которое только и мыслимо, какъ міровое, пока оно еще не распространилось и на сосѣднія планеты, этимъ хозяйствомъ хотять «командовать», его хотять «планировать» и «направлять» въ предѣлахъ какихъ то политическихъ границъ! Мало того: все болѣе усиливается тенденція загнать это хозяйство человѣка-властина земли въ курятники государственнаго «самодовлѣнія»!

Именно въ этомъ заключалось наиболѣе роковое дѣйствіе міровой войны въ экономическомъ отношеніи. Попытка современной культуры взорвать самое себя при помощи своей же техники не увѣчалась успѣхомъ; та же техника, развитіе которой было еще ускорено войною, легко исправила непосредственныя военныя разрушенія. Потрясеніе аппарата міровой торговли и кредита и само по себѣ было труднѣ поправимо, — но еще несравненно болѣе пагубнымъ было крайнее усиленіе, въ результатѣ войны, экономическаго націонализма. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ этомъ смыслѣ человѣчество до сего дня живетъ въ состояніи войны. Правда, и здѣсь не-

возможно простое возвращеніе къ прежнему состоянію «неорганизованнаго», ничѣмъ не гарантированнаго мира. И здѣсь установленіе подлиннаго мира возможно лишь на началахъ «организованной безопасности и разоруженія».

Особаго рода военная индустриализація, приводившая къ масовому возникновенію предпріятій, рассчитанныхъ на тотъ рынокъ и тѣ цѣны, которые создавались нуждами военного снабженія и финансовой вакханаліей военного времени или полнымъ перерывомъ импорта; «расцвѣтъ земледѣлія», созданный блокадой и государственными субсидіями и вызвавшій одно время наивныя «зеленые» мечтанія о «реваншѣ деревни» надъ городомъ, — все это не могло не кончиться чудовищнымъ крахомъ при восстановленіи нормальной международной торговли и сколько нибудь благоразумнаго финансоваго хозяйства. Этотъ крахъ старались предупредить или ослабить, сохраняя нерѣдко на долгіе годы послѣ войны стѣнны монопольно-разрѣшительныхъ системъ виѣшней торговли или произвольнаго «контингентированія» импорта, — и замѣняя ихъ затѣмъ крайнимъ напряженіемъ таможеннаго протекціонизма. Благо военное время создало еще и ту психологію, при которой государство считается только съ интересами «производства» и «производителей» и «общенациональная» политика заключается въ попыткахъ достигнуть компромисса между интересами различныхъ группъ этихъ «производителей», какъ таковыхъ. Интересъ потребителя исчезъ съ горизонта. Представленіе о наилучшемъ и наиболѣе дешевомъ удовлетвореніи потребностей людей, какъ о цѣли всей хозяйственной дѣятельности, прочно замѣнилось представленіемъ о населеніи, которое должно «нести жертвы» для «національныхъ» интересовъ и которое, ради этихъ интересовъ, слѣдуетъ посадить на скупое-отмѣренный «паекъ».

А тутъ еще «валютныя болѣзни», которыя продѣлывало одно государство за другимъ въ качествѣ завершенія военнаго финансоваго хозяйства. При инфляціи экспортъ даннаго государства обращается въ демпингъ, вызывающій соответствующія контръ-мѣры. Съ другой стороны, инфляція, представлявшая собою конфискацію сбереженій среднихъ классовъ въ пользу обладателей «вещныхъ цѣнностей», — землевладѣльцевъ и промышленниковъ, и дававшая возможность этимъ послѣднимъ работать съ ис-

куственно-пониженнымъ оборотнымъ капиталомъ, приводила къ накопленію новыхъ вещныхъ цѣнностей, къ дальнѣйшему «строительству», которое, при возстановленіи твердой валюты и нормальной торговли, не могло себя оправдать и требовало новыхъ усиленныхъ охранительныхъ мѣръ.

Эта тенденція усиливалась вслѣдствіе закрытія тѣхъ автоматическихъ выходовъ для прироста населенія, которые заключались въ колонизаціонныхъ движеніяхъ и въ простомъ «экстенсивномъ» развитіи промышленности. Американскій промышленный капитализмъ получилъ свое могучее развитіе на почвѣ комбинаціи монопольнаго (при помощи суроваго обложенія европейскихъ товаровъ) владычества надъ рынкомъ, который создавался колонизаціоннымъ движеніемъ американскаго населенія на западъ, — и свободнаго использованія потока рабочихъ рукъ, вливавшагося съ атлантической стороны. Но съ прекращеніемъ той «преміи на наемный трудъ», которую создавала возможность для рабочаго уйти на западъ и превратиться въ колониста, американскій рабочій, въ свою очередь, по примѣру своего предпринимателя, требовалъ охраны отъ «низкопробной конкуренціи» въ лицѣ иммиграціи. Націонализмъ, развившійся въ связи съ войною, содѣйствовалъ осуществленію этого требованія; такъ закрылся главный выходъ для излишковъ европейскаго населенія. Между тѣмъ, дальнѣйшее развитіе и сельскаго хозяйства и промышленности идетъ все менѣ за счетъ простаго умноженія производственныхъ процессовъ, все болѣе за счетъ увеличенія производительности труда, уменьшающаго потребность въ рабочихъ рукахъ; особенную роль въ этомъ отношеніи играетъ технизація сельскаго хозяйства, необычайно усилившая давнишній процессъ «бѣгства изъ деревни».

Единственной страной, избавленной въ послѣ-военный періодъ отъ перманентной безработицы и способной принимать въ крупныхъ количествахъ иностранную рабочую силу, оказалась Франція, гдѣ самый ростъ населенія остановился задолго до войны. Въ другихъ, и то лишь въ наиболѣе культурныхъ странахъ, прекращеніе прироста населенія путемъ паденія рождаемости «грозитъ» наступить лишь въ настоящее время. — въ третьихъ лишь въ болѣе или менѣ отдаленномъ будущемъ.

Такимъ образомъ, наблюдающійся почти повсюду по-

стоянный значительный излишек предложенія рабочихъ рукъ имѣеть и свои самостоятельныя причины, дѣйствующія и при нормальной работѣ промышленности. Идя по линіи наименьшаго сопротивленія, правительства, помимо пособій безработнымъ, принимаютъ мѣры охраны «національнаго труда»: закрытіе рынка труда для иностранцевъ и повышеніе таможенной охраны отраслей промышленности, въ которыхъ замѣчается значительная безработица. И, такимъ образомъ, безработица содѣйствуетъ тому удешевленію міровой торговли, которое, въ конечномъ счетѣ, можетъ только усилить эту безработицу, придавая ей уже катастрофическій характеръ.

Въ 1927 г. появилось извѣстное воззваніе англійскихъ банкировъ, — едва ли не единственное разумное слово изъ всего, что было сказано «хозяйственниками» за все послѣвоенное время. Банкиры обращали вниманіе на непрерывный ростъ европейскихъ таможенныхъ преградъ для торговли въ Европѣ, на скачку тарифовъ, превращающихся изъ охранительныхъ въ запретительные. Это состояніе хронической таможенной войны, предсказывали банкиры, только и можетъ повести къ еще невиданной силе общему кризису.

Созывались экономическія конференціи: одна за другой. Въ 1927 г. было заключено жевевское соглашеніе объ отмінѣ, по крайней мѣрѣ, прямыхъ запрещеній ввоза и вывоза; въ 1930 г., въ виду отсутствія ратификаціи со стороны одного изъ участниковъ, — Польши, — это соглашеніе потеряло силу, даже и для нѣсколькихъ странъ, которыя временно уже ввели его въ дѣйствіе. Въ томъ же году собралась конференція о «таможенномъ мирѣ»; она заключила «таможенное перемиріе» на одинъ годъ, послѣ истеченія котораго перемирія не удалось возобновить. Работы «панъевропейской» коммисіи спутались съ вопросомъ объ австро-германскомъ таможенномъ союзѣ. Въ результатѣ, ни австро-германское «приглашеніе» всѣхъ желающихъ въ полный таможенный союзъ, ни контръ-проектъ Франціи о «групповыхъ» соглашеніяхъ между аграрными и промышленными странами Европы не привели къ практическимъ результатамъ. Если принять еще во вниманіе умноженіе таможенныхъ границъ въ Европѣ, — важное не столько само по себѣ, сколько въ виду того, что молодой государства были встрѣчены экономической политикой сосѣдей въ штыки и сами немедленно привялись

вести свою собственную, «национальную» политику, обрашающуюся при бѣдности ресурсовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ въ совершенную каррикатуру, — если принять во вниманіе еще неслыханный апогей промышленнаго протекціонизма, достигнутый въ послѣднемъ тарифѣ Соед. Штатовъ, и, наконецъ, самоблокаду СССР, — то нетрудно понять, почему размѣры международной торговли остаются почти на треть меньше до-военныхъ. Нетрудно понять и то, почему новые громадные успѣхи производства, въ особенности въ сферѣ основного производства продовольствія и сырья, — умноженіе и удешевленіе самой «субстанции» хозяйства и средствъ поддержанія жизни, — оказались какой-то напастью, — почему рекордный мировой урожай хлѣба въ 1928 г. понизилъ «покупательную силу» и открылъ періодъ остраго кризиса.

Въ Канадѣ и Аргентинѣ жгутъ хлѣбъ, топятъ зерномъ паровозы, въ Бразиліи выбрасываютъ кофе въ море, въ южныхъ штатахъ Америки организуютъ «закрытіе» хлопковыхъ плантацій. А въ Германіи повышается цѣна смерти отъ недоѣданія, а повсюду въ Европѣ толпятся оборванные безработные... Эти картины безъ конца варьируются, сопровождаемыя столь много разъясняющими фразами, какъ «несоотвѣтствіе между производствомъ и покупательной силой», «обогащеніе земли и обѣдненіе челоуѣка» или «абсурдъ капиталистическаго строя», за которыми слѣдуетъ та или иная «общая» фразеология въ соотвѣтствіи съ «міроощущеніемъ» даннаго автора. И при этомъ, — иногда умышленно, иногда въ силу простодушнаго незнанія, — затушевывается простой фактъ, заключающійся въ томъ, что эти явленія суть результаты чисто-искусственныхъ преградъ международной торговли, — что безобразная экономическая анархія вызывается совѣмъ не отсутствіемъ, а, наоборотъ, усиленной дѣятельностью національныхъ «волевыхъ центровъ», — что «покупательной силы» не хватаетъ, потому что ее искусственно понижаютъ.

Дешевизна хлѣба на мировомъ рынкѣ никакъ не можетъ облегчить бѣдственнаго положенія германскаго селенія по той простой причинѣ, что ввозъ иностраннаго хлѣба обложенъ огромной пошлиной, а, теперь и вовсе закрытъ запрещеніемъ приобретать для этой цѣли иностранную валюту, — съ цѣлью охраненія, въ «национальныхъ» интересахъ, крупнаго земледѣлія восточно-герман-

скихъ юнкеровъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на отчаянный недостатокъ денежныхъ средствъ въ странѣ, несмотря на мѣры, принимаемыя правительствомъ для общаго сниженія цѣнъ, цѣна хлѣба въ Германіи остается втрое выше чѣмъ на мировомъ рынкѣ, — и въ этомъ заключается одна изъ существенныхъ причинъ слабости общей «покупательной силы» у германскаго городского населенія. Съ другой стороны, сниженіе цѣнъ с.-х. продуктовъ, недостаточное для того, чтобы компенсировать городского рабочаго за уменьшеніе заработной платы, вполне достаточно, чтобы раззорить нѣмецкаго крестьянина и загнать его въ объятія Гитлера, такъ какъ эти цѣны понизились все же болѣе значительно, чѣмъ цѣны промышленныхъ товаровъ, охраняемыя могущественными картелями промышленниковъ, окопавшимися опять-таки подъ защитой свирѣпыхъ протекціонныхъ пошлинъ. Между тѣмъ, по мнѣнію компетентныхъ наблюдателей, начавшееся въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи развитіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ извѣстныхъ «высокихъ» формъ животноводства могло бы открыть этому хозяйству неплохія перспективы; но чтобы ольденбургскій крестьянинъ могъ съ выгодой для себя откармливать «спеціальныхъ» пѣтуховъ, ему нужна прежде всего дешевое зерно.

Съ другой стороны, производство хлѣбовъ въ С. Ш., Канадѣ и Аргентинѣ составило въ 1928 г. 501.000 квинталовъ, потребленіе въ тѣхъ же странахъ — 185.000 кв. При томъ благодаря механизации производительность земледѣльческаго труда въ Канадѣ и во многихъ районахъ С. Ш. въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ Европѣ. На женеvской экон. конференціи представители данныхъ заокеанскихъ странъ «предлагали» взять на себя все снабженіе хлѣбомъ Европы, для которой было бы «выгодно» вовсе отказаться отъ собственнаго хлѣбопашества!.. Остается только американцамъ примѣнить то же разсужденіе ко всѣмъ тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя работаютъ въ Европѣ дешевле, чѣмъ въ Америкѣ! Ибо американскій фермеръ никакъ не можетъ сбыть свой хлѣбъ за океанъ, вмѣсто того, чтобы сжигать его, поскольку запретительныя пошлины американскаго тарифа дѣлають невозможнымъ соответствующій ввозъ иностранныхъ товаровъ. Неудивительно, что послѣ огромнаго повышенія тарифа, произведеннаго на радостяхъ отъ промышленнаго «благосостоянія», фермеръ раззорился отъ собственнаго

хорошаго урожая и паденіе его «покупательной силы» положило конецъ самому этому «благосостоянію».

Если не идти по пути къ обращенію земного шара въ единое хозяйственное цѣлое, — по тому пути, на которомъ побѣды техники могутъ обезпечить человѣчеству болѣе достойное существованіе, — то должно наступить такое торжество «національныхъ» началъ въ хозяйствѣ, при которомъ тѣ же техническія достиженія могутъ только прямо раззорять населеніе.

Экономическая «самостоятельность», которой добивается экономической націонализмъ, нормально сводится, на дѣлѣ, къ замѣнѣ одной формы международной экономической зависимости другой, къ замѣнѣ необходимости импорта извѣстныхъ иностранныхъ товаровъ задолженностью передъ иностраннымъ капиталомъ, который пришлось мобилизовать для промышленнаго строительства. И наоборотъ: экономической націонализмъ, ставя искусственный преграды развитію текущаго мірового торгово-промышленнаго оборота, искусственно загоняетъ капиталъ въ международныя кредитныя операціи и въ «строительство» всякаго рода. Въ концѣ концовъ, получается, вмѣсто конкуренціи товаровъ на открытомъ рынкѣ, конкуренціи промышленнаго строительства въ разныхъ государствахъ, связанная съ ростомъ международной задолженности этихъ государствъ, т. е. съ необходимостью экспорта, «завоеванія» тѣхъ рынковъ, которые тѣ же государства, подъ давленіемъ интересовъ той же промышленности, стремятся запереть другъ отъ друга. Эта тенденція, наконецъ, привела къ полному абсурду, закончившись совершенно сумасшедшимъ припадкомъ кредитно-«строительнаго» авантюризма, послѣдствія котораго и придали міровому кризису катастрофической оборотъ.

Положеніе Америки, какъ всеобщаго кредитора, который самъ же отказывается принять реальный платежъ, т. е. соответствующій импортъ, привело къ тому, что американскій капиталъ почти что навязывался Европѣ Должникъ должниковъ Америки, — Германія, — платила этимъ способомъ репараціи, а чтобы платить проценты по все увеличивавшейся задолженности, развивала свои «производительныя силы» за счетъ еще новыхъ кредитовъ и, въ свою очередь, усиленно запирала себя въ таможенную крѣпость. Въ результатѣ «строительства» дѣйствительно создавало рынокъ для всѣхъ отраслей германской про-

мышлености, которая вся приступила къ увеличенію своего аппарата, — и германское народное хозяйство обратилось въ насосъ, притягивавшій все новый капиталъ извнѣ. Это не могло, конечно, продолжаться до безконечности. И какъ только оборвался притокъ иностраннаго капитала, то Германія оказалась совершенно неплатежеспособной, будучи обладательницей новаго гигантскаго производственнаго аппарата, для котораго вовсе нѣтъ рынка. Правда, германскій торговый балансъ отчаянно «активизируется» путемъ сокращенія импорта за счетъ уменьшенія потребленія нѣмецкаго населенія. Но германское банкротство было банкротствомъ международнаго капитала, помѣщеннаго въ Германіи, и ударъ передался дальше по проволочкѣ международнаго кредитной системы. Крушеніе фунта и ряда другихъ валютъ, вызванный этимъ крушеніемъ новый отчаянный ростъ протекционизма, «валютные уставы», введенные въ рядѣ странъ, контингентированіе ввоза, къ которому возвращаются другіе, — все это привело къ такому положенію, когда, вмѣсто наступательнаго похода Германіи на міровой рынокъ, ей грозитъ, по разсчету финансоваго обозрѣвателя «Берл. Таг.», потеря 70% ея нынѣшняго экспорта. Что же дальше?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Гитлеръ. Необходима чисто-національная система хозяйства. Полное экономическое самодовлѣніе Германіи! По возможности прекратить и ввозъ и вывозъ. Нѣтъ внѣшней торговли, — нѣтъ и зависимости отъ иностранцевъ и не нужно платить долги.

Это расистское требованіе аутаркіи лишь по видимости противоположно «экспортному гипнозу» (по выраженію проф. Оппенгеймера) тѣхъ «вождей» тяжелой промышленности, которые являются финансовыми мегенатами того же Гитлера. Въ дѣйствительности, расисты подъ своимъ «національнымъ хозяйствомъ» понимаютъ нѣчто близкое и къ идеалу рурскихъ магнатовъ. Это — сталинская пятилѣтка. Какъ отмѣчаетъ «Франкфуртеръ Цайтунгъ», рѣшительнымъ, побѣдоноснымъ аргументомъ со стороны расистовъ является указаніе, что «въ Россіи это удается». Дѣйствительно, сталинизмъ является истиннымъ «предѣльнымъ понятіемъ» экономическаго націонализма. Здѣсь развитіе производства происходитъ прямо за счетъ ухудшенія снабженія населенія, направляясь по волѣ диктаторскихъ «руководителей хозяйства» къ «національной»

цѣли, т. е. къ подготовкѣ войны, которая въ «системѣ» Сталина предполагается неизбежной въ виду роли СССР, какъ очага «мировой революціи», а въ системѣ Гитлера и лейбъ-философа расистовъ и рурскихъ магнатовъ Шпенглера разсматривается какъ истинная «миссія государства» вообще.

Нужно выбирать между этой перспективой и организованнымъ возстановленіемъ мирового хозяйства. И время не терпитъ. Ибо закрылась послѣдняя отдушнина, заперся тотъ свободный англійскій рынокъ, который игралъ роль нѣкотораго корректива къ свирѣпствовавшему вокругъ экономическому націонализму. Это положеніе сдѣлало Англію объектомъ всеобщаго демпинга, тогда какъ протекціонизмъ другихъ государствъ направлялся въ первую очередь противъ ея товаровъ. И все же англійскій народъ упорно держался той свободы торговли, которая, несмотря ни на что, обезпечивала ему исключительно-высокій жизненный уровень. Но послѣ войны положеніе осложнилось тѣмъ, что возстановленіе валюты было произведено въ Англии, въ противоположность континенту, въ соответствии съ интересами финансоваго, а не промышленнаго капитала. Дорожа своей ролью, какъ финансоваго центра, Англія возстановленіемъ довоенной цѣнности фунта увеличила задолженность своей промышленности, тогда какъ конкуренты этой послѣдней въ большей или меньшей степени освободились отъ своихъ старыхъ долговъ. И тотъ финансовый капиталъ, который выгадалъ на этомъ положеніи, сталъ лихорадочно искать иностранныхъ инвестиций и направлять туда же иностранные капиталы, попадавшіе въ его распоряженіе въ силу общаго финансоваго довѣрія къ Англии и ея банкамъ. Такимъ образомъ англійская промышленность оказалась вдвойнѣ обезкровленной и лишенной средствъ для техническаго прогресса, въ соответствии съ перевооруженіемъ ея конкурентовъ. Между тѣмъ какъ свои и иностранные публицисты корили англійскій народъ за «роскошество и лѣность», объясняли хроническую двухмилліонную безработицу слишкомъ высокой заработной платой, слишкомъ большими пособиями безработнымъ, слишкомъ большими «соціальными расходами», — въ это время англійскіе банки находили средства для участія въ сумасбродномъ «строительствѣ» въ Германіи. Тѣ, кто догадывались объ истинномъ положеніи вещей, предрекали Англии судьбу какого-то «древня-

го Рима»: государство должно будет давать «хлѣбъ и зрѣлища» безработному народу за счетъ доходовъ, получаемыхъ английскими капиталистами съ иностранныхъ должниковъ Это «римское» развитие вскорѣ оборвалось, такъ какъ должники обанкротились Сити выдержало первый, непосредственный ударъ германскаго краха, но не выдержало второго реализационныхъ тенденцій американскихъ и голландскихъ банковъ, также пострадавшихъ на «замороженныхъ» въ Германіи кредитахъ. Тогда рухнула гордая английская валюта, и Англія приступила къ промышленной самооборонѣ.

Новый тяжелый ударъ обрушился на мировую торговлю, кризисъ страшно разгоняется, захвативъ и Францію, представлявшую собою до сихъ поръ послѣдній относительный «оазисъ» нормальнаго хозяйства Можетъ ли этотъ апогей кризиса стать источникомъ его излѣченія? Это возможно въ томъ случаѣ, если ужасающія послѣдствія крайняго напряженія экономическаго націонализма дадутъ толчокъ къ его общему ослабленію Безсмысленное зторадство континентальной печати по поводу положенія Англіи смѣнилось затѣмъ «протестами» и требованиями репрессалій, толками о специальныхъ соглашеніяхъ съ Англіей, трудно осуществимыхъ въ виду существующихъ между большимъ числомъ государствъ договоровъ о «наибольшемъ благопріятствованіи» Наконецъ, послышались кое-какіе робкіе голоса о необходимости подумать, нельзя ли вообще понизить тарифы? Съ другой стороны, Англія, самое прокормленіе которой всецѣло зависитъ отъ импорта, не можетъ и думать о какой либо «аутаркической» тенденціи Англійскій протекціонизмъ вообще имѣетъ какой-либо смыслъ лишь поскольку онъ самъ разсматривается какъ средство для расширенія внѣшней торговли Одна школа въ Англіи надѣется достичь таможеннаго союза съ доминионами, другая разсматриваетъ англійскія пошлины, какъ нѣкоторую «войну войнѣ», какъ средство заставить другія государства пойти на пониженіе своего протекціонизма; многіе надѣются комбинировать оба цѣти

Какъ бы то ни было, необходимость общаго ограниченія экономическаго націонализма стала сейчасъ вопросомъ жизни и смерти Слишкомъ долгіи и печальный опытъ показали, однако, невозможность полагаться на добрую волю отдѣльныхъ государствъ и ихъ соглашенія Необходи-

мы гарантии «безопасности» международной торговли Эти гарантии можетъ дать только постоянная международная организация.

III.

По теории Маркса, кризисы «перепроизводства» являются результатомъ разрыва между производствомъ и покупательной силой общества, — разрыва, который создается капиталистическимъ строемъ, такъ какъ доходъ, получаемый рабочей массой не соответствуетъ продукту ея труда. Прогрессъ техники приводитъ къ удешевлению производства, но онъ-же приводитъ къ вытѣсненію чело-вѣческаго труда машиной, вслѣдствие чего опять-таки создается разрывъ между продукціей и покупательной силой, создающейся въ процессѣ этой продукціи

Современный кризисъ, разыгравшійся въ обстановкѣ громадныхъ успѣховъ техники, заставилъ вспомнить объ этой теоріи и породилъ новыя теоріи того же типа Слѣдуетъ отмѣтить теорію Кольберна, лишенную классоваго острія, но также исходящую изъ несоответствія между «продукціей» и «покупательной силой» Вся вообще покупательная сила, распредѣляемая промышленностью за извѣстный срокъ въ видѣ заработной платы и прибыли, всегда гораздо ниже цѣнности той продукціи, которая создается за тотъ же срокъ По мнѣнію Кольберна нужно организовать не производство, а потребление, путемъ такой денежной эмиссии, которая покрывала бы эту разницу Слабость этой теоріи заключается въ томъ, что вся продукція, изготовленная за извѣстный срокъ, вовсе не подлежитъ потребленію за такой же срокъ Кромѣ продуктовъ, непосредственно потребляемыхъ, и изготовления новыхъ средствъ производства, соответствующихъ изнашиванію старыхъ, происходитъ увеличеніе общаго производственнаго аппарата Поэтому, вся стоимость этой продукціи вовсе не выражается въ цѣнѣ предлагаемыхъ на рынокъ товаровъ, предназначенныхъ для потребленія И эмиссія, рекомендуемая Кольберномъ, привела бы не къ кажущейся, а къ дѣйствительной инфляціи

И вообще объясненіе кризиса несоответствіемъ между продукціей и «покупательной силой» наталкивается на возраженіе, давно уже представленное Туганъ-Барановскимъ противъ теоріи Маркса Общій размѣръ платеже-

способнаго спроса, имѣющагося на рынкѣ, опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ размѣромъ предложенія товаровъ на томъ же рынкѣ, такъ какъ всякой продажѣ соотвѣтствуетъ какая нибудь покупка, какъ бы ни измѣнялся характеръ товаровъ, требуемыхъ «въ отвѣтъ» на данный товаръ, въ зависимости отъ способа производства и распределенія доходовъ. Если физическій трудъ вытѣсняется машинами, то соотвѣтственно падаетъ платежеспособный спросъ на предметы «широкаго потребленія», нужные для рабочихъ, но зато увеличивается спросъ на машины, ихъ части и т. п. По мнѣнiю Туганъ-Барановскаго кризисы объясняются только «неприлаженностью» отдѣльныхъ отраслей производства и, слѣдовательно, предложенія разныхъ видовъ товаровъ другъ къ другу.

Какъ бы то ни было, въ прежнія времена «анархическій» рынокъ обладалъ свойствомъ автоматическаго самовозстановленія, — путемъ какъ перераспределенія продукции между разными отраслями производства, такъ и удешевленія цѣны, соотвѣтствующаго прогрессу техники. Когда-то голодные массы людей, которыхъ машина лишила заработка, шли разбивать эти «чудовища». Теперь промышленные дѣятели-капиталисты требуютъ удушенія «раззорительной» науки, поддерживаемые «философами» вродѣ Шпенглера. Но, вѣдь усовершенствованныя машины вводятся не «ради науки», а потому, что онѣ выгодны, т. е. удешевляютъ производство. Правда, лишь постольку, поскольку онѣ работаютъ съ «полной нагрузкой», т. е. если можетъ быть сбыто все количество продукции, которое данная машина способна изготовить. Но для того, чтобы найти дополнительную «покупательную силу», необходимую для такого расширенія сбыта, въ отношенiи громаднаго большинства товаровъ стоитъ только понизить цѣны, т. е. сдѣлать именно то, что вытекаетъ изъ удешевленія производства на единицу товара. Правда, этотъ процессъ приспособленія можетъ быть весьма болѣзненнымъ .. для промышленниковъ, «свободная инициатива» которыхъ и заключается въ томъ, что они берутъ на себя рискъ раззоренія на такихъ «приспособленiяхъ». Зато этотъ «болѣзненный» процессъ носить въ высокой степени прiятный и выгодный характеръ для потребителей — и именно этимъ путемъ человечество, въ конечномъ результатѣ, пользуется плодами своихъ побѣдъ надъ природой.

Вопросъ о «технологической безработицѣ» рѣшался въ прежнія времена такимъ образомъ, что увеличеніе потребленія приводило къ такому росту производства, вслѣдствіе котораго общая потребность въ рабочей силѣ увеличивалась, несмотря на увеличеніе производительности труда. Весьма возможно, что этого болѣе нельзя ожидать и что придется «примириться» съ тѣмъ фактомъ, что, — о, ужась, — общество будетъ нуждаться все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ той механической работы, которую древніе справедливо считали низкой и годной лишь для рабовъ, а христіане справедливо считаютъ проклятіемъ. Нелѣпо требовать отъ промышленности, чтобы она давала «работу» всѣмъ желающимъ. Задача промышленности заключается въ томъ, чтобы дать обществу возможно дешевле, возможно большее количество нужныхъ ему продуктовъ; и только выполняя возможно лучше эту задачу, промышленность облегчаетъ обществу и выполнение не ея, а его задачи, заключающейся въ томъ, чтобы обезпечить всѣмъ своимъ членамъ возможно лучшее существованіе. По этому послѣднему вопросу нѣтъ никакой надобности пускаться въ глубокія «міровоззрѣнческія» соображенія: тотъ принципъ, что общество должно сдѣлать въ этомъ направленіи то, что оно можетъ сдѣлать, фактически предрѣшенъ всѣмъ направленіемъ современного соціального законодательства. Тутъ необходима лишь извѣстная техническая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «психологическая» реорганизация. Милліонныя массы «безработныхъ», — вынужденное и нищенское тунеядчество большой группы населенія, выростаніе (какъ напр., въ горныхъ округахъ Уэльса) цѣлаго поколѣнія профессиональных безработныхъ, положеніе молодежи, «лишенной надеждъ» (въ Германіи), — очень печальная картина. Но нельзя забывать, что нынѣшняя система «страхованія отъ безработицы» исходитъ изъ того, что массовая безработица — временное несчастье самихъ данныхъ людей и страны. Если выяснится, — что весьма возможно, — что нужно считаться съ уменьшеніемъ потребности въ рабочей силѣ и что промышленность при этомъ можетъ производить больше и дешевле, а, слѣдовательно, національный доходъ и финансовыя источники государства должны не уменьшаться, а увеличиваться, — то останется только перераспредѣлить «соціальные расходы» соотвѣтствующимъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и «достойнымъ» образомъ. По

этому поводу въ Англии уже были выдвинуты очень интересные проекты, разработка которыхъ была прервана только финансовымъ кризисомъ (имѣвшимъ, какъ отмѣчено выше, совсѣмъ иной источникъ). Въмѣсто пособій массѣ постоянныхъ безработныхъ предлагалось разгруженіе рынка труда путемъ значительнаго увеличенія уже существующихъ пенсій для престарѣлыхъ, съ пониженіемъ возрастнаго ценза, а также путемъ увеличенія стипендій для подростковъ, желающихъ продолжать образованіе; явилась даже мысль объ организаціи періодическихъ канікулъ для всѣхъ гражданъ.

Подобные проекты могутъ серьезно обсуждаться въ Англии, въ виду уже наступившаго тамъ, — и наступающаго или приближающагося у большинства «передовыхъ» народовъ прекращенія роста населенія. Единственное «отрицательное» послѣдствіе этого явленія заключается въ опасеніи данныхъ народовъ подвергнуться нашествію со стороны другихъ народовъ, еще значительно отставшихъ въ томъ циклѣ, который начинается съ бурнаго роста населенія путемъ паденія смертности и кончается прекращеніемъ этого роста путемъ соответствующаго паденія рождаемости. Надо думать, однако, что уменьшеніе потребности въ механическомъ трудѣ будетъ содѣйствовать повсюду ускоренію этого цикла, а это въ свою очередь облегчитъ организацію расселенія въ общихъ интересахъ. Тѣмъ самымъ откроется выходъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ остановка роста населенія считается опасной съ точки зрѣнія «борьбы за пространство», возникающей вслѣдствіе перенаселенія. И, въ такомъ случаѣ, нынѣшнее зло «технологической безработицы» можетъ оказаться источникомъ эволюціи въ направленіи къ подлинной «фактической свободѣ» личности.

Для этого нужны лишь двѣ предпосылки: во-первыхъ, продолженіе, на-зло всѣмъ гасителямъ духа, идущихъ все ускоряющимся темпомъ успѣховъ разума и увеличенія силъ человѣка. Во-вторыхъ, выполненіе того правила чистѣйшей «либерально-буржуазной» экономики, по которому кризисы перепроизводства должны приводить къ такому удешевленію товаровъ, которое ликвидируетъ эти кризисы.

Тутъ начинается нѣкоторая загадочная картинка.

IV.

Вотъ уже годъ, какъ германское правительство съ великимъ упорствомъ проводить политику «организованнаго» сниженія цѣнъ и заработной платы. Вокругъ этого вопроса идетъ борьба между предпринимательскими и рабочими организациями: каждая сторона старается снизить поменьше и добиться того, чтобы другая сторона снижала побольше. Правительство играетъ роль арбитра, пытаясь соблюсти соотвѣтствіе. Результатъ, съ точки зрѣнія ликвидаціи кризиса, равняется круглому нулю.

Многіе экономисты предупреждали съ самаго начала, что одновременное и соотвѣтственное пониженіе цѣнъ и покупательной силы населенія никакъ не можетъ привести къ восстановленію внутренняго рынка. Однако, правительство идетъ по этому пути съ отчаянной энергіей. Дошло уже до принудительнаго пониженія цѣнъ въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности и заработной платы всѣхъ рабочихъ правительственнымъ декретомъ, назначенія «диктатора цѣнъ» для удешевленія предметовъ первой необходимости, принудительнаго уменьшенія процентовъ по частнымъ долгамъ.

Вопросъ о томъ, въ какой степени эти мѣры экономической диктатуры разрушаютъ «капиталистическій строй» и сколько въ нихъ «соціалистическаго», представляетъ значительно меньшій интересъ, чѣмъ совсѣмъ иной вопросъ. До сихъ поръ мѣры по установленію «твердыхъ цѣнъ» бывали въ моменты остраго недостатка продуктовъ или острой дороговизны, вслѣдствіе войны, неурожая, инфляціи. Но что означаетъ принудительное сниженіе цѣнъ при кризисѣ, происходящемъ отъ невозможности сбыта товаровъ?

Если бы въ XIX в. ктонибудь сказалъ, что при кризисѣ «нужно» сниженіе цѣнъ, то это приняли бы за глупую шутку. Вѣдь, кризисъ — на то онъ и кризисъ, — самъ долженъ снизить цѣны и какъ разъ настолько, насколько «нужно». Это должно происходить автоматическимъ дѣйствіемъ закона спроса и предложенія, путемъ конкуренціи продавцовъ, продажи по болѣе низкимъ цѣнамъ со стороны тѣхъ, кто можетъ это выдержать, раззоренія другихъ и продажи

ихъ запасовъ съ молотка, — пока сама собою не найдетъся точка пересѣченія между себѣстоимостью даннаго товара и платежеспособнымъ спросомъ на этотъ товаръ.

Куда дѣлся этотъ жестокой автоматизмъ, имѣвшій, однако, то преимущество, что это «неорганизованное» снижение цѣнъ (сопровождавшееся, разумѣется, сниженіемъ заработной платы, — столь же «неорганизованнымъ», различнымъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности) ликвидировало кризисъ, на что «организованное» удешевленіе неспособно?

Германская демократическая печать давно поняла этотъ секретъ. Правительство считаетъ съ наличностью «связанныхъ цѣнъ» и пытается ихъ понизить, — теперь уже прямо предписываетъ пониженіе. Въ печати указывается, что корень зла въ самомъ существованіи этихъ «связанныхъ» цѣнъ и что кризисъ не можетъ быть ликвидированъ безъ установленія «свободныхъ» цѣнъ.

Въ свое время развитіе «трестированія» въ разныхъ формахъ было принято социалистами за процессъ «созрѣванія» капитализма къ социализму, — за марксову «концентрацію» промышленности въ предприятияхъ-гигантахъ, какъ наиболѣе сильныхъ въ техническомъ и организационномъ отношеніяхъ. Отсюда общій представителямъ капиталистическихъ интересовъ и марксистамъ взглядъ на эти организациіи фактической монополіи, какъ на принципиально-«прогрессивную» форму структуры промышленности.

Въ дѣйствительности, однако, развитіе промышленныхъ объединеній происходитъ отнюдь не потому, что эти объединенія могутъ работать лучше другихъ предприятий или оказываются сильнѣе ихъ въ борьбѣ на рынкѣ. Эти объединенія образуются, наоборотъ, для того, чтобы уменьшить или устранить конкуренцію въ данной отрасли.

Поэтому то основнымъ и непременнымъ элементомъ такого объединенія является соглашеніе о цѣнахъ и объ ограниченіи производства, цѣмъ и ограничивается простѣйшая форма, — «картель». Далѣе идутъ союзы болѣе тѣсные, — вплоть до «треста», въ которомъ происходитъ объединеніе и капиталовъ и производственнаго руководства. Но ростъ всѣхъ этихъ «спрутовъ» и достиженіе ими все болѣе полной монополіи происходитъ нормально вовсе не путемъ «убійства» конкурентовъ въ открытомъ

бою, а путемъ включенія этихъ конкурентовъ въ свой составъ или прямого выкупа. Это не мѣшаетъ трестамъ играть иногда «прогрессивную» роль въ промышленности, въ силу своего богатства. Но, съ другой стороны, развитіе объединительныхъ тенденцій означаетъ необходимость считаться при опредѣленіи цѣнъ съ наиболее отсталыми въ техническомъ смыслѣ предпріятіями, входящими въ объединеніе. Если же такія предпріятія закрываются при трестированіи, то вложенный въ нихъ капиталъ остается въ трестѣ. Такъ накаплиются «бидоны съ водою» (по американскому выраженію, отъ «разводненія акцій» при трестированіи), которые промышленность должна тащить на себѣ.

Послѣдствія этого сказались со всей силой послѣ того, какъ война со своими принудительными объединеніями крайне усилила «организованный» характеръ промышленности, — всего ярче въ Германіи, гдѣ эта организованность зашла дальше всего. Промышленность приспособляется къ паденію сбыта, вмѣсто удешевленія цѣнъ, общими сокращеніемъ производства, которое, вслѣдствіе «организованности», легче провести, но которое, при высокой технизаціи предпріятій, приводитъ къ повышенію себѣстоимости. Отсюда же чрезвычайное усиленіе стремленія переложить послѣдствія кризиса цѣликомъ на плечи рабочихъ. Уменьшеніе заработной платы остается единственнымъ способомъ уменьшить себѣстоимость. Отсюда отчаянная травля «марксизма», организованная «тяжелой промышленностью», стремленіе во что бы то ни стало разрушить профессиональные союзы, упразднить коллективные договоры.

Въ своихъ официальныхъ выступленіяхъ представители насквозь картеллированной промышленности требуютъ восстановленія «свободной инициативы и свободы договора»... по отношенію къ рабочимъ. И тѣ же «вожди хозяйства» поддерживаютъ расистовъ, которые собираются расправиться съ «грабительскимъ» денежнымъ капиталомъ. Гитлеръ обѣщаетъ представителямъ «творческаго» капитала высшее, о чемъ они могутъ мечтать: во-первыхъ, огромные военные заказы; тотъ единственный «рынокъ», къ которому вполне приспособлена монополярная промышленность, способная работать только по «своимъ» цѣнамъ; во-вторыхъ, принудительный трудъ путемъ запрещенія забастовокъ и использованія «энтузіазма» молодежи.

жи, которая получить «красивую форму и 50 пф. карманных денегъ въ день», выполняя трудовую повинность. И, въ этомъ пунктѣ, вѣнцомъ и предѣломъ монополизма является сталинизмъ.

Въ современной промышленности не слишкомъ мало, а слишкомъ много «организованности и плановости». Эта именно «организованность и плановость» частныхъ монополистовъ, — вмѣстѣ съ «національной плановостью» сверхъ-протекціонизма, — лишаетъ населеніе возможности воспользоваться плодами успѣховъ техники, ота «организованность» въ послѣдней своей стадіи даетъ уже прямой уклонъ въ сторону стремленія къ крѣпостнической диктатурѣ.

Какъ разъ въ случаѣ такихъ искусственныхъ монополій, гдѣ мѣры «соціализаціи» какъ будто напрашиваются, необходима величайшая осторожность въ этомъ отношеніи. Такими мѣрами государство дѣлаетъ себя уже прямымъ соучастникомъ той монополіи, которую оно же, по большей части и создало таможенной охраной, вмѣсто того, чтобы упразднить эту гарантію «правъ» монополистовъ. Попытки организаціи въ Германіи послѣ войны «смѣшаннаго хозяйства» на началахъ военно-промышленныхъ объединеній послужили только къ укрѣпленію трестовъ. А полная націонализація въ такихъ случаяхъ ведетъ уже прямо къ диктаторскому «соціализму въ одной странѣ».

По большей части достаточно было бы понизить таможенные пошлины, чтобы сломать хребетъ тресту подъ тяжестью его же собственныхъ «бидоновъ». Трудности, — и громадная, — заключается только въ томъ, что крахъ монополистовъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ крахомъ находящейся въ ихъ рукахъ промышленности. И ни у одного правительства не хватило до сихъ поръ духу презрѣть тѣ отчаянные волли, которые поднимаются всякій разъ, какъ только возникаетъ хотя бы мысль о томъ, чтобы притронуться къ тарифамъ, гарантирующимъ «права» произвольной расправы съ потребителемъ.

Съ другой стороны, картеллированіе можетъ распространиться и на нѣсколько государствъ, — и частныя, или районныя соглашенія о пониженіи таможенныхъ пошлинъ могутъ повести только къ расширенію географическаго района дѣйствій картеля. Мыслимы и мировые картели, —

нѣчто въ этомъ родѣ имѣется въ нефтяномъ дѣлѣ. Необходимо поэтому регулированіе хозяйства съ иной стороны, въ которой и заключается вопросъ о владѣніи промышленностью, въ отличіе отъ ея организаци.

V.

Марксъ говоритъ о процессѣ образованія «прибавочной цѣнности», который происходитъ за счетъ рабочаго, но «за его спиною». Исторія о томъ, какъ англійская промышленность годъ за годомъ изнемогала отъ недостатка капитала, какъ страна и смѣнявшія другъ друга правительства приходили въ отчаяніе отъ неудачи всѣхъ усилій уменьшить безработицу, и какъ въ это время капиталъ изъ англійскихъ банковъ систематически загонялся въ Германію, гдѣ его занимали на постройкѣ какой-то нелѣпой вавилонской башни, пока она не рухнула, придавивъ этотъ капиталъ подъ своими обломками, — какъ изъ-за этого разыгралась финансовая буря и англійскому матросу вдругъ сократили жалованіе, доведя чуть не до бунта въ военномъ флотѣ, сократили жалованіе учителя, сократили жалкое содержаніе безработнаго, — все для спасенія фунта, котораго все-таки не удалось спасти, — это исторія о процессѣ, отъ котораго зависѣла судьба страны и который произошелъ всецѣло за ея спиною. Демократія, несомнѣнно наиболѣе подлинная на свѣтѣ, парламентъ и правительство рабочей партіи, — всѣ были безсильны передъ кѣмъ то, кто такъ распорядился народнымъ достоинствомъ.

Во время германской, а затѣмъ англійской и начавшейся было американской паники, печать усиленно говорила о «кризисѣ финансоваго довѣрія». Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствительно отмѣчается прямая боязнь публики вносить деньги въ банки. Въ виду недовѣрія къ прочности какой бы то ни было валюты наблюдается въ разныхъ странахъ стремленіе частныхъ лицъ накапливать золото въ слиткахъ.

Кризисъ довѣрія... Не оттого ли, что силамъ, распоряжающимся въ настоящее время міровымъ капиталомъ, дѣйствительно трудно довѣрять?

Если разсматривать современную промышленность со стороны ея фасада, обращеннаго къ торговому рынку, то

наблюдается, какъ мы видѣли, тенденція къ суровой, «волевой» диктатурѣ, беспощадно подавляющей потребителя. Но если войти внутрь зданія, если, пройдя черезъ канцелярію, гдѣ сидитъ обшкрная промышленная бюрократія во главѣ съ надменными начальниками, постучаться въ дверь кабинета хозяина, то... нерѣдко оказывается, что кресло хозяина пусто, а изъ-за занавѣски выглядываютъ физиономіи, похожія на что угодно, только не на подлинныхъ и законныхъ хозяевъ.

Хозяинъ предпріятія, — тотъ, кто имѣетъ полноту власти въ дѣлѣ, такъ какъ онъ больше всѣхъ заинтересованъ въ успѣхѣ дѣла, — тотъ, за кѣмъ остается прибыль, ибо онъ несетъ рискъ, — этотъ хозяинъ имѣетъ тенденцію «улетучиться», замѣняясь силами, заинтересованными въ чемъ то совсѣмъ иномъ, а не въ дѣйствительномъ благополучіи предпріятія.

Кто — хозяева современной крупной, т. е., какъ правило, акціонированной промышленности? Разумѣется не толпа рядовыхъ акціонеровъ. Не только потому, что ихъ хозяйская власть — фикція. Фиктивность права голоса со стороны массы мелкихъ акціонеровъ, существованіе почти въ каждомъ обществѣ всемогущаго держателя контрольнаго пакета или организованной группы, обладающей этимъ пакетомъ, — величайшее счастье съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Ибо отношеніе рядового акціонера, т. е. игрока на акціяхъ, къ «его» предпріятію и степень его заинтересованности въ этомъ предпріятіи совершенно тождественны съ отношеніемъ игрока въ тотализаторѣ къ той лошади, на которую онъ поставилъ въ данной скачкѣ. Ему не только нѣтъ дѣла до дѣйствительнаго состоянія предпріятія и его будущей судьбы, но даже и дивидендъ интересуетъ его по общему правилу лишь съ точки зрѣнія вліянія на биржевую цѣну акціи. Это вовсе не возраженіе противъ акціонерной системы, какъ таковой, и методовъ биржи. То и другое можно обосновать съ точки зрѣнія способовъ мобилизации нужнаго для промышленности капитала. Весь вопросъ въ томъ, въ чье распоряженіе попадаетъ этотъ капиталъ?

Отмѣтимъ мимоходомъ, что система «вертикальнаго трестированія», «гольдинговъ» (акціонернаго общества, образованнаго для владѣнія контрольнымъ пакетомъ другого или нѣсколькихъ обществъ) создаетъ возможность распоряженія предпріятіемъ со стороны лицъ, которымъ

принадлежитъ лишь небольшая часть вложеннаго въ него капитала. Болѣе существенно то явленіе перехода распоряженія промышленностью къ банкамъ, — «банкократія», которое особенно ярко проявилось въ германскомъ финансовомъ кризисѣ. Эта германская банкократія, и методъ финансированія «строительства» промышленности банками за свой счетъ и за счетъ краткосрочныхъ кредитовъ, предоставленныхъ имъ иностранными банками, вызвали жестокую критику. Германскіе банки обвиняютъ въ авантюризмѣ, въ использованіи краткосрочныхъ кредитовъ для финансированія капитальныхъ, т. е. оправдывающихся лишь въ долгіе сроки расходовъ. Вообще финансированіе банками капитальнаго строительства за свой счетъ, т. е. за счетъ довѣренныхъ имъ капиталовъ можно считать выходомъ за предѣлы ихъ нормальныхъ функций; это дѣло публики, подписывающей при содѣйствіи банковъ на выпуски цѣнныхъ бумагъ, — тогда какъ банкамъ, какъ таковымъ, ввѣряется свободный капиталъ именно для того, чтобы онъ оставался «ликвиднымъ» и могъ быть легко истребованъ. По той же причинѣ банки не должны допускать смѣшенія своихъ функций съ функциями руководства промышленностью.

При всей серьезности этихъ соображеній необходимо однако отмѣтить, что политика германскихъ банковъ была превращеніемъ въ сознательную систему извѣстныхъ тенденцій, развитіе которыхъ происходитъ до нѣкоторой степени автоматически. «Сила» банковъ заключается не въ чемъ иномъ, какъ именно въ томъ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивается весь капиталъ страны, не получившій въ данный моментъ какого-либо спеціальнаго назначенія. Отсюда не слѣдуетъ, что банки могутъ самодержавно руководить экономическимъ развитіемъ страны. Направляя свои операціи кредитованія въ ту или иную сторону банки могутъ воздѣйствовать на это развитіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, но, съ другой стороны, существующее распредѣленіе экономическихъ функций, въ томъ числѣ то или иное соотношеніе между текущимъ оборотомъ и «строительствомъ», есть фактъ, съ которымъ они сами должны считаться, такъ какъ должны такъ или иначе размѣстить капиталы, за которые они отвѣтственны. Разумѣется, это помѣщеніе должно быть «ликвиднымъ», но, вѣдь, съ чисто-финансовой точки зрѣнія «ликвидность» цѣнной бумаги опредѣляется исключительно

но возможностью ея реализаціи, а совсѣмъ не тѣмъ «внутреннимъ» экономическимъ процессомъ, который скрывается за этой бумагой.

Съ другой стороны, разъ начавшійся процессъ накопленія акцій въ портфеляхъ банковъ создаетъ у нихъ искушеніе взять въ свои руки руководство предпріятіями, отъ положенія которыхъ зависитъ активъ самого банка.

Результатъ развитой банккратіи заключается, однакъ, въ ослабленіи той драгоцѣнной функціи финансоваго контроля надъ промышленностью, которую выполняютъ банки, пока они остаются въ предѣлахъ своихъ основныхъ функцій. Онъ заключается далѣе въ переходѣ руководства промышленностью къ такой силѣ, которая не можетъ относиться къ этой промышленности «по-хозяйски», съ хозяйской дальновидностью и осторожностью. Именно постоянная забота о ликвидности тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть истребованы у банка въ любой моментъ, заставляетъ его руководствоваться въ качествѣ «хозяина» предпріятій исключительно биржевыми интересами даннаго момента, а не постоянными интересами солиднаго веденія дѣла. И тогда въ промышленности окончательно торжествуетъ биржевой спекулянтскій духъ; и цѣль полученія прибыли путемъ успѣшнаго веденія предпріятія замѣняется цѣлью выигрыша путемъ спекуляціи на этомъ предпріятіи. Конечнымъ результатомъ и являются, съ одной стороны припадки авантюрнаго «строительства», связаннаго съ биржевымъ «бумомъ», — съ другой стороны, полная неспособность къ «иниціативѣ» въ трудное время, нежеланіе идти на временные убытки для оживленія дѣла, чѣмъ замедляется ликвидація кризиса.

Промышленная банккратія представляетъ собою процессъ концентраціи владѣнія предпріятіями, совершенно отличный отъ промышленнаго трестированія и не связанный ни съ какимъ организаціоннымъ объединеніемъ. Политика Данатбанка возвела эту концентрацію въ принципъ: банкъ сталъ «сверхъ-собственникомъ» тысячъ промышленныхъ предпріятій. Извѣстно, чѣмъ это кончилось. И тогда выяснилось еще одно обстоятельство. А именно понятіе банка, какъ частнаго предпріятія, ведущаго операціи за свой «страхъ» и рискъ», представляетъ собою, въ примѣненіи къ современнымъ крупнымъ банкамъ, чистую фикцію. Никакое правительство не можетъ пойти на ту соціальную катастрофу, которую озна-

чалъ бы крахъ такого банка. Все кончается правительственной гарантіей обязательствъ банка, «соціализацией» его убытковъ, а, слѣдовательно, и убытковъ всѣхъ тѣхъ частей народнаго хозяйства, которыя находятся у него въ рукахъ.

Такая социализация убытковъ вызываетъ, конечно, требованіе социализации и прибыли и руководства. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что идея націонализации крупныхъ банковъ отнюдь не связана съ идеей о переходѣ къ государству, какъ наслѣднику банкokratии, роли «сверхъ-собственника» промышленности, а, наоборотъ, съ необходимостью прекращенія банковскаго «предпринимательства», ставящаго подъ угрозу денежную систему страны. Но возможно ли вообще пресѣчь эту тенденцію? Или промышленная банкokratия представляетъ собою выраженіе нѣкотораго непреодолимаго процесса измѣненія собственности на орудія производства, — «обобществленія» ихъ, но въ совсѣмъ своеобразномъ смыслѣ: перехода промышленности изъ владѣнія отдѣльныхъ капиталистовъ въ владѣніе самой «стихіи міроваго капитала», представителями которой и являются банки, въ качествѣ распорядителей всей массы свободнаго капитала? Это вопросъ, по которому преждевременно приходится къ какимъ-либо выводамъ.

Зато совершенно ясно другое. Дѣйствительнымъ регуляторомъ этой «стихіи» не можетъ быть никакое отдѣльное государство. Безсиліе отдѣльныхъ государствъ по отношенію къ ударамъ, обрушивающимся на нихъ изъ нѣдръ кредитной системы, объясняется именно чисто-международнымъ характеромъ этой системы. А «вырваться изъ когтей финансоваго интернаціонала» можно лишь съ тѣми послѣдствіями, къ которымъ привела такая попытка совѣтской власти, донинѣ жестоко расплачивающейся, за счетъ Россіи, за этотъ «бунтъ».

Единственный выходъ въ организациіи мощнаго центра международнаго кредита, который возьметъ на себя какъ охрану міровсго денежнаго обращенія, такъ и контроль надъ международными операціями, — заботясь при этомъ въ особенности объ охранѣ міровой торговли отъ наскоковъ экономического націонализма, который, разрушая торговый рынокъ, приводитъ, какъ уже отмѣчено, къ злоупотребленіямъ финансовымъ рынокомъ, гдѣ этотъ націонализмъ является безсильнымъ. Несомнѣнно, конечно,

что такой контроль не может не перейти и въ извѣстный контроль надъ внутреннимъ экономическимъ и политическимъ строемъ отдѣльныхъ государствъ. Этого рода контроль фактически уже осуществляется до извѣстной степени анонимной силой финансоваго «довѣрія», — но онъ можетъ быть извращенъ или парализованъ воздѣйствіемъ различныхъ безответственныхъ факторовъ. «Міровой банкъ» долженъ будетъ придать этому финансовому «давленію» планообразный характеръ, въ интересахъ охраны мира, правильнаго хода мірового оборота и общихъ началъ свободы и цивилизации, въ соответствии съ политикой Лиги Націй, которая, при такихъ условіяхъ, сдѣлаетъ громаднѣйшій шагъ впередъ по пути къ обращенію въ подлинную международную власть.

Возражать противъ этой идеи съ точки зрѣнія «національнаго суверенитета» наивно. Ибо вѣдь этотъ «суверенитетъ» въ настоящее время сводится къ «націонализациі» риска операций международнаго капитала, т. е. къ переложенію убытковъ отъ этихъ операций на отдѣльные государства. Чтобы положить конецъ этой своеобразной комбинаціи «капитализма» и «соціализма», необходима не націонализациа, а организованная и послѣдовательная интернаціонализациа банковско-кредитнаго аппарата. Только такая система можетъ, останавливая нездоровый «активизмъ» финансоваго капитала, умѣряя ростъ международной задолженности, охранять ту степень «частной инициативы» въ производствѣ и торговлѣ и ту роль отдѣльныхъ государствъ, какъ экономическихъ единицъ, которыя еще объективно-возможны на каждомъ данномъ этапѣ экономической эволюціи. Поскольку же аннексія производства международнымъ финансовымъ капиталомъ окажется дѣйствительно непреодолимымъ процессомъ, постольку въ рукахъ «мірового банка» по степени сосредоточится «контрольный пакетъ» мірового хозяйства. Ибо коллективизациа хозяйства, какъ высшая ступень по сравненію съ «международнымъ капитализмомъ», только и мыслима въ міровомъ масштабѣ.

Есть ли эта политика организации мірового хозяйства политика «буржуазная», «государственно-капиталистическая», «соціалистическая»? Не знаю. Ибо настоящія событія окончательно показали всю бесодержательность этихъ понятій, потерявшихъ старѣйшій смыслъ и не приоб-

рѣвшихъ пока новаго. Въ моментъ величайшаго «провала» стараго капитализма, старый социализмъ оказался совершенно безсильнымъ, такъ какъ, при всемъ своемъ «интернационализмѣ», онъ не имѣлъ въ дѣйствительности никакого плана организаціи міроваго хозяйства.

Фактъ тотъ, что при отсутствіи контрольных органовъ міроваго хозяйства режимъ «свободной инициативы» грозитъ обратиться въ «свободу» организаціи картелей, берушихъ на себя «инициативу» сокращенія производства необходимыхъ населенію товаровъ, подъ гарантіей государственнаго запрещенія ввоза этихъ товаровъ и въ «свободу» спекуляціи чужимъ капиталомъ подъ гарантіей социализаціи убытковъ, а, въ конечномъ счетѣ, въ хозяйственную «диктатуру» безответственныхъ группъ, «идеальнымъ предѣломъ» которой и является крѣпостнической «социализмъ въ одной странѣ».

Если задача организаціи міроваго хозяйства, какъ таковая, пугаетъ своей трудностью и новизной, то, для успокоенія, слѣдуетъ сказать, что тутъ нужно начать съ возвращенія къ нѣкоторымъ весьма старымъ и весьма элементарнымъ истинамъ. Хозяйство для населенія, а не населеніе для хозяйства. Въ производствѣ, какъ таковомъ, нѣтъ никакого «общаго интереса»: производство ради производства, — совершенный вздоръ. Въ сферѣ производства есть дѣйствительно только классовые интересы, противоположные другъ другу. Но поэтому «производители», какъ таковые, и не могутъ управлять не только государствомъ (изъ всѣхъ проектовъ «государства производителей», профессиональнаго парламента и т. п. вышелъ только совѣтскій и фашистскій произволъ и издѣвательство, — и ничего иного, по существу, не можетъ выйти, въ виду произвольности самихъ организаціонныхъ принциповъ), — но не могутъ управлять и самимъ хозяйствомъ: за все время міроваго кризиса правительствамъ не удавалось получить отъ всѣхъ совѣщаній и представительствъ предпринимателей и рабочихъ ни одного толковаго совѣта, и все время «интеллигентамъ», сидящимъ въ правительствахъ, парламентахъ и редакціяхъ газетъ, приходится вытаскивать «хозяйственниковъ» изъ тѣхъ ухабовъ, въ которые они попадаютъ. Но нѣтъ ничего проще, чѣмъ найти высшій интересъ, ко-

тому должны подчиняться всѣ прочіе интересы въ хозяйствѣ. Этотъ интересъ, единственный обще-національный, — онъ-же и общечеловѣческой, — есть просто-напросто интересъ потребителя: не «хозяйственного субъекта», а ч е л о в ѣ к а, для нуждъ котораго существуетъ все хозяйство. И «сѣрая» демократія, власть «безразличной» массы гражданъ есть, съ экономической стороны, не что иное, какъ власть потребителей.

Настоящій кризисъ явился результатомъ полного презрѣнія, которое въ хозяйственной политикѣ установилось къ потребителю, къ покупателю, къ публикѣ, — или, что то же, къ свободѣ личности. «Самодовлѣющее» производство наконецъ привело само себя къ чудовищному потрясенію. Въ прежнія времена кризисы быстро кончались капитуляціей производителей передъ потребителями. Теперь эта капитуляція затягивается, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе блестящими будутъ тѣ плоды, которые достанутся человечеству вслѣдствіе новыхъ побѣдъ науки, — достанутся, какъ только «производители» принуждены будутъ сдаться на милость побѣдителя. И тогда наступитъ реваншъ потребителя, реваншъ свободы и культуры.

А. М. Кулишеръ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Судьбы „пятилѣтки“

Изъ усть эмигрантовъ и иностранцевъ очень часто приходится слышать вопросъ: «Ну, какъ же будетъ съ пятилѣткой? Будетъ ли она выполнена, или нѣтъ?»

Экономисту довольно трудно дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что неспециалисты оцѣниваютъ результаты пятилѣтки обычно съ технической точки зрѣнія, которая съ точки зрѣнія экономиста совсѣмъ не является рѣшающей. Согласно господствующему мнѣнію, если проектируемая въ пятилѣткѣ фабрики будутъ построены, то, стало быть, пятилѣтка удалась; если же большая часть фабрикъ останется недостроенной, то, слѣдовательно, пятилѣтка не удалась. Съ экономической же точки зрѣнія можно было-бы признать пятилѣтку не удавшейся, если-бы даже всѣ проектированные въ ней фабрики были закончены постройкой, и ее можно было-бы признать въ основѣ удавшейся, если-бы большей части проектированныхъ фабрикъ не удалось бы построить. Если-бы пятилѣтка была осуществлена не въ пять, а въ десять лѣтъ, то это все-же обозначало-бы, что найденъ новый путь хозяйственного строительства, и что пятилѣтка въ принципѣ удалась.

Не человекъ для субботы, а суббота для человека, — этого экономистъ никогда не долженъ забывать. Экономистъ лишь въ томъ случаѣ въ правѣ положительн оцѣнить строительство, если оно не сопровождается разложениемъ, дезорганизацией народнаго хозяйства, если фабрики не только воздвигаются, но послѣ постройки нормально работаютъ. Нормальная-же работа фабрики выражается въ ея рентабельности. Каждое предприятие должно удовлетворять этому требованію не только въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства, но и при любой организации хозяйства. Отъ фабрикъ, работающих нерентабельно, народное хозяйство, все равно какую-бы организацию оно ни имѣло, будетъ не богачѣе, а бѣднѣе.

Составителей пятилѣтки нельзя упрекнуть въ томъ, что у нихъ не было этого сознанія. Задачей пятилѣтки было не только быстрая индустриализация страны, но и быстрое улучшеніе экономическаго положенія народныхъ массъ. Это улучшеніе должно было идти изъ годъ въ годъ, а не наступить послѣ заключенія пятилѣтки. Такими были обѣтованія пятилѣтки.

Если съ этой точки зрѣнія подойти къ процессу осуществленія

пятилѣтки, — а другой точки зрѣнія для экономиста не можетъ быть, — то будетъ совершенно очевидно, что неудача пятилѣтки обозначилась уже въ первомъ-же году ея осуществленія. Когда весной 1929 г. Россія послѣ 8 лѣтъ торговли вернулась къ пайковому распределенію хозяйственныхъ благъ, то это уже въ значительной степени обозначало собой неудачу пятилѣтки, ибо распределеніе хозяйственныхъ благъ въ порядкѣ пайковъ уже само по себѣ, даже независимо отъ состоянія производства, осуждаетъ изселеніе на жалкое прозябаніе.

Неудача пятилѣтки еще рѣзче обозначилась въ отношеніяхъ Совѣтской власти къ крестьянству. Во второй половинѣ 1929 г. Совѣтская власть окончательно возвращается къ методамъ принудительнаго изытія сельскохозяйственныхъ продуктовъ у крестьянъ, съ овецъ снимаютъ шерсть вмѣстѣ со шкурой, и принудительная коллективизація крестьянъ была логическимъ завершеніемъ этой разрушительной акціи. Все это было совершенно не предусмотрѣно пятилѣткой, которая основывалась на процвѣтающемъ крестьянствѣ. Коллективизація предполагалась исключительно добровольная, на основѣ снабженія хозяйства усовершенствованными машинами, причемъ къ концу пятилѣтки надѣялись коллективизировать, примѣрно, 12 проц. всѣхъ хозяйствъ.

Съ весны 1930 г. русское хозяйство опредѣленно вступаетъ въ періодъ разложенія, дезорганизации, въ немъ начинаютъ все рѣзче намѣчаться нѣкоторыя зловѣщія явленія, которыя въ сильнѣйшей мѣрѣ напоминаютъ періодъ, такъ

назыв. военнаго коммунизма. Несмотря на завѣренія правдолюбивыхъ экономистовъ, что ничего опаснаго здѣсь нѣтъ, что всѣ эти явленія нормальны для періода завершеннаго социализма, который въ Россіи уже утвердился, Совѣтская власть уже осенью 1930 г. встревожилась по поводу состоянія народнаго хозяйства. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвела на всѣхъ картина народнаго хозяйства, которая развернулась на состоявшемся въ началѣ февраля 1931 г. съѣздѣ хозяйственниковъ. Это впечатлѣніе было настолько сильно, что съ той поры Совѣтская власть совершенно потеряла свою самоувѣренность и мечется въ судорожныхъ усиліяхъ какъ-нибудь привести въ порядокъ разваливающееся хозяйство. Иавѣстная рѣчь Сталина отъ 23 іюня 1931 г., произнесенная имъ на съѣздѣ хозяйственниковъ, весьма симптоматична. Послѣ 2 съ полов. лѣтъ столъ, по увѣренію коммунистовъ, блестящаго осуществленія пятилѣтки оказалось, что «по-новому надо работать, по-новому руководить». И весьма симптоматично, что самый съѣздъ хозяйственниковъ пришлось провести въ тайнѣ, и только изъ опубликованной съ запозданіемъ на двѣ недѣли рѣчи Сталина мы вообще могли узнать, что такой съѣздъ имѣлъ мѣсто.

1. Ликвидация рыночнаго хозяйства подъ пятилѣткой.

Кто внимательно читалъ планъ пятилѣтки, для того не можетъ не быть яснымъ, что, несмотря на давленіе на его составителей сто-процентныхъ большевиковъ, онъ все-же въ большей мѣрѣ отража-

еть дух социализма меньшевистского, чѣмъ большевистскаго типа. Видъ не даромъ у ея колебел- стояли такіе люди, какъ Громанъ, какъ Струмилинъ-Петраш- кевичъ. Духъ того тяглаго, каторжнаго «социализма», который столь характеренъ для тепершняго властителя Россіи, Сталина, составителямъ пятилѣтки въ сущно- шающимъ всякое личное право всемогущимъ большевистскимъ государствомъ, составители пяти- лѣтки надѣялись дать совѣтскому гражданину хотя бы ту крупницу свободы, которая въ рамкахъ тѣ- кого государства еще возможна. Эта доля свободы гарантируется наличиемъ формально свободнаго рынка, ибо совершенно очевидно, что положеніе личности принци- пально различно въ томъ случаѣ, если онъ свободно выбира- етъ хозяйственные блага, и въ томъ случаѣ, если ему таковыя раздаются въ пайкахъ. «Пайковая» жизнь это жизнь, воистину не- достойная человѣческаго достоин- ства.

Конечно, плановое хозяйство предполагаетъ систему априорно вычисленныхъ цѣнъ. Чтобы эти цѣны могли сохранять свою твер- дость, онѣ не должны перекрещи- ваться воздействиемъ частной тор- говли. Значеніе послѣдней еще до- вступленія въ силу пятилѣтки бы- ло не велико, а послѣ введенія пятилѣтки для ея элиминирова- нія были приняты еще болѣе стро- гія мѣры.

Однако, составители пятилѣтки надѣялись, что ихъ априорно вы- численные цѣны приведутъ по- всюду спросъ и предложеніе въ равновѣсіе. Ни у крестьянъ, ни также у кустарей отбирать не бу-

дутъ ихъ продуктовъ, государ- ство будетъ ихъ продукты поку- пать. И индустриальные товары не будутъ распределяться пайками, а будутъ продаваться. Составители хотѣли-бы быть особенно преду- предительными къ крестьянству, въ пятилѣткѣ было рѣшено, что въ теченіе 5 лѣтъ цѣны индустри- альныхъ издѣлій будутъ сниже- ны на 23%, между тѣмъ какъ цѣны сельскохозяйственныхъ про- дуктовъ будутъ снижены всего только на 5 с пол. процентовъ. Крестьянство будетъ, такимъ об- разомъ, получать за свои продук- ты, все болѣеій эквивалентъ въ индустриальныхъ издѣліяхъ.

Конечно, основной предпосыл- кой того, что твердые цѣны при- ведутъ спросъ и предложеніе въ равновѣсіе, являлась стабильность денегъ. Пятилѣтка рекомендовала величайшую сдержанность въ эмиссіяхъ. Онѣ не должны были превышать 250 милл. руб. въ годъ, что должно было соответствовать росту товарооборота. Капиталь- ные инвестиціи никоимъ образомъ не должны были финансировать- ся эмиссіями, ибо въ такомъ слу- чаѣ деньги появлялись-бы ранѣ- ше товаровъ на рынокъ, — это бы- ло-бы равносильно инфляціи.

Если мы считаемъ, что пятилѣт- ка потерпѣла крушеніе, то мы основываемъ свое утвержденіе на томъ, что иллюзорной оказалась самая центральная идея состави- телей пятилѣтки: осуществленіе напряженнаго плана на основѣ формально свободнаго рыночнаго оборота. Плановое хозяйство сдѣ- лало существованіе рыночнаго оборота невозможнымъ: **планъ убилъ рынокъ.** Государство те- перь ничего не покупаетъ ни у крестьянъ, ни у колхозовъ, ни у

совхозовъ, ни у кустарей, оно все отбираетъ по твердымъ цѣнамъ. Государство ничего не продаетъ, оно все распределяетъ. Ликвидация рынка есть центральный фактъ въ хозяйственной жизни Россіи подъ пятилѣткой, и только исходя изъ этого, можно понять природу ея хозяйства.

Эта ликвидация рынка связана не столько съ обезцѣненіемъ денегъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, сколько съ тѣмъ, что деньги вообще потеряли свое значеніе въ хозяйственной жизни Россіи. Та сдержанность въ эмиссіяхъ, которую рекомендовали составители пятилѣтки, конечно, не была осуществлена. Для того, чтобы эмиссія не была использована для цѣлей инвестиций, — для этого качественные показатели должны были быть такъ высоки, какъ этого требовала пятилѣтка, т. е. производительность труда должна была быть достаточно высокой, качество издѣлій должно было быть хорошимъ, стоимость производства должна была быть пониженной. Но для осуществления пятилѣтки имѣлось налицо только всемогущество коммунистическаго государства, свободно располагающаго всѣми производительными силами страны; качество работы при коммунизмѣ было всегда ниже, чѣмъ при капитализмѣ, и составители пятилѣтки въ сущности не имѣли никакихъ основаній ожидать его улучшенія.

Оно и не наступило, и строительство пришлось не въ малой мѣрѣ финансировать печатнымъ станкомъ. Къ 1 октября 1928 г., къ моменту вступленія въ силу пятилѣтки, въ обращеніи было безъ маляго 2 миллиарда (1991 милл.) руб. Черезъ 2 года, т. е. къ 1 ок-

тября 1930 г., количество денегъ должно было возрасти на 500 милліон., т. е. примѣрно на 25 проц. Въ дѣйствительности количество денегъ превзошло къ тому времени 4 съ чет. миллиарда (4.264 милліона, причемъ даже нѣтъ увѣренности, что эта цифра является исчерпывающей). Такимъ образомъ, денежная масса возросла за первые два года пятилѣтки съ лишкомъ на 2 съ половиной миллиарда (2.273 милл.), т. е. на 115%.

Правовѣрные экономисты пытаются насъ увѣрить, что инфляція опасна только для буржуазнаго хозяйства, для плановаго хозяйства же, въ которомъ цѣны прочно фиксированы, большая эмиссія безопасна. Вѣрно, что въ плановомъ хозяйствѣ результаты чрезвычайныхъ эмиссій не тѣ, что въ буржуазномъ хозяйствѣ. Но нельзя сказать, чтобы онѣ были безвредны. Фиксированныя цѣны перестаютъ исполнять свою функцію, онѣ не приводятъ спросъ и предложеніе въ равновѣсіе. Это и обозначаетъ ликвидацию рыночнато и въ извѣстномъ смыслѣ денежнаго хозяйства. Деньги теряютъ свою власть. Если крестьянинъ свой продуктъ отдаетъ заготовителю, то не потому, что онъ признаетъ достаточнымъ тотъ денежный эквивалентъ, который онъ при этомъ получаетъ, а потому, что за спиной заготовителя стоитъ всемогущее коммунистическое государство. Точно также, если какое-либо объединеніе передаетъ извѣстный запасъ средствъ производства какой-либо фабриктъ, то деньги, которая эта фабрика уплачиваетъ, имѣютъ совершенно второстепенное значеніе. Товары движутся въ совѣтскомъ хозяйствѣ

по плану, деньги не диктуют движения материальных ценностей, их движение лишь сопровождается движением товаров.

При наличии в стране громадных избытков денег, у распорядителя товара всегда имеется соблазн свернуть с ним на вольный рынок, где он за него мог бы получить и не такие деньги. Соблазн этот велик. Но на то есть ГПУ, как один из важнейших устоев планового хозяйства. ГПУ бронирует плановое хозяйство, гарантирует вращение товаров внутри его и не позволяет товарам утекать на вольный рынок. Победа планового хозяйства обозначала, таким образом, и рязкое усиление террора по всей стране.

Ликвидация рынка и денежного хозяйства были и теоретически обоснованы в сильно отошавшей в последние годы советской специальной прессе. В 1928 г. в последний раз прозвучали голоса серьезных экономистов, которые предупреждали против разрушения рыночного оборота и денежной системы. Их мысли уже тогда признавались контр-революционными, и в 1930 г. эти экономисты были засажены в тюрьмы. Правовѣрные же экономисты, как Готовский, Козлов, Майминь и др., стали защищать слѣдующіе тезисы: НЭП ликвидированъ. Хозяйство вступило въ періодъ полного социализма. Съ эмиссіями ничего стѣсняться, ибо деньги имѣютъ лишь значеніе расчетнаго знака и подлежатъ ликвидации. Пора научиться диспонировать хозяйственными благами въ ихъ натуральной формѣ. Если же советскому хозяйству все же нужно мѣрило цѣнности, то

такимъ, въ виду его социальной сущности, должны быть не деньги, а трудовой день.

Весь процесс перестройки советскаго хозяйства, который совершился въ первые два года дѣйствія пятилѣтки, явился неизбежнымъ слѣдствіемъ того факта, что плановое хозяйство одержало побѣду надъ рыночнымъ. Хозяйство стало окончательно строиться не индуктивно, нащупывая на рынокъ потребности населенія и измѣряя въ свободно колеблющихся цѣнахъ ихъ интенсивность, а априорно, исходя изъ статистически обоснованныхъ плановъ.

Плановое хозяйство должно быть возможно болѣе централизовано и объединено, иначе оно будетъ поддаваться разнаго рода внѣшнимъ, не-плановымъ влияніямъ. Поэтому первые два года пятилѣтки характеризуются сильнѣйшими тенденціями къ централизаци. Отдѣльныя предприятия теряютъ всякую хозяйственную самостоятельность въ пользу объединяющихъ ихъ трестовъ, а послѣдніе теряютъ свою самостоятельность по отношенію къ объединеніямъ ВСНХ, которыя начинаютъ играть ту же роль, какъ и главки и центры періода такъ назыв. военнаго коммунизма. Распредѣленіе важнѣйшихъ средствъ производства совершается по планамъ, разрабатываемымъ объединеніями ВСНХ.

Разъ материальныя производства распределяются по планамъ, то было совершенно слѣдовательно, что зимой 1930-31 г. Советская власть отмѣнила право рабочихъ свободно располагать своимъ трудомъ и попыталась перейти къ плановому распредѣле-

нию важнѣйшаго средства произнодства, рабочей силы.

Въ самой организаціи производства намѣтилась настоящая гигантоманія. Строительство гигантскихъ фабрикъ, гигантскихъ совхозовъ, гигантскихъ коллективовъ характеризуетъ первые два года пятилѣтки.

Что касается распределенія предметовъ потребленія, то за этотъ періодъ оптовые склады въ провинціи, находившіеся еще въ извѣстномъ контактѣ съ мѣстными кооперативами, закрываются. Объединенія ВСНХ передаютъ Центросоюзу свои товары по такъ назыв. генеральнымъ договорамъ, а послѣдній по апіористическимъ планамъ разсылаетъ ихъ по всей великой странѣ такъ, чтобы товары прямо съ фабрики въ такъ назыв. транзитномъ порядкѣ, обходя всякія посредствующія звенья, попадали въ мѣстные кооперативы.

Какъ завершеніе строительства плановаго хозяйства въ началѣ 1930 г. произведена была реформа кредитной системы.

Въ совѣтскомъ плановомъ хозяйствѣ до начала 1930 г. существовала одна брешь. Таковую можно было усмотрѣть въ наличіи коммерческаго кредита. Предпріятія могли еще продавать другъ другу товары въ кредитъ и выписывать векселя. Несмотря на всѣ отрицательные моменты совѣтскаго хозяйства, коммерческой кредитъ частично вносили въ него порядокъ. Поставщикъ въ отношеніи ассортимента и качества товара находился подъ нѣкоторымъ контролемъ покупателя. Затѣмъ вексель поддерживалъ какую дисциплину въ платежахъ. Конечно, совѣтскій вексель ник

гда не могъ приобрести того значенія, которое имѣеть обычно капиталистическій вексель. Но все же систематическій протестъ векселей компрометировалъ хозяйственника передъ верхами. Въ то же время коммерческой кредитъ вносилъ снизу извѣстные коррективы въ планъ, онъ его дѣлалъ въ нѣкоторой мѣрѣ эластичнымъ.

Но именно по этой послѣдней причинѣ коммерческой кредитъ былъ не ко двору въ періодъ полной побѣды плановаго хозяйства. Кредитная реформа отъ 31 января 1930 г. отменила коммерческой кредитъ. Отнынѣ государственныя предпріятія не въ правѣ другъ друга кредитовать и не въ правѣ выписывать векселя. Единственнымъ учрежденіемъ, которое вправѣ давать краткосрочные кредиты, является Государственный Банкъ, причѣмъ онъ используетъ это свое право для того, чтобы слѣдить за строгимъ выполненіемъ плана въ матеріальномъ смыслѣ.

Съ этой реформой, вступившей въ силу 1 апрѣля 1930 г., у коммунистовъ связывались очень большія надежды. Надо признать, однако, что реформа эта сыграла совсѣмъ не малую роль... по въ процессѣ разложенія совѣтскаго хозяйства.

II. Новыя теченія въ совѣтскомъ хозяйствѣ.

Несмотря на всѣ славословія правовѣрныхъ теоретиковъ по поводу наступившаго блаженнаго періода стопроцентнаго социализма, въ которомъ денегъ считать уже не надо, руководящіе круги коммунизма уже осенью прошлаго года были смущены вызвал-

нимъ кредитной реформой бумажнымъ наводнениемъ. И еще больше они были перепуганы разведывавшейся на съездъ начала 1931 года картиной хаоса и безхозяйственности во всѣхъ отрасляхъ хозяйства.

Съ осени 1930 г., не безъ нѣкоторыхъ рецидивовъ къ старому, въ совѣтскомъ хозяйствѣ начинаютъ пробиваться новыя тенденции, которыя и получили свою санкцію въ рѣчи Сталина 23 июня 1931 г.

Московскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ пытались по поводу рѣчи Сталина увѣрить Европу, что будто-бы онъ отказался отъ социализма и коммунизма и перешелъ къ капиталистическимъ методамъ хозяйства. Они даже по этому случаю вложили ему въ уста такія выраженія, которыя въ русскомъ текстѣ рѣчи, напечатанномъ въ совѣтскихъ газетахъ, нельзя найти.

Въ действительности, Сталинъ остался вѣрнъ принципамъ коммунизма, и къ капитализму онъ и не думалъ поворачивать. Онъ уже пролилъ за дѣло коммунизма рѣчки крови и слезъ, и готовъ всегда продолжать въ томъ же духѣ.

Необосновано было также мнѣніе, высказанное кое-гдѣ въ зарубежной русской прессѣ, что рѣчь Сталина обозначаетъ провозглашеніе новаго НЭП-а, Нео-НЭП-а. Исходнымъ пунктомъ НЭП-а было развязываніе частнохозяйственной стихіи. Но объ этомъ сейчасъ не можетъ быть рѣчи. Ставка на уничтоженіе крестьянскаго хозяйства продолжается, и если зимой 1930-31 г. было произведено не такъ много жестокостей, какъ зимой 1929-30 г., то единственно потому, что сила

сопротивленія крестьянства какъ-будто сломлена.

Въ чемъ-же въ такомъ случаѣ состоитъ сущность новыхъ тенденцій, которыя проявляются теперь въ хозяйственной жизни Совѣтской Россіи? Мы-бы ихъ формулировали слѣдующимъ образомъ: за первые два года руководящая группа убѣдилась, что поспѣшное разрушеніе всѣхъ буржуазныхъ хозяйственныхъ формъ было роковой ошибкой. Платье совсѣмъ неспособенъ замѣнить хозрасчета, наоборотъ, предпосылкой его осуществленія является строгое соблюденіе хозрасчета. Плановое хозяйство надо обдѣлать въ буржуазныя формы. Если необходимо, хозрасчетъ, то обязательно бережное отношеніе къ денежной системѣ, ибо счетъ въ деньгахъ. «Повѣрка рублемъ», — вотъ тотъ лозунгъ, который характеризуетъ 1931 г.

Не будемъ преувеличивать значенія этой перемены, но и не будемъ этого значенія преуменьшать. Попытка осуществленія хозрасчета требуетъ перестройки всего совѣтскаго хозяйства, притомъ перестройки не только формальной. Это должно имѣть послѣдствія во всѣхъ областяхъ жизни, причемъ эти послѣдствія для инициаторовъ движенія могутъ быть совершенно не предусмотрѣнными.

Реформы коснулись прежде всего кредитной системы, въ цѣляхъ ликвидаціи «автоматическаго» кредитованія. Кредитныя реформы 1931 г. остаются на почвѣ плановаго хозяйства. Коммерческій кредитъ не восстанавливается, и Госбанкъ сохраняетъ монополию въ сферѣ краткосрочнаго кредита. Ыъ

правительство пришло къ заключенію, что Госбанкъ не является органомъ, призваннымъ наблюдать за соблюденіемъ плана. Его задачей, какъ финансоваго института, можетъ быть только финансовое дисциплинированіе государственныхъ предприятий. Онъ долженъ ихъ опять приучить къ хозяйственному расчету. Для осуществленія матеріальнаго контроля, разорванная была связь между поставщикомъ и покупателемъ должна быть такъ или иначе восстановлена, но не въ формахъ коммерческаго кредита.

Согласно правиламъ кредитованія отъ 14-I и 20-III 1931 г., которыя вошли въ силу 1 мая 1931 года, всѣ хозяйственныя организаціи обязаны заключить между собою договоры о постанавкахъ съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ ихъ условій. Госбанкъ опредѣляетъ кредитные лимиты отдѣльныхъ предприятий на основаніи указанныхъ договоровъ снабженія. Но кредитуются предприятия не подъ лимитъ, а подъ каждую отдѣльную сдѣлку. При этомъ банкъ платитъ поставщику лишь послѣ полученія акцепта со стороны получателя, чѣмъ создается кое-какая гарантія ассортимента и качества товара.

Согласно кредитнымъ правиламъ отъ 23 июля, должна быть проведена строгая грань между собственными оборотными средствами предприятий и кредитами Госбанка, между тѣмъ какъ до того всѣ новые кредиты Госбанка сливались со старыми средствами и были по существу безсрочными. Всѣ предприятия обязаны представить своя балансы Госбанку, и на ихъ основаніи должны быть опредѣлены собственные сред-

ства каждого предприятия. Банковые кредиты должны служить только для совершенія определенныхъ сезонныхъ операций, сроки ихъ должны строго выдерживаться, и они должны имѣть товарное обезпеченіе.

Съ гигантоманіей должно быть кончено. Каждое отдѣльное предприятие и даже цехи отдѣльныхъ предприятий должны быть поставлены на хозяйственный расчетъ. Слишкомъ крупныя промышленныя объединенія, въ виду ихъ неозорности, должны быть разбиты. Съ гигантскими совхозами и гигантскими колхозами должно быть кончено, — ихъ надо разбить.

Въ области распредѣленія зимой 1930-31 г. Совѣтская власть пыталась было пойти по старымъ путямъ. Если нельзя сколько-нибудь сносно удовлетворить элементарнымъ потребностямъ массы населенія, то надо попытаться удовлетворить болѣе или менѣе нормально потребности тѣхъ группъ рабочихъ въ большихъ городахъ, которыя являются важнѣйшей соціальной опорой Совѣтской власти. Въ виду этого были созданы на большихъ фабрикахъ въ крупныхъ центрахъ такъ назыв. «закрытые распредѣлители», допустимые только рабочимъ этихъ фабрикъ.

Послѣ этой неудачи Совѣтская власть пытается реформировать распредѣленіе на новыхъ началахъ. Рѣшено возсоздать уничтоженное оптовое звено; вездѣ въ провинціи должны быть опять созданы оптовые склады, которые стояли-бы въ тѣсномъ контактѣ съ мѣстными кооперативами. Съ транзитной разсылкой товаровъ мелкими партиями въ мѣстные коопе-

ративы надо кончить. И надо кончить съ бронированіемъ товарныхъ фондовъ для цѣлей прямого продуктообмѣна. Нормировать слѣдуетъ только тѣ товары, производство коихъ дѣйствительно недостаточно. Всѣ остальные товары надо продавать свободно.

Въ сферѣ организаціи труда Совѣтская власть зимой 1930-31 г. еще пыталась до конца пройти пути плановаго хозяйства. Какъ разъ въ эту зиму были выпущены декреты о принудительной организаціи труда. Этими декретами немного было достигнуто. Основные массы рабочихъ, особенно ту ихъ часть, которая еще не утратила связей съ деревней, связать не удалось, ихъ «текучесть» осталась очень значительной. Стало быть и здѣсь надо было пойти иными путями.

Новой организаціи труда требуетъ и хозрасчетъ. Пока дѣло велось безъ хозрасчета по плану, т. е. въ сущности въ темную, тогда всѣ кошки были сѣры, и всѣ рабочіе были равны. Лозунгомъ 1931 г. стала дифференціація заработной платы, сдѣлшина. Опытность, квалификація должны получить соответствующее вознагражденіе. Такъ какъ опытный рабочій лучше вознаграждается, то можно надѣяться, что это крѣпче привяжетъ его къ фабрику, чѣмъ голое принужденіе.

Пока дѣло было только въ выполненіи плана, то во главѣ должны были всюду стоять надежные коммунисты, точно выподняющіе идущую сверху директиву. Но, если выдвигается вопросъ о качествахъ работы, то политическая благонадежность руководителей оказывается уже недостаточной. Отсюда лозунгъ Сталина — преду-

предительность къ безпартийнымъ спецамъ. Предложено даже прекратить истребленіе старыхъ спецовъ; дѣло, конечно, не въ приливѣ гуманныхъ чувствъ у Сталина, а въ томъ, что теперь нельзя себѣ позволить уничтожать цѣнный духовный капиталъ.

Мы видимъ, что новыя хозяйственные реформы имѣютъ тенденцію перестроить всѣ жизненные отношенія.

Каково было значеніе новыхъ лозунговъ въ хозяйственной жизни Россіи? Сумѣли-ли они пріостановить разложеніе народнаго хозяйства? Сумѣли-ли они облегчить страданія населенія?

Нельзя отрицать вліянія новыхъ буржуазныхъ лозунговъ на хозяйственную психологію, какъ руководителей, такъ и низовъ; ихъ воздѣйствіе было весьма положительнымъ. Та хозяйственная распушенность, которая сопровождала побѣду принципа плановаго хозяйства надъ буржуазнымъ принципомъ хозрасчета, теперь уже не въ модѣ. Всѣ стали немножко подтягиваться и дисциплинироваться.

Но все-же коренной перемены въ состояніи Совѣтскаго хозяйства за истекшій годъ не наступило и не могло наступить.

Прежде всего, процессъ разложенія хозяйства зашелъ уже слишкомъ далеко, и частичными мѣрами его нельзя остановить. Многія реформы просто не осуществляются.

Находясь подъ сильнымъ давленіемъ, предпріятія въ маѣ 1931 года представили въ концѣ концовъ свои договоры о поставкахъ, на основѣ коихъ Госбанкъ долженъ былъ опредѣлять ихъ кредитные лимиты. Однако, ближай-

шее рассмотрение этихъ договоровъ показало, что они въ сущности фиктивны и безсодержательны.

Къ 15 августа 1931 г. предприятия должны были представлять Госбанку свои балансы, и на ихъ основѣ должна была быть совершена фиксация собственныхъ средствъ предприятий. Теперь уже декабрь, а эти балансы большинствомъ предприятий еще не представлены, и фиксация собственныхъ средствъ еще не состоялась.

Предлагается прекратить рационализированіе большинства товаровъ. Но какъ-же это можно осуществить при громадномъ несоответствіи между находящейся въ обращеніи денежной массой и въ плановомъ порядкѣ фиксированной цѣнностью наличныхъ товаровъ?!

Предлагается сильно дифференцировать заработную плату. Конечно, можно денежную плату опытныхъ рабочихъ повысить. Но спрашивается, великъ-ли отъ этого будетъ барышъ опытному и старательному рабочему. Въдь Совѣтская власть для основной массы рабочихъ не располагаетъ ни достаточными запасами продовольствія, ни достаточнымъ жилищнымъ фондомъ. Въ большинствѣ случаевъ рабочихъ получаетъ весьма скудный продовольственный паекъ и мѣсто на нарахъ. Дифференцировать тутъ не изъ чего. А за деньги немного купишь.

Еще хуже то обстоятельство, что буржуазныя формы принадлежать къ существу другого хозяйства и къ совѣтскому плановому хозяйству онѣ не подходятъ. Последнее не можетъ ихъ себѣ освоить.

Предписана строгая кредитная

дисциплина. Но что-же Госбанкъ можетъ съ неплательщикомъ сдѣлать? Не продавать же ему съ молотка товары госпредприятия, какъ это рекомендуется въ циркулятивныхъ предписаніяхъ, или объявлять госпредприятие банкротомъ? Все это приемы, подходящіе для капиталистическаго хозяйства и совершенно непримѣнимые въ условіяхъ плановаго совѣтскаго хозяйства.

И хозяйственники, несмотря на все строгія предписанія о «повыркѣ рубля», не такъ уже серьезно съ ними считаются; въдь планъ все-таки сего важнѣе.

Недавно (см. «Извѣст.» отъ 15 нояб.) были напечатаны кое-какія данныя о ревизіи состоянія строительныхъ работъ, т. е. въ настоящее время едва ли не важнѣйшей отрасли хозяйственной дѣятельности. Результаты ревизіи оказались весьма плачевными. Изъ отпущенныхъ средствъ только 60% расходуются непосредственно на промышленные строительство, а остальные 40% или вложены въ излишки строительныхъ матеріаловъ или поглощены немощно возросшими накладными расходами по строительству. Строители полагаютъ, что ускореніе темповъ строительства, котораго отъ нихъ требуютъ, не можетъ сопровождаться одновременнымъ сниженіемъ его стоимости. Оказывается, что на стройкахъ сметами не интересуются и даже ими не располагаютъ. Такъ обстоитъ съ хозрасчетомъ въ важнѣйшей отрасли хозяйственной дѣятельности.

Мысль Сталина о томъ, чтобы безпартийные спецы были поставлены въ условія равноправія съ коммунистами, принадлежить такъ-

же къ благимъ пожеланіямъ, которыя никто въ серьезъ не принималъ. Коммунистическое хозяйство это и есть самое тѣсное переплетеніе экономки съ политикой, это есть политизированіе всей хозяйственной жизни. Во главу хозяйства здѣсь обязательно должны стоять партійцы, ибо задача и состоитъ въ томъ, чтобы подавить всякое самочинное развитіе хозяйства, и о равноправіи въ немъ партійцевъ съ беспартійными не можетъ быть рѣчи.

Плановое совѣтское хозяйство невозможно облечь въ буржуазныя формы. И чѣмъ настоятельнѣе Совѣтская власть будетъ на этихъ формахъ настаивать, тѣмъ ихъ противорѣчія съ существомъ плановаго хозяйства обнаружатся рѣзче. Совѣтская власть становится передъ дилеммой: или планъ, или хозрасчетъ. И надо сказать, что на нѣкоторыхъ позиціяхъ началось даже отступленіе плановаго хозяйства.

Въ «Эконом. Жизни» отъ 12-IX 1931 г. на четвертой страницѣ было напечатано постановленіе Президіума ВСНХ, которое нигдѣ въ совѣтской прессѣ больше напечатано не было, и которое совершенно въ ней не обсуждалось. Это постановленіе является серьезнымъ ограниченіемъ пятилѣткія. Уже къ началу 1931 г. была намѣчена серия ударныхъ построекъ изъ проектируемыхъ пятилѣткою, на которыхъ должны были быть сосредоточены всѣ наличныя силы и средства. Указанное постановленіе идетъ дальше. Оно приостанавливаетъ всѣ постройки, которыя не могутъ быть закончены въ послѣдней четверти года, и предписываетъ ихъ строительные матеріалы передать такимъ

объектамъ, которые въ 1931 году еще могутъ быть закончены. Это важное ограниченіе пятилѣткія свидѣтельствуетъ о чрезвычайно тягостномъ положеніи совѣтскаго хозяйства.

Сейчасъ, однако, въ Россіи намѣчается новое явленіе, которое является не ограниченіемъ напряженности плана, а стоитъ въ противорѣчіи съ самыми принципами плановаго хозяйства. Совѣтская власть уже прошлой зимой стала открывать въ большихъ городахъ магазины, въ которыхъ товары продавались безъ нормъ, но исключительно за иностранную валюту. Значеніе такихъ магазиновъ не могло быть большимъ. Однако, нѣсколько позже появились государственные магазины, которые продаютъ товары безъ нормъ и за совѣтскія деньги. Такие магазины теперь начинаютъ открываться и въ провинціи. Очевидно, что правительство надѣется этимъ способомъ выкачать изъ населенія часть избыточныхъ денегъ. Роль этихъ магазиновъ въ движеніи товарныхъ массъ пока еще не велика, но если-бы это явленіе развилось, оно явилось-бы серьезной брешью въ системѣ плановаго распределенія.

Пятилѣткія потерпѣла неудачу. Но неудачу эту мы усматриваемъ не въ томъ, что строительство пришлось ограничить и затѣмъ даже частично оборвать, а въ томъ, что оно дезорганизовало хозяйство и опять привело массы населенія въ бѣдственное положеніе.

И было-бы ошибкой думать, что бѣдствія населенія являются

кратковременными, что закончено будет строительство, и население России заживет счастливо и богатой жизнью. Будут-ли выстроенны фабрики работать, это еще неизвестно и неизвестно, будут-ли они работать рентабельно, т. е. так, чтобы население от них имело реальную пользу. Правящие круги это прекрасно понимают, и поэтому они предупреждают население, что за первой пятилѣткой идет вторая, которая потребует от него немалых жертв. Исполнение обѣтованій о сытой жизни отодвигается на болѣе отдаленный срок.

Въ порядкѣ плановаго хозяйства, не считающагося съ законами рынка, можно добиться достиженія нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей. Можно, наприкладъ, принудить хозяйство, которое до сихъ

поръ обслуживало нужды населения, обслуживать потребности войны. Можно, какъ это въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто, заставить население возвести громадные индустриальныя постройки. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ развитіе хозяйства теряетъ свою самочинность и подчиняется по существу внѣхозяйственнымъ интересамъ. Населеніе сумѣетъ жить достойной людей жизнью только съ возстановленіемъ рыночнаго хозяйства. Только съ возстановленіемъ рыночнаго хозяйства выяснится, что изъ построеннаго стоитъ использовать, чего использовать не стоитъ. Будемъ надѣяться, что громадныя усилія, которыя сдѣлалъ русскій народъ подъ пятилѣткой, все-таки дадутъ кое-какіе плоды.

Б. Бруцкскъ.

Міровое сельское хозяйство у поворота

Въ современномъ кризисѣ сельскаго хозяйства за элементами временныхъ, преходящихъ и даже, въ известномъ смыслѣ, случайныхъ потрясеній просвѣчиваютъ черты такихъ серьезныхъ переменъ въ самой ткани сельскохозяйственной экономіи, что можно безъ преувеличенія сказать, что экономическая жизнь культурнаго человѣчества стоитъ у какого-то очень значительнаго перелома.

Вполнѣ сознавая всю условность и необидительность историческихъ аналогій, все же нельзя отдѣлаться отъ представленія, что то, что сейчасъ пробивается себѣ путь въ сельскомъ хозяйствѣ, напоминаетъ великій и богатый по-

слѣдствіями сдвигъ, который мы называемъ «промышленной революціей». И дѣйствительно: великія техническія открытія и изобрѣтенія послѣдней четверти 18-го вѣка преобразовали всю матеріальную культуру человѣчества и дали новое содержаніе дальнейшей человѣческой исторіи. Точно такъ же вліяніе техническихъ новшествъ, которыя нынѣ успѣшно проникаютъ въ область сельскаго хозяйства, не ограничивается тѣсными рамками только техники с.-х. производства, а распространяется на гораздо болѣе широкую область экономической и социальной культуры человѣчества.

При этомъ получается чрезвы-

чайно знаменательное пересѣчение двухъ потоковъ явленій. Въ то время какъ въ Европѣ побѣждаетъ и достигаетъ своего апогея процессъ ликвидации крупнаго землевладѣнія и крупнаго с.-х. производства, — въ Америкѣ наоборотъ происходитъ встрѣчный процессъ возрожденія крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, опирающагося на могущественную силу технического прогресса.

Встрѣча этихъ двухъ потоковъ тѣмъ болѣе поражаетъ сознание, что европейское (въ особенности восточное и юго-восточное) сельское хозяйство рѣзко снижаетъ свои производительныя силы и деградируетъ, тогда какъ только переходящее къ новымъ приемамъ хозяйствованія заокеанское крупное сельско-хозяйственное производство наноситъ тяжкіе удары своему хозяйственно-предпринимательскому антиподу — мелкому, крестьянскому хозяйству.

Можно держаться самыхъ различныхъ взглядовъ относительно наиболѣе цѣлесообразнаго распределенія земельной площади сельскаго населенія; можно приѣтствовать европейскій аграрный переворотъ, какъ завершеніе презрѣнно затянувшейся ликвидации остатковъ феодализма; можно, наоборотъ, видѣть въ немъ новые источники смуты, которые угрожаютъ будущему развитію Европы; но всякое аграрное міровозрѣніе необходимо прежде всего подвергнуть суровому испытанію съ точки зрѣнія экономической эффективности, которое безстрастно выноситъ свой приговоръ въ терминахъ: успѣшности и расцвѣ-

та хозяйства или, наоборотъ, упадка его.

Ноты отчаянія слышатся въ отзывѣ спеціалиста по сравнительному сельскому хозяйству проф. А. Хольмана, когда онъ резюмируетъ результаты десятилѣтняго дѣйствія аграрной реформы въ Юго-Славин: «Въ Давин приходится на 100 гектаровъ пахотной земли 36,61 душъ населенія, занятаяго сельскимъ хозяйствомъ, въ Юго-Славин же — 120,6. Густота сельско-хозяйственнаго населенія Юго-Славин превосходитъ густоту с.-х. населенія даже областей интенсивнѣйшаго земледѣлія западной Европы и приближается къ аграрно перенаселеннымъ областямъ европейскаго востока, къ Галиціи и къ черноземной полосѣ Россіи. Можно почти повѣрить въ наличие закона природы, осуждающаго на перенаселеніе какъ разъ наиболѣе плодородныя земли Европы и на обнишаніе ихъ жителей. Населеніе этихъ земель какъ бы вязнетъ къ землѣ; владѣнія дѣлятся и снова передѣляются, пока, наконецъ, отъ земли остаются клочки; деревня растетъ, какъ поливъ; люди постепенно утрачиваютъ тѣ свои духовныя качества, которыя образуютъ полинно социологическую и евгеническую цѣнность крестьянскаго населенія, которое уже ничѣмъ не отличается отъ вѣчно озлобленнаго, всегда поглощеннаго мыслью о заработкѣ мелкаго городского люда.

Западно-европейскіе аграрныя политики, полагающіе, что идеально то состояніе, когда на землѣ и отъ сельскаго хозяйства жьветъ возможно больше людей, могли бы почерпнуть нѣкоторое поученіе изъ опыта этой агро-

ной области восточной Европы. Все не важно, чтобы въ сельском жило возможно больше людей, но для государства и общества очень важно, чтобы были настоящими крестьянами тѣ, кто живутъ на землѣ, людьми со здоровыми нервами и здравымъ смысломъ, могущими обновлять вырождающееся население городовъ. Между тѣмъ сельское население чистаграрныхъ странъ и именно плодороднѣйшихъ областей Европы въ евгенетическомъ отношеніи представляетъ собою мыслимо - наилучшій человѣчскій матеріалъ. Заблужденіе, что люди, едва прозябающіе на землѣ, являются особо цѣнными для общества. Цѣны обществу и государству лишь дѣйствительные крестьяне, движущіеся впередъ, самостоятельно борющіеся въ хозяйственной жизни своего времени. Всѣми мѣрами можетъ защищать ихъ государство и общество, но не слѣдуетъ думать, что ихъ можно выращивать, какъ въ живорибныхъ прудахъ*).

Сельское хозяйство заокеанскихъ странъ развивалось въ иной психологической и исторической средѣ, чѣмъ сельское хозяйство Европы. Свободное отъ груза европейской исторіи и традицій, население Америки воспитало въ себѣ такія представленія о землѣ, которая мало отличаютъ ее отъ другихъ хозяйственныхъ благъ. Для американцевъ земля и сельское хозяйство являются такимъ же mode of business, какъ и вся-

кій другой хозяйственный промыселъ, тогда какъ въ Европѣ сельское хозяйство все еще продолжаетъ оставаться особымъ mode of life. При такихъ условіяхъ обращаются къ сельскому хозяйству лишь тогда, когда оно сулитъ барышъ, и тотчасъ же оставляютъ его, когда оно не оправдало этихъ посуловъ или когда другія отрасли народнаго хозяйства представляются болѣе прибыльными. Въ такой обстановкѣ, тѣ, кто занялись профессионально сельскимъ хозяйствомъ, стремятся создать въ немъ такую обстановку дѣятельности, при которой оплачены были бы затраченный трудъ и помещенный капиталъ. И въ отличіе отъ европейскаго преимущественно пассивно - хозяйственнаго, потребительскаго отношенія къ землѣ и сельскому хозяйству, американскому фермеру и въ области сельскаго хозяйства присуще то активное, производственное направленіе, которое вообще характерно для хозяйствующаго субъекта современной эпохи. Европейскаго крестьянина земля должна прокормить, американскому фермеру земля должна принести доходы и при томъ не ниже тѣхъ, что вырабатываются во всякой иной области хозяйственной дѣятельности. Поэтому въ то время, когда потребительская, пайковая, «душевая» концепція о землѣ европейскаго крестьянина достигла своего апогея и въ 1918-19 годахъ реализовала величайшій въ исторіи передѣлъ, въ стремленіи вручить каждой крестьянской душѣ землю, какъ потребительскій паекъ, — въ Америкѣ, и въ особенности въ С. Ш., была реализована задача производительнаго отношенія къ сельскому хозяй-

*) A. H. Hollmann: Agrarverfassung und Landwirtschaft Jugoslawiens (Berichte über Landwirtschaft, 30. Sonderheft, Berlin 1931).

стаду; сельское хозяйство механизмируется, органически — биологические процессы земледелия связываются с темъ великимъ источникомъ энергии, который даетъ современная техника въ руки хозяйствующаго человека.

Стремление механизировать сельское хозяйство издавна характерно для культурнаго сельского хозяйства во всемъ мирѣ. Но осуществление этой задачи предполагаетъ наличие не только определенного уровня технической культуры, но и известной определенной культуры экономической. Только на ступѣ этихъ двухъ культуръ механизация и механизация сельского хозяйства изъ технического кушторка превращается въ массовое экономическое явление, накладывающее новую печать на все сельское хозяйство и производящее въ немъ революционныя перестройки.

Чтобы дать представление о томъ, насколько мы имѣемъ дѣло съ массовой характеристикой сельского хозяйства, мы приведемъ лишь слѣдующія цифры. Census of the Agricultural Resources of New York, произведенный 1 февраля 1918 г., зарегистрировалъ 2.982 трактора въ собственности фармъ штата Нью-Йоркъ, а уже на 1 января 1925 г. въ том же штатѣ зарегистрировано United States Census of Agriculture 25.681 тракторѣ. Или другими словами: количество тракторовъ въ собственности фармъ отмѣчаетъ ростъ въ 761,2% за периодъ въ семь лѣтъ или ростъ на 190% въ среднемъ за годъ.

Чѣмъ обусловленъ этотъ головокружительный ростъ тракторовъ въ сельскомъ хозяйствѣ С. Ш., каковы движущіе его мотивы и каковы вызываемыя имъ послѣдствія? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обратимся къ специальному изслѣдованію, посвященному роли тракторовъ на фармахъ штата Нью-Йоркъ. Такое изслѣдование произведено въ 1930 году С. W. Gilbert. Изслѣдование Gilbert явилось результатомъ анкеты относительно 175 фармъ штата Нью-Йоркъ, владеющихъ 9.019 тракторовъ, т. е. 35,1% общей численности тракторовъ штата.

Изслѣдованію подверглись фармы различнаго производственнаго направленія, а именно: общія фармы (т. е. производящіе зерновые хлѣба), фармы-плодовые сады, фармы-молочныя хозяйства, съ собственнымъ производствомъ кормовъ и съ покупными кормами. Нѣтъ ни одного существенно связаннаго съ темой изслѣдованія вопроса, который не подвергся бы освѣщенію автора.

Опираясь на такое исчерпывающее изученіе фактическихъ условий примѣненія трактора, авторъ приходитъ къ заключенію, свободному отъ увлеченій и преувеличеній. «Въ большинствѣ фармъ приобретение трактора совершается по строго дѣловымъ соображеніямъ. Тракторѣ долженъ экономить время, сокращать расходы или увеличить выручку надъ понесенными дополнительными расходами, чтобы оправдать инвестируемые средства на его покупку». Средняя цѣна трактора была (въ долл.) 692 — для двухплужнаго и 1.021 — для трехплужнаго. Средняя годовичная стоимость тракторной операціи составляла 268,63 долл. безъ труда техника и 364,39 долл., включая гослѣдній. Главный расходъ составляетъ обезпеченіе изъ-за ис-

пользования (въ работѣ или въ стоянн безъ работы), выражающееся въ размѣрѣ 97,2 долл. въ годъ на тракторъ. Средняя продолжительность жизни трактора равна 8,5 лѣтъ. Въ среднемъ тракторъ работаетъ 313 часовъ въ годъ, изъ нихъ 242 часа — тяговая работа и 71 часть — силовая работа. Работа по найму въ чужомъ предпріятіи составляетъ въ среднемъ 71 часть за годъ.

Относительная эффективность трактора выражается въ томъ, что за день тракторъ вслуживаетъ 5,7 акра, боронитъ — 21,6 акра, а дискомъ боронитъ — 18,6 акра и въ этихъ тяжелыхъ работахъ выполняетъ трудовыя усилія 6,7-12,2 коней. Въ болѣе легкихъ работахъ (косьба, жатва) тракторъ выполняетъ трудъ 2-4 коней.

Въ среднемъ тракторъ вытѣсняетъ съ фармы 1,8 коня и 3,6 мѣсяца труда наемнаго рабочаго, и это несмотря на то, что съ введеніемъ трактора площадь фармы увеличилась въ среднемъ на 14,5 акровъ.

Около 3/5 собственниковъ тракторовъ выполняютъ своими тракторами кромѣ работы въ собственномъ хозяйствѣ и чужую работу.

Приобрѣтеніе трактора дѣлаеъ необходимымъ приобрѣтеніе и рядъ орудій, приводимыхъ въ движеніе тракторомъ; среднее инвестированіе фармы на такое оборудованіе составляетъ 540,3 долл.

«Выгоды трактора растутъ съ растушимъ размѣромъ фармы. Съ ростомъ фармы обезпечиваетъ, наиболее эффективное использование трактора, труда и тракторнаго оборудованія». И дѣйствительно: мы видимъ, что послѣ приобрѣтенія трактора владѣльцы

фармъ расширяютъ площадь—съ 205,9 акр. на 237,9 акр.; въ плодовомъ садоводствѣ — съ 114,9 на 117,2 акра; въ молочныхъ фармахъ съ собственнымъ урожаемъ — съ 170,8 на 209,5 акра и въ молочныхъ фармахъ безъ собственного урожая — съ 226,5 на 228,6 акра.

«Наиболѣе благоприятныя для работы трактора являются слѣдующія условія. Равнинный характеръ мѣстности. Хорошо дренированная почва, свободная отъ твердой породы камней. Обширные, длинные и правильной формы поля. Фарма достаточныхъ размѣровъ, чтобы обезпечить трактору почтовую работу въ теченіе сезона и желательна въ пополненіе и силовую работу. Достаточный капиталъ для трактора и его оборудованія.

Приведенныя основныя положенія разсмотрѣнной экономической монографіи о тракторахъ могутъ показаться и скучными и прозаическими и, во всякомъ случаѣ, не находящимися въ прямой связи съ выше затронутыми нами большими и общими проблемами о судьбахъ сельскаго хозяйства. Тамъ не менѣе, связь между этими техническими условіями распространенія тракторовъ и судьбовосными проблемами сельскаго хозяйства очень тѣсная.

Въ самомъ дѣлѣ: о чемъ свидѣтельствуютъ отмѣченное ранѣе чрезвычайно интенсивное распространеніе тракторовъ? Что десяткамъ тысячъ тщательно взвѣшивающихъ и измѣряющихъ сельскихъ хозяевъ болѣе выгодно работать тракторомъ, чѣмъ трудомъ коней и людей. Эта большая выгода примѣненія трактора въ сельскомъ хозяйствѣ имѣетъ сво-

нимъ послѣдствіемъ удешевленіе стоимости производства с. - х. продуктовъ. Тракторныя предприятия обезпечиваютъ себя болѣе выгодными рыночными позиціи по сравненію съ тѣми своими конкурентами, которые не оперли своихъ предприятий на помощь тракторовъ. Исслѣдованіе С. W. Gilbert показываетъ, кромѣ того, что и сельское хозяйство можетъ извлекать выгоды изъ того, что называютъ въ экономіи промышленности «экономіей крупнаго предприятия»: въ болѣе крупныхъ предприятияхъ наиболѣе выгодно работаютъ крупнѣйшіе — трехплужные — тракторы, существенно снижая на единицу обрабатываемой площади земли расходы по веденію тракторной операціи и тѣмъ дѣлая еще болѣе выгоднымъ примѣненіе трактора вообще, и трактора крупнаго размѣра въ особенности.

Распространенію трактора поставлены, однако, извѣстныя границы. Границы эти опредѣляются природной и экономической средой, обуславливающей какъ проникновеніе, такъ и послѣдующее распространеніе этого приѣма с. - х. работы. Оставляя въ сторонѣ природныя ограниченія, какъ непосредственно не касающіяся интересующихъ насъ связей явленій, мы обратимся къ экономическимъ условіямъ, благоприятствующимъ или неблагоприятствующимъ распространенію трактора.

Какъ мы видѣли изъ приведенныхъ данныхъ, тракторъ — дорогое стоящее средство производства. Дороговизна этого средства производства еще болѣе усиливается тѣмъ, что для полнаго своего полезнаго дѣйствія тракторъ долженъ быть пополененъ набо-

ромъ орудій, образующихъ тракторное оборудованіе, которое разное по своей цѣнѣ самого трактора. Чтобы этотъ дорогой комплексъ орудій и средствъ производства оказался экономически приложимъ и давалъ экономію сравнительно съ живыми рабочими силами людей и скота, необходимо наличіе извѣстнаго минимума трудового приложенія трактору въ составѣ собственного с. - х. предприятия. И такъ какъ особо выгоденъ тракторъ при примѣненіи его къ тяжелымъ операціямъ тяги (всплуживаніе, бороньба, дискованіе), то необходимо наличіе въ составѣ сельско - хозяйственнаго предприятия извѣстнаго минимума земельной площади, подлежащей обработкѣ. О размѣрѣ этой площади мы можемъ получить представленіе изъ данныхъ о томъ размѣрѣ собственной площади земли, который былъ разработанъ въ среднемъ на фарму однимъ тракторомъ: площадь всплужки — 54,2 акра, площадь дискованія — 81,2 акра и площадь бороньбы — 178,8 акровъ. Но и эти размѣры площади на своихъ фармахъ недостаточны, чтобы полностью занять тракторъ. И фермеры прибѣгаютъ, какъ къ использованию трактора въ работѣ по тягѣ въ чужихъ предприятияхъ, такъ и къ возложенію на тракторъ нетяговыхъ работъ (жатва, молотба, дѣсопленіе, сѣнопресованіе и т. п.). Степень участія работы трактора въ чужихъ предприятияхъ только въ плодовыхъ садахъ не имѣетъ существеннаго значенія, выражаясь лишь 2% всей работы трактора. Но въ фармахъ другихъ направленій дѣятельности эта работа трактора въ чужихъ предприятияхъ представля-

еть весьма весомую величину, достигая 14-30% всей годовой работы трактора. Фармы, имеющие больше 150 акров собственной обрабатываемой земли, являются все же недостаточными, чтобы выгодно использовать запась силъ трактора.

Считаясь съ указанными экономическими предпосылками выгоднаго примѣненія трактора къ сельскому хозяйству, становится яснымъ, почему тракторъ быстро и успешно распространяется въ С. Ш. Америки и въ Канадѣ, но почему съ другой стороны распространение его въ континентальной Европѣ и въ особенности на югѣ и юго-востокѣ Европы чрезвычайно затруднено. Мы отыскаемъ здѣсь отъ условий природныхъ (рельефа мѣстности, качества почвы и т. д.), и отъ уровня общей и специально технической культуры населения, а сосредоточиваемъ свое вниманіе только на социальную и экономическую сторону вопроса, на томъ, что нѣмецкая научная мысль характеризуетъ специально для сего отчеканеннымъ понятіемъ *Agararverfassung*. Именно существующая аграрная конституція сѣверной Америки благоприятствуетъ распространенію тракторной культуры и черезъ нее невиданному някогда ранѣе экономическому успѣху сельскаго хозяйства; но именно та же аграрная конституція Европы и въ особенности восточной и юго-восточной Европы закрываетъ трактору, а черезъ него мощному подъему культуры сельскаго хозяйства доступъ въ европейское земледѣльческое хозяйство. Ибо въ сѣверной Америкѣ господствуютъ земледѣлія средняго и крупнаго размѣра, а въ Европѣ

и до послѣвоеннаго передѣла земля шло угрожающее дробленіе размѣра земледѣлія, которое превратилось, подхвѣстнутое послѣвоенными аграрными мѣрами, въ типъ мелкаго, очень мелкаго и даже «карликоваго» земледѣлія.

Здѣсь возникаетъ вопросъ о возможности кооперативнаго объединенія мелкихъ земледѣльцевъ - крестьянъ на предметъ совмѣстнаго приобрѣтенія тракторовъ и послѣдующаго товарищескаго ихъ использованія на всей площади земли объединившихся въ кооперацию крестьянъ. Теоретически, конечно, эта мысль совершенно естественна, но практическія трудности осуществленія такого плана такъ велики, что едва ли будетъ преувеличеннымъ пессимизмомъ не вѣрить въ воплощеніе такого теоретическаго плана въ действительности. Въ мелкомъ крестьянскомъ земледѣліи не сводится только къ малой земельной площади отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства. Какъ необходимый ингредиентъ этого типа аграрной конституція мы имѣемъ и чрезполосное земледѣліе, разбросанное во множествѣ мѣстъ; и большую бѣдность капиталами при ничтожномъ накопленіи таковыхъ изъ доходовъ, едва достаточныхъ для скуднаго пропитанія; и низкій уровень всякой культуры, въ особенности же технической. При такомъ положеніи вещей, во-первыхъ, невозможно собрать значительный капиталъ для приобрѣтенія трактора и тракторнаго оборудования; во вторыхъ, если бы удалось собрать средства и приобрѣсти тракторъ, онъ бы не могъ обслуживать экономно весь комплексъ разбросан-

ныхъ во множествѣ мѣстъ участковъ и полосъ отдѣльныхъ участниковъ; въ-третьихъ, безъ постоянного специалиста по тракторному дѣлу невозможно было бы вести операции съ тракторомъ. Только тамъ, гдѣ крестьянскія хозяйства относятся къ типу крупнокрестьянскихъ, гдѣ земля ихъ сведена въ единый кусокъ, гдѣ крестьянство зажиточно, гдѣ крестьянство высоко - культурно и технически просвѣщено и гдѣ кооперативная идеология пустила глубокіе корни, — можно считать не утопией попытку кооперативной организации тракторной культуры, — напр., въ Германіи, Даниі, Голландіи.

Но, быть можетъ, скажутъ: какая же собственно опасность въ томъ, что сельское хозяйство сѣверной Америки вступаетъ на болѣе успѣшные пути производственной дѣятельности? Въ этихъ болѣе прогрессивныхъ областяхъ мирового сельского хозяйства будутъ производить болѣе дешевые продукты сельского хозяйства, тогда какъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ по различнымъ соображеніямъ и преимущественно изъ-за мелкаго землевладѣнія не могутъ применять тракторовъ, будутъ производить и продавать с.-х. продукты по болѣе дорогимъ цѣнамъ.

Въ томъ то и дѣло, что такое существованіе двухъ раздѣльныхъ мировъ с.-х. производства и рынка немислимо въ условияхъ одновременнаго развитія международныхъ экономическихъ связей и стношеній. Если американскій машинизированный типъ сельского хозяйства закрѣпится, то тотъ же тракторъ, который будетъ благо-слепенемъ для американца, станетъ проклятіемъ для европейска-

го крестьянина. Европейскіе народы принуждены будутъ прибѣгнуть къ системамъ таможенной борьбы противъ дешеваго продукта тракторнаго сельского хозяйства въ стремленіи спасти свое национальное крестьянское хозяйство. И борьба эта будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ успѣшнѣе будетъ проникать прогрессъ техники съ одну часть мирового сельского хозяйства и чѣмъ труднѣе этотъ прогрессъ будетъ доступенъ другой части мирового сельского хозяйства.

Въ то время, какъ въ Европѣ обдумываютъ планы затруднить потокъ движущейся новой техники сельского хозяйства и тѣмъ защитить европейское сельское хозяйство, понашое въ туникъ, прогрессъ техники сельского хозяйства за океаномъ сдѣлалъ новый, еще болѣе рѣшительный шагъ впередъ. Использование машинной техники сельского хозяйства, и, что еще болѣе важно, эта новая машинная техника сельского хозяйства позволила взять въ обработку такія земли, которыя до сихъ поръ признавались негодными для земледѣльческой культуры.

Чтобы дать болѣе наглядное представленіе того, въ чемъ состоитъ этотъ давящійся техническій прогрессъ сельского хозяйства, я приведу описаніе работъ съ такимъ хозяйствѣ, относящихся къ дѣту 1930 г., данное очевидцемъ и при томъ выдающимся специалистомъ въ области с.-х. экономики, нѣмецкимъ профессоромъ Максомъ Зерингомъ. «Въ посѣщенной нами въ юго-западномъ Канзасѣ пшеничной фермѣ средняго размѣра въ 640 гектаровъ, изъ коихъ 400 гект. подъ

озимой пшеницей, приступили в этом году к жатвѣ между 20-25 июля и снимали жатву комбинированной машиной: жатка и молотилка, «Combine», какъ тамъ говорятъ. Эта машина убираетъ 28 гект. въ день, обслуживается она двумя лицами, одинъ — у трактора, другой — у рабочей машины. Третій необходимъ для свозки зерна, которое изъ машины сыплется въ грузовой автомобиль. Непосредственно послѣ жатбы начинается вспашка поля, которая не производится уже болѣе плугомъ. Для вспашки пользуются громадными острыми боронами, которая взрыхляютъ почву и сбрасываютъ ее на одну сторону. Влекаемая тракторомъ, она ежедневно за 24 часа работы обрабатываетъ 32 гект. Работаютъ круглые сутки, въ жаркую пору напряженіе труда чрезвычайно велико.

«Экономія въ расходахъ на трудъ чрезвычайно велика въ сравненіи съ старыми методами подготовки и уборки урожая. По изслѣдованіямъ землѣдѣльческаго вѣдомства С. Ш. требуется 11 съ половиной часовъ труда мужского рабочаго для уборки одного гектара при очень распространенныхъ у насъ методахъ работы жаткой-сноповязалкой и послѣдующей молотбы на неподвижной паровой молотилкѣ. Если вѣстѣ сноповязалки примѣняется такъ называемый Кёрфер — въ засушливыхъ областяхъ всегда затруднительна была везка, такъ какъ солома очень коротка, — то необходимо лишь 9 съ пол. часа, а при жаткѣ - молотилкѣ — всего лишь 1 три четв. часа, — т. е. получается громадная экономія труда. Но, конечно, стоимость этихъ

большихъ машинъ, даже и введенныхъ съ 1918 г. болѣе мелкихъ моделей, велика (8-10 тысячъ марокъ), и потому примѣненіе дорогихъ машинъ оплачивается лишь на большей площади. Это явилось сильнымъ побужденіемъ къ расширенію площади фармы. При площади подъ хлѣбомъ меньше 120 гектаровъ (300 акровъ) нѣтъ вообще никакой экономіи.

«Возникаетъ вопросъ: гдѣ же тризна рентабельности какъ долго будутъ еще расширять фармы тѣмъ же темпомъ экстенсивное производство пшеницы? При такомъ одностороннемъ пшеничномъ хозяйствѣ легко вычислить стоимость производства. На условянтой, особо разумно ведущейся средней по размѣру пшеничной фармѣ въ Канзасѣ, собранной въ этомъ году урожай озимой пшеницы съ 1.000 акровъ или 400 гектаровъ, себѣстоимость производства бушеля пшеницы выражается въ 37 центовъ, тогда какъ урожай того же года продавался тамъ по 68 центовъ бушеля, что даетъ очень значительную прибыль даже при такомъ уровнѣ мировыхъ цѣнъ, который приводитъ въ отчаяніе производителей хлѣбовъ въ старыхъ областяхъ с.-х. культуры, въ томъ числѣ и въ самихъ С. Ш. У обычныхъ фермеровъ того же района и при средней урожайности себѣстоимость бушеля пшеницы составляетъ 60 центовъ. Эти цифры слѣдуетъ считать типичными для всей пшеничной области великой равнины.

Стремленіе возможно сократить расходы по производству и прежде всего уменьшить необходимость найма дорого стоящихъ рабочихъ вызвало примѣненіе новыхъ машинъ. А высокая техни-

ческая культура американца позволила ему самому управлять этими сложными машинами, не обращаясь к услугам специалистов - техников. Конечно, в этом отношении сыграло огромное и плодотворное значение исключительное распространение автомобиля в С. Ш. «Что С. Ш. стоят впереди всех в применении новой техники, можно понять лишь из общих социологических и политических условий их экономического развития. Основу создало усиленное военной богатство капиталами и вызванное им чрезвычайное повышение заработных плат. На это постоянно указывают нам пионеры: мы должны были, — говорят они, — платить тогда заработную плату в 75 долл. в месяц, кроме харчей и жилища, рабочие отнимали у нас всю прибыль; поэтому мы принуждены были ввести большие машины, мы обратились к университетским профессорам, к машиностроительным фабрикам, к банкам».

«Но и в Великой Равнине гигантские фермы — редкое исключение. Во всем Канзасе имеются лишь четыре фермы, заслуживающие этого наименования, т. е. выполняющие физический труд только чужими людьми. Все другое, как является общим правилом всюду в Штатах, — подлинная семейная ферма, конечно, больших размеров. Отец и сын, или два брата, в зависимости от силы применяемого трактора и величины жатки-молотилки, ведут хозяйство на одном — двух, даже четырех участках или английских квадратных милях, т. е. на 250-1000

гектарах. Эти семейные фермы имеют размер рыцарских имений восточной Германии. В семейных фермах нередко ведут трактор полувзрослая дочь или подросток. Существует полное согласие в том — и это представляется мне важным — что этот мелко - капиталистический тип фермы совершенно конкурентоспособен. Не существует никаких шансов, чтобы он вытеснен был гигантскими фермами. Люди смеются, когда им рассказывают о профессоре, предсказавшем гибель этой формы предприятий» *).

Из приведенного описания следует, что начатая массовым распространением тракторов индустриализация сельского хозяйства получила дополнительный толчок в результате дальнейшего прогресса техники машинного производства в сельском хозяйстве. Комбинация сложных машин, приводимых в движение в настоящее время трактором, является дальнейшим и решительным шагом на пути индустриализации сельского хозяйства, в особенности зернового хозяйства. Понятие «штучной фабрики» перестает быть метафорой, а становится адекватной характеристикой тех новых экономических условий, в которых осуществляется производство зерновых хлебов. Порожденная чисто-капиталистическими соображениями об увеличении доходности, работающая совершенными с.-х. орудиями

* Все приведенные цитаты взяты из доклада Max Sering (Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik in Königsberg 1930, München und Leipzig, 1931).

дѣями современная американская фарма обнаруживаетъ характерныя черты и особенности капиталистическаго предпріятія. Разрывъ съ домоводствомъ и съ соображеніями, натуральныхъ потребностей семьи, работа на рынокъ путемъ выбрасыванія массовыхъ партій с.-х. продуктовъ - товаровъ, духъ точной калькуляціи и расчета, опирающийся на счетоводныя записи, перемѣщеніе центра тяжести расходовъ предпріятія съ издержекъ по примѣненію трудовыхъ усилий на расходы по машинно - техническому оборудованію и монтированію предпріятія, — во всемъ этомъ то новшество, которое роднитъ указанный типъ сельско-хозяйственнаго предпріятія съ индустріей современнаго образца и уничтожаетъ черты сходства съ прежними способами веденія с. - х. предпріятій, господствующими въ Европѣ.

До сихъ поръ мы останавливались на тѣхъ измѣненіяхъ, которыми подвергается социально-экономическая сторона сельскаго хозяйства, самый *Agarverfassung*; но неожиданнымъ послѣдствіемъ того же процесса явилось кромѣ того географическое перемѣщеніе самаго центра тяжести зернового хозяйства.

Громадныя площади земель до сихъ поръ не вовлекались въ сельское хозяйство только потому, что онѣ расположены въ районахъ недостаточно обеспеченныхъ тѣмъ минимумомъ влаги, который необходимъ для успѣшнаго прироста злаковъ. Между тѣмъ, по своимъ почвеннымъ качествамъ эти засушливыя и даже полу-пустынные районы представляютъ превосходныя пшеничныя земли. Оставаясь въ теченіе лѣ-

товъ внѣ сельско - хозяйственной обработки, эти земли накопили въ своей почвѣ громадныя запасы цѣнныхъ минеральныхъ солей, могущихъ дать обильное и превосходное питаніе корнямъ хлѣбныхъ злаковъ. Плодородіе этихъ почвъ не только не было истощено за счетъ производимыхъ урожаевъ, но рѣдкое выпаденіе осадковъ препятствовало вымыванію изъ почвы дождями этихъ цѣнныхъ элементовъ. Съ другой стороны, единственное использование этихъ земель въ формѣ пастбищъ для скота также оказалось выгоднымъ для этихъ районовъ. Извлекая ничтожную часть плодородныхъ элементовъ этой почвы въ видѣ дико растущихъ травъ, скотъ не только возвращалъ этимъ землямъ отнятое у нихъ въ формѣ навоза, но, что болѣе важно, вытѣпывая эти земли въ теченіе вѣковъ, содѣйствовалъ выравниванію рельефа этихъ земель, превращая ихъ въ громадныя равнины, ровныя, какъ ладонь.

Здѣсь имѣется въ наличности все необходимое для максимальнаго успѣха пшеничныхъ фабрикъ. Громадныя вытоптанныя равнины представляютъ идеальныя условія для работы трактора. Богатыя запасы въ почвѣ питательныхъ веществъ, большое количество тепловой и солнечной энергіи, сухость климата — все это очень благоприятствуетъ культурѣ пшеницы и при томъ наиболѣе цѣнныхъ сортовъ пшеницы, богатой содержаніемъ бѣлковыхъ веществъ.

Тракторная обработка позволяетъ справиться съ тѣмъ единственнымъ препятствіемъ, которое до сихъ поръ принуждало остав-

дать эти цѣнные земли въ пустыни. Глубокая и основательная вспашка и обработка, которая въ такой степени доступна трактору и которая не во силахъ даже наиболее сильныхъ породамъ скота, позволяетъ обезпечить растущимъ хлѣбнымъ злакамъ тѣмъ запасами влаги, которые накоплены въ болѣе глубокихъ пластахъ почвы. Съ малое количество влаги, которое имѣется въ этихъ районахъ, можетъ оказаться достаточнымъ для успѣшнаго произрастанія пшеницы, если проявить максимальную бережливость и умѣние использовать эту влагу. Своевременная и очень основательная обработка этихъ земель, съ одной стороны, и оставленіе этихъ земель безъ пошва черезъ два года въ третій или черезъ три года въ четвертый съ цѣлью накопленія необходимого запаса влаги почвой, дѣлаютъ возможнымъ вести въ «сухое земледѣліе» («dry agriculture»), которое превращаетъ эти полу-пустынные земли въ лучшіе въ мірѣ пшеничные районы.

А если принять во вниманіе, что эти безводныя площади, служившія до сихъ поръ лишь случайными и непродолжительными участками, представляются чрезвычайно дешевыми землями, — то легко себя представить, съ какой энергіей будутъ эти земли превращены въ пшеничныя фабрики.

Это перемѣщеніе пшеничного производства съ земель бывшихъ до сихъ поръ подъ обработкой на новыя площади еще некультурованной земли уже въ полномъ ходу. Специалисты оцѣниваютъ, что за послѣдніе годы съ 1925 по 1929 производство пшеницы распространилось на эти новыя безводныя земли уже въ про-

мадномъ размѣрѣ. Въ одной лишь Америкѣ мы имѣемъ передъ собой такія цифры: въ С. Ш. — 3,6 милліона гект., въ Канадѣ — 1,8 милл. гект., въ Аргентинѣ — 0,7 милл. гект.; движеніе перекинулось и на Австралію, гдѣ за тотъ же періодъ мы имѣемъ ростъ пшеничнаго производства въ безводномъ районѣ въ 1,7 милл. гект. Вновь ставшій доступной пшеничной культурѣ площади спеціалисты оцѣниваютъ въ громадныхъ цифрахъ. Предполагаютъ, что С. Ш. имѣютъ возможность въ непосредственномъ будущемъ вести пшеничную культуру на такихъ новыхъ земляхъ площадью въ 16 милл. гект. (это значитъ въ полтора раза больше всей площади зерновыхъ культуръ Германіи); площадь этихъ земель Аргентины и Австраліи много больше площади С. Ш.

Вопросъ о запасѣ такихъ свободныхъ, дешевыхъ и плодородныхъ пшеничныхъ земель имѣетъ рѣшающее значеніе для судьбы мірового культурнаго земледѣлія. Если площадь этихъ некультурныхъ земель такъ велика, что міровая потребность въ пшеницѣ можетъ быть удовлетворена ихъ продукціей, то предстоитъ неслыханная по размѣрамъ своимъ перестройка культурнаго, въ частности европейскаго земледѣльческаго хозяйства. Съ этой точки зрѣнія представляетъ значительный интересъ недавно опубликованное изслѣдованіе, посвященное этому вопросу о новыхъ безводныхъ пшеничныхъ площадяхъ. Спеціалистъ - почвовѣдъ, американецъ С. F. Margbut, ответственный чиновникъ министерства земледѣлія Соедин. Штатовъ, въ томъ 1930 г. совершившій научное

путешествіе по Россіи, напечаталъ чрезвычайно интересную статью о пшеничныхъ земляхъ въ Россіи и о развитіи механизированнаго производства пшеницы въ совхозахъ*). Въ этой статьѣ авторъ сравниваетъ пшеничный поясъ Россіи и С. Ш. и приходитъ къ выводу, что этотъ почвенный поясъ имѣетъ въ С. Ш. около 1.750 миль длины, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Южной Дакотѣ) 200 миль широты. Соответствующій русской почвенный поясъ тянется къ востоку и западу отъ устья Дуная до центральной Сибири и въ три раза больше пшеничнаго пояса С. Ш. Отсюда слѣдуетъ, что пшеничныя возможности только Россіи и С. Ш. достаточны для катастрофическаго воздействия на пшеничное производство мирового культурнаго земледѣлія. А вѣдь кромѣ С. Ш. и Россіи громадная площадь этихъ земель имѣется и въ другихъ частяхъ Америки (Канада, Аргентина), въ Австраліи и въ Азій.

И мы видимъ, какъ уже сейчасъ, когда намѣчающееся географическое перемѣщеніе пшеничнаго производства находится лишь въ зачаточномъ состояніи, мировая экономика пшеницы переживаетъ жестокой кризисъ. И что интересно и должно быть особо подчеркнуто: катастрофу испытываетъ не только европейское земледѣліе подъ воздействием сѣверной Америки, но и въ самихъ С. Ш. отдѣльные районы подвергаются тяжкимъ и болѣзненнымъ ударамъ. Сотни тысячъ гектаровъ земли и десятки тысячъ

фармъ забрасываются ихъ владельцами, которые миллионы переходятъ въ С. Ш. отъ сельскаго хозяйства; а параллельно этому сотни тысячъ и миллионы гектаровъ новой земли, цѣлныи поднимаютъ другіе сельскіе хозяева. Въ условіяхъ нынѣшняго года, года неслыханной въ исторіи катастрофы сельскаго хозяйства, не приостанавливается этотъ процессъ проникновения пшеничныхъ фабрикъ въ бывшую безводную пустыню. Ибо катастрофическое паденіе цѣнъ не бьетъ по тѣмъ, кто, работая на дешевыхъ, дѣшевыхъ земляхъ, почва и климатъ которыхъ особо благоприятны производству пшеницы, работая тракторами и комбайнами, удешевляющими чрезвычайно издержки производства, могутъ получать недурные барыши и при такомъ катастрофически-низкомъ уровнѣ цѣнъ.

Мрачная тѣнь нависла надъ мировымъ культурнымъ сельскимъ хозяйствомъ, въ особенности надъ мелко - крестьянскимъ хозяйствомъ Европы. Введеніе тракторной культуры угрожаетъ ему и со стороны социальнo - экономической, и со стороны природно-географической.

Было бы неосторожнымъ пытаться дать точный прогнозъ будущаго развитія европейскаго сельскаго хозяйства при охарактеризованныхъ условіяхъ. Но уже теперь можно утверждать, что тяжкій кризисъ современнаго сельскаго хозяйства такъ легко и быстро не будетъ преодоленъ крестьянскимъ хозяйствомъ европейскихъ народовъ. Всего скорѣе и

*) Geographic Review, publication of the American Geographic Society, 1931, January.

легче приспособятся къ новымъ условиямъ мирового сельскаго хозяйства тѣ направленія крестьянскаго хозяйства Европы, которыя уже давно и прочно оставили зерновое производство и перешли къ производенію высоко - качественныхъ сельско - хозяйственныхъ продуктовъ, требующихъ и поглощающихъ большія количества заботливаго труда самихъ крестьянъ. Всего болѣзненнѣе придется ударъ по тому европейскому крестьянству, которое производитъ зерновыя культуры для цѣлей международной торговли.

Но можно ли поручиться, что механизация сельскаго хозяйства остановится лишь на производствѣ зерновыхъ хлѣбныхъ? Едва ли: уже сейчасъ идетъ напряженная работа въ области созданія машинъ и для культуръ, въ области сельскаго хозяйства, гдѣ до сихъ поръ неограниченно господствовалъ ручной трудъ. Уже и сейчасъ производство льна,

хлопка и фруктовъ испытываетъ мощное воздѣйствіе тракторовъ. А чѣмъ въ большую область сельскаго хозяйства сумѣетъ проникнуть механизация и машинизация, чѣмъ больше культуръ будетъ захвачено этимъ новымъ, по существу творческимъ и прогрессивнымъ процессомъ вытѣсненія слабой человѣческой руки сильными машинными двигателями, тѣмъ болѣе труднымъ окажется положеніе европейскаго крестьянскаго хозяйства, въ которомъ раздробленіе землевладѣнія — основная особенность *Agrarverfassung* его — представляетъ чрезвычайное - трудно преодолимое препятствіе проникновенію тракторной культуры. И едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія аграрной конституціи сельскаго хозяйства и техническаго подъема способностей обработки земли.

Н. В. Долинскій.

Прага передъ революціей 1848 года

Коллективныя заботы гражданъ о благоустройствѣ города связаны лишь съ болѣе поздними временами. Какъ раньше каждый моетилъ улицу и устраивалъ тротуаръ передъ своимъ домомъ, точно такъ же долженъ былъ каждый въ отдаленности заботиться и объ освѣщеніи. Фонари прикрѣплялись надъ входомъ во дворъ, надъ воротами и служили указаніемъ для хозяевъ и для ихъ гостей. Рѣдкіе прохожіе пробирались отъ фонаря къ фонарю, спотыкаясь на неровностяхъ мостовой, зимой скользкая и падая. Болѣе осторож-

ные брали съ собой ручные фонари.

Ночная улица первой половины 19-го столѣтія, если и не была страшна, то во всякомъ случаѣ не возбуждала довѣрія и навѣвала меланхолію. Рѣдкій свѣтъ въ окнахъ, фонари передъ домами, лампадки передъ иконами и статуями скорѣе подчеркивали тьму, чѣмъ освѣщали улицу. Лишь постепенно начинаютъ вводить городскіе фонари, сначала на мостахъ и набережныхъ, потомъ на площадяхъ и главныхъ улицахъ. Впервые общественное освѣщеніе

вводятся въ Прагѣ въ 1723 г. Для зажиганія фонарей, не принадлежащихъ домамъ и слѣдовательно не находящихся въ вѣдѣніи отдѣльныхъ лицъ, были наняты магистратомъ два «хорошихъ, скромныхъ и трезвыхъ» человѣка. Немногу въ первой четверти 19-го вѣка вводятся болѣе усовершенствованные «аргантические» фонари, въ которые наливалось льняное масло; въ 1828 г. на всю Прагу было 628 аргантическихъ и 224 обыкновенныхъ фонарей.

Однако, все-же пришло время, когда масляные и керосиновые фонари, коптившіе и допавшіеся на вѣтру, были замѣнены наконецъ газовыми. Въ первый разъ зажгли газъ въ Прагѣ 15-го сентября 1847 г., конечно, лишь на главныхъ улицахъ. Укажемъ для сравненія, что въ Лондонѣ ввели газовое освѣщеніе въ 1814 г., въ Парижѣ — въ 1815, а въ Вѣнѣ — въ 1840 году.

Однако жалобы на освѣщеніе мы не перестаемъ слышать по крайней мѣрѣ всѣ первые 30 лѣтъ. Въ 1822 г. А. фонъ Шаденъ, говоря о красивой формѣ пражскихъ канделябровъ, не можетъ воздержаться, чтобы не указать и на чрезмѣрно ихъ малое количество. Лишь Шисслеръ въ 1834 г. заявляетъ, что въ виду того, что готъ уже нѣсколько лѣтъ на площадяхъ и главныхъ улицахъ ставятъ фонари и реверберы, а хозяевамъ домовъ не запрещается также вывѣшивать надъ воротами фонари, освѣщеніе начинаетъ дѣлаться удовлетворительнымъ. Болѣе яркое освѣщеніе бывало лишь по случаю торжественныхъ прїѣздовъ и бадовъ, когда устраивалась иллюминація цѣлыхъ улицъ или же освѣщались от-

дѣльные дома, гдѣ происходили торжества.

Самъ городъ Прага, какъ видно изъ сказаннаго въ началѣ этого очерка, не былъ великъ, но то, что сокращаетъ въ наше время разстояніе и даетъ возможность людямъ жить на окраинахъ, не теряя при этомъ контакта съ центромъ, — хорошее сообщеніе, — въ первой половинѣ 19-го столѣтія въ Прагѣ совершенно отсутствовало. Принимая во вниманіе состояніе мостовыхъ, сообщеніе даже пѣшее между двумя такими частями города, какъ, напримѣръ, Градчаны и Новый городъ, было сопряжено со значительной потерей времени. Поэтому ходили лишь по нуждѣ, на работу, а если для забавы — въ гости, на балъ, — то надолго, основательно, такъ чтобы уже стояло. Ѣздили лишь люди состоятельные, имѣвшие своихъ лошадей и коляску, или тѣ, которые могли нанять карету по крайней мѣрѣ на полдня. Движеніе на улицахъ не было оживленно въ нашемъ смыслѣ слова, но въ извѣстные часы, на опредѣленныхъ мѣстахъ-прогулкахъ, на мостахъ, все же было большое скопленіе публики.

Съ перемѣнами въ характерѣ жизни или въ состояніи мостовыхъ измѣнился и способъ передвиженія. Кромѣ каретъ, которыя занимались помѣсячно, постепенно появляются извозчики и дрожки. Мѣста стоянки извозчиковъ были строго опредѣлены на различныхъ площадяхъ или большихъ улицахъ. Такъ въ Старомъ Городѣ на Большой площади, на Кржижовнической площади, въ Рытиржской улицѣ и т. д.; въ Новомъ Городѣ можно было ихъ найти на площади у Пявны Маріи

Сѣжной, на Добычнѣмъ рынкѣ, въ Водичковой улицѣ и т. д. Возникаетъ и болѣе дешевое и доступное широкимъ кругамъ сообщеніе, omnibusы, которые ходили каждыя полчаса отъ Старой ратуши къ Малоостранской площади. Въ загородные сады, какъ-то: Обору, Звѣзду, Нуслэ можно было также ѣздить въ «общественныхъ экипажахъ», что обходилось, конечно, много дешевле, чѣмъ специальный экипажъ, нанятый особо.

Многія загородныя мѣста, служившія лѣтомъ цѣлью прогулокъ, лежали на рѣкѣ; сообщеніе съ ними поддерживалось на лодкахъ, которыя однако обычно нанимались на нѣсколько часовъ или же на цѣлый день и на которыхъ катались цѣлымъ обществомъ, семействомъ; ихъ же особенно охотно избирали для прогулокъ влюбленные парочки. Пассажирскаго пароходнаго сообщенія по Влтавѣ въ тридцатыхъ годахъ не было, и тѣ, кто во что бы то ни стало хотѣли ѣхать по волѣ, должны были удовлетворяться грузовымъ парходомъ.

Съ развитіемъ промышленности и торговли Прага начинаетъ все острѣе ощущать потребность въ болѣе усовершенствованномъ и скоромъ сообщеніи съ остальнымъ свѣтомъ. Однако, доставка почты и пассажировъ до конца 40-хъ годовъ остается почти всецѣло въ рукахъ конной почты. Письма и посылки нужно было сдавать и получать лично; въ нѣкоторыхъ случаяхъ о нихъ приходило адресату сообщать, но въ большинствѣ случаевъ нужно было ходить и спрашивать у почтмейстера. Конвертовъ для писемъ не существовало и бумага склады-

лась весьма остроумнымъ способомъ, причемъ для того, чтобы это сооруженіе не развернулось, оно припечатывалось сургучемъ и особой печаткой. Отсюда мода большихъ мужскихъ золотыхъ перстней съ вырѣзанными монограммами, гербами или эмблемами. Иногда золотая пластинка замѣнялась дощечкой изъ полудрагоценнаго камня, на которой вырѣзывались тѣ-же вещи.

Нѣкоторое усовершенствованіе было проведено въ почтѣ тѣмъ, что передъ отправкой почтового дилижанса по городу ходилъ человекъ съ трешеткой, производившей адскій шумъ, ему можно было передавать письма и посылки для отправки. Называлось это «Клапачкова почта» (клапачка — колотушка). Почтовые ящики на углахъ улицъ и на людныхъ мѣстахъ появились лишь позднѣе. Но ни клапачковой почтѣ, ни ящикамъ пражане особенно не доверяли, и для вѣрности ходили на главную почту, бывшую на Малой Странѣ.

Само собой разумѣется, что отправка писемъ, такъ же, какъ и пассажировъ, была не каждыи день, для этого существовали особые почтовые дни, игравшіе большую роль въ жизни того времени. Послѣ наполеоновскихъ войнъ, въ Австріи, а слѣдовательно и въ Чехи, вводится клаенная почта, рядомъ съ которой однако существуетъ и частное сообщеніе.

Несмотря на примитивность такого сообщенія, въ Прагѣ существовало нѣсколько сортовъ почты. Прежде всего это были дилижансы, а съ 30-хъ годовъ скорая почта. Г. фонъ Копецъ, какъ на основаніи разсказовъ, а такъ же и по воспоминаніямъ дѣтства,

довольно подробно описывает всю эту почтовую механику.

«Дилижанс — это повозка, состоящая из двух ящиков: передний был ящикомъ пытокъ, въ которомъ помѣщались путешественники, прилежавшій къ нему задній, отягченный желѣзными, устроенными для запиранія, ящиками предназначался для перевозки багажа, который пересылался по почтѣ. Экспедиція этого экипажа для людей и вещей была почтовая, т. е. въ пути не всѣхъ казенныхъ станційхъ мѣняли лошадей. Повозка, запряженная четырьмя лошадьми и управляемая ѣдущимъ верхомъ на одной изъ лошадей почтальономъ, была массивной конструкціи; находясь на Целетной улицѣ «У Золотого Гребня», можно было узнать по грохоту желѣзныхъ цепей ѣдущее у Пороховой башни чудовище-дилижансѣ.

Только въ началѣ тридцатыхъ годовъ была организована перевозка путешественниковъ при помощи казенной скорой почты. Мы были тогда рады и горды нашимъ прогрессомъ въ пассажирскомъ сообщеніи, вѣдь мы достигли Вены за 36 часовъ, т. е. за день и двѣ ночи! — но скрюченные и уставшіе отъ долгаго сидѣнья, мучимые жарой и пыльнымъ вѣтромъ, окончившіе отъ холода знойю».

Для ѣзды скорой почтой было необходимо имѣть паспортъ на вѣздѣ и брать билетъ за нѣсколько дней впередъ. Пассажиры могли везти бесплатно 50 фунтовъ багажа, но не въ сундукахъ, а лишь въ дорожныхъ мѣшкахъ. Такъ возникалъ весьма пестрый и живописный багажъ, состоящій изъ всяческихъ узелковъ, карто-

нокъ и мѣшковъ. Путешественникъ надѣвалъ на себя какъ можно больше всякихъ ватныхъ фракковъ, пальто и плащевъ, предпочтя такъ себя отъ холода и сокращая издержки на багажъ. Путешествіе, какъ удовольствіе или какъ спортъ, почти не существовало, а потому и специальные дорожные костюмы отсутствовали за малымъ исключеніемъ: люди ѣздили въ старомъ платьѣ, которое не жаль было испортить. Еще въ началѣ 19-го столѣтія случалось, что женщины ради вѣрности ѣздили въ мужскомъ платьѣ. Впрочемъ, это могло дѣлаться не столько изъ опасенія передъ излишней любезностью мужчинъ, сколько изъ романтизма и подражанія великой повелительницѣ сердець Жоржъ-Сандъ.

Скорая почта не была единственнымъ средствомъ сообщенія; кромѣ уже упомянутого дилижанса, былъ еще мальпостъ, и наконецъ государственная экстренная почта, которой можно ѣхать въ какое угодно время, но для этого необходимо было брать подорожную отъ Государственнаго президіума. Обычно этимъ способомъ ѣздили тѣ, кто имѣлъ свой экипажъ, но и тѣмъ, которые его не имѣли, за особую плату обязаны были давать легкую коляску.

Удобствъ въ такомъ способѣ передвиженія особыхъ не было, скорость была сомнительна, но зато въ немъ была особая поэзія. Маха *) такъ описываетъ дили-

*) К. Г. Маха — чешскій поэтъ, род. въ 1810 г., умеръ въ 1836. Находился подъ вліяніемъ Байрона, а также Мицкевича и Пушкина.

жансь, ѣздившій изъ Праги въ Мельникъ. «Четыре длинныя стѣны, надъ нами, подъ нами и съ каждой стороны по одной; двѣ короткія почти подобныя равно стороннимъ шестиугольникамъ на обонхъ концахъ. Не гробъ-ли это? Нѣтъ — это не гробъ! Подъ нами стучать четыре быстрыя колеса, передъ нами топочеть восемь конскихъ копытъ, надъ нами хлопаетъ и щелкаетъ гибкій бичъ кучера».

Путешествіе не должно было быть очень удобнымъ, если часто повторялись эпизоды вродѣ того о которомъ сообщаетъ Э. фонъ Ранке: въ почтовой каретѣ на пути отъ Карлова Тына до Праги ему посадили на колѣни довольно легко одѣтую дѣвушку, которую онъ не только долженъ былъ везти въ этомъ положеніи до мѣста назначенія, до которой кромѣ того долженъ былъ уступить изъ-за холодной погоды свой плащъ. Но тѣ, кто умѣлъ относиться къ жизни весело и юмористически, не жаловались ни на неудобства, ни на неожиданное общество. Тылъ въ «Нѣсколькихъ листахъ изъ мѣшей старой сумы» рассказываетъ: «Экипажъ былъ набитъ биткомъ. Въ четырехколесномъ комодѣ, на которомъ было написано: «Stellwagen für acht Personen», сидѣло насъ двѣнадцать душъ, помимо шкатулокъ и узловъ, болтавшихся у насъ подъ ногами. Вы можете себѣ представить, какъ чувствовали себя всѣ наши члены! А какое тамъ было общество! Въ жизнь свою не забуду и его. Блѣдный студентъ, рыжій гренадеръ, беззубая торговка, худой барышникъ, пухленькая горничная, стройная портиашка, болт-

ливый приказчикъ изъ племени Израиля, а рядомъ со мной паня Катерина Зазворкова, супруга бурмистра изъ Выстрковскихъ помѣстій, — сорока лѣтъ отъ роду, маленькая, шупенкая, волосъ черный, глаза каріе, съ лица худощавая, — такъ было написано въ ее паспортѣ — и языка бойкаго, застряло у писаря на кончикѣ пера».

И все же у почты была своя поэзія, которую убили желѣзныя дороги. Ея атрибутами были немного маскарадныя формы почтальоновъ, ихъ длинный бичъ и рогъ, въ который они трубили на поворотахъ и при въѣздѣ въ городскія ворота. Дороги не всегда были безопасны, иногда ночные рыцари наводили страхъ на пѣлые округа; малѣйшій шорохъ или фигура, вдругъ вынырнувшая изъ тьмы, бросали пассажировъ въ дрожь, женщины визжали и прижимались къ спутникамъ, почтальонъ еще усиленнѣе хлопалъ бичемъ. Но и безъ этихъ экстренныхъ случаевъ у поѣздкы на почтовыхъ было большее очарованіе, чѣмъ у желѣзной дороги. Уже самъ отъѣздъ на разсвѣтъ изъ Праги долженъ былъ производить сильное впечатлѣніе на путешественниковъ, которымъ казалось, что они отрываются навсегда отъ родного гнѣзда и уѣзжаютъ въ безбрежный и неизвѣстный міръ. Самые обычные и прозаическіе предметы мѣняли свой обликъ. Рубешъ такъ оптически смену отъѣзда: «Въ проходѣ стоялъ невыспавшійся лакей безъ шапки, въ своемъ черномъ кашцелярскомъ фракѣ и въ снѣгъ фарукѣ, — противъ него озябшая кельнерша, прячущая подъ мериносовымъ фарукомъ

свои ручки; эти два человекa влюбленно смотрѣли другъ на друга. На дворѣ было оживленно. Пятакъ жирныхъ парней запрягали двухъ худыхъ лошадей въ дилижансъ, изъ оконъ котораго уже выглядывали курчавыя и некурчавыя головы. Надъ ними почтовый слуга укладывалъ шкатулки. «Ахъ! — шкатулки? хорошая примѣта! Значить красотики тоже недалеко» — и надежда не обманула меня! Неподалеку стояли двѣ, одна еще хороша собой, а другая со слѣдами былой красоты, занятая такимъ важнымъ разговоромъ, какъ будто имъ по крайней мѣрѣ нужно было рѣшить судьбу турецкой имперіи».

Паровая машина все это отодвинула въ прошлое, въ томъ члѣдѣ и прелесть ранняго выѣзда со двора гостиницы, въ которой проведена случайная ночь. Между дилижансомъ и паровозомъ была еще нѣкая переходная ступень, въ видѣ желѣзной дороги, подвижной однако лошадами. Въ 1830 г. завели такую между Прагой и Ланами, подражая той, что была съ 1827 г. между Будапешта и Лициемъ. Изъ записей современниковъ видно, какое сильное впечатлѣніе производилъ на нихъ даже такой несовершенствованный видъ транспорта.

Введеніе настоящей желѣзной дороги пришло значительно поздне, а именно въ 1845 г. Ея организація была довѣрена «Первому императорскому королевскому обществу австро-венгерской государственной желѣзной дороги». На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ первый вокзалъ, находилась въ началѣ столѣтія группа са-

мыхъ разнообразныхъ домовъ, какъ бѣдныхъ лачугъ, такъ и довольно роскошныхъ виллъ. Между ними лежали сады и огорода, дѣлавшіе это мѣсто еще болѣе пустыннымъ. Къ вокзалу, построенному злѣсь, подошелъ 20-го августа 1845 г. первый поѣздъ изъ Оломоуца, Чешской Тржебовы. Паровозъ «Чехію» велъ патріотъ — инженеръ Пэрнэръ, умершій въ томъ же году. По поводу этого происшествія Коубкомъ была написана ода, начинавшаяся словами:

«Свѣтъ новыхъ чудесъ простирается
Передъ очами, горящими радостью».

Менѣ восторженный Гавличекъ, который однако очень интересовался постройкой желѣзной дороги и много о ней писалъ, окладывалъ восторгъ пражанъ краткой эпиграммой:

«Чему дивишься, чехъ энтузіаста?
Приковали Прагу къ Вѣнѣ, вотъ тебѣ и баста!»

Вначалѣ пражане относились къ желѣзной дорогѣ осторожно и не особенно довѣрчиво, несмотря на торжественную встрѣчу, устроенную первому поѣзду. Ѣздили лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ и на далекое разстояніе, употребляя для близкихъ поѣздокъ по прежнему лошадей. Удивительнаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ, такъ какъ введеніе желѣзныхъ дорогъ по всей Европѣ возбудило большіе споры и броженіе умовъ. Съ одной стороны такіе люди, какъ Листъ, возлагали на нее преувеличенныя

надежды, видя въ ней залогъ будущаго счастья челоѣчества, съ другой — было немало такихъ, кто вмѣстѣ съ русскимъ министромъ финансовъ Канкринимъ думалъ, что желѣзная дорога нужна лишь революціонерамъ и краснорольникамъ цѣлаго свѣта, которыхъ она сблизитъ. Но практическіе результаты, достигнутые желѣзной дорогой, скоро обезоружили ея противниковъ и къ 1848 году она входитъ вполнѣ въ жизненный обиходъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся.

Желѣзныя дороги обогатили Прагу новыми специфическими зданіями, вокзалами, но зато одновременно, если не совсѣмъ уничтожили, то лишили ихъ прежняго значенія гостиницы для проезжихъ, у которыхъ останавливались прежде всякаго рода экипажи, катившіеся по дорогамъ. Гостиница въ такомъ большомъ городѣ, какъ Прага, если и не была непосредственно связана съ почтой, то все же находилась часто по близости нея, нося иногда соответствующее названіе, въ родѣ «У старой почты» и т. п. Кроме гостиницъ, въ которыхъ проезжающій останавливался лишь на ночь, были отели и иного рода, предназначенные для болѣе продолжительной жизни. Въ нихъ то и останавливались иностранцы, путешествующіе для своего удовольствія или по дѣламъ, а также и провинціалы, прїѣзжавшіе въ столицу по торговымъ дѣламъ или дѣлаться. Какъ выглядѣли не сланикомъ шикарныя пражскія гостиницы, можно судить по нѣсколькимъ строкамъ изъ воспоминаній бабушки Кавалеровой: «Прїѣхали мы въ Пра-

гу, было уже 8 часовъ вечера; почевать пошли «Къ гусю». Дали намъ комнату, пошли мы спать. Въ той комнатѣ было много постелей и еще гости, кромѣ насъ. Всѣ улеглись въ постели, я съ моимъ Франтикомъ тоже. Мальчикъ лежалъ и все время метался, а я сидѣла на постели и плакала».

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ было въ Прагѣ достаточно гостиницъ, дѣлвшихся на разряды по качеству и цѣнѣ. Всѣ онѣ носили болѣе или менѣе поэтическія или по крайней мѣрѣ многообѣщающія названія, дополненныя выѣвскими и знаками, наглядно изображающими то, что было написано словами. Въ Старомъ Городѣ были гостиницы: «У золотого ангела» на Целетной улицѣ, «Платейзъ» на Угольномъ рынкѣ, «Унгельтъ» въ Тынскомъ Дворѣ; менѣе извѣстными и болѣе дешевыми были тамъ-же: «У двухъ красныхъ оленей», «У бѣлаго льва» и т. ч. Въ Новомъ Городѣ лучшія гостиницы были сосредоточены на Пржикопахъ, это была прежде всего знаменитая въ теченіе долгихъ лѣтъ гостиница «Черный конь», потомъ «У трехъ лисъ» и «У трехъ жарповъ». На патриархальной Малой Странѣ находились гостиницы «У зеленого креста» и уже упомянутая выше «У старой почты». Недалеко оттуда въ прилегающей улицѣ находилась сейчасъ уже уничтоженная гостиница «Въ лазняхъ», въ которой останавливался въ оба свои прїѣзда въ Прагу Шатобрианъ, ѣздившій сюда въ качествѣ курьера къ французскому королю Карлу X, находившемуся въ изгнаніи и жившему тогда во дворцѣ на Градчанахъ.

Въ началѣ столѣтiя самой лучшей гостиницей въ Прагѣ считался «Красный домъ», но къ 1822 году, какъ свидѣтельствуетъ Шадеиъ, она приходитъ въ упадокъ, но зато выдвигается «Черный конь»; его уже въ 1818 г. очень горячо рекомендуетъ Туссанъ фонъ Шарпантье въ «*Bemerkungen aus einer Reise*».

Де ля Моттъ-Фука, не нашедшiе въ 22 г. комнаты у «Чернаго коня», все же побѣхали въ «Красный домъ», о которомъ они даютъ весьма лестные отзывы, добавляя къ тому еще краткую характеристику всей обстановки и атмосферы тогдашней гостиницы и господствовавшихъ тамъ нравовъ:

«Здѣсь находишь красивыя комнаты, отличныя постели, очень вѣжливое обращенiе и, для рода и характера страны, совсѣмъ сносную ѣду. Мнѣ во время ужина было безконечно интересно слушать какъ хозяина, такъ и его людей, разговаривавшихъ о всѣхъ событiяхъ и отношенiяхъ въ странѣ и въ городѣ, о знати, имѣющей дома здѣсь и въ окрестностяхъ, о войскахъ, о театрѣ, академiяхъ, частныхъ учебныхъ заведенiяхъ, монастыряхъ и церквяхъ; говорилось обо всемъ со знанiемъ дѣла, съ такимъ живымъ интересомъ и основательностью, какъ будто ихъ личное существованiе было связано живѣйшимъ образомъ со всѣми этими предметами».

Въ лучшихъ гостиницахъ можно было получать и ѣду, тамъ гости въ извѣстное время для себя брались къ табльдоту, у котораго завывались и знакомства. Въ болѣе скромныхъ ѣду прино-

силъ слуга изъ ресторана или кофейни. По свидѣтельству Раннольда пражскiя кофейни въ смыслѣ роскоши сильно уступали въ 30-хъ годахъ вѣнскимъ, берлинскимъ и даже дрезденскимъ, но провинциаламъ пражскiя кофейни, конечно, казались роскошными.

Кромѣ настоящихъ ресторановъ и кофейенъ имѣлся еще родъ учреждений, гдѣ можно было закусить и выпить, это — винарни, пивныя и пушневыя лавочки, въ большинствѣ которыхъ также подаютъ шоколадъ, ромъ, ликеры, сабайонъ и пр. Шисслеръ въ «*Neues Gemälde*» отзывается о нихъ не безъ симпатiи, въ то время какъ Шадеиъ въ «*Bocksprung*», указывая на ихъ огромное количество въ городѣ, подчёркиваетъ, что посѣщаются онѣ лишь низшими сословiями и невоспитанными людьми. Во всѣхъ почти пивныхъ, какъ и въ кофейняхъ, можно достать ѣду; по воскресеньямъ и праздникамъ во многихъ изъ нихъ играетъ музыка, къ которой собирается публика для танцевъ.

Живописныя имена винаренъ должны были завлекать въ погребокъ любителей стакана. Такъ, въ Старомъ Городѣ мы находимъ: «У голубой виноградной грозди», «У прекрасной венгерки», «У золотого зайца», «У черной звѣзды». Въ послѣдней подавали лишь чешскiя вина. Въ той же части города были рестораны и кофейни подъ названiемъ «У голубой грозди», «У чернаго орла», «У бѣлаго гуся». Въ Новомъ Городѣ подобныхъ учреждений было меньше количество: наиболѣе популярными были винарна «У золотой грозди» и рестораны и к-

фейни: «У золотого фазана», «У блага пѣтуха», «У римскаго императора», «У золотого Исусника». На Малой Странѣ горожане, видимо, все же выходили меньше и по вечерам сидѣли у себя дома; если судить на основаніи небольшого сравнительно количества кофеенъ и ресторановъ въ этой части города. Даже тихія и почти опустѣвшія Градчаны не могли обойтись безъ ресторановъ и кофеенъ, правда, въ очень небольшомъ количествѣ. Такъ, тамъ были заведенія «У золотого креста», служившее одновременно и заѣзжимъ дворомъ, потомъ — «У булочки».

Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 30-мъ годамъ. Измѣненіе характера жизни, ярко загорѣвшаяся около 48 года политическая заря (пособствовали тому, что мужчины все меньше и меньше оставались дома. Ростъ общественныхъ интересовъ, необходимость обсуждать совместно назрѣвающіе политическіе вопросы заставляли искать нейтральныя, спокойныя и укромныя мѣста для встрѣчъ и разговоровъ. Дома могли мѣшать жва или дѣти, при которыхъ не осторожно обрѣненное слово могло имѣть печальныя послѣдствія; мужья, отцы и братья больше чѣмъ когда либо посѣщаютъ общественныя мѣста, что способствовало развитію и расцвѣту кофеенъ, винныхъ погребковъ и кондитерскихъ. Послѣднія имѣли въ то время иной видъ, чѣмъ въ концѣ 19-го столѣтія; въ нихъ было множество газетъ и кромѣ пирожныхъ подавались различныя воды и лимонады. Въ кофейняхъ были также нововведенія и не связанныя съ политическими и общественными идеями; однимъ изъ

наиболѣе привившихся былъ биллиардъ, захватившій молодежь и особенно студенчество.

Странный какъ въ нечистотѣ, такъ и въ любви Фричь отводилъ предреволюціоннымъ кофейнямъ значительное мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ, перечисляя при этомъ, кто въ его время туда ходилъ. «Гдѣ-же, ради Бога, могъ и долженъ былъ кто бы то ни было изъ насъ приготовляться къ общественной жизни, гдѣ искать встрѣчъ съ нашимъ народомъ, гдѣ и съ кѣмъ обмѣниваться мыслями, гдѣ сговариваться съ друзьями о самыхъ важныхъ вопросахъ нашего бытія и небытія, какъ не днемъ въ кофейняхъ, а вечеромъ въ пивныхъ за кружкой пива, въ праздничный же день въ какой нибудь изъ нашихъ бесѣдъ, устраиваемыхъ на всѣхъ концахъ города и въ предмѣстьяхъ. Уже съ утра или послѣ полудня мы сходились, главнымъ образомъ, въ кофейнѣ «Королевскія лавны» съ докторомъ Браунеромъ, который толковалъ съ нами о возможности освобожденія нашего крестьянства, съ банкиромъ Сэмилемъ, который чувствовалъ горячую симпатію къ нашему народу и, обладая большими знаніями въ области народнаго хозяйства, подвергалъ острой критикѣ опасное въ то время состояніе государственныхъ финансовъ; мы бесѣдовали тогда гакже съ поручикомъ канониромъ, военнымъ писателемъ Умлафтомъ, добрымъ знатокомъ всѣхъ военныхъ событий новой исторіи. Вся національно-настроенная дружина академическихъ художниковъ, особенно Свобода, Шмидтъ, Ф. Чермакъ и др., разбила тамъ свою штабъ-квартиру, сговарива-

ясь съ Миховцемъ о подходящихъ сюжетахъ для своихъ картинъ изъ чешской исторіи. Эту кофейню посѣщали также многие горожане, адвокаты, доктора, писатели, — мельникъ Славикъ, напримеръ, фанатическій противникъ нѣмцевъ и композиторъ Елень, докторъ Пинкасъ со своимъ сыномъ, д-ръ Гамерникъ, адвокатъ Гаушильдъ, Эм. Арнольдъ а также Кнэдльгаусъ - Либлянский и многие другіе, игравшіе въ моментъ нашего политическаго пробужденія значительную роль; наконецъ, тамъ бывала и учащаяся молодежь. Здѣсь сговаривались мы, куда пустимся вечеромъ «въ походъ». Первая остановка бывала обыкновенно «У золотого гуся», гдѣ Фастеръ подкрѣплялъ насъ бодрымъ словомъ и хорошимъ ужиномъ, потомъ шли въ «Репеаль»*) или къ Мнюучку въ Длоугу улицу. Вездѣ находили мы симпатизирующие круги горячихъ приверженцевъ. Такъ же было «У Примасовъ», гдѣ пивоваръ Ванька велъ первый голосъ, или «У Крижжку», гдѣ я познакомился съ Винчкомъ Ваврой, Гашталскимъ, у котораго тамъ были свои приверженцы. Во вторникъ послѣ обѣда или въ четвергъ, когда цѣлый день не было занятій, мы заходили вмѣстѣ или на Смиховъ, гдѣ насъ Ждалъ Шлатный «на Плизинцѣ» — или въ Карлинъ, гдѣ Рубешъ только что основалъ первую нѣмецкую Бесѣду**). Въ домѣ-

*) Репеаль—революціонное общество передъ 1848 г., названіе заимствовано съ ирландскаго языка.

**) «Бесѣдами» назывались смѣшанные концерты, по преимуще-

же, гдѣ была эта извѣстная «кафирна», основанная въ 1843 г. Фастромъ, была и редація «Народныхъ Листовъ» К. Гавличка. Хотя здѣсь и собирались революціонеры, но самъ Гавличекъ по видимому ходилъ охотнѣе въ лежащую близко «Славянскую кофейню», основанную Ю. Брѣйтгугтомъ: вообще это кафѣ было болѣе серьезнымъ и его политическая репутація удержалась до 60-хъ годовъ. Валента въ книжечкѣ «Тамъ, гдѣ пивали» увѣряетъ, что въ этомъ кафѣ подавали впервые въ 1848 г. чай, будто бы привезенный въ Прагу М. Бакуниннымъ, который здѣсь часто бывалъ. Однако это свѣдѣніе не вполне точно, такъ какъ на листкахъ чешскихъ баловъ и бесѣдъ уже въ болѣе ранніе годы среди напитковъ упоминается чай, а потому еще какой-то особенный русскій чай. Противъ этой кофейни въ 1848 г. была сооружена первая баррикада.

Кромѣ кофейенъ, въ которыхъ преобладалъ политическій духъ, представляють интересъ тѣ, гдѣ собирались просто патріоты и художники всякаго рода. Тамъ тоже читали газеты и журналы, какъ мѣстные, такъ и иностранные, также много говорили, куря длинныя трубки, зажавшіяся, т. наз. «фидибузами»*). Любопытно, что табакъ и картошка были привезены въ одно и то же время, но жеваніе, нюханіе и куре-

ству любительскіе, послѣ которыхъ устраивались танцы. Ввелъ ихъ Тылъ съ патріотической цѣлью.

*) Фидибузъ — тонкая лучинка или скатанная длинная бумажка, которыми зажимались трубки.

не табак сразу захватило все общество, которое не могли отвлечь от этой новой страсти никакие запрещения и наказания, въ то время какъ болѣе полезную картошку нужно было вводить силкомъ. Изъ литературныхъ кофейенъ нужно указать на «Олея въ котлѣ», куда ходилъ Тыль и артистки изъ Каганскаго театра. Однако это было не единственное мѣсто, которое онъ посѣщалъ, такъ же, какъ и Маха со своими приверженцами. Изъ «Воспоминаній молодыхъ лѣтъ» Ф. З. Ригра видно, что кофейня «У Комарку» была своего рода штабъ - квартирой даннаго кружка. Въ кофейнѣ «У Комарку» чаще всего собиралась младшая группа Тыля, но и болѣе старыя писатели также приходили сюда. Кромѣ Махи, Тыля, Яблонскаго и другихъ молодыхъ, бывали здѣсь также Франта Шумавскій, С. Томичекъ, Якубъ Малый, А. Гансиргъ, К. Амерлингъ, иногда приходили также Челаковскій, Шафаржикъ и Палацкій. Кофейня эта находилась въ старомъ Унгельтѣ. Хотя по утверждению многихъ мемуаристовъ самъ Маха ходилъ мало въ кофейни, но роковая встрѣча его съ Лори**, сыгравшей такую роль въ его жизни, произошла какъ разъ въ кафѣ «У Сухихъ», что на Целетной улицѣ. Сама героиня этого происшествія описываетъ такъ обстановку и ходъ дѣйствія: «Было тамъ множество посѣтителей, Тыль велѣлъ принести мнѣ и Форхгеймовой, которая была его

невѣстой, шоколадъ. Я съѣхалась, это было въ первый разъ, что я была среди столькихъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ стоялъ посрединѣ небольшого помещения, опираясь о столъ и внимательно слѣдилъ за мной, наконецъ, подойдя къ намъ, сказалъ мнѣ: «Пейте-же, пожалуйста, пана, это васъ пріятно согрѣетъ». Молодой интересный мужчина былъ никто иной, какъ Маха, любившій позировать передъ токарными, а тѣмъ болѣе передъ хорошею и незнакомой барышней».

Изъ приведеннаго отрывка воспоминаній можно заключить, что женщины, въ особенности же дѣвушки, кофейенъ не посѣщали. Что впрочемъ вполне понятно при тогдашнихъ нравахъ, требовавшихъ, чтобы у дѣвушки, выходявшей изъ дому, былъ провожатый и чтобы она не обнаруживала своимъ поведеніемъ излишней самостоятельности. Такимъ образомъ кофейни, а тѣмъ болѣе рестораны и винарны, принадлежали всецѣло мужчинамъ, которые тамъ читали журналы, куряли и спорили; нѣкоторые, особенно торговцы и прѣзжіе, заключали тамъ сдѣлки и устраивали различныя дѣла. Появленіе женщины среди этого шума и дыма, будь это артистка, писательница или проѣзжая иностранка, привлекало глаза всѣхъ присутствующихъ и не одно замѣчаніе, сказанное шопотомъ или вслухъ (это зависѣло отъ воспитанности и тактичности гостя) летѣло по ея адресу.

** Лори была возлюбленной Махи; за нѣсколько дней до свадьбы-поэтъ умеръ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Алдановъ. Бѣгство Изд. «Слово», Берлинъ

Давно уже ощущалась нѣкоторая трудность найти мѣсто Алданову среди русскихъ писателей и въ традиціяхъ русскаго романа. Тѣмъ, кто «сходилъ» изъ этихъ традицій, онъ всегда казался нѣсколь-ко чужимъ. Чуждость эту пытались объяснить историческими заданіями или якобы «авантюрнымъ» характеромъ его романовъ. Но объясненіе это несостоятельно и несостоятельность его какъ разъ теперь, послѣ опубликованія «Ключа»-«Бѣгства», должна была бы стать очевидною для всѣхъ. Совершенно ясно, что романъ этотъ не романъ приключеній (какъ казалось нѣкоторымъ по началу «Ключа») и что тема его не имѣетъ ничего общаго съ официальной исторической *Naupf- und Staatsaktion*. Если чуждость тѣмъ не менѣе осталась, то это значитъ, что причинъ ея слѣдуетъ искать глубже: въ самомъ строеніи вымысла, въ созданіи характеровъ, въ принципѣ изображенія людей.

Несмотря на утвержденія учебниковъ и на темы классныхъ сочиненій, русскій романъ XIX вѣка людей типическихъ, среднихъ почти не изображалъ. Русскіе писатели всегда чуждались той прозѣчн челоуѣка въ плоскость общества, того приведенія къ общему знаменателю особей, лишь отчасти схожихъ между собой, безъ котораго невозможно построить никакого «типа». Существуютъ типы общечеловѣческіе, воплощенія общепонятной страсти, вродѣ Мольеровскаго Гарпагона или Гоголевскаго Плюшкина, но не о нихъ здѣсь рѣчь, да и они рѣдки въ русской литературѣ. Чаше же всего типъ есть нѣкое среднее единство, извлеченное изъ конкретнаго множества путемъ разсудочной операціи, которую можно сравнить съ фотографированіемъ на одной пластинкѣ многочисленныхъ членовъ одной семьи. Многіе персонажи западныхъ романовъ напоминаютъ коллективный снимокъ, полученный этимъ способомъ. Въ русскомъ романѣ, наоборотъ, дѣйствуютъ подлинныя лица, не менѣе иррационально-цѣлостныя, чѣмъ личности живыхъ людей. Какой-нибудь Фердыщенко или Ракинъ у Достоевскаго, любой солдатъ или помѣщикъ у Толстого живутъ своей ни отъ чего не зависимою жизнью, ничего не представляютъ, не изображаютъ, кромѣ самихъ себя. Если герой русскаго романиста и относится къ какой-нибудь «средѣ», то на изображеніе ея онъ отдастъ одни, такъ сказать, излишки своей собственной жизни, не поступаясь ничѣмъ, что необходимо для полноты его ли-

наго бытія. Тургеневъ быть можетъ и хочетъ нарисовать «слишняго человѣка» или «кингилста», но Рудинъ и Базаровъ очень скоро заставляють насъ забыть объ этомъ его намбрѣніи. Исключенія не составляютъ и Чеховъ, только онъ рисуетъ жизнь, а не людей: новелла, по самымъ своимъ размѣрамъ, не можетъ изобразить человѣка иначе, какъ въ ракурсѣ событій, въ минутномъ пересѣченіи судьбы съ другой судьбой.

Рѣшившись на нѣкоторое упрощеніе, можно сказать: французскій романъ преимущественно изображаетъ общество, англійскій -- личность, противопологаемую обществу, русскій — человѣка въ или превыше социальныхъ связей Алдановъ первый изъ русскихъ романистовъ съ этой традиціей порвалъ, прикнувъ, скорѣе всего, къ традиціи французской. Приемы изображенія онъ нѣрѣдко замѣстуетъ у Толстого, но предметъ его изображенія не толстовскій, совсѣмъ иной. Люди привлекають его не поскольку они неповторимы, а поскольку они повторяются: чѣмъ обширнѣе та группа, та семья, что служитъ ему для его коллективнаго портрета, тѣмъ лучше, тѣмъ и самый портретъ кажется ему правдоподобнѣе. Всѣ мы знали Яценюкъ и Фоминыхъ, бывали въ гостяхъ у Кременецкихъ, смѣялись надъ Сонечкой, занимали Мусю, слушали остроты Никонова; но кто скажетъ, что насчитывалъ въ числѣ своихъ друзей Чичикова, Болконскаго или Смердякова? Герои Алданова напоминають намъ нашихъ знакомыхъ; герои русскаго классическаго романа никого не напоминають: они сами становятся новыми нашими знакомыми, болѣе истинно сущими, болѣе живыми, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ насъ сталкиваетъ сама жизнь.

Противоположеніе это не означаетъ порицанія Правды, по своей абсолютной цѣнности, созданіе иррационально-единаго лица выше, чѣмъ созданіе типическаго образа: это вообще одна изъ высшихъ цѣнностей искусства. Сознательная погоня за ней, однако, все равно обречена на неуспѣхъ; въ наше время осуществленіе ея дѣлается повидимому все менѣе возможнымъ. Въ концѣ концовъ, многого можно достигнуть и въ другихъ областяхъ, еще открытыхъ современнымъ романистамъ, гдѣ аналитическій методъ построенія характеровъ вполне уместенъ и можетъ дать отличные плоды. Романъ Алданова надо сравнивать съ такими превосходными образцами современнаго французскаго и англійскаго романа, какъ «Семья Тибо» Роже Мартенъ дю Гара и «Контрапунктъ» Ольдуса Гексли, имѣя при этомъ въ виду, что заданія Алданова шире и сложнѣе, чѣмъ у обоихъ этихъ авторовъ. Мартенъ дю Гаръ пишетъ исторію старобуржуазной французской семьи въ ея привычномъ социальномъ окруженіи; Гексли рисуетъ все еще довольно устойчивую жизнь англійскаго образованнаго общества; Алдановъ изображаетъ не только русскую интеллигенцію послѣднихъ десятилѣтій, но и революцію, надвигающуюся на нее, призванную все на своемъ пути переродить или уничтожить.

Для того, чтобы изображеніе это углубить и пояснить, понадобились два дѣйствующихъ лица, построенныхъ иначе, чѣмъ остальнымъ.

Это Браунъ и Федотовъ; они не типическіе образы, хотя и не живыя лица; Алдановъ не создалъ ихъ цѣликомъ, но и не извлекъ ихъ изъ соответствующей серии внѣшнихъ наблюдений: они родились изъ его собственныхъ чувствъ и мыслей, какъ ихъ двойное и взаимнозависимое воплощеніе. Въ своихъ корняхъ, въ своей подлинной сущности, они не два лица, а одно. Недаромъ Браунъ говоритъ Федосьеву (не совсѣмъ справедливо): «вѣдь вы двойникъ того худшаго, что есть во мнѣ». Оба высказываютъ то, что хочется высказать автору и, хотя согласны они бывають рѣдко, мнѣнія одного все же дополняютъ мнѣнія другого. Они — резонеры; едва ли вполнѣ убѣдительными вышли тѣ мѣста въ разговорахъ Брауна съ Федосьевымъ и особенно въ его разговорахъ съ самимъ собой, гдѣ авторъ пытается углубить и вмѣстѣ съ тѣмъ уплотнить индивидуальный обликъ Брауна. Но они резонеры очень не заурядные и какъ разъ благодаря ихъ резонерству картина русскаго общества, захваченнаго революціей, оказывается въ «Бѣгствѣ» не только многосторонне изображенной, но и проникнутой чувствомъ и умомъ.

Поскольку именно эта изобразительная цѣль лежитъ въ основѣ алдановскаго замысла, романъ его можно назвать историческимъ романомъ. Какъ видно изъ предисловія, авторъ съ этимъ опредѣленіемъ не согласенъ. «Мой замыселъ, говоритъ онъ, былъ иной: на фонѣ перешедшихъ въ исторію событій только проявляются характеры людей». Мы уже видѣли, что и дѣйствительно, событій самихъ по себѣ онъ почти не изображаетъ (отступленіе — прекрасный рассказъ о нападеніи на англійское посольство, гдѣ этому эпизоду очень искусно приданъ обобщающій, символическій смыслъ). Но не изъ однихъ событій состоитъ исторія, самую ткань ея составляютъ не они, а настроенія, чувства, души людей именно въ томъ типическомъ, среднемъ ихъ обликѣ, который единственно у Алданова и показанъ. Пусть событія для него, какъ вытекаетъ изъ его словъ, — только реактивы, все-таки и люди у него лишь препараты, созданные для воздѣйствія этихъ реактивовъ, для эксперимента; а тема его книги — самъ экспериментъ. Въ классическомъ русскомъ романѣ (напримѣръ, у Толстого) люди перерастаютъ историческую эпоху; у Алданова они ей въ точности соответствуютъ и поэтому именно къ его книгѣ можно цѣликомъ примѣнить пушкинское опредѣленіе романа, возникшее въ годы, когда какъ разъ торжествуютъ историческій романъ (хотя и совсѣмъ иной по своему методу и идейному составу): «Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи».

Эпоха, изображенная Алдановымъ, слишкомъ намъ близка, чтобы мы могли отнестись къ его роману только съ интересомъ историческимъ и художественнымъ. Раньше всякой другой, мы должны отдать ему эту справедливость: онъ сумѣлъ написать о революціонной и предреволюціонной Россіи книгу, гдѣ нѣтъ никакой политической предвзятости. Недаромъ Браунъ и Федосьевъ — политическіе антиподы и недаромъ Брауну не съ кѣмъ говорить, кромѣ, какъ съ Фе-

досевымъ, а у Федосьева нѣтъ собствѣннаго иного, чѣмъ Браунъ. Они объединены не только общей борьбой противъ большевиковъ, но и дарованнымъ имъ однимъ пониманіемъ того, что происходитъ, а тѣмъ самымъ пониманіе это уже высоко поднимается надъ всякой партійностью и пренебрегаетъ любымъ политиканствомъ. Никакой публицистической «словесности», никакихъ готовыхъ выводовъ и фразъ нѣтъ въ этой умной, трезвой и горькой книгѣ. И эта горечь ея, не мѣшая справедливости, не мѣшаетъ и любви. «Бѣство» (какъ и «Ключъ») мягче, человѣчнѣе прежнихъ алдановскихъ романовъ. Яценко и Горенскій — люди ограниченные, но они хорошіе и достойные люди. Немного семейственности, немного доброты нѣтъ, нѣтъ да и красятъ пошлость Кременецкаго. Многихъ героевъ «Ключа» облагородили, очеловѣчили революціонныя невзгоды и чудесная глава, гдѣ Муся, Сонечка и Глаша поѣдаютъ пирожныя и мечтаютъ о будущемъ, еще не зная объ арестѣ князя, по человѣческому своему теплу превосходятъ все до сихъ поръ написанное Алдановымъ. Главы, гдѣ слишкомъ явно сквозитъ сатирическое намѣреніе («танцулька», нѣкоторыя сцены въ Кіевѣ) менѣе удачны, но онѣ рѣзки, ихъ меньше, чѣмъ въ «Ключѣ». Въ цѣломъ же, если книга и не останется въ нашей памяти, какъ мѣръ, заключенный въ себѣ, высоко приподнятый надъ обыденною жизнью, то мы еще долго будемъ о ней помнить, какъ о самой истинной и точной картинѣ тѣхъ страшныхъ, близкихъ и уже далекихъ дѣтъ.

В. Вейдле.

Бор. Зайцевъ. Жизнь Тургенева. Парижъ, 1932.

О Тургеневѣ-человѣкѣ писано мало. Существуетъ книга Цутыра, добросовѣстная, полезная, но поверхностно и шаблонно эпологетическая. Прекрасная работа И. М. Гревса возникла какъ отвѣтъ обывательски-сплетническимъ версиямъ объ отношеніяхъ между Тургеневымъ и г-жей Віардо; имъ проф. Гревсъ противопоставилъ свой «миръ» объ этихъ отношеніяхъ. Бор. Зайцевъ задался цѣлью изобразить конкретнаго Тургенева. Повидимому, это ему вполне удалось. По крайней мѣрѣ, его Тургеневъ производитъ впечатлѣніе аналогичное тому, какое остается отъ тургеневскихъ произведеній, если читать ихъ отрывившись отъ представлений, созданныхъ о нихъ русской критикой: все, написанное Тургеневымъ, поэтично, изумительно умно, тонко, высоко-художественно, высоко-культурно — и, въ то же время, читателю отъ нихъ какъ-то не по себѣ. Чувство какой-то неловкости испытывали и люди, находившіеся въ общеніи съ самимъ Тургеневымъ. Жизнь Тургенева сводится къ его безрадостному, безблагодатному роману съ Віардо, перемежавшемуся какими-то неизменно ничѣмъ не оканчивавшимися покушеніями на «романъ», — роману, несомнѣнно цѣлкомъ захватившему человѣка, но вмѣстѣ съ

тѣмъ лишенному того, что облагораживаетъ и осмысливаетъ подобныя отношенія: не было трагедіи, ибо не было борьбы. Очень тонко и проникновенно толкуетъ Б. Зайцевъ, въ свѣтъ этого романа, произведенія Тургенева, большинство которыхъ развиваетъ все ту-же тему: непонятной, неотразимой, недоброй — но безъ злой воли и безъ отвѣтственности, — не встрѣчающей отпора власти одной души надъ другою; и хорошо выяснена, такъ сказать, предопредѣленность Тургенева къ тому, чтобы этой власти подчиниться, его обреченность своему фатуму. Судьба человѣка — ключъ къ тайнѣ его характера. Было въ Тургеневѣ что-то «нежное», — какъ вѣрно замѣчаетъ Зайцевъ, то, что дѣлало Тургенева, безъ всякаго, казалось-бы, повода съ его стороны, переносимымъ для жизненныхъ людей, что было причиной его столькихъ, тяжелыхъ, обидныхъ для него, мучительныхъ столкновений, разрывовъ, размолвокъ съ ними. Объ этомъ Б. Зайцевъ говоритъ очень правдиво, хотя осторожно, деликатно, подчасъ смгчая краски, кое о чемъ умалчивая. Такъ онъ рассказываетъ о томъ, какъ Тургеневъ помирился съ Толстымъ и постѣлѣ его въ Ясной Полянѣ: ни гость и хозяинъ остались довольны другъ другомъ, — а на зрителя двухъ славныхъ жизней хорошо дѣйствуетъ, что достойно заканчивались долгія ихъ сложныя драматическія отношенія. Но какъ разъ ко времени, когда Тургеневъ гостилъ у Толстого, относится запись въ дневникѣ послѣдняго о немъ: «какой-то задра несносный». Настоящаго примиренія не было. Съ Тургеневской, если можно такъ выразиться, внѣжизненностью связана одна его черта, отиѣченная Б. Зайцевымъ: неспособность «веселиться весело»: «Въ немъ не было истиннаго юмора, смѣхъ его не всегда смѣшонъ. Вѣрнѣе — никогда не смѣшонъ; отъ его смѣха всегда коробить*»). Человѣкъ съ тончайшей душевной организацией, съ исключительнымъ умомъ, онъ, однако, подчасъ смѣялся некстати, черта, свойственная вообще говоря, людямъ недалекимъ и нечуткимъ. Онъ описываетъ послѣдніе дни Базарова, очевидно желая вызвать сочувствіе къ нему и къ его старикамъ: все въ домѣ вдругъ словно потемнѣло; всѣ лица вытянулись, сдѣлалась странная тишина; со двора унесли на деревню какого-то горластаго пѣтуха, который долго не могъ понять, зачѣмъ съ нимъ такъ поступаютъ. Ни у Бальзака, ни у Флобера, ни у Толстого, ни у Дикенса этотъ пѣтухъ не былъ бы возможенъ: они «вѣртли» въ своихъ герояхъ и ни одинъ изъ нихъ не смогъ-бы въ такую минуту позабавиться надъ пѣтухомъ. Этотъ пѣтухъ выдаетъ Тургенева. Онъ въ Базарова не «вѣртли», какъ не «вѣртли» въ живыхъ людей (на этотъ счетъ немало есть измековъ, осторожныхъ, но прозрачныхъ и вполнѣ оправданныхъ, въ книгѣ Б. Зайцева). Въ одномъ мѣстѣ Б. Зайцевъ называетъ нѣсколькихъ «старыхъ, вѣрныхъ друзей» Тургенева — Плонского, Анненкова, Маслова, Топорова. Плонскій и Анненковъ извѣстны какъ литераторы. Но что извѣстно о Масловѣ и Топоровѣ? Ничего. Авторъ не считая нужнымъ запл-

*) Это давно уже замѣтили Брюсовъ и Айхенвальдъ.

нить этот пробѣлъ — и, думается, былъ правъ. Нельзя излагать біографію Пушкина, не рассказывая ничего о Соболевскомъ, о Нащокинѣ, о Вудьфѣ и о прочихъ друзьяхъ, знакомыхъ, корреспондентахъ Пушкина. Ибо Пушкинъ каждого человѣка индивидуализировалъ, къ каждому обращался какой-нибудь одной своей стороной, съ каждымъ и говорилъ по иному. Пушкинъ заставляетъ насъ дружить съ его друзьями и ненавидѣть его враговъ. До «друзей» Тургенева намъ нѣтъ дѣла, какъ, въ сущности, не было и ему самому. Тургеневъ постоянно влюблялся, но по настоящему любилъ только Природу — онъ и былъ прежде всего величайшимъ изобразителемъ Природы. Вѣрилъ-же только въ Смерть, символомъ которой была для него роковая женщина, то живая, то призракъ, проходящая черѣзъ его романы и фантастическіе рассказы. Эта магическая религія Тургенева хорошо охарактеризована авторомъ; правильно оцѣнены имъ, какъ художественныя произведенія и какъ біографическіе матеріалы, тѣ Тургеневскія вещи, въ которыхъ разрабатываются «фантастическіе» мотивы; вѣрно подмѣчено и прослѣжено нарастаніе, по мѣрѣ приближенія къ концу жизни, въ душѣ Тургенева «магическихъ» предчувствій, переживаній, страховъ. Въ свѣтѣ послѣднихъ его произведеній выясняется затаенный жуткій смыслъ раннихъ, самому автору быть можетъ неясный. «Она», появляющаяся первоначально въ образѣ Зинаиды изъ «Первой Любви», оказывается старой Старухой, отъ которой нѣтъ спасенія, изъ «Стихотвореній въ Прозѣ». Вся поэзія, вся прелесть любви оказывается только ловушкой, подстроеной съ дѣтства подстерегающей человѣка Смертью. Любовь сильна какъ смерть. Любовь сильнѣе Смерти. Любовь побѣждаетъ, «снимаетъ» Смерть. Таково «вѣрую» всѣхъ поэтовъ, художниковъ, источникъ ихъ вдохновеній, итогъ коллективнаго, вѣкового духовнаго опыта, краеугольный камень всѣхъ великихъ религій. Тургеневъ отождествилъ Любовь со Смертью, развивши и углубивши тему гоголевскаго «Вія», по своему ее «осмысливъ». Все его творчество — какое-то парадоксальное отрицаніе жизни. «Я умираю. Живите — живые». Этотъ предсмертный крикъ тургеневскаго «лишняго человѣка» — основной тонъ всей тургеневской музыки. Ничего не можетъ быть примитивнѣе тургеневской главной «идеи». Это даже не идея, а какая-то видимая идея — ибо она неспособна діалектически развиваться. Даже странно, какъ могла она исчерпать собою міросозерцаніе такого исключительно умнаго человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что идея связана не съ «чистымъ» умомъ, а со всѣмъ конкретнымъ человѣкомъ. Діалектика — законъ жизни. Въ жизни-же Тургенева діалектики не было — онъ никакъ, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не боролся, всегда «уступалъ», какъ выразился Зайцевъ; жить виѣ жизни и потому мыслить не о жизни, а о не-жизни, началъ не съ «тезиса», а съ его негачи, съ «антитезиса». Началъ — и замеръ. 22-го мая 1870-го года, постепенно увязая въ него все глубже и глубже.

M. Hofmann. Pouchkine, Payot, Paris, 1931, traduction de Nicolas Pouchkine.

Это первая большая биографія Пушкина на французскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, иностранцы принимаютъ «le Byron slave» на вѣру: знаютъ, что у русскихъ Пушкинъ считается величайшимъ писателемъ, но большого интереса къ нему не проявляютъ — или, вѣрнѣе, не проявляютъ никакого интереса (не идутъ въ счетъ исключенія, какъ Мери́ме, читавшій по русски). До нѣкоторой степени такова судьба всѣхъ поэтовъ. Думаю, что французы или англичане, не знающіе нѣмецкаго языка, отчасти на вѣру принимаютъ «Фауста» Гете, и не совсѣмъ понимаю, какъ Карлейль могъ оцѣнить Лермонтова. Однако, Пушкинъ всего труднѣе поддается переводу.

Издательство Пайо обратилось за биографіей «славянскаго Байрона» къ М. Л. Гофману, одному изъ первыхъ пушкинѣланцевъ и большому знатоку пушкинской эпохи. Свою трудную задачу онъ выполнилъ очень хорошо: теперь каждый европейскій читатель имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно подробную*) биографію Пушкина. Другой цѣли авторъ книги себѣ и не ставилъ. Творчество Пушкина останется и далѣе столь же непонятнымъ западному читателю. Не будетъ понятенъ и образъ одного изъ самыхъ сложныхъ людей, когда-либо существовавшихъ на землѣ. — Такъ ли онъ понятенъ намъ самимъ?

М. Л. Гофманъ хотѣлъ написать только биографію, и многочисленныя цитаты изъ стиховъ Пушкина, очевидно, предназначены для того, чтобы дополнять биографическіе факты. Тѣмъ не менѣе ихъ включеніе въ книгу надо признать ошибкой. Разбитый согласно оригиналу на строчки, французскій прозаическій переводъ не даетъ никакого понятія о Пушкинскихъ стихахъ и производитъ истинно-тягостное впечатлѣніе: мы невольно себѣ представляемъ недоумѣніе иностраннаго читателя. За исключеніемъ превосходнаго Грегеровскаго перевода «Мѣднаго Всадника» на нѣмецкій языкъ, всѣ переводы стиховъ Пушкина, какіе мнѣ попадались, вызываютъ то же чувство досады.

Едва ли нужно говорить, что въ биографіи Пушкина, написанной такимъ знатокомъ предмета, нѣтъ и не можетъ быть сколько-нибудь важныхъ ошибокъ. Маленькую неточность все-же отмѣчу: на стр. 52 М. Л. Гофманъ сообщаетъ, что Чаадаевъ былъ «объявленъ сумасшедшимъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ», — вторая часть этого утвержденія невѣрна. Спорныхъ вопросовъ Пушкинской биографіи М. Л. Гофманъ почти не касается. Впрочемъ, въ главахъ, посвященныхъ послѣдней дуэли, онъ опредѣленно приписываетъ анонимныя письма самому Геккерену, считая недоказаннымъ обвиненіе, возведенное противъ князя Долгорукаго. Во всякомъ случаѣ писалъ письма кто-

*) Мѣстами, быть можетъ, и слишкомъ подробную: такъ, едва ли иностранцамъ нужна послѣдняя глава книги, заключающая въ себѣ «исторію пушкинѣланства въ Россіи». Зато русскимъ читателямъ она очень пригодится.

то другой: Пушкинъ зналъ почеркъ Геккерена (да и слишкомъ былъ бы великъ рискъ для посланника). Возможно, что Геккеренъ былъ «вдохновителемъ», — какъ ни трудно представить себѣ собраніе людей, стоваривающихся о посылкѣ гнуснаго анонимнаго письма. После работъ Шеголева едва ли удастся внести много новаго въ фактическую исторію дуэли Пушкина. Но ея психологическое изслѣдованіе еще не написано. Это страшное дѣло и теперь, черезъ сто лѣтъ, всякій разъ волнуеъ заново при чтеніи, сколь ни знакомы намъ всѣ его подробности.

Книгу М. Л. Гофмана хорошо перевелъ г. Пушкинъ. Мы не поставимъ ему въ вину многочисленные «*malgré que*», — теперь такъ слова стали писать и французы; не поставимъ въ вину и «*émotionner*», — этотъ глаголѣ, еще недавно приводившій въ ужасъ королей французскаго стиля, теперь тоже какъ будто узаконенъ. Но отъ чрезмѣрной букввальности перевода г. Пушкинъ долженъ былъ бы отказаться. Никакъ нельзя, напр., переводить слова «дьявольская разница»: «*une différence diabolique*», — этого французы просто не поймутъ. Встрѣчается въ книгѣ и непозволительная транскрипція имени (вездѣ Mitzkevitch вмѣсто Mickiewicz).

М. Алдановъ.

Алексѣй Ремизовъ. Образъ Николая Чудотворца. Алатырь-камень русской вѣры. УМСА-Press. Парижъ, 1931.

Алексѣй Ремизовъ. Московскія любимыя легенды. Три серпа. Изд. Тауръ. Парижъ, 1929. 2 тома.

Алексѣй Ремизовъ. По карнизамъ. Повѣсть. Бѣлградъ, 1929.

«Образъ Николая Чудотворца» — изслѣдованіе житій Мирликійскаго Святителя, основанное на многолѣтнемъ изученіи греческихъ, латинскихъ и славянскихъ текстовъ. Въ этой книгѣ Ремизовъ выступаетъ, какъ ученый: даетъ критическій обзоръ и оцѣнку обширной литературы о Святомъ Николаѣ, сличаетъ житія и объясняетъ возникновеніе образа Чудотворца изъ слиянія двухъ образовъ: Николая Мирликійскаго и Николая Сионитскаго Пинарскаго. Ничего «документальнаго» о немъ мы не знаемъ, но это не отрицаетъ его земнаго существованія. Для Ремизова понятно, что Николай Чудотворецъ есть явленіе духовнаго міра, — изъявленіе силы Архангела Михаила. Въ историческомъ планѣ онъ, быть можетъ, — мифъ, но «явленіе духовнаго міра, выражающееся въ образахъ сказки и легенды, живетъ своею жизнью внѣ исторіи и географіи и не нуждается ни въ какой статистикѣ и хронологіи».

Въ Россіи Николу знаютъ съ XI вѣка. Онъ, стать «русскимъ богомъ» и «русская вѣра» проникнута его именемъ. До Батыя на Руси

быть одинъ образъ Никола: Никола Мокрый. Съ Батяг три образа: Никола Можайскій, Никола Зарайскій и Никола Великорѣдскій. Страницы, посвященныя исторіи пріятія Святого русскимъ народнымъ духомъ и созданія вокругъ его образа сказаній и легендъ, — написаны Ремизовымъ безхитрою и благоговѣно.

«Московскія Любимыя Легенды. Три Серпа», — пересказъ своимъ голосомъ старыхъ сказаній о Чудотворцѣ. Авторъ — послѣдній изъ народныхъ сказителей. Онъ продолжаетъ творимую легенду, начало которой въ XI вѣкѣ. И принимая изъ рукъ народа нить разсказа, онъ знаетъ, какую возлагаетъ на себя отвѣтственность. Поддайся онъ соблазну подражанія и «стилизации» — и свѣтлый образъ померкнетъ. Изъ иконы получится «портретная живопись». Ремизовъ и не пытается «народничать». Отъ своего имени и своимъ голосомъ разсказываетъ онъ; двадцатый вѣкъ, эмиграція, Парижъ — бѣдственная жизнь русскаго человѣка въ изгнаніи — все, что есть и что пережито, — кладетъ свой отпечатокъ на сказанія о Святомъ Николаѣ. Духовно: явленіе въ исторіи и географіи не нуждается, анахронизмовъ не боится, съ бытомъ ладитъ и чудесно примиряетъ самое древнее съ наивсовременнѣйшимъ. Для Ремизова легенды — не археологія, а жизнь. со всѣми ея мелочами, и сегодняшній день и вѣчность. Старинную легенду о Василиѣ, сынѣ Агрика пересказываетъ онъ не по памяти и изъ сердца: самъ видѣлъ, самъ пережилъ. Поэтому Василий — и бретонскій мальчикъ Бику — одно: оба они живутъ на скалистомъ берегу среди гномовъ и «керіоновъ», боятся Крокмитена и жены его Буробы. Василий проситъ Чудотворца подарить ему «маленькій авто мата морскихъ духовъ».

Византійская легенда, — а моторы и коктейли. Чужачество? Какъ-то у насъ повелось отмахиваться отъ Ремизова — «чуждакъ! Но вѣдь легенда — всегда складывается изъ настоящаго, а не изъ «пыли вѣковъ». Вѣдь легенда — изъ жизни, а не о «памятникахъ старинны».

Въ «Трехъ Серпахъ» есть лирическіе монологи автора, жалобч на горькую судьбу и плачь по «бѣдовой долѣ»; здѣсь — свое и народное — слышатся.

Русскій Никола — простой и благостный; старикъ съ насуспенными бровями и сияющими добротой глазами; «Христось», говоритъ Ремизовъ, — «это очень высоко и очень требовательно». А Никола — онъ «запазущный» благостный Христось, «притоманный» (т. е. домашній).

Этимъ духомъ простоты, смиренія, домашности и земной вѣры наполнена книга Ремизова.

«По Карнизамъ», повѣсть о жизни за-границей, тоже про чудесное, тоже легенды о человѣкѣ и о судьбѣ человѣка. Нельзя понять особенностей ремизовскаго письма — такого единственнаго въ своеобразіи — не раскрывъ его главнаго символа. Ремизовъ разсказываетъ отъ перваго лица; кажется, что разсказчикъ и есть самъ авторъ и что писаніе его — автобіографичны. Приѣмъ этотъ проводится такъ убѣдительно, что о личности повѣствователя какъ-то и не думаешь.

А между тѣмъ «я» у Ремизова — самое удивительное и особенное изъ всѣхъ его созданий. Передъ «реальностью» ремизовскаго рассказчика-чудака, выдумщика, начетчика, мастера все кленть и вырѣзывать, сповидца, сказочника, кротчайшаго духомъ, запуганнаго жизнью, загнаннаго въ подполье, проказника-кавалера обезьяней палаты, истерзаннаго жалостью и умиленнаго передъ Богомъ — передъ этимъ образомъ фигуры лѣсковскихъ рассказчиковъ, пушкинскаго Бѣлкина и гоголевскаго Рудого Панька кажутся литературной стилизаціей. Ремизовъ создалъ своего героя — русскаго писателя, котораго одни называютъ Ремерсдорфомъ, другіе — Ремозомъ, у котораго подъ потолкомъ на ниткахъ висятъ сухіе сучки, звѣзды и рыбы кости, который не только на иностранныхъ языкахъ, но и по русски ничего толкомъ объяснить не можетъ, который дома разговариваетъ съ «эспри» и «гештенстами», а на улицѣ забываетъ, куда идетъ, путаетъ трамвай и попадаетъ подъ автомобили. И этотъ «обезоруженный передъ борьбой за существованіе», боязливый, страшный (не какъ всѣ), «непонятный писатель», сутулящійся, чтобы только пройти стороной, незамѣченнымъ, постоянно ощущаетъ, что имъ нарушены «какія-то явныя мѣры дневнаго пространства», что жизнь его какъ-бы вѣѣ времени, что явь у него такъ сплетена со снами, что съ «здравымъ смысломъ» тутъ ничего не подѣлаешь. Въ сочиненіяхъ Ремизова изъ-за каждой его особенно — какъ только онъ одинъ умѣетъ — выгнутой фразы посматриваетъ на насъ лукаво печальное лицо этого «чудака». Похожъ ли на него самъ Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ? Вопросъ праздный — объ искренности, о психологич. творчества. Какъ-бы мы его ни рѣшили, ничего онъ не прибавитъ къ нашему пониманію ремизовскаго искусства.

Въ книгѣ «По Карнизамъ» — новыя черты въ личности рассказчика. Сквозь смѣшное чудачество и трогательную безпомощность мы больше и больше чувствуемъ «духовный образъ». Опредѣленіе его — вѣѣ «исторія литературы». Это — образъ христіанской жалости и смиренія. Рассказчикъ Ремизова говоритъ намъ о бѣдственной и темной нашей жизни, пронизанной чудеснымъ свѣтомъ. И бытовые повѣсти съ консержками, комиссариатами, ломбардами, мебельрованными квартирами, долгами и мытарствами въ поискахъ денегъ воспринимаются какъ «иносказанія». А тайный смыслъ ихъ — чистая лирика.

К. Мочульскій.

Н. А. Тэффи. Воспоминанія. Изд. «Возрожденіе» Парижъ, 1932.

«Когда умерла полоса жизни — кажется, что она могла бы еще какъ-то развернуться, тянуться и что конецъ ея неестественно сжать и оборванъ. Всѣ событія, заканчивающія такую полосу жизни, сбиваются, сплутываются безтолково и неопредѣленно. Жизнь пишетъ свои произведенія по формулѣ старинныхъ романовъ «съ эпилогомъ».

Воспоминанія Тэффи — такой эпилогъ прошлой и невозвратной жизни. Она описываетъ «спутанныя и безтолковыя» событія легко, не настаивая, не подчеркивая и какъ о чемъ то обыкновенномъ, само собою разумѣющемуся, говоря о самыхъ фантастическихъ вещахъ. «Спутанное и сбивчивое» время даетъ сколько угодно матеріала для ея юмора, цѣлую сокровищницу анекдотическихъ происшествій. Говоря о нихъ Тэффи сохраняетъ серьезность и, почти не улыбаясь, показываетъ читателямъ: смотрите — какая чепуха!

И вотъ передъ нами мелькаетъ вереница странныхъ людей. Какая-то Фанечка, перевозящая брилліанты на Украину въ собственномъ носу «на 50 каратъ». Антрепренеръ Гуськинъ съ его одесско-русскимъ жаргономъ: «вы мнѣ всѣ пальчики оближете!», «это дешевле порвальной рѣпы». Мелькаютъ люди и города. Прифронтовое мѣстечко на границѣ Украины. Знакомство съ маленькимъ мѣстнымъ Луначарскимъ, эстетомъ-комиссаромъ. Встрѣча съ нѣмецкимъ кордономъ, который бѣдные бѣженцы хотятъ расположить къ себѣ цитатами изъ нѣмецкой грамматики: «Аусгеноменъ зиндъ: бинденъ, фшденъ, клиненъ». И гетманскій Киевъ, въ которомъ, по выраженію того-же Гуськина, «жизнь бьетъ ключемъ по головъ». Приходъ Петлюры. Одесса. Эвакуація. «Вѣчно-жественное»: покупка никому не нужнаго крѣпде-шина, который продается дешево — «все равно большевики отберуть». «Что-же, вы такъ нечесанная и побѣжите? — Я еще вчера поняла, что положеніе тревожно и сейчасъ же сдѣлала маникюръ и ондюласіонъ».

Но на фонѣ разрухи и эвакуацій все это часто звучитъ совѣмъ невесело, а болѣзненно. Смѣшонъ комедантъ Одессы Гришинъ-Алмазовъ со своими «сегодня очень холодно. Подчеркиваю, очень». Но трагична героическая его смерть. Смѣшна и трогательна молодая актриса — Олѣнушка, по странной логикѣ собирающаяся выйти замужъ за Диму, потому что она любитъ Вову. Но трагически кончается ея романъ: Вова умираетъ отъ тифа. Немного смѣшны нарядные кадеты, отправляющіеся на фронтъ съ ихъ «кто пролилъ мой одеколонъ?», французскими фразами и пѣніемъ «га-та-план-план-план!» Но подъ это «га-та-план» они идутъ на смерть. Такъ смѣшны въ книгѣ Тэффи смѣхъ и горечь, такъ достигается она двойственного впечатлѣнія: какая чепуха и какая грусть и какой ужасъ! Ужасенъ маленький, смѣшной «Луначарскій», у котораго сзади шуба продырявлена, — очевидно, снята съ разстрѣляннаго. Страшна чехистка, настоящій «звѣръ» (съ твердымъ знакомъ), какъ выражается о ней Гуськинъ. Страшны и тѣ бѣлые, которые потеряли близкихъ въ гражданской войнѣ и мстятъ за нихъ. Страшны висѣлица въ Новороссійскѣ, офицеръ съ прострѣленнымъ лбомъ, напомнившій Тэффи капитана «Летучаго Голландца», пригвожденнаго къ мачтѣ. Цѣлую ночь проводитъ онъ въ вагонѣ стоя, потому, что такъ ему легче переносить душевную боль.

Н. А. Тэффи очень умна и наблюдательна. Нѣсколько штриховъ и передъ нами какъ живые встаютъ люди, которыхъ она встрѣчала въ

тъ дни — Дорошевичъ, Аверченко, актеры, которые искали убѣжища на югѣ, но вскорѣ, «сорвавшись, неслись безудержной птичьей тѣгой черезъ рѣки и пожары въ родной скворешникъ». Мѣткими словами характеризуетъ она первыхъ появившихся тогда «большевищановъ», у которыхъ «новое выраженіе лица, встречающееся все чаще и чаще: странно бѣгающіе глаза. Смущенно, растерянно и мгновенными нагло. Какъ будто нѣсколько секундъ жизни не хватило имъ, чтобы въ этой наглости спокойно утвердиться».

Тэффи сумѣла изумительно воссоздать то время, когда, по ея выраженію, «мы катились внизъ по огромной, зеленой картѣ, на которой, наконецъ было напечатано «Россійская Имперія»; когда «сдунула вихрь, закружилъ и смель. Остались только пыль и соръ». Прекрасными проникновенными словами кончаетъ она «Воспоминанія».

«Дрожить пароды, стелеть черный дымъ. Глазами широко, до холода въ нихъ, раскрытыми смотрю. И не отойду. Нарушила свой запретъ и оглянулась. И вотъ, какъ жена Лота, застыла, остолбенѣла навѣки и вѣки видѣть буду, какъ тихо, тихо уходитъ отъ меня моя земля».

М. Цетлицъ.

К. Д. Бальмонтъ. Сѣверное сіяніе. (Стихи о Литвѣ и Руси). Парижъ. «Родникъ». 1931 г.

Бальмонтъ — одинъ изъ немногихъ русскихъ писателей, изучающихъ своимъ литературнымъ изобиліемъ. Къ разбираемой нами книгѣ приложенъ списокъ его произведеній. Хотя въ немъ только по именамъ авторовъ перечислены многоименные порою его переводы, — все-же этотъ списокъ занимаетъ 3 страницы.

Въ годы изгнанія вниманіе К. Д. Бальмонта было сосредоточено на поэзии славянскихъ народовъ и Литвы. Но это отнюдь не новое устремленіе поэта. Еще до войны онъ переводилъ Словацкаго, Краинскаго, литовскія народныя пѣсни. Эти послѣдніе переводы (1908-1909 годовъ) — онъ включалъ теперь въ свою книгу, посвященную Литвѣ.

Въ послѣдніе годы, послѣ того какъ Русская Имперія разрушена, мы склонны высоко оцѣнивать ея прошлую культурную роль. Стричь эту роль нельзя, — Россія не только угнетала малыя національности, входившія въ ея составъ. Но вліяніе русской культуры, объединяющая ея роль, была случайной и стихійной. На малыя народности вліяла великая литература, вліяло то сильное и привлекательное, что было въ русскомъ бытѣ и обиходѣ. Сознательно никто не ставилъ и не осуществлялъ этихъ цѣлей объединенія; сознательно, хотя и бездарно, проводилась только казенная русификація.

Бальмонтъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, кто активно интересовался грузинами, поляками, литовцами, переводилъ ихъ поэтовъ,

изучалъ ихъ языки. О томъ, какъ этотъ проявляемый знаменитымъ русскимъ поэтомъ интересъ къ нимъ вліялъ на писателей этихъ народностей, — можетъ судить тотъ, кто слышалъ привѣтствія, полныя любви и преклоненія, которыя слали они своему русскому собрату по случаю его юбилея. Теперь, въ изгнаніи, Бальмонтъ только продолжаетъ то же самое дѣло. Правда, раньше, онъ какъ-бы склонялся къ малымъ народностямъ съ великодержавной высоты Россіи. Теперь, Россія унижена, а вознесены эти народности. Но Бальмонтъ, какъ немногіе другіе, имѣетъ право продолжать говорить съ ними не какъ равный, а какъ представитель высшей культуры. Въ этомъ значеніе его книгъ.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ «имперіализмомъ» русской культуры, — есть у Бальмонта и свой маленький личный «имперіализмъ». Онъ не только приобщалъ переводимыхъ имъ писателей къ сокровищницѣ русскаго языка и литературы. Онъ ихъ, вѣроятно, и немного «бальмонтнизировалъ». Тотъ фактъ, что переводимые имъ поэты становились похожи одинъ на другого и всѣ — на своего переводчика, уже отмѣчался критикой. Но работа Бальмонта-переводчика еще ждетъ подробной оцѣнки. Во всякомъ случаѣ, возсзданный имъ литовскій фольклоръ кажется болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ славянскіе: можетъ быть потому, что этотъ фольклоръ намъ болѣе чуждъ и мы склонны вѣрить въ то, что онъ возсзданъ правильно.

Родственность и созвучіе литовской поэзіи Бальмонту, можетъ быть, объясняется его происхожденіемъ. Это не разъ подчеркиваетъ самъ поэтъ, обращаясь къ своему предку литвину, легендарному литовскому пѣвцу, Вельмуду:

«Что по морямъ хотѣлъ настигнуть горизонтъ

И сталъ позднѣй — Бальмутъ, и сталъ и есть — Бальмонтъ».

Чувствуется въ этой книгѣ радость возвращенія и узнаванія. Онъ ликуетъ, воспѣвая Литву и литовскій языкъ.

Горячая любовь къ древней своей родинѣ заставляетъ поэта страстно высказаться по одному современному и острому вопросу, вмѣшаться въ споръ о Вильно. Это дѣлаетъ его книгу мѣстами напряженно-страстной. Онъ полемизируетъ въ стихахъ съ польскимъ поэтомъ и въ отвѣтъ на его слова, что поляки «украсили Вильно» — отвѣчаетъ:

«Украшивъ что-нибудь, приобретаешь

Украшенное? Это отрицаю!»

Или обращается съ вопросомъ къ Польшѣ:

«Такъ какъ же ты, стряхнувъ свои оковы,

Пошла къ сестрѣ — со спрятымъ ножомъ?»

Это напоминаетъ по тону тѣ яростныя, но беззлобныя инвективныя поэты, которыя пѣли насъ въ его «Горящихъ Зданьяхъ» или «Пѣсняхъ Мстителя».

Ф. Панферовъ. Бруски. Романъ ч. I. Предисловіе А. Луначарскаго. М., Госиздат. 1930. Ч. II. М., Госиздат. 1931.

«Бруски» Ф. Панферова являются одной изъ самыхъ читаемыхъ въ Россіи книгъ. Первая часть, вышедшая въ 1930 г., разошлась свыше чѣмъ въ 100 тыс. экземплярахъ и была вновь издана въ количествѣ 50 тыс.; вторая часть была напечатана въ количествѣ 100 тыс. Уже этотъ одинъ, чисто количественный, успѣхъ заставляетъ внимательно отнестись къ новому роману. Въ чемъ причина успѣха и оправданъ ли онъ?

Подойти къ современному совѣтскому роману съ прежнимъ критеріемъ художественной критики трудно. Да и врядь-ли такой подходъ былъ-бы оправданъ. Надо исходить изъ положенія, что русская литература испытала величайшее потрясеніе, что одинъ періодъ ея развитія оборвался и начинается новая историческая полоса. Правда, какъ всегда, рядомъ съ новымъ, доживаетъ и старое, часто стоящее на весьма высокомъ художественномъ уровнѣ, но это уже не широкая дорога русской литературы: гдѣ-то она сужается и кончается тупикомъ. Необходимо признать, что литература идетъ сейчасъ какимъ-то новымъ путемъ, еще ненабъзженнымъ и ухабистымъ, но, кто хочетъ выѣхать на большую пробѣжную дорогу, долженъ пуститься въ путь именно по этимъ ухабамъ.

Такимъ весьма и весьма «ухабистымъ» произведеніемъ является и новый романъ Ф. Панферова. Съ художественной стороны въ немъ можно найти не только недочеты, но просто большіе провалы. Ф. Панферовъ беретъ современную деревню и чуть-ли не всѣ семейныя жизни ея обитателей влетаетъ въ канву своего романа. Получается такое нагроможденіе именъ и событій, что читатель очень быстро теряетъ нить, и всѣ эти Николаи, Яшки, Зинки, Степаны и Иваны перепутываются и, при всемъ желаніи, нельзя вспомнить, о комъ-же собственно идетъ рѣчь. Авторъ не умѣетъ дать выпуклаго образа побочныхъ персонажей, что особенно трудно при такомъ сюжетномъ захватѣ. Основной недостатокъ «Брусковъ» въ томъ, что авторъ хочетъ сразу достичь слишкомъ многого и терпитъ крушеніе. Не говоря уже о томъ, что романъ неизбежно портитъ «соціальный заказъ», который долженъ привести къ торжеству коллективнаго хозяйства надъ единоличнымъ. Хотя въ этомъ отношеніи Ф. Панферова спасаетъ въра въ свою правоту и онъ оказывается въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тѣ изъ попутчиковъ, которые выполняютъ «заказъ» противъ своей воли. Тенденція наивна, но ее относишь за счетъ наивности самого автора и поэтому готовъ ее простить. Тѣмъ болѣе, что художественная правда говоритъ сама за себя. А въ известной художественности Ф. Панферову отказать нельзя. Языкъ его подкупаетъ свѣжестью и крѣпостью, мѣстами онъ достигаетъ большой художественной выразительности. Онъ образенъ и мѣтокъ. Правда, мѣстами въ его образности сильно отдаетъ вліяніемъ Есенина («цѣпными своми грызлись тучи», «утреннія зори... отряхивали помятая за ночь свои

разноцвѣтныя юбки», «ржаная тоска» и т. п.), но и въ предѣлахъ этой имажинистской традиціи у него есть свои удачи (едни откладывались ровными черствыми кусками»). Описанія природы, какъ общее правило, Ф. Панферову удаются, особенно тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло со стихіей.

Но что больше всего поражаетъ въ романѣ Ф. Панферова и что стоитъ въ такомъ разительномъ противорѣчьи со всей тенденціей «Брусковъ» — это власть непосредственнаго стихійнаго начала надъ человѣкомъ. «Тройной узелъ» — такъ озаглавлена одна изъ главъ романа «Бруски». Невольно ждешь, что «узелъ» совѣтскаго романа можетъ быть только социальнаго порядка. Но очень скоро выясняется, что «тройной узелъ» лежитъ въ иной области. «Передъ Кирилломъ (крестьянникомъ-коммунистомъ, предсѣдателемъ колхоза) завязался тройной узелъ: его тянуло къ Стешкѣ, онъ до сихъ поръ не могъ забыть ея простоты, ея густого смѣха, но онъ не прочь бы провести время и съ Машей — этимъ молодымъ дубкомъ, какъ онъ называлъ про себя Машу, и въ то же время онъ не хотѣлъ ни на кого мѣнять Ульку». И, хотя А. Луначарскій въ своемъ предисловіи увѣряетъ читателя, что «центральный мотивъ романа является борьба за коммунизмъ, въ дѣйствительности «узелъ» у Панферова почти всегда сведенъ къ любви. «Реляція изъ деревни» остается на поверхности, тѣмъ фономъ, на которомъ разыгрываются личныя трагедіи человѣческихъ взаимоотношеній. Любовь и измѣна, ревность и ненависть, борьба за обладаніе, тоска по материнству, радость перваго пробужденія новой жизни и гордость предстоящаго отцовства — все это въ изобиліи разсыяно на страницахъ романа Ф. Панферова.

Конечно, и со стороны чисто бытовой романъ Панферова представляетъ интересъ. Въ немъ схвачено много вѣрныхъ чертъ современной деревни, въ немъ есть нѣсколько удачныхъ образовъ, особенно изъ числа стариковъ. Молодежь ему не такъ удается. Кромѣ крестьянъ, Панферовъ ничего не видитъ. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о прошломъ, онъ владаетъ въ шаблонъ. Рабочій Сивашевъ, Маша-ликвидаторка и другія эпизодическія фигуры, связанныя съ городомъ, представляютъ собою обычный трафаретъ. Такъ же шаблоненъ Панферовъ въ изображеніи «старога міра»: звѣрь-помѣщикъ, священникъ-пьяница, интеллигентъ-агрономъ, — все это сдѣлано по привычнымъ штампамъ совѣтской литературы.

И все-же, когда преодолѣешь ухабы объемистаго романа Ф. Панферова, то не испытываешь чувства сожалѣнія. Ф. Панферовъ несомнѣнно даровитый писатель и, если бы ему не пришлось начинать сначала, въ отрывѣ отъ прежней традиціи, можетъ быть и его первый большой романъ оказался бы значительно выше. А. можетъ быть, онъ-бы и вовсе не рискнулъ пуститься въ плаваніе? Новые пласты входятъ въ литературу, а это значитъ неизбежное ея сниженіе.

Ю. Олеша. Вишневая косточка. М., изд. «Федерация», 1931.

Сборник Ю. К. Олеша «Вишневая косточка», проникнуть внутренним единством. Этим объединяющим его началом является художественный прием, примененный ко всем отдельным рассказам. Прием этот можно бы назвать установкой на «иное зрение». Он сам в одном из рассказов выдает свой художественный метод. «Нужно видеть мир по-новому», — говорит он в автобиографическом рассказе «Записки писателя». — «Чрезвычайно полезно для писателя заниматься такой волшебной фотографией. И притом — это не выверть, никакой не экспрессионизм! Напротив: самый чистый, самый здоровый реализм». Есть в этом приеме Юрия Олеша нечто общее с манерой Пруста, но в отличие от него, он не разлагает видимое на безконечные составные части, а поворачивает его под непривычным углом зрения, вырывает его из мира привычных отношений и связей. Вот в поле его зрения случайно попадает какое-то зонтичное растение. «Оно четко стоит на фоне неба. Это крошечное растение — единственное, что есть между небом и моим глазом. Я вглядываюсь все сосредоточеннее, и вдруг какой-то свдиг происходит в моем мозгу: происходит подкручивание шарниров мнимого бинокля, поиски фокуса. И вот фокус найден: растение стоит передо мной просвещенным, как препарат в микроскоп. Оно стало гигантским. Зрение мое приобрело микроскопическую силу. Я превращаюсь в Гулливера, попавшего в страну великана. Жалкий цветочек потрясает меня своим видом. Он ужасен. Он возвышается, как сооружение невдомой грандиозной техники. Я вижу могучие шары, трубы, сочленения, колёна, рычаги. И тусклое отражение солнца на стебле исчезнувшего цветка я воспринимаю теперь, как ослепительный металлический блеск».

В сущности, вся книжечка Ю. Олеша есть рассказ о преобразении мира под влиянием изменившейся точки зрения. И чаще всего преобразает этот нам данный реальный мир в особый «невдомой» мир — любовь. Об этом говорит один из лучших рассказов сборника, помещенный первым — «Любовь», этой-же темой посвящен последний, несомненно лучший во всей книге рассказ, давший заглавие всему сборнику: «Вишневая косточка».

Для нас, живущих вне навязанного сверху обязательного материалистического мировоззрения, в значительной мере пропадает одна особенность книжки Юр. Олеша, это — утверждение в правду на существование «третьего мира» в стране, где признается только «мир новый», все еще находящийся в борьбе со «старым миром». Этот третий мир существует наперекор всем, «наперекор порядку и обществу», и творцом его является человеческая личность, которую не удастся никак свести к голым законам социальной механики. Этот, созданный идеалистом, мир «не подчиняется никаким законам, кроме признанных законов собственного ощущения». В утверждении этого «третьего пути» кроется для подсоветского чита-

теля основной смыслъ книги Юр. Олеси, и именно эта сторона его творчества заставила совѣтскую критику отнестись къ ней съ подозрительностью.

На насъ, живущихъ въ иныхъ условіяхъ, эта защита права человека на «третій путь» не производитъ такого впечатлѣнія; временами эта сторона даже кажется нѣсколько слишкомъ художественно подчеркнутой. Но общій уровень разсказовъ Юр. Олеси настолько высокъ, что ему охотно прощаешь недостатки, вызванные особыми условіями, въ которыхъ ему приходится творить.

Больше приходится пожалѣть о другомъ, — что успѣхъ, выпавшій на долю «Зависти», обезпечилъ Юр. Олеси возможность опубликованія безъ особаго отбора всего, что у него скопилось за послѣдніе годы. Этимъ объясняется то, что наряду съ художественно законченными и сильными вещами, оказались въ сборникѣ вещи просто слабыя, какъ, напр., «Въ циркѣ», или взаимно повторяющіе себя автобіографическіе очерки «Человѣчскій матеріалъ» и «Я смотрю въ прошлое». Въ очеркѣ «Записки писателя» Олеса говоритъ: «У меня въ папкахъ имѣется по крайней мѣрѣ триста страницъ, помѣченныхъ цифрой «1». Это триста началъ «Зависти». И ни одна изъ этихъ страницъ не стала окончательнымъ началомъ». Къ сожалѣнію, въ отборѣ матеріала для своей книжки разсказовъ Юр. Олеса не былъ такъ требователенъ къ себѣ, какъ при работѣ надъ «Завистью».

А. Бемъ.

Д. Чижевскій. «Нариси з історії філософії на Україні». Украинский Громадський видавничий фонд. Прага, 1931, 175 стр.

«Очерки изъ исторіи философіи на Украинѣ» Чижевскій написалъ въ сотрудничествѣ съ Л. Миколаенко, которому принадлежатъ глава о Гоголѣ; что же касается остальныхъ главъ, участіе Миколаенко состояло въ обсужденіи съ Д. Чижевскимъ содержанія ихъ.

Исслѣдованію исторіи украинской философіи Чижевскій предпосылаетъ общія соображенія о національномъ характерѣ украинцевъ и факторахъ развитія украинской культуры. Здѣсь онъ отмѣчаетъ эмоціонализмъ, сентиментализмъ и лиризмъ украинцевъ, ихъ юморъ, эстетизмъ украинской народной жизни и обрядности, индивидуализмъ и стремленіе къ свободѣ. Въ связѣ съ этими чертами народнаго характера онъ ставитъ украинское барокко, съ его декоративностью, пышностью, импозантностью, стремленіемъ больше «казаться», чѣмъ «быть»; этотъ стиль онъ находитъ не только въ искусствѣ, но и въ душевномъ строѣ, въ «психическомъ авантюризмѣ» нѣкоторыхъ видныхъ людей XVII и XVIII вѣковъ (Мазепа, Могила, Прокоповичъ). Продолженіе проявленій того-же душевнаго строя въ новомъ видоизмѣненіи онъ усматриваетъ въ украинскомъ романтизмѣ XIX в.

Въ главѣ «Философія въ старой Украинѣ» даны свѣдѣнія о зна-

комствѣ древней Руси съ святоотеческою литературою, далѣе въ XV-XVI в. в. о сектѣ жидовствующихъ и ея связяхъ съ еврейскою и арабскою философіею. Весьма содержательны отдѣлы этой главы, посвященные вопросу объ изученіи философій украинцами въ граничныхъ университетахъ и дома, а также о философскомъ чтеніи того времени. Широта и разнообразіе интересовъ, порожденныхъ отчасти борьбою православія, католицизма, протестантизма и униатства, выражается въ этомъ чтеніи, и объясняетъ ту культурную подготовку украинскаго общества, благодаря которой Кіевская Академія дала въ первой половинѣ XIX в. рядъ видныхъ профессоровъ философій, занявшихъ кафедры въ русскихъ университетахъ (напр., Веллаевскій, Юркевичъ).

Въ главѣ «Кирилло-меѳодіевцы» сообщены чрезвычайно цѣнные для исторіи духовной культуры Украины и Россіи вообще свѣдѣнія о Кулишѣ, Костомаровѣ, Шевченко и Гулакѣ. Онѣ указываютъ на связи ихъ съ западно-европейскимъ романтизмомъ и попытками синтеза христіанства съ социальнымъ и національнымъ радикализмомъ, обрисовываютъ религіозность Костомарова и украинно-центрическое міропониманіе Кулиша.

Особенно обстоятельно занялся Чижевскій философіею П. Д. Юркевича, проф. Московскаго университета, получившаго образованіе въ Кіевской Академіи. Чижевскій обращаетъ вниманіе на борьбу Юркевича какъ противъ матеріализма, такъ и противъ гносеологическаго идеализма; онъ обрисовываетъ его оригинальный методъ противопоставленія философій Платона ученію Канта въ рядѣ антиitezъ; далѣе, онъ даетъ понятіе объ оригинальномъ характерѣ платонизма Юркевича, развившаго одновременно съ Лотце ученіе объ идеѣ, какъ идеаль, нормирующемъ реальное бытіе и мышленіе о немъ; въ заключеніе, онъ сосредоточивается на самой цѣнной и наиболѣе своеобразной сторонѣ творчества Юркевича, на его «философій сердца».

Послѣдняя глава посвящена представителямъ научной философій. Изъ нихъ наиболѣе значителенъ В. Лесевичъ, сторонникъ высоко выработанныхъ формъ позитивизма, именно кантіанскаго позитивизма и, подъ конецъ жизни, эмпирикритицизма.

Въ общемъ задача, поставленная Чижевскимъ, разсмотрѣть украинскую философій, какъ цѣлое, на протяженіи отъ начатковъ христіанства до нашего времени, нѣсколько искусственна, такъ какъ нельзя оторвать украинскую культуру отъ общерусской: начатки этой культуры въ первые вѣка христіанства древней Руси были общими у всѣхъ пѣтвей русскаго народа; эта общность оказалась настолько значительною, что даже своеобразныя вліянія западно-европейской и польской культуры въ XV-XVIII в. в., влившія новую струю въ жизнь Украины, повели не къ отчужденію ея отъ русской жизни, а только къ обогащенію общерусской культуры съ того момента, какъ Украина вошла въ составъ Московскаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ XIX в. культурный взаимообмѣнъ между Україною, Великою Россіею и Бѣлоруссіею такъ интенсивенъ, что отдѣлится культуру этихъ

вѣтвей русскаго народа другъ отъ друга невозможно. Изслѣдованіе религиозныхъ исканій Гоголя невозможно безъ изученія связи его съ литературными кругами Москвы и Петербурга, особенно съ славянофилами. Изучая философію Юркевича детально, слѣдовало бы отдать отчетъ, имѣли ли на него вліяніе проф. Авсеневъ и др. русскіе мыслители. Приступая къ изслѣдованію второй половины XIX в., Чижевскій самъ говоритъ, что «полное пониманіе философскаго творчества украинскіхъ мыслителей этого времени возможно лишь на основѣ культурныхъ традицій — русской и (въ нѣсколькихъ случаяхъ) польской».

Эти замѣчанія вовсе не имѣютъ цѣлью умалить цѣнность труда Чижевскаго. Данный мною обзоръ, надѣюсь, обнаруживаетъ серьезность его работы, обиліе въ ней цѣннаго матеріала и значительность производимыхъ имъ анализовъ и сопоставленій.

Въ книгѣ помѣщены весьма оживляющіе ее портреты Феофана Прокоповича, Сковороды, Гамалии, Велланскаго, Новицкаго, Гогоцкаго, Юркевича и пр.

Н. Лоскій.

The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Second Season of Work. New Haven. Yale University Press. 1931.

Селевкидская колонія и караванная станція на Евфратѣ, Дура Европосъ недавно еще была извѣстна ученымъ только по имени. Когда, во время великой войны, отрядъ англійскихъ сипаевъ случайно откопалъ въ пескахъ Сирійской пустыни ея превосходныя парфянскія фрески, ученые были поражены не столько самой находкой, сколько мѣстомъ ея: Дуру предполагали найти въ Месопотаміи — за Евфратомъ.

Французская Академія Надписей немедленно послѣ войны принялась за раскопки Дуры. Вскорѣ, по недостатку средствъ, работа Академіи была оставлена и только въ 1928 году возобновилась на средства и силами Яльскаго Университета въ Коннентинутѣ. Однимъ изъ вѣдѣтельныхъ участниковъ раскопокъ въ Дурѣ сталъ нашъ славный соотечественникъ М. И. Ростовцевъ. Лежащій передъ нами богатый иллюстрированный томъ, въ 225 стр. in 4°, является «предварительнымъ отчетомъ» о второмъ уже «сезонѣ» этой, возобновленной работы (Окт. 1922 — апр. 1929 г.).

Читателямъ «Совр. Зап.» Дура и ея развалины знакомы по печатавшимся здѣсь (№ № 41-44) очеркамъ проф. Ростовцева «О Ближнемъ Востокѣ», вышедшимъ затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Сперва македонская, потомъ парфянская пограничная крѣпость, — съ начала 2-го вѣка владѣніе римлянъ, — въ качествѣ важной караванной станціи Дура выдвинулась уже въ римскую эпоху, съ расцвѣтомъ дальневосточной (индійской и китайской) торговли Пальмиры. Географическое положеніе Дуры на перекресткѣ великихъ цивилизацій (арамей-

ской, эллинской, иранской), самая внезапность исчезновения ея съ исторической сцены (послѣ разгрома Пальмирской «имперіи» Аврелианомъ), наконецъ исключительно благоприятная, съ археологической точки зрѣнія, физическая среда (сухой воздухъ, разсыпные пески) — все это превратило забытый людьми клочекъ пустыни съ развалинами въ одинъ изъ привлекательнѣйшихъ для археолога и историка уголковъ ближней Азии. Дура — единственная македонская колонія въ Азии, дошедшая до насъ въ почти незатронутомъ римскимъ, и совсѣмъ незатронутомъ византійскимъ и мусульманскимъ вліяніемъ, видѣ. И — еще важнѣе! — Дура — единственная пока сокровищница парфянскихъ древностей, которая впервые пріоткрыла, въ сущности, завѣсу надъ пятивѣковой имперіей Арсакидовъ, доселѣ извѣстной науцѣ лишь по римскимъ военнымъ реляціямъ. А вѣдѣ парфяне были не только наследниками древнѣйшихъ, месопотамскихъ и иранскихъ цивилизацій, но и вѣрными стражами эллиновъ на «далнемъ» востоцѣ, не только непобѣжденными соперниками Рима въ борьбѣ за Азію, но и проводниками (черезъ сарматовъ и скифовъ) иранскаго культурнаго вліянія въ Европу.

О цѣнности уже сдѣланныхъ и, конечно, еще ожидающихъ науку открытій въ Дурѣ можно судить по такимъ, еще въ первый періодъ работы сдѣланнымъ, находкамъ, какъ удивительная по красотѣ статуэтка Афродиты «Небесной» — копія Элидской статуи Фидіи (извѣстной доселѣ лишь по описанію Павзанія да по маленькому осколку другой статуэтки-копіи) или, какъ драгоценный, — особеннаго для насъ, русскихъ, — обрывокъ пергамента съ рисункомъ Чернаго моря и прибрежныхъ городовъ — Тиръ (Аккермана), Борсепена (Очаковъ), Херсонеса (Севастополь) — пергамента, украшавшаго шитъ пальмирскаго лучника, который, въ началѣ 3-го вѣка, продавался съ римскимъ отрядомъ этотъ далекій путь. Богатъ оказался находками и данный «сезонъ». Глиняная посуда, бронза, стекло, серебро, кожаная обувь, обрывки одежды, стѣнные надписи, монеты, новые пергаменты, папирусъ (первый и единственный пока) — все это подробно описано, перечислено, комментировано, частью воспроизведено фотографически въ «Отчетѣ». Важнѣйшіе письменные документы снабжены транскрипціями въ подлинникахъ (греческомъ или арамейскомъ) и англійскимъ переводомъ. Среди рисунковъ (graffiti), — имъ посвящена спеціальная замѣтка М. И. Ростовцева, — интересны воспроизведенныя уже въ «Совр. Зап.» фигуры парфянскихъ конниковъ, напоминающія сарматскія фигуры южной Россіи. Среди живописи замѣчательна доска съ крылатой Побѣдой, похожей на ангеловъ нашихъ старинныхъ иконъ. Но всего интереснѣе это — «Пергаментъ № Ю», прекрасно сохранившійся и написанный на безукоризненно греческомъ языкѣ, официальный парфянский документъ — договоръ парфянскаго «артаната» (сельскаго сеньора) съ мелкимъ землевладѣльцемъ-арабомъ о «рабской работѣ». Чуть не каждое слово этого документа бросаетъ какой-нибудь свѣтъ на административное, судебное и социальное устройство парфянскаго государства. По разъясненію М. И. Ростовцева условія договора отбѣчаютъ духъ

древне-вавилонскаго и ассирійскаго права, но не отражаютъ ли они и болѣе новыхъ явленій — процесса начавшагося на окраинахъ римской Имперіи изживанія рабства?

«Отчетъ» — превосходная и по содержанию, и по внѣшности книга. Взявши ее, не хочется выпустить изъ рукъ, не перелиставъ до конца; перелиставши, хочется внимательно прочитать. Немногихъ счастливицевъ, которымъ это доступно, потянетъ познакомиться и съ «мѣстомъ дѣйствія» — побывать у границъ той, все еще загадочной во многомъ Иранской Имперіи, откуда, берегами Каспійскаго и Чернаго моря, протянулась важная нить и къ нашей родной культурной исторіи.

Ив. Херасковъ.

Г. П. Федотовъ. Святые древней Руси. Парижъ, изд. УМСА, 1931.

Авторъ подошелъ къ своей темѣ какъ историкъ-соціологъ. Въ книгѣ охарактеризованы различные типы святости, соответствующіе различнымъ слоямъ русскаго общества, изъ которыхъ выходили святые, прослѣжена эволюція этихъ типовъ и смѣна ихъ во времени, въ соответствии съ общимъ движеніемъ русской культуры и ея внутренними перерожденіями. Сперва — монахи, зиждители русской Церкви и князья — подвижники за національное дѣло; затѣмъ, наряду съ свитателями-отшельниками, правители уже сложившейся Церкви; далѣе, когда Церковь застываетъ въ традиціонномъ благочестіи, святые міряне. Интересно наблюденіе автора, что среди этой послѣдней категоріи совершенно отсутствуютъ представители русскаго крестьянства. Особое мѣсто отведено одному, по преимуществу русскому, явленію — юродству. Въ юродствѣ проявляло себя своеобразное русское протестанство — противъ условностей традиціоннаго религіозно-бытового уклада, осложнившееся подчасъ и протестомъ противъ мірской неправды, противъ неправды и насилія Государства, протестанство чисто личное, ничего не противопоставляющее тому, противъ чего оно направлено, — кромѣ личнаго примѣра предѣльнаго смиренія, самоуничтоженія, самоумаленія, отхода отъ зла и служенія добру. Очень мѣтко сопоставленіе юродиваго съ Иваномъ-дуракомъ русской сказки: «Иванъ-дуракъ несомнѣнно отражаетъ вліяніе св. юродиваго...» Авторъ безусловно правъ, выдвигая специфически-русскій характеръ этого явленія и его значеніе въ русской жизни. Все же мнѣ кажется чересчуръ категоричными слова автора: «извѣстно, что католическій Западъ не зналъ юродства». Св. Францискъ, о которомъ самъ-же авторъ вспоминаетъ нѣсколько далѣе, началъ съ юродствованія и до гроба остался вѣренъ идеалу юродства; тяготѣніе къ юродству было очень значительно въ нѣкоторыхъ толкахъ ранняго францисканства; но Церковь на Западѣ съ юродствомъ боролась, вводила его въ свои рамки, или гнала его. И секуляризованное юродство не было вполнѣ чуждо Западу: Иванъ-дуракъ имѣетъ свою параллель въ блаженныхъ

скоморохахъ, наконецъ, въ Донъ-Кихотѣ, который самъ, несомнѣнно, связанъ по происхожденію съ Игнатіемъ Лойолой, тоже, подобно Франциску, начавшимъ съ юродства. Разницу въ отношеніи обихъ Церквей къ юродству слѣдуетъ объяснить, кажется, не столько католическимъ духомъ дисциплины, сколько тѣмъ, что на Западѣ всякое теченіе было обязательно умственнымъ, и въ юродивомъ («идіота», человекъ «самъ по себѣ») Церковь западная всегда поэтому чуяла еретика.

Съ большой тонкостью и остротой критики авторъ выдѣляетъ въ массѣ житійнаго матеріала тѣ сплетенныя съ агіографическими шаблонами данныя, которыя позволяютъ возстановить тѣ или иные исторически-цѣнные — національныя, родовыя или личныя черты. Извѣстно, какъ это трудно, какая едва уловимая грань отдѣляетъ шаблонъ отъ отраженія, въ источникахъ этого рода, конкретныя черты. Авторъ дѣйствуетъ здѣсь съ большой — и необходимой — осторожностью, но никогда не впадаетъ въ бывшую еще недавно модной «гиперкритику».

Строго научная точка зрѣнія выдержана авторомъ не только въ анализѣ источниковъ и тѣхъ конкретныхъ данныхъ, которыя въ нихъ отражены, но и въ общей его концепціи русской святости, какъ явленія русскаго національнаго развитія — въ рѣзкомъ разграниченіи двухъ вояжій, — русской святости и русской народности. «Русскіе святые не — русскій народъ», говоритъ онъ, правильно противопоставляя свою точку зрѣнія упрощенной точкѣ зрѣнія послѣднейшей славянофильства. Святость и праведность русской культуры не данное, а заданіе, и «народность» не «субстратъ» историческаго развитія, а то, что само развивается, «становится». «Идеализація русской жизни была бы извращеннымъ выводомъ изъ сянія ея святости». Болѣе того: нельзя проводить знака равенства и между русской святостью и русской религіозностью въ цѣломъ. Религіозный голодъ, религіозная тревога, «богоскательство» — явления позднѣйшаго времени (начиная съ XVIII в.), времени разрыва съ традиціонной религіозностью (церковностью), присущей русскому обществу въ старину.

П. Бицилли.

Проф. Е. Ф. Шмурло. Курсъ русской исторіи. Т. I. Возникновеніе и образованіе русскаго государства. 862-1462 г. г. Прага. 1931.

Профессоръ Е. Ф. Шмурло только что выпустилъ въ Прагѣ первый томъ своего курса русской исторіи. Привѣтствуя появленіе этой цѣнной книги, приходится очень пожалѣть о томъ, что авторъ не могъ выпустить еѣ въ печатномъ видѣ, а пришлось ему довольствоваться размноженіемъ ея на печатной машинкѣ всего въ сѣзъ экземплярахъ.

Курсъ проф. Шмурло отличается своеобразной архитектуркой.

Она построена, как бы сказать, въ два яруса. Сначала идетъ догматическое обзорное основныя процессы русской исторіи, подводящее итогъ тѣмъ положеніямъ, которыя, — по мнѣнію автора, — уже составили твердое общепризнанное достояніе русской исторической науки. Въ вышедшемъ первомъ томѣ это изложеніе обнимаетъ собою періодъ отъ первоначальнаго возникновенія государственной жизни у русскихъ славянъ до соединенія русскихъ княжествъ въ Московское государство. А затѣмъ авторъ вторично проходитъ тотъ же періодъ, но уже въ формѣ разсмотрѣнія научныхъ контраверзъ, возникавшихъ въ исторической литературѣ по наиболее спорнымъ вопросамъ русской исторіи.

Въ догматической части вниманіе автора сосредоточивается преимущественно на постепенномъ зарожденіи, развитіи и послѣдствительныхъ измѣненіяхъ государственной организациі на русской равнинѣ; на ростѣ національнаго самосознанія въ населеніи этой равнины и на различныхъ наиболее важныхъ проявленіяхъ духовной культуры народа. Сравнительно менѣе обстоятельно касается авторъ исторіи общественныхъ классовъ и экономическихъ отношеній, отгнѣвая въ этой области лишь самыя существенныя моменты.

Все изложеніе отличается точностью, выразительностью и литературнымъ изяществомъ. Авторъ неизмѣнно держится научной объективности и въ такихъ вопросахъ, которые нерѣдко трактовались и трактуются подъ угломъ зрѣнія національныхъ или политическихъ предубѣжденій.

Большое мѣсто отведено введенію, гдѣ рассмотрены географическія, этнографическія и политическія предпосылки русскаго историческаго процесса и затѣмъ передъ читателемъ проходятъ въ рядѣ выпуклыхъ характеристикъ Кіевская Русь, Суздальско-Владимірская Русь, Новгородская и Псковская державы, Сѣверо-восточная Русь подъ татарскимъ игомъ, возникновеніе Московскаго и Литовско-русскаго государствъ. Очень обстоятельно рассмотренъ вопросъ о вліяніи татарскаго ига на различныя стороны русской жизни, — что можетъ служить полезнымъ противовѣдомъ противъ новѣйшихъ евразійскихъ фантазій.

Затѣмъ слѣдуетъ обширная глава, посвященная развитію русской письменности и литературы, русскаго искусства, русскаго иконоства, развитія національнаго сознанія и основныя общественныя понятія въ различныхъ кругахъ населенія за X-XV в. в

Въ высшей степени цѣннымъ дополненіемъ къ этой главѣ служитъ подробный каталогъ памятниковъ духовной культуры, сохранившихся отъ тѣхъ вѣковъ, какъ-то: памятниковъ вещественныхъ, церквей и монастырей, фресокъ, иконъ, миниатюръ, памятниковъ литературныхъ и юридическихъ.

Вторая часть книги, посвященная разсмотрѣнію научныхъ контраверзъ по спорнымъ вопросамъ русской исторіи, обнаруживаетъ удивительное умѣніе автора сжато и отчетливо ориентировать читателя въ порою весьма сложныхъ научныхъ спорахъ. Въ соединеніи съ

указаніемъ обильной литературы по каждому изъ этихъ вопросовъ эти историографическіе экскурсы представляютъ большую цѣнность для лицъ, приступающихъ къ научнымъ занятіямъ русской исторіей.

А. Кизеветтеръ.

А. Н. Фатѣевъ. Академическая и государственная дѣятельность М. А. Балугьянскаго (Балудянскаго) въ Россіи. Ужгородъ, 1931.

М. А. Балугьянскій, — ученый карпаторосъ, въ 1804 г. переселившійся изъ Пешта въ Петербургъ и на всю остальную жизнь (умеръ въ 1847 г.) прочно акклиматизировавшійся въ Россіи, — игралъ крупную роль среди государственныхъ дѣятелей въ Россіи въ первой половинѣ XIX ст. Правда, онъ находился не въ первомъ, а во второмъ ряду этихъ дѣятелей; онъ не занималъ министерскихъ постовъ и не фигурировалъ на политической авансценѣ. Но онъ былъ перворазрядной рабочей силой при осуществленіи обширныхъ и отвѣтственныхъ государственныхъ мѣропріятій особенно въ области финансовыхъ преобразованій и кодификаціонныхъ работъ. Министръ Гурьевъ шагу не могъ ступить безъ содѣйствія Балугьянскаго. Сперанскій не чаялъ души въ этомъ ученомъ и усердномъ помощникѣ, на котораго въ каждомъ серьезномъ дѣлѣ можно было положиться, какъ на каменную гору. Сверхъ того, Балугьянскій много лѣтъ былъ профессоромъ политической экономіи и ректоромъ Петербургскаго университета. Безъ подробнаго знакомства съ дѣятельностью Балугьянскаго нельзя составить себѣ вполнѣ отчетливаго представленія о ходѣ государственнаго управленія въ Россіи въ первой половинѣ XIX ст. Между тѣмъ, до сей поры фигура Балугьянскаго была очень скудно освѣщена въ литературѣ.

Проф. Фатѣевъ въ своей интересной брошюрѣ подводитъ насъ вплотную къ этой незаурядной личности. Используя всю необильную печатную литературу о Балугьянскомъ, проф. Фатѣевъ сверхъ того извлекъ очень важные новые матеріалы изъ петербургскихъ архивовъ, обрисовывающіе съ разныхъ сторонъ дѣятельность Балугьянскаго. Любопытно отмѣтить, напр., что въ связи съ служебными порученіями Балугьянскому не разъ приходилось составлять много томныя историческія изслѣдованія по архивамъ, которыя такъ и остались въ рукописномъ видѣ погребенными на архивныхъ полкахъ. Такъ напр., онъ составилъ для министра Гурьева многотомную рукописаную исторію русскихъ государственныхъ финансовъ за все XVII столѣтіе съ приложеніемъ вѣдомостей прихода и расхода за много лѣтъ. Будь этотъ трудъ своевременно напечатанъ, какой бы это былъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу!

Небольшая по размѣру брошюра проф. Фатѣева насыщена интереснымъ содержаніемъ. Здѣсь найдется немало важныхъ данныхъ и для личной характеристики Балугьянскаго и для общей картины го-

сударственнаго управленія въ тогдашней Россіи и въ частности для исторіи государственной дѣятельности и кодификаціонныхъ работъ Сперанскаго.

А. Кизеветтеръ.

А. Кизеветтеръ. Историческіе силуэты. Люди и событія. «Паробол», Берлинъ, 1931.

Живо и талантливо написанные очерки А. Кизеветтера прочтеть съ пользой и удовольствіемъ всякій — даже и не очень образованный — читатель, интересующійся родной исторіей. Написанные въ качествѣ журнальных и газетныхъ статей для юбилейныхъ поминковъ, по словамъ самого автора, они «не претендуютъ на оригинальность» и скорѣе подводятъ итоги. Не забудемъ однако, что, по крайней мѣрѣ, въ основѣ очерковъ, посвященныхъ XVIII вѣку, лежитъ большая изслѣдовательская работа автора.

Въ книгѣ легко отмѣчаются три концентра: Екатерининскій (Екатерина II, Пугачевщина, Потемкинъ), Александровскій (Александръ I, Карамзинъ, декабристы) и Николаевскій, какъ, съ извѣстной натяжкой, можно было назвать группу трехъ портретовъ средины прошлаго вѣка: Грановскій, Иванъ Аксаковъ и Палацкій. Два очерка, «Пугачевщина» и «Первое пятилѣтіе правленія Екатерины II», болѣе другихъ насыщены фактами, ставятъ важныя историческія проблемы и всего болѣе приближаются къ типу изслѣдованій. Въ первомъ изъ нихъ авторъ въ детальномъ анализѣ военно-революціонныхъ дѣяствій Пугачева приходитъ къ отрицанію у него всякой послѣдовательной и широкой программы. Пугачевъ мѣняется своей политической обликъ съ перемѣной театровъ войны, оказывается испуганнымъ своимъ успѣхами и неподготовленнымъ къ роли вождя народнаго возстанія. — Полезная поправка къ современной російской идеализаціи знаменитаго атамана. — Противъ традиціонной идеализаціи Екатерины, какъ либеральной царицы, уступающей давленію реакціонной обстановки, А. Кизеветтеръ подчеркиваетъ единство программы въ началѣ и концѣ ея царствованія, той программы сословно-дворянскаго самодержавія, которая была завѣщана Екатериной дѣятелями Елизаветинскаго времени.

Эта тенденція къ осторожному развѣнчиванію кумировъ водить перомъ автора и въ его самыхъ удачныхъ личныхъ характеристикахъ. Она умѣряется чувствомъ справедливости и не покидаетъ твердой почвы фактовъ. Съ его оцѣнками охотно соглашаешься: выбранные авторомъ дѣятели не внушаютъ особаго желанія ихъ реабилитаціи.

На почвѣ XIX вѣка авторъ не столько историкъ, сколько публицистъ. И здѣсь онъ изъ критика превращается въ апологета или панегириста. И декабристы и Грановскій воплощаютъ идею русскаго либерализма, Аксаковъ и Палацкій — идею «славянскаго единенія», оче-

видно, ожившую нынѣ на славянской почвѣ Праги. Зато послѣдніе очерки очерчены гораздо блѣднѣе. Талантъ автора, очевидно, требует критическаго рѣза.

Заключительная статья посвящена критическому разбору двухъ новѣйшихъ схемъ русскаго историческаго процесса: Б. Э. Нольде и И. И. Бунакова. Въ возраженіяхъ автора многое, или почти все, вѣрно (какъ охотно признаетъ пишущій эти строки справедливость возраженій А. Кизеветтера и противъ его собственной схемы). Но возраженія, бьющія по отдѣльнымъ узкимъ мѣстамъ, безсильны разрушить значеніе цѣлаго построенія. И гипертрофія государственной активности въ построеніи Нольде и ориентальный стиль московскаго царства Бунакова остаются плодотворными историческими идеями, которыя многое уясняютъ въ трагической судьбѣ Россіи.

Г. Федотовъ.

B. Mirkin-Guetzévitch: Les Nouvelles Tendances du droit constitutionnel. Paris. 1931.

Б. С. Миркинъ-Гецевичъ выпустилъ новую книгу — «Новыя тенденціи конституціоннаго права». Она составилась изъ расширеннаго и дополненаго «Синтетическаго опыта» — предисловія къ выпущенному авторомъ и выдержавшему уже два изданія очень цѣнному Сборнику конституцій новой Европы.

Книга Б. Миркина-Гецевича интересна и поучительна. Она правильно отмѣчаетъ возрастающее усиленіе роли правительственной власти за счетъ власти законодательной, парламентской. Также правильно подмѣченъ анахронизмъ — былое, политически правомѣрное недоувѣріе къ правительству короля примѣняется и въ наше время къ своему, парламентарному правительству, вышедшему изъ выборовъ въ парламентъ и съ парламентомъ неразрывно связанному.

Врядъ ли только справедливо относить тенденцію къ усиленію власти на повоенный періодъ развитія демократіи! Этотъ процессъ начался задолго до вѣка радио и аэроплановъ.

Въ спеціальной работѣ о судебной отвѣтственности министровъ мы задолго до войны приходилось останавливаться на усиленіи правительственной власти въ связи съ ростомъ вліянія избирателей и непосредственнымъ воздѣйствіемъ общественнаго и народнаго мнѣнія. Эту тенденцію «предсказалъ» еще въ 40-хъ годахъ Огюсть Контъ. О ней въ 60-хъ годахъ говорили въ палатѣ общинъ Джонъ Стюартъ Милль. Въ 80-хъ годахъ ее точнѣе опредѣлить одинъ за другимъ — Дэйси, Энсонъ и Брайсъ. Но окончательно ее установилъ и описалъ Сидней Лоу въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Государственный строй Англіи», которое для континентальнаго міра открыто было Еллинекомъ въ 1906 г. И въ Россіи Б. Кистяковскій, Новгородцевъ, М. Ковалевскій, А. С. Алексѣевъ, Котляревскій единодушно отмѣчали еще въ первомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія «концентрацію и демократизацію» власти въ качествѣ «новѣйшей фазы» парламентаризма.

Б. Миркинъ-Гецевичъ стоитъ на эмпирико-исторической почвѣ. И тутъ онъ неуязвимъ и убѣдительно. Его разсужденія теряютъ въ убѣдительности и становятся сбивчивы, когда онъ попутно обосновываетъ свой эмпирико-историческій, въ своей области вполне, конечно, законный, подходъ къ предмету. Все право и, въ частности, конституционное право авторъ низводитъ до простой «юридической техники», которая стоитъ, на нашъ взглядъ, въ кричащемъ несоответствіи не только съ общими понятіями права, но и съ «бессмертными» правами человѣка и гражданина, съ «телеологическимъ принципомъ», «постулатомъ» и «критеріемъ», къ которымъ апеллируетъ самъ авторъ. «Юридическая техника» плохо гармонируетъ и съ другой, дорогой для автора, общей идеей — «раціонализацией власти».

Не объясняется ли такая сбивчивость многосмысленностью понятія «техника»? Ибо нетрудно указать, что въ одномъ случаѣ техника оказывается синонимомъ специализаціи, въ другомъ — практики, въ третьемъ — конкретности (въ отличіе отъ общности и отвлеченности), въ четвертомъ — даже опредѣленнаго временнаго періода. — «Мы переживаемъ техническій періодъ демократіи», утверждаетъ авторъ, почти по Конту различая періоды и фазы: философское и доктринальное правовѣріе конца 18-го вѣка и современную «позитивную» и «техническую» постановку проблемъ.

Въ какомъ-то смыслѣ, можетъ быть, и правильно — : «чтобы составить бессмертную Декларацию правъ не было необходимости прибѣгать къ техникамъ; но, чтобы составить законъ о социальномъ страхованіи, охранѣ материнства или даже дорожный уставъ, надо постоянно обращаться къ техникамъ». Но развѣ не очевидно, что разный порядокъ установленія или выработки правовыхъ положеній не можетъ служить основаніемъ для различенія между правомъ (техникой) и не-правомъ (политика, социологія, исторія). Какъ не вспомнить здѣсь извѣстнаго возраженія Владимира Соловьева тѣмъ, кто на вопросъ о томъ, что такое соль, отвѣчаютъ не «сущностной» формулой — NaCl, а генетическимъ описаніемъ того, какъ и откуда берется и выдѣляется соль.

За исторіей, социологіей и даже политикой авторъ-юристъ признаетъ самостоятельное и самоцѣльное научное значеніе. Праву же отводитъ роль прикладную. Демократія для него — формула политическая, истина догматическая и историческая, но не-правовая. Любопытно съ этимъ сопоставить мнѣніе нынѣшнихъ политиковъ, — назову хотя бы для примѣра такого виднаго и испытаннаго, какъ Анри де Жувенеля, — которые все рѣшительнѣе подчиняютъ и политику, и исторію, если имъ суждено европейское будущее, праву. Англійское рѣшеніе — дѣло не рѣшено, доколѣ оно не рѣшено правовымъ путемъ, — приобретаетъ все большую популярность во всемъ мірѣ.

Другая общая идея Миркина-Гецевича — раціонализация власти. Авторъ держится за этотъ «неологизмъ», хотя и сознаетъ его недостатки и «недостаточную эlegantность».

Что такое раціонализация власти?

Въ бо́лье чѣмъ лестномъ, можно сказать, восторженномъ отзывѣ Жозефа Бартеlemi на книгу Миркина-Гецевича, французскій государствовѣдъ оговаривается: «если онъ правильно понялъ», тенденція въ рационализациі власти состоитъ въ «подчиненіи опредѣленному цѣлому конкретныхъ правилъ, раньше пребывавшихъ въ состояніи колеблѣнія или подчинявшихся правиламъ традиціоннымъ и обычнымъ».

Я бы сказалъ, что проблема рационализациі власти по существу — та же, что была поставлена еще Монтескье и не разрѣшена и по сей день. Это проблема равновѣсія или согласованія «силъ вещей» (*le mouvement nécessaire des choses*) съ урегулированіемъ этихъ «вещей» (*la disposition des choses*). Реакціонеры всѣхъ временъ и народовъ — Бёркъ въ Англии, де Мэстръ во Франціи, Адамъ Мюллеръ, Галлеръ, Ярке въ Германіи, Леонтьевъ въ Россіи и т. п. одинаково рьяно возставали противъ самоуправенной и святотатственной попытки людскаго разума и воли вмѣшаться въ установленный Providentіемъ ходъ вещей. Они одинаково изобличали несбыточную химеру новѣйшихъ строителей вавилонской башни, пытающихся искусственно создать совершенныя политическія учрежденія путемъ бумажныхъ конституцій, сочиняемыхъ по образцу оды или трагедіи (выраженіе де Мэстра).

Крупица истины во всѣхъ этихъ lamentаціяхъ сводилась — сводится и по сей день — къ отмѣченному поэтомъ Тютчевымъ. Мысль изреченная есть ложь, — не адекватна заключенному въ словесную оболочку смыслу. И организациі власти, претендующая поконтиться только и вѣщью на разумъ и планъ, была бы величайшей и вреднѣйшей утопіей.

Рационализациі власти несомнѣнный фактъ общаго процесса рационализациі жизни. Но если рационализациі есть внесеніе разума и активности туда, гдѣ до того царилъ слѣпой произволъ (абсолютизмъ) или стихійный случай («свободная» игра интересовъ), — то какъ понять этотъ фактъ съ точки зрѣнія простаго эмпиризма? Авторъ справедливо замѣчаетъ, что метаюридическій фактъ власти не можетъ быть до конца и полностью замѣщенъ писаннымъ правомъ. Но если праго только техника, то и весь прогрессъ правового развитія неизбежно сведется къ процессу исключительно технической «рационализациі» и совершенства.

Главную погрѣшность новой книги Б. С. Миркина-Гецевича мы усматриваемъ въ невыдержанности тѣхъ общихъ понятій и отдѣльных терминовъ (почему, напримѣръ, «усиленіе правительственной власти» есть явленіе положительное, а «концентраціа власти» явленіе отрицательное?), которыми иногда пользуется авторъ. Но не это составляетъ главное заданіе книги. Въ планѣ историко-эмпирическомъ новая работа Миркина-Гецевича представляетъ неоспоримый интересъ и объективную цѣнность.

А. Юговъ. Пятилѣтка. Съ послѣсловіемъ Ф. Дана. Перспективы генеральной линіи. Изд. «Соціал. Вѣстника».

Небольшая книга А. Югова «Пятилѣтка» является какъ-бы продолженіемъ книги того-же автора: «Народное хозяйство Совѣтской Россіи и его проблемы». Въ своей новой книгѣ А. Юговъ пытается очертить развитіе русскаго хозяйства примѣрно за 2 с пол. года дѣйствія пятилѣтняго плана. Въ книгѣ на небольшомъ пространствѣ сопоставленъ большой цифровой матеріалъ, съ которымъ полезно познакомиться всякому, кто желаетъ себѣ составить представленіе о ходѣ развитія русскаго хозяйства за послѣдніе годы. Надо, однако, принять во вниманіе, что какъ разъ подъ пятилѣткой достоинство совѣтскихъ статистическихъ матеріаловъ сильно понизилось. Въ виду этого качественная характеристика хозяйственныхъ явленій Совѣтской Россіи приобретаетъ особенно большое значеніе; между тѣмъ вслѣдствіе чрезвычайной сжатости изложенія такая качественная характеристика, къ сожалѣнію, дана въ книгѣ не въ достаточной мѣрѣ.

При всей цѣнности собраннаго А. Юговымъ фактическаго матеріала, мы все-же думаемъ, что его книга не дасть углубленнаго пониманія тѣхъ своеобразныхъ хозяйственныхъ процессовъ, которые совершаются теперь въ Россіи. А. Юговъ пытается объективно на основаніи цифръ выяснить, въ какихъ частяхъ пятилѣтній планъ осуществляется, и въ какихъ онъ не осуществляется, но онъ не уясняетъ въ достаточной мѣрѣ самаго главнаго, — что уже съ самаго начала, примѣрно съ весны 1929 г., народное хозяйство Россіи стало перестраиваться на такихъ основахъ, которыя пятилѣтнимъ планомъ совсѣмъ не были предусмотрены. Въ пятилѣтнемъ планѣ предполагалось, что напряженный планъ удастся осуществить въ рамкахъ формально свободнаго рыночнаго оборота съ сохраненіемъ здоровой денежной системы. Эта задача оказалась неосуществимой: напряженный планъ разрушилъ рыночный оборотъ, дезорганизовалъ денежную систему и сдѣлалъ опять невозможнымъ хозяйственный расчетъ. Всѣ бѣдствія, которыя пятилѣтка навлекла на страну, вытекли непосредственно изъ несовмѣстности послѣдовательно осуществляемаго напряженнаго плана съ рыночнымъ оборотомъ.

Для А. Югова эти взаимозависимости не ясны, ибо онъ не признаетъ рѣшающаго значенія рынка, денегъ и хозяйственнаго расчета, какъ необходимыхъ основъ всякаго, построеннаго на сложномъ раздѣленіи труда, народнаго хозяйства. Какъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ, бросаемыхъ имъ замѣчаній, А. Юговъ считаетъ изжитіе рыночныхъ и денежныхъ отношеній вполне возможнымъ, и его идеаломъ, какъ и идеаломъ лѣвыхъ коммунистовъ, является «прямое государственное распределеніе».

Въ связи съ этой недооцѣнкой значенія рыночнаго оборота и денежной системы стоитъ явная переоцѣнка А. Юговымъ коммунистической индустриализаціи. Что планъ индустриальнаго строительства при всѣхъ отдѣльныхъ недочетахъ, въ общемъ, все же выполняется, не

подлежит и для нас сомнѣнію, и мы готовы вмѣнить Югову въ заслугу, что онъ этотъ фактъ объективно констатируетъ. Но онъ напрасно дѣлаетъ изъ этого факта выводъ о быстромъ ростѣ производительныхъ силъ Совѣтской Россіи. Въ данномъ случаѣ А. Юговъ становится на столь характерное для большевиковъ техническое пониманіе экономическихъ явленій: разъ новая фабрика, — стало быть, ростъ производительныхъ силъ. Въ дѣйствительности, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что большая часть фабрикъ даже изъ тѣхъ, которыя выстроены съ технической точки зрѣнія вполне удовлетворительно, нормально функционировать не будутъ; а если многія фабрики удастся пустить въ ходъ, то это еще не значитъ, что онъ будетъ обогащать, а не разорять страну. Цѣнной можетъ быть только такая промышленность, которая строится на хозяйственномъ расчетѣ, а такого расчета въ Совѣтской Россіи сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть.

Чрезвычайно неясными являются длинныя разсужденія Югова о томъ, существуетъ-ли въ Россіи плановое хозяйство, и строится-ли тамъ социализмъ. Факты, которые приведены Юговымъ, непреложно доказываютъ, что плановое хозяйство одержало въ Россіи побѣду, причемъ главное заданіе плана — созданіе основнаго капитала новой промышленности — осуществляется. Тѣмъ не менѣе Юговъ тщится доказать, что въ Россіи никакого плановаго хозяйства нѣтъ и что социализмъ тамъ не строится.

Однако, и это мнѣніе Югова совсѣмъ не является окончательнымъ. Это можно видѣть изъ отдѣльныхъ фразъ, имъ бросаемыхъ, но это опредѣленно явствуетъ изъ политической позиціи, которую онъ и, въ особенности, Данъ занимаютъ по отношенію къ коммунистическому режиму. Если то, что дѣется въ Россіи не имѣетъ никакого отношенія къ строительству социализма, то совершенно непонятно, почему Данъ занимаетъ такую осторожную позицію по отношенію къ режиму, по своему деспотическому характеру и по своей безграничной жестокости превзошедшему всѣ режимы, которые многострадальная Россія когда-либо претерпѣвала.

Несмотря на наши большія принципиальныя разногласія съ Юговымъ въ пониманіи явленій русской жизни, мы въ заключеніе считаемъ долгомъ еще разъ подчеркнуть, что большая часть ея посвящена объективному описанію русскаго хозяйства подъ пятилѣткой, и поэтому мы ее горячо рекомендуемъ вниманію русскаго читателя.

П. Бруцкусъ.

Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate nach authentischen Quellen. Ein Sammelwerk herausgegeben von Univ.-Prof. Iwan Iljin, früher Moskau. Eckart-Verlag, Berlin-Steglitz. 1931.

Несмотря на тенденціозно звучащее заглавіе сборника, его составители съ полнымъ основаніемъ претендуютъ на его объективную

значимость. «По доброй совѣсти», пишетъ его редакторъ проф. Ильинъ въ послѣсловіи, «стремились мы выяснитъ сущность историческихъ событій. Мы стремились констатировать факты, какъ они есть въ дѣйствительности, въ глубокомъ убѣжденіи, что свѣту нужно знать истину въ этой области — истину прежде всего и во что бы то ни стало». И дѣйствительно, книга составлена цѣлкомъ на основѣ аутентичныхъ коммунистическихъ источниковъ. Особенно старательно использованы стенографическіе отчеты съѣздовъ Коммунистической партіи. Каждое утверждение старательно документировано, и въ этомъ отношеніи составителями продѣлана громадная работа. Сборникъ, охватывающій всѣ важнѣйшія стороны русской жизни, имѣетъ чрезвычайной большое значеніе для освѣщенія передъ иностранцами трагической судьбы Россіи и для разсѣянія того романтическаго тумана, которымъ какъ разъ для передовой иностранной интеллигенціи облечено все, что тамъ происходитъ.

Для русскаго читателя, которому приводимые въ сборникѣ факты болѣе или менѣе извѣстны, книга, благодаря безчисленнымъ, содержащимся въ ней, цитатамъ, имѣетъ значеніе своего рода хрестоматіи коммунизма. Съ этой точки зрѣнія сборникъ, предназначенный для иностранцевъ, заслуживаетъ широкаго распространенія и въ эмигрантской средѣ.

П. Бруцкусъ.

Ст. Ивановичъ (В. И. Талинъ). Красная армія. Парижъ, 1931. Изд-во «Современныя Записки». Стр. 231.

Большая книга Ст. Ивановича о «Красной Арміи» богато насыщена фактическимъ матеріаломъ. Чтобы написать ее, ему пришлось одолѣть цѣлую гору совѣтской литературы. Трудъ его, по существу, носить описательный характеръ; въ этой книгѣ нѣтъ ни одного утверждения, которое бы не опиралось и не подкрѣплялось множествомъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ совѣтской прессы (всегда съ указаніемъ источниковъ). И въ этомъ огромная его цѣнность. Онъ помогаетъ продѣлать ту работу, которая совершенно не подъ силу читателю-эмигранту, да и не только эмигранту. Книга Ст. Ивановича посвящена одному изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ, отъ котораго, конечно, въ значительной степени зависитъ и ближайшее будущее нашей родины: что представляетъ изъ себя красная армія, на которую въ конечномъ счетѣ опирается большевистская власть?

Настоящая книга написана не для военныхъ специалистовъ, хотя, конечно, и они прочитаютъ ее съ большой для себя пользой. Самъ авторъ говоритъ, что это не столько работа о красной Арміи, сколько о Красной арміи — другими словами автора не столько интересовала вся военная механика и техника красной арміи, сколько мѣсто арміи въ системѣ политическаго господства большевистской партіи, а также что дѣлается большевиками, чтобы это господство за собой за-

крѣпить. Попутно затронуто огромное количество, связанныхъ съ существованіемъ постоянной арміи при наличіи партійной диктатуры вопросовъ. Кропотливыя изслѣдованія, на которыя ушло два года, всѣ направлены къ одной цѣли — «познанію судебъ россійской коммунистической диктатуры».

Чрезвычайно интересна и поучительна самая исторія красной арміи — она родилась на зарѣ большевизма прежде всего какъ интернаціональная армія: это армія безъ отечества. Большевики — патриоты совѣтскаго строя, гдѣ бы онъ не утвердился. Но идеѣ красная армія не русская армія, а армія интернаціональная, долженствующая появиться всюду, гдѣ закипаетъ революція. Первые вооруженныя силы пришедшей къ власти коммунистической партіи состояли въ значительной мѣрѣ изъ иностранцевъ. Большею частью это были плѣнные германской коалиціи, интернированные во время войны въ Россіи. Это были лучшія части первыхъ большевистскихъ военныхъ формаций, и исторія гражданской войны знаетъ немало фактовъ, когда эти отряды гнали штыками и пулеметами впередъ на фронтъ въ атаку русскія части красной арміи. Венгры, латыши, финны, турки, китайцы составляли интернаціональный инвентарь первыхъ военныхъ образованій большевизма. Съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ. Нынѣ составъ красной арміи не только измѣнился, но и цѣлкомъ переродился: теперь «на стражѣ интернаціональной арміи мірового пролетариата стоитъ только русскій мужикъ, обряженный въ красноармейскій мундиръ».

Превращеніе интернаціональной арміи, ненавидѣвшей ту самую страну, на территоріи которой она родилась, въ національную и почти однородную армію, состоящую почти цѣлкомъ изъ крестьянства, съ чувствомъ горячаго патриотизма къ своей родинѣ — эта большая и интересная тема является основной темой всей книги Ст. Иванова. Красной арміи въ ея теперешнемъ состояніи присуще глубокое внутреннее противорѣчіе — національная, патриотическая армія въ рукахъ интернаціоналистовъ-космополитовъ, — и никто лучше самихъ большевиковъ не чувствуетъ этого противорѣчія, которое въ концѣ концовъ не можетъ не обернуться противъ коммунистической диктатуры самымъ роковымъ образомъ. Вся колоссальная работа коммунистической пропаганды въ красной арміи и использование самой красной арміи въ цѣляхъ коммунизма, — все это должно служить дѣлу борьбы съ указаннымъ противорѣчіемъ, все это предпринимается въ цѣляхъ подавленія той глухой тревоги за будущее, которая присуща рѣшительно всѣмъ сколько-нибудь дальновиднымъ большевикамъ.

Трудно хотя бы даже приблизительно перечислить здѣсь богатое содержаніе книги. Особенно цѣнны и интересны главы, касающіяся взаимоотношеній между арміей и партіей съ описаніемъ грандіознаго и часто весьма остроумно задуманнаго аппарата пропаганды. Особого вниманія заслуживаютъ также тѣ главы, которыя касаются социальнаго состава арміи и въ частности роли «крестьян-

ской стихии въ красной арміи». Всюду разсылано много бытовыхъ сценъ и чертъ, оживляющихъ изложение и играющихъ роль доказательныхъ документовъ.

Какъ ни остороженъ авторъ, онъ все же приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ. «Ни революціонной, ни социалистической, ни пролетарской и ни красной, даже въ самомъ расплывчатомъ смыслѣ этихъ словъ, нывѣшняя армія СССР не является. Красная армія, какъ опора коммунистическаго режима — опора ненадежная. Есть Дисциплина, но нѣтъ вѣры. Есть выправка, но нѣтъ вдохновенія. Есть культъ и ритуаль, но нѣтъ религіи. Россійская армія нашихъ дней — не революціонная, а оппортунистическа-консервативная; не социалистическая, а мелкобуржуазная; не пролетарская, а крестьянско-мѣщанская; не интернациональная, а истинно-русская. Она — армія русскаго народа, съ народомъ тѣсно связанная, его соками питающаяся, его эволюціи подверженная. Красная армія остается плотью отъ плоти и костью отъ кости грандіознаго крестьянскаго массива Россіи».

Таковъ идейный, культурно-психологическій и социально-политическій портретъ красной арміи, сдѣланный авторомъ въ его цѣнной книгѣ. Этотъ портретъ для многихъ можетъ показаться неожиданнымъ — но въ книгѣ имѣется множество фактическаго матеріала, подкрѣпляющаго такую характеристику.

В. Зензиновъ.

Новый Градъ. Кн. 1-ая, подъ ред. И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова. Парижъ, 1931.

Анонсы о предстоящемъ выходѣ первой книжки «Новаго Града» возбудили въ близкихъ къ литературѣ кругахъ не малый интересъ и ожиданія. Имена его редакторовъ и сотрудниковъ (Н. А. Бердяевъ, Ф. А. Степунъ, Г. П. Федотовъ, И. И. Бунаковъ, о. С. Булгаковъ, Н. А. Лосский и др.) связаны у читающей публики съ представляемымъ объ известномъ философскомъ и общественномъ теченіи, которое не первый годъ защищаетъ необходимость выработки цѣлостнаго міросозерцанія на религіозной основѣ. Персональная комбинація участниковъ «Новаго Града», въ числѣ которыхъ имѣется одинъ изъ редакторовъ «Современ. Записокъ» и рядъ постоянныхъ сотрудниковъ нашего журнала, подала даже поводъ къ пущенному въ печати слуху о якобы произошедшемъ въ «Совр. Зап.» редакціонномъ «трасколѣ» и о «выдѣленіи» въ новый журналъ нѣсколькихъ его постоянныхъ сотрудниковъ. Какъ будто не естественно само по себѣ право любой группы участниковъ нашего коалиціоннаго журнала, продолжая сотрудничать въ немъ, въ то же время развивать дорогія ей идеи съ болѣею полнотой и свободой въ своемъ особомъ изданіи.

Участники «Н. Г.» — писатели старшаго поколѣнія, со взглядами давно сложившимися и всѣмъ известными. Отъ «Н. Г.» мы не въ пра-

въ поэтому ожидать новаго слова, журналъ дѣшь новая, въ опредѣленныхъ нѣляхъ создававшая группировка литературныхъ дарованій.

Горячо, съ большимъ подъемомъ написанная вводная редакціонная статья намѣчаетъ тѣ положенія, которыя объединяютъ строителей «новаго града».

«Въ старомъ городѣ становится невозможно жить», заявляютъ авторы предисловія; полуразрушенный катастрофой войны, онъ живеть въ предчувствіи быть можетъ послѣдняго для него удара. Весь міръ потрясается кризисами, знаменующими упадокъ современнаго строя. Рабочіе готовятся къ штурму капиталистическаго общества. Демократія оказывается безсильной создать власть, способную бороться съ грозной бѣдой. Перспективы новой міровой войны уже затмиваютъ горизонтъ кровавыми зорями. «Сѣрный дождь уже падаетъ изъ кровли и башни родного Содома. Намъ запрещено даже оглядываться, чтобы не застыть солянымъ изваяніемъ отчаянія».

Авторы призываютъ не поддаваться искусительной мысли объ апокалипсисѣ культуры. Духовныя силы человѣчества не исчерпаны. Изъ старыхъ камней, но по новымъ зодческимъ планамъ надо строить новый Градъ. Открывающаяся передъ нами эпоха стоитъ подъ знакомъ практическаго разрѣшенія социальнаго вопроса. Ни фашизмъ, ни коммунизмъ не являются выходомъ, ибо они нарушаютъ вѣчную правду личности и ея свободы. Социализмъ, понятіе «слишкомъ многосмысленное», также не можетъ служить руководящей идеей. Авторы предпочитаютъ называть рисующійся имъ будущій строй «трудовымъ». Но послѣднее основаніе своему общественному идеалу они полагаютъ въ религію, ибо только въ христіанствѣ могутъ быть органически объединены свобода личности и правда общегитія.

Редакціонная декларація «Н. Г.», изложенная въ выраженіяхъ весьма, быть можетъ даже слишкомъ общихъ, не раскрываетъ содержанія своего «трудового» идеала и осторожно обходитъ острые вопросы о путяхъ борьбы за него. Но, если не придраться къ нѣкоторымъ выраженіямъ и не относиться настороженно къ нѣкоторымъ умолчаніямъ, — общее впечатлѣніе декларація оставляетъ положительное. Новый журналъ заостренъ на социальной проблемѣ, огромное значеніе которой для нашей эпохи самоочевидно. Подчеркнутое въ деклараціи утвержденіе правъ личности и свободы должно какъ будто опредѣленно отмежевать «Н. Г.» отъ двусмысленныхъ «пореволюціонныхъ» теченій, тяготеющихъ то къ большевизму, то къ доморощенной русской гитлеровщинѣ. Устранивъ споръ о терминахъ — вѣдь и англійская социалистическая партія тоже называетъ себя «трудовой», — не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ однимъ изъ вариантовъ того же социализма, и при томъ стоящаго на почвѣ демократіи? Религіозное обоснованіе «трудового» идеала — вотъ то, что въ такомъ случаѣ существенно и, съ точки зрѣнія пишущаго эти строки, только къ выгодѣ для новаго теченія, отличало бы послѣднее. Это была бы своеобразная попытка преодолѣть духовный разрывъ, издавна сущест-

вующий между русскимъ социалистическимъ движеніемъ, традиціонно-безрелигіознымъ, и русскимъ православіемъ, традиціонно-чуждымъ социальнымъ исканіямъ современности.

Что такое, нами здѣсь подсказываемое, толкованіе редакціонной деклараціи вполнѣ возможно, это, повидимому, внѣ спора, — намъ, кстати, приходилось его слышать въ средѣ ближайшихъ участниковъ «Н. Г.». Но является ли оно, при неопредѣленности редакціонныхъ формулировокъ, единственно возможнымъ, опредѣляющимъ общественныя позиціи журнала? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны искать въ конкретномъ содержаніи помѣщенныхъ въ журналъ статей.

Первая книжка «Н. Г.» составлена очень живо и содержательно, — объ этомъ свидѣлствуетъ перечень главнѣйшихъ помѣщенныхъ въ ней статей. Статья Г. Федотова посвящена проблемѣ русскаго національнаго сознанія въ условіяхъ измѣнившагося внутренняго и международнаго положенія Россіи. Богословско-догматическая статья о. С. Булгакова ставитъ вопросъ о религіозномъ смыслѣ хозяйственной дѣятельности. И. Бунаковъ развиваетъ свою излюбленную тему объ «орденѣ русской интеллигенціи», одушевленномъ цѣлостнымъ міросозерцаніемъ. Трагическая по содержанію и выводамъ статья С. Гессена даетъ блестящій анализъ школьной политики совѣтской власти за послѣдніе годы. Всѣ эти и другія статьи и замѣтки, разнообразныя по содержанію и талантливныя по формѣ, сами по себѣ не вызываютъ сомнѣній съ точки зрѣнія общаго направленія журнала, — но и мало опредѣляютъ его. Нѣтъ въ первой книжкѣ «Н. Г.» ни одной руководящей статьи, которая отвѣтственно, за весь журналъ въ цѣломъ, давала бы отчетливый отвѣтъ на всѣ обойденные въ редакціонномъ предисловіи острые вопросы, и на первѣйшій изъ нихъ — о точномъ смыслѣ утверждаемой «Н. Г.» свободы. Правда, этой темы отчасти касаются въ своихъ статьяхъ два автора — Н. Бердяевъ («Парадоксы свободы въ социальной жизни») и Ф. Степунъ («Путь творческой революціи»). Но именно то обстоятельство, что эти двѣ статьи не имѣютъ противоясія въ руководящихъ статьяхъ иного настроенія, и налагаетъ, къ сожалѣнію, на новый журналъ односторонній, свѣдѣйскій и далеко не всѣмъ потенциальнымъ друзьямъ «Н. Г.» приемлемый отпечатокъ. Остановимся поэтому на нихъ нѣсколько подробнѣе.

По своему общему тону и настроенію статьи Бердяева и Степуна — чрезвычайно близки. Когда то, не такъ давно, въ «Совр. Зап.» Ф. Степунъ еще весьма критически относился къ противорѣчіямъ Бердяевскаго міросозерцанія, пытаясь какъ-то различать «хорошаго» Н. А. Бердяева отъ развиваемой имъ дурной, соблазнительной «бердяевщины». Времена мѣняются, и теперь Ф. Степунъ уже вмѣстѣ съ Н. Бердяевымъ, недавно въ «Утвержденіяхъ», а сейчасъ въ «Новомъ Градѣ», ведутъ одну и ту же соблазнительную политическую линію.

Разлагающійся буржуазно-капиталистическій міръ и несущая все же какое то новое слово Совѣтская Россія — въ такомъ обычномъ для всѣхъ «революціонныхъ» теченій противопоставленіи развивается въ

«Н. Г.» диалектика Бердяевских и Степуновских рассуждений. Неодинакова и мбра оцѣнки: пристрастная суровость въ обличеніи дѣйствительныхъ и мнимыхъ грѣховъ капиталистическаго общества и нарочитая «объективность», непонятный оптимизмъ, изумительное благодушіе въ сужденіяхъ о вопиющей дѣйствительности совѣтской. Гдѣ источникъ такой странной двойственности, въ чемъ коренится ввугренняя ея порочность?

Антикапиталистическія настроенія, характерныя раньше только для одного социализма, менѣе всего могутъ въ наши дни служить опредѣляющимъ признакомъ какого либо общественнаго теченія: отрицаніе капитализма прикрываетъ собою теперь слишкомъ различныя въ социально-политическомъ отношеніи «утвержденія», — отъ Ленинскаго до Гитлеровскаго. Необходимъ иной, положительный и четкій критерій, на которомъ только и должны въ нашу отвѣтственную эпоху создаваться реальныя, а не мнимыя и словесныя только, идейныя и общественныя согласія или расхожденія. И не на высотахъ абстракціи, а на нашей грѣшной землѣ, гдѣ въ жестокой борьбѣ рѣшается сейчасъ судьба реальныхъ, хотя и относительныхъ цѣнностей, надо искать такой критерій. По различному отношенію къ принципу свободы, демократіи, а не къ абсолютной христіанской истинѣ или къ интегральному социализму, оказываются сейчасъ люди въ разныхъ общественныхъ лагеряхъ, а нерѣдко и по разнымъ сторонамъ баррикады.

Общественныя позиціи Бердяева и Степуна въ «Н. Г.» (будемъ надѣяться, что не позиціи самого «Н. Г.») также опредѣляются не ихъ социальнымъ радикализмомъ, а кроющимся подъ нимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ эмпирической демократіи и свободѣ. Правда, отвергаютъ они несовершенную, «формальную» свободу во имя абсолютной свободы христіанской, обращенной къ истинѣ («познайте Истину и Истина слѣдуетъ вамъ свободными»). Но въ скорбной жизни человѣчества, лишь медленно и съ трудомъ расширяющаго объемъ правъ личности и свободы, такой духовный максимализмъ въ отношеніи цѣнностей относительно обществу безплоденъ, морально безответственъ. За гражданскими и политическими свободами и Бердяевъ отрицаетъ ихъ автономную цѣнность, даже относительно, ихъ положительное значеніе для трудящихся. Современная демократія и современная свобода для бывшаго марксиста — лишь вышніе атрибуты капиталистическаго строя: «свобода въ капиталистическомъ обществѣ является прикрытіемъ интересовъ буржуазныхъ классовъ», повторяетъ онъ въ «Н. Г.», «политическія права не даютъ трудящимся никакой возможности реализовать экономическое право на жизнь» и т. п.

Въ чашии «новаго града», гдѣ осуществится не формальная только, а реальная свобода, можно съ философскимъ спокойствіемъ взирать на происходящую въ современномъ обществѣ борьбу враждебныхъ силъ. Ф. Степуна, для котораго формальная демократія объективно есть зло (хотя и наименьшее), — «безразлично, кто сейчасъ побѣдитъ въ схваткѣ между капитализмомъ и коммунизмомъ, тѣмъ

болѣе, что онъ почему то не сомнѣвается въ благополучномъ ея исходѣ, — одновременной смерти обонхъ «сиамскихъ близнецовъ». Если капитализмъ, умершій въ душахъ Бердяева и Степуна, еще существуетъ въ жизни, то въ этомъ повинны только зап.-европейскіе социалисты, «половинчатые», «зараженные буржуазно-индивидуалистическимъ духомъ», и потому не рѣшающіеся использовать громадное усиленіе своего вліянія въ послѣвоенной Европѣ для коренного измѣненія социальнаго строя. Впрочемъ, и побѣда демократическаго социализма означала бы лишь временную отсрочку окончательнаго заката обонхъ капитализму, социализму и коммунизму духовныхъ основъ культуры. Намъ трудно понять, какимъ образомъ, если не въ порядкѣ чуда, должно послѣ этого вдругъ наступить царство «новаго града», когда его строители заранѣе отрываются отъ всякой преемственной связи съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ трудящихся.

Суровые обличители несовершенной свободы формальной, неприемлимые максималисты по отношенію къ буржуазной Европѣ, — остаются ли они такими въ отношеніи вовсе безправной, закрѣпощенной Совѣтской Россіи?

Вопросъ, увя, только риторическій. Если вульгарный эмигрантскій антибольшевизмъ грѣшить огульнымъ отрицаніемъ возможности какихъ бы то ни было жизненныхъ и творческихъ процессовъ въ русскомъ народѣ подъ совѣтской властью, то типичная для нашихъ «пореволюціонныхъ» теченій душевная установка требуетъ непременно признанія грандіозныхъ творческихъ достиженій въ современной Россіи, — конечно, не «благодаря» большевикамъ, но хотя бы «слѣдствіе» большевицкой революціи. «Пореволюціонныя» утвержденія на этотъ счетъ всегда категоричны, но и бездоказательны. Для Ф. Степуна, разумѣется, «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію» производственно-технической услѣхъ Совѣтской Россіи, какъ ясно, что совѣтская власть въ настоящее время является «грозной міровой силой». Въ Сов. Россіи рождается образъ новаго человѣка, Россіи предстоитъ первой выйти на новый путь духовнаго, культурнаго и социальнаго творчества, и т. п. Здѣсь, въ преувеличенной оцѣнкѣ жизненности совѣтскаго строя, къ Степуну оказывается близокъ И. Бунаковъ. Онъ тоже увѣренно заявляетъ: «невѣрно, что большевицкая власть разрушаетъ хозяйственную мощь Россіи, — наоборотъ, при ней русское народное хозяйство возстанавливается. И. Бунаковъ достовѣрно знаетъ, что еще съ самаго начала большевики не заговорщики захватили власть, а были вынесены къ ней народной стихіей, и что ихъ власть до сихъ поръ опирается на миллионы душъ, слѣпо вѣрующихъ въ святость коммунистическаго ученія. Извѣстно, что эта «слѣпая вѣра» вознаграждается для коммунистической олигархіи исключительными привилегіями, и только отъ самого совѣтскаго правительства зависитъ въ любой моментъ допустить удесятереніе числа «вѣрующихъ». Боясь, какъ бы при такихъ условіяхъ дѣятельность И. Бунакова по «своду отъ совѣтской власти душъ» этихъ людей не оказалась работой Данаидъ...

Но что поистинѣ становится долѣе непереносимымъ, такъ это-постоянное стремленіе Бердяева и Степуна приписывать большевизму тоже «религіозную» природу: какая пустая игра словъ, какая вредная схоластика! Всемъ извѣстно, что большевики — крайніе позитивисты, плѣненные мощью матеріальной техники, наиболее жестокіе въ исторіи человечества гонители религіи. Ничего: небольшое словесное ухищреніе — и большевики становятся «религіозно утверждающими атеистическую цивилизацію» (Степунъ). Но вотъ какіе ужъ вовсе страшные выводы изъ этого еще невиннаго парадокса рѣшается дѣлать въ «Н. Г.» Бердяевъ. Оказывается, въ Сов. Россіи тоже существуетъ свобода, но особая, «совѣтская». Она, какъ «обращенная къ истинѣ», хотя и насильнической, — съ точки зрѣнія Бердяева выше «равнодушной къ истинѣ» свободы формальной, «буржуазной». Эта свобода, которой пользуются счастливые граждане Сов. Россіи, заключается въ «возможности коллективно реализовать свою энергію въ строительствѣ новой жизни, въ переустройствѣ міра». И Бердяевъ утверждаетъ, что молодые люди, приѣзжающіе изъ Сов. Россіи во Францію, «задыхаются здѣсь отъ отсутствія настоящей свободы, которую они ощущали въ Россіи».

Должны признаться: передъ ужасомъ всего совершающагося въ Россіи, намъ трудно безъ очень тяжелого и горькаго чувства читать эти измышленія объ энтузіазмѣ и религіозномъ пафосѣ у палачей, о неслыханной свободѣ коллективнаго творчества у обращеннаго въ рабство народа.

Статьи Бердяева и Степуна въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ положительное впечатлѣніе отъ редакціонной деклараціи и общаго содержанія первой книги. Онѣ ставятъ неизбѣжный вопросъ, по какому же изъ двухъ возможныхъ путей, демократическому или анти-демократическому, намѣренъ пойти новый журналъ? Или вопросъ объ автономной цѣнности формальной свободы является для руководителей «Н. Г.» еще дискуссионнымъ?

Не будемъ торопиться съ окончательнымъ сужденіемъ относительно общественнаго курса «Н. Г. и выразимъ надежду, что ближайшія книжки журнала разсѣютъ наши тревожныя сомнѣнія.

В. Рудневъ.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

- Семеро. — Сборникъ стихотвореній. Харбинъ.
Игорь Свѣрянинъ. — Классическія розы. Бѣлградъ. 1931.
А. Г. фонъ Нидермиллеръ. — Русскій флотъ. Воспоминанія. 1930.
Тридцатые годы. — Утвержденіе еврапейцевъ. Книга VII. 1931.
Владиславъ Ивановъ. — Замѣтки по вопросамъ эстетики. Парижъ. 1931.
Вѣстникъ Союза русск. просв. общества въ Эстоніи. Таллинъ, 1931.
Соціалистическій Вѣстникъ № № 18, 19, 20, 21, 22, 23. Берлинъ.
Багульничъ. — Лит.-худ. сборникъ. Кн. I. Харбинъ, 1931.
Всеволодъ Ивановъ. — Огни въ Туманѣ. Харбинъ, 1932.
Д. А. Архангельскій. — Ты есть То. 1931.
М. А. Алдановъ. — Бѣгство. Берлинъ, 1932. Изд. «Слово».
Бюллетень № № 90, 91, 92 Экон. Каб. проф. Прокоповича. Прага.
А. П. Демидовъ. — Современный Китай и Россія. Парижъ, 1931.
П. Милоновъ. — Очерки по ист. русск. культуры т. II, ч. 2. «Совр. Зап.».
Е. Н. Чириковъ. — Вечерній звонъ. Повѣсти о Любви. Бѣлградъ, 1932.
Философскіи Прегледъ. — Книжка 4. София, 1931.
Юрій Морфесси. — Жизнь. Любовь. Сцена. Изд. «Старина». Парижъ,
А. Кизветтеръ. — Историческіе силуэты. Берлинъ, 1931.
В. Жаботинскій. — (Altalena). — Разказы. Парижъ, 1931.
В. Жаботинскій. — (Altalena). — Causeries. Парижъ, 1931.
В. Жаботинскій. — (Altalena). — Стихи. Парижъ, 1931.
Новый Градъ. — № 1. Парижъ, 1931.
М. Бѣлевская. — Ставка Верх. Главнокомандующаго. Вильна, 1932.
Записки Соціалдемократа. № 8 и 9. Ноябрь 1931.
Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 5. 1931.
Бор. Зайцевъ. — Жизнь Тургенева. Парижъ, 1932.
К. Д. Бальмонтъ. — Сѣверное сіяніе. Парижъ, изд. «Родникъ», 1931.
Артуа. — На земной ладъ. Изд. Я. Е. Поволоцкаго и Ко. Парижъ, 1931.
Гете. — «Ливанъ». Перев. И. Тхоржевскаго. Изд. «Родникъ», 1931.
А. Фатѣвъ. — Дѣятельность М. Балугьянскаго въ Россіи. Ужгородъ.
Русскій Календарь на 1932 г. Союзъ Русск. Просв. об-въ въ Эстоніи.
День русск. просвѣщенія 1931. Союзъ Русск. Просвѣт. об-въ въ Эстоніи.
Aylmer Maude. — The Life of Tolstoy. London.
Le Monde Slave. Juillet, 1931.
La Cultura. — Fascicolo VIII, 1931.
Ellore Jo Gallo. — Storia della Letteratura Russa. 1931.
М. Rostowzew. — Skythien und das Bosphorus. Band I. Berlin.
Waldemar Gurian. — Der Bolschewismus. Freiburg I. B. 1931.
Le Monde Slave. № 2 et № 3. Paris, 1931.
Bor. Sokolow. — Skall Galileern segra? Helsingfors, 1931.
Alfred Hackel. — Die Trinität in der Kunst. Berlin, 1931.
Lydia Bach. — Histoire de la Révolution Russe. T. I. 1930.
Lydia Bach. — Orient Soviétique. 1931.
Lydia Bach. — Moscou. Ville rouge. 1929.

Из-во „Современныя Записки“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранныя стихотворенія.
И. А. Бунинъ: Божье древо.
И. А. Бунинъ: Тѣнь птицы.
Б. К. Зайцевъ: Анна (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (Романъ).
М. А. Алдановъ: Десятая симфонія (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ.
Ф. А. Степуниъ: Николай Переслѣгинъ.
Георгій Песковъ: Памяти твоей (Разказы).
Гал. Кузнецова: Утро (Разказы).
А. Ладинскій: Черное и голубое (Стихи).
Т. И. Полнеръ: Толстой и его жена.
В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ (Худож. біографія).
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова.
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 1.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 2.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. III.
М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.
Б. Э. Нольде: Далекое и близкое.
М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь).
Ст. Ивановичъ: Красная армія.
Сборникъ, посвящ. 175-лѣтію Московск. Университета.
Н. Лосскій: Типы міровоззрѣній.
Н. А. Бердяевъ: О назначеніи человѣка.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- М. А. Осоргинъ: Свидѣтель исторіи (Романъ).
В. В. Сиринъ: Подвигъ (Романъ).
В. В. Сиринъ: Соглядатай (Романъ).
Ф. И. Шаляпинъ: Воспоминанія.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русск. культуры т. I.
М. В. Вишнякъ: Всероссийское Учредительное Собраніе.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: „Annales
Contemporaines“, 106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe)

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (+), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонид Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, Г. А. Матусевича, С. Р. Минцлова, Мих. Осоргина, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова-Микитова, С. Соколь-Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софій Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандѣевской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Н. Оцуна, В. Познера, Б. Поппавскаго, В. Сиряна, П. С. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Врешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербакова. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философск., политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Беца, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайксевича, В. Брейтвейга, Б. Бруцкуса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гершензона, С. Г. Гессена, Б. Гефдингга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковского (А. Сѣверова), К. Гулькевича, Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Давилова, Ю. Делевскаго, И. Лемидова, Дюнсо, С. П. Жабла, С. О. Загорскаго, П. Зернова, В. В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича (В. И. Талина), С. А. Иванова, Л. П. Карсавина, С. И. Карцевскаго, К. Р. Качаровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобякова, А. А. Копранскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант. Крайнико, М. А. Кроля, Е. Д. Кусковой, В. Ладыженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловицкаго, Н. О. Лосекаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. П. Мельгунова, С. И. Метальникова, П. Н. Мялюкова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина-Гецевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой-Папоушекъ, А. Б. Петришева, С. Л. Подякова-Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣшехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ-Мирскаго, М. Л. Словина, Б. Ф. Соколовъ, Д. М. Соколыцева, С. М. Соловейчика, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. В. Федотова, Г. В. Флоровскаго, Д. И. Чижевскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Е. Шацкого, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлецера, Ив. Яукшева и др.

Revue paraissant tous les 3 mois.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) — Téléphone: Trocadéro 31-66